

ИМПЕРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Андрей Дикий

ЕВРЕИ

В РОССИИ
И В СССР

Русско-еврейский
диалог

БЛАГОВЕСТ

ИМПЕРАТОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Андрей Дикий

ЕВРЕИ

в России

и в СССР

**Русско-еврейский
диалог**

БЛАГОВЕСТ

*Третье издание,
исправленное и дополненное*

*Первое издание осуществлено
в Нью-Йорке в 1967 г.*

*Первое издание в России осуществлено
в Новосибирске в 1994 г.*

А. И. Дикий.

Евреи в России и в СССР. — Новосибирск: Изд-во «Культурно-просветительское предприятие „Благовест"», 2005. — 608 с.

Перед вами совершенно уникальная книга, написанная русским белым эмигрантом. В ней объективно и непредвзято рассматривается «еврейский вопрос» с древнейших времен до середины 1960-х гг. Автор собрал огромный фактический материал, предоставляя слово как евреям, так и не евреям.

Особое внимание уделено периоду неслыханного за всю историю человечества превращения незначительного, всего четырехпроцентного, еврейского меньшинства, к тому же частично ограниченного в правах, в правящий класс, заполнивший чуть ли не все руководящие посты во всех отраслях жизни России-СССР.

Немалую ценность представляют приведенные в книге данные о руководстве русских газет и революционных партий в дореволюционной России, а также списки правящей элиты СССР, включая ответственных работников ОГПУ-НКВД, дипломатического корпуса, союза воинствующих безбожников и др.

© Оформление ООО «КПП „Благовест"», 2005

ISBN 586117014-2

< † ШОМОН ЛУРЬЕ

(проф. Университета, Петроград):

«Причину антисемитизма следует искать в самих евреях»...

«Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и по возможности содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям».

(Из книги «Антисемитизм в древнем мире»)
Петроград, 1922 год.

-МАРК ВИШНЯК

(И нывший секретарь

всероссийского Учредительного Собрания):

«Боязливые и двоедушные — евреи и не-евреи — рекомендуют об этом не говорить, из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам религии, расы, цвета кожи только способствуют усилению и распространению самой диффамации и дискриминации»...

Нью-Йорк, 1944 г.

(.().ЛОМОН ШВАРЦ

(журналист-«Бундовец»):

«Русский не скажет еврею того, что скажет русский русскому».

Нью-Йорк. 1952 г.

СОЛОМОН РАБИНОВИЧ

(редактор еврейской газеты «Айникайт»):

«В СССР для евреев никаких ограничений не существует».
Москва, 1966 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЕВРЕИ В РОССИИ И В СССР

ЧАСТЬ I

Предисловие	8
Евреи	22
Евреи на землях Киевской Руси и Московского государства	24
Первые евреи в России	38
Дальнейший рост числа евреев в России	40
Политика русского правительства в еврейском вопросе	41
Как создался еврейский капитал в России	70
Социальная структура русского еврейства	72
Участие и роль евреев в культурной жизни России	74
Евреи в русской литературе и критике	89
Евреи — русские адвокаты	91
Русское еврейство в начале XX века	94
Дело Бейлиса	104
Еврейский вопрос от Февраля до Октября 1917 г.	110
Евреи в СССР	129
30-летние итоги	196
Годы войны	205
Послевоенный период	213
Приложения к I части	231
Приложение 1. В.Н. Татищев - «Великий князь Владимир Мономах...»	232
Приложение 2. Правящий класс СССР перед 2-й Мировой войной (1936-1939 гг.)	233
Послесловие	246

ЧАСТЬ II. Приложения

Раздел I. Мировоззрение - Миропонимание - Правосознание - Родина - Двойное подданство	стр. 249-372
1. Книга Эсфирь	250
2. С.Лурье — Антисемитизм в древнем мире	262
3. В.Мандель — Консервативные и разрушительные элементы в еврействе	323
4. Ю.Марголин — Рэймон Арон, Евреи и Государство Израиль	348
5. Религиозные обряды теперь — в половине XX века	353
6. Всемирный Еврейский Союз — Воззвание Адольфа Кремье	359
7. Воззвание к еврейской молодёжи	361
8. К евреям всех стран	370
Раздел II. Евреи в России и в СССР — Воспоминания — Факты — Участие в жизни страны	стр. 373-438
9. М. Грулев — Записки генерала-еврея	374
10. Представители русских газет в Гос. Думе в 1908 г.	400

11. Инж. А. Зисман — «Книга о русском еврействе»	401
12. Евреи в Гос. учреждениях и Ц.К. партийных организаций	407
13. Г. Александров — Лёнька и железный Генрих	419
14. Социализированные драгоценности и их применение	423
15. Красный террор в Киеве в 1919 г.	426
16. Еврейский национальный район «Фрайдорф»	432
17. Дипломаты и правительство СССР	435
18. Высшие органы НКВД	437
Гл. издл III. Статьи и высказывания евреев и не-евреев по вопросу об антисемитизме в СССР стр.	439-478
19. Е. Кускова — «Кто они и как быть?»	440
20. Хрущёв и еврейский вопрос	442
21. Давид Бург — Еврейский вопрос в Советском Союзе	451
22. И. Галенко — Есть ли антисемитизм в СССР?	459
23. Н. Изюмова — Ещё об антисемитизме	463
24. Андрей Дикий — Навет на наш народ	467

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

Предисловие	480
-----------------------	-----

ЧАСТЬ I

Зарубежные израильтяне, или еще не вернувшиеся граждане Израиля	493
--	-----

ЧАСТЬ II Диалог

З.Райс, Андрей Дикий. «Евреи в России и СССР»	519
А.Дикий, Ответ Э.Раису	522
Ю.Марголин — Хабуря!	539
Л.Дикий, О статье Ю.Марголина «Хабуря!»	542
М.Гольдштейн. «Мысли вслух»	554
А.Дикий, О «Мыслях вслух» Михаила Гольдштейна	559
Письмо Е.0.	571

ЧАСТЬ III Приложения

«ИЗРАИЛЬ» — А.Морачевич	577
Правители и вельможи СССР перед 2-й мировой войной	580
Жертвы террора	586
Литературные псевдонимы	587
Новые книги о «старом вопросе»	591
Мнения о евреях	601

БИБЛИОГРАФИЯ — не приводится, ибо в тексте приведены пространные пичержки из различных книг, журналов и статей с точными данными, когда и где это пси-чатано и кем написано.

Перечислять же многие сотни источников нет никакого смысла. Это бы только \тмичило объём книги на много страниц, ничего не изменивши по существу.

Предисловие

Как указывает заглавие настоящего очерка, он ограничен и временем, и территорией. Временем — только теми тремя периодами, когда еврейская этническая группа жила на территории русского государства: периодом Киевской Руси; периодом, когда Западная и Юго-Западная Русь находилась под властью Польши; и третьим периодом — Российской Империей, переименованной в СССР.

Территория — только земли русского народа и созданного им Государства Российского.

Всё, что вне этих территориальных и временных границ, находится и вне границ настоящего очерка.

За две тысячи лет своего пребывания в рассеянии различные численно группы евреев жили в различных странах и среди различных народов, в различные периоды времени. И неизменно всюду, где появлялись евреи, вместе с ними появлялся конфликт между ними и коренным населением. Появлялся «еврейский вопрос» или «юдофобия» — то, что, начиная с половины XIX века, называется «антисемитизм». Название это, очевидно, неправильно, ибо семиты не только евреи. Но теперь слово «антисемитизм» употребляется только применительно к евреям, заменивши веками существовавшее точное определение — «юдофобия» для обозначения отрицательного к еврейскому племени отношения и «юдофилия» — для обозначения к евреям отношения дружественного, положительного.

Причины «юдофобии», существовавшей и существующей, как в эру дохристианскую, так и в последующие эпохи, вплоть до настоящего времени, выходят за границы настоящего исторического очерка, а потому и рассматривать их подробно не приходится. Тем более, что существующие мнения на причины известного взаимного отталкивания евреев и не-евреев у разных исследователей диаметрально противоположны. Одни считают, что виноваты в этом народы, среди которых евреи жили и живут в рассеянии; другие причину «юдофобии» ищут в самих евреях, которые, как сказал ещё Спиноза, «несут её с собой».

На протяжении веков очень много писалось о наличии «юдофобии» и её проявлениях по отношению к евреям. Гораздо меньше писалось о причинах «юдофобии», хотя, как известно с античных времён, «ничего не бывает без причины» («Нигил сине кауза» — сокр. — N.S.C.). Объём и характер настоящего очерка не разрешает подробнее остановиться на причинах. Но и обойти их молчанием нельзя. Поэтому мы позволим себе порекомендовать читателю ознакомиться с исследованием этого вопроса, помещённым во II части книги: «Антисемитизм в древнем мире» проф. Соломона Лурье, в котором автор рассматривает те причины, которые порождали (и порождают и теперь — А.Д.) явление, которое раньше называлось «юдофобия», а теперь — «антисемитизм».

И ходе изложения, конечно, косвенно будет упоминаться и о причинах дисгармонии в русско-еврейских отношениях, которые нельзя ни трищать, ни замалчивать. Эта дисгармония, или взаимное недоверие и отталкивание, существовало с самого появления евреев среди коренную русско-го населения (всех трёх ветвей Руси: великороссов, малороссов и белорусов), существует оно и ныне. И не только между русскими (в широком смысле этого слова) и еврейской этнической группой, но и между всем населением СССР и евреями, рассеянными по всей территории этой страны.

Эту дисгармонию и взаимное недоверие и отталкивание, применительно не только к русскому народу, но и ко всему населению СССР, называют «антисемитизмом», приписывая инициативу всем не-евреям в СССР и изображая евреев стороной страдающей. Винаваты все, но особенно те евреи, которые всегда и во всём правы...

Согласиться с этим стереотипным объяснением евреями всех причин их конфликтов с коренным населением во все времена и во всех местах их рассеяния, конечно, ни один серьёзный исследователь не может. А пытаться установить причину, как это сделал в своём исследовании Соломон Лурье, мало кто пытается. А потому предпочитают молчать о причинах и говорить только о следствиях — внешних проявлениях того, что называется «антисемитизмом».

«Боязливые и двоедушные — евреи и не-евреи — рекомендуют обывателям не говорить, из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам расы и цвета кожи только способствуют усилению и распространению самой диффамации и дискриминации» — так приоритет бывший секретарь Всероссийского Учредительного Собрания Марк Вишняк в своём очерке «Международная конвенция против антисемитизма», напечатанном в сборнике II «Еврейский Мир», стр. 98, Нью-Йорк, 1939. И в то же время он сам является инициатором этой концепции, но нигде не уточняет, что надлежит понимать как «антисемитизм». Ведь не может же он не понимать, что, кроме расы и цвета кожи, существует и ещё нечто, что отличает евреев от не-евреев.

Это «нечто» формулировал ещё за 30 лет до того, когда М. Вишняк возбудил этот вопрос в масштабе интернациональном, профессор Соломон Лурье, сказавший, что «внутренний облик» — это то, что отличает всех евреев от всех не-евреев, независимо от цвета кожи, окраски волос и происхождения.

Вот это то «нечто», этот «внутренний облик» и объясняет наличие конфликта между семитами евреями и арабами, чего никак нельзя объяснить, если принять формулировку г. Вишняка. Ведь и раса и цвет кожи у них одинаковы... Чем же оба эти народа отличаются один от другого? Не «внутренним ли обликом»?

Этот «внутренний облик» порождает известную настороженность и недоверие всех не-евреев (русских в том числе) ко всем евреям. Полной откровенности между ними не бывает, что правильно подметил известный исследователь «антисемитизма», автор ряда книг, Соломон

Шварц. «То, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет», — читаем мы на стр. 41 книги С. Шварца «Антисемитизм в Советском Союзе» (Н.Йорк, 1952 г.)

То, что подметил г. Шварц, отвечает действительности. Но С. Шварц не счёл нужным сказать и то, «что скажет еврей еврею, русскому еврей не скажет». И не попытался даже объяснить причину правильно подмеченного им явления. Что причина — недоверие, объяснять не надо.

Приведённые выше высказывания трёх евреев, родившихся в России, получивших высшее образование в русских университетах и занимавших видные посты в русской культурной и политической жизни, заслуживают особого внимания, свидетельствуя о наличии известного недоверия между русскими и евреями. Недоверие это, как известно, нередко выливалось во взаимное пренебрежительно-презрительное отношение, создававшее предпосылки для всякого рода конфликтов.

Явление это не является специфическим для русско-еврейских взаимоотношений или для отношений между евреями и всем остальным населением многоплеменной России — СССР. Оно наблюдалось во все времена еврейского рассеяния и во всех странах их пребывания.

Иногда эти взаимно пренебрежительно-презрительные отношения между евреями и коренным населением обострялись и выливались в погромы, изгнания из страны и разного рода преследования, до сжигания евреев включительно. Иногда наступала «оттепель», каковую евреи использовали для улучшения своего положения в стране, как в области материального преуспеяния, так и в вопросе участия в политической жизни страны. А бывали и такие случаи, когда евреи, воспользовавшись особым к ним благоволением правителя страны, получали от него разрешение истребить всех тех из коренных жителей страны, которые, по мнению евреев, враждебно к ним настроены, что и осуществляли, как это описано в Библии — «Книга Эсфирь». История знает и такой случай, когда еврейская этническая группа истребила своих единоплеменников-ренегатов, получивши на это разрешение правителя страны, которому они сумели внушить, что ренегатам, сменившим свою иудейскую религию на культ римских богов ради личных выгод, доверять нельзя и что эти ренегаты так же легко изменят императору (Птоломею), как изменили Иегове.

Но все эти конфликты и колебания во взаимоотношениях евреев с коренным населением носили характер местный, не выходя за границы одного государства. Одно государство их изгоняло, другое принимало, одни правители им благоволили, другие их только «терпели»...

И поэтому так называемый «еврейский вопрос», появлявшийся везде, где появлялись евреи, особенно большого значения в жизни государств и народов не имел, тем более, что численно группы евреев, пребывавших в разных государствах, были незначительны, редко превышавшая несколько десятков тысяч.

Иначе обстоит вопрос с евреями в России и в СССР. Во-первых, к началу текущего столетия в пределах России оказалось больше шести миллионов евреев — подавляющее большинство всех евреев мира.

>ia многомиллионная еврейская масса в быту жила по законам своей иудейской религии, обособленно от остального населения страны, причём это обособление не было принудительным гетто, а было своего рода самоизоляции в быту. Но в то же время евреи в России стремились по всем возможным каналам к участию во всех отраслях жизни < фаны, в чём и преуспевали в значительной степени.

Во-вторых, русское еврейство в начале XX века было тем центром 1-ирейской религиозной жизни и еврейского народного сознания, который давал направление жизни и деятельности всей еврейской диаспоры, создавал чисто еврейские идеологические течения и политические партии масштаба общеврейского, давал из своих рядов политических иягелей и лидеров всего еврейства.

В-третьих, к концу второго десятилетия нынешнего века с русским еврейством произошло неслыханное за всю историю человечества превращение из незначительного, всего четырёхпроцентного меньшинства, к тому же частично ограниченного в правах, в правящий класс, заполнивший чуть ли не все руководящие посты во всех отраслях жизни России. Явление, не имеющее прецедента в истории.

В-четвёртых, наконец, заслуживающая особого внимания реакция всего свободного мира и его печати и общественного мнения на перемену социального положения евреев в России в конце второго десятилетия XX века и реакции на эту перемену, определившуюся через 30 лет, в конце сороковых годов, после окончания второй мировой войны.

Когда меньше чем через один год после падения царского режима в России еврейская этническая группа превратилась в правящий класс с Ираны, в которой она была только численно ничтожным меньшинством, чужим и чуждым коренному населению — тогда мировое общественное мнение и подавляющая часть его периодической печати и общественных и политических деятелей попросту обходили молчанием лот беспримерный в истории человечества случай. И то, что четыре еврея от имени России заключили Брест-Литовский мир, и то, что все аелегаты России в Лиге Наций были евреи, и то, что во всех отраслях жизни России евреи играли руководящую роль, занимая ключевые посты. Только в малочисленных и мало влиятельных иностранных печатных органах, изредка и робко, обращалось внимание на необычайную перемену положения еврейства в России. Писалось об этом гораздо больше в эмигрантской печати правого направления, но с ней мало кто считался, ибо она вся огульно квалифицировалась как «антисемитская и реакционная». Эмигрантские периодические издания так называемого «демократического» направления все были в руках русских евреев-эмигрантов и писали о чём угодно, но только не о захвате в России руководящего положения их единоплемниками. Только отдельные представители «демократического» лагеря русской эмиграции, на-

блюдая всё происходящее в России, рискнули «вложить персты в ра­ну» и коснуться «еврейского вопроса» в СССР. Известная политиче­ская деятельница Е. Кускова и не менее известный лидер и создатель партии «Крестьянская Россия» С. Маслов высказались в печати по этому «щекотливому вопросу», указавши на обратную пропорциональ­ность (евреев и не-евреев) в правящем классе России, создающую предпосылки для юдофобии во всём населении страны.

Писали по этому вопросу также и известная общественная дея­тельница А. Тыркова-Вильямс, равно как и один из лидеров солидарис­тов (НТС) А. Столыпин, сообщавший на страницах иностранной пе­чати о племенном составе делегации СССР в Лиге Наций. «Contre Revolution» июль 1937 г.

Но их голос никем не был услышан и поддержан. «Щекотливый воп­рос» на страницах демократической эмигрантской печати не подни­мался и не обсуждался.

Была также и попытка группы евреев-эмигрантов затронуть на страницах печати и на собраниях этот вопрос. В начале 20-х годов в Берлине была создана организация «Отечественное Объединение рус­ских евреев за границей», выступившая с призывом ко всему еврейству отмежеваться от действий их единоплеменников в России, имея в виду их чрезмерное участие в проведении красного террора, не без основа­ния указывая, что отрицательное отношение населения к евреям — осуществителям красного террора, может распространиться и на всех евреев в стране. Но их голос не только не был принят во внимание, но вызвал резкое осуждение всего еврейства. И замолк... Хотя, по суще­ству, требования отмежевания были весьма ограничены. Призывалось отмежеваться только от единоплеменников, активно проводящих красный террор, но ничего не говорилось о том переполнении евреями всех учреждений России, которое не могло быть неизвестно призы­вающим к отмежеванию. Надо полагать, что возражений против моно­польного положения евреев в России во всех других областях деятель­ности, кроме красного террора, у авторов призыва не было. Но и этот, более чем скромный, призыв вызвал взрыв негодования у всех эмигрантов-евреев, каковые считали, что нельзя вообще касаться этого воп­роса, а надо его замалчивать, если уж нельзя оправдать или опроверг­нуть.

В результате всего изложенного, на полных 30 лет над вопросом о превращении евреев в СССР в его правящий класс был опущен непро­ницаемый занавес и воцарился заговор молчания, нарушить который никто не решался из боязни прослыть «антисемитом», со всеми отсюда вытекающими последствиями.

После второй мировой войны всё резко изменилось. «Еврейский воп­рос» в СССР появился на страницах мировой печати и русских эмигрантских газет и журналов, и о нём стали писать. Примерно то самое, что писалось до 1917 года: о притеснениях, угнетениях, преследовани­ях еврейской этнической группы в СССР, прибавляя к этому и нечто

минее — обвинение правительства и народа СССР в «Культурном геноциде», применяемом к своим гражданам — евреям.

Насколько серьёзны и обоснованы эти обвинения, читатель вынесёт сам своё суждение после того, как внимательно прочтёт всё, что написано в настоящем очерке, в котором приведены факты и события, наличие которых не оспаривается и теми, кто выступает, как обвинитель. А поэтому здесь, в предисловии, мы не будем заниматься выяснением подлинных причин возрождения старых, дореволюционных обвинений России в антиеврейской политике.

Причины эти отчётливо видны при внимательном и объективном рассмотрении этого «щекотливого» вопроса. Заключаются они в недовольстве евреев постепенной потерей того привилегированного положения в земле русского народа и созданном им государстве, каковое они имели в течение тридцати лет.

В атмосфере холодной войны обвинения эти приобретают особое значение, выходя за пределы одного государства, и получают международный характер, создавая предпосылки для враждебного отношения всего мира к стране и народу, где происходит «культурный геноцид» и разного рода дискриминация по отношению к евреям.

Последние два десятилетия (1947-1967 годы) написано множество книг и статей, посвященных этому вопросу, состоялось бесконечное число митингов протеста против «преследования евреев» в СССР...

За редчайшими исключениями, всегда и везде русский народ и его нынешнее правительство безоговорочно осуждаются за «антисемитизм», как теперь упрощённо называют любое проявление недоверия и отталкивания к отдельному лицу или группе лиц еврейского племени, не считая нужным поискать причины этих настроений и явлений. А между тем, ведь общеизвестно, что ничего на свете не бывает без причины.

Логично бы было ожидать, что, установивши наличие известных настроений и явлений, вызванных этими настроениями, те, кто выступают в роли обвинителей, должны бы были попытаться установить и причины, это вызывающие. Однако никто этого не делает. Самая мысль о том, что причину так называемого «антисемитизма», может быть, следовало бы поискать в самих евреях и в их отличии ото всех других народов и племён, была бы квалифицирована как проявление «антисемитизма» самого автора, а поэтому этот «щекотливый» вопрос и остаётся без ответа.

Как уже упомянуто выше, только очень немногие авторы пытаются затронуть этот вопрос, оправдать или объяснить извечный конфликт между евреями и народами, среди которых они жили или живут.

Одним из таких авторов является профессор Соломон Лурье, обширные выдержки из труда которого («Антисемитизм в древнем мире») приведены в части II настоящей книги на страницах 262-322.

Вторым автором, рассматривающим вопрос роли евреев в жизни тех народов, где они находятся, является известный еврейский дея-

тель Яков Клацкин, написавший книгу «Проблемы современного еврейства», вышедшую в Берлине в 1930 году. Рассматривая роль евреев в культурной жизни народов, участие в какой-либо возможно только при известной ассимиляции (овладение языком, принятие внешнего облика окружающей среды), Яков Клацкин об этих ассимилянтах пишет следующее:

«Они, в первых стадиях ассимиляции, вредны не только для своего еврейского народа, от которого они окончательно не отошли, но они вредны и тому народу, в который они хотят войти для властвования над ним.

Они часто мутят источники чужой культуры, опошляя её, хотя кажется, что они проникают в её глубины. Этим они оскорбляют её основы. Они остаются большей частью поверхностными или делаются разрушителями и злостными насмешниками. — Их сила — издевательство и ирония.

Самовлюблённое мудрствование, всезнайство. Обо всём... Всегда около, без проникновения в сущность...

Они, еврейские ассимилянты, очень любят быть космополитами. Беспочвенные, они не чувствуют тайных сил народного гения. Они очень любят быть посредниками между многогранными национальными культурами. Они мутят — ибо презирают — силу организованного общества. Соглашательские души, не понимающие святости понятий самобытности и неповторяемости. Они всезнайки. Они нигде и всюду дома. Они очень любят быть радикалами и самыми передовыми среди передовых. Они очень любят быть нигилистами, обесценивателями и разрушителями.

Нагие души, банкроты, потерявшие своё национальное имущество — они не находят покоя, оторванные звенья исторической цепи.

Их идеализм в подозрении. Легко этим людям без корня быть апостолами свободы и работать против того, что свободно. Даже их добродетели носят печать зла. Если в известном смысле они ещё связаны с еврейством, то и тем они, кроме беспорядка, ничего не делают. Они приспособляются и находят общее среди чуждых элементов. Они сводны еврейства с германской культурой, еврейства с французской культурой и т. д. — и этим они наносят ущерб обоим сторонам, калечат тех и других.

Еврейские ассимилянты будут отвечать не только перед еврейскими, но и перед другими народами. Они грешат перед национальной структурой чужого культурного целого, фальсифицируют его историческую подлинность, его национальную душу посредством фальсифицированного еврейского отступничества. Они вдвойне фальсификаторы. Они стирают границы, потому что в их душе все границы стёрты.

Поэтому — святая обязанность народов стоять на страже своей национальной индивидуальности» (стр. 196 и 197 немецкого издания).

Клацкин объясняет приведённое выше тем, что евреи происходят от «духовной элиты», интеллектуально высоко развиты и богаты как

и норческими, так и разрушительными способностями, а потому не могли рабски воспринимать чужую культуру и растворяться в ней бесследно.

Высказывания эти перекликаются с высказываниями многих авторов, как евреев, так и не-евреев, которые пытались проникнуть в совершенно исключительную способность евреев сохранять своё еврейство при всех внешних признаках полной ассимиляции. А эта способность неизбежно вела к конфликтам с коренным населением, причём эти конфликты бывали всегда тем ощутительнее, чем сильнее и крепче были национальные чувства и сознание своего единства у народа, среди которого жили евреи.

В дореволюционной России патриотизм, чувство национальной гордости, в результате влияния либерально-социалистическо-интернационалистических идей, находился в упадке, особенно среди интеллигенции и молодёжи. А старшие поколения или сходили со сцены, или теряли свой авторитет у поколений более молодых и активных.

Этим обстоятельством, вероятно, и можно объяснить ту лёгкость, с которой к концу 1917 года еврейская этническая группа фактически превратилась в правящий класс, заняв руководящие посты и создав каркас новой власти, не встретивши при этом надлежащего противодействия коренного населения. Борьба с новой властью имела подкладку больше экономической, чем отчётливо выраженное нежелание, чтобы иноплеменники правили страной. Русский народ тогда ещё не осознал себя национально, а новая власть с ожесточением повела борьбу за искоренение из памяти народа его прошлого, за уничтожение всех памятников его культуры, чем гордится и что бережно хранит каждый народ. Русская национальная элита была уничтожена физически, а те, что уцелели, были запуганы и приведены в молчание.

Но вскоре, казалось, уничтоженный с корнем русский патриотизм, национальная гордость, проснулись и начали своё медленное, но твёрдое и уверенное движение, направленное к ликвидации той «обратной пропорциональности» коренного населения и евреев в правящем классе страны, которая установилась в России к концу 1917 года и просуществовала до конца второй мировой войны.

Движение это шло неуклонно без каких-либо эксцессов, погромов, насилий. На смену уничтоженной культурной элите дореволюционной России пришла новая, молодая интеллигенция и, как хозяин своей страны и законный наследник её исторического прошлого, предъявила свои права... И отказать ей в этом никто не посмел... А это значило потерю еврейской этнической группой того положения, которое она монопольно занимала больше четверти столетия.

Вряд ли мы ошибёмся, если скажем, что именно в этом и лежит причина той кампании в печати всего мира, обвиняющей русский народ и его правительство в активной антиеврейской деятельности. До конца сороковых годов всё было в порядке, и весь мир молчал, наблюдая, как Россией правят и от её имени выступают евреи.

Из поля зрения всех лиц и учреждений, занятых изучением «русского вопроса», ускользало то единственное в истории явление, что двухсотмиллионной страной монопольно управляют представители всего трёхмиллионной этнической группы, чуждой коренному населению по расе, миропониманию и правосознанию.

Но, надо надеяться, это не ускользнёт от внимания тех, кто в будущем займётся исследованием этого вопроса в спокойной обстановке, а не в атмосфере ведущейся холодной войны, в которой обвинение русского народа в «антисемитизме» является одним из главных козырей в этой пропагандной войне.

Не легка будет задача этих исследователей. Горы книг, тысячи статей и разного рода «свидетельств» о проявлениях «антисемитизма» русского народа и о «преследовании» евреев в России и СССР найдут эти исследователи. И ничего или почти ничего, опровергающего эти утверждения и объективно излагающего природу и сущность русско-еврейских взаимоотношений и подлинные причины, породившие обвинения русского народа в «преследовании» евреев. Кроме, разве, сравнительно малочисленной литературы, в которой русско-еврейские взаимоотношения освещаются с точки зрения религиозно-мистической, больше затемняющей, чем освещающей этот вопрос.

Учитывая изложенное выше, само собою напрашивается вывод, что нам, современникам, в интересах истины и исторической правды, надлежит объективно и правдиво осветить этот вопрос и сказать ту правду о русско-еврейских взаимоотношениях, которая систематически замалчивается или искажается и извращается.

И не только для будущего надо сказать эту правду, но и для настоящего. Ведь ни для кого не секрет, какую огромную роль играет «еврейский вопрос» в деле создания и культивирования антирусских настроений во всём мире. А эти антирусские настроения питают, обосновывают и подогревают «холодную войну» и создают для всего мира угрозу превращения её в войну горячую, которая может закончиться мировой катастрофой и гибелью многих миллионов людей.

Вот почему так важно объективное и своевременное освещение русско-еврейских взаимоотношений.

Не долг ли это всех нас — тех, кто родился и вырос в России, независимо от расы, вероисповедания, политических взглядов и партийной принадлежности? И русских, и не-русских, в том числе и русских евреев, которые лучше, чем кто-либо, осведомлены о том, что происходит с СССР...

Но, увы, все молчат и своим молчанием косвенно подтверждают лживую пропаганду, порождающую и питающую русофобию во всём мире.

Характерно и заслуживает особого внимания при анализе этой пропаганды одно обстоятельство. Обвиняется во всех смертных грехах против евреев только великорусская ветвь русского народа, и только она посажена на скамью подсудимых, в то время как малороссов-укра-

ицев на этой скамье мы не видим, хотя и общеизвестно, что именно в территории Украины происходили все эксцессы на почве юдофобии в прошлом, и что в настоящем украинцы по происхождению занимают наиболее ответственные положения в стране и принимают активное участие в проведении той по отношению к евреям политики, которую безответственная пропаганда называет «культурным геноцидом».

Отсутствие украинцев на скамье подсудимых объяснить нетрудно, если известна конечная цель тех, кто обвиняет русский народ в «преследовании» евреев. Цель эта — ликвидация единого государства, созданного русским народом и называющегося сейчас СССР. А после ликвидации — создание из её территории ряда суверенных государств, в том числе и Украины.

А так как к этому стремятся украинские сепаратисты — они являются желанными союзниками тех сил, которые, под видом борьбы за свободу и борьбы с коммунизмом, ведут пропаганду за расчленение России. В этой пропаганде самым сильнейшим лозунгом, наводящим отклик в печати всего мира, есть призыв спасти евреев от «культурного геноцида», проводимого по отношению к ним русским народом, русским правительством, русским коммунизмом — словом «русский» везде подчёркивается и выпячивается. Конечно, сознательно и намеренно, для создания соответствующих антирусских настроений.

Здесь будет уместно отметить, что всего двадцать с небольшим лет тому назад печать свободного мира, в частности, еврейская эмигрантская, далеко не одобрительно писала о роли украинцев в деле уничтожения евреев немцами во время последней войны. Вот, что читаем мы в «Еврейском Мире» за 1944 год на страницах 235 и 236:

«Особенно выдающаяся роль в антисемитской кампании была немцами предназначена украинцам. В статье, посвященной украинскому пароду, «Дер Штюрмер» не только включил украинцев в «северно-дикарский» расовый тип, но и специально восхвалял их за выдающиеся арийско-еврейские достижения в прошлом». Газета с удовлетворением напоминала об истреблении 400 000 евреев во время восстания Хмельницкого в 1648 году и 70 000 евреев, вырезанных петлюровцами и другими украинскими бандами в 1918-19 годах. Статья заканчивалась выражением «твёрдой надежды, что украинцы окажутся на высоте положения и отомстят евреям».

«Все 60 газет, выходящих на украинском языке в занятой немцами Украине, ведут ожесточённую антиеврейскую травлю».

«В канун 1942 года в Варшаве состоялось совещание бывших офицеров и солдат, сражавшихся в 1918-1919 годах в рядах Петлюровской армии. На этом совещании был дан обет помогать нацистской Германии в ликвидации советской власти и в истреблении евреев».

А в мае 1966 года в Нью-Йорке происходит братание сионистов и петлюровцев и тоже даётся обет уничтожения «русского» коммунизма, но уже без упоминания об евреях. (Подробности этого братания

напечатаны в украинском еженедельнике «Наша Батьківщина» в номере от 31 мая 1966 года.) Сопоставление этих двух обетов, данных теми же самыми петлюровцами, превратившимися из истребителей евреев в их союзников в деле ликвидации единого государства — СССР, заслуживает особого внимания. Пока евреи в СССР были правящим классом — еврейство всего мира единство этого государства всячески поддерживало. Когда же оно перестало быть таковым — начались братания и союзы еврейства с разного рода сепаратистами, стремящимися к уничтожению России-СССР. Ибо еврейство всего мира отлично понимает, что возврата к прежнему, к положению правящего класса, у евреев в СССР нет.

Когда-нибудь, когда придут исторические сроки, вопросом этим займутся исследователи нашей бурной эпохи. Нам же, современникам, только можно и должно обратить внимание на это явление.

Я принадлежу к «уходящему» поколению. Тому поколению, которое получило «аттестат зрелости» перед первой мировой войной, а созревало в годы совершенно исключительного экономического и культурного подъёма России, в период от конца первой революции до рокового 1914 года — начала мировой войны. Поколения, на долю которого выпало быть свидетелями и участниками бурных событий первой половины текущего XX столетия. Поколения, которое не только слышало или читало об этих событиях, но их видело и переживало. Видело и хорошее, видело и плохое, видело всё происходившее таким, каким оно было на самом деле, а не таким, каким его представляют уже теперь многие хроникёры, замалчивая одно и выпячивая другое, и тем искажая историческую правду.

Родился я и вырос в сердце Малороссии — Украины, недалеко от бывшей столицы — Батурина, образование получил в Киеве, где ещё в мирное время одел фуражку с голубым околышем — студента Университета. Затем — мировая война и последующие за ней годы «переворотов, возмущений», во время которых пришлось немало пережить и наблюдать...

Проведя всю мою сознательную жизнь на Украине, где жили больше половины всех евреев России, особое моё внимание всегда привлекал так называемый «еврейский вопрос», как до революции, так и способ его решения после революции.

И теперь, после второй мировой войны, когда этот вопрос перестал быть вопросом внутрироссийским и стал одним из основных факторов мировой политики, постоянные и бесчисленные его извращения и искажения на страницах мировой печати породили во мне потребность внести и свой скромный вклад в дело правдивого освещения этого вопроса — написать настоящий, далеко не совершенный и не полный, но правдивый очерк «Евреи в России и в СССР», каковой предлагаю вниманию читателей.

Очерк, основанный на фактах, в котором приведено то, что действительно имело место, а не является пропагандной шелухой, которой можно найти так много во всём, что напечатано на всех языках мира в • им in с «еврейским вопросом» в России и в СССР.

Работая над настоящим очерком, я перечитал сотни книг, брошюр, • t.пей, очерков, высказываний и исследований разных авторов на различных языках. Как авторов, причисляемых к «юдофобам — антисемитам», так и авторов, стоящих на диаметрально противоположной точке зрения — «юдофилов», каковых неизмеримо больше, чем первых. Автор — евреев и авторов — не-евреев.

И пришёл к твёрдому убеждению, что все попытки решить или объяснить наличие «еврейского вопроса» во все времена и у всех народов с позиций религиозно-мистических не только не содействуют нахождение правильного ответа на этот волнующий весь мир вопрос, но его решение затрудняют, усложняют и делают невозможным.

Ни «тёмные силы» или «Мудрецы Сиона», неизменно фигурирующие у одних авторов, ни «избранность» и особая «благодать» еврейского племени, признаваемая другими авторами, делу уяснения природы и сущности извечного взаимного отталкивания и конфликта никак не действуют. Тем более, что и одна, и другая точки зрения приводят в конечном результате к противоречию с христианским учением, с одной стороны, и понятием демократии, в широком смысле этого слова, с другой.

Истинно верующий христианин не может отказать в полном и безоговорочном равноправии еврею, принявшему христианство, хотя и види, что с принятием христианства — далеко не сразу и далеко не все исчезают те особенности внутреннего облика еврея, которые порождают взаимное отталкивание евреев и не-евреев.

Точно так же и последовательный демократ, исходящий из положения, что все люди всегда и во всех отношениях равны, не может не признать и евреям все политические и культурные права, хотя и видит, что евреи, пользуясь всеми этими правами, сохраняют свою самостоятельность, своё еврейское миропонимание и правосознание, не всегда соответствующее окружающей среде, что ведёт к взаимному недоверию и отталкиванию.

Устранить всё это — значит решить еврейский вопрос, который существует, несмотря на все законы против дискриминации и на все попытки его замолчать.

Как это осуществить и какие сроки для этого понадобятся, равно и какие меры надо предпринимать — нашему поколению вряд ли удастся решить и осуществить. Слишком уж глубоко ушли в прошлое корни того, что вызывает «еврейский вопрос».

Пока же мы были и, вероятно, ещё долго будем свидетелями неудачных попыток разрешить этот больной и извечный вопрос. Все раз-

говору об «антисемитизме» без конкретных предложений, как его изжить, ни к чему не привели в прошлом и не приведут в будущем. Ни строгие меры наказания в СССР, ни его замалчивание в свободном демократическом мире.

Объективное изучение этого вопроса и логика подсказывают три возможных решения:

I. Путь ассимиляции, полной и окончательной, с коренным населением. Но это возможно только при отказе евреев от иудейской религии, неразрывно связанной с расой, племенем, и нескольких поколений смешанных браков... Но самое высказывание такой мысли уже считается проявлением «антисемитизма», и всё еврейство — и верующие и атеисты — единодушно восстают против такого решения.

II. Создание еврейских территориальных единиц, суверенных или автономных, в границах которых еврейская народность могла бы жить по своим законам и развивать свою, еврейскую, культуру. Пример Биробиджана показывает, что евреи такое решение рассматривают как дискриминацию.

III. Третье возможное решение — это статус «иностранцев» для еврейской этнической группы в данной стране, что автоматически лишает их права участия в культурной жизни страны и возможности влиять на её политику.

Но ни одно из приведённых выше решений евреев не удовлетворяет. А четвёртого решения они не предлагают. Вопрос остаётся открытым, точнее, замолчанным.

Надо надеяться, что он сможет быть окончательно решён только в отдалённом будущем, когда время возьмёт своё и многие предубеждения и вековые предрассудки исчезнут. Тогда, после нескольких поколений смешанных браков, сам собою исчезнет и еврейский вопрос. И это произойдёт тем скорее, чем скорее люди поймут, что нельзя неразрывно связывать религию и расу.

В обширной литературе, посвященной еврейскому вопросу, как в юдофильской, так, в особенности, в юдофобской, неизменно фигурируют указания на «тёмные силы», Протоколы Мудрецов Сиона, «каббалу», «сатанизм» и прочие «объяснения» еврейского вопроса.

Не имея достаточной эрудиции, чтобы выносить своё суждение по этим вопросам, я и не пытаюсь на них дать исчерпывающий ответ или их всесторонне и объективно изложить в настоящем очерке. Ограничиваюсь только описанием фактов и событий, имевших место.

Исходя из положения, что внешние факторы оказывают огромное влияние на духовный облик человека, вырабатывая те или иные свойства его характера, мне кажется, что над этим вопросом стоит серьёзно задуматься при попытке объяснения некоторых свойств евреев, препятствующих их сосуществованию с другими народами.

Вопрос этот научно разработан в книге профессора Соломона Лурье «Антисемитизм в древнем мире», которая даёт ответы на многие недоуменные вопросы и объясняет многое то, что на первый взгляд кажется таинственным и непонятным.

Внимательно и вдумчиво прочитавши обширную выдержку из его книги, напечатанную в части II настоящего очерка, многое из того, что ранее приписывалось «тёмным силам» и «Мудрецам Сиона», станет ясным и легко объяснимым.

Всё то, что есть в «Протоколах Мудрецов Сиона» — рецепт для преуспеяния в жизни в среде других народов — читатель найдёт в книге С.Лурье с объяснениями, что побуждает евреев прибегать к той или иной тактике в борьбе за преуспеяние, как личное, так и всего еврейского народа.

На этом я позволю себе закончить моё несколько затянувшееся вступление, предоставляя читателю вынести своё мнение о правильности и целесообразности всего, изложенного в настоящем очерке.

ЕВРЕИ

Как свидетельствует Библия, являющаяся историей еврейского народа, евреи — прямые потомки одной семьи азиатских кочевников — семитов, разросшейся в многочисленную народность — племя, объединённое и крепко спаянное единством религии и происхождения.

Будучи рассеяны среди других народов в течение двух тысячелетий, евреи не имели своей территории и пользовались языком тех народов, среди которых они жили, но тем не менее сохранили своё племенное единство, не смешиваясь с другими народами и живя среди них своей обособленной жизнью, строго придерживаясь своей религии, которая у евреев, в отличие от других народов, неотделима от расы, происхождения.

Кроме того, еврейская религия учит, что евреи — народ избранный, отличный ото всех других народов и племён и находится под особым покровительством Бога. В свою избранность евреи верят, и это возвышает их в собственных глазах и содействует сознанию собственного превосходства.

Благодаря этим особенностям еврейской религии и быта, они всегда оставались чужеродным телом в тех государствах, в которых жили, несмотря на то, что говорили на их языке, забывши язык своих предков и сохранивши его только в религиозном обиходе, и принимали самое активное участие в экономической (хозяйственной) жизни этих государств и наций.

Свою активность евреи проявляли почти исключительно в области торговли, посредничества и ремёсел, избегая той части хозяйственной деятельности, которая производит предметы потребления или нужное для них сырьё. Ни земледелие, ни скотоводство, ни пионерская деятельность по освоению и культивированию новых земель и недр земли евреев не привлекала в странах рассеяния.

Участие евреев в культурной жизни тех народов, среди которых они жили, было весьма незначительно до рубежа 18 и 19 столетий по той причине, что и христиане, и евреи приходили в конфликт со своими религиями, если они знались и общались между собою, что было неизбежно при участии в культурной жизни.

К приобщению к своей религии иноплеменников евреи не стремились, ибо принять их, как равноправных членов своих религиозных общин, они не могли. По точному смыслу норм еврейской религии, евреем надо родиться и нельзя евреем стать путём принятия еврейской (иудейской) религии.

Считая свой народ — племя избранным, евреи ревниво оберегали чистоту своего племени и стремились к самоизоляции в быту и общественной жизни, что естественно препятствовало ассимиляции с окружающим населением.

Характер хозяйственно-экономической деятельности евреев предопределил и время их появления в разных государствах, как античного

мира, так и в государствах, образовавшихся после его распада. Появились они там, где уже был известный правопорядок и твёрдая власть, без чего немыслима торговля и посредническая деятельность.

Так было в эпоху господства эллинской культуры древней Греции и с процветания; так было и в эпоху Римской империи, когда её легионы завоёвывали Северную Африку и Западную Европу и устанавливали там законность.

Не с легионами, а вслед за легионами появлялись евреи и оседали в нынешней Испании, Англии, Франции, Германии и сразу же приступали к своей торгово-посреднической деятельности, каковая благожелательно встречалась властями предрешающими, а евреям давала возможность жить и богатеть.

Характер их хозяйственно-экономической деятельности, а также племенные и религиозные особенности евреев на протяжении почти двух тысяч лет пребывания в рассеянии вызвали бесконечные конфликты с народами, среди которых они жили замкнутыми обособленными общинами. Особенно после того, как христианство стало господствующей религией в странах рассеяния — «диаспоре». Кроме мотивов и поводов бытового и экономического характера, немалую роль играли и мотивы религиозные.

Как результат этих конфликтов, периодически обострившихся по разным поводам и причинам, вся история двухтысячелетнего пребывания евреев в рассеянии изобилует описаниями разных ограничений, истреблений, погромов, жертвами которых были евреи диаспоры. Как в древнюю дохристианскую, так и в средние века и в новейшее время.

Конфликты эти и их результаты старательно регистрировались летописцами и историками, в особенности евреями.

Анализ и подробное изучение этих конфликтов и их причин и поводов не входит в задачу настоящего труда, который ограничивается, как показывает его название («Евреи в России и в СССР»), только пребыванием евреев в границах Российской Империи и СССР, т. е. сравнительно коротким историческим периодом около двух столетий, когда еврейская этническая группа была или «подданными России иудейского вероисповедания» (до 1917 года), или «гражданами СССР еврейской национальности» (после 1917 года).

(Интересующихся этим вопросом — причинами конфликтов — я отсылаю к книге проф. Соломона Лурье «Антисемитизм в древнем мире», изданной в 1922 году в Петрограде. Обширные выдержки из этой книги помещены в части II настоящего труда как отдельное приложение).

ЕВРЕИ НА ЗЕМЛЯХ КИЕВСКОЙ РУСИ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

До конца 18-го столетия, когда многочисленная еврейская этническая группа в результате исторических событий стала «подданными России иудейского вероисповедания», русские летописцы о евреях почти не упоминают или упоминают только вскользь, в связи с другими событиями: погромом в Киеве во второй половине 11-го столетия, убийством князя Андрея Боголюбского (1174 год), ересью «жидовствующих» (конец 15-го и начало 16-го столетий).

Для полноты нашего очерка остановимся на самом кратком описании этих событий.

Евреи в Киеве. В эпоху расцвета культуры и мощи Киевской Руси и оживлённой торговли с Византией и Западом в Киеве появляются евреи — купцы и торговцы, выходцы из Византии и византийских греческих колоний Таврического полуострова. Поселившись в Киеве, они быстро разбогатели, и их дома по богатству не уступали палатам и хоромам богачей и бояр, приближённых Великого Князя.

Часто сменявшиеся Великие Князья никакой враждебности по отношению к евреям не проявляли, а некоторые им даже и открыто покровительствовали (например, в. к. Ярополк), чем вызывали недовольство остального населения. Торгово-предпринимательская деятельность евреев была выгодна для великокняжеской казны, а во все остальные стороны жизни народа и государства евреи не вмешивались, живя замкнуто своей религиозно-расовой общиной.

Так продолжалось до второй половины 11-го столетия, до еврейского погрома в Киеве, в 1069 году, во время которого погибли все еврейские дома и еврейская богатая колония в Киеве перестала существовать. Были ли при этом евреи и физически уничтожены — об этом летопись не говорит .

То обстоятельство, что, по свидетельству летописца, наряду с еврейскими домами и имуществом, происходили разрушения и грабежи хоромов и богачей не-евреев, даёт основание предполагать, что основной причиной недовольства были мотивы экономические, а не религиозные, каковыми обычно историки объясняют все конфликты местного населения с евреями на протяжении всей их многовековой жизни в диаспоре среди других народов. Конфликты, приводившие к разным ограничениям, преследованиям, погромам и изгнаниям из многих государств.

Конфликт между местным населением и евреями, окончившийся погромом в Киеве, надо полагать, не ограничился одним Киевом, а был явлением типичным и в других городах княжеств, входивших в состав единой тогда Киевской Руси. Косвенным доказательством этого может

* См. Приложение 1 в конце 1 части.

служить одно из решений на съезде князей в Любече (в самом начале 12-го столетия) о недопущении пребывания евреев на землях, входящих в состав Киевской Руси.

Евреи на северо-востоке. О пребывании евреев на северо-востоке, во Владимирско-Суздальской Руси, сведения ещё более скудны и отрывочны, чем о Киеве. В летописях есть указание, что ближайшими приближёнными Вел. Кн. Андрея Боголюбского были евреи, каковые и были организаторами заговора на жизнь Князя, окончившегося его убийством в селе Боголюбове, в 1074 г. Есть предположение, что это были евреи из Хазарского царства на Волге, правящий класс которого принял иудейскую религию. Летописец, конечно, не входил в рассмотрение вопроса, были ли это настоящие евреи или хозары, принявшие иудейство. Для населения это были евреи, как записал летописец.

Пришедшие вскоре татары (первая половина 13-го столетия) опустошили и разорили всю Киевскую Русь, в результате чего исчезла какая-либо возможность для торговой деятельности. Исчезло в летописях и какое-либо упоминание о евреях на русской земле больше чем на : ри столетия. И только в самом конце 15-го столетия слово «еврей» появляется в летописях. На этот раз не в связи с какими бы то ни было конфликтами евреев с местным населением, а в связи с явлением, известным в истории, как «ересь жидовствующих», возникшая на северо-западе, в Новгороде.

«Жидовствующие». Известный историк Соловьёв об этой ереси пишет:

«В половине 15-го века, а может быть, и раньше, в Киеве (бывшем \ же под властью польско-литовского государства) появилась ересь, как видно, смесь иудейства с христианским рационализмом. Глава или один из членов общины этих еретиков был еврей Сахария. Он приехал к Новгород и, как говорит летопись, «с помощью пятерых сообщников, оже евреев, насадил в Новгороде ересь».

В результате умелой пропаганды эта ересь получила довольно широкое распространение сначала в Новгороде, а вскоре перекинулась и в Москву, где нашла немало приверженцев, главным образом, среди высшего духовенства и высших слоев тогдашнего московского общества, включая и невестку Великого Князя, мать тогдашнего наследника престола, княгиню Елену.

Расширившаяся ересь стала угрозой для православия. И его иерархи, во главе с игуменом Иосифом Волоколамским повели ожесточённую борьбу с «жидовствующими», которые энергично защищались, отстаивая на диспутах правоту своего вероучения.

После долгой борьбы противники «жидовствующих» победили и на специально созванном по этому вопросу соборе (в Москве, в 1504 году) еретики были осуждены. Часть их была казнена, часть бежала в Литву (Польшу), а княгиня Елена очутилась в монастыре.

Ересь выдохлась и заглохла, но память о ней ещё долго оставалась у верных православных людей. Они рассматривали её как неудавшуюся попытку иудейства путём ереси разрушить единство православной церкви.

И полвека спустя (в 1550 году) между Великим Князем Литовским и Великим Князем Московским произошёл следующий диалог:

Вел. Кн. Литовский и Король Польский через своего посла Станислава Едровского сказал Московскому Великому Князю: «Докучают нам наши подданные, жида, купцы государства нашего, что прежде изначала, при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать; и теперь не позволяешь ты жидам с товарами в государство твоё въезжать».

На это Вел. Кн. Московский Иоанн ответил: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов. Как они наших людей от христианства отводили, отравное зелье к нам привозили и пакости многим нашим людям делали. Так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела»...

А ещё раньше этого диалога все евреи из Бреста, жившие и торговавшие в Москве, были изгнаны из Москвы и товары их сожжены.

А в 1563 году, когда Полоцк во время ливонской войны был занят русскими, все евреи Полоцка были потоплены в реке по приказанию Иоанна Грозного, которому местные жители — русские половчане — пожаловались на притеснения и лихие дела евреев, бывших доверенными и арендаторами польских властей и магнатов.

После этого события больше двух столетий, до конца 18 века, евреи вообще не допускались, даже временно, на территорию России, как Московского царства, так и Российской Империи.

Иначе дело обстояло с пребыванием евреев на русских землях, попавших под власть Польско-Литовского государства после распада Киевской Руси.

Обезлюдившие были в течение почти трёх столетий богатые и плодородные земли по обеим сторонам среднего течения Днепра, равно, как и земли на запад от них, начали быстро заселяться и оживать после ослабления татарской опасности, и на них укрепился правопорядок и хотя бы относительная безопасность и возможность для хозяйственной деятельности без опасения постоянных татарских набегов, разорений и увода населения в рабство.

Эти, уже заселённые, земли стали собственностью государства («Короны») и польско-литовских магнатов, владельцев огромных латифундий, городов, местечек, сёл и хуторов; а население было превращено в бесправных рабов-крепостных («посполитых»). Эксплуатация этих земель при бесплатном принудительном труде «посполитых» давала огромные доходы владельцам.

Трудолюбивые и энергичные земледельцы в надежде на свободную жизнь, которая им была обещана на вновь заселяемых землях, устремились на восток, спасаясь от гнёта крепостного права, принявшего в Польше особо тяжёлые формы. Но крепостное право пришло вскоре вслед за ними, как только они обосновались и устроились. На них начали накладывать всё новые и новые повинности, целью которых было превращение их в рабов — «посполитых», имуществом, трудом и даже жизнями которых распоряжались их «владельцы», польские паны и магнаты.

Положение ещё ухудшалось наличием целой армии посредников между владельцами и их «подданными». Обычно это были евреи, которые брали от владельца на откуп разные статьи его доходов: шинки, пошлины в городах при внутренней торговле («миты»), мельницы, право рыбной ловли, право пользования мостами через реки, плотинами (созданными трудом тех же крепостных), даже православными церквями, расположенными в границах пожалованных земель.

А нередко владельцы сдавали в аренду и целиком всё поместье со всеми «доходными статьями».

Посредники, желая выколотить из всех «доходных статей», изошрялись в их взыскании, учитывая, конечно, по своему усмотрению и свой посреднический «заработок». В случае же малейшего неповиновения к их услугам стоял весь полицейско-административный аппарат I [ольского правительства.

Не имея непосредственного сношения со своими «панями», «посполитые» имели дело обычно с посредниками-евреями, а потому их гнев, возмущение и негодование против всяких невыносимо тяжёлых поборов обрушивался на евреев и вызывал резкие антиеврейские настроения.

Украинский народ создал целый цикл «дум» — сказаний о еврейском угнетении, о которых подробно пишет украинский историк Грушевский, которого как социалиста (Украинский эсер) и как сотрудника большевиков, покаявшегося в своих шовинистическо-самостийничьих заблуждениях и приехавшего из эмиграции им служить, запозтрить в антисемитизме нельзя.

В главе «Антисемитские мотивы в объяснениях Хмельниччины» (••Початки Хмельниччины», стр. 123) Грушевский пишет:

«Еврей-арендаторы заарендовали все шляхи казацкие и заставили п\ своими шинками — на одной миле по три шинка ставили, вынуждая i.i (аков к покупке у них водки и мёда, и не позволяя им самим изготовитиe этих напитков для собственного потребления. Об этом «дума» | оворит:

*«Як иде український козак тай корчму минає,
А жид выбігає, та українського казака за чуб хватає,
Та ще кого двома кулаками по потылиці затыняє:
Що ти мымо корчмы йдеш тай корчму минаєш»...*

Заарендовали евреи все казачьи торги и брали «мыто-перемыто» от пешего и конного проезжего, от всякой клади, даже от выпрошенной нищими их милостыни. Ото всех забирали, что лучшее, а кроме того, говорит «дума»:

*«И ще ж то жыды-рендари у тому не перестали —
На славный Украины еси козацьки церкви заарендивали:
Которому б то козаку альбо мужику дав Бог дытыну появыты
То не йде до попа благословытыся; — да пиды, до жыда-рендаря,
То положи битый талер щобы жид дозволив
Церкву одчыныты, тую дытыну охрестыты».*

О поборах с разных промыслов известная «дума про поневолення козаччыны жыдами» говорит:

*«Который бы то козак альбо мужик схотив рыбы наловыты,
Жинку свою з дитымы покормыты,
То не йде до попа благословытыся,
Да, *ш.де* до жыда-рендаря, до поступи йому часть оддать
Щоб позволив на ричци рыбы наловыты
Жинку з дитымы покормыты».*

Из той же «думы» Грушевский приводит длинное описание, как казак взял мушкет и проходил мимо шинка. Еврей-шинкарь его увидел и вот «жыд з шынку выбигае — казака за патлы хватае» и ругает, как это он задумал «утя вбыты». А потом казак должен просить и «жыда мылостывым паном называе»...

Насколько точно эти «думы» изображают историческую правду, установить трудно, но что они являются отображением народных настроений того времени — не подлежит сомнению.

В частности, вопрос об арендовании евреями православных церквей многими оспаривается на том основании, что не сохранилось ни одного арендного договора об аренде церквей.

Сторонники же мнения, что евреи действительно были арендаторами церквей, приводят сохранившийся договор 1596 года, по которому было заложено село Слуша совместно шляхтичу Миклашевскому и еврею Песаху, причём в числе доходных статей упоминаются «церкви и их подаванье», то есть с приходами от церкви. Известный историк Костомаров полностью разделяет мнение, что факт аренды церквей евреями имел место. Грушевский склонен считать это недоказанным, а некоторые авторы, например, Талант (в журнале «Еврейская старина» за 1909 г.) это мнение оспаривает.

Так как этот вопрос из плоскости исторической объективности был перенесён в плоскость политическую — оправдание антисемитизма среди украинцев, то надлежащим образом он окончательно не выяснен и до настоящего времени и ждёт своего объективного исследования.

Зато вопрос о роли и деятельности посредников-евреев вообще (выключая вопрос об аренде церквей) и об оценке этой деятельности современниками освещен достаточно полно неопровержимыми документами того времени.

Из сохранившегося письма полковника Кривоноса, одного из главных сподвижников Хмельницкого, к князю Заславскому видно, что Кривонос считает деятельность евреев главной причиной восстания. »п пишет Заславскому: «Жыдив зволь Ваша мылость до Вислы заверч \ I бо та вийна вид жыдив зачалася — воны то и Вас з розуму зве-

Московский купец Кунаков, проехавший Украину зимой М>18-49 г., то есть непосредственно после начала восстания, разбираiii его причины, говорит: «Жиды черкасов (то есть украинцев) грабич ,1 издевались над ними: как только который черкас выкурит водки п in сварит пиво, не сказавши жиду, и не снимет перед жидом шапку, | пды придирались к нему, грабили и уничтожали, а его имущество отбирали, жён и детей насильно забирали на работу».

Львовский каноник Юзевович пишет: «Господство поляков дошло > :акого невыносимого утеснения, что даже над церквами давали они . втсть роду жидовскому. Священник казацкий, попросту называемый еп, не мог в своей церкви совершить таинства крещения, венчания и р\ гих, если наперёд не заплатит жиду за ключи установленной паном ты, и должен был каждый раз от дверей церковных относить их и л ывать жиду. По заслугам претерпела ты беды свои, Польша». Так н'иет поляк, католический священник, современник событий.

В сохранившихся письмах Хмельницкого указывается, как на докательство крайнего угнетения народа, тот факт, что он должен был • рпеть разные кривды от евреев.

То же самое мы находим в мемуарах современников событий — поiков Каховского и Грондского. Последний, описывая подробно все ". •кёлые повинности крестьян, говорит, что они «росли изо дня в день, е., большей части потому, что отдавались на откуп евреям, а те не блы<о выдумывали разные доходы, весьма несправедливые для крестьян, но и суды над ними присваивали себе».

Волынский еврей Натан Ганновер в своих мемуарах пишет о крепостных, что они «работали барщину у магнатов и шляхты, которые отябшали их тяжёлыми работами в доме и на поле. Шляхта накладывала на них большие повинности, а некоторые шляхтичи страшными способами вынуждали их переходить в господствующую веру. И был народ р\ еский в такой степени унижен, что все народы, даже из всех народов амый униженный — жиды, также господствовали над ним».

Из всех приведённых выше выдержек из аутентичных исторических документов видно, в каком невыносимо тяжёлом положении на• бдились широкие народные массы Украины — Руси.

Видны также и причины, породившие ненависть к евреям, характерную для настроений масс того времени. Были ли в этом виноваты евреи или польское правительство и стоявшие за его спиной иезуиты, < о ставшие такие условия, что евреи для того, чтобы существовать, вынуждены были эксплуатировать народ — дела не меняет.

Очищение Левобережья. Крупнейший магнат Левобережья, Вишневецкий, узнавши о восстании Хмельницкого, собрал большое войско, чтобы двинуться на помощь Потоцкому усмирять восстание. Но, подойдя к Днепру, нашёл все паромы уничтоженными и, не решаясь задерживаться на Днестре для переправы своего войска, двинулся на север, на Черниговщину, и только севернее Любеча ему удалось переправиться через Днепр и повести своё войско на Вольтву, куда он прибыл уже после разгрома под Жёлтыми Водами и Корсунем. Его резиденция — Лубны, была захвачена повстанцами, которые вырезали всех находившихся там католиков и евреев, не успевших уйти своевременно с Вишневецким.

Об отступлении Вишневецкого с Левобережья, где он, будучи отрезан Днепром от Польши, чувствовал себя, по мемуарам современника, «как в клетке», сохранилось много документов, из которых видно, что это было не только отступление войска, но и эвакуация всего Левобережья. Всё, что так или иначе было связано с Польшей и её социальным строем, спасалось от повстанцев и уходило с Вишневецким: шляхта, арендаторы-евреи, католики, униаты. Они знали, что если только попадут в руки повстанцев, то им пощады не будет.

Весьма подробно, красочным библейским стилем описывает современник событий раввин Ганновер этот «исход» евреев с Левобережья совместно с поляками, которые к евреям относились очень хорошо и всячески оберегали и защищали, чтобы они не попали в руки казаков.

О судьбе же тех, которые не успели присоединиться к Вишневецкому, Ганновер пишет: «Много общин, которые лежали за Днепром, близ мест войны, как Переяслав, Барышевка, Пирятин, Лубны, Лохвица, не успели бежать, и были уничтожены во имя Божие и погибли среди мук страшных и горьких. С одних содрана кожа, а тело выкинуто на съедение псам; другим отрублены руки и ноги, а тела брошены на дорогу и через них проходили возы и топтали их кони... Не иначе поступали и с поляками, особенно с ксендзами. Поубивали на Заднепровьи тысячи еврейских душ»...

Сведения, которые даёт Ганновер, полностью совпадают с описаниями событий другими современниками, которые дают и число погибших. Грушевский в своей книге «Хмельниччина в розквिति» говорит о двух тысячах евреев, убитых в Чернигове, 800 в Гомеле, нескольких сотнях в Соснине, Батурина, Носовке и в других городах и местечках. Сохранилось и приводимое Грушевским описание, как производились эти погромы: «Одних порубили, другим приказали выкопать ямы и потом туда побросали еврейских жён и детей и засыпали землёй, а потом евреям дали мушкеты и приказали одним убивать других»...

В результате этого стихийного погрома на Левобережье в несколько недель лета 1648 года исчезли все поляки, евреи, католики, а также

ис из немногочисленной православной шляхты, которые симпатизировали и сотрудничали с ними.

А народ сложил песню, которая сохранилась до последнего времени:

*«Нема краще як у нас на Україна,
Нема ляха, нема пана, нема жида,
Нема ни проклятой уни»...*

По это относилось только к Левобережной Украине — Малороссии (< ^революционным Полтавской и Черниговской губерниям). Большая [и]ть Малороссии по «Вечному миру» с Польшей (1686 г.) осталась за Польшей. Днепр был границей. Весь правый берег (за исключением Киева) снова стал составной частью Речи Посполитой Польской с

г М социальным и политическим строем, который вызвал восстание \мельницкого, кровавую борьбу с поляками, окончившуюся их изгнанием, причём погибло немало и евреев, тесно сотрудничавших с поляками и только частично успевших спастись во время резни, сопровождающей очищение Левобережья от власти Польши.

В дальнейшем, вплоть до распада Польши и воссоединения с Россией (емель бывшей Киевской Руси, несколько столетий находившихся в и власти Польши, постоянное проживание евреев на территории России не допускалось.

Но временное пребывание с торговыми целями не возбранялось. Но и да гетман Даниил Апостол (1727— 1734 годы) просил о запрещении [и]реям даже временного пребывания в Малороссии, ему было из [и]шт-Петербурга отвечено: «евреям дозволяется торговать в Малороссии на ярмарках, но только оптом и не разрешается увозить золота, серебра и меди, но закупать на сии деньги товары. Жительство же им в Малороссии запрещается».

Торговая деятельность евреев была выгодна для казны Российской Империи, что и было сказано в представлении имп. Елизавете о допуске евреев в Россию. Елизавета ответила коротко и категорически: «я желаю иметь никакой корысти от врагов Господа моего Иисуса Христа».

После этого вопрос о допуске евреев в Россию больше не поднимался до тех пор, когда многочисленная еврейская этническая группа пломатически очутилась на территории России и стала подданными Российской империи. Произошло это в самом конце 18 столетия, когда [и]ле трёх так называемых «разделов Польши» с Россией были воссоединены русские земли с густо вкрапленным еврейским населением, которого там не было до захвата Литовско-Польским государством.

Евреи Речи Посполитой Польской до того, как стали подданными России, жили в Польше обособленной жизнью, не смешиваясь с ко-

ренным населением, представляя собою как бы государство в государстве, по своим, еврейским, законам, признаваемым Польшей, которая в эти законы и особенности быта не только не вмешивалась, но их санкционировала рядом актов — «статутов», подписанных королями.

Краткий очерк правового положения евреев в Польше, снабжённый весьма благожелательным предисловием Главного Раввина Британской Империи Доктора Гертца, издан отдельной брошюрой во время последней войны в Лондоне (в 1942 г.). Издатель — «Польское Министерство Информации». (Польша тогда была оккупирована немцами; её правительство бежало и находилось в Лондоне). Брошюра озаглавлена «Легальное положение евреев в Польше».

В первой части этой брошюры систематически изложены все нормы и привилегии, определявшие права и обязанности как отдельных евреев, так и их общин — «кагалов», за время их жизни на землях, подвластных Польше, а после её «разделов» вошедших в состав Российской Империи.

Поэтому для того чтобы уяснить всю сложность проблемы, вставшей перед Россией, когда она неожиданно получила вместе с воссоединёнными землями быв. Киевской Руси и почти миллионную массу евреев, необходимо ознакомиться, хотя бы в самых кратких чертах, с особенностями жизни и быта массы — еврейской этнической группы до того, как она стала «русскими подданными иудейского вероисповедания».

Разделы брошюры, описывающие жизнь и права евреев на тех территориях Польши, которые отошли к Германии (Пруссия) и Австрии, не относятся к содержанию настоящего труда, а потому их содержание не излагается. Не излагается также и раздел «Равноправие в независимой Польше» (1918-1939 г.), в розовых красках изображающий польско-еврейские взаимоотношения, опуская и замалчивая очень многие факты, имевшие место в «Демократической Польше», которые свидетельствуют о противном.

Чтобы не быть голословным, достаточно вспомнить о нежелании студентов высших учебных заведений Польши сидеть на одних скамьях с евреями или о недопущении студентов-евреев анатомировать нееврейские трупы, в результате чего в университетах Польши происходили ожесточённые столкновения и борьба за «национальные трупы». Об этом в своё время немало писалось в печати Польши, но в брошюре об этом характерном факте вообще нет ни слова.

Писалось это и в советских изданиях того времени. Так, например, в брошюре Д. Заславского «Евреи в СССР», Издательство «ЭМЕС», Москва, 1932 г., говорится о том, что в Польше «в медицинских Институтах и поликлиниках идёт бой за национальные трупы» (стр. 44).

Но поскольку эта «война за национальные трупы» происходила вне пределов России или СССР, мы на ней не останавливаемся, упоминаем только вскользь, обращая при этом внимание читателя на то обстоятельство, что ничего подобного никогда не было ни в дореволюци-

оппой России, ни в СССР, хотя весь мир и обвиняет их в «антисемитизме».

Главная масса евреев прибыла в Польшу с запада. Причиной еврейской миграции было преследование евреев в других странах, и с тех пор они нашли прибежище в Польше благодаря её терпимости. Эта веротерпимость, благодаря которой Польша в 16-м и 17-м веках получила латинское наименование «азилиум херетикорум», также повлекла за собой то, что Польшу называли «азилиум юдеорум».

Кроме преследований, согласно еврейским историкам, было и другое побуждение: желание преуспевать в более благоприятных экономических условиях в новой стране, каковой была Польша 11-го и последующих веков; но первопричиной было жестокое преследование евреев в германских землях в течение периода крестоносцев и позже, во времена «Чёрной Смерти» (чумы).

Процесс еврейского проникновения с запада был очень медленным. Но временами, когда жестокость западных преследований увеличивалась, поток становился стихийным, и тогда прибывало в Польшу огромное число переселенцев. Всего было четыре таких волны массовой иммиграции в Польшу. Одна была в 1096 г., в результате преследований евреев крестоносцами. Вторая, когда в германских городах возникли беспорядки в связи с походами крестоносцев в 13-м веке. Третья, самая большая из всех волн, была в течение 1348-1349, во времена «Чёрной Смерти» в западной Европе, в правление короля Казимира Великого. Наконец, последняя волна еврейской иммиграции с запада была в конце 15-го века, во дни Инквизиции в Германии, Франции и Испании.

Еврейские пришельцы занялись преимущественно финансовыми операциями. Получили на откуп сбор налогов с населения и чеканку монеты, а также включились в торговлю.

Из тех времён сохранились польские монеты времён Миешко 1-го, иногда с еврейскими надписями, а иной раз с польскими надписями на еврейском алфавите.

Вначале не было нужды вводить особых правовых норм для евреев в Польше, ибо их было немного и они пользовались полной свободой на польской территории. Но с течением времени, когда, с одной стороны, количество евреев в Польше увеличилось, а, с другой, тенденции нетерпимости проникли в Польшу из западной Европы, стало необходимо установить специальные нормы, регулирующие жизнь евреев в Польше.

В 1264 году Болеслав Набожный даровал евреям в общинах Познани и Калиша привилегии, известные под именем «Калишский Статут».

С присоединением других районов «Калишский Статут» стал обязательным и для всего государства. В 1334 г., согласно «Статуту Вислицы», король Казимир Великий подтвердил применение «Калишского Статута» во всём государстве, а позднее, в 1364 г., — в Червоной Руси, которая к тому времени была присоединена к Польше. Впоследствии «Калишский Статут» подтверждался почти всеми королями-наследниками Казимира и был широко известен, как «Общие Привилегии» или «Еврейский Статут» (Статута Юдеорум), в отличие от особых привилегий, дарованных различными королями или правителями отдельным еврейским общинам. Последним королём, подтвердившим «Еврейский Статут», был король польский Станислав Август Понятовский в 1765 г. С течением времени «Калишский Статут» становится частью «Волумина Легум», официального сборника законов, обязательных в Польше.

По «Калишскому Статуту», еврей считался как «сервус» (слуга, раб, служащий) «короны» (казны). То есть, по существу, самого короля. Евреи были обязаны платить в казну налоги, а король был обязан их защищать и судить их, или непосредственно, или через специально на это уполномоченных лиц. Суд над евреями должен был быть в синагоге. Споры же евреев между собою были в юрисдикции еврейской общины.

За убийство еврея полагалась смертная казнь для убийцы и конфискация всего его имущества.

«Калишский Статут» содержит также запрещение возводить на евреев обвинение в ритуальном убийстве, каковое обвинение жестоко каралось.

В области экономической деятельности евреям была гарантирована полная свобода торговли, а также разрешалось давать деньги взаймы, как под обязательства, так и под залог личного имущества.

Как мы уже сказали, «Калишский Статут» стал основой юридического существования евреев на протяжении всего периода польской независимости, т. е. вплоть до 1792 года, за исключением коротких периодов, когда антиеврейские элементы брали верх. Но устанавливаемые тогда ограничения долго не оставались в силе, и «Общие Привилегии» подтверждались снова. Так, например, во время правления Казимира Ягеллона, в 1453 г. евреи добились королевской подписи под их привилегиями. В тот же самый год знаменитый «бич Божий», Ян Капистрано, прибыл в Краков и произносил пламенные проповеди против евреев на торговой площади в Кракове. Но усилия Капистрано и его польского покровителя кардинала Збигнева Олесницкого остались безрезультатными, ибо король категорически отказался взять назад свою подпись.

Однако Олесницкий получил поддержку польских дворян, и под влиянием этого движения король был принуждён даровать дворянству (шляхетству) «Ниешавский Статут» (в 1454 году), который расширил и умножил их привилегии. Одновременно по требованию Олесницко-

... издержанного шляхтой, он отобрал привилегии, дарованные евре-
| Однако этот король не позволял никакого преследования евреев.
11 когда произошли еврейские погромы в Кракове и Познани (в 1463 и
• il 1 г.), он стал на сторону евреев и наложил тяжёлый штраф на эти го-
i"ip. приказав им возместить все убытки евреев. В 1507 году, наслед-
ник Казимира Ягеллона Сигизмунд 1-й, снова утвердил «Калишский
1 | и Гут», который после этого оставался нерушимо в силе. В 1539 году
... «Пиотрковскому Статуту» король отказался от права юрисдикции
ii | евреями, живущими в частных деревнях и городах, и передал их
но | опеку тех владельцев, которым принадлежали эти города и дерев-
ни С тех пор евреи в Польше были разделены на «евреев Короны»,
| е живущих в городах, управляемых Магдебургским законом, и «ча-
• пых евреев», проживающих в городах и сёлах, которые были собст-
кешпостью аристократии или шляхты.

«Общая Привилегия» предоставила значительную автономию ев-
I неким общинам, называемым по-еврейски «кагалами». В сферу дей-
• I кий этих общин входили, главным образом, вопросы религиозные,
юрисдикция в спорах между евреями, вопросы общественные, благо-
| корительность, организационные, обложение еврейскими налогами,
п. наконец, бюджет самой общины.

Широкая автономия, которую получили еврейские общины, приве-
к! к созданию органов правления по фискальным и религиозным во-
просам. Эти органы именовались «земствами» или «провинциальными
• окстами». В момент их возникновения, в 16-м веке, было четыре та-
| плч «земства». Но позже они расширились и к началу 18-го столетия
н\ было свыше двенадцати. Наиболее значительные «земства» были:
I Восточно-Польское» с большими общинами в Познани и Калише;
Краково-Сандомирское», «Рутенское» (Русское — в Галиции) и
Люблинское». Дела, касающиеся «земств», велись «земским конгрес-
| ом», который устанавливал собственную администрацию и выбирал
• емского раввина», который одновременно являлся и судьёй всего
• ;емства».

Помимо внутренних вопросов каждого «земства», были также во-
просы общие для всех «земств». Одним из таких общих вопросов была
необходимость распределения налогов. Так возникла необходимость
• о (дания центрального аппарата, который, действуя от имени всех ев-
реиских общин, взял бы на себя соби́рание всех еврейских налогов по
республике. Кроме того, возникла необходимость учредить трибунал,
который бы действовал как кассационный суд для всех «земских» су-
ти и как высший суд для первого разбирательства особо важных слу-
чаев. В завершение этой организации в 1591 году возник орган пред-
• ^ жительства польских евреев, известный под именем «Конгресс Че-
I | рех Земель» или «Еврейский Сейм в Короне». Этот представитель-
ный орган, который просуществовал вплоть до 1764 г., имел две цен-
фальные институции: сейм и трибунал.

Сейм, собиравшийся ежегодно или два раза в год в Люблине и Ярославе, состоял из делегатов «земств» и свободных городов. Сейм избирал из своей среды председателя, который носил титул «Маршала Коронных Евреев», а также одного или более казначеев общего собрания сейма и одного или более секретаря. «Маршал Коронных Евреев» был обычно член общины не духовного звания, секретарь должен был быть раввином. «Маршал Коронных Евреев» был обычно наиболее выдающийся человек среди польских евреев и представлял евреев перед королём и Сеймом Польского Государства.

В компетенцию Еврейского Сейма входили дела фискальные, экономические, административные и дела образования и воспитания.

Дела фискальные. Еврейский Сейм занимался распределением еврейских податей. Он действовал как агент государства по еврейским налогам, был ответственен за таковые в целом и распределял доли налогов между соответствующими земствами и большими общинами. При сейме была создана особая комиссия для распределения налогов, члены которой именовались «Симплерами». Эта комиссия заседала даже тогда, когда Сейм не собирался.

Дела экономические. Сейм регулировал ряд вопросов, влияющих на промышленность и торговлю: издавал правила в связи с выдачей кредитов между евреями, о формах векселей и их употреблении и, наконец, в 1624 г. — закон о банкротстве, на основании которого всё имущество должника поступало в собственность истца-кредитора. Даже наследство или приданое должны быть зачислены в имущество должника, если они были завещаны в течение трёх месяцев до дня банкротства.

Дела административные. Сейм выносил инструкции о выборах в «кагалах», определял сроки полномочий старост «кагалов», издавал запрещения женитьбы юношей до двадцати лет без родительского согласия, запрещал выдачу векселей несовершеннолетними и т. п.

Дела воспитания и образования. Воспитание было одной из главных забот Сейма. Он руководил делами открытия и содержания духовных школ, печатания книг, принимал участие в издании книг.

Трибунал. Второе учреждение еврейского представительства был «Трибунал». Зачаток сеймских трибуналов можно усмотреть в торговых судах. Ибо, начиная с 15-го столетия, существовал обычай, чтобы большие еврейские общины посылали своих лучших судей на большие рынки Люблина, чтобы судить в самых важных процессах и принимать участие в обсуждении особенно важных юридических проблем. Когда был создан сейм, эти рыночные суды стали постоянными и санкционированными учреждениями и были превращены в «сеймский трибунал». Трибунал избирал маршала, который обычно бывал одним из знаменитых раввинов страны.

Трибунал был уполномочен обсуждать вопросы, переданные ему

- **пмом**, как, например, спорные вопросы между общинами и их от-
- иными членами, между общинами и земствами, между двумя общи-

М.ЛПН по поводу главенства над «под-общинами» и т. д.

Кроме того, трибунал занимался и вопросами теоретическими, тол-
\ ч и разъясняя юридические проблемы современной жизни.

Как видно из всего изложенного выше, организация евреев в Поль-
иг была осуществлением извечной цели евреев в рассеянии — быть
нацией без территории» и жить и управляться по своим собственным
иконам, как строго централизованное целое с твёрдой иерархией
путри и резкой обособленностью от окружающей, не-еврейской, мас-
м населения. К тому же не нести воинской повинности, заменяя её
и нежными взносами.

С начала 18-го столетия, в результате междоусобиц в Польше и па-
кния авторитета её правительства, стал падать и авторитет Еврейско-
• > Сейма. А в 1764 году решением Сейма Польши, был вообще распу-
...**ит** Еврейский Сейм. Однако вся организация общин-«кагалов» сохра-
нилась неизменной, и их авторитет и власть над отдельными евреями
" < |ались непоколебленными.

13 том же году Польский Сейм постановил обложить всех евреев на-
| !0 м в два злотых с головы ежегодно.

В связи с этим налогом особо назначенные чиновники произвели
перепись всех евреев, проживающих на территории Речи Посполитой
Польской, и установили, что всего евреев было 577 889.

Вскоре после переписи начались «разделы» Польши, затем было соз-
1.НО «Герцогство Варшавское», а после Венского Конгресса (1815 г.)
! ЛарсТво Польское», вошедшее в состав Российской Империи.

После 1815 г. границы разделённых частей Польши не менялись
оольше ста лет — вплоть до конца 1-й Мировой войны и возрождения
Польского Государства.

Большая часть еврейства Польши осталась на землях, вошедших в со-
| |,ib России, как в этнографической Польше, так и в Белоруссии и Мало-
россии, отошедших к России по первым трём «разделам» Польши.

Напомним в самых кратких чертах об этих «разделах» Польши.

В действительности, по всем трём «разделам» Россия не получила
пи пяди этнографической Польши, а только вернула земли Киевской
Г'vch, долго бывшие под властью Польши. Да и то не все: Червоная
1чсь (Галиция), Северная Буковина и Закарпатье были захвачены Ав-
• іро-Венгрией, этнографическая же Польша была поделена между
Пруссией и Австрией. К России отошла Белоруссия (Полесье, Во-
и.шь) и Правобережная Украина-Малороссия.

Пруссия захватила львиную долю этнографической Польши. В
IВаршаве был Прусский Губернатор. Белосток входил в состав Корол-
и!ства Пруссии.

Таково было положение до Наполеоновской войны и создания Наполеоном из земель этнографической Польши «Герцогства Варшавского», просуществовавшего до падения Наполеона в 1814 году.

«Венский Конгресс» (1815 г.) перекроил карту Европы, а «Герцогство Варшавское», с небольшими территориальными изменениями, превратил в «Царство Польское». Наследственным «Царём Польским» был провозглашён Император Александр 1-й.

По существу, это была персональная уния Российской Империи и Царства Польского.

Так, под властью России, точнее, Императора Всероссийского, Царя Польского, после Венского Конгресса оказались земли бывшей Речи Посполитой Польской, населённые поляками, с большим процентом евреев, пользовавшихся в Польше самым широким самоуправлением.

«Царство Польское» имело свою конституцию, свой парламент-сейм, своё войско, свою монетную единицу (злотый), таможенные границы с Россией.

Только впоследствии, после двух польских восстаний (1830 и 1863 гг.), вся территория «Царства Польского» стала называться «Привисленским Краем».

ПЕРВЫЕ ЕВРЕИ В РОССИИ

После многих столетий категорического воспрещения пребывания евреев в России, подтверждённого в последний раз в царствование императрицы Елизаветы, в 1764 году, в царствование императрицы Екатерины II легально прибыли в Россию первые евреи — иммигранты на постоянное жительство.

Екатерина II вскоре после восшествия на престол решила вызвать в Россию колонистов, в особенности для южных губерний, с целью оживления торговли, промышленности и земледелия. Для этого именным указом от 22 июня 1763 года была создана «Канцелярия Опекунства Иностраннных», во главе которой императрица поставила наиболее близкого ей человека Григория Орлова.

И вот наперекор всем существовавшим в её время предрассудкам она решила включить в число этих «иностраннных» также евреев. Однако открыто это высказать она опасалась, зная культурную отсталость той среды, которая её окружала. Вследствие этого она только гораздо позже, в ноябре 1769 года, в указе киевскому генерал-губернатору Вейкову официально разрешила евреям поселиться во вновь созданной Новороссийской губернии.

До этого же намерение императрицы пустить евреев в Россию выразилось, так сказать, в заговоре её с приближёнными лицами, отразившимся в переписке с рижским генерал-губернатором Брауном, в коей всему этому делу был придан конспиративный характер. В пись-

и доставленном Брауну секунд-майором Ртишевым, значилось: «ко-
| 11 от Канцелярии Опекунства будут рекомендованы некоторые ино-
• Грапные купцы Новороссийской губернии, то им разрешить прожива-
ние в Риге для производства торговли на таких же основаниях, как это
| | шолено законом купцам других русских губерний в Риге. Ежели, да-
н-е, эти купцы отправят для поселения в Новороссию своих приказчи-
1141, уполномоченных и рабочих, то выдавать им для безопасного пути,
иг >ависимо от их вероисповедания, надлежащие паспорта и да-
на it. им провожатых. Ежели, наконец, из Митавы придут три или че-
| мре человека, которые пожелают отправиться в Петербург из-за тре-
бований к казне, то выдавать им паспорта, **без указания их нацио-
нальности и не наводя справок об их вероисповедании**, а обо-
сачать в паспортах только их имена. Для удостоверения своей лично-
• і п чти люди предъявят **письмо находящегося в Петербурге купца
Левина Вульфа**».

Таким-то таинственным образом было начато водворение евреев в
Россию. Как видно, самодержавие Екатерины II не освобождало её от
необходимости очень и очень считаться с мнением и вкусами окру-
жающих её лиц и даже широких масс русского народа, для которого
in с «жиды» оставались «врагами Христовыми». Поэтому-то в письме
мнительно избегается слово «еврей». Однако Браун, очевидно, понял
ее. лание Екатерины или же ему объяснил его на словах Ртишев. По-
• тедний был немедленно командирован в Митаву к русскому послан-
нику при герцогском дворе фон Смолину с секретным поручением, и **7
мая** 1764 года он вернулся от Смолина с семьёю евреями. Евреи, кото-
рые водворялись в Новороссию, были митавские купцы — Давид Леви,
Моисей Арон, Израиль Лазарь и рабочий Яков Маркус, к которым за-
ботливая Екатерина не преминула присоединить раввина Израиля
Хаима и его помощника Натана Аврама из Бирзена, и даже «мозля»
1.маря Израиля, очевидно, в видах устройства религиозных потребно-
| ой будущей еврейской общины.

9 мая эти евреи в сопровождении Ртишева были отправлены в Пе-
орбург, причём генерал-губернатор в сопроводительном докладе зая-
нил, что он «не ручается за то, чтобы в этом деле удалось сохранить
мину, так как евреи прибыли в Ригу открыто, и их отъезд, насколько
он знает эту нацию, тоже едва ли будет сохранён в тайне».

Если вспомнить при этом, что в то время и ещё много позже, до со-
роковых годов 19-го столетия, рижско-немецкое бюргерство, имевшее
европейский облик, вело борьбу за недопущение поселения евреев в
Гиге и за разрешение приезжающим на время евреям проживать
юлько в одном заезжем дворе, в Московском форштате, то мож-
по оценить, насколько Екатерина II по широте взглядов и гуманности
опередила своё время.

И евреи того времени это поняли и оценили. В 1780 году, когда Ека-
м'рина посетила Шклов, они её приветствовали специально написан-
ной одой на еврейском языке, с переводом на языки русский и немец-

кий. Заключительная строфа этой оды гласит: «Ты дозволила нам проживать в твоей стране в мире и безопасности, под сенью твоего благоволения и под охраной твоего скипетра, в согласии с природными жителями. Как и они, мы восхищаемся твоим величием, как и они, мы счастливы тем, что мы твои подданные».

Такою же одою встретили Екатерину и Могилёвские евреи и Полоцкие. Последние в её честь устроили на Двине блестящую иллюминацию.

Теперь это событие забыто, а, между тем, оно заслуживает особого внимания, особенно в наше время, когда, в результате длительной и целеустремлённой пропаганды, во всём мире существует мнение, что евреи в России всегда и во все времена были преследуемы, лишены элементарных гражданских прав и подвергались гонениям.

Забыты и указ Екатерины II 1791 года, уравнивающий евреев в правах с купцами, ремесленниками и мещанами тех городов и местечек, в которых они проживали в момент, когда эти города и местечки, бывшие раньше польскими или литовскими, стали городами и местечками России.

Забыт и указ императора Александра I, который в 1804 году открыл свободный доступ евреям к образованию, гласящий: «все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах».

Забыты и стипендии еврейским мальчикам, обучавшимся в светских училищах, в то время, как не-еврейские мальчики таковых стипендий не имели.

Зато обо всех ограничениях не забывается и постоянно напоминает, чем создаётся картина России, как страны еврейского бесправия и страданий.

Обо всём этом будет более подробно сказано в дальнейшем. Как о мероприятиях Правительства России, уравнивающих евреев с остальным населением, так и о ряде ограничений, равно как и о причинах, эти ограничения в своё время вызывавших.

ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ ЧИСЛА ЕВРЕЕВ В РОССИИ

Содействуя и способствуя поселению евреев в России, Екатерина II вряд ли предполагала, что вскоре исторические события сами приведут в подданство Российских императоров не отдельные маленькие группки евреев, как это было в 60-х годах 18 столетия, а сотни тысяч.

Как уже упомянуто выше, в результате территориальных изменений конца 18 и самого начала 19 столетий Россия получила не только русские земли бывшей Киевской Руси, много веков находившиеся под

• ию Польши, с коренным русским (малорусским-украинским и белорусским) населением, но и прочно обосновавшихся на этих землях | г.ремя польского владычества евреев.

Как появились в России, до того времени, как правило, не допускав-
П. - ии па свою территорию евреев, больше миллиона подданных — евреев.

()бшее число евреев - русских подданных в 1815 году (по заверше-
нии всех территориальных изменений) доходило до 1 200 000. Все они
| п.ш до 1772 года (до первого «раздела» Польши) вне пределов госу-
дарства российского, будучи отлично организованы, как некое госу-
дарство в государстве, имели своё очень широкое самоуправление,
н"тчиняясь не законам общегосударственным, а своим собственным
еврейским.

Ровно через сто лет, в 1915 году, в России насчитывалось 5 500 000
• вреев. Кроме того, начиная с 80-х годов 19 столетия из России эмигри-
ровало в Америку свыше 1 500 000 евреев. Всего 7 000 000, не учи-
п.шая нормального прироста полутора миллиона эмигрировавших.

Значит, что за сто лет число русских евреев возросло в 6 раз. За
ми же период общее число народонаселения всей России возросло
в. ею в 4 раза. В 1815 году было 45 000 000; в 1915 г. — 180 000 000.

Как видно из этих цифр, рост еврейского населения в России шёл
праздо быстрее, чем рост всего населения государства.

Не делая отсюда никаких выводов, мы только отмечаем этот факт,
иная его чрезвычайно интересным и показательным.

В точности же приведённых цифр вряд ли можно сомневаться, ибо
• ли взяты из книги известного еврейского демографа Я. Лещинского
| Еврейский народ в цифрах». Берлин, 1922 год), каковые цифры, по-
' I ильку это было возможно, проверены и сравнены с данными других
в мографов.

ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ

Перед русским правительством после получения более миллиона
возданных «иудейского вероисповедания» встал вопрос, какой поли-
• вки придерживаться по отношению к этой этнической группе, чуж-
ой основной массе населения не только по религии, но и по языку,
оыту, даже одежде.

Массовое переселение или выселение многочисленных этнических
| рупп в те времена не считалось возможным. До этого люди задумались
ю.тько через полтора столетия, во время и после II мировой войны.

Да и куда было выселить или переселить больше миллиона чело-
век? Западная Европа, откуда евреи пришли, вряд ли согласилась бы
п\ принять обратно, даже, если бы они сами захотели или были высе-
| ены принудительно. Этот вопрос Россия и не поднимала.

Оставалось примириться со свершившимся фактом и искать путей для установления модус вивенди с новыми подданными.

Путь этот был предначертан мероприятиями начала царствования императрицы Екатерины II. Конечной целью этого пути было разрушение той самоизоляции евреев, каковая прочно установилась за время их жизни в Польше и ревниво оберегалась самими евреями, ибо находилась в соответствии с религиозно-бытовыми понятиями и взглядами на сосуществование с иноплеменниками.

Понимая это, русское правительство уже в 1791 году предприняло шаги для уравнивания евреев с не-евреями во вновь присоединённых областях.

В ту эпоху все русские подданные, принадлежавшие к так называемым «податным сословиям», т. е. крестьяне, мещане, ремесленники и купцы — не имели права повсеместного поселения и свободного передвижения в нынешнем смысле этих понятий. Каждый был «приписан» к местному «обществу» и мог заниматься своим делом лишь в данном месте.

В соответствии с этим порядком, евреи, оказавшиеся русскими подданными после «разделов» Польши, были приписаны к мещанским и купеческим обществам тех местностей Юго-Западного и Северо-Западного краёв, в которых они проживали при переходе к России этих областей.

Указом, изданным в 1791 году, Екатерина II подтвердила этот порядок и даже распространила его — право поселения евреев — на территории вновь образованных Екатеринославского наместничества и Таврической области.

Известный русский историк Милюков отмечает и подчёркивает, что основная цель указа состояла именно в том, чтобы подтвердить для евреев равные с остальным населением присоединённых земель права.

Приводя это мнение Милюкова в своём очерке «Правовое положение евреев в России», напечатанном в «Книге о русском еврействе» (Н.Йорк, 1960 г.), знаток этого вопроса, сам еврей, А. Гольденвейзер, добавляет: «но вместе с тем, по специальному ходатайству, боявшихся еврейской конкуренции, московских купцов, в этом же указе было сказано, что евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние российские города и порты».

Этим дополнением к указу фактически было положено начало «черте оседлости», каковая являлась мерой не уравнительной, а ограничительной, просуществовавшей до самой революции 1917 года.

Правда, эта «черта» легко переступалась, ибо было немало способов её перешагнуть, не вступая в конфликт с буквой закона, но всё же она существовала и вызывала острое недовольство всех евреев, а также и значительной части общероссийской общественности.

Ограничения «черты оседлости» не распространялись на следующие категории евреев: евреев неиудейского вероисповедания (не обя-

г.пельно православных); на евреев-купцов первой гильдии (т. е. наиболее состоятельных); евреев, окончивших высшие учебные заведения; на дантистов, провизоров, фельдшеров, евреев-механиков, винокуров, пивоваров и, как сказано в указе, «вообще мастеров и ремесленников». Кроме того, ограничения «черты оседлости» не распространялись также и на «приказчиков» евреев — купцов I гильдии.

Благодаря наличию этих многочисленных исключений и умелому их использованию евреями, к началу 20 столетия в России не было ни одного города без более или менее многочисленной еврейской колонии. Причём в этих колониях не было той многочисленной еврейской оседлоты, которой было очень много в «черте оседлости».

Наличие богатейших еврейских колоний в Петербурге и Москве, строивших такие роскошные здания, как синагога в Москве — лучшее доказательство, что «черта» переступалась довольно легко.

Оставаясь неупразднённой, она имела значение не столько практическое, сколько психологическое, создавая и питая среди евреев антиправительственные настроения, находившие живой отклик как в либеральной русской общественности, так и в печати всего мира.

Ко всему вышесказанному надо добавить и то, что всё больше и ольше образованных евреев, относившихся индифферентно к вопросам религии, смотрели на перемену религии, как на маловажную формальность, выполнение которой освобождало их от всех ограничений, и том числе и в первую очередь — от ограничений «черты оседлости». \wedge потому легко переходили в какую-либо христианскую религию, не обязательно в православие (в большинстве в протестантские разветвления).

Даже в среду, наиболее замкнутую — офицерскую — всё больше и ольше проникало евреев, сменивших свою иудейскую религию на одну из христианских. А. Деникин в своей книге «Пути русского офицера» (Н.Йорк, 1955 г.) говорит, что в 1914 году в рядах русской армии были не только офицеры низшие, но и генералы чисто еврейского происхождения. То же самое сообщает в своих мемуарах и генерал Генштаба М. Грулёв, еврей, достигший высших должностей и даже бывший кандидатом в военные министры Российской Империи. Были евреи и среди воспитанников привилегированных военных учебных заведений, как, например, Кауфман, окончивший Пажеский Корпус.

Вскоре после указа 1791 года, носившего, как указано выше, характер для евреев уравнивательный, но отнюдь не ограничительный, последовал и указ императора Александра I (1804 год), который говорит: «все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах».

Насколько известно, ни в одном государстве мира в то время не существовало такого или подобного правительственного распоряжения. Ведь по существу, это ничто иное, как то равноправие или «десегрегация».

ция», за которое и сейчас, во второй половине 20-го столетия, ведётся ожесточённая борьба не только в отсталых странах, но и в передовых, демократических (США). Причём инициатива исходила сверху, от самодержавной монархической власти.

По чьей вине и по каким причинам впоследствии через 80 с лишком лет, в 1887 году, в России была введена «процентная норма», ограничивающая число евреев в учебных заведениях — об этом более подробно будет сказано в дальнейшем изложении.

Но что желание и стремление русского правительства приобщить евреев к общероссийской культуре, притом без отказа от иудейства, существовало — это несомненно.

Однако почему-то существовавшая и осуществлявшаяся больше 80 лет «десеграгация» старательно замалчивается. А просуществовавшая всего 27 лет (1887-1916 гг.) «процентная норма» выпячивается и подчёркивается как доказательство «правительственного антисемитизма» в России.

Почти полтора столетия длилась жизнь еврейской этнической группы в границах Российской Империи: с 1772 года — первого «раздела» Польши — до 1917 года — провозглашения полного равноправия евреев в России.

За этот период правительством и отдельными его представителями было издано много «дополнений» и «разъяснений», имевших тенденцию и характер ограничительный, в отличие от первых двух, приведённых выше указов 1791 и 1804 г.г., имевших характер уравнивательный, «десеграгационный».

Знаток этого вопроса, адвокат А. Гольденвейзер, в своём очерке «Правовое положение евреев в России» перечисляет все, действовавшие в России до начала первой мировой войны (1914 г.), ограничения для евреев (понимая под таковыми лиц иудейского вероисповедания и исключая евреев-христиан, на которых ограничения не распространялись).

Ограничения были в следующих областях: 1) право жительства и свободы передвижения; 2) приём в учебные заведения; 3) занятия торговлей и промышленностью; 4) поступление на государственную службу и участие в органах самоуправления; 5) порядок отбывания воинской повинности; 6) приём евреев в адвокатуру.

Рассмотрим все эти ограничения по порядку, указывая одновременно и их практические результаты.

1. Право жительства и свободы передвижений.

Черта оседлости.

О «черте оседлости» уже сказано выше, а потому повторять всё, что о ней сказано, нет смысла. Нас интересуют практические её ре-

\,платы и во что вылились благие намерения русского правительст-
.1. желавшего уравнять евреев с окружающим населением. Результа-
И что, надо признать, были отрицательные. Многочисленные исклю-
чения из общего правила открыли настолько широкие возможности
Ли обхода закона, что практически евреи не только богатые, но и про-
hi состоятельные и предприимчивые, это ограничение легко избега-
41 Приказчики евреев-купцов I гильдии могли жить повсеместно, а их
число не было законом ограничено. Винокуры, механики, мастера, ре-
месленники — то же самое. Страдала от «черты оседлости» только ев-
|мнекая беднота, не имевшая возможности использовать все возмож-
ности для обхода закона.

Магнаты сахарной промышленности, железнодорожного строи-
мьства, мукомольного и лесного дела, пароходства, банкового дела,
юрговли чаем, добычи золота — евреи, не меняя религии, пользова-
шсь всеми правами, и на них «черта оседлости» не распространялась.
Л они, согласно букве закона, могли иметь и «приказчиков», и « масте-
риц», и «винокуров», разумеется, с их многочисленными семьями. По-
|нковы, Златопольские, Высоцкие — в Москве; Рубинштейны, Гинз-
оурги — в Петербурге; Бродские, Марголины, Добрые, Гинсбурги,
Шпрманы, Зороховичи — в Киеве жили в особняках и дворцах, хотя
но паспортам и числились русскими подданными «иудейского вероис-
чедания».

А на принадлежавших им предприятиях работали русские, нередко
г. таких невыносимо тяжёлых условиях, которые вызвали недоволь-
1 тво и бунты рабочих, жестоко подавлявшиеся русским правительст-
вом. Вся дореволюционная Россия была взволнована и возмущена из-
естием о кровавом подавлении забастовки рабочих на Ленских золо-
|ых приисках в Сибири в 1912 году. Забастовка эта была вызвана бес-
в'ловечной эксплуатацией рабочих и требованием администрации
приисков, чтобы рабочие снабжались в приисковых продуктовых мага-
чсах, в которых и качество, и цены продуктов совершенно произволь-
но определялись администрацией. Частная торговля на территории
приисков не допускалась. Когда рабочие, доведённые до отчаяния, от-
к|зались покупать в приисковых магазинах недоброкачественные про-
|укты по вздутой цене, а также получать часть заработка не наличны-
ми, а бонами на продукты из тех же магазинов, администрация усмот-
рела в этом бунт. Бунт был подавлен, причём было много убитых и ра-
н-ных рабочих, оказавших сопротивление войскам. Немало пострада-
ю и чинов полиции и солдат при усмирении бунта. В связи с этим по
всей России прокатилась волна демонстраций против действий прави-
|ельства, в особенности в высших учебных заведениях, где «Ленские
события» отмечались традиционно из года в год митингами и забастов-
ками. Но никогда и нигде не было сказано ни слова осуждения одному
и ! главных акционеров «Ленских приисков» — Гинсбургу, который во
время подавления бунта пребывал в своём особняке — дворце в Пе-

тербурге (на Морской улице) и от которого зависело изменение условий, вызвавших этот бунт.

Приведённый случай далеко не единичный, когда русское правительство оружием подавляло забастовки русских рабочих на еврейских предприятиях, где распоряжались «приказчики» владельца «иудейского вероисповедания», сами — тоже евреи.

Правительство стояло на страже законности и порядка, не входя в рассмотрение вопроса, что вызвало беспорядки и от кого зависело создать такие условия труда, чтобы для беспорядков не было причин.

Но и русское общественное мнение, и мировое виновником всего всегда считало только правительство и широко раздувало всякий случай, когда органы власти были вынуждаемы обстановкой прибегнуть к оружию.

2. Приём в учебные заведения. Процентная норма.

Либеральный указ 1804 года о допущении евреев во все учебные заведения России не только не вызвал энтузиазма среди евреев, но и натолкнулся на ожесточённое противодействие всего русского еврейства.

Не без основания опасаясь, что светское образование может отвлечь евреев от религии и предписаний Талмуда, раввины и еврейские общины-«кагалы» строго осуждали самую мысль о возможности и допустимости для правоверного еврея светского образования, считая это грехом, и всячески противились поступлению евреев в светские учебные заведения.

Существовавшие еврейские школы «хедеры» с их учителями — «меламедами» — начётчиками Талмуда — и школы высшей ступени — «эшиботы», по мнению раввинов и «кагалов», были совершенно достаточны. Школы же светские, даже с преподаванием на еврейском языке, нарушали веками установившийся быт замкнутого круга расово-религиозных общин-«кагалов», руководимых раввинами, которые понимали, насколько может быть опасно для их авторитета это новшество. Пока евреи жили строго изолированными от окружающего мира своими общинами, основанными на единстве не только религии, но и расы и крови, до тех пор раввины и общины могли быть спокойны, что еврей останется верен религии и Талмуду и слово раввина будет для него закон.

И вначале еврейство ответило на разрешение — призыв русского правительства приобщиться к русской культуре не только молчанием, но и пассивным сопротивлением. Учиться в светские школы евреи не шли.

И не только учиться в школах, но даже изучать язык того государства, подданными которого они были, считалось занятием нечестивым и грехом.

Каждое новое слово иностранного языка, усвоенное евреем, неизбежно должно было вытеснить одно еврейское слово, ибо Иегова опре-

и'лил точно количество слов, которое должен и может знать еврей. — И пк поучали приверженцы старины в еврейских массах.

Древнееврейский язык, язык священного писания, знали только немногие, специально его изучавшие. В быту же массы пользовались vi !ьком, который теперь называется «идиш», а до начала 20 века назывался «жаргон».

Вот что пишет по этому вопросу, почитаемый всеми евреями, культурно-просветительный деятель еврейства первой половины 19 столетия Исаак Беер Левинсон, родившийся в 1788 году и скончавшийся в 1860 году, всю свою жизнь борющийся за приобщение еврейства к светскому образованию: «жаргон не есть язык, а безобразная смесь изуродованных, исковерканных библейских, русских, польских, немецких и др. слов; это удивительная смесь разных наречий, по бедности и необработанности своей не пригодная для выражения тонких чувств и абстрактной серьёзной мысли. К чему нам эта тарабарщина? Говорите или на чистом немецком, или на русском языке». Ссылками па Талмуд и на историю Левинсон доказывает, что евреи говорили обыкновенно на языке того народа, среди которого они жили. Он приводит целый ряд имён великих еврейских учёных, которые не только изучали иностранные языки, но и писали на них свои сочинения. Философ Филон, Иосиф Флавий, Саадий Гаон, Иегуда Галеви, Маймонид, Бахья-Ибн-Пекуда — эти столпы еврейской богословской литературы писали свои произведения, как философские, так и религиозные, на греческом, арабском, испанском и итальянском языках, в зависимости от того, в какой стране они жили.

Приведённые выше мысли Левинсона были написаны в начале 19 столетия, когда евреи только начали приобщаться к светскому образованию и культуре отдельных европейских народов. Теперь, через полюра столетия, перечисление евреев, писавших и пишущих свои произведения на языках тех народов, среди которых они живут, заняло бы целые страницы. По-немецки писали Гейне, Маркс, Лассаль, Вассерман, Шнитцлер, Эйнштейн, Фейхтвангер и многие другие. Но это не значит, что они — немцы. Немало евреев писало свои произведения и по-английски, начиная с Давида Рикардо и кончая нынешним американским драматургом Артуром Миллером. По-французски писали Бергсон, Жиль Ромэн, Андре Моруа, Адольф Кремье и много других. Георг Брандес писал по-шведски. Ламброзо — по-итальянски. Моше Пияде (Михаил Поробич) писал по-сербски. Анна Паукер — по-румынски, Сланский — по-чешски, Ракоши — по-венгерски. Но все они были евреи. Но больше всего было евреев, писавших и пишущих свои произведения по-русски, как под своими еврейскими именами, так и прикрываясь чисто русскими псевдонимами вроде «Кольцов», «Никулин», «Рязанов»... «Алданов», «Седых»...

Марк Слоним, русский еврей, которого многие считают знатоком русской литературы и который много пишет и читает лекции о русской литературе, в своём очерке «Писатели-евреи в русской литературе»,

напечатанном в сборнике «Еврейский Мир» (Издание «Союза Русских Евреев» в Нью-Йорке, 1944 год), пишет следующие строки: «Никакой особой «русско-еврейской» литературы в Советском Союзе нет и быть не может. Для историка и исследователя искусства может возникнуть только один вопрос: какое влияние оказали писатели-евреи на русскую литературу? В какой мере они принесли в неё свой собственный дух и оригинальные темы?»...

В зависимости от этой степени влияния и внесения в русскую литературу своей еврейской тематики и «духа» Марк Слоним делит евреев, писавших на русском языке, на три категории:

I. В первую категорию Слоним зачисляет еврейских писателей и поэтов, писавших свои произведения на русском языке, настолько ассимилировавшихся, что М. Слоним не замечает в их произведениях «еврейского духа» и в своём очерке приводит слова критика Львова-Рогачевского, назвавшего эту категорию «евреями лишь по паспорту», соглашаясь с этим определением. «Ничего специфически еврейского — ни по духу ни по теме своего творчества», по мнению М. Слонима, в произведениях этих писателей нет.

Некоторые писатели из этой категории «скрыли своё настоящее имя под псевдонимом и даже в автобиографиях своих не указывают, что они — евреи», — говорит М. Слоним.

К этой категории Слоним причисляет Пастернака, Мандельштама, Веру Инбер, Ефрема Зозулю, Никулина, Лидина, Кирсанова, Лифшица, Маршака и множество других.

II. Вторую категорию составляют авторы, у которых, как говорит М. Слоним, «несмотря на их совершенно очевидное растворение в русской стихии, прорываются иногда еврейские темы и мотивы».

Эта категория своего еврейского происхождения не скрывает, а иногда его даже выпячивает и подчёркивает. Эренбург, например, свою автобиографию начинает словами: «Родился в 1891 году. Иудей».

Елизавета Полонская в одном из своих стихотворений говорит: «то кровь моя в жилах твоих поёт, чужим языком говорит»... (при встрече поэтессы с еврейкой-нишей, узнавшей в ней еврейку).

Во вторую категорию, кроме Эренбурга и Полонской, Слоним зачисляет также Андрея Соболя, Лунца.

III. К третьей категории М. Слоним причисляет тех евреев-писателей, которые почти исключительно пишут на еврейские темы.

Во главе этой категории стоит Исаак Бабель, о котором Слоним пишет, что он, Бабель, «один из так часто встречающихся в действительности тип еврея-коммуниста, фанатически верившего в учение Ленина и странным образом сочетавшего заветы Библии или Талмуда с требованиями и доктриной коммунистической церкви».

Кроме Бабеля, в эту категорию можно включить Козакова, Бройде, Бергельсона, Хаита и много других евреев-писателей, из которых многие писали не только на русском, но и на еврейском языке.

По этому же вопросу — вопросу о существовании «русско-еврейской» литературы, высказывается и Ю. Марголин, журналист, статьи которого часто появляются на страницах периодической печати, выходящей на русском языке в эмиграции. В газете «Новое Русское Слово» от 11 января 1962 г. Марголин написал следующее: «Бабель — еврейский писатель эпохи крушения. К русской литературе он относится, как перстень с дорогим камнем на пальце. Перстенёк можно снять, положить на 20 лет и снова одеть — он не составляет части тела. В еврейскую литературу своего времени он входит органически — всем смыслом, всей патетикой и тематикой своего писательства.

Еврейская литература вообще многоязычна: греческий язык Иосифа Флавия и Деяний Апостольских, арабский язык Маймонида, латынь Спинозы и немецкий язык Гейне — всё это ответвления от одного ствола».

О еврейской литературе, к каковой, как изложено выше, сами евреи относят всё написанное лицами еврейской расы на самых различных языках в разные времена и эпохи, известный историк этой литературы СЛ. Цинберг пишет: «В еврейской литературе отдельная личность была всегда подчинена коллективу и растворена в нём: все духовные богатства, создающиеся и собираемые в народе, принадлежат всему народу. Они носят только его имя, они знают только одного творца — это весь еврейский народ». («Еврейский Мир», сборн. II. 1944 год, Нью-Йорк).

Еврейская литература на русском языке проявилась только тогда, когда значительное число евреев, использовав возможности, предоставленные евреям десеграционной политикой русского правительства, выучили русский язык, получивши образование в русских учебных заведениях. Произошло это только в последней четверти 19 столетия, а к началу нынешнего века число евреев, включившихся в русскую литературу и культурную жизнь, возросло чрезвычайно.

Включение же это было не слияние, растворение, ассимиляция до конца, подобно химическому соединению разнородных элементов, а только механическая смесь или, по меткому определению Ю. Марголина, «перстни с дорогим камнем», надетые на пальцы чужеродного тела.

«Перстней» этих становилось всё больше и больше, особенно в областях журналистики, публицистики, критики, в адвокатуре...

Явление это не осталось незамеченным. И с 80-х годов прошлого столетия русское правительство, которое в начале столетия так широко открыло для своих подданных евреев двери всех учебных заведений, стало на путь ограничений, о которых так много и часто пишется теперь, забывая тот, больше чем восьмидесятилетний, период, когда не только не было никаких ограничений (1804-1888 гг.), но русское правительство всячески содействовало приобщению евреев к общерусской культуре путём получения образования в русских учебных заведениях.

Преимущества светского образования и сопряжённые с ним открывавшиеся возможности материального преуспеяния были настолько очевидны и сильны, что значительная часть евреев, не считаясь с недовольством раввинов, устремилась в русские учебные заведения.

Процесс приобщения евреев к числу российских подданных, окончивших средние и высшие учебные заведения России, стремительно и неуклонно рос. И к середине 80-х годов одна треть всех студентов университетов Харьковского и Новороссийского (Одесского), обучавшихся на медицинском и юридическом факультетах, были евреи.

Получивши дипломы средних и высших учебных заведений России, евреи тем самым проникали в среду российской интеллигенции, особенно в свободные профессии: врачи, адвокаты, журналисты, и начали всё больше и больше оказывать влияние и на всю культурную жизнь России. Но это не была, как указано выше, та ассимиляция, к которой стремилось русское правительство, содействуя и поощряя обучение евреев в светских учебных заведениях, в надежде приобщить их к русской культуре и «переварить их в общероссийском котле», как это происходит сейчас в США со всеми этническими группами граждан США, где постепенно создаётся «американская нация» и «американский патриотизм» путём не только образования на государственном английском языке, но и смешанных браков, одного быта, общности интересов материальных и политических.

Ничего этого в России не было. Еврей, несмотря на окончание русского учебного заведения, на замену традиционного «лапсердака» обыкновенной одеждой, на то, что он срезал «пейсы», покинул замкнутый круг еврейской общины-«кагала», перешагнул «черту оседлости» и даже (иногда) переменял религию и получил все без исключения права наравне с остальным населением — он всё же оставался прежде всего евреем.

Со своей, еврейской, точки зрения он оценивал все события, прежде всего имея в виду их полезность и выгодность для еврейства. Не только многомиллионного еврейства России, но и всего еврейства диаспоры.

Это не значит, что они не были лояльными гражданами России. Но им было чуждо и непонятно то чувство, которое свойственно и присуще тем, кто корнями своими уходил в далёкое прошлое своего народа, а своё будущее видел неразрывно связанным с будущностью своего народа и государства, созданного их предками — России.

У евреев же и прошлое и будущее было связано не с Россией и русским народом, а с еврейством всего мира, его прошлым и его будущим.

Россия для них была только временный этап их тысячелетнего пребывания в изгнании, как когда-то были Римская Империя, Испания, Западная Европа. Как не стали они римлянами, греками, испанцами, немцами — так не стали они и русскими, хотя и изучили русский язык, и сами стремились принимать живейшее участие в общественной и политической жизни России. Стремление это находило всемер-

ную поддержку среди русских культурных людей, особенно передовой и либеральной интеллигенции.

И евреи приобщались к русской культурной жизни как равноправные и даже желанные члены всевозможных обществ и профессиональных объединений и культурных начинаний.

Но при этом они сохраняли и свято оберегали то, что проф. Лурье называет «внутренним обликом еврея», присущим только евреям, в какую бы эпоху и в какой бы стране они ни жили и на каком бы языке ни говорили.

Этот «внутренний облик», отличающий еврея ото всех других народов, племён, рас, сами евреи не замечали или не хотели замечать, а тем менее о нём говорить и писать. А не-евреи, принявшие евреев в свою среду, самую мысль о возможности обсуждения и наличия этого «внутреннего облика» считали проявлением «юдофобии» или «антисемитизма».

Но подспудно и невысказанно уже с 80-х годов прошлого столетия начинал ощущаться известный конфликт между вошедшими в русскую культурную жизнь евреями и русской интеллигенцией, уходящий своими корнями в далёкое прошлое русского народа.

Это не была «юдофобия» или агрессивный «антисемитизм» — в массе своей русская интеллигенция — культурный слой — его не знала и не одобряла. Но это было невысказанное и неформулированное признание, что десеграгационная и ассимиляционная политика не увенчалась успехом, несмотря на то, что огромный процент евреев внешне полностью стал схож с не-евреями, русскими подданными.

Заполняя собой ряды свободных профессий, куда евреи и стремились сами, не только потому, что другие профессии были для них закрыты или затруднены, но и по своему врождённому отталкиванию от чисто чиновничьей, бюрократической деятельности — они вносили с собой и своё специфическое еврейское, чуждое и малопонятное для окружающей среды.

Начали раздаваться, правда, очень робкие, голоса о «еврейском духе» в свободных профессиях, прежде всего в адвокатуре и газетном деле.

Всё это создало предпосылки для пересмотра русским правительством правильности и целесообразности политики в еврейском вопросе.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия, правительство пошло по пути разного рода ограничений для лиц иудейского вероисповедания в разных областях жизни и хозяйственной и культурной деятельности, в частности, в вопросе обучения в учебных заведениях, не только государственных, но и частных.

Ограничения эти в русской общественности были встречены крайне отрицательно (кроме сравнительно небольшой части, настроенной консервативно, юдофобски), а у всех евреев вообще породили резко антиправительственные настроения и толкнули их в оппозиционные и революционные группировки и организации.

Так закончился «ассимиляционный» период истории евреев в России, который евреями был полностью использован для создания многочисленных кадров интеллигенции еврейского происхождения, неразрывно связанной с еврейской религией, и признания себя «избранным народом», что препятствовало слиянию с народом русским и его культурой.

Насколько многочисленны были эти кадры, можно судить по данным о числе студентов-евреев, по окончании университетов пополнявших эти кадры.

По данным «Книги о русском еврействе» (Нью-Йорк, 1960 год), в 1886 году на медицинском факультете Харьковского университета было 41,5 % евреев; а в Одессе на медицинском — 30,7 %, а на юридическом — 41,2 %. Окончившие университет вливались в ряды российской интеллигенции, внося в неё немало и своего, специфично еврейского, свойственного этой древней расе, сумевшей сохранить свою чистоту на протяжении тысячелетий рассеяния.

Считая это нежелательным и наблюдая неуспех своей ассимиляционной политики, Российское Правительство вводит в 1887 году так называемую «процентную норму», которая заключалась в том, что к приёму в учебные заведения (средние и высшие) допускался только известный процент лиц иудейского вероисповедания, а именно — в «черте оседлости» — 10 %; вне «черты» — 5 %, в Петербурге и Москве — всего 3 %.

Это вызвало взрыв негодования у всего еврейства и окончательно толкнуло его в ряды противников режима. Резко отрицательно отнеслась к этому и либеральная общероссийская общественность.

Однако «процентная норма» существенного изменения процента евреев, получающих среднее и высшее образование, не внесла. Нашлось много путей и возможностей обходить закон. Одни переходили в лютеранство и, по букве закона, переставали считаться евреями; другие кончали учебные заведения за границей и возвращались в Россию; третьи сдавали экзамены «экстерном»; четвёртые получали образование в учебных заведениях, на которые «процентная норма» не распространялась (коммерческие училища и ряд частных средних и высших учебных заведений). По данным «Книги о русском еврействе», в 1912 году в Киевском Коммерческом Институте было 1875 студентов-евреев; а в Психо-Неврологическом Институте в Петербурге, как сообщает вышеупомянутая книга, среди студентов были «тысячи евреев».

И, в конечном результате, за 30 лет существования «процентной нормы» (1887-1917 гг.) процент студентов-евреев (т. е. не перешедших в другую религию и оставшихся в иудаизме) изменился очень мало. В 1887 году средний процент для всей России был 14,5 %, а в 1917 — 12,1 %. (Цифры взяты из «Книги о русском еврействе» и сомневаться в их точности нет никаких оснований).

В эти цифры следует внести только один корректив: число студентов-евреев по племенному признаку и расе, но не иудейского вероис-

поведания. Таковых в 1887 году было значительно меньше, чем в 1917. Точных данных о количестве их не имеется, но общеизвестно, что их было немало.

Принявши во внимание этот корректив, без боязни сделать крупную ошибку можно сказать, что введение «процентной нормы» процент студентов-евреев в русских учебных заведениях не изменило, а только заморозило на уровне 1887 года.

Особенно остро чувствовалась «процентная норма» на Украине, где к 1917 году жило 2 500 000 евреев, или 41 % всех евреев — российских подданных. Но всё же «процентную норму» удавалось разными путями обходить, главным образом, путём создания частных учебных заведений при поддержке еврейского капитала. Кроме того, было множество чисто еврейских частных школ, находившихся в руках еврейских общин. В них получала образование еврейская молодёжь, не попавшая в русские учебные заведения. Об огромной деятельности этого рода учебных заведений весьма подробно и документирование сообщается в отдельной главе «Книги о русском еврействе».

В той же книге на стр. 360 мы находим следующие строки: «Ещё в июне 1914 года был опубликован закон о частных учебных заведениях, не пользовавшихся правами правительственных. Закон обеспечивал народностям свободу в выборе языка для преподавания, что открывало широкие возможности для развития еврейского образования на «идиш» и древнееврейском языке».

Зная всё вышеизложенное, теряют всякую убедительность весьма распространённые во всём мире голословные утверждения, что в дореволюционной России «евреям был закрыт доступ к образованию».

Больше 12 % евреев в высших учебных заведениях в то время, как они составляли меньше 4 % всего населения России, и, вдобавок, ничем не ограниченная возможность открывать учебные заведения с преподаванием на еврейском языке — неопровержимо доказывают, как-то было истинное положение в вопросе возможности для евреев получать образование в России.

Здесь небезынтересно обратить внимание на то, что именно выходцы из России в новосозданном государстве Израиль составляют подавляющее большинство интеллигенции, министров и политических деятелей, получивших своё образование в той самой России, где «евреям был закрыт доступ к образованию». Не будь всех этих полтавских, одесских, киевских бывших гимназистов, реалистов и студентов, Израиль оказался бы перед почти полным отсутствием кадров для создания всего аппарата власти во вновь создаваемом государстве.

В заключение описания вопроса получения образования евреями в дореволюционной России и открывавшимися перед ними для этого широчайшими возможностями, не боясь повторений, следует ещё раз сказать следующее: полученное в русских учебных заведениях образование открыло перед евреями самые широкие возможности для проникновения в ряды русской интеллигенции и слияния с ней, тем более, что отношение к евреям этой самой русской интеллигенции было весьма дружелюбное.

И проникновение, самое глубокое (кроме административного аппарата и военной среды) во все круги культурного слоя России шло непрерывно. Но к слиянию не приводило. И не по вине русской интеллигенции и вообще культурной части русской общественности. Причину надо искать во врождённом у евреев стремлении к самоизоляции от народов, среди которых им приходилось жить на своём историческом пути.

Надо полагать, что это есть результат тысячелетнего религиозного воспитания, внушавшего, что евреи — «избранный народ», рассеянный только временно, до того часа, когда он соберётся опять в «Земле Обетованной». Все страны, где они живут — это не родина, а только место временного пребывания. Настоящая же родина — это «Земля Обетованная».

Из веры и непоколебимого убеждения в своей «избранности» логически неизбежно вытекает сознание своего превосходства над другими народами, нежелание с ними смешиваться и, как следствие этого нежелания, то самоограничение, которое характерно для евреев, даже живущих среди тех народов, которые никаких ограничений для слияния с евреями не ставят. В дореволюционной России, особенно на Украине, эти самоограничительные тенденции евреев проявлялись особенно отчётливо и делали их чужеродным телом среди массы украинско-русского населения.

3. Занятия торговлей и промышленностью

По ст. 791, т. IX, Свода законов Российской империи, евреи — ремесленники, купцы и мещане — «пользуются в местах, для постоянного жительства им назначенных, всеми правами и преимуществами, предоставленными другим русским подданным одинакового с ними состояния, поелику сие не противно особым правилам о евреях».

Это «особое правило» для всех евреев, кроме купцов I гильдии (т. е. наиболее зажиточных), делало невозможным занятие торговлей и промышленностью вне «черты оседлости». -

Исключение делалось для евреев-ремесленников, каковым разрешалась торговля вне «черты оседлости», но «только предметами собственного изделия».

Наличие этих двух ограничений лишало возможности многочисленных бедных евреев, поколениями живших и кормивших семью своей посредническо-факторской деятельностью, заняться этой деятельностью вне «черты оседлости». Заняться ею на свой риск и страх, а не в качестве служащего — «приказчика»-еврея — купца I гильдии.

Вопрос о праве ремесленников торговать предметами собственного изделия не был достаточно уточнён и допускал как расширительное, так и ограничительное толкование, что вело к возможности разных злоупотреблений со стороны представителей власти на местах.

В связи с этим было множество «разъяснений» Сената, нередко противоречащих одно другому. Так, например, в одном решении Сенат признал законной для еврея-часовщика торговлю часами, составные части которых были чужого изделия, но собраны им самим. В другом решении торговля мукой булочником-евреем была признана незаконной, со всеми вытекающими из сего последствиями, предусмотренными Ст. 1.171 Уложения о наказаниях 1845 года (конфискация товаров и немедленная высылка из тех мест).

Все эти ограничения теми или иными путями обходились, и находились лазейки и способы их избежать, иногда легально, а большей частью полуполегално или совсем нелегально, благодаря возможности толкования в смысле расширительном или ограниченном отдельными представителями власти.

Но еврейскую бедноту такие ограничения раздражали, лишали возможности привычным способом зарабатывать на себя и семью и толкали её в ряды противников режима.

Были ли эти ограничения целесообразны и соответствовали ли они интересам общегосударственным — об этом существуют разные мнения. Многие министры финансов, например, Витте и другие, были противниками этих ограничений, исходя из соображений, что надо же дать возможность евреям путём торговли прокормить себя.

4. Государственная служба. Самоуправление.

«Различие вероисповедания или племени — гласил закон — не препятствует определению на службу, если желающие вступить в оную имеют на сие право... Евреи, имеющие учёные степени, допускаются на службу по всем ведомствам. (Диплом I степени Ун-та приравнялся к учёной степени)... Лица из евреев, поступающие на государственную службу, приводятся к присяге на верность службе порядком, предписанным для них в Уставе духовных дел инославных исповеданий».

Так гласили русские законы, написанные в тот «ассимиляционный» период, когда русское правительство стремилось к «слиянию евреев с коренным населением», в частности, путём привлечения еврейской молодёжи в русскую школу, и боролось с «обособленностью» евреев — своих подданных.

Как видно из текста закона, евреям были предоставлены самые широкие возможности... Но тогда, вплоть до 70-х годов, не было евреев соответствующих квалификаций. До конца 50-х и начала 60-х годов евреи, окончившие русские университеты, исчислялись, буквально, если не единицами, то десятками. Массовый наплыв евреев в университеты начался только в конце 60-х и начале 70-х годов, после великих реформ императора Александра II.

Но вскоре осозналось, что университетский диплом еврея отнюдь не значит, что он твёрдо стал на путь «сливания с коренным населением», к чему стремилось правительство. По своему «внутреннему облику» он оставался прежде всего евреем, несмотря на мундир государственного чиновника, отличное знание грамматики русского языка и всех тонкостей русского законодательства.

В русскую культуру евреи вращались, но отнюдь с ней не только не сливались, но даже и не срастались.

Национальные интересы России, в широком и глубоком значении этого слова, были им чужды и непонятны.

Осознавши это, русское правительство в вопросе пребывания евреев на государственной службе, главным образом в судебном ведомстве, куда устремлялись евреи с юридическим образованием, прибегло к следующему методу. С конца 70-х годов евреев перестали назначать на должности, а евреев, уже занимающих должности, не увольняя, продолжали держать на этих должностях без всякой надежды на повышение. Это приводило евреев к разочарованию в государственной службе, и они сами, добровольно, переходили в открытую для них свободную профессию — адвокатуру. Только немногие единицы задержались на государственной службе, как, например, действительный статский советник Тейтель и тайный советник Гальперн, дожившие в этих чинах до революции 1917 года.

В другие области государственной службы евреи и сами не стремились, кроме евреев-врачей, число которых в военном ведомстве было весьма значительно и никаких ограничений для их поступления в качестве военных врачей, равно, как и заметных затруднений в их служебной карьере, не существовало.

В адвокатуре, хотя профессии и свободной, но тесно связанной с судебным ведомством, до 1889 года никаких ограничений для зачисления евреев в сословие присяжных поверенных не существовало. И число адвокатов-евреев стремительно росло. При этом евреи вносили с собой и немало своего специфически еврейского, что не оставалось незамеченным и вызывало известную реакцию, как некоторых кругов русского общества, так и правительства. И с 4 ноября 1889 года для зачисления евреев в присяжные поверенные требовалось в каждом индивидуальном случае разрешение министра юстиции. (Это относилось только к присяжным поверенным и не распространялось на евреев - помощников присяжных поверенных).

Разрешения эти давались с большими затруднениями и тем ограничилось число полноправных присяжных поверенных (адвокатов)-евреев.

А с 1912 года ограничение для присяжных поверенных, введённое в 1889 году, было распространено и на их помощников-евреев. (Как в первом, так и во втором случаях ограничения распространялись только на евреев иудейского вероисповедания и не касались евреев других вероисповеданий).

В том же 1912 году, при введении местного выборного суда — мировых и волостных судей — было указано, что евреи на эти должности выбираемы быть не могут.

Не допускались лица иудейского вероисповедания и на преподавательские должности в средних учебных заведениях.

К доцентуре и кафедрам в высших учебных заведениях их допускали, но только в редких случаях; но для евреев неиудейского вероисповедания никаких ограничений и препятствий не было. Так, например, даже начальник Военно-Хирургической Академии в Петербурге в начале нынешнего столетия был по крови еврей, что вызвало затруднения при зачислении его сына в Павловское военное училище.

Здесь уместно будет пояснить, что государственная служба была двойного рода: служба на должностях, дававшая чины и пенсию, и служба по найму, ничем не отличавшаяся от службы у частных лиц и предприятий. В большинстве случаев евреи, состоявшие на государственной службе, были на службе по найму.

На высшие административные посты евреи не назначались, но это опять-таки относится только к лицам иудейского вероисповедания.

Участие в самоуправлении. Весь «ассимиляционный период» русское законодательство о самоуправлении, городском и земском, не знало ограничений для евреев.

Но в конце 80-х годов, вскоре после введения «процентной нормы», были введены ограничения для евреев и в праве участия в самоуправлении: земском и городском.

Евреи перестали допускаться к участию в земских собраниях и избирательных съездах. (Но это не относилось к многочисленным земским служащим по найму, в частности, к врачам).

Участие в городском самоуправлении было ограничено известным процентом для гласных городских дум (не больше одной трети общего числа гласных), а на должность городского головы евреи вообще не могли быть избираемы.

Но в то же время никаких ограничений для выборов евреев в члены Государственной Думы и Государственного Совета не существовало и еврей-депутаты были во всех четырёх Государственных Думах, а один еврей, Вейнштейн, был даже членом Государственного Совета по вы-

борам и принимал участие в его заседаниях наряду с высшими сановниками Российской империи.

Воинская повинность. За всё время своего пребывания на территории Речи Посполитой Польской евреи воинской повинности не несли, ни в мирное время, ни во времена войны. Вместо прямого участия в обороне страны они платили особый налог, освобождавший их от службы в войсках.

Не призывались они и в войска России, после того, как стали её подданными. Рекрутская повинность, обязательная для всех «податных» сословий (мещан, ремесленников, купцов), заменялась для евреев особым денежным сбором, взимаемым с еврейских общин-«кагалов» — мест постоянного жительства евреев.

Но в 1827 году этот порядок был изменён. Именным указом императора Николая I для евреев были введены правила об отбывании рекрутской повинности натурой.

Кого сдать в рекруты, предоставлялось решить евреям самим, т.е. их общинам. Правительство требовало только определённое число взрослых, совершеннолетних мужчин, физически здоровых и не старше 25 лет.

Кто совершеннолетний — решали раввины. По еврейскому закону, совершеннолетие считалось по достижении мальчиком 13 лет и совершения над ним соответствующего религиозного обряда. Кроме того, еврейским общинам было предоставлено право сдавать в рекруты («представлять за себя») пойманных беспаспортных «единоверцев их».

Отсутствие прямого указания, кого надлежит считать совершеннолетним, равно как и предоставление права общинам самим решать, кого сдать в рекруты, открыло широкие возможности для всякого рода злоупотреблений.

Вся тяжесть рекрутчины падала главным образом на беднейшую часть еврейства, не имевшую ни связей и протекций, ни средств для найма заместителя.

На «совершеннолетие» тщедушного мальчика, явно неспособного к несению тяжёлой солдатской службы, правительство смотрело сквозь пальцы и на это обстоятельство не обращало внимания. Главное — чтобы было поставлено причитающееся число рекрутов.

Надо полагать, это делалось сознательно, в надежде, что еврейского ребёнка, оторванного от родной среды, легче привести к «слиянию с коренным населением», что, в большинстве случаев, и происходило с теми мальчиками-солдатами, которые не погибали от разных детских болезней.

Как не способных носить оружие и, в то же время, в большинстве, весьма музыкальных от природы, их определяли в музыкантские команды, где их обучали русскому языку и переводили в православие, не спрашивая их согласия. Или же определяли в специальные школы, где они быстро «обрусевали» и в дальнейшем несли военную службу, не испытывая никаких ограничений как евреи по происхождению, ибо в

России ограничения существовали только по признаку религиозному, а не племенному и расовому. Это были так называемые «кантонисты», многие из которых сделали неплохую карьеру как на военной, так и на гражданской службе. Вступая в брак с русскими, они полностью обрусели и для еврейства были потеряны.

Этот жестокий метод проведения ассимиляционной политики просуществовал больше четверти столетия и был отменён только в 1856 году.

Ощутительных результатов для ассимиляции всей еврейской массы он не дал: в «кантонисты» попадал только весьма незначительный процент еврейских мальчиков.

С введением в России всеобщей воинской повинности все евреи, достигшие 21 года, должны были отбывать её на общих основаниях и никаких замен не допускалось.

С другой стороны, при несении военной службы стало применяться к евреям всё больше и больше ограничений: недопущение их на даже низшие командные должности, не говоря уже о производстве в офицеры, запрещение назначать евреев-солдат в писари, интендантство, санитарную часть, в пограничную стражу...

Все эти ограничения только усугубляли и без того отрицательное отношение евреев к военной службе, и они старались всячески от неё освободиться, нередко исчезая за границу, когда приходил срок явки в Воинское Присутствие.

Правительство на это реагировало наложением денежного штрафа на семью уклонившегося от призыва, что цели не достигало, но только вызывало критику не только в еврейских кругах, но и среди широких кругов русской общественности.

Выход из этого положения некоторые политические деятели дореволюционной России видели в возвращении к тем временам, когда евреи не несли военной службы, а облагались специальным за это налогом. Вопрос этот оживлённо дебатировался в соответствующих кругах в период между первой революцией 1905 года и кануном первой мировой войны, но решения никакого принято не было, а все ограничения для евреев при прохождении военной службы остались в силе.

И когда наступила мировая война, у сотен тысяч русских солдат-евреев, хорошо осведомлённых о положении своих единоплеменников в армиях неприятеля, особенно в Австрийской, не могли не возникнуть мысли и сравнения, которые мало способствовали их патриотическому подъёму и боевому духу. Ни отрицать это, ни замалчивать не приходится.

Кроме перечисленных выше мероприятий русского правительства, как ассимиляционно-уравнительного, десеграционного характера, так и характера ограничительного, в заключение можно упомянуть и

ещё одно распоряжение русского правительства, взволновавшее в своё время всех «русских подданных иудейского вероисповедания».

В начале 19 века евреи-мужчины носили долгополые, до пят, халаты-кафтаны, каковые были чем-то вроде национального костюма евреев того времени. Император Николай I, любивший вообще порядок и форму, ввёл таковую и для евреев, предписавши и точно определивши, какой длины могут быть их халаты-кафтаны. Конечно, приказ должен был быть исполнен, и евреи обрезали длинные фалды своей верхней одежды. Так создалась та верхняя одежда евреев, которая до 1917 года называлась «лапсердак». Но «пейсы» — локоны на висках, которые носили евреи, остались неприкосновенными до самой революции 1917 года. Их носило подавляющее большинство евреев «черты оседлости», кроме незначительного числа евреев, отошедших от старых еврейских обычаев.

Результаты и итоги ассимиляционной и ограничительной политики

В начале двадцатого столетия, в годы предшествовавшие первой мировой войне, уже отчётливо выявились результаты той политики, которую вело русское правительство в «еврейском вопросе».

Кратко можно сказать, что ни длительный период стремления «слить евреев с коренным населением» мерами поощрительными и десеграгационными, ни значительно более короткий период разных ограничений успеха не имели и желаемых результатов не принесли. Русскими патриотами, в том высоком смысле этого слова, как оно понимается во всём мире, патриотами, о которых римляне говорили, что для них «дुльце ет докорум эст про патрия мори» (сладостно и почётно умереть за родину), евреи не стали, кроме немногочисленных и редких исключений.

Это и не удивительно. Ведь родина для всех евреев всего мира не страна, в которой они родились, а «Земля Обетованная», мечтой о возвращении в которую они жили всё время своего пребывания в рассеянии. Так их учили с младенческих лет и в семье, и в «хедерах», и во всём быту еврейских общин. Отказаться от этой мечты для правоверного еврея (особенно тех времён) было равносильно отказу от религии своих предков. А это влекло за собой всеобщее презрение всего еврейства. Сменившего религию оплакивали, как умершего, что не так редко можно было наблюдать в «черте оседлости», когда еврей или еврейка «выкрещивались». Плач и рыдания, посыпание пеплом главу, стоны и причитания неслись из того еврейского двора, которого постигло такое несчастье.

Кроме теории и мечты о «Земле Обетованной», евреям с младенчества прививалась мысль об «избранности» еврейского племени-народа, о его превосходстве во всех отношениях над всеми другими народами мира, в чём правоверный еврей не смел сомневаться и не сомневался. А это порождало и питало комплекс супериорности и вело к самоизоляции евреев в местах их рассеяния.

Если учесть и ещё то обстоятельство, что иудейская религия — единственная в мире религия, неразрывно связанная с расой и кровью (евреем надо родиться, но им нельзя стать) и, к тому же, географически точно определяющая, где находится родина каждого еврея — то станет понятно, почему закончились неудачей все ассимиляционные попытки русского правительства.

Только «кантонисты», с детских лет оторванные от семьи и влияния раввинов, вступавшие в брак с не-еврейками, и их потомки полностью сливались с коренным населением и дали из своей среды немало крупных деятелей Российской империи.

Португальский еврей Девриен занял при Петре Великом один из ответственных в империи постов. Барон Шафиров блестяще вел финансы при Петре. При Николае I министром финансов был граф Канкрин, сын литовского раввина. Кауфман-Туркестанский проявил себя как отличный не только генерал, но и администратор. Генерал Грулев имеет огромные заслуги в деле изучения Дальнего Востока и Маньчжурии, где по его указанию в выбранном им пункте, был основан город Харбин.

Но всё это были только единицы. Большинство же евреев так и не слилось с коренным населением, к чему стремилось и чего добивалось русское правительство.

Получилось нечто совсем иное. Получивши образование (в результате ассимиляционной политики) и будучи лишены возможности занимать должности в административном аппарате государства на сколько-нибудь ответственных и руководящих постах (в результате ограничительных мероприятий), евреи устремились в культурную и хозяйственную жизнь России по другим путям и каналам, в чём и преуспели к началу 20-го столетия, оказывая влияние на всю жизнь государства.

Адвокатура, журналистика, критика, издательское дело, торговля и промышленность, банковское дело, газеты — всё это было широким полем, где евреи не только смогли развивать свою деятельность, но и влиять в значительной степени на все стороны жизни государства, оставаясь в то же время чужеродным телом, органически не связанным с национальными интересами России.

Накопивши к концу 19 века значительные капиталы, евреи могли оказывать значительную поддержку всем начинаниям, которые, по их мнению, могли быть полезны в данное время, или в будущем, еврейской этнической группе в России и, наоборот, противодействовать созданию, развитию и успеху тех начинаний, которые могли евреям принести вред, или материальный, или моральный ущерб.

В периодическую печать, которая всё больше и больше развивалась и приобретала влияние, евреи устремились с особой энергией, и к началу I мировой войны большинство периодической печати России находилось или в еврейских руках, или под еврейским влиянием и кон-

тролем. Этим они приобрели мощное средство для влияния на настроения широких масс, а тем самым и на политику государства.

Профессор Соломон Лурье в своей книге, вышедшей в 1922 году («Антисемитизм в древнем мире») по вопросу о взаимоотношениях евреев с народами и государствами, в которых они пребывают, пишет следующее:

«1. Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь постольку, поскольку он не противоречит ещё живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае соблюдать не следует.

2. Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и, по возможности, содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям», (стр. 120).

Хотя эти два правила-инструкции поведения к деятельности евреев в России никогда и нигде в еврейской печати и печати, находящейся под еврейским влиянием, не печатались и даже устно на собраниях не обсуждались — тем не менее их строго придерживалась вся многомиллионная масса евреев — русских подданных.

За всю свою многовековую жизнь в диаспоре, среди других народов, у евреев выработался свой, своеобразный подход и оценка всего, что происходит вне замкнутого круга еврейского племени, что так точно формулировал профессор Лурье в приведённых выше двух пунктах.

Что бы где ни произошло, в любом государстве, в любой точке земного шара, в любой области жизни — еврей всегда и неизменно задаёт вопрос: «а как нашим?»... Иногда громко, вслух, иногда только про себя... И, в зависимости от ответа, определяет своё отношение к данному событию, государству, народу, политическому деятелю и партии, к тем или иным проявлениям культурной жизни того народа, среди которого он живёт.

В начале 19-го столетия, когда Россия получила больше миллиона подданных-евреев, евреи, не знавшие русского языка, не имевшие сколько-нибудь крупных капиталов, чуждые вообще общеевропейской культуре и не желавшие к ней приобщаться — оказывать какое-либо влияние на политику государства и не могли, и не хотели.

Но меньше, чем за одно столетие всё изменилось. Были накоплены крупные капиталы в еврейских руках; создан кадр евреев, полностью овладевших русским языком и окончивших высшие и средние школы; при помощи накопленного капитала произошло проникновение евреев во все отрасли хозяйственной и культурной жизни страны.

К этому надо добавить и то, что в Европе, начиная с половины 19-го века, еврейский капитал приобретал иногда решающее значение не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику во многих государ-

ствах. А в иностранных капиталовложениях Россия остро нуждалась для развития своей промышленности. От Ротшильдов, французских, английских, австрийских; Мендельсонов германских многое зависело при решении тех или иных вопросов финансового характера в политике этих государств по отношению к России.

Крупнейшие и влиятельнейшие газеты и издательства Европы, телеграфные агентства (делавшие «политическую погоду») — были или чисто еврейскими, или с сильным влиянием евреев.

Понятно и естественно, что евреи европейские к судьбе и желаниям своих единоплеменников в России относились с особым вниманием и в этом направлении действовали и на правительства своих стран.

Вопрос займов или торговых договоров нередко ставился в прямую зависимость от политики русского правительства в «еврейском вопросе».

Из мемуарной литературы мы знаем, что на Берлинском Конгрессе, созванном после Русско-Турецкой войны 1877-78 года, Премьер Великобритании еврей Дизраэли, он же лорд Пальмерстон, нашёл возможным и уместным задать князю Горчакову, представителю России, вопрос о «положении евреев в России»... Знаем и ответ князя Горчакова, заставивший покраснеть этого самоуверенного «лорда»...

Из воспоминаний Витте мы знаем, какое давление старались оказать на русскую политику в «еврейском вопросе» финансовые круги Франции во главе с Ротшильдом при заключении Россией внешних займов.

Общеизвестна и самая широкая помощь, финансовая и пропагандой, американских евреев всем революционным начинаниям в России.

В самой России, с развитием в ней общественной и политической жизни, вопрос отношения к евреям — «юдофобство» и «юдофильство» — стал одним из основных вопросов, предьявлявшихся общественным деятелям, писателям, журналистам. «Культурным», «честным», «передовым» признавался и восхвалялся только тот, кто безоговорочно и не рассуждая повторял и поддерживал все проеврейские высказывания и видел в евреях только одно хорошее, закрывал глаза и на кое-что отрицательное, свойственное всем племенам и народам, в том числе и племени иудейскому.

Кто решался высказать что-либо несозвучное постоянно повторяемым как устно, так и в печати, жалобам на угнетение, преследование, мучения, страдания евреев в России — тот раз и навсегда зачислялся в «юдофобы-антисемиты», ставился под вопрос его ум, честность, порядочность... И популярность его падала, его не слушали, не читали...

Брались под сомнение и те, кто этого «щекотливого вопроса» вообще не касался и избегал. Его подозревали в «скрытом антисемитизме» (как выразился в одной из своих статей быв. секретарь Всероссийского учредительного Собрания Марк Вишняк, русский еврей).

Евреи зорко следили за отношением к еврейскому вопросу отдельных политических и культурных деятелей России и делили их всех на «друзей и врагов евреев».

Книгоиздательство «Правда» в Варшаве в начале нынешнего столетия систематически издавало маленькие брошюры под общим названием «Друзья и враги евреев», продававшиеся по всей России по цене от 3 до 10 коп., в которых давались, как гласило объявление, «характеристики, портреты и разоблачения» отдельных лиц.

Россия была наводнена подобного рода брошюрками, продавались они за гроши, а то и раздавались бесплатно...

Пропагандная машина работала всюю, вызывая и порождая в широких народных массах России соответствующие настроения — стремление помочь «угнетаемому» еврейству.

Стремление же это, в свою очередь, порождало резкие антиправительственные настроения, ибо, как твердила пропаганда, инициатива всевозможных «преследований» исходила от Правительства, вдохновляемого и поддерживаемого помещиками, духовенством и прочими «черносотенцами».

Немало журналистов и писателей дореволюционной России в значительной степени обязаны своей популярностью именно своим высказываниям по «еврейскому вопросу», независимо от качества их произведений.

И, наоборот, малейшее сомнение в добродетелях и талантах не только всего еврейского народа, но и отдельных его представителей влекло за собою бойкот всей прогрессивной общественности и печати.

Явление это было типичным в общественно-культурной жизни России конца прошлого и начала текущего столетия.

Чтобы не быть голословным, приведу два примера, из которых будет ясно, насколько большую роль играло «юдофильство» и «юдофобия» в культурной жизни России.

Журналист-писатель Александр Амфитеатров, автор многих хлёстких фельетонов и памфлетов, в двух брошюрах: «Еврейство и социализм» и «Еврейство, как дух революции» пишет: «Евреи никогда не были довольны ни одним правительством, под власть которого их отдавала историческая судьба. Они не могут быть довольны и не будут, потому что идеал совершенной демократии, заложенный в их душе, нигде ещё не был осуществлён... Наличие же того факта, что есть немало евреев, не заинтересованных в идеальной демократии, социализме и революционных переворотах (евреев-капиталистов), Амфитеатров объясняет следующими словами: «Социалист по натуре, социалист до мозга костей, еврей на целые века вынуждался законом самосохранения завёртываться в грубо буржуазные оболочки — настолько грубо и ловко, что возникали даже целые учения, целые социологические теории о врождённой буржуазности, как типическом расовом признаке еврейства»... Дальше Амфитеатров пишет: «Но краски чуждые с годами спадают ветхой чешуей, и в голосах Лассалья, Маркса, в революци-

онных действиях русско-еврейских вождей освободительной эпохи мы слышим неизменными вопль старых эбионитов, громы Исайи, плач Иеремии, благородную уравнительную утопию Гиллеля и Иисуса... Да! Еврейство в мире не только нация, религиозное сообщество... Оно есть и социальная партия»...

«Павлове христианство, — продолжает Амфитеатров, — вошло в мир, чтобы выработать союзы, теорию и этику буржуазного строя, а иудейство, со всеми его потомственными подразделениями в религиях и философии, осталось жить и терзаться в мире, чтобы сохранить ему социализм».

После всех этих и подобных писаний Амфитеатрова в одном обществе еврей В. С. Мандель, задолго до 1917 года и до появления в печати известного памфлета Амфитеатрова «Господа Обмановы», за что он был выслан из России, сказал: «Как бы то ни было, и господину Амфитеатрову, и прочим своим апологетам еврейство должно было бы ответить цитатой из русского писателя, известной даже таким русским евреям-националистам, которые высказываются за недопущение выступлений на своих собраниях с речами на русском языке: «Услужливый дурак опаснее врага»...

Профессор Петербургского университета Константин Арабажин, блестящий оратор и докладчик, слыл человеком «передовым», его статьи охотно печатались в журналах и газетах, на его лекциях аудитория была переполнена, его выступления на литературных собраниях были событием в литературном мире... С его мнением и оценкой литературных произведений все считались, признавая его эрудицию и знание русской литературы.

По обычаю того времени, новые литературные произведения обсуждались на открытых литературных собраниях. Обсуждалось на одном из собраний и литературное произведение Семёна Юшкевича, третьеклассного беллетриста-еврея, писавшего по-русски и в своих произведениях изображавшего жизнь и быт местечкового еврейства.

Выступил и проф. Арабажин, отметивший слабые, по его мнению, стороны произведения С. Юшкевича...

Присутствовавший на собрании автор немедленно реагировал словами: «Чего Вы суёте свой нос в то, чего не знаете и не понимаете!»...

Арабажин, человек горячий, не остался в долгу и тут же кратко ответил: «А зачем вы лезете в русскую литературу, которой не знаете и не понимаете?»...

Слова эти относились только к Юшкевичу и были ответом на его замечание.

Но... слово «вы» было воспринято, как относящееся не только к Семёну Юшкевичу, а ко всему еврейству, ко всем евреям, пишущим свои произведения на русском языке.

И звезда Арабажина не только потускнела, но и вообще закатилась... Его перестали печатать «передовые и прогрессивные» органы

печати; перестали приглашать на литературные собрания и диспуты; его лекции потеряли для студенчества свою притягательную силу...

Он был зачислен в «ретрограды», «черносотенцы», «жидоеды»...

Впоследствии, в эпоху Гражданской Войны, проф. Арабажин принял в ней активное участие, тесно сотрудничая с «Северо-Западным Правительством» ген. Юденича.

Нечто подобное произошло и с популярнейшим в своё время в России писателем М. Арцыбашевым после его выступления в печати по «еврейскому вопросу» уже в эмиграции, в Варшаве.

О случае с проф. Арабажиным мне довелось слышать от нескольких лиц, на этом собрании присутствовавших. А во время съезда русских писателей и журналистов в Югославии то же самое в разговоре со мной подтвердили писатели Евгений Чириков и Борис Лазаревский — участники этого съезда.

Через несколько десятков лет то же самое довелось мне услышать и от Гр. Як. Аронсона — меньшевика-«бундовца», живущего в Нью-Йорке и сотрудничающего в ряде газет и журналов, печатающихся на русском языке, равно, как и еврейской периодической печати на еврейском языке.

* *
*

Это влияние еврейства на все стороны культурной жизни России отчётливо ощущалось всеми, кроме тех, кто не хотел видеть и слышать, а тем более об этом говорить из боязни прослыть «отсталым», «черносотенцем», со всеми отсюда вытекающими последствиями. Были, конечно, и прекраснодушные идеалисты-мечтатели, которые традиционно становились на сторону тех, кто кричал о своих мучениях, не вдаваясь в рассуждение, насколько оправданы эти крики и не желая «выслушать и другую сторону»... Коли плачут и стенают — значит страдают... Надо помочь и от мучений спасти... А тех, на кого жалуются плачущие и стенающие (власть и правительства), надо осудить...

Сами евреи вообще не допускают и мысли, что они когда-нибудь и в чём-нибудь могут быть неправы. Вот, что пишет по этому вопросу И.М. Бикерман в своей статье-очерке «Россия и русское еврейство» (сборник I, «Россия и евреи», Берлин, 1924 год);

«Еврей на всё отвечает привычным жестом и привычными словами: известное дело — мы во всём виноваты. Где бы ни стряслась беда, будут искать и найдут еврея. Девять десятых того, что пишется в еврейских повременных изданиях по поводу евреев и России, составляет только пересказ этой стереотипной фразы. Так как всегда и везде мы, евреи, конечно, виноваты быть не можем, то еврей делает отсюда весьма лестный для нас и, на первый взгляд, весьма удобный вывод, что мы всегда и во всём правы. Нет, хуже: он просто отказывается подвергнуть собственному суду своё поведение, отдать самому себе отчёт в том, что он делает и чего не делает, но, может быть, должен был бы делать. И так как с разных сторон к нам предъявляются претензии, сып-

лютея на нас упреки и обвинения, то виноваты наши обвинители, виноват мир, виноваты все прочие, только не мы»...

В другом месте того же сборника мы находим ещё и следующую фразу: «Еврей не признает суда истории. Он сам судит историю»...

И не только историю, можно добавить, но и выносит своё суждение о культуре, быте и жизни других народов, не допуская даже мысли, что кто-либо, не принадлежащий к еврейскому племени, вообще может иметь и своё суждение о евреях, их культуре, литературе, быте, расово-племенных особенностях.

А в то же время сами всячески стремились принять участие во всех секторах общественной, политической и культурной жизни России.

Сначала, в 60 и 70-х годах прошлого столетия, робко и неуверенно, и притом сами проникнутые ассимиляционными настроениями, искренне стремясь слиться с русскими. Эти два десятилетия характерны отсутствием каких-либо ограничительных мероприятий со стороны русского правительства, что у многих евреев, получивших образование в русских учебных заведениях, вызывало даже некоторый энтузиазм и желание «стать русскими».

Полной ассимиляции препятствовало только различие религий, что в те времена значило немало.

Политических партий еврейских тогда вообще не существовало. А ко вступлению евреев в политические группировки общероссийские не встречалось никаких препятствий ни со стороны русской обществу, ни со стороны самих образованных евреев, считавших это нормальным и естественным.

И в 70-х годах мы уже встречаем евреев в рядах общероссийских политических группировок не только в качестве рядовых членов, но и на руководящих ролях. Правда, не так много, но всё же они были там, и никто и никогда из этого тогда вопроса не делал.

А через четверть века, на рубеже столетий и в годы, предшествовавшие революции 1905-06 годов, когда уже сложились и оформились общероссийские политические партии — евреями были заполнены ряды этих партий и группировок, почти исключительно «левых» и революционных, в которых мы видим евреев очень часто на самых ответственных и высоких партийных постах.

В партиях же и группировках так называемых «правых», с национальным или националистическим уклоном, как правило, евреев не было. Хотя, надо признать, бывали случаи, когда богатые евреи и поддерживали их финансово.

Вся же пятимиллионная масса евреев — русских подданных, за редчайшими исключениями, была единодушна и единомысленна в своих оппозиционных настроениях и представляла собою готовый кадр тесно спаянных своим происхождением граждан, стремившихся изменить политическую систему, а также и социальный строй России, и ждущих только момента для применения своих сил в деле переустройства страны, в которой они жили.

Одни из них хотели это переустройство провести путём эволюционным, путём разных реформ. Но таких было немного. Большинство, если и не высказывало, то молчаливо одобряло идею насильственного изменения существующего порядка путём революции.

Влияние еврейской этнической группы на культурную жизнь России и создание многочисленного кадра евреев с русским образованием было облегчено быстрым и успешным проникновением евреев во все отрасли хозяйственной жизни страны. Многие евреи быстро богатели и стремились дать своим детям высшее образование, а также не жалели денег на все те общественные и культурные общероссийские начинания, которые могли быть полезны евреям. Сейчас, непосредственно, или в более или менее отдалённом будущем. Особенное внимание было обращено на периодическую печать, которая во всём мире начинала приобретать всё большее и большее влияние на внутреннюю и внешнюю политику всех государств.

В чьих руках печать страны — у того в руках и возможность не только влиять, но и направлять и руководить в желательном направлении общественным мнением и настроениями.

Для этого надо иметь кадры образованных и способных людей, а также и немалые средства для финансирования и прямой или косвенной поддержки печати.

Как были созданы кадры — указано выше: в результате ассимиляционной политики русского правительства, с одной стороны, и ассимиляционных настроений и устремлений самих евреев, с другой.

Как же были созданы средства для широкой и разносторонней поддержки евреями желательных им общероссийских культурных начинаний?

Изложим это в самых общих чертах, ибо объём настоящего труда не позволяет уделить много места этому вопросу.

Пять с половиной миллионов евреев — русских подданных — принимали самое активное участие в хозяйственной жизни не только в «черте оседлости», но и во всей России и, несмотря на все существовавшие ограничения, добились завидных успехов.

В начале 19-го столетия, когда они стали подданными России, все евреи были исключительно торговцы, разные арендаторы, маклеры, посредники и содержатели питейных заведений (кабаков, шинков).

Ни крупной буржуазии, ни людей со светским образованием среди них не было. Не было и людей сельскохозяйственного труда (личного, физического) или землевладельцев-помещиков.

Всего за одно столетие картина резко изменилась. Накануне Революции 1917 года почти все важнейшие и крупнейшие отрасли торговли и промышленности «черты оседлости», а в значительной степени и всей России, были или полностью в еврейских руках, или со значи-

тельным, а иногда и доминирующим в них влиянием еврейского капитала.

Установить точно процент участия еврейского капитала в разных отраслях хозяйства России невозможно из-за того, что значительная его часть была закамouflирована с целью избежать ряда ограничений, существовавших для предприятий еврейских или таких, в управительных органах которых были евреи. Чтобы обойти закон, прибегалось к подставным лицам (не евреям), вводя их в правления предприятий и придавая таким образом еврейскому, по существу, предприятию вид предприятия не-еврейского.

Бороться с этим Правительству было трудно, да оно и не особенно стремилось бороться. Например, в предреволюционные годы ни для кого не было секретом, что одно из крупнейших в России акционерных обществ — «Зерно-Сахар» — владевшее многими сахарными заводами и ведшее крупную торговлю хлебом, фактически было предприятием известного московского еврея-сиониста Златопольского. Но председателем правления в нём был один граф, а членами — лица нееврейского вероисповедания. И формально всё было в порядке. Явление это было не единичным, а типичным; и не только в свеклосахарной промышленности, но и в других секторах хозяйственной жизни. Главным образом, в «черте оседлости»; в меньшей степени — во всей России. В мукомольном деле, торговле зерном, лесом, а в особенности, в банковском деле.

Хотя, как указано выше, точно установить степень участия еврейского капитала в хозяйственной жизни России невозможно, однако известное представление об этом можно почерпнуть из исследования по этому вопросу И. Дижур «Евреи в экономической жизни России» («Книга о русском еврействе», Нью-Йорк, 1960 год.)

Согласно данным И. Дижур, из 518 сахарных заводов — 182 (31,5 %) принадлежали евреям. Это относится к заводам с незакамouflированным еврейским капиталом. Почти во всех остальных, в той или иной степени и форме, закамouflированно участвовал еврейский капитал.

В мукомольном деле 365 крупных паровых мельниц были в еврейских руках; в пивоварении — 22 % всех пивоваренных заводов принадлежали евреям; в текстильной индустрии — 30 %; хлебная торговля была почти исключительно в еврейских руках (на 1 000 торгующих зерном — 930 были евреями).

Торговля лесом, по словам И. Дижур, была «одним из главных промыслов евреев». Речное судоходство по Днепру — 70 % грузоподъёма — было в руках еврея Марголина.

В банковском деле, играющем в нынешнее время такую огромную роль в хозяйственной жизни страны, только два банка во всей России не имели в составе своих правлений евреев: Московский Купеческий и Волжско-Камский. Все остальные были или полностью или в значи-

тельной степени в еврейских руках и имели в составе своих правлений и директоров евреев.

Из этого краткого обзора (сделанного по еврейским источникам) видно, насколько велико было участие еврейского капитала в экономической жизни России.

Даже золотые прииски России были в основном в руках евреев. Как уже было упомянуто выше, богатейшие Ленские прииски были в руках еврея Гинзбурга. Такая же картина была и с добычей платины, в какой-либо живейшее и активнейшее участие принимал еврейский капитал, как русских евреев, так и так называемый «иностранный» (английский, французский), который, в сущности, был капиталом европейских евреев, точнее, им распоряжались крупнейшие европейские банки, делавшие инвестиции в России.

Исключение составляло только крупное землевладение. Евреям, начиная с 80-х годов прошлого столетия, не разрешалось приобретать землю в сельских местностях. Но те, кто купил её до запрещения покупок, своей землёй владел беспрепятственно. Здесь речь идёт не о земле для физической на ней работы землевладельца (к этому евреи не стремились), а о крупных имениях-хозяйствах капиталистического типа.

В результате же этих покупок, состоявшихся до запрещения, даже на Украине были помещики (точнее, землевладельцы), у которых были барские усадьбы и сотни и даже тысячи десятин земли. Например, в Конотопском уезде Черниговской губернии, вблизи гетманской столицы, Батурина, вокруг которой было много имений украинской знати гетманских времён, было два помещика-еврея, Зорохович и Черкинский. Их барские усадьбы и шегольские выезды вызывали зависть не только украинских крестьян, служивших у них лакеями, кучерами, поварами или работавших батраками, но и многих окружных помещиков. В соседнем уезде, не входящем в «черту оседлости» — Путивльском уезде Курской губернии — то же самое. Сахарозаводчик Ширман перед войной был владельцем огромного имения в Грузском, которое много столетий было вотчиной бывших путивльских воевод — бояр Череповых.

Ещё больше было крупных имений, приобретённых не лично евреями, а акционерными обществами, преимущественно сахарными заводами, фактическими владельцами которых были евреи.

КАК СОЗДАЛСЯ ЕВРЕЙСКИЙ КАПИТАЛ В РОССИИ

На это даёт исчерпывающий и документированный ответ тот же Дижур, знаток и исследователь этого вопроса.

«Накопление капиталов было результатом деятельности евреев в течение первой половины 19 столетия в качестве откупщиков пропи-

пационных сборов и содержателей оптовых складов спиртных напитков и питейных заведений».

Кроме того, многие евреи арендовали у помещиков винокуренные заводы.

В одном только Киеве было несколько складов и множество питейных заведений (шинков) в руках евреев. Например, Вайнштейн имел оптовый склад и 72 питейных дома. Мернерей — оптовый склад и 10 питейных заведений. В Черкассах Скловский имел оптовый склад и 23 питейных дома. Вообще дело торговли водкой во всей «черте оседлости» было почти исключительно в руках евреев.

Как известно, в те времена деятельность шинкарей, торговавших водкой, была тесно связана и переплетена с деятельностью ссудно-кредитной, не подлежавшей никакому контролю и учёту. Попросту говоря, с растовщичеством, жертвой которого были не только крестьяне, закладывавшие и пропивавшие в шинках своё убогое имущество, но и помещики, прибегавшие к займам у шинкарей и откупщиков. Банковское дело находилось тогда в зачаточном состоянии, а потому лица, нуждавшиеся в кредите, прибегали к помощи частных лиц, у которых были наличные деньги. Немало и представителей администрации — чиновников и офицеров — также прибегали к кредиту у шинкарей и откупщиков, что, естественно и неизбежно ставило их в зависимое положение по отношению к своим займодавцам и препятствовало успешной борьбе с ростовщичеством, которую старалось вести Правительство.

Собранные таким путём капиталы со второй половины 19 века евреи начали инвестировать в бурно развивающуюся промышленность: сахарную, железнодорожное строительство и другие отрасли торговли и промышленности России, в особенности в банковское дело.

И в результате Россия перед революцией имела много десятков, если не сотен евреев-миллионеров, и их влияние и удельный вес в экономической жизни страны быстро и неуклонно рос.

Параллельно с этим росло и их влияние не только на экономическую сторону жизни, но и на культуру, литературу, политику, нравы всей России.

Чувство племенной солидарности, свойственное всем племенам и народам вообще, у евреев было и есть развито особенно сильно. На это обратил внимание ещё Тацит, говоря об особой любви евреев к своему племени.

И, побуждаемые и руководимые этим чувством, евреи всегда и везде старались не только помочь, но и выдвинуть своих соплеменников, способствуя их успехам и противодействуя успеху и выдвижению их потенциальных конкурентов — не-евреев.

Обладая финансами и будучи тесно сплочены единством расы и веры, они в этом направлении преуспевали чрезвычайно.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУССКОГО ЕВРЕЙСТВА

Благодаря своим деньгам, позволявшим записываться в купцы I гильдии или получать высшее образование (если не в России, то за границей), что вело к освобождению от большинства ограничительных и запретительных мероприятий Правительства, социальная верхушка русских евреев всех этих ограничений фактически не ощущала. И от них не страдала.

Но, кроме своей социальной верхушки, более чем пятиmillionная масса русского еврейства, к тому же быстро растущая численно, имела и свой средний класс, мелкую буржуазию и многочисленный пролетариат.

Средняя и мелкая буржуазия — это были почти исключительно торговцы и посредники, начиная с ворочавших сотнями тысяч рублей и кончая самыми мелкими. Сюда же можно отнести и многочисленных евреев-ремесленников, начиная с таких, которые имели собственные мастерские и предприятия с наёмными рабочими, и кончая бродячими «лудильщиками», «часовщиками», «стекольщиками»...

Благодаря врождённым способностям к торговле и посреднической деятельности, евреи почти полностью вытеснили не-еврейских торговцев и ремесленников из городов и местечек всей «черты оседлости» и в значительной степени и из других мест вне «черты» (ремесленники-евреи могли проживать повсеместно и вне «черты оседлости»).

И в годы, предшествовавшие I мировой войне, во многих городах и местечках России, начиная с вечера пятницы и до вечера субботы, ничего нельзя было купить: все торговцы были евреи, которым их религия запрещает торговать в субботу.

Русское Правительство, которое так много обвиняют в притеснении евреев, относилось к этому терпимо и не заставляло евреев торговать в субботу. А не-еврейское население прировнилось к этому явлению и никаких конфликтов на этой почве не происходило.

Кроме городов и местечек в каждом селе «черты оседлости» жило несколько еврейских семейств (обычно не больше 2—3), имевших мелочные лавки и скупавших у крестьян их продукты (яйца, птицу, шерсть, щетину), а также имевших небольшие крупорушки, мельницы и маслобойни. Жили они весьма замкнуто, строго придерживаясь ритуалов Талмуда, и с местным населением не только не смешивались, но и не общались, кроме как в плоскости чисто деловой, коммерческой.

Наряду с крупной, средней и мелкой буржуазией, ремесленниками и людьми свободных профессий, русское еврейство имело и многочисленный пролетариат, живший в городах и местечках «черты оседлости».

Этот пролетариат в значительной своей части влачил нищенское существование, работая в разных капиталистических предприятиях

легкой промышленности или перебиваясь мелким маклерством и посредническими услугами.

В бытовом отношении этот еврейский пролетариат жил такой же обособленной жизнью, как и все остальные евреи.

Только представители свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты) да самая высшая социальная верхушка в значительной степени выходили из замкнутого круга чисто еврейского быта и, если не сливались, то общались с окружающим населением.

Основная же масса русского еврейства, как в «черте оседлости», так и вне её, крепко держалась заветов старины и была на редкость единодушна и единомысленна в стремлении их сохранить и сберечь.

И благодаря этому, всё еврейство России, несмотря на резкие социальные расслоения и вытекающие отсюда противоречия классовых и бытовых интересов, представляло собою одно монолитное целое; во внееврейских вопросах все евреи, от миллионера до нищего, реагировали одинаково.

Вплоть до революции 1917 года все евреи были недовольны тем, что в России существовали ещё некоторые ограничения для их единоверцев. А потому все поддерживали и даже принимали участие в общероссийских политических партиях, стремившихся изменить существовавший социальный и политический строй страны. Одни больше склонялись к пути эволюционному, реформам, другие предпочитали путь революционный и со всем пылом устремлялись в партии революционные и быстро занимали в них командные положения.

Впоследствии, когда наступила революция и вчерашние ссыльные, подпольщики, агитаторы и пропагандисты стали вершителями судеб России, это ощущение взаимосвязанности и единства всего еврейства спасло жизнь представителям еврейской крупной буржуазии. Их единоплеменники заняли немало руководящих положений в тех органах власти, которые могли по своему усмотрению распоряжаться жизнью советских граждан.

Случаев физического уничтожения представителей крупнейшей и крупной еврейской буржуазии и лиц свободных профессий — евреев не было или почти не было. Уничтожение же буржуазии не-еврейской в годы террора было явлением обычным.

Конечно, революция и отмена частной собственности не могли не коснуться и евреев — капиталистов и собственников. Их капиталы были социализированы или национализированы наравне со всеми остальными, и материально они пострадали. Но эти потери были с избытком компенсированы тем, что еврейство в целом от революции получило.

Революция 1917 года принесла всем евреям России не только равнoprавие, но, фактически, привилегированное положение и многих из них вознесла на положение вельмож всероссийских. Отрицать это — значит отрицать общеизвестные факты, которые не оспариваются даже евреями. Слишком они очевидны и бросаются в глаза.

А равноправие (и даже привилегированное положение) открыло перед русскими евреями новые возможности, которые в первые тридцать пять лет советской власти и были полностью использованы.

Участие евреев во всех отраслях хозяйственной, политической и культурной жизни России, переименованной в СССР, было обратно пропорционально их числу в стране.

УЧАСТИЕ И РОЛЬ ЕВРЕЕВ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

В культурную жизнь России евреи начали включаться только во 2-й половине 19 века, не встречая никакого противодействия или ограничения ни со стороны Правительства, ни, тем менее, со стороны российской интеллигенции и общественности. Их принимали в свою среду, как своих, как «русских иудейского вероисповедания» — в литературе, в адвокатуре, в политических группировках и организациях.

Гражданское самосознание приобщавшихся к русской культуре евреев, равно как и свойственный им реальный учёт возможностей в будущем, подсказывал им, что будущее русского еврейства неразрывно связано с будущим России. А это сознание толкало их на путь самого активного участия в политической жизни страны. О «Земле Обетованной» тогда русские евреи (образованная их часть) серьёзно не думали, направляя свои силы и энергию на лучшее устройство своих единоплеменников в России, как в отношении правовом, так и в области бытовой и экономической.

Но, с другой стороны, ещё были крепки и сильны в еврействе самоизоляционные настроения, сознание себя «избранным народом», нежелание и боязнь не только слияния с другим народом и растворения в нём путём смешанных браков и полного вхождения в жизнь и быт русского народа, но даже сколько-нибудь глубокое смешение с русскими.

Внутренне, невысказанно, они всё же продолжали считать себя как бы государством в государстве или, по определению проф. Соломона Лурье, «нацией без языка и территории, но со своими законами».

И, включаясь в общероссийскую культурную и общественно-политическую жизнь, евреи, часто сами того не замечая и не сознавая, вносили в неё немало и своего, специфически еврейского. Как в смысле положительном, так и отрицательном. (У всех народов, рас и племён есть и положительные и отрицательные свойства, если эти свойства рассматривать с точки зрения интересов и будущего государства, выросшего и созданного из разросшейся семьи — племени — народа).

Естественно и понятно, что евреи при выборе общественных и политических группировок шли в те, программы которых были наиболее благоприятны для евреев.

И тут, уже в самом начале включения евреев в русские или, точнее, общероссийские политические организации, как известно, наметился известный конфликт — расхождение мнений и суждений, оценки известных явлений, высказываемых членами одной и той же организации, евреями и не-евреями.

Ярким примером этого конфликта является отношение к еврейским погромам начала 80-х годов самой активной революционной группы того времени — «Народной Воли» и «Чёрного Передела», прибегавших к террору в политической борьбе и организовавших убийство Александра II.

Конфликт этот настолько характерен и типичен для разной оценки одного и того же события членами одной и той же организации или партии одинаковых взглядов, образования, социального положения, и отличающихся друг от друга только еврейским или не-еврейским происхождением, что на нём следует остановиться и описать его более подробно. Тем более, что подобные или аналогичные конфликты очень часто можно обнаружить и в наше время.

После царевубийства 1 марта 1881 года, как известно, в некоторых городах Украины произошли еврейские погромы, заключавшиеся в уничтожении имущества евреев, насилия над ними, причём были и человеческие жертвы.

В связи с этим, в настроениях радикально настроенной еврейской молодёжи, принимавшей самое горячее и активное участие в революционно-террористической деятельности «народовольцев» и «чернопердельцев», до царевубийства включительно, наступил резкий перелом. Жертвами той самой террористической деятельности, которую они сами пропагандировали и применяли на деле, стали имущество и даже жизнь их единоплеменников-евреев... И тут пришёл конфликт... Пока дело не касалось евреев, пока уничтожали представителей власти, до царя включительно, пока призывалось к «чёрному переделу» и уничтожению имущества «буржуазии», не останавливаясь перед насилием и убийством — до тех пор всё было в порядке и на осуществлении программы террора дружно работали и евреи, и не-евреи... И никто не задавал вопроса: к какому племени, религии, расе принадлежит намеченная жертва террора — «буржуа» или представитель власти.

«Народовольцы», призывавшие к насилиям и террору, естественно, не могли не откликнуться на еврейские погромы. В начале осени 1881 года Исполнительный Комитет «Народной Воли» выпустил прокламацию в связи с погромами, а через некоторое время в шестом номере «Народной Воли» было напечатано следующее: «Всё внимание обороняющегося народа сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом, на евреях, этой местной «буржуазии», поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд».

Как упомянутая выше прокламация, так и статья в шестом номере «Народной Воли», рассматривают погромы, как проявление и выражение народного гнева, направленного против эксплуататоров и угнета-

телей, независимо от того, евреи или не-евреи те, на кого обрушился «народный гнев».

А два года спустя, в июле 1883 года, в «Приложении» к «Листку Народной Воли» была напечатана статья «По поводу еврейских беспорядков», в которой эти беспорядки истолковывались как начало всенародного движения, «но не против евреев, как евреев, а против «жидив», т. е. народных эксплуататоров». Народ отлично понимает, что и начальство поддерживает их вовсе не как евреев, не как угнетённый народ и, тем более, как интеллектуальную силу, которую оно жестоко преследуют, а только как жидов, т. е. людей, помогающих держать народ в кабале, и как людей, делящихся с ним, дающих ему взятки и т. п. Рабочая фракция «Народной Воли», выпустив по поводу Екатеринославского погрома в 1883 году прокламацию, разумела в ней, конечно, не евреев, а именно жидов. Против первых она, как и весь русский народ, ничего не имеет; против вторых — «имеет много со своей рабочей точки зрения»....

В конце статьи автор напомнил, что и Великая Французская Революция началась с избиения евреев и сослался на Карла Маркса, «который когда-то прекрасно объяснил, что евреи воспроизводят, как в зеркале (и даже не в обыкновенном, а в удлинённом виде), все пороки окружающей среды, все язвы общественного строя, так, что когда начинаются антиеврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против всего порядка и начинается движение более глубокое».

(Приведённое выше взято из статьи Д. Шуба «Евреи в русской революции», напечатанной в сборнике «Еврейский Мир», Нью-Йорк, 1944 год).

Автором прокламации «Народной Воли» был еврей — Савелий Златопольский — член Исполнительного Комитета «Народной Воли», сумевший остаться на свободе после того, как из 28 членов было арестовано 20.

Автором статьи в шестом номере «Народной Воли» был член Исп. К-та Г. Романенко, введённый в состав Комитета после 1 марта 1881 года.

Автор статьи в «Приложении» к «Листку Народной Воли», о которой упомянуто выше, неизвестен.

(Авторство С. Златопольского больше полувека никем не оспаривалось. Но после 1917 года вопрос авторства опять всплыл в связи с воспоминаниями Анны Корб, бывшей в 1881 г. членом И. К. «Народной Воли», которая утверждает, что автором этой прокламации был не Златопольский, а Романенко. Исследователь этого вопроса, сам еврей, Давид Шуб, в своём очерке «Евреи в русской революции» принимает на веру запоздалые разоблачения Анны Корб, не объясняя причин такого долгого молчания этой революционерки.)

Но не авторство (еврея или украинца-малоросса) взволновало тогда радикально-революционные российские круги.

Важно было не то, кто написал, а то, что было написано. И не единолично кем-нибудь, а от Исп. К-та «Народной Воли», в революционно-террористической деятельности которой принимали участие люди, не считавшиеся со своим происхождением, расой, религией, социальным положением. И сын украинского магната — Дмитрий Лизогуб, и генеральская дочь — Софья Перовская, и сын священника — Яков Стефанович, и отпрыски богатой еврейской семьи — Савелий и Григорий Златопольские, и еврейка-пролетарка — Геся Гельфман...

Психологически немислимым, морально недопустимым и глубоко лично оскорбительным для любого из этих людей, рискующих собственной жизнью ради достижения того, что, по их мнению, должно было принести лучшее будущее, была бы постановка вопроса о том, что принесёт это осуществление его близким или далёким родственникам.

Почему можно было призывать к погромам помещичьих усадеб у прочих «буржуев», а нельзя оправдывать «народный гнев», если жертвой и объектом являются евреи?...

В полемике в радикально-революционных кругах, которая велась в начале 80-х годов в связи с приведёнными выше высказываниями «Народной Воли» по вопросу о «еврейских беспорядках», приняли участие ряд виднейших революционеров-радикалов, основоположников движения: Лев Тихомиров, Яков Стефанович, П. Лавров, Лев Дейч и другие.

Резюмируя эту полемику, досконально её изучивший, Давид Шуб (еврей), много лет спустя, когда улеглись все страсти, в 1944 году пишет: «Нельзя, однако, отрицать, что большинство русских революционеров начала 80-х годов избегали открыто и резко отмежевываться от точки зрения по еврейскому вопросу, выраженной в шестом номере «Воли Народа».

«Еврейские беспорядки», по мнению Якова Стефановича, бывшего после 1 марта 1881 года членом Исполнительного Комитета «Народной Воли», «являются чисто народным движением, а относиться не только отрицательно, но даже индифферентно к чисто народному движению мы не вправе»... Такой же точки зрения придерживался и Лев Тихомиров, что подтверждает Плеханов, который вёл с Тихомировым спор по этому вопросу осенью 1882 года, в эмиграции.

Известный революционер П. П. Лавров, которого Д. Шуб квалифицирует как «несомненного друга еврейского народа», в письме к П. Б. Аксельроду (еврею — русскому революционеру) 14 апреля 1882 года пишет следующее: «Я должен Вам сознаться, что признаю еврейский вопрос крайне сложным, а практически для партии, имеющей в виду сблизиться с народом и поднять его против правительства, и в высшей степени трудным. Теоретически разрешить его на бумаге очень легко, но ввиду наличия народной страсти и необходимости иметь народ, где возможно, НА СВОЕЙ СТОРОНЕ, это совсем другое дело».

Мысли и соображения Лаврова разделяли и многие евреи-революционеры, отрешившиеся от религиозно-расово-племенного подхода ко

всякому вопросу и требований исключения из общих правил и положений для своих единоплеменников (чем и поныне грешат многие евреи, находящиеся на ключевых позициях политической и культурной жизни разных государств и народов). Вот что по этому вопросу писал еврей Л. Дейч еврею П. Аксельроду: «Еврейский вопрос теперь, на практике, действительно, почти неразрешим для революционера. Ну, что им, например, делать теперь в Балте, где бьют евреев?... Заступиться за них — это значит, как говорит Реклю, «вызвать ненависть против революционеров, которые не только убили царя, но и жидов поддерживают»... И приходится им быть между двумя противоречиями... Это просто безвыходное положение, как для евреев, так и для революционеров, на практике и в действии. Конечно, обязательно последним добиваться для первых уравнивания их прав, дозволения им селиться повсюду. Но это, так сказать, деятельность в высших сферах. А среди народа вести примирительную агитацию очень, очень трудно теперь партии.

Не думай, чтоб меня это не огорчало и не смущало, но всё же я остаюсь всегда членом РУССКОЙ революционной партии и ни на один день не стану удаляться от неё, ибо это противоречие, как и некоторые другие созданы не ею, партией»...

Но Аксельрод с доводами Дейча не согласен. В своей неопубликованной статье «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции» в 1882 году он писал: «Погромы, а ещё в большей степени проявившееся затем «общественное мнение» русских образованных классов, явились для евреев-социалистов в России как бы откровением, смысл которого они решились откровенно формулировать перед собой и другими только после тяжёлой внутренней борьбы. Сжившись с мыслью, что евреев, как особой нации, в действительности, нет, что, составляя ныне часть русских подданных, а впоследствии русских граждан, евреи считаются, смотря по своим сословным и культурным подразделениям, неразрывной частью соответствующих элементов «коренного» населения, еврейская социалистическая интеллигенция вдруг увидела, что громадное большинство русского общества и народа считают евреев особой нацией, все элементы которой — длиннополый ли еврей-пролетарий, мелкий буржуа, ростовщик, обрусевший адвокат и готовящийся к ссылке или каторге социалист — все безразлично «жиды», безусловно вредные для России, которая должна от них избавиться во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами»....

Приведённые выше высказывания и мнения двух евреев — активных участников социалистическо-революционных группировок русской радикальной интеллигенции — заслуживают особого внимания. Ибо, с одной стороны, были намечены вехи и созданы предпосылки для массовой эмиграции евреев из пределов Российской Империи, неизвестной до 80-х годов 19-го века; с другой стороны, были созданы предпосылки для будущего сионистского движения, бурно разросшегося через неполных 20 лет; с третьей, наконец, стороны, множество

радикально настроенной еврейской молодёжи устремилось в революционные кружки, старавшиеся восстановить разгромленную и выдохшуюся идейно «Народную Волю».

Некоторые из них — Л. Штернберг и Богораз — настолько выдвинулись, что им было поручено редактирование последнего номера «Народной Воли» (№ 11-12) в октябре 1885 года.

Другие (например, М. Гоц, М. Фундаминский, О. Минор, С. Гинзбург, Л. Залкинд, Богораз), получивши закуску в этих кружках второй половины 80-х годов, впоследствии играли крупную роль в революционных событиях начала нынешнего столетия, в частности, в создании партии социалистов-революционеров, сыгравшей огромную роль, как в годы первой революции, так и в 1917 году.

Вопрос, поднятый в начале 80-х годов в полемике между Дейчем и Аксельродом, больше не поднимался. Настроения тогда были таковы, что тот, кто бы этот вопрос не только поднял, но о нём вспомнил и напомнил — «был бы безоговорочно зачислен в «черносотенцы» и вычеркнут раз и навсегда из числа «культурных и передовых людей», что тогда было синонимом «интеллигентного человека».

Однако это обстоятельство нисколько не препятствовало бурному развитию сионизма, именно среди русских евреев, в последнее десятилетие 19-го и первое десятилетие 20-го столетия, причём сионизм пользовался симпатиями и поддержкой прогрессивной и передовой русской общественности.

О том же, что самое существование и успех сионистского движения свидетельствуют и подтверждают наличие в русском еврействе самоизоляционных тенденций — об этом не говорилось и не писалось.

А между тем, далеко не весь спектр оттенков сионизма своей конечной целью имел создание в Палестине отдельного, независимого государства путём переселения туда всех евреев диаспоры и, следовательно, окончательного, раз и навсегда, решения извечного «еврейского вопроса» не только в России, но и во многих других государствах, где этот вопрос существовал и требовал своего разрешения.

Кроме «сионистов-социалистов-интернационалистов», выпустивших своё «Воззвание к еврейской молодёжи» в 1901 году (на русском языке. Издано в Лондоне), в котором чётко и ясно выражена их конечная цель: «образование еврейского государства на социалистических основах»... «на территории Палестины и её соседних стран: Кипра, Синаи»... «Без мракобесных раввинов и ханжеского культа еврейской религии»...; в русском еврействе было ещё и много других оттенков сионизма, в зависимости от классовой принадлежности и степени образования русских сионистов. Были сионисты — крупные капиталисты; сионисты — мелкие и крупные буржуа; сионисты — либералы; сионисты — марксисты; сионисты — ортодоксальные евреи, для которых Талмуд был высший закон, а раввин — непререкаемый авторитет.

Одни из них открыто вступали в члены разных сионистических и просионистических организаций; другие — только им всячески содействовали и их поддерживали морально и материально.

Таких же, которые бы открыто выступали против идеи собрать всех сынов Израиля в «Обетованной Земле», к чему призывали сионисты — не было, и их голос не был слышен.

Не было слышно и еврейских голосов, призывавших к ликвидации тех самоизоляционных настроений еврейства, которые вели к созданию «государства в государстве» и слиянию, полному и безоговорочному, с народом, среди которого они живут и на языке которого получают своё образование.

Рассматривая еврейский вопрос в целом с точки зрения России, где жило большинство евреев, не желая сливаться с коренным населением и поддерживая в той или иной степени сионизм, нам не интересны отдельные нюансы сионистских и просионистских настроений. Интересно и важно установить другое: действительно ли они искренне хотели покинуть Россию и переселиться в Палестину или же намеревались оставаться в России на положении государства в государстве, жить «по своим законам» своим замкнутым кругом, не допуская никого вмешиваться в свои, еврейские дела. Но в то же время принимать самое активное участие во всех делах русского народа наравне с коренным населением.

Вопрос этот, с предельной точностью и ясностью, начали осознавать многие общественные и политические деятели дореволюционной России.

Особую остроту приобрёл этот вопрос после того, как в конце прошлого столетия сионистское движение было организационно оформлено. В 1897 году, в Базеле (Швейцария) собрался, по инициативе Теодора Герцля, венского еврея, первый конгресс сионистов. Участники были из всех государств, в которых жили евреи, в том числе и из России. В то время евреи ещё не имели общего языка, а на том языке, который теперь называется «иврит», смог произнести свою речь только один делегат (М. Каган из Гомеля). Остальные говорили то по-русски (делегаты из России), то по-немецки (делегаты из Австрии и Германии).

Идея сионизма, находившаяся в полном соответствии с религиозно-мистическим миропониманием и мироощущением всего еврейства, вызвала живейший отклик в русском еврействе, самом многочисленном в диаспоре.

Сионистская пропаганда зазвучала во всех местах, где была хоть самая маленькая еврейская община. Начались сборы в «Еврейский Колониальный Фонд» путём продажи соответствующих акций, стали завязываться постоянные и регулярные связи с сионистскими организациями и центром вне России.

Это не осталось незамеченным русским правительством, и в 1903 году Министерство Внутренних Дел предписало губернаторам, полиц-

мейстерам и градоначальникам принять меры для борьбы с сионистским движением в русском еврействе.

По данным Герсона Света (нынешнего консула государства Израиль в Нью-Йорке) меры эти были следующие: запрещать собрания и съезды сионистов; препятствовать тому, чтобы в синагогах велась сионистская пропаганда; закрыть все организации сионистов в России; лишить возможности поездок за границу сионистских деятелей для участия в сионистских конгрессах и съездах; запретить продажу и распространение акций «Еврейского Колониального Фонда», а если у кого они будут обнаружены — они подлежат конфискации.

Предписание это вызвало тревогу Т. Герцля, и он решил добиться аудиенции у всеильного тогда Плеве, министра Внутренних Дел, что ему и удалось осуществить в конце 1903 года.

В своих воспоминаниях Герцль рассказывает о своей поездке в Петербург, разговоре с Плеве и результатах этого разговора.

Плеве ответил Герцлю не сразу, а спустя некоторое время отдельным письмом, давши при этом Герцлю понять, что мысли и соображения, высказанные в письме, были им доложены Императору Николаю II.

В письме Плеве к Герцлю говорится, что «поскольку сионизм имеет целью создать независимое государство в Палестине, и в этом случае сионизм приведёт к эмиграции известного числа евреев — подданных России, постольку русское правительство могло бы отнестись к нему благожелательно.

Но с тех пор, как сионизм стал уклоняться от своей прямой цели и стал заниматься пропагандой еврейского национального единства в самой России — такого направления Правительство не может потерпеть, ибо оно приведёт к тому, что в стране возникнут группы людей, чуждых и враждебных патриотическим чувствам, на коих основано каждое государство.

Если сионизм вернётся к своей прежней программе — он сможет рассчитывать на моральную и материальную поддержку русского правительства, особенно с того дня, когда какие-нибудь из его практических мероприятий сократят численность еврейского населения России.

В этом случае Правительство готово поддержать перед Турцией стремления сионистов, облегчить их деятельность и даже выдавать субсидии эмиграционным обществам».

Во время своего пребывания в Петербурге Герцль добился и приёма у Витте, известного не только как крупный сановник, но и как человек с большими связями в финансовом мире Европы, в котором евреи играли доминирующую роль.

Витте разочаровал Герцля. При обсуждении еврейского вопроса в России, Витте, по воспоминаниям Герцля, был груб и прямо сказал Герцлю, что Правительство и все русские патриоты не могут не счи-

таться с тем фактом, что евреи, составляющие всего 5 % населения Империи, дают 50 % всех революционеров.

Герцль, сам пламенный сторонник переселения евреев в Палестину, уехал из России не совсем разочарованным. Всё-таки кое-какие обещания от Плеве были получены, хотя и обусловлены невмешательством сионистов во внутренние дела России. А с тем, что Плеве был в значительной степени прав, трудно было не согласиться, хотя из соображений тактических Герцль никогда об этом не высказывался, а ограничился оглашением на 6-м сионистском съезде приведённого выше письма Плеве.

Намечавшиеся, как будто, возможности канализации сионистского движения, или хотя бы его какой-то части, по путям, приемлемым и для русского правительства, и для подлинных сионистов, всерьёз соображавшихся выехать в Палестину для создания еврейского государства, а не создавать в пределах России «государство в государстве», не выезжая из России — всё было прервано наступившими революционными событиями 1904-1907 годов.

Русскому правительству было не до сионистов, а сионистам, перед которыми открылись головокружительные возможности в случае успеха революции, было не до Палестины. Они, в массе своей, с головой ушли в дело поддержки той борьбы, которая велась за осуществление всех еврейских вождедений.

Вождедения же эти сводились к полному и безоговорочному равноправию евреев в России, а, сверх того, и к возможности создать на законных основаниях «государство в государстве», в результате признания за евреями, рассеянными по всей России, права «национально-персональной автономии».

Сущность «национально-персональной автономии» заключалась в том, что на общегосударственный счёт должны были содержаться чисто еврейские культурно-бытовые учреждения и организации (газеты, театры, учебные заведения и т. п.) в любом населённом пункте государства, где поселится некоторое количество евреев. Во внутреннюю же жизнь «национально-персонально-автономных» еврейских общин групп не-евреи никакого права вмешательства или влияния не имели, хотя бы они и составляли подавляющее большинство данного населённого пункта.

Вступление евреев в русскую политическую жизнь началось тотчас же после того, как начали создаваться кадры евреев, получивших среднее и высшее образование в русских учебных заведениях.

Произошло это в начале 60-х годов прошлого столетия, когда начали создаваться первые революционно-радикальные политические кружки, из которых впоследствии развились «Народная Воля», «Чёрный Передел», а на рубеже нынешнего столетия — «Партия Социалистов-Революционеров», сокращённо «Эс-Эры».

Видную роль в этих кружках 60-х годов играл еврей Утин, который был приговорён к смертной казни, бежал за границу и был секретарём

русской секции I-го Интернационала. Утин был в очень близких отношениях с Карлом Марксом и поддерживал его активно в борьбе с Бакуниным. Карьеру свою Утин закончил в России богатым купцом. Он подал прошение о помиловании, был прощён и, вернувшись в Россию, достиг завидных успехов на поприще торговли и финансов.

В следующее десятилетие, к концу 70-х годов, мы уже встречаем евреев в радикально-революционном движении значительно больше, причём многие из них заняли руководящие положения в кружках и партиях, как, например, уже упомянутые выше, Дейч, Натансон, Аксельрод, Зунделевич и много других.

Дальше, к концу столетия прошлого и в первые годы нынешнего, число евреев революционеров возросло настолько, что Витте, имея в руках статистические данные, смог сказать Герцлю о 50 % евреев-революционеров, при всего 5 % евреев в числе народонаселения России. При этом Витте имел в виду только революционеров, не причисляя к ним «оппозиционеров», противников режима, к каковым принадлежали почти все без исключения еврейско-русские интеллигенты.

Всё, сказанное выше, относится к радикально-революционным течениям «народнического» направления, каковые были единственными в 60-х и 70-х годах.

Но, кроме них, начиная с 80-х годов, начали создаваться и развиваться параллельно и течения марксистские — предтечи социал-демократической партии, единой до 1903 года, когда она раскололась на меньшевиков и большевиков.

Первое в России марксистское (социал-демократическое) течение было организационно оформлено, когда в 1883 году была основана группа «Освобождение Труда». Основателями были Г. Плеханов (русский), П. Аксельрод (еврей) и Л. Дейч (еврей).

Группа быстро разрослась и к началу 90-х годов уже представляла собою многочисленное течение, в которое вошли как русские, так и многочисленные евреи. Несколько позднее вошло немало грузин.

Среди пионеров этого нового в России движения было много евреев, впоследствии игравших крупную роль в общероссийском марксистском революционном движении: Рязанов (Д. Гольдендах), Стеклов (Ю. Нахамкес), Кольцов (Д. Гинзбург), Мартов (Ю. Цедербаум), Дан (ф. Гурвич), Мартынов (А. Пикер), Гриневич (М. Коган) и немало других. Большинство принимали русский псевдоним, как видно из вышеприведённого перечня.

Наращение революционных настроений в начале текущего столетия усилило чрезвычайно приток новых революционных сил, среди которых бросалось в глаза большое количество евреев.

Но, кроме того, параллельно еврей-марксисты образовали и свою собственную, еврейскую марксистскую (социал-демократическую) партию — «Бунд». По своим идеологическим установкам и программе «Бунд» ничем не отличался от общероссийской социал-демократиче-

ской партии, выросшей из группы «Освобождение Труда», но членами «Бунда» могли быть только евреи.

На это было обращено внимание правоверных марксистов, протестовавших против этого самоограничения внутри одной, по существу, партии. И притом по признаку еврейства, т. е. расы и религии, в то время, как марксизм стремился стереть и уничтожить именно эти различия в пролетариате.

Создававшиеся и оформлявшиеся тогда организации социал-демократов, естественно, создавались по признаку территориальному, собирая и объединяя всех, исповедывавших социал-демократическую (марксистскую) идеологию и программу, независимо от их расы, племени и религии.

В связи с созданием «Бунда» разгорелась ожесточённая полемика о недопустимости дробления по признаку расы и племени единого пролетарского движения.

В процессе этой полемики «бундовцы» выпустили даже особую брошюру (на русском языке), в которой оправдывали свою позицию, приводя следующие доводы:

«Вообще было бы большим заблуждением думать, что какая бы то ни было социалистическая партия может руководить освободительной борьбой пролетариата чужой национальности, к которой она сама не принадлежит. Пролетариат каждой нации имеет свою, выработанную историей, психологию, свои традиции, привычки, наконец, свои национальные задачи. Все эти условия отражаются на классовой борьбе пролетариата, определяя его программу-минимум, формы организации и т. д. С этим условием и особенностями нужно считаться, их нужно уметь использовать, а это возможно только для партии, выросшей из данного пролетариата, связанной с ним тысячью нитей, проникнутой его идеалами, понимающей его психологию. Для партии чужого народа это невозможно».

Брошюра была напечатана в Лондоне, в марте 1903 года, то есть до раскола социал-демократов на большевиков и меньшевиков.

Полемика закончилась полной и безоговорочной победой «Бунда», который не только продолжал существовать и развиваться, но и весьма активно вмешивался в жизнь и деятельность других социал-демократических организаций, не-еврейских, в частности, в деятельность «Российской Социал-Демократической Партии», как меньшевистской, так и большевистской её фракций.

Не только рядовые члены «Бунда», но даже и его лидеры считали для себя возможным и допустимым принимать самое активное участие в общероссийских социал-демократических организациях и не только как рядовые члены, но и как члены ЦК, ревниво оберегая в то же время «чистоту» (в смысле еврейском) своего «Бунда». (Евреи-выкресты в «Бунд» не допускались).

Явление это не осталось незамеченным. Но поднимать этот вопрос никто не смел. Психологическая атмосфера в революционных кругах

того времени была такова, что самая постановка этого вопроса была бы квалифицирована, как «черносотенство» и «мракобесие», недопустимые среди передовых и интеллигентных людей. И все мирились с этим явлением, которое на одном из митингов в Киеве было названо «двойным социал-демократическим подданством», причём было сказано, что и сам Карл Маркс, как выкрест, не смог бы быть даже рядовым членом «Бунда».

И евреи-«бундовцы» играли выдающуюся роль в «Российском социал-демократическом движении» до революции, во время революции и продолжают играть и поныне, в эмиграции. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть несколько номеров журнала «Социалистический Вестник», много десятилетий выходившего в эмиграции, или присутствовать на каком-либо собрании или докладе «Российской Социал-демократической Партии» (меньшевиков). Не-евреев в этой партии и в составе её, так называемой, «Заграничной Делегации» можно перечислить по пальцам. А на конгрессах II Интернационала от имени «русских социал-демократов» тщетно и безнадежно будете искать делегата не-еврея.

«Бунд» и РСДП (м) настолько тесно переплелись, что нельзя установить, где кончается «Бунд» и где начинается РСДП (м).

Кроме двух основных течений русской дореволюционной общественной и политической жизни, имевших характер радикально-революционный, вышедших из кружков и групп второй половины прошлого столетия («народнических» — будущих Эсеров и «марксистских» — будущих Эсдеков), в России существовали и течения оппозиционные, но не революционные.

Это были разных оттенков «либералы» и «демократы». Общее у них всех было оппозиционное отношение к внутренней политике Правительства и отрицание методов революционных для изменения этой политики. «Либералами» называли и активных сотрудников Александра II при проведении им реформ первого двадцатилетия его царствования: освобождение крестьян, судебная реформа, введение земств, всеобщая воинская повинность. «Либералами» называли и тех, кто стал в оппозицию по отношению к ограничительным мероприятиям Правительства в царствование преемников Александра II.

Дворяне-помещики, земские и городские деятели, в значительной степени, писатели и публицисты, профессура — тогда (до начала XX столетия) пополняли ряды «либералов».

Евреев в их рядах не было или почти не было, за немногими исключениями.

Но очень скоро, когда эти «либералы» организационно оформились, назвавши себя «Конституционно-Демократической» партией (в 1905 году), туда хлынули евреи и заняли там ведущие позиции, особенно в органах печати партийных или партии симпатизирующих.

Основоположниками «Конституционно-Демократической Партии» (сокращённо — «Ка-Де» или «Кадетской») были либеральные земские

деятели И. Петрункевич, Ф. Родичев, князь Шаховской, князь Львов, князь Трубецкой, все крупные помещики, а также ряд выдающихся профессоров — С. Муромцев, П. Милюков, Новгородцев и др. «Кадетов» с полным правом называли самой культурной партией России.

Политический идеал «кадетской партии» была конституционная монархия, типа английской, где «король царствует, но не управляет», полное равноправие всех подданных государства, свобода печати, широкое местное самоуправление. Словом, парламентаризм, как в Англии или во Франции, с министрами, ответственными перед парламентом, и строгим разделением власти законодательной, судебной и исполнительной.

Эти политические требования «кадетов», по существу, были посягательством на прерогативы Монарха и ограничение его власти, а потому в правящих кругах отношение к «кадетам» было резко отрицательное, несмотря на то, что в рядах партии было много лиц титулованных, богатых помещиков и профессоров со всероссийскими именами.

Это отрицательное, в лучшем случае, настороженно-недоверчивое, отношение порождалось и усиливалось тем обстоятельством, что ряды «Кадетов» быстро наполнились евреями, в особенности редакции их партийного органа «Речь» и идеологически близкой ежедневной газеты «Русские Ведомости», выходившей в Москве и считавшейся серьёзной, «профессорской газетой».

С самого возникновения «Конституционно-Демократической» партии одним из её наиболее влиятельных лидеров стал М. Винавер; И. Гессен, Г. Слиозберг, Г. Иоллос, М. Мандельштам, М. Шефтель заняли в партии места его ближайших сотрудников. С мнением Винавера и его единоплеменников — членов партии, не только все считались, но нередко ему и подчинялись.

Среди членов редакции и постоянных сотрудников партийного органа «Речь» доминировали еврейские имена. Редактор — И. Гессен, член редакции — М. Ганфман; постоянные сотрудники — А. Ланда, Н. Эфрос, Л. Клячко, В. Ашкенази, А. Кулишер, С. Поляков-Литовцев...

В «Русских Ведомостях» руководящее положение в редакции занимал Г. Иоллос, а среди постоянных сотрудников мы видим: И. Левин, Н. Эфрос, Л. Слонимский, Г. Шрейдер, М. Лурье-Ларин, Ю. Энгель, П. Звездич, а также известного сиониста В. Жаботинского, который был заграничным корреспондентом этой газеты.

Аналогичное соотношение евреев и не-евреев было и в подавляющем большинстве областных и краевых крупных газет, обслуживающих население разных областей и частей в России. Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, Киев, Саратов, даже отдалённые Иркутск и Ташкент имели бойкие газеты с многотысячным тиражом, находившиеся фактически в еврейских руках. Издатели или редакторы, со значительным процентом постоянных сотрудников, были евреи. Так, например, в

Ташкенте крупнейшей газетой руководил еврей Сморгунер, в Саратове — Авербах (шурин известного коммуниста Свердлова), «Киевская Мысль» была в руках еврея Кугеля, а сотрудничали в ней Бронштейн-«Троцкий», Д. Заславский-«Гомункулус», А. Гинзбург-«Наумов», М. Литваков-«Лиров»...

В самой распространённой в предреволюционные годы в России газете «Русское Слово», которую издавал известный Сынтин, секретарём был А. Поляков, до этого сотрудник «Одесских Новостей» и бойкой и ходкой в Петербурге газеты «Биржевые Ведомости»...

* *
*

Сказанного выше достаточно, чтобы составить себе представление о степени проникновения евреев всех политических оттенков и направлений в русскую периодическую печать.

О значении периодической печати на создание и направление общественного мнения говорить не приходится.

Вряд ли нужно говорить и о том, что евреи журналисты и публицисты ко всякому явлению и событию подходили и его освещали, исходя прежде всего из положения, полезно и нужно это для евреев или, наоборот, для евреев это вредно и опасно. Согласно ставшей банальной фразе: «а как нашим», разумея под «нашими» своих единоплеменников.

В результате, очень многое в жизни государства и народа в печати освещалось односторонне и тенденциозно: одно выпячивалось и подчёркивалось, другое смягчалось или замалчивалось.

Характерен в этом отношении уже упомянутый выше случай с кровавым подавлением беспорядков на Ленских золотых приисках, всколыхнувших всю Россию и имевших отклики и в мировой печати. Перечислялись убитые, раненые, арестованные рабочие. Только вскользь упоминалось о том, что были жертвы и на другой стороне — были и убитые и раненые среди полиции и войск. А часто об этих жертвах и вообще не упоминалось. И тщетно было искать в газетах того времени правдивого освещения подлинных причин разыгравшихся событий: алчности и бесчеловечного отношения к справедливым требованиям рабочих, бессовестно эксплуатировавшихся миллионером Гинсбургом, владельцем приисков. Стоявшее на страже правопорядка и защищавшее частную собственность, Русское Правительство вынуждено было прибегнуть к крайним мерам, причём, в защите интересов еврея Гинсбурга пролилось немало русской крови.

Газеты того времени, которые не плыли в фарватере оппозиционно-революционных настроений и назывались «правыми», сообщая об этих событиях, по причинам понятным, не углублялись в рассмотрение вопроса, кто по племенной принадлежности был тот русский подданный, имущество которого защищалось. В этом отношении, перед законом все были равны: капиталист-еврей и капиталист—не-еврей. Право

собственности законом признавалось и безоговорочно защищалось и оберегалось, а нарушители карались.

Следствием такого одностороннего освещения событий было создание оппозиционных или революционных настроений среди тех, кто «правой» прессы не читал, и усиление и подогревание антиправительственных течений среди тех, кто и без того был настроен соответствующим образом и априори относился недоверчиво и критически ко всему, что исходило не «слева», а от Правительства, или печаталось в «правой» печати.

Здесь уместно будет напомнить, что, начиная с 1905 года, в России предварительной цензуры для газет и журналов не было.

Газета или журнал попадали к цензору уже после того, как были отпечатаны, и если в них было что недопустимое с точки зрения Правительства — против редактора предпринимались соответствующие меры: штраф, арест «ответственного редактора», запрещение выхода на некоторое время или даже закрытие газеты или журнала.

При таком порядке была возможность издавать газеты и журналы не только резко оппозиционные, но даже направления «эсеровского» и «социал-демократического», как меньшевистские, так и большевистские. Правда, редакторы часто подвергались разного рода взысканиям, штрафам или арестам, или и то и другое вместе... Но всё же выходили, а для «отсидки под арестом» всегда находилось лицо, которое фигурировало, как «ответственный редактор». Легко находились и деньги для уплаты штрафов.

В предреволюционные годы широкие круги русской общественности живо интересовались дебатами в Государственной Думе, где нередко произносились речи с резкой критикой действий органов власти. Стенографические отчёты были слишком длинные, чтобы их печатать в газетах полностью, а потому обычно печаталось содержание тех или иных речей и выступлений в изложении, присутствовавших на заседаниях журналистов — представителей газет. Как изложить и «подать» читателю — это зависело от корреспондента. И на этой почве нередко возникали конфликты.

Однажды в 1908 году один из членов Государственной Думы в ответ на выступление оппозиции, требовавшей большей свободы для печати и утверждавшей, что всё осведомление России и всего мира проходит через цензуру, сказал: «Да, но, к сожалению, не через цензуру Правительства, а через цензуру «черты оседлости»... И указал рукой на ложу журналистов, в которой сидели представители газет, получавшие доступ в ложу на основании карточек, выдававшихся редакциями, в которых не проставлялось имя, отчество и фамилия представителя.

В связи с этим выступлением были проверены паспорта (а не только карточки от редакций), в которых, как известно, в то время не было графы «национальность» или «народность», но зато были полностью обозначены имя, отчество, фамилия и вероисповедание владельцев. При проверке выяснилось, что подавляющее большинство лиц, си-

девших в ложе журналистов в качестве «корреспондентов» разных газет России, были евреи. Не-евреев было всего несколько человек. А 25 русских журналистов были «иудейского вероисповедания», т. е. евреи. Евреем был и директор бюро печати (частного) при Гос. Думе, Зайцев-Бернштейн. (Полный список этих русских журналистов — в Приложении). Такова была картина (в самых общих чертах) участия евреев в русской периодической печати, игравшей огромную роль в деле пропаганды.

ЕВРЕИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ

Участие евреев в русской литературе до самой революции было минимальным. И не потому, что авторов-евреев не печатали или были какие-либо специальные на этот счёт ограничения со стороны Правительства, или читатели относились предубеждённо-отрицательно к евреям-авторам. Скорее, наоборот. К произведениям очень немногих евреев, писавших по-русски, отношение было предупредительно-снисходительное, хотя их произведения и были более, чем посредственны.

Ни среди русских классиков 19 и начала 20 столетия, ни среди писателей второразрядных, если можно так выразиться, евреев мы не видим. Только среди третьеразрядных, не оставивших заметного следа в русской литературе, мы встречаем несколько евреев, как например, Семёна Юшкевича, Шолом-Алейхема, Бялика, Черниковского, Ратгауза, Брейтмана.

Русская стихия была им чужда и непонятна, а потому они ограничивались беллетристическими или поэтическими произведениями почти исключительно на еврейские темы и из еврейского быта. При этом чуть не за личное оскорбление или «антисемитизм и черносотенство» принимали критику, исходящую от русских, даже критику весьма мягкую и доброжелательную. Хотя сами и стремились выступать на русских литературных собраниях и на страницах русской печати.

Совсем иначе обстояло дело в области литературной критики, рецензий, «отзывов печати». Здесь почти безраздельно господствовали и создавали мнение широкого круга читателей журналисты-евреи, которые не могли отрешиться от своего, специфически еврейского подхода при оценке произведений русских авторов. Только такие крупные знатоки литературы как Венгеров, Айхенвальд, Гершензон — все трое — евреи — были выше чисто субъективных еврейских эмоций и своими литературно-критическими работами внесли ценный вклад в эту область русской культурной жизни.

Подавляющее же большинство писавших рецензии, как литературные, так и театральные, синхронизировали свои рецензии с существующим мнением в кругах «передовой общественности». Как о личности автора, так и о теме произведения, равно как и о «чистоте риз» автора в смысле реакционности.

Вопрос о том, кто написал или где раньше печатался автор, не только влиял, но и предопределял успех или неуспех литературного произведения.

Русские литераторы это отчётливо сознавали и учитывали при выборе тем и обрисовке отдельных персонажей.

Это и была «невидимая и негласная предварительная цензура», не считаться с которой было трудно, если кто желал, чтобы его произведения доходили до читателя.

Достаточно было, чтобы автор напечатал своё произведение в одном из органов печати, которые считались «реакционными», как для него автоматически закрывались возможности печататься во всех остальных газетах и журналах России, слывших «демократическими», «передовыми и прогрессивными». А таковых в России было гораздо больше, и тираж их во много раз превосходил тираж «правой» прессы.

Может быть, именно в этом надо искать объяснение того явления, что в беллетристических русских произведениях последней четверти века перед революцией 17-го года так редко можно встретить «положительного героя» среди лиц непрогрессивных, консервативных, патриотически (в лучшем смысле этого слова) настроенных. Безукоризненно честного полицейского или идейно боровшегося с антипатриотическими и антигосударственными течениями Государственного чиновника в русской беллетристике того времени вы не встретите. А ведь в жизни были же таковые. И не так уже мало. Немало их заплатило своей жизнью за верность долгу и данной ими присяге...

Для каждой профессии, класса, должности, общественной группы существовали некие трафареты, твёрдо установившиеся, переступать которые и пренебрегать ими не рекомендовалось, если автор хотел, чтобы его произведения печатались.

Не углубляясь в этот вопрос и не расширяя его, взглянем только на то, как в русской литературе, которая, как всякая литература, должна «отражать жизнь», отображён «еврейский вопрос» и отдельные персонажи-евреи. Еврея — типа отрицательного, аморального с точки зрения общечеловеческой, Шейлока или просто мошенника, в русской беллетристике того времени мы будем искать тщетно... А что таковые были среди шестимиллионной массы русского еврейства — вряд ли об этом надо говорить при серьёзном и объективном изучении этого вопроса.

Не результат ли это той «невидимой и незримой цензуры», которая тяготела над русской литературой последние четверть века в дореволюционной России?...

«Цензура» эта оказывала своё влияние не только в настоящем, но и распространялась на прошлое, давая оценку крупным русским писателям уже давно умершим, зачисляя их в «юдофобы» (термина «антисемит» тогда не существовало). Гоголь, Писемский, Достоевский, Лесков не были на «хорошем счету» у тех, кто выносил суждение о русской литературе.

Ведь Гоголь дал правдивый тип Янкеля (в «Тарасе Бульбе») и описание еврейского погрома. Писемский в «Взбалмученном Море» дал яркий образ откупщика — еврея Галкина (который «старательно и точно крестился») и его сыновей. Достоевский провидел роль евреев в России и вызвал этим ненависть всего еврейства. Лесков дал положительные типы русского духовенства.

Лев Толстой тоже дал образ разжившегося еврея-подрядчика в своё романе «Анна Каренина»: известного московского миллионера Полякова, назвавши его «Болгариновым». Меценат, в лучшем смысле этого слова, большой барин, с безукоризненными манерами, Болгаринов принимает Стиву Облонского, приехавшего к нему просить место. И ни чёрточки отрицательной читатель не найдёт в «джентльмене» Болгаринове, но зато роль Облонского и его разговор с Болгариновым вряд ли кто сочтёт особенно привлекательной и вызывающей уважение к представителю русской родовитой знати...

ЕВРЕИ — РУССКИЕ АДВОКАТЫ

Судебная реформа императора Александра II вызвала к жизни создание русской адвокатуры, как свободной профессии.

Адвокат — «Присяжный Поверенный» — законом был поставлен в положение совершенно независимое от органов власти исполнительной, что давало ему возможность, действуя, конечно, в рамках закона, вносить немало корректив в судопроизводство, блюдя за тем, чтобы русский суд был действительно «скорый, правый и милостивый».

Произносимые в судах речи присяжных поверенных, в силу Высочайшего Указа Правительствующему Сенату, не подлежали никаким цензурным ограничениям (даже во времена существования предварительной цензуры), что давало возможность печатать их полностью во всей повременной печати, даже в тех случаях, когда в речах присяжных поверенных были мысли и слова, которые не могли бы быть напечатаны, если бы они не были произнесены в суде. Этим преимуществом оппозиционно настроенные адвокаты нередко и пользовались, внося в свои речи элементы критики существующего порядка и социального строя.

С другой стороны, адвокат сам договаривался с клиентом о высоте гонорара, а клиент выбирал адвоката по своему усмотрению. Выбирал того, кого он считал наиболее ловким и способным для защиты его интересов. Интересы же лица, которое обращалось к адвокату, далеко не всегда были в соответствии с нормами закона и морали.

Новосозданная в России независимая адвокатская профессия открыла широкие возможности для лиц с юридическим образованием, каковое требовалось для зачисления в адвокатуру, в которой возможности для преуспеяния в жизни были ничуть не меньше, если не больше, чем на государственной службе.

И в адвокатуру устремились молодые образованные юристы, независимо от вероисповедания, племени, происхождения. Ни для кого никаких ограничений в этом отношении первые два с лишним десятилетия существования присяжной адвокатуры не было.

Идеалистически настроенная молодёжь шестидесятых и семидесятых годов составила первые кадры русских адвокатов и положила основы той высокой морали, которая была характерна для всего русского суда, как судей и прокуратуры, так и для адвокатуры.

Евреи не составляли исключения. Ведь это были десятилетия, в которые среди образованных евреев господствовали ассимиляционные настроения; своё и всего еврейства будущее они не отделяли от будущего России. А конфликт начала 80-х годов ещё не наступил.

Свободная профессия адвоката — в известной степени профессия посредника между двумя сторонами. И очень часто от ловкого и умелого посредника зависело то или иное решение суда. Посредничество же два тысячелетия было основным занятием евреев, дававшим им средства к существованию. И в этой области они достигли высокого совершенства, почувствовали себя в родной стихии. И устремились в адвокатуру, предпочитая её государственной службе, к поступлению на которую тогда не было для евреев никаких препятствий.

Как пример можно привести совершенно добровольный отказ от государственной службы и переход в адвокатуру прокурора Одесского окружного суда еврея А. Пассовера, имевший место в 1872 году, т. е. задолго до того, когда появились ограничения для евреев при поступлении на государственную службу. Пассовер не был исключением. Немало евреев, поступивших на государственную службу, поступили так же.

Зная всё это, вряд ли можно безоговорочно согласиться с распространённым мнением, что юристов-евреев толкнули в адвокатуру ограничительные мероприятия русского правительства, наступившие, напомним, только в третьем десятилетии после реформы 1864 года.

Кроме этих мотивов (отрицать их нельзя), были и побуждения другого порядка, как идеалистические, так и материалистические: возможность с позиций свободного адвоката принимать участие и влиять в вопросах политических и общественных; возможность лучше устроить свою жизнь в смысле заработка, чем пребывая на государственной службе.

Было и ещё два мотива, которые влияли на евреев-юристов, побуждая их предпочитать адвокатуру государственной службе. О них не говорилось и не писалось, но что они существовали вряд ли можно отрицать. Для еврея, воспитанного в бытовых условиях еврейской среды с соблюдением всех многочисленных и сложных обрядов еврейской религии, нелегко было психологически в среде русской, православной, каковой была среда русского чиновничества. Нелегко было и, будучи правозверным евреем, активно принимать участие в обрядовой стороне русского суда, каковая была неразрывно связана с христианством.

Кроме того, выросшие в подавляющем большинстве в черте оседлости и хорошо знавшие настроения широких масс населения по отношению к евреям, молодые юристы при выборе своей карьеры не могли не учитывать и эти настроения. Должного авторитета и уважения в тёмных тогда массах полуграмотного населения, полного предрассудков и предубеждений к тем, кто, по их понятиям, являются «врагами господина нашего Иисуса Христа», они, как евреи, приобрести не могли, даже в мундире Министерства Юстиции. Невысказанно, в душе, они это сознавали и делали отсюда соответствующие выводы.

Всё это вместе взятое и толкало евреев в адвокатуру, ряды которой всё больше и больше наполнялись евреями.

Войдя в адвокатуру они, понятно, не перестали быть евреями и сохранили тот «внутренний облик», который отличает их от всех других народов, что не осталось незамеченным их коллегами не-евреями, хотя, как уже сказано выше, поднимать этот вопрос в адвокатской среде считалось неэтичным, оскорблением тех высоких принципов, которые были священны для русской интеллигенции и легли в основу Судебной Реформы.

И когда, в 80-х годах, начался период разных ограничительных по отношению к евреям мероприятий правительства, выразившихся, в частности, в установлении процентной нормы для адвокатов-евреев, большинство русской адвокатуры отнеслось к этим мероприятиям определённо отрицательно. Таковую же позицию заняло и подавляющее большинство русской общественности и печати.

Но тем не менее процентная норма для адвокатов была введена: 15 % для адвокатов Варшавского, Киевского и Одесского судебных округов; 10 % — для округов Петербургского и Московского и 5 % — для всех остальных округов Российской Империи.

Ограничения эти касались только лиц иудейского вероисповедания и не распространялись на евреев любого из христианских вероисповеданий. Это побудило немало евреев, относившихся индифферентно к вопросу религии, перейти в одну из христианских религий и тем сразу приобрести те права, в которых они были ограничены пока оставались в иудейской религии.

Норма была введена на основании доклада министра Манасеина, утверждённого Государем, и считалась «временной» впредь до выработки и утверждения соответствующего закона.

Выработка постоянного закона о евреях в адвокатуру была поручена особой комиссии, состоявшей из сенаторов, судей, профессоров и представителей адвокатуры.

Комиссия эта работала очень долго (с 1894 до 1904 года) и всесторонне изучала и обсуждала этот нелёгкий вопрос. Выработанный комиссией законопроект только в 1904 году был представлен Государственному Совету на утверждение, но так и не был утверждён в связи с настроениями кануна первой русской революции. И вопрос о проценте

евреев в адвокатуре до самого 1917 года решался на основании, упомянутых выше, «временных правил».

Вопрос этот действительно был нелёгкий. И мнения отдельных членов комиссии были весьма различны: одни были против какой бы то ни было процентной нормы вообще; другие — за полное запрещение евреям быть в числе присяжных поверенных в русских судах; третьи, наконец, ставили под вопрос, целесообразность и логичность при установлении нормы руководствоваться только и исключительно иудейским вероисповеданием.

К числу последних принадлежал и известный адвокат Ф.Н. Плевако, который при вынесении комиссией законопроекта, остался при особом мнении, каковое он и изложил письменно. Ограничения, основанные на религиозном признаке, по мнению Плевако, не могут быть признаны удовлетворительными, ибо нравственно неустойчивые люди могут обойти эти ограничения путём крещения. Евреи не могут обладать нравственными качествами, присущими русскому народу, и не могут быть носителями русского правосознания. Для принятия в сословие присяжных поверенных некоторых разрядов лиц должно служить не вероисповедное начало, а начало национальности, принадлежности к известному народу или племени. Поэтому, писал Плевако, уж лучше увеличить процент евреев-нехристиан, до 15 и даже 20 %, но не открывать доступа в адвокатуру крещёным евреям.

Точка зрения Плевако не была одобрена большинством членов комиссии. И до самой революции 1917 года в России существовали некоторые ограничения только для евреев иудейского вероисповедания и не распространялись на евреев крещёных.

Таково было, в самых общих чертах, положение евреев-присяжных поверенных при русских судах.

Но кроме «присяжных поверенных» существовал ещё и институт «помощников присяжных поверенных» — юристов, работающих при одном из полноправных присяжных поверенных. Число их было неограниченно и множество евреев, обходя некоторые ограничения, заполняли собою их ряды, фактически ряды русской адвокатуры.

Участие, значение и влияние евреев в русской адвокатуре было огромно и непрестанно росло, несмотря на все ограничения.

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К началу текущего столетия русское еврейство представляло собою тесно сплочённую шестимиллионную массу, в которой, несмотря на все социальные расслоения, все были единодушны и единомысленны, как в вопросе взаимной поддержки, так и в отрицательном отношении к режиму, не желавшему отменить существующие ограничения для лиц иудейского вероисповедания.

Составляя всего меньше четырёх процентов населения России, евреи, несмотря на процентную норму, имели больше двенадцати процентов среди русских подданных, имеющих высшее образование, что давало им возможность принимать активное участие в культурной жизни страны и оказывать значительное влияние на настроения широких масс, в особенности, на настроения интеллигенции и молодёжи. Газетное дело, критика, адвокатура, в значительной степени, литература находились под сильным влиянием еврейства и, естественно, не могли не отражать настроений еврейства в целом к режиму.

И когда, в начале девятисотых годов, стали расти и крепнуть революционные и резко оппозиционные по отношению к правительству настроения, евреи не только отнеслись к ним сочувственно, но и приняли в них живейшее участие, всплывши сразу на гребень событий.

Для правительства эти настроения и нарочитая активность евреев не осталась незамеченной, и оно начало проявлять тенденции к дальнейшему расширению ограничительных для евреев мероприятий, что только усугубляло в евреях отрицательное к режиму настроение.

Кишинёвский погром, неудачная японская война, наступившая террористическая деятельность, в которой евреи принимали немалое участие — всё это вместе взятое накаляло страсти и создавало предпосылки для крупных революционных событий, которые и наступили в 1904-1906 годах.

Русское еврейство всемерно помогало тем, кто боролся против режима. Одни — активно, другие — прикрито, оказывая антиправительственному движению моральную и материальную поддержку и надлежащим образом освещая эти события в печати, как русской, так и мировой.

К этому времени в США уже было больше миллиона эмигрировавших из России евреев, многие из которых принимали активное участие в политической жизни Америки, в её повременной печати, поддерживая в то же время самые тесные связи со своими единоплеменниками в России и, разумеется, освещали многие события с точки зрения евреев, оставшихся в России.

Со странами Европы, где на положении политических эмигрантов пребывало немало революционеров из России с огромным процентом евреев в своих рядах, поддерживалась регулярная и оживлённая связь при посредстве евреев, проживавших в приграничных районах и умело переправлявших через границу в Европу людей, а из Европы в Россию нелегальную пропагандную литературу.

Правительство вело с этим явлением борьбу, но без особого успеха. Слишком уж многочисленны и разнообразны были каналы и пути для этой нелегальной связи с заграницей.

Лица же, осуществлявшие эту связь, были почти исключительно евреи.

Внутри же страны во всех оппозиционных и революционных группах, кружках, организациях и партиях евреи играли огромную роль,

входя в комитеты и центральные органы в качестве организаторов (реже исполнителей) или инициаторов разного рода политических выступлений, до террористических актов включительно.

Всем известна долголетняя деятельность Евно Азефа, организатора многих крупных террористических актов. Михаил Гоц, Бронштейн-Троцкий, Нахамкес-Стеклов, Герценштейн, Гершуни, три Цедербаума и множество других евреев заполняли собою «штабы революции» и направляли деятельность противников правительства, как оппозиционеров, так и революционеров.

И не удивительно, что широкие массы России, наблюдая всё это, очень часто приходили к отождествлению слова «еврей» (или «жид») со словом «революционер» или «бунтарь». Одно стало в глазах некультурных масс заменяться другим, что порождало резкие антиеврейские настроения и создавало предпосылки для «еврейских беспорядков», как называли в своё время народовольцы то, что позже стало называться «погромами».

Подсознательно, в глубинах народа, предки которого ценой невероятных жертв создали и отстояли от врагов Россию, начал нарастать протест против тех пришельцев, которые так легко и свободно распоряжаются судьбами их родины, относятся пренебрежительно ко многому тому, что для народа было свято, что было неразрывно связано с самим понятием «Россия—Отечество—Родина».

Отрицать наличие и нарастание этих настроений вряд ли возможно, особенно теперь, после 1917 года, когда в бурные годы революции настроения эти вылились в кровавые погромы, совершаемые частями Красной Армии, которой командовал еврей Бронштейн-Троцкий (Глухое, Новгород-Северск, в 1918 году). Или погромы, производившиеся петлюровцами, в составе правительства которых находился украинский министр — киевский еврей Марголин. Или Махно, одним из ближайших сотрудников которого при организации движения был еврей Аршинов. Или, наконец, проявления того «антисемитизма» в Советском Союзе, о котором написано немало книг евреями, как коммунистами (Ларин), так и не-коммунистами (Шварц и др.).

Настроения эти подспудно существовали и в первые годы нынешнего века и ими воспользовались безответственные элементы, в результате чего в годы первой революции и ей непосредственно предшествовавшие в России произошёл ряд еврейских погромов, из которых наиболее известен погром в Кишинёве в 1903 году, во время которого были человеческие жертвы (49 убитых).

Кишинёвский погром вызвал бурю негодования не только в России, но и во всём мире, и ещё больше озлобил евреев, по убеждению которых погром был организован по «приказу» правительства, что подхватила и вся мировая печать.

Существовал ли в действительности «приказ» организовать погром в Кишинёве, в этом позволительно усомниться. Нигде и никогда никаких доказательств, что такой или подобный «приказ» был издан мини-

стром Плеве не обнаружено. Ни до 1917 года, ни после, когда все архивы Министерства Внутренних Дел оказались в руках руководителей революции.

При объективном изучении всего, что было напечатано в связи с погромом в Кишинёве (а напечатано было очень много), можно разве поставить в вину правительству, что оно не смогло молниеносно бросить полицию и войска для прекращения погрома, а сделало это только через два дня, разогнавши громил и произведя многочисленные аресты. Назвать это промедление «приказом» — значит сознательно исказить действительность.

Ведь никто же не обвиняет в погромах Керенского и Троцкого, хотя во время их командования всеми вооружёнными силами страны произошли погромы несоизмеримо большие, чем Кишинёвский, со множеством человеческих жертв и массовым избиением евреев в Калуше и Тарнополе, в 1917 году; Глухове и Новгород-Северске, в 1918 году.

Что организовать погром путём «приказа», без наличия соответствующих настроений масс, не только трудно, но даже и невозможно — вряд ли надо доказывать. В этих случаях власть можно обвинять только в недостаточной энергичном и быстром прекращении погромов. И тут бы пришлось отвечать вместе и Плеве, и Керенскому, и Троцкому, и украинскому министру Марголину, если бы было доказано, что они могли сразу же прекратить погромы.

Два года спустя, в октябре 1905 года, произошёл погром в Одессе, в результате которого было немало человеческих жертв, как евреев, так и полиции, и солдат, усмирявших погромщиков.

На этот раз хорошо действовала еврейская боевая организация, созданная партией «Паолэ-Цион», которая после погрома послала в Одессу своего представителя, отчёт которого, озаглавленный «Одесский погром и самооборона», издан отдельной брошюрой (94 стр.) в Париже в 1906 году. Издатель - «Западный центральный комитет самообороны Паолэ-Цион».

Представитель (имя его не упоминается), прежде всего даёт характеристики Градоначальника Одессы Нейгардта, Обер-полицмейстера ген. Валя и казённого раввина Одессы Крепса, в следующих словах:

«Нейгардт — это русский чиновник, русский палач, провокатор, чиновный негодяй, но всё это в некоем европеизированном вкусе».

Ген. Валь — «имел шершавый и зловещий вид, любил топтать ногами, непечатно ругаться, рычать зверем; одно слово, был палач откровенный и безискусственный».

Казённый раввин Крепе. «В одесском раввинате долго царствовал вопреки общему желанию известный негодяй — Крепе».

Дальше в брошюре описывается, как создавалась и вооружалась самооборона: «был выделен особый комитет вооружения, который покупал оружие; сформированы пятнадцать отрядов из студенчества, каждый отряд обозначался номером. К началу погрома в университете было 200 револьверов. Назавтра, в среду, один профессор, очень бра-

вый человек, достал ещё 150 револьверов».... «В среду много оружия было роздано в одной сионистской синагоге»...

На предыдущей странице (51) той же брошюры мы читаем: «На громадных митингах в Университете революционными организациями устраивались сборы денег на покупку оружия, конечно, не только для обороны, но и на случай вооружённого восстания»...

Признание самим представителем «Паолэ-Циона», напечатанное в брошюре, изданной этой организацией, что целью всех вооружений была не только самооборона, но и «вооружённое восстание», заслуживает особого внимания и свидетельствует о том, что деятельность еврейской самообороны далеко выходила за рамки подлинной самообороны, а ставила себе задачи куда более широкие: свержение существующего порядка путём вооружённого восстания. А раздача оружия в одной из сионистских синагог придавала всем «беспорядкам» или «погрому» в Одессе характер несколько иной, чем нормальная и оправданная самозащита граждан в случаях, когда органы власти на местах не в состоянии водворить порядок и защитить жизнь и имущество мирных граждан.

Зная всё вышеизложенное, не приходится удивляться, что Одесский погром по числу жертв (убитых) далеко превзошёл погром в Кишинёве.

Три дня в Одессе шла настоящая война, не только с убитыми и ранеными, но и с многочисленными «пленными». По газетным сведениям того времени, в «плен» к повстанцам попало от 800 до 900 их противников, каковые приводились в университет, где был главный штаб повстанцев — «самооборонцев». По данным представителя «Паолэ-Циона», число «пленных» в действительности было в десять раз меньше и не превышало 80-90. Там же, в университете, повстанцы проверяли, нет ли среди лиц, заполнивших университет, провокаторов и, как выражается представитель, устанавливали «самоличность» проверяемых.

Не только проверяли, но и обыскивали отряды еврейской «самообороны» и «проходящих не-евреев» (на улицах Одессы). Вот как описывается в брошюре эта проверка и её результаты: «Идёт по улице человек в полушубке с узелком в красном платочке; стали мы развязывать узелок и нашли в нём револьвер, как у городских. Кто? Откуда?... Не отвечает ни слова, только к стенке прижался и глазами поводит во все стороны... Никогда не забуду выражение этих глаз... Вдруг подлетает один человек и говорит: Да ведь это городской... У нас на посту стоит... Ведь там стоишь?... Да?... — Ничего не отвечает; сам красный такой и толстый... — А! Провокатор! Переоделся, наших губить пришёл!... Я выстрелил в него, ранил в живот, но не убил. И стали добивать его палками, секачками... Я засунул его в какую-то дверь: жалко было и гадко смотреть, как его добивали. За дверью он скончался».

Около 500 человеческих жизней — таков результат Одесского погрома. С полной достоверностью установить и это число, и то, сколько

о было евреев, а сколько не-евреев, вряд ли возможно. По еврейским данным, евреев убито 302. А не-евреев, по данным правительства, — свыше 200. О числе погибших не-евреев брошюра говорит так: «Громил убито много. Никто их не считал и не интересовался узнать точное число их; во всяком случае, как уверяют, их не менее сотни»...

Подсчёт и определение, кто убитый, затруднялся тем обстоятельством, что подобранные трупы, в большинстве свозились в места, находившиеся во власти правительственных сил, которые не занимались исследованием, есть ли убитый еврей или не-еврей. На этой почве были впоследствии пререкания и обвинения полиции в «краже еврейских трупов», каковые должны были быть погребены на еврейском кладбище.

Несомненно одно, что среди убитых «оборонцев»-повстанцев были не только евреи, но и немало христиан, принявших активное участие в борьбе с погромщиками.

Причину погрома представитель «Паолэ-Циона» видит в «антисемитизме масс», а объясняет этот «антисемитизм» обоюдным «пренебрежительно-презрительным» отношением между евреями и не-евреями там, где бок о бок живут одни и другие. Христиане, говорит брошюра, пугают детей словами: «тебя жид в торбу возьмёт». А евреи своих детей пугают: «тебя гой в торбу возьмёт»...

Понятно, что при наличии таких настроений, малейшая искра может вызвать взрыв и «пренебрежительно-презрительное» отношение превратить в активно-погромное.

Что же было той искрой, которая вызвала погром в Одессе и в других местах в бурные месяцы первой русской революции?

Объяснение «приказом» или «распоряжением» русского правительства, как уже указано выше, не выдерживает серьёзной критики, ибо без соответствующих настроений широких масс поднять эти массы «приказом» вряд ли было возможно.

Провокация со стороны органов власти, как часто объясняют погромы? — Представитель «Паолэ-Циона» на этот вопрос отвечает так: «Я ездил в Одессу именно затем, чтобы найти чисто провокаторский погром, но — увы! — не обрёл его»... И продолжает: «Сказку про хулиганов (если не понимать это слово этически) выдумали слабоумные еврейские болтуны, которым страшно в глаза правде посмотреть, и хитроумные либералы, которым желательно от страшного вопроса отделаться дешёвой резолюцией»...

Кроме теории «приказа» и «провокации» в попытках объяснений, что послужило «искрой» для взрыва, существует и ещё одна версия — объяснение: бросающаяся в глаза активность евреев во всякого рода выступлениях и демонстрациях, направленных против правительства и существующего порядка; причём эти все демонстрации, как правило, сопровождалась выкриками и лозунгами явно оскорбительного и кощунственного характера против того, что в широких массах, в народном сознании было почитаемо и уважаемо. Истошные выкрики: «До-

лой Николашку!... Долой попов!... на митингах и демонстрациях, руководимых и вдохновляемых «революционерами» с непомерно большим процентом евреев, не могли не вызвать ответной реакции, острине которой направлялось против всех евреев вообще.

Утверждение о роли евреев в революционных событиях того времени, каковые нередко выливались (или вызывали) в еврейские погромы, подтверждается хотя бы составом того «Коалиционного совета», который в Одессе, захвативши здание университета, руководил «оборонной» и собирал средства и оружие «на случай вооружённого восстания».

«Коалиционный совет» состоял из 8 членов: два представителя от социал-демократов (по одному от меньшевиков и от большевиков); один от «Бунда»; один от «С.-С.» (социалистов-сионистов); один от С-Р.; один от армян-дашнаков; один от грузинского землячества и один от поляков. Оба представителя соц.-демокр. и один с.-р. — были евреи. Русского или украинца не было ни одного. (Последнее оспаривается, но никогда и нигде, насколько удалось установить, имена и народность этих трёх членов «Коалиционного совета» приведены не были).

В Киеве, примерно в те же дни, толпа демонстрантов под предводительством двух евреев-адвокатов, Шлихтера и Ратнера, захватила здание Городской Думы, поломала и разорвала царские портреты, государственный герб и начала организовывать «народную милицию», для чего там же, в Городской Думе, производили сбор средств и оружия. Шлихтер прибыл на митинг верхом на коне, сопровождаемый толпой с красными повязками, бантами и флагами. Из толпы непрерывно неслись выкрики, полные оскорблений по адресу царя, правительства, войск, полиции, религии. (Впоследствии, в 1928 году, Шлихтер был комиссаром земледелия Украины).

В Петербурге в то время был организован «Совет Рабочих Депутатов». Председателем был русский-украинец Хрусталёв-Носарь, а товарищем председателя — еврей Бронштейн-Троцкий. По предложению Троцкого, в отсутствие председателя Хрусталёва (который в этот момент уже был арестован), была принята резолюция о вооружённом восстании. Призыв же к вооружённому восстанию или участие в нём влекли за собою самое тяжёлое наказание — до смертной казни включительно. Хрусталёв это понимал и, не желая подвергать такому риску участников Совета Рабочих Депутатов, был против такой резолюции. Знал и понимал это и Троцкий. Но, несмотря на это, воспользовавшись отсутствием председателя, провёл резолюцию о вооружённом восстании, что стоило жизни немалому числу тех, кто голосовал за предложение Троцкого.

(Впоследствии, во время 1-й мировой войны, Хрусталёв добровольно явился в Россию, изъявивши желание принять участие в «обороне Родины». Троцкий же просидел это время в США и отправился в Россию уже после переворота 1917 года).

Подобных примеров активности евреев в русском революционном движении можно привести множество. Но и приведённого выше достаточно, чтобы можно было судить о причинах и поводах погромов в России.

То обстоятельство, что во всём мире существует мнение о России и русском народе, как о стране и народе постоянных погромов и систематического угнетения и преследования евреев, вызывает необходимость, хоть в самых кратких чертах, дать справку о пребывании евреев вне России и взаимоотношениях их с теми народами, на территории которых они жили в рассеянии.

Объём настоящего труда не позволяет подробно перечислить все конфликты евреев с народами, среди которых они жили в рассеянии, а потому приведём здесь только перечень погромов, зарегистрированных еврейскими историками.

Самый крупный по числу жертв был погром в Александрии, в 68 году после Р. Х., во время которого погибло 56 000 евреев. Произшёл он в то время, когда христианство только зарождалось и было религией не господствующей, а гонимой и преследуемой.

Следующие погромы были:

в 387 г. в Риме	в 1380 г. в Париже
в 516 г. в Клермоне	в 1391 г. в Барселоне,
в 519 г. в Равенне	Толедо
в 1013 г. в Кордове	в 1407 г. в Кракове
в 1096 г. в Вормсе,	в 1411 г. массовые погромы
Майнце	в Испании
в 1108 г. в Толедо	в 1421 г. в Вене
в 1146 г. в городах	в 1447 г. в Кольмаре
Германии	в 1449 г. в Лиссабоне
в 1171 г. в Блуа	в 1464 г. в Кракове
в 1189 г. в Лондоне	в 1467 г. в Толедо
в 1212 г. в Толедо	и Нюрнберге
в 1235 г. в Фульде	в 1469 г. в Познани
в 1236 г. в Анжу и Пуату	в 1486 г. в Толедо
в 1262 г. в Лондоне	(1 640 жертв)
в 1265 г. в Кобленце	в 1494 г. в Неаполе
в 1283 г. в Майнце	в 1506 г. в Лиссабоне
в 1285 г. в Мюнхене	(2.000 жертв)
в 1287 г. все евреи Англии	в 1592 г. в Вильно
в тюрьме	в 1614 г. в Франкфурте
в 1292 г. в Кольмаре	в 1658 г. резня в
в 1301 г. в Магдебурге	Великой Польше
в 1328 г. в Наварре	в 1680 г. в Мадриде
в 1336 г. в Ротенбурге и др. гор.	(118 жертв)
в 1349 г. в Савойе, Швейцарии	в 1686 г. в Будапеште
в 1351 г. в Кенигсберге	в 1716 г. в Познани
в 1355 г. в Толедо	в 1761 г. в Йемене

Выше перечислены только погромы. Кроме них, гораздо больше зарегистрировано «изгнаний», «выселений» и разного рода запрещений

и ограничений, а также распоряжений, чтобы евреи имели на себе отличительный знак или носили особой формы остроконечные шапки.

Всё это происходило не в России и исходило не от русского народа, а от итальянцев, испанцев, немцев, англичан, поляков, венгров, арабов, французов, и т. д.

Не следует ли отсюда сделать вывод, который сделал Соломон Лурье, профессор русского высшего учебного заведения, сказавший в своей книге, вышедшей в 1922 году в Петрограде следующее: «Причину антисемитизма следует искать в самих евреях. Это ясно для большинства учёных; но так как антисемитизм до сих пор остаётся злобой дня, боевым вопросом, то вполне естественно, что такое объяснение антисемитизма получает оценочный привкус: учёные не довольствуются констатированием того, что евреи в тех или иных отношениях разнятся от всего остального древнего мира, но ещё находят нужным объяснять антисемитизм тем, что евреи либо много хуже, либо много лучше своих соседей» (Приведённые выше слова проф. Лурье относятся к дохристианскому периоду. Но если из всей цитаты вычеркнуть одно слово «древнего», то всё сказанное можно отнести и к настоящему времени).

Объяснить простой случайностью тот факт, что всюду, где появляются евреи, вместе с ними появляются и проявления «юдофобии» или (как теперь не совсем точно говорят) «антисемитизма» — вряд ли возможно.

Русский народ и созданное им государство — Россия не являются исключением.

Как изжить это явление более чем двухтысячелетней давности выходит за рамки настоящего труда, который, как показывает само название, ограничивается только очерком жизни евреев в России и в СССР.

Россия же — да будет позволено обратить внимание читателя ещё раз — была первым государством, в котором законодатель, по собственной инициативе, провозгласил полную десеграцию в учебных заведениях (в 1804 г.), надеясь этим путём безболезненно осуществить ассимиляцию евреев с коренным населением. Надежда эта не оправдалась. И через 82 года, в 1887 году, появились ограничительные меры правительства и была введена в учебных заведениях процентная норма, о чём более подробно сказано в предыдущем изложении.

Красной нитью через всю историю человечества проходит «взаимное отталкивание» евреев от всех не-евреев, независимо от их народности, языка, культуры. То усиливаясь, то ослабляясь, это «отталкивание» порождало все конфликты между не-евреями и евреями, каковы конфликты часто выливались в разного рода преследования и погромы.

О подлинной причине этого «отталкивания» существуют разные мнения. Одни (проф. Лурье) причину видят в «особом духовном облике» евреев, свойственном только евреям и препятствующим ассимиля-

ционными процессам, естественным в процессе долгой совместной жизни с другими народами и племенами.

Другие (напр. М. Фридлиндер) причину видят в зависти не-евреев к морально совершенным евреям и к их материальным успехам в области экономической.

Третьи, наконец, корень зла ищут в области религиозных расхождений и соответствующей активной пропаганде господствующей христианской церкви. (Точка зрения всех еврейских и подавляющего большинства не-еврейских исследователей этого вопроса).

Не входя в рассмотрение, какая точка зрения ближе к истине — возможно, что доля истины есть в каждой — здесь, в заключение, небезынтересно ознакомиться также и с высказываниями по этому вопросу известного историка-еврея Сесилия Рота, которые приводит в своей статье «Агасферова легенда» С. Поляков-Литовцев («Еврейский Мир», сборн. II). «Записи наших (еврейских) хроникёров, будучи вполне правдивыми, лишены перспективы, а потому невольно искажают историческую объективность описываемых ими событий. Сплошь и рядом они изолированы от обстановки, в какой они случились и от обстоятельств, от которых они произошли. Так наши хроникёры неизменно приписывают антисемитизму — религиозной и расовой ненависти — всякий акт насилия черни, всякую репрессивную меру властей, жертвами которых оказывались евреи, даже тогда, когда они имели другие побудительные причины и направлены были не против одних только евреев. Еврейские мартирологи с этим мало считались и от этого много общечеловеческого горя и бед в их записях приобретало характер исключительно еврейского бедствия.

В 1278 году в Лондоне было повешено 267 евреев. Их обвинили в том, что они срезали с монет частички золота. Но одновременно с евреями были казнены и многие христиане — золотых дел мастера — по тому же обвинению».

Дальше С. Рот приводит целый ряд бедствий и катастроф общего порядка, в которых пострадали также и евреи, но хроникёров интересовали только жертвы еврейские. А о не-еврейских жертвах никто не писал и счёта им не вёл. В результате получается картина бедствий и погромов, обрушившихся только на евреев.

Кроме того, как справедливо замечает С. Рот, во время всяких бунтов и бесчинств евреев легче грабить по той причине, что имущество их было движимым, в то время как имущество не-евреев часто состояло в разного рода недвижимости.

Корректив, вносимый С. Ротом, заслуживает особого внимания. И если мы обратимся к временам, в которые происходили разные эксцессы на территории России, то увидим, что они всегда совпадали с разного рода другими волнениями, беспорядками, возбуждённым состоянием народных масс. В периоды мирные никаких погромов не бывало десятилетиями.

ДЕЛО БЕЙЛИСА

Кроме еврейских погромов в начале текущего столетия, результатом которых было ещё более тесное сплочение еврейской этнической группы в России и укрепление в ней уверенности в необходимости всемерно, не останавливаясь ни перед чем, бороться с режимом, произошло ещё одно событие, всколыхнувшее не только всё русское еврейство, но и весь мир. Это был процесс в Киеве по обвинению Бейлиса в ритуальном убийстве.

Самая возможность такого процесса в просвещённом XX столетии подняла бурю негодования и протестов во всей мировой печати, которая не жалела чёрных красок в описаниях всего, что происходило в связи с этим процессом, а попутно писалось много неместного и о России и её режиме. Слова «погром» и «процесс Бейлиса» связывались с Россией, порождая и питая представления о ней самые неместные, как о народе, так и о стране дикой, некультурной, бесправной.

Обвинения евреев в ритуальных убийствах с целью получения крови христиан для еврейских религиозных обрядов так же стары, как и история пребывания евреев в рассеянии. Нет страны и народа (среди которых жили евреи), в истории которых не было случаев обвинений и процессов в ритуальных убийствах.

В тёмных и непросвещённых народных массах христианского мира веками жило убеждение, что евреи действительно совершают ритуальные убийства, причём это относилось ко всем евреям вообще, а не к какой-либо изуверской их секте, за что ни одна религия не может нести ответственности и всегда осуждает всякие религиозные изуверства.

И не случайно и не без оснований, ещё в 16 столетии (1564 г.) в Польше указом короля Сигизмунда-Августа было строжайше запрещено возбуждать дела по обвинению евреев в ритуальных убийствах. Указ этот был издан по желанию самих евреев, пользовавшихся в Польше большим влиянием и имевших самое широкое «национально-персональное» самоуправление.

И когда в Киеве в 1911 году было найдено тело убитого мальчика — народная молва приписала это убийство евреям, и был возбуждён судебный процесс, известный как «дело Бейлиса».

Страницы и русской, и мировой печати заполнялись отчётами об этом процессе, создавая нездоровую атмосферу и, прямо или косвенно, обвиняя во всём русское правительство, которое процессу придало характер обвинения в ритуальных убийствах не какой-либо изуверской группы или секты, а всех евреев.

Вот что читаем мы об этом процессе в книге С.С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II», изданной в 1949 году в Мюнхене «Обществом распространения русской национальной и патриотической литературы».

«С 24 сентября по 28 октября в Киевском суде разбирался процесс, привлёкший сотни иностранных корреспондентов и наблюдателей: знаменитое дело Бейлиса.

Ещё в марте 1911 года в Киеве был найден убитым 12-летний мальчик — Андрей Юшинский; тело его было почти обескровленным, на нём было 47 колотых ран. Тотчас же пошла молва, будто мальчика убили евреи в целях использования его крови для каких-то таинственных обрядов.

Некоторые представители судебной власти, в частности прокурор Судебной Палаты Чаплинский, взяли на себя доказать эту версию. Местный полицейский розыск указывал в совершенно другую сторону — были данные, что мальчика убила воровская шайка — но сторонники «ритуальной» версии заявляли, что полиция подкуплена евреями. В 3-ей Думе правыми даже был внесён запрос по этому поводу (в мае 1911 года).

Отстраняя агентов розыска, не веривших «ритуальной» версии, следователь, наконец, нашёл свидетелей, показывавших, будто Юшинского похитил служащий кирпичного завода, Мендель Бейлис, и вместе с другими, не найденными лицами, умертвил его. Бейлиса в августе 1911 года арестовали. Вопреки русским обыкновениям, следствие тянулось свыше двух лет и только осенью 1913 года дело было доведено до суда.

Русская и заграничная печать проявляли необыкновенный интерес к этому делу. Видные русские писатели и публицисты левого направления выступили с протестом против «кровавого навета» на евреев. Защищать Бейлиса собрались самые известные русские адвокаты: Н.П. Карабчевский, В.А. Маклаков, А.С. Зарудный, О.О. Грузенберг и т. д.

Со своей стороны, правая печать, начиная с «Нового Времени», доказывала ритуальный характер убийства, и в помощь прокурору гражданскими истцами выступили член Гос. Думы Г.Г. Замысловский и известный московский адвокат А.С. Шамаков, автор ряда антисемитских исследований.

С первых же дней суда определилась слабая обоснованность обвинения. Большую сенсацию вызвала статья В.В. Шульгина в старом, правом органе — «Киевлянин» (27 сент. 1913 г.). Шульгин писал, что у гроба покойного редактора газеты Д.И. Пихно, он поклялся печатать в ней только правду. Он рассказывал, со слов полицейских чинов, как им сверху внушалось во что бы то ни стало найти «жида»; он приводил слова самого следователя, говорившего, что не так важно, виновен ли Бейлис — главное доказать существование ритуальных убийств.

«Вы сами совершаете человеческое жертвоприношение», — писал Шульгин. «Вы отнесли к Бейлису, как к кролику, которого кладут на вивисекционный стол»... Номер «Киевлянина» — впервые со дня основания газеты — был конфискован. Фракция националистов высказа-

ла, хотя и в мягкой форме, порицание Шульгина, который после этого перешёл в группу центра.

Полицейские чиновники в своих донесениях в Петербург день за днём отмечали слабость свидетельских показаний обвинения, убедительность экспертов защиты. Среди экспертов обвинения были видные профессора судебной медицины, но они могли только доказать, что тело было намеренно обескровлено, — из чего ещё не вытекает, что это было сделано с «ритуальной» целью.

Состав присяжных был, как говорится, «серый» — крестьяне, мешане и один почтовый чиновник. Левые газеты заранее обвиняли власть в желании воспользоваться «народной темнотой»; В.Г. Короленко писал, что решение таких присяжных не может быть авторитетным.

Но простые русские люди отнеслись к своей задаче серьёзно. «Як судить Бейлиса, коли на суди и разговорив про Бейлиса нема?» — так, по донесению жандармов, говорили присяжные между собой.

Речи обвинителей не переменили этого впечатления: в них много говорилось о ритуальных убийствах вообще и о том, что «евреи погубят Россию», — и почти ничего о Бейлисе.

28 октября присяжные вынесли Бейлису оправдательный приговор. Они ответили утвердительно на вопрос о том, совершено ли убийство на кирпичном заводе, принадлежавшем еврейку Зайцеву и обескровлено ли было при этом тело. Но хотя «Новое Время» в первый момент придавало этому ответу большое значение, оно само через два дня в статье Меншикова заявило: «Россия понесла поражение»...

«Торжество левой печати по поводу провала этого процесса понятно. Но самая возможность подобного исхода, прежде всего, является высшим свидетельством свободы и независимости русского суда присяжных и опровергает толки о давлении власти на суд».

Такими словами описывает нашумевший процесс Бейлиса монархист Ольденбург, сам признавая, что для обвинения и доказательства «ритуального» убийства в данном случае не было достаточно веских данных и доказательств.

Гораздо резче и в выражениях, бросающих тень на тех, кто стоял во главе русского Министерства Юстиции, дали отчёты о деле Бейлиса большинство русской повременной печати и вся печать заграничная. А тень эта не могла не распространиться и на весь режим и строй дореволюционной России.

Правые и крайне правые русские круги, которые безоговорочно поддерживали не только версию о «ритуальном» убийстве, виновность Менделя Бейлиса, но и, распространительно толкуя, расширяли обвинение на всё еврейство — были неудовлетворены и разочарованы исходом процесса. Всем было ясно, что признание факта обескровления тела ещё не значит, что оно было обескровлено с целью «ритуальной», а тем менее, что в этом виновно всё еврейство.

Было немало людей среди русской общественности, которые чисто теоретически допускали возможность существования среди евреев какой-либо изуверской секты, как существуют изуверские секты (напр. скопцы) в православии. Но отсюда отнюдь не делался вывод, что за действия изуверской секты могут нести ответственность все единоверцы изуверов. И правительству ставилось в вину, что на процессе это обстоятельство не было достаточно подчёркнуто, и единоверцы сразу же не ограждены были от распространительного толкования.

Тёмные же народные массы восприняли решение суда по-своему: признание обескровления тела было истолковано, как подтверждение, что евреи действительно совершают ритуальные убийства... И мальчишки-газетчики после оглашения решения суда кричали на улицах Киева: «Бейлис оправдан — жида обвинены!»...

Вообще всё дело Бейлиса оставило тяжёлый осадок и способствовало дискредитации режима. В особенности после того, когда на суде выяснилось, что на ведение следствия было оказываемо давление со стороны Министра Юстиции (Щегловитова), что вызывало неодобрение и даже негодование у тех, кто причислял себя к сторонникам режима — к «правым».

Громадный интерес, проявлявшийся к этому делу послами иностранных государств в Петербурге в их разговорах с министром иностранных дел Сазоновым, и заверения последнего, что «Бейлис будет оправдан», о чём есть документальные данные (в донесениях послов) — ещё больше затемняет и усложняет это, и без того тёмное и сложное, дело, которое принесло России столько вреда.

В заключение следует напомнить, что процесс Бейлиса происходил, когда ещё живы были в памяти и еврейские погромы начала столетия, и дело Дрейфуса, многие годы волновавшее весь мир, и, сравнительно недавний, Мултанский процесс в России, в котором обвинялись в человеческих жертвоприношениях язычники-черемисы и по суду были оправданы.

Результат же этого процесса был тот, что всё шести с половиной миллионное русское еврейство, даже его зажиточные и лояльные классы, ещё теснее сплотились в своём отрицательном отношении к режиму России, равно как и их многочисленные единоплеменники в США и в Европе.

Через несколько месяцев началась I мировая война, и настроения русского еврейства в значительной степени переменялись. Все понимали, что выступление России в союзе с демократическими государствами против монархий Германии и Австро-Венгрии, в случае поражения последних, неизбежно приведёт Россию в лагерь демократии и демократизации самого режима в России. А потому евреи в подавляющем большинстве стали, если не русскими патриотами, то, во всяком

случае, «оборонцами», не без основания надеясь, что победа России принесёт пользу и русскому еврейству.

Но эти «оборонческие» настроения были характерны только для большинства тех евреев, которые, получивши русское образование, влились в ряды российской интеллигенции и хорошо разбирались в вопросах международных отношений, а потому могли учитывать, что принесёт русскому еврейству победа или поражение. Причём эти «оборонческие» настроения были далеко не настроениями патриотическими, охватившими всю Россию в начале войны.

По существу, это был расчёт, что в случае успешной обороны, т. е. победы над Центральными Державами России совместно с демократическими союзниками, неизбежно произойдёт и перемена во внутренней политике России в сторону желательную евреям. «Оборонческие» настроения, выражавшиеся в поддержке дела ведения войны, отнюдь не значили и поддержку режима и его внутренней политики. К режиму все евреи без исключения относились определённо отрицательно, из чего не делали секрета.

Основная же масса многомиллионного русского еврейства была весьма далека от настроений не только патриотических, но и «оборонческих», хотя нельзя утверждать, что все русские евреи поголовно были «пораженцы» и желали победы Германии и Австро-Венгрии.

Но нельзя забывать и то обстоятельство, что положение евреев в Германии и Австрии было русским евреям хорошо известно и, естественно, они не могли не желать, чтобы и в России евреи, не меняя религии, смогли занимать такие места в общественной и политической жизни, а также в армии, какие они занимали в Австро-Венгрии. Желание это нельзя не признать обоснованным. Тем более, что было в русской армии немало евреев, не только лояльно исполнявших свой долг, но и проявлявших на войне храбрость и получавших боевые награды, но не имеющих никакой надежды быть произведёнными в офицерский чин по причине своего иудейского вероисповедания.

Обо всех этих противоречиях громко не говорилось во время войны, но что они имели своё влияние на настроения, как всего русского еврейства в целом, так и на настроения тех многих тысяч евреев, которые были призваны в армию — в этом сомневаться не приходится. Особенного патриотического энтузиазма противоречия эти породить не могли.

Здесь уместно будет вспомнить, что в предвоенные годы в России серьёзно обсуждался вопрос об освобождении всех евреев от несения воинской повинности. Но никакого решения по этому вопросу так и не было вынесено, хотя было написано немало статей и сделано докладов, посвященных этому важному вопросу. Высказывались, как противники, так и сторонники «исключения евреев из армии», приводя свои доводы и соображения в подтверждение правильности и оправданности своей точки зрения. Даже целые объёмистые книги были посвящены этому вопросу как, например, изданная в 1912 г. в Петербур-

і с книга Гессена «Война и евреи» в 300 страниц со множеством статистических данных и подробным изложением положения евреев в иностранных армиях.

Объём настоящего труда не позволяет более подробно остановиться на этом вопросе, но достойно внимания то, что заключительная глава этой книги гласит: «Роль евреев в будущей войне вообще и на нашем Западном театре, в частности».

Как показали следующие события, роль эта была немалой, как во время войны, до февраля 1917 года, так, в особенности, после февраля в годы гражданской войны, когда Красной Армией и Флотом командовал еврей — Бронштейн-Троцкий, а политической частью вооружённых сил заведовал и руководил еврей — Гамарник, не говоря уже о бесчисленных высших командирах — евреях.

Но кроме евреев лояльных (хотя бы внешне) и евреев, доблестно сражавшихся на фронте, немало было евреев, настроенных «пораженчески», но свои настроения державших про себя и ничем их не проявлявших, а, тем менее, о них говоривших. Это широкие малокультурные массы русского еврейства, которые традиционно — отрицательно относились к тому режиму, который, по их убеждению, их «преследовал», перенося отрицательное отношение и на все действия и мероприятия режима, включая сюда и оборону государства. В их понимании Россия не была их родиной, а только временным местопребыванием до того момента, когда они вернутся в свою обетованную землю. А потому у них и не могло быть патриотического порыва и подъёма, свойственного тем, у которых прошлое, настоящее и будущее было неразрывно связано с Россией.

Была и ещё одна группа среди русского еврейства — открыто «пораженческая». Немногочисленная, но весьма активная, образованная, политически хорошо подкованная и умеющая вести пропаганду. Это были евреи — члены революционных и социалистических течений, групп и партий. Значительная их часть пребывала или в ссылке, или в эмиграции и до февральского переворота выступать открыто не могла. По это не значит, что эта группа не имела влияния на настроения некоторой части русского еврейства, формально остававшейся в годы войны лояльной. И не только влияния на своих соплеменников, но и на многих русских — социалистов и революционеров, считавших, что только в результате проигранной войны можно надеяться на свержение режима.

Резюмируя всё вышеизложенное, можно без боязни впасть в ошибку, утверждать, что вся шестимиллионная масса русского еврейства в годы первой мировой войны была единодушна в своём отрицательном отношении к режиму Российской Империи и, если и поддерживала некоторые его начинания во время войны, то только постольку, поскольку эти начинания могли принести пользу еврейству в близком или более отдалённом будущем, всегда ставя интересы еврейства на первое место.

Настроения эти не были секретом для русского правительства и верховного командования и давали основание для сомнений в лояльности евреев, огромное большинство которых жило в черте оседлости, на территории каковой происходили военные действия.

Не имея возможности в обстановке военного времени разбираться в каждом отдельном случае и проверять лояльность евреев, живших в полосе военных действий, военное командование принудительно выселяло их из этой полосы, направляя в центральные русские губернии, где евреям до войны житьельствовать не разрешалось.

Этими мероприятиями фактически была упразднена черта оседлости, но, с другой стороны, принудительное выселение десятков тысяч, нередко в тяжёлых условиях, с недостаточно организованным транспортом, питанием, медицинским обслуживанием в пути, было встречено евреями, как новая форма «преследований», а сомнение в их лояльности воспринималось, как незаслуженное и бездоказательное оскорбление, не только выселяемыми, но и всем русским еврейством, что усиливало только антиправительственные настроения.

Таково, в общих чертах, было положение во все годы войны вплоть до февральской революции.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

В первый же месяц существования Временного Правительства, 21 марта 1917 года, были отменены все ограничительные для евреев законы и распоряжения. Они во всех отношениях были уравнены со всеми остальными гражданами России, и перед ними открылись широкие возможности для самого активного участия во всех без исключения отраслях общественной и культурной жизни страны и для занятия любых должностей в правительственном аппарате.

Евреи не заставили себя ожидать и по всем каналам устремились к руководящим позициям во всех, недоступных им раньше, секторах общественной и политической жизни России, а также административным постам.

Четыре еврея стали сенаторами: М. Винавер, Г. Блюменфельд, О. Грузенберг и И. Гуревич. Городским головой Петрограда — еврей Г. Шрейдер, а Москвы — еврей О. Минор. В Киеве в 1917 году мы видим заместителем городского головы еврея — Гинсбурга.

На ответственном посту управляющего делами Временного Правительства в 1917 году находился еврей А. Гальперн. Крупные места в министерстве заняли евреи: С.М. Шварц, Д.Ю. Далин (Левин), И.М. Ляховецкий (Майский), Я.С. Новаковский — все социал-демократы — меньшевики-«бундовцы».

Кроме перечисленных выше лиц, немало евреев в «февральский период» революции (до октябрьского переворота) заняли крупные посты в органах местного самоуправления.

Но не сенаторские кресла и высокие положения на государственной службе привлекали евреев, получивших все права. Неустойчивость Временного Правительства, определившаяся с первых дней его существования, и его зависимость от самочинно возникших или оформившихся организаций чисто политических — революционных, предопределяла и ненадёжность, и непрочность постов и положений на государственной службе.

Революционные карьеры делались не в министерствах, а на митингах и заседаниях советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, быстро фактически присвоивших себе власть и законодательную, и исполнительную. Туда и устремилось русское еврейство, со свойственной евреям энергией, настойчивостью и уверенностью, что они «всё знают и всё могут».

В то время, в первые месяцы Временного Правительства, на авансцене политической жизни подвизались, соперничая друг с другом, следующие революционные партии:

Партия «Социалистов-революционеров», от которой вскоре отпочковалось её левое крыло, назвавшее себя «левыми социалистами-революционерами»;

Партия «Социал-демократов-большевиков» (открытые «пораженцы»);

Партия «Социал-демократов-меньшевиков», стоявшая на «оборонческих» позициях;

«Бунд» — исключительно еврейские меньшевики — марксисты, не допускаящие в свою среду не-евреев, но сами весьма активно принимавшие участие в деятельности общероссийской партии социал-демократов-меньшевиков;

«Анархисты» — последователи учения Кропоткина и Бакунина, требовавшие упразднения всякой власти вообще.

Все названные партии считались «революционными» в отличие от многочисленных запуганных революционными событиями партий «буржуазных», к каковым причислялась и партия «конституционно-демократическая», переименованная своё название на «Партию Народной Свободы».

Среднее положение между партиями «революционными» и «буржуазными» занимала немногочисленная и мало влиятельная партия «народных социалистов». Для одних она была не достаточно «революционна» — другие, исходя из её названия, причисляли её к партиям «социалистическим».

Группировки, партии и течения «правые», патриотические, были ошеломлены революцией и пребывали в небытии.

Здесь будет уместно вспомнить, как отнеслось к партиям русское еврейство в целом. На конгрессе всех еврейских организаций, состо-

явшемся в первые месяцы революции, было вынесено решение на предстоящих выборах (всеобщих, прямых, равных и тайных) не голосовать за партии правее народных социалистов. Таким образом, организованное русское еврейство отказало в поддержке партии «Народной Свободы», в составе которой, равно как и в центральных партийных органах, было много евреев, образованных и культурных, но не разделявших революционные идеи и не поддерживавших революционные методы во внутренней и внешней политике.

В центральных комитетах всех шести революционных партий, перечисленных выше, евреи составляли подавляющее большинство: от 60 до 80 %; а в «Бунде» не было ни одного не-еврея.

Поимённые списки членов центральных комитетов этих шести партий приведены в части II настоящего труда с обозначением народности каждого отдельного члена.

По причине многочисленных псевдонимов, переходов из одной фракции партии в другую (например, Бронштейн-Троцкий и Нахамкес-Стеклов из меньшевиков превратились в большевиков), а также невозможности провести отчётливую грань между «бундовцами» и меньшевиками, списки эти не могут претендовать на стопроцентную точность и возможны некоторые ошибки.

Но общую картину племенного состава руководителей революционных партий России 1917 года они дают достаточно убедительно.

Кроме своих Центральных Комитетов, все эти партии имели широкую сеть комитетов губернских, областных, уездных, в армии, в среде рабочих и принимали самое активное участие в политической жизни страны, а нарочито в разных многочисленных «советах депутатов»: рабочих, солдатских, крестьянских, а особенно в общегосударственном Совете Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, который с первых же недель революции стал вторым правительством, причём более авторитетным в глазах масс, чем Временное Правительство, имевшее в первые месяцы в своём составе только одного социалиста — Керенского. И евреи в этом, втором, правительстве играли руководящую роль, занимая ключевые позиции.

В первые же недели и месяцы революции все находившиеся в ссылке и в эмиграции революционеры возвратились в Россию и принялись «углублять и расширять» революцию. Среди возвратившихся из эмиграции — подавляющее большинство составляли евреи, что видно из списков, публиковавшихся тогда (весной 1917 года) в русских газетах.

К моменту падения царского режима эмигранты революционеры были сконцентрированы в Соединённых Штатах Америки и в Швейцарии.

В США, в Нью-Йорке, где находились такие известные евреи-революционеры, как Бронштейн-Троцкий, Коген-Володарский, Радомысльский-Урицкий и многие другие. Они успешно вели пропаганду против русского правительства, внимательно следили за ходом войны и готовились к участию в назревавшей в России революции. Ещё за год до

революции, 14 февраля 1916 года, в Нью-Йорке состоялась закрытая конференция эмигрантов-революционеров, в которой приняло участие 62 человека, из них 50 были «ветераны революции 1905 г.», а остальные — вновь принятые члены-сотрудники. Участники конференции были люди интеллигентных профессий или «профессиональные революционеры». Среди делегатов был огромный процент евреев. Материальную поддержку эта группа имела от банкира Якова Шифа, что неоднократно говорилось присутствовавшими на конференции её участниками.

Через год с небольшим из США отплыли два парохода с эмигрантами, возвращавшимися в Россию после февральского переворота. Подавляющее большинство пассажиров этих пароходов составляли евреи, в своё время бежавшие из России, что не трудно было установить, взглянувши на списки пассажиров. Возвращались все, как «политические эмигранты», хотя между ними было немало просто дезертиров, бежавших из России, чтобы уклониться от воинской повинности. Теперь обстоятельства сделали этих дезертиров «жертвами царизма». И они, как победители ехали в Россию, чтобы принять участие в революции.

По прибытии в Россию они рассеялись по всем её просторам, начиная с Владивостока и кончая Петроградом, и сразу же приняли самое активное участие в событиях.

В Петрограде осело этих, прибывших из США евреев (как подлинных политических эмигрантов, так и просто дезертиров, примазавшихся к своим единоплеменникам), 265 человек, о чём свидетельствует в 1919 году перед комиссией сената США методистский священник, доктор Джордж А. Симоне, который был много лет настоятелем Методистской церкви в Петрограде. В записях (протоколах показаний), 439 и 469, 65-й сессии Сената США записано следующее: «Среди агитаторов были сотни евреев из Даунтауна (нижней части) восточной окраины Нью-Йорка, а в 1918 году правительственный аппарат в Петрограде состоял из 16 настоящих русских и 371 евреев, причём 265 из этого числа прибыли из Нью-Йорка».

Возвращение эмигрантов из второго центра — Швейцарии — произошло так. Проехать в Россию из Швейцарии обычным путём — через Австрию или Германию — не было возможно, т. к. эти государства были в состоянии войны с Россией и все попадавшие на их территорию русские подданные немедленно интернировались. Путь через Францию, а затем морем, был опасен благодаря действию германских подводных лодок и военных кораблей, а кроме того и Франция, зная настроения тех, кто хотел ехать в воюющую ещё Россию, не обнаружила никакого желания помочь этим эмигрантам, из которых значительная часть были активные «пораженцы», которые бы несомненно развили свою пропаганду в России, бывшей тогда союзницей Франции в мировой войне.

Выручили немцы. Они повезли через германскую территорию в запломбированных вагонах 224 революционера-эмигранта в Швецию, откуда они через Финляндию направились в Россию. Из пассажиров «пломбированных» вагонов 170 были евреи, почти все «пораженцы».

Встречены они были в Петрограде торжественно, хотя Временное Правительство и было отлично осведомлено, как о их политических установках («пораженческих» во время ведущейся войны), так и о способе их проникновения в Россию. Газеты были полны приветственных статей. Печатались списки прибывших, из которых легко можно было установить племенной состав пассажиров пломбированных вагонов. Перечислять их здесь нет никакой надобности. Это только бы затруднило читателя. Желаящие же всё проверить могут это сделать просмотревши Петроградские газеты за апрель 1917 года. При этом, возможно, будут удивлены, найдя там имена не только тех, кто вскоре по приезде принял участие в создании власти советов, но и тех, кто десятилетиями в эмиграции был противником «сталинизма», как, например, известный лидер меньшевиков Р.Абрамович.

Сконцентрировавши указанными выше путями все свои активные силы, евреи-революционеры очень быстро заняли ключевые позиции во всех конкурирующих и претендующих на власть партиях тогдашней России. Но в аппарат власти исполнительной — на государственную службу — они не стремились, предпочитая играть роль и влиять на судьбы России, пребывая вне правительства на положении депутатов, делегатов и лидеров в разных советах и комитетах, каковые, как уже упомянуто выше, в то время представляли собою второе правительство России.

Единственное исключение делалось для милиции, заменившей прежнюю полицию. Туда евреи охотно шли с первых дней революции. Разумеется, не лидеры и руководители, а попроще, не претендующие на водительство дальше своего квартала или города. Они почувствовали себя если не «властью», то, во всяком случае, органами власти и блюстителями «революционного порядка». С повязкой милиционера на рукаве и с шашкой на боку, а нередко и с револьвером на поясе, они суетились, носились по городам и, по-соломоновски, разбирали мелкие происшествия и столкновения на улице или на базаре, руководствуясь «революционной совестью и революционной же справедливостью». Конечно, на постах, как прежние городовые, они не стояли, а предпочитали заниматься тем, чем раньше занимались околоточные надзиратели и полицейские приставы. С той разницей, что околоточные и приставы раньше «распекали» и «внушали», не без успеха подерживая порядок, а новые их заместители больше «уговаривали», взывая к «сознательности» граждан. В результате быстрыми шагами шло разложение страны и угасание того патриотического духа, которым была охвачена Россия в начале войны и который всегда спасал её в минуты опасности для государства.

Призывы продолжать войну до победного конца никакого отклика в массах не находили — все мечтали об окончании войны и возвращении домой.

Воззвать же к патриотизму русского народа было некому. Ни Временному Правительству, состоявшему из людей, для которых слово «патриотизм» было синонимом реакционности и «контрреволюции», чего они боялись больше всего, ни тем менее Совету Депутатов, в котором задавали тон люди, которым было чуждо, непонятно и даже враждебно самое слово «русский патриотизм». Ведь Россия не была их родиной, а только временным местопребыванием и территорией, на которой предоставилась им возможность производить свои интернационалистически-социалистические эксперименты без какого бы то ни было сопротивления коренного населения, предки которого путём тяжёлых жертв создали и отстаивали своё государство в прошлом и своё будущее неразрывно связывали с будущим России.

Не встречая никакого отпора, возглавители и руководители бывших тогда на политической авансцене революционных партий (в подавляющем большинстве — евреи) почувствовали себя хозяевами положения и начали себя вести соответствующим образом, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Тон всему в то время (лето 1917 года) задавали Бронштейн-Троцкий и Нахамкес-Стеклов. Заняв руководящие положения в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде, эти два марксиста-меньшевики, к тому времени превратившиеся в большевиков, со свойственной их племени энергией, темпераментом и целеустремлённостью, занялись разрушением правопорядка и хотя бы минимальной законности, которую хотело, но не могло сохранить Временное Правительство.

За Троцким был ореол бывшего вице-председателя Совета Рабочих Депутатов в 1905 году, который сумел провести решение о вооружённом восстании вопреки желанию председателя Хрусталёва-Носаря, и «пострадавшего» за свободу («страдал» он, сидя в Нью-Йорке до самой революции).

У Нахамкеса никакого ореола не было, и дальше революционных кругов он известен не был. Огромного роста, грузный, бородатый, с громоподобным басом, неопрятный и неряшливый внешне, Нахамкес с первых же дней революции выдвинулся в первые ряды революционных деятелей и проявил исключительную напористость и нахальство в своей политической деятельности.

Насколько силён был ореол Троцкого и бессильно Временное Правительство красноречиво свидетельствует следующий эпизод. В июле 1917 года, после подавления восстания большевиков, к Троцкому, в числе других главарей восстания, прокурором Петроградской Судебной Палаты Каринским было предъявлено обвинение по статьям 51, 100 и 108 уголовного уложения за организацию вооружённого восстания и измену. Обвинение обоснованное, юридически безупречное, грозившее в военное время смертной казнью.

Главарь, к которым было предъявлено это обвинение, бежали и скрылись. Но Троцкий не бежал и не скрывался, а рассылал иронические письма, спрашивая, когда же его арестуют...

В Совдепе он стучал по трибуне и кричал им: «Вы обвиняете большевиков в измене и в восстании?... Сажаете их в тюрьмы?... Так ведь я же был с ними, я же здесь!... Почему вы меня не арестуете?»... — Члены Совета Депутатов молчали. (Они были противники восстания, большевики тогда были в меньшинстве.)

Весть о приказе об аресте Троцкого так взволновала Совдеп, что через несколько часов после подписания приказа несколько членов Военной секции Совета появились в штабе Петроградского Военного Округа и между ними и генерал-квартирмейстером произошёл следующий разговор:

«Как? Вы хотели арестовать Троцкого?» — обратились они с вопросом, в котором не было слышно упрёка, но чувствовалось какое-то страдание, с оттенком, будто он не в своём уме.

«Да! Троцкого!... И до сих пор требую!...»

«Троцкого?...»

«Вы очевидно забыли, что было три дня назад, ну, а я хорошо помню ваши бледные лица и трясущиеся подбородки, когда мы вместе отсиживались 4-го июля»...

«Да, но ведь это — Троцкий!... Поймите — Троцкий!» — старались они мне объяснить своё перед ним преклонение и для наглядности поднимали руки к небу. (Цитируется из книги Б. Никитина «Роковые Годы».)

(Представители Военной Секции Совета были члены социалистических партий Совета, но не большевики. Временное Правительство так и не посмело арестовать Троцкого, чему, судя по многочисленным воспоминаниям участников событий, воспрепятствовал Керенский.)

Приведённый выше эпизод даёт ясную картину, что из себя представлял тогда Троцкий, который открыто вёл во время войны пропаганду, призывая к неповиновению солдат и матросов, и тем подрывал боеспособность армии.

Стеклов-Нахамкес пошёл ещё дальше Троцкого. Он призвал к убийству лиц, стоящих за продолжение войны. После июльского восстания к нему, как и к Троцкому, было предъявлено обвинение по тем же статьям, но, как и Троцкий, он не был ни судим, ни даже арестован, а выпущен Временным Правительством, когда он на короткое время был задержан военными властями в согласии с решением прокуратуры.

Овший Моисеевич Нахамкес (Стеклов), как русский подданный призывного возраста, был в начале войны, задержан немцами, но вскоре выпущен и приехал в Россию. С первых же дней революции вошёл в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и приобрёл там первенствующее значение. По его инициативе и при его непосредственном участии была уничтожена полиция и вынесено решение о невыводе из Петро-

града распропагандированного и деморализованного гарнизона, в котором был немалый процент мобилизованных рабочих.

Когда в первые дни революции был создан Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, сразу же занявший положение «второго правительства», из него была выделена пятичленная комиссия для поддержания контакта с Временным Правительством, названная «Контактной Комиссией».

В эту комиссию вошёл Нахамкес и сразу же занял в ней руководящую позицию. Задача этой комиссии, по определению самого Нахамкеса, состояла в том, чтобы «путём постоянного организованного давления заставлять Временное Правительство осуществлять те или иные требования Совета».

«Давление» это было перманентным с первых же дней существования Временного Правительства, осуществлялось Нахамкесом грубо, прямолинейно и бесцеремонно — он вёл себя, как строгий хозяин — и привело к тому, что Временное Правительство не смело и не могло принять какое-либо ответственное решение без согласия и одобрения «Контактной Комиссии», от имени которой, не встречая сопротивления остальных членов, говорил Нахамкес.

Свою деятельность Нахамкес не ограничивал «Контактной Комиссией», а чуть не ежедневно выступал с речами в Совете и на многочисленных митингах, громя всех тех, кто призывал к продолжению войны, в том числе и Временное Правительство, и командный состав армии.

В начале июня 1917 года на заводе Лесснера состоялось объединённое закрытое совещание большевиков и анархистов. Разбирались вопросы о согласовании их совместной деятельности. Большевики предложили анархистам взять на себя террор против лиц, стоящих за продолжение войны. Они доказывали, что им **сейчас** неудобно брать на себя столь крайние эксцессы, тогда как у отдельных групп анархистов они прямо входят в программу. Однако анархисты отнеслись к предложению без особого энтузиазма; вопрос рисковал провалиться, если бы положение не спас присутствовавший на собрании Нахамкес. Он так горячо и решительно призывал к террору, так вдохновил присутствовавших и красноречиво призывал приступить к убийствам немедленно, что после его выступления большевики без труда провели свою резолюцию и тут же составили первый список намеченных жертв, во главе которого поставили Керенского.

Резолюция эта вскоре стала известной в штабе Петроградского Военного Округа и в Военном Министерстве. Военным министром тогда был Керенский, а его помощниками — полковники Якубовский, Туманов и Барановский. Помощником главнокомандующего Петроградским Военным Округом — по политическим делам — был призванный из запаса адвокат Кузьмин, социалист-революционер, слепо выполнявший все директивы Центрального Комитета своей партии — одной из партий, активно участвовавших в Совете р. и с. депутатов.

Когда генерал-квартирмейстер сообщил Кузьмину обо всём происходившем на заводе Лесснера, прибавивши, что есть совершенно достоверные свидетельства нескольких лиц и никаких сомнений в точности сообщения быть не может, Кузьмин ответил: «Не может этого быть!... Как?... Нахамкес перешёл к большевикам?... Никогда этого не будет!...» — И никакого хода этому делу дано не было.

Тогда генерал-квартирмейстер отправился в Военное Министерство, где вместе с тремя помощниками Керенского, упомянутыми выше Барановским, Тумановым и Якубовским, обсудил положение, создавшееся после выступления Нахамкеса. Они отнеслись к этому совсем иначе, чем Кузьмин, который просто не поверил, что меньшевик Нахамкес мог изменить своей партии.

Неужели же этого не достаточно, чтобы обвинить Нахамкеса в работе на Германию? Призывать к немедленным убийствам лиц, желающих продолжать войну, не входило в программу ни социал-демократической партии, ни даже её пораженческого крыла. По какой же инструкции шёл Нахамкес? Немецкий Штаб не мог бы придумать лучшего... Что было бы во Франции с тем, кто стал бы призывать к убийству Клемансо, корпусных командиров?...

Так оценили выступление Нахамкеса люди военные, далеко не «черносотенцы» (таковые не могли занимать ответственные должности при Керенском), но не связанные железной дисциплиной социалистических партий, как это имело место с Кузьминым.

После всестороннего обсуждения было решено организовать специальную охрану личности Керенского и принять меры, чтобы на заводах не было возможности производить бесконтрольно ручные гранаты, которые могли бы быть использованы для действий, рекомендованных Нахамкесом. Привлечённый к делу организации предупредительных мер Начальник Главного Артиллерийского Управления ген. Лехович пытался наладить строгий контроль взрывчатых веществ, а производство ручных гранат было реорганизовано так, что капсулы для них хранились отдельно и могли закладываться в гранаты только вне столицы... На этом дело и кончилось...

Не только арестовать и предать суду, но даже допросить или хотя бы потребовать объяснений от Нахамкеса просто не посмели. Ни всё Временное Правительство, ни военные власти... Хотя о выступлении и рекомендациях Нахамкеса всем было известно... Но вопрос был «щекотливый»... И его решили молча вообще не поднимать...

Много хлопот вызвал и отнял энергии тогда провозвестник террора — Нахамкес. Назначается охрана, составляется комиссия, вырабатываются предупредительные меры... А он до самого июльского восстания гремит с трибуны, продолжая оказывать «организованное давление на Правительство».

После неудавшегося восстания большевиков (июль 1917 г.) был издан приказ об аресте руководителей восстания, в числе которых были и Троцкий, и Нахамкес. (Большинство, как известно, скрылись и не

появлялись до октября). Но Троцкий и Нахамкес не скрывались и не сбежали, а продолжали свою деятельность, игнорируя и закон, и самое существование Временного Правительства, которое обязано было пресечь их деятельность, но... не смело.

Эпизод с попыткой арестовать Троцкого приведён выше. Неудачей кончилась и попытка законной власти пресечь деятельность и Нахамкеса.

9 июля на даче в Мустомьяках был обнаружен Нахамкес и по распоряжению штаба Петроградского Военного Округа, несмотря на его протесты, был доставлен в помещение штаба, где всё время шумел и протестовал, как это осмелились арестовать его, по его словам, «члена Исполнительного Комитета всея России», и требовал, чтобы к нему пришёл начальник штаба.

Вошедший начальник штаба застаёт Нахамкеса сидящим развалившись у стола, спиной к столу, локти на столе. На вопрос начальника штаба: «Вы хотели просить меня о чём-нибудь?» — Нахамкес, не поднимаясь со стула, отвечает: «Но я просил Вас придти ещё два часа тому назад!»...

В комнате — солдаты и офицеры. Начштаба стоит, а Нахамкес сидит, развалившись, нога на ногу... Начштаба не выдерживает и подчёркнуто громко говорит: «Если желаете со мной говорить — потрудитесь встать!»... Нахамкес вскакивает, как на пружине... «Почему Вы меня арестовали, невзирая на запрещение Правительства?» — спрашивает он. Начштаба отвечает: «Я знал, что при старом режиме особые исключения делались только министрам и членам Государственного Совета; но ведь при новых условиях, кажется, все равны. Почему я должен делать исключение для Вас?»...

«Как? Значит Вы арестуете и члена Учредительного Собрания?» — спрашивает Нахамкес... «Не понимаю, причём здесь Учредительное Собрание?» — отвечает начштаба... «Да, но я член Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов всей России, член законодательной палаты. По крайней мере, мы сами на себя так смотрим»...

Этот интересный диспут был прерван срочным вызовом к телефону начштаба, которому было сообщено, что по распоряжению Правительства Нахамкеса задерживать в штабе Округа нельзя.

Одновременно с этим в Штабе появился сам председатель Совдепа — Чхеидзе с двумя членами выручать Нахамкеса. Начштабу не оставалось ничего больше, как отпустить с миром на все четыре стороны Нахамкеса, вина которого была несомненна.

Но это был Нахамкес-Стеклов, который тогда, как и Бронштейн-Троцкий, почувствовал себя хозяином положения и вел себя, как таковой, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Но зато с ними больше чем считалось и всё Временное Правительство, и даже Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, в котором большевики тогда не имели большинства; но, по существу, Совет шёл на

поводу у этих двух напористых людей, не смея предпринять ничего против их пораженческой пропаганды и в то же время вынося резолюции о продолжении войны до победного конца. Абсурдность такого положения ощущалась многими. Но сказать никто не смел. А за спиной у Нахамкеса и Бронштейна стояли не только Це-Ка их партии, но косвенную поддержку (путём «непротивленчества») они ощущали и в Центральных Комитетах всех «революционных» партий, бывших тогда на политической авансцене и состоявших преимущественно из их единоплеменников, для которых чувство русского патриотизма было чуждо, непонятно и враждебно.

С пораженческой пропагандой «боролись». Но боролись так, чтобы не побороть. С предельной точностью эту «борьбу» изложил один из лидеров меньшевиков — грузин Церетели, сказавши, что «бороться надо так, чтобы дать им возможность почётного отступления»... «Иначе может восторжествовать контрреволюция»...

Так было в Петрограде в короткое время пребывания у власти Временного Правительства. Так же было и во всех городах России.

В Киеве задавал тон и «углублял революцию» Рафес, меньшевик-«бундовец», перешедший впоследствии к большевикам. На фронте в бесчисленных советах солдатских депутатов антипатриотическую и пораженческую пропаганду вёл целый легион маленьких, провинциальных нахамкесов и бронштейнов, не встречая должного противодействия со стороны своих коллег, меньшевиков и эсеров, из которых тогда состояли советы. А если и противодействовали — то по методу Церетели, что было равнозначно попустительству, потворству и помощи и содействию...

Разумеется, далеко не все «углубители» революции и митинговые ораторы, и даже не большинство, а относительное меньшинство, были евреи. Количественно преобладали не-евреи, только подражавшие методам евреев Нахамкеса и Бронштейна, наблюдая их демагогический успех и полную безнаказанность за высказывания и действия, недопустимые вообще, а в военное время в особенности.

Характерно, что в бурной политической жизни первых же дней русской революции самое активное участие приняли евреи — члены «Бунда», того самого «Бунда», который ещё совсем недавно, в 1903 году, категорически заявлял, что «вообще было бы большим заблуждением думать, что какая бы то ни было социалистическая партия может руководить освободительной борьбой чужой национальности, к которой она сама не принадлежит», а потому самоизолировался в марксистской социал-демократической партии.

Для руководства политической партией какого-либо народа, по мнению «Бунда», надо было выйти из данного народа, быть связанным с ним тысячами нитей, быть проникнутым его идеалами, понимать его психологию. Для партии чужого народа это невозможно! — Так категорически заявляли евреи из «Бунда» в 1903 году...

А уже во время первой революции, в 1905 году, многочисленные гвреи-революционеры весьма активно вмешивались в дела «чужого народа» и были не только участниками, но и инициаторами и руководителями революционных выступлений, как например, Ратнер, Шлихтер и Шефтель в Киеве.

И «бундовцы», и не состоящие в «Бунде» — в одинаковой мере и с одинаковой энергией — устремились в революционное движение и сочли для себя возможным и допустимым не только участвовать в политической жизни и партиях общероссийских (для них «чужих»), но и проникать в руководство этих не-еврейских партий, ревниво не допуская в свои, еврейские, партии ни одного не-еврея. Характерно, что даже евреи по происхождению и расе, для которых язык «идиш» был их родным языком и которые были убеждёнными марксистами, но из каких-либо соображений изменившие религию — для «Бунда» были неприемлемы.

Проникновение в политические организации и партии шло одновременно по двум линиям: они «делегировались» или «кооптировались» и как представители партий и организаций чисто еврейских, и от революционных партий и организаций общероссийских, в каковых, как уже указано выше, если не большинство, то весьма значительную часть центральных комитетов, составляли евреи. Кроме того, значительное число евреев проникали в возглавления партий и организаций в порядке «персональном» — их выбирали и за них голосовали охваченные революционным настроением широкие массы, чему немало способствовал ореол «угнетений и притеснений» при старом режиме, окружавший евреев и усиленно ими подчёркивавшийся и выпячивавшийся, а также, врождённая евреям, напористость и энергия.

В результате, уже через несколько месяцев после февральской революции, мы видим немало не только евреев, но и «бундовцев», занимающих ответственные положения председателей совдепов в областях и на фронте и весьма активно и авторитетно решающих вопросы как чисто военные, так и вопросы одобрения или неодобрения тех или иных мероприятий Временного Правительства.

Как далеко простиралась тогда власть и возможности евреев, попавших в председатели какого-либо совдепа, и как даже Верховное Командование Русской армии должно было считаться с мнением юнцов-«бундистов», рассказывает нам в своих мемуарах один «бундист» — председатель совдепа:

«Днём 31 августа (по ст. стилю) пришло известие о принятии на себя А.Ф. Керенским обязанностей Верховного Главнокомандующего и о назначении ген. М.В.Алексеева его начальником штаба.

Мы, провинциальные деятели, руководители Рабочего и Солдатского Совета (дело было в Витебске) были совершенно ошеломлены. Насколько мы были информированы, Алексеев принадлежит к группе единомышленников Корнилова. Следовательно, приглашение его означает «соглашательскую» политику, примирение с Корниловым. Но,

быть может, лично Алексеев стоит в стороне от политической борьбы, и, нуждаясь в «военспеце» и авторитетном генерале при чересчур штатском Керенском, его вынуждены были пригласить?

Всё равно этот шаг Временного Правительства невозможно признать правильным. Он может оказаться роковым. Наш долг высказать своё мнение и оказать давление на правительство и ЦИК Советов.

Вечером на заседании Военного Бюро Рабочего и Солдатского Советов был составлен текст телеграммы, протестующей против назначения Алексеева и против тенденции примирения с корниловщиной. И после этого решения Бюро погрузилось в местную работу. Авиационный парк рвался в бой и решил выделить отряд с пулемётами для направления на Оршу, где, по нашим сведениям, тогда собирался «кулак» для последнего штурма Могилёва. Мы обсуждали вопрос, кто из членов Бюро поедет с этим отрядом: каждому хотелось принять непосредственное участие в «деле», но никого нельзя было отпустить...

В это время мы получили известие о предстоящем проезде через Витебск генерала Алексеева и перед Военным Бюро стал новый ряд вопросов о тактике. Положение представлялось нам весьма сложным. Мы только что отправили протест против назначения Алексеева. Но сейчас, по приезде, Алексеев для нас остаётся представителем Верховного Главнокомандующего, высшей военной властью в стране. Следовательно, во всех вопросах передвижения войск его решение является окончательным. Но ведь Алексеев едет мириться с Корниловым — это очевидно, а мы считаем политику примирения — ошибкой, преступлением. Между тем Алексеев действует от имени Временного Правительства, которое мы решили поддерживать... Тем более, что Алексеев может аргументировать интересами фронта, оперативными соображениями, которые окутаны тайной для нас, непосвящённых... Таков ход мыслей, волновавших членов Военного Бюро местных Советов. В результате обмена мнений мы решили:

1. Высказать генералу Алексееву мнение витебских советов о том, что с Корниловым должен быть разговор, как с государственным преступником, что он должен быть арестован;
2. Доложить обо всех проведённых нами мобилизациях и передвижениях войск и поступить согласно его указаниям как начальника штаба Главнокомандующего.

Затем Военное Бюро уполномочило А. Тарле и меня — как председателей Рабочего и Солдатского Советов — для встречи генерала Алексеева.

В 1 час ночи, стоя у прямого провода на вокзале, мы получили телеграфную ленту, которая вновь внесла резкие перемены. Эта лента содержала приказ Керенского полковнику Короткову в Оршу. В этом приказе Керенский требовал немедленной организации наступления на Могилёв и ареста генерала Корнилова и других заговорщиков. Для нас по прочтении этого приказа стало ясно, что наша позиция оправдалась, что заколебавшиеся было «сферы» спохватились и отказались от

того плана, который незадолго до того поручен Алексееву. Нам стало ясно, что миссия Алексеева не только осложняется, но, пожалуй, опадает за ненадобностью. Как же теперь быть нам, членам Военного Бюро? Конечно, необходимо ознакомить Алексеева с приказом Керенского. Быть может, благодаря этому удастся сорвать план «гнилого компромисса»... С глубоким волнением мы стали ждать приезда генерала Алексеева, предчувствуя, что приказ Керенского должен особенно сильно подкрепить точку зрения Военного Бюро на ликвидацию корниловского мятежа.

В два часа ночи нам сообщили, что прибыл поезд генерала Алексеева. Он спал в салон-вагоне, и мы были введены в соседний вагон к сопровождавшим генерала Вырубову и Филоненко. Вырубов допытывался, в чём дело, но мы, конечно, хотели беседовать с генералом и попросили проводить нас к нему. Нас повели в салон-вагон, где нас встретил заспанный старый генерал. Алексеев был лет 65-ти, среднего роста, с бритым, изрезанным морщинами лицом и длинными седыми усами, с внимательным и зорким взглядом. Он принял нас стоя и, вероятно, несколько недоумевая по поводу столь позднего визита. Мы изложили некоторые подробности произведённых нами военных операций в районе и точку зрения витебского Совета о недопустимости примирения и необходимости ареста Корнилова. Мы также добавили, что в Орше готовится наступление на Могилёв и туда стягиваются войска. Алексеев очень взволновался и сказал:

— Всё это, господа, результат глубоких недоразумений, сложный клубок взаимного непонимания. Перед отъездом в Петрограде мы вполне договорились с Александром Фёдоровичем. Мы выбрали мирный путь для улаживания вопроса. Я убеждён, что конфликт искусственно раздут, что он сам собой рассосётся. То, что вы делаете, — не требуется положением вещей, разлагает нашу армию и подрывает авторитет командного состава. Я принял назначение в полном согласии с Временным Правительством и надеюсь, что мне удастся мирно договориться с генералом Корниловым.

Тогда я протянул Алексееву свёрнутую кружком ленту: вот приказ Керенского наступать на Могилёв!...

Помню, генерал Алексеев разворачивал с конца телеграфную ленту и долго читал приказ Керенского полковнику Короткову.

— Ах, Александр Фёдорович! — воскликнул он несколько раз, как бы не считая возможным нам высказать все свои тяжёлые мысли по поводу непостоянства Керенского... Ах, Александр Фёдорович, ведь, кажется, мы в Петрограде обо всём договорились. Я заявил, что только при условии мирного улаживания конфликта могу принять на себя это поручение, могу ехать в ставку...

Очень взволнованный, Алексеев хотел немедленно получить прямой провод к Керенскому, но провод на вокзале всё время был занят. Мы вспомнили, что в штабе Двинского военного округа в городе имеется провод и поехали туда в автомобиле. Там, в отдельной комнате,

предварительно долго проверяя и устанавливая с кем говорит, Алексеев беседовал с генералом Лукомским, выясняя положение в ставке и убеждая Корнилова сдаться.

Мы сидели рядом в комнате, с нами был третий, советский комиссар при Округе, Яковлев, знакомившийся с положением.

Был уже пятый час утра, когда, встревоженные, вбежали в штаб начальник Военного Округа генерал Байов, его адъютант барон Кехли, генерал Голубовский и с упреком обратились к нам: как это вы нас не уведомили о приезде генерала Алексеева? — Нам было не до вас, господа, — ответили мы...

Более часа вёл Алексеев разговор со ставкой и, когда вышел к нам, он имел утомлённый и старческий вид. Поздоровавшись с представителями округа, он попросил оставить нас одних. — На наш вопрос, как нам быть с передвижением войск в окрестности, он ответил, что не видит в этом нужды. Но — делайте, как знаете — махнул он рукой. На вопрос о положении он сказал: «Еду в Оршу, а там посмотрим. Постараюсь, по мере сил, добиться мирного исхода конфликта...» И тут неожиданно он произнёс горячее слово:

— Мы с вами, господа, люди разные и вряд ли поймём друг друга. Но как старый человек я скажу вам: больна Россия, и смертельно больна её армия... Самочинные организации сеют раздор внутри армии, и она разлагается заживо. Мы, старые люди, мечтавшие о том, что в свободной России будет создана мощная армия, мы видим: грозный враг несёт гибель родине...

Вся смута в стране, сепаратизм окраин — всё это дело хитрого и сильного врага. Германский штаб ещё с 1879 года отпускает огромные суммы в секретный фонд по субсидированию украинофильского движения... А тут ещё эти солдатские советы, это постоянное вмешательство в командование, это преступное братание на фронте...

Если в начале речи мы почувствовали в этом генерале политика, принимающего близко к сердцу, по-своему, интересы России, то последние слова, сказанные с горечью, не могли не вызвать нашего отклика:

— Единственно, что организует русскую армию и спасает её от распада — это солдатские советы и комитеты. Пора увидеть и оценить это!...

Перед нами уже был утомлённый старик, который махнул рукой и сказал: — Вы, господа, молоды!... Послушайте мнения старых людей, любящих Россию и армию...

В автомобиле мы проводили Алексеева в поезд. — Остальное известно».

(Из книги Григория Аронсона «Россия в эпоху революции», Н.-Йорк, 1966.)

Назидательно-поучительные слова, что «пора увидеть и оценить спасительную роль солдатских советов и комитетов», сказанные двадцатилетним евреем, председателем совдепа, седому генералу, характерны для того времени.

Вряд ли можно было во второй половине лета 1917 года найти хоть один «совет», «комитет», «бюро» или митинг, где не было бы евреев в качестве если не «лидеров», то влиятельных членов и ораторов. Во всех областях жизни, начиная с вопросов чисто военных, они принимали самое живейшее участие и с редкой самоуверенностью решали, как надлежит поступать и действовать в это бурное время военным и гражданским властям России, в границах которой они появились всего сто лет тому назад, как чужеродное тело, что они сами всячески подчёркивали своими самоизоляционными стремлениями, с одной стороны, и бурным ростом сионистских, т. е. эмиграционных, настроений, с другой стороны.

Естественный и оправданный вопрос, как согласовать активность русского еврейства в делах политических с недвусмысленно выраженным желанием эмигрировать из России, — этот вопрос не поднимали ни евреи, ни общероссийские партии и организации того времени.

И незначительное в России еврейское меньшинство с первых же дней Временного Правительства начало оказывать организованное и постоянное давление на весь ход государственной жизни России, производя это давление с позиций разных революционных организаций, но ещё не входя во Временное Правительство или в высший командный состав многомиллионной русской армии.

В то же самое время всё русское еврейство в целом, явочным порядком, осуществляло так называемую «национально-персональную автономию», подчёркивая тем свою обособленность от коренного населения той страны, в которой они жили и полные гражданские права которой получили в первые же дни Временного Правительства

Раздробленное на многие партии и группировки, чисто еврейские, русское еврейство в этом вопросе выступало как единое целое, с редким единодушием. И не только в вопросе статуса для еврейства, проживающего в России, но даже и в вопросе, за какую из общероссийских партий евреям рекомендуется голосовать. «За партии не правее народных социалистов»... Так решил общееврейский конгресс весной 1917 года (в Финляндии).

Рассмотрение в отдельности многочисленных еврейских партий и организаций, существовавших на территории России среди шестимиллионного русского еврейства, не входит в нашу задачу — еврейство рассматривается в целом, как и они сами себя рассматривают по отношению ко всему населению России — прежде и СССР — теперь.

Но всё же здесь будет уместно сказать несколько слов о трёх основных направлениях еврейской идеологическо-теоретической мысли, су-

шествовавших в начале нынешнего столетия во всём еврействе диаспоры вообще, и в русском еврействе в частности, применительно к вопросу отношения к стране и народу, среди которых жила еврейская этническая группа.

I. Точка зрения «Всемирного Еврейского Союза», сформулированная его основателем — Адольфом Кремье, бывшим министром Французской Республики. Кремье утверждает, что не может быть немец, француз, англичанин «иудейского вероисповедания», а может быть и есть всегда только еврей, со всеми вытекающими отсюда последствиями: интересы еврейства, как целого, у еврея всегда должны быть на первом месте, независимо от того, подданным какого государства он является. (Полный текст воззвания Кремье приведён в ч. II, как отдельное приложение.)

II. Точка зрения «Сионистов-социалистов», объединяющая идеи сионизма, социализма и интернационализма на почве единства расового и племенного, но отнюдь не религиозного. Они делают попытку согласовать все социальные противоречия и расхождения под флагом «сионизма, социализма и интернационализма». (Полный текст воззвания к еврейской молодёжи этих еврейских «Эс-Эс»-ов приведён в ч. II, в приложении.)

III. Третья точка зрения — это взгляд на Россию, как на своё отечество, свою родину, судьба и будущее которой неразрывно связано с судьбой и будущим русского еврейства. Созданное в начале 20-х годов в эмиграции «Отечественное объединение русских евреев за границей» формулировало эту точку зрения в своём обращении «К евреям всех стран!», напечатанном в сборнике первом «Россия и евреи», вышедшем в Берлине в 1924 году (Издательство «Основа»). Сборник этот был и первым, и последним, ибо самая мысль объективно изложить роль и степень участия русских евреев в революции была встречена всем еврейством вообще, а евреями-эмигрантами из России в частности, буквально в штыки и рассматривалась, как выступление, направленное против еврейства.

Заканчивалось приведённое выше обращение словами: «За Россию и против её губителей!... За еврейский народ и против осквернителей его имени!»... (Полный текст обращения приведён в ч. II, в приложении.)

Эта последняя точка зрения не имела много сторонников в дореволюционной России, ещё меньше — в годы революции; и совсем ничтожное количество среди евреев-эмигрантов. — Традиционное у евреев замалчивание недостатков и ошибок своего племени оказалось сильнее фактов и объективности и наложило печать молчания на уста тех евреев, которые попытались было сказать правду в сборнике «Россия и евреи» и на многочисленных собраниях евреев-эмигрантов в начале 20-х годов в Берлине.

Всё же многомиллионное русское еврейство, в основном, гравитировало или к первой точке зрения, или ко второй, принимая участие в

революционных событиях после падения монархии в России, но не связывая даже в мыслях будущее русского еврейства с судьбами России,

Еврейская буржуазия стремилась закрепить «завоевания февраля», принёсшие ей неограниченные возможности распространения своей деятельности (экономической, культурной, политической) на всю территорию России. Партия «Народной Свободы» (бывшие «Конституционалисты-Демократы») была той партией, куда устремилась еврейская буржуазия после февральского переворота. В этой партии и до революции было много евреев, не только рядовых членов, но и в возглавлении, а партийный орган «Речь», в основном, был в руках еврейских журналистов и публицистов.

Еврейская интеллигенция, не причисляющая себя к буржуазии, и еврейские рабочие (политически активные) свою политическую активность осуществляли или в рядах чисто еврейского «Бунда», или в революционных партиях общероссийских: эсеров, эсдеков, меньшевиков и большевиков, анархистов.

Зато, учитывая интересы всего еврейства в целом, все группы русских евреев самыми быстрыми темпами стали проводить в жизнь «национально-персональную автономию», сущность которой заключалась в том, что любая этническая группа, независимо от своей исторической национальной территории (или вовсе не имея таковой), могла требовать от государства не только разрешения, но и всемерной моральной и материальной поддержки всех видов национально-культурной деятельности своей замкнутой этнической группы.

Теоретически «национально-персональная автономия» относилась к любой этнической группе, но практическое значение она имела только для евреев, не имевших своей национальной территории, как её имели все остальные народности и племена России. Они были рассеяны крупными и мелкими группами по всей России, особенно, к началу Революции, когда в связи с военными событиями черта оседлости практически перестала существовать и евреи — беженцы или высланные с прифронтовой полосы — распространились по всей России.

И когда впоследствии сотни тысяч евреев переселились в Москву, то на основании «национально-персональной автономии», для них были открыты школы, театры, газеты на еврейском языке за счёт государства, а не за их собственный. — Ни одна другая этническая группа такой привилегией не пользовалась, хотя в той же Москве было очень много украинцев, грузин, армян. Но ни газет на их родном языке, ни театров и школ в Москве на государственный счёт не открывалось.

В пределах бывшей черты оседлости, в особенности на Украине, где евреев было очень много, исходя из той же «национально-персональной автономии», на средства государства сразу же были созданы многочисленные национально-культурные учреждения, существовавшие, правда, и раньше, но на средства самих евреев или как частные предприятия.

Параллельно с этим евреи, как уже упомянуто выше, принимали самое активное участие как в национально-культурной деятельности общероссийской, так и в зарождавшихся в то время органах самоуправления отдельных областей и национальных территорий, многие из которых через несколько месяцев провозгласили своё отделение от России. Так, например, с самого начала деятельности Украинской Центральной Рады, превратившейся вскоре в Правительство Независимой Украины, евреи неизменно принимали участие в её работе, выступая на ролях или представителей еврейского меньшинства или как члены общероссийских партий.

Но главное и основное, что создавало предпосылки для влияния на общую политику и для давления на анемичное Временное Правительство — это были бесчисленные «совдепы» и «ревкомы», в которых евреи играли руководящую роль, как лично принимая участие в работе этих организаций революционного времени, так и потому, что Центральные Комитеты всех революционных партий (а других тогда не было) состояли из евреев в подавляющем большинстве. А Це-Ка партий давали директивы для работы всех «совдепов» и «ревкомов» по линии партийной дисциплины.

В то время — лето и осень 1917 года — наряду и параллельно с государственными учреждениями законными, преемственно воспринявшими власть от царского правительства (с некоторыми персональными заменами), существовал и весьма разветвлённый аппарат власти самочинно созданных разных «советов» и «комитетов», никому не подчинявшихся, кроме центрального, всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, имевшего местопребывание в Петрограде, в котором подвизались Нахамкес и Бронштейн-Троцкий, о деятельности которых упомянуто выше.

Да и то это подчинение далеко не было абсолютным и безоговорочным. Характер деятельности разных провинциальных мелких «совдепов» и «ревкомов» зависел ещё и от того, какая из революционных партий в них имела большинство, ибо дисциплина по линии чисто партийной была крепче и сильнее, чем дисциплина «общереволюционная».

Единственно, в чём все «совдепы» и «ревкомы», начиная с Петроградского и кончая уездным, полковым, ротным или городским, были единомысленны и единодушны — это отношение к законной власти, как центральной (Временному Правительству), так и её органам на местах. Все они её поддерживали или её распоряжения выполняли только постольку, поскольку это находилось в соответствии с мнением, настроением, «политической линией» совдепа или ревкома.

Это «постольку—поскольку» буквально парализовало всякую деятельность всего государственного административного аппарата России, начиная с первых дней Временного Правительства вплоть до его бесславного конца.

Формально ещё существовали и министры, и дипломатический корпус, и генералитет, и сменившие губернаторов «губернские комиссары», назначенные Временным Правительством, и милиция, сменившая прежнюю полицию, и директора заводов и предприятий... Но ничего предпринять они не могли без согласия и одобрения тех, кто выполнял совдепы и ревкомы, считая себя вправе вмешиваться во все действия законных властей, допуская их осуществление только «постольку, поскольку» это не расходилось со взглядом и мнением «революционной общественности», т. е. всей разветвлённой сети совдепов и ревкомов.

Совдепы же и ревкомы, как уже указано раньше, состояли исключительно из представителей революционных партий: социал-демократов (меньшевиков и большевиков) и социалистов-революционеров (просто эсеров и «левых эсеров»). В центральных же комитетах всех этих партий подавляющее большинство составляли евреи, как видно из списка в ч. II этой книги.

Но, имея преобладающее влияние в совдепах и ревкомах, евреи ограничивались тем, что оказывали «постоянное давление» на Правительство и его политику, сами никаких крупных постов не занимали и не добивались.

Так было до самого октябрьского переворота, когда всё в корне изменилось и евреи формально пришли к власти, которую они до этого осуществляли только косвенным путём — «давлением на Правительство».

ЕВРЕИ В СССР

К моменту падения Временного Правительства — октябрь 1917 года — евреи, как упомянуто выше, заняли почти все руководящие роли в советах, комитетах, революционных партийных организациях и их центральных комитетах, авторитет которых в широких массах населения значительно превосходил авторитет Временного Правительства.

Но в Правительство они не входили, предпочитая оказывать на него давление в желательном для них направлении, но не беря на себя ответственности за его действия и общее направление политики. Ни одного министра-еврея во Временном Правительстве не было, равно как и ни одного дипломата-еврея не было назначено до самого октябрьского переворота и провозглашения Советской Власти.

И в то же время, ни один министр, ни все министры вместе не могли быть уверены, что их решения или распоряжения смогут быть осуществлены, если на это не было согласия всемогущих тогда совдепов и разных революционных комитетов.

В результате, когда наступил момент для решительных действий по защите того правопорядка, на страже которого должно было быть Вре-

менное Правительство — у него не оказалось для этого ни нужной решимости, ни сил.

В сравнительно короткий срок вся власть и в обеих столицах, и в армии (поскольку она ещё существовала как организованная сила) оказалась в руках тех, кто до этого руководил совдепами и комитетами.

Вооружённое сопротивление было оказано только небольшими силами военных в дни переворота, и много месяцев спустя антикоммунистическими армиями белого движения, которые после долгой и упорной борьбы победить не смогли. — Власть осталась в руках Всероссийского Совдепа.

Из кого состояли совдепы и какую роль в них играли евреи — об этом сказано в предыдущем изложении при описании периода Временного Правительства.

После провозглашения Советской Власти лидеры совдепов и члены ЦК большевистской партии стали «Народными Комиссарами», заменив бывших министров, или заняли руководящие посты во всех областях жизни России.

Подавляющее большинство составляли евреи, в чём нетрудно убедиться из списка лиц, занявших руководящие положения в аппарате новой власти. Список этот помещён полностью во Н-й части настоящего труда — приложение № 12.

Роберт Вильтон, англичанин, корреспондент газеты «Тайме», который 17 лет прожил в России и имел возможность наблюдать всё, что там происходило в годы революции, сообщает, что из 556 лиц, занявших руководящие посты во всех отраслях администрации, 447 были евреи.

В самом Петрограде, как уже упомянуто выше, по свидетельству методистского священника, долгие годы прожившего там вплоть до 1919 года, правительственный аппарат состоял из 16 русских и 371 еврея, причём 265 из этого числа прибыли из Нью-Йорка.

Коммерческий атташе при посольстве США в Петрограде, проживший там с июня 1916 по сентябрь 1918 года, свидетельствует по возвращении в США, что две трети большевиков составляют русские евреи. (Показание перед комиссией Овермана).

«Лондон Тайме» в номере от 5 марта 1919 года сообщает, что 75% большевиков — это русские евреи. (Под словом «большевик» здесь разумеется не член партии большевиков, а лицо, занимающее ту или иную должность в административном аппарате).

Сообщения, приведённые выше, равно как и много других, им аналогичных, подтверждается и евреями — исследователями этого вопроса, а также и самим Лениным, несомненно, хорошо знавшим роль евреев в создании каркаса советской власти и его укреплении.

Вот, что сказал Ленин в разговоре с Диаманштейном, комиссаром по еврейским делам при «Комиссариате по делам национальностей», возглавлявшемся в начале Советской Власти Сталиным:

«Большое значение для революции имело то обстоятельство, что за годы войны в русских городах осело много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции... **Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжёлую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы.**

Мы имеем в данном случае яркий пример действия особой социологической закономерности, которой подчинены перемены в экономической и социальной структуре рассеянного среди других народов этнического меньшинства: эта структура должна всегда соответствовать потребностям и нуждам народа большинства, потребностям и целям государства, политике правительства, интересам господствующих классов или групп».

Приведённое выше мнение Ленина было напечатано в книге еврей-коммуниста Киржница «Еврейский Рабочий», Москва, 1926 год, стр. 236.

Повторено Соломоном Гольдельманом в «Юдише Галувтиршафт», Прага, 1934-1935 г.

Приведено в № 4 (32) «Вестника Института по изучению СССР», октябрь-декабрь 1959 года, Мюнхен.

Всё население России и без этих слов Ленина, которые оно тогда не читало, видело, как с молниеносной быстротой совершилась замена правящего класса и как евреи превратились в советских вельмож, комиссаров и командиров, а за ними потянулись их многочисленные родственники и единоплеменники, заполняя все государственные учреждения.

Вот что пишет по этому вопросу И. М. Бикерман, известный русско-еврейский общественный и политический деятель: «Русский человек никогда не видел еврея у власти: он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Были и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахамкеса, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. **Русский человек видит теперь еврея и судьёй и палачом. Он встречает евреев и не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но всё же распоряжающихся, делающих дело советской власти: она ведь всюду и уйти от неё некуда.**

А власть эта такова, что поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной. Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждает в мысли, что нынешняя власть — еврейская и что потому именно она такая осатанелая. **Что она для евреев и существует, что она делает еврейское дело, в этом укрепляет его сама власть.** («Россия и Евреи», Сборник первый, 1924 год, издательство «Основа», Берлин, стр. 22-23).

Дальше, в той же книге (стр. 11-12) Бикерман говорит: «Русский человек твердит: жида погубили Россию. В этих трёх словах и мучительный стон, и надрывный вопль, и скрежет зубовой»... И констатирует, что «волны юдофобии заливают теперь страны и народы, и близости отлива ещё не видно. Именно юдофобия: **страх перед евреем, как перед разрушителем**»...

Как же на это всё реагируют евреи? Не только евреи, пребывающие в СССР, или евреи, эмигрировавшие оттуда, но и все евреи вообще? Бикерман отвечает следующими словами:

«Еврей на всё это отвечает привычным жестом и привычными словами: известное дело — мы во всём виноваты; где бы ни стряслась беда, будут искать и найдут еврея. Девять десятых из того, что пишется в еврейских повременных изданиях по поводу евреев в России, составляет только пересказ этой стереотипной фразы. Так как всегда и во всём мы, конечно, виноваты быть не можем, то еврей делает отсюда весьма лестный для нас и, на первый взгляд, весьма удобный житейский вывод, **что мы всегда и во всём правы. Нет, хуже: он просто отказывается подвергнуть собственному суду своё собственное поведение**, отдать себе отчёт в том, что он делает и чего не делает, но, может быть, должен был бы делать. И так как с разных сторон к нам предъявляют претензии, сыплются на нас упреки и обвинения, то **виноваты наши обвинители, виноват весь мир, виноваты все прочие, только не мы**».

Приведённые выше высказывания И.М. Бикермана не являются выражением только его личного мнения по вопросу, над которым тяготеет заговор молчания — это мнение целой группы русских евреев-эмигрантов, нашедших в себе достаточно мужества прямо и открыто сказать правду на страницах печати.

Группа эта малочисленная, но состоящая из высококультурных людей, понявших, что есть вопросы, которых замалчивать нельзя, в начале 20-х годов создала в Берлине «Отечественное Объединение Русских Евреев за границей», выпустившее книгу, из которой приведены слова Бикермана о роли и значении евреев в создании того отталкивания от евреев всего населения России, которое Бикерман точно определил как «юдофобия». Слово это теперь заменено словом «антисемитизм», каковое нельзя признать правильным и точным определением тех чувств и настроений всего населения государства Российского по отношению к еврейской этнической группе, вызванных и порождён-

ных деятельностью этой группы. Не ко всем семитам существует отрицательно-критическое отношение населения России (не только русских, но и всего населения), а только к небольшой племенной семитской группе — евреям.

Самое достопримечательное в этой книге — «Обращение к евреям всех стран», напечатанное в начале «Сборника первого» (и последнего), выпущенного упомянутым выше «Отечественным объединением русских евреев за границей».

В этом обращении мировое еврейство (евреи всех стран) призывает отмежеваться от тех своих единоплеменников в России, которые своим поведением вызывают жгучую ненависть всего населения страны и тем создают психологические предпосылки для активных антиеврейских погромных настроений.

«И не только Россия — говорится дальше в обращении — Все, положительно все, страны и народы заливаются волнами юдофобии, нагоняемыми бурей, опрокинувшей Русскую державу. Никогда ещё над головой еврейского народа не скоплялось столько грозowych туч...»

Выступление «Отечественного объединения русских евреев» не только не нашло отклика в широких кругах еврейства, но было встречено определённо враждебно: этого де вопроса касаться вообще нельзя, а кто его поднимает — тот действует против еврейства и еврейского народа...

И голос евреев, дерзнувших «вложить персты в рану» и честно и открыто обсудить этот «больной вопрос», замолк и больше не поднимался до настоящего времени. Ни в СССР, ни в эмиграции. Несмотря на обилие в эмиграции периодических изданий, находившихся и находящихся в руках евреев, но издающихся на русском языке.

Когда в России существовала «процентная норма» (оправданно или нет — этого вопроса не касаемся), вся печать была полна обсуждением и критикой этой «нормы», осуждая её безоговорочно. А вот когда наступило «обратно пропорциональное» отношение, т.е. когда незначительная численно еврейская этническая группа заняла в культурной и политической жизни России позиции обратно пропорциональные её численности и фактически превратилась в привилегированный «правящий класс» — тогда наступило молчание и этот вопрос был «снят с очереди». И никто из многочисленных журналистов, публицистов и писателей — евреев, игравших огромную роль в периодической печати на русском языке, не счёл своим долгом поднять и всесторонне обсудить, прямо и открыто, этот вопрос...

А если кто-то из не-евреев пытался коснуться вопроса об «обратно пропорциональной» норме, фактически установившейся в СССР с начала Советской Власти, того обвиняли в «скрытом или явном антисемитизме»...

И тщетны будут попытки будущих исследователей эпохи первых 30 лет Советской Власти найти где-нибудь в крупнейших многотиражных

газетах, выходящих на русском языке, а также в «толстых» журналах, статьи и исследования об этой «обратной пропорциональности» и объяснение, как и почему получилось так, что представители этнической группы всего в 2 % населения России заняли в среднем около 80 % всех ключевых постов во всех областях жизни страны. Случай доселе неизвестный в истории.

Только в народном эпосе это массовое проникновение евреев на командные должности нашло своё отражение в песнях и частушках, которые можно было слышать в то время: «Чай — Высоцкого, сахар — Бродского; вся Россия — Троцкого» (все они евреи). А на Украине была распространена песенка-пародия: «Гоп мои гречаники! — Уси жида — начальники! — Гоп мои сири! — Уси жида нам на шью силы!»...

Но как только советская власть укрепилась — железная рука Чека положила предел всяким проявлениям антиеврейских настроений.

Ещё 27 июня 1918 года в «Известиях» было опубликовано специальное постановление советского правительства об энергичной борьбе с «антисемитизмом». Надо полагать, что отрицательное отношение к евреям, называемое многими «антисемитизмом», приняло такие размеры, что понадобилось это специальное постановление, согласно которому эти противники евреев (названные в постановлении «погромщиками») объявлялись «вне закона».

Руководствуясь этим постановлением, органы Чека, которые имели в своих рядах на руководящих постах много евреев, сами решали, кто «погромщик» и безжалостно их уничтожали, не производя суда и следствия и не ожидая, пока «погромщик» чем-нибудь себя проявит. А под понятие «погромщик» нетрудно было подвести каждого, не угодно новой власти.

Кроме того, в том же 1918 году был издан декрет о «Красном терроре», открывавший самые широкие возможности для физического уничтожения лиц, негодных новому режиму. В порядке красного террора подлежали уничтожению все те, «кто по своему социальному происхождению и положению, а также по своей прежней политической деятельности и профессии, в минуты, опасные для Советской Власти, могли стать в ряды её врагов».

И в первые годы Советской власти, особенно в годы Гражданской войны, невежественные и мстительные органы новой власти, основываясь на этом постановлении и декрете, «ликвидировали» — расстреляли множество тех, кого они сочли нужным причислить к потенциальным врагам нового режима.

Вряд ли вообще когда-нибудь будет возможно привести точное число этих «ликвидированных». Но что число это огромно и превышает сотни тысяч, по мнению одних, и миллионы, по утверждению других — это не подлежит сомнению и не оспаривается даже теми, кто полностью одобряет такой метод борьбы с потенциальными (возможными) своими противниками и врагами.

Списки ликвидированных «в порядке красного террора» или как «заложников» иногда, но далеко не всегда, печатались в газетах и содержали сотни имён. Но имя еврейское или вовсе не встречалось, или было редчайшим исключением, что, конечно, не могло не бросаться в глаза читающим эти списки. Но, разумеется, об этом никто не смел произнести ни слова... Читали, думали, запоминали... И само собой приходила мысль о том, кто палачи, а кто жертвы...

В 1919 году, когда Киев на короткое время был взят Добровольческой Армией генерала Деникина, «Особая Следственная Комиссия Юга России», состоявшая из высококвалифицированных юристов, в объективности которых не может быть сомнения, установила, что Киевская Чeka состояла на 75 % из евреев, а в списке расстрелянных Чeka ни одного еврейского имени не было. (Список членов Чeka и список расстрелянных приведён в части II).

В списке расстрелянных стоит имя и первого председателя Совета Рабочих Депутатов во время революции 1905 года Хрусталёва-Носаря, который резко осудил захват всей власти евреями и то «разбазаривание России», которое совершили члены ЦК большевистской партии при заключении Брест-Литовского мира.

Когда в августе 1918 года был убит в Петрограде Урицкий — «в порядке красного террора» было расстреляно 10 000 человек. Списки этих 10 000 были расклеены на стенах и заборах домов, прилегающих к Гороховой № 2, где помещалась Чeka. Были ли они полностью напечатаны в газетах — установить в настоящее время, не имея доступа ко всем архивам, нельзя. Но что напечатанные на машинке списки, содержавшие 10 000 имён, были расклеены, — об этом существует много свидетельских показаний, и число это не оспаривается и сейчас в многочисленной мемуарной литературе.

Что бросалось в глаза при чтении этих списков — это полное отсутствие в них еврейских имён, хотя евреями к тому времени уже был переполнен Петроград, не говоря уже о многочисленных евреях — крупных капиталистах и «буржуях», живших на законном основании там и до революции.

Вот что повествует об этом один из тех, кто тогда читал эти списки: «Был я тогда рабочим Путиловского завода, ярким сторонником Советской власти, за которую готов был горло перегрызть каждому, кто дурно о ней отзовется. После убийства Урицкого буквально весь Петроград находился в состоянии и страха, и неуверенности. Шли массовые аресты. Никто не был уверен не только за завтрашний день, но и за ближайший час. Даже стопроцентные пролетарии и сторонники советской власти. По городу шли слухи о массовом красном терроре, объявленном в отместку за Урицкого и для устрашения всех врагов рабоче-крестьянской власти.

Проходя по Гороховой улице, моё внимание привлекли какие-то объявления, наклеенные на фасад дома № 2, где тогда была Чeka. Остановился и начал читать. Оказывается, это списки расстрелянных в

порядке красного террора за убийство Урицкого... Долго стоял я и читал эти списки. Кого там только не было: офицеры, помещики, домовладельцы, купцы, профессора, учёные, священники, студенты, даже ремесленники и рабочие... Но что бросилось мне в глаза — в списках этих не было ни одного еврея... Хотя всё это произошло из-за того, что один еврей — Кенигиссер убил другого еврея — Урицкого.

«Жида ссорятся, а наших — к стенке», — подумал я. И сам испугался, как бы не сказать этого громко. Ведь тогда, да и многие годы после этого, за такие слова если не стенка, то «полная катушка» были обеспечены...

Впоследствии я кончил Рабфак, Институт, неплохо продвигался по службе, побывал во всех уголках необъятного Советского Союза. И всюду и везде, до самой войны, видел одно и то же: «они» распоряжаются, казнят и милуют, командуют, а «наши» — ищачат, надрываясь, и не смеют и пикнуть... Только молча, исподлобья посмотрят на какого-нибудь Френкеля, который в синем салон-вагоне, сияющем электричеством, пронесется по великой сибирской магистрали, проверяя им же организованные лагеря принудительного труда, в которых его единоплеменники, если и есть, то только на командных должностях. Так было почти до самой войны. Так было и когда она разразилась, когда вторглись немцы и надо было их выбивать с русской земли. На фронте, в строю мало было евреев. Зато в санчастях, в снабженцах их было полным-полно, а особенно в глубоких тылах — за Уралом. Они предпочитали «воевать» там. Конечно, были и исключения. Но исключений этих было немного. Офицеры и бойцы Советской Армии и всё население страны видели всё это; и неудивительно, что начали расти и крепнуть мысли критические о роли евреев в жизни страны. Новый «правлящий класс» оказался не на высоте.

То равноправие, которого они не имели при царском режиме, они получили после его свержения, и ни одного голоса протеста не было слышно против этого. Но не прошло и несколько лет, как равноправные превратились в привилегированных. Да ещё каких!... Покрепче прежних князей и дворян... В дворяне-то прежде можно было выслужиться, даже в графы и князья... Мало ли было таких, что, по словам Пушкина, «прыгали из хохлов в князья»... А попробуй прыгнуть в еврея?... Никак невозможно!

Обо всём этом как-то, уже после войны, беседовали мы — несколько таких же, как я, бывших советских инженеров, оказавшихся в одном из беженских лагерей в побеждённой Германии. «Да, пановали они!» — сказал один из собеседников, украинец из Полтавы. — «Не пановали, а боговали», — поправил его земляк, харьковчанин... А когда я, как великоросс, переспросил, что это значит — он мне объяснил, что «боговать» — это значит жить, как боги...

Так что же делать? Как с ними поступить, когда народ сможет свободно сам решать, как устроить жизнь в своей стране? — задал вопрос один из нас. «От люльки до бороды!». — сердито буркнул четвёртый

наш собеседник, угрюмый и молчаливый мордвин, который когда-то с нами вместе учился на Рабфаке... Мы все возмутились: «Как так? Как немцы?... Ведь мы же не звери»!.. Не я один — все так говорили, когда видели их, с вещами и семьями в вагонах и машинах, а мы, ленинградцы, спасались от окружения пешком, бросивши всё... Попадись они тогда нам — в ключья бы разорвали... Мои все с голоду погибли в Ленинграде...»

Мы все замолчали. И вспоминали наши встречи с новым правящим классом. Вспоминал и я, может быть в сотый раз, списки на Гороховой улице...

А в это время один из собеседников вытащил из рюкзака библию, которую не так давно получил от какого-то баптиста и старательно её изучал, и, обращаясь к нам, сказал: вот послушайте о том, что очень похоже на наши времена и на то, чего свидетелями и мы все были. И медленно с чувством прочитал «книгу Эсфирь». Мы слушали с затаённым дыханием... Для нас, выросших при советской власти, не знавших ни Евангелия, ни Библии, это было откровением... Уничтожить безнаказанно в один день 75 000 человек только потому, что, по мнению евреев, они против них зло мыслили, но ничего не сделали... Разве это не тот же красный террор?... И ещё этот день праздновать из года в год!... Просто не верилось, что нечто подобное могло быть в Священном Писании...

Долго ещё мы сидели и обменивались воспоминаниями и мыслями, начавшимися со списков на Гороховой и закончившимися чтением Библии. А «еврейского вопроса» так и не решили. Поступить, как рассказывает Библия или как на наших глазах поступил Гитлер — нельзя; но нельзя же и примириться с тем, что этот новый «правлящий класс» на веки вечные останется тем, чем он стал после октябрьского переворота, а мы все и дальше в своей стране будем гражданами второго или третьего класса».

Приведённое выше повествование заслуживает того, чтобы над ним глубоко задуматься. Ведь всё сказанное — не вымысел, не злостная пропаганда тех, кого называют «антисемитами», а факты, имена, реальная картина того, что имело место в России, переименованной в СССР, в течение первых трёх десятилетий Советского режима, когда, по словам еврея Бикермана, «русский человек видит еврея и судьёй, и палачом», когда все без исключения командные должности и руководящие посты государства, созданного русским народом, находятся в руках иноплеменного и инородного незначительного меньшинства, чуждого русскому народу по своему мирозерцанию, миропониманию и правосознанию.

Отрицать всё сказанное невозможно — ибо, действительно, так было.

Широкие народные массы всё это видели, но принуждены были молчать, запуганные жестокими мерами нового «правлящего класса», беспощадно подавлявшего все попытки проявления недовольства. Не только каких-либо действий скопом — бунтов, демонстраций — но даже критики или обсуждения создавшегося ненормального положения, когда незначительное иноплеменное и иноверное меньшинство заняло все командные посты в жизни великой страны.

Вот что читаем мы по этому вопросу в книге «Россия и евреи» (стр. 63) в статье И. Бикермана: **«И всего меньше она (новая власть) может допускать нападения скопом на евреев; она хорошо ведь знает, что от разгрома евреев один только шаг до разгрома власти, глубоко ненавидимой и считаемой еврейской. Еврейский погром объявлен поэтому делом контрреволюционным, то есть направленным против советской власти».** То, что эти слова написаны евреем и напечатаны в еврейском сборнике, заслуживают особого внимания.

Но как только наступал момент, когда новая власть где-нибудь теряла свою силу, настроения революционных, красногвардейских масс выливались в жесточайшие еврейские погромы, как это имело место в Глухове и Новгород-Северске в 1918 году. «Эти погромы количеством жертв, нарочитым зверством и издевательствами над замученными превосходили известный погром в Калуше в 1917 году, произведённый революционными солдатами... Красные войска не раз порывались расправиться с евреями и во многих случаях это им удавалось; нередки были тогда и невоенные погромы: громили евреев горожане, крестьяне, вернувшиеся с фронта солдаты... Погромы тогда (1918 г.) не только были, но и совершались безнаказанно... Советская власть замолчала и глуховскую, и новгород-северскую резню, виновных не нашла, ибо не искала»... (стр. 64 сборника «Россия и евреи», Берлин, 1924 г.)

Так обстояло дело с еврейскими погромами, объявленными «контрреволюцией», в первый год власти нового правящего класса. Ни обуздать, ни предотвратить их она не могла, несмотря на несомненную революционность подчинённых ей вооружённых сил страны, во главе которых тогда стоял Бронштейн-Троцкий, и множество комиссаров — пропагандистов евреев. Настроения масс были таковы, что, как указано выше, власть не решалась производить расследование и наказывать виновных — «погромщиков», которые были объявлены «вне закона» и подлежали расстрелу на месте.

Ещё резче и определённое проявились антиеврейские настроения масс в конце 1918-го и в 1919 году на Украине и в районах, где шла гражданская война.

Еврейские погромы сопутствовали вооружённым силам украинских националистов — «петлюровцев», «махновцев», разных «атаманов» за всё время их деятельности в эти бурные годы. Причём погромы производились воинскими частями и сопровождались невероятными жестокостями.

Наиболее известный из этих погромов — погром в г. Проскурове, который учинили регулярные войска Украинской Народной Республики, правительство которой состояло из украинских социал-демократов-марксистов и имело в своём составе министра-еврея, киевского адвоката А. Марголина.

4 марта 1919 года командир «Запорожской Бригады», расположившейся под Проскуровым, 22-летний атаман Семесенко, отдал приказ истребить всё еврейское население города Проскурова. В приказе указал, что покоя в стране не будет, пока останется жив хоть один еврей.

5 марта вся бригада, разделившись на три отряда, с офицерами во главе, вступила в город и начала истребление евреев. Врывались в дома и вырезали поголовно целые семьи. За целый день с утра до вечера было вырезано три тысячи евреев, включая в это число женщин и детей. (По другим данным, вырезано 5 000). Убивали исключительно холодным оружием — саблей, кинжалом. Единственный человек, погибший в Проскурове от пули, был православный священник, который с крестом в руках пытался остановить «запорожцев» и был застрелен одним из их офицеров. Через несколько дней атаман Семесенко наложил на город Проскуров контрибуцию в 500 тысяч рублей и, получив её, поблагодарил в приказе «украинских граждан Проскурова» за оказанную ими поддержку «Армии Украинской Народной Республики».

Эта резня происходила буквально под носом у Украинского Правительства, находившегося тогда вблизи — в Виннице — и никаких мер против погромщиков не предпринявшего. Ни во время погрома, длившегося целый день, ни после погрома, ни впоследствии. Проскуровские погромщики остались безнаказанны.

Безнаказанными остались и все остальные погромы того времени, произведённые «петлюровцами» в 180 населённых пунктах на территории Украины, во время которых истреблено несколько десятков тысяч евреев. По одним данным — свыше 25 000; по другим — до ста тысяч.

Перечислить все погромы с обозначением числа жертв, не позволяют ни объём настоящего труда, ни отсутствие строго проверенных данных.

В основном, все они были сходны проскуровскому, отличаясь только числом жертв и степенью организованности и прямого участия чинов армии Украинской Народной Республики.

Не меньшей жесткостью отличались и погромы, учинённые в это время разными «атаманами», не находившимися в подчинении Украинского Правительства; Григорьевым, Соколовским, Зелёным, Ангелом и другими.

Особенно же прославились в этом отношении партизаны Махно, называвшие себя «анархистами», каковыми они и были до лета 1918 года, когда всю свою ярость обратили на уничтожение евреев.

Центральный Комитет Анархистов, как известно, состоял почти исключительно из евреев. Евреи были и ближайшие сотрудники Махно в начале его движения: Каретник, Лемонский, Шнейдер и др.

После февральской революции в большом и торговом селе Гуляй Поле Екатеринославской губернии, родном селе Нестора Махно, анархиста-террориста, анархисты приобрели особое влияние; местный Совдеп, а также совдепы близлежащих городков и сёл состояли почти исключительно из анархистов.

Среди них было немало евреев, и никаких к ним враждебных чувств остальные анархисты не проявляли и даже выдвигали их на командные должности. В тревожные месяцы перед оккупацией Украины немцами (начало 1918 г.) анархисты имели даже свои анархистские боевые отряды и отдельные роты анархистов для борьбы с режимом Украинской Центральной Рады и её союзниками — немцами. Среди этих отрядов была и еврейская рота под командованием Тарановского, имевшего ближайшими сотрудниками Леву Шнейдера и Лемонского, людей, по словам Махно, «неустойчивых и склонных приспособляться».

Когда соединённые украинско-немецкие силы приближались к Гуляй Полю, навстречу им были высланы «вольные батальоны» анархистов-коммунистов с заданием остановить и отбросить наступавшего врага, а в самом Гуляй Поле осталась дежурной по гарнизону еврейская рота. Эта рота не только не защищала Гуляй Поле, но сразу же перешла на сторону украинско-немецких сил и приняла самое активное участие в разгроме Революционного Комитета и Совдепа и в арестах отдельных анархистов и им сочувствующих, которых евреи роты, как местные жители, хорошо знали.

Это выступление еврейской роты произвело огромное впечатление на всё окрестное население и породило неизвестный раньше в Гуляй Поле (по словам Махно) «антисемитизм» и лютую ненависть к евреям вообще. В своих воспоминаниях (вышедших в Париже в 1937 году) Нестор Махно рассказывает о своих попытках бороться с этими антиеврейскими настроениями крестьян и рабочих и о слабом успехе этих попыток. Массы кипели ненавистью к евреям, им не верили и при первой возможности учиняли над евреями расправы, не менее кровавые и зверские, чем это делали украинцы-петлюровцы.

И слово «махновец» стало таким же синонимом погромщиков — истребителей евреев, как и слово «петлюровец».

Из кого же состояли эти «махновцы» и «петлюровцы»? — Да из того же самого деревенского и городского пролетариата, который пошёл за новой советской властью и одобрял всецело её политику, кроме одной — еврейского вопроса. В этом вопросе при малейшем ослаблении власти население проявляло свои антиеврейские настроения.

Многочисленное еврейское население Украины, на территории которой тогда хозяйничали или «петлюровцы», или «махновцы», настроения эти хорошо знало и не могло ожидать ничего доброго ни от одних, ни от других. Единственно, при советской власти евреи могли

рассчитывать на личную безопасность, да и то не всегда, как это имело место в Глухове и Новгород-Северске, формально находившихся под властью советской, при которой всё же произошли кровавые погромы.

Неудивительно поэтому, что евреи, выбирая из всех зол наименьшее, отдавали предпочтение (это не значит — и симпатии) власти советской, которая их не уничтожала физически, хотя и приносила им ущерб материальный. Но этот материальный ущерб с избытком компенсировался тем, что новая власть, состоявшая преимущественно из их единоплеменников, широко открыла для евреев возможности занятия выгодных материально и удовлетворявших евреев морально самых различных должностей в новом аппарате государственной власти.

Население это видело и, не без основания, считало, что наступила «их» — еврейская власть. А так как эта новая власть предъявляла к населению требования, которые население считало и несправедливыми, и невыносимо тяжёлыми — то всё недовольство выливалось в антиеврейские настроения, которые сдерживались только страхом перед «суровыми наказаниями за проявление «антисемитизма».

Таково было в общих чертах положение в той части России (на Украине), где разыгрывались события гражданской войны, во время которой власть во многих местах неоднократно менялась, причём во время этих смен особенно отчётливо выявлялись симпатии евреев, как правило, отдававших эти симпатии красным, а не их противникам, даже в том случае, если эти противники несли с собой восстановление права собственности и того социального строя, при котором многие евреи богатели и процветали.

В 1919 году Киев был занят частями Добровольческой Армии ген. Деникина, восстановившими полностью прежний социальный порядок, в том числе и право собственности многочисленных евреев, жителей Киева.

Через несколько месяцев части 12-й Красной Армии прорвались в предместья Киева. Появилась угроза, что весь город будет занят красными. И киевляне, уже пережившие один раз власть красных, тысячами устремились через мост (на Днепре) на левый берег, находившийся во власти Добровольческой Армии. Много тысяч киевлян, всех возрастов и всех социальных положений, перешло тогда этот мост. Но среди них нельзя было увидеть ни одного еврея... Хотя Киев тогда был полон богатейших евреев, весьма далёких от симпатий к коммунистическо-социалистическим мероприятиям, провозглашённым новой властью.

Это отсутствие евреев среди беженцев обращало на себя всеобщее внимание... И вспоминалось, что всего два месяца тому назад были оглашены списки расстрелянных в порядке красного террора киевлян, равно, как и списки членов Чека, производивших эти расстрелы. Среди первых — ни одного еврея. Среди вторых — их было подавляющее большинство...

А когда в декабре того же, 1919-го года, «белые» из Киева ушли, и его на долгие годы заняли «красные» — киевские евреи, даже «соци-

ально чуждые и враждебные», быстро приспособились к новым порядкам и заняли немало мест в учреждениях и комиссариатах новой власти.

Эпизоды, аналогичные или сходные описанным выше эпизодам в Гуляй Поле и Киеве, можно было наблюдать — в разных вариантах и степенях — и во многих других местах при сменах власти, когда в процессе гражданской войны её захватывали красные или их противники.

Своим поведением при всех этих сменах основная масса многочисленного в этих районах еврейства ясно и недвусмысленно показала, на чьей стороне её симпатии или, выражаясь точнее, к какой из сменяющихся властей еврейство относится наименее отрицательно.

Здесь имеется в виду именно масса еврейства, а не группы политически активные, как в политической и общественной жизни еврейской, так и общероссийской, в которой евреи принимали самое горячее участие.

Политически же активные группировки евреев сразу же отчётливо определили своё отношение к власти нового «правящего класса», в котором преобладали их единоплеменники.

Чисто еврейский марксистский «Бунд», куда не допускались не-евреи, всегда и неизменно был на стороне новой власти в борьбе с её противниками: «белым движением» всех оттенков, а также украинскими и другими националистами-сепаратистами, не исключая и украинских социал-демократов-марксистов, войск Украинской Народной Республики.

Общероссийские партии социал-демократов и социалистов-революционеров, в рядах которых было много еврейской интеллигенции, а в центральных органах — евреев было большинство, в разгар Гражданской войны, в 1919 г., вынесли решение прекратить всякую борьбу против советской власти и все свои силы направить на борьбу с её врагами и на дезорганизацию и разложение тылов «белого движения».

Решение этих двух партий, получивших абсолютное большинство при выборах в Учредительное Собрание, разогнанное Советской Властью, заслуживает особого внимания при рассмотрении роли и значения русского еврейства в создании и сохранении Советской Власти в России. Той роли, которую отметил Ленин в своём разговоре с Дьяманштейном, сказавши, что «евреи спасли советскую власть».

Что решение этих двух крупнейших и дисциплинированных партий сыграло немалую роль в деле одержания победы «красных» над «белыми» — не подлежит сомнению. Партийная дисциплина толкнула многих колеблющихся эсдеков и эсеров, бывших в оппозиции и не одобрявших всех методов советской власти., в ряды активных защитников этой самой власти и к вступлению добровольцами в Красную Армию. И не только рядовых членов этих партий, но и таких, которые были выдвинуты партиями на ответственные посты ещё в период Временного Правительства.

Так, например, меньшевик-«бундовец» Соломон Шварц при Временном Правительстве был назначен директором департамента Министерства. Пост этот был «генеральский». Директор департамента по занимаемой должности был «особа IV класса» — «его превосходителство». Но когда разогнанное большевиками Временное Правительство разбежалось без сопротивления и началась Гражданская война, Соломон Шварц, повинаясь призыву своей партии, добровольно поступил в Красную Армию, в которой и провоевал до демобилизации, борясь на стороне той власти, которая разогнала и Учредительное Собрание, и Временное Правительство. Впоследствии С. Шварц выехал за границу и стал одним из активных членов партии меньшевиков, а его жена, «Вера Александрова», была постоянным сотрудником «Социалистического Вестника» и редактором «Чеховского Издательства» в Нью-Йорке.

Шварц и немало других его единоплеменников — эсдеков и эсеров — в годы Гражданской войны не словом, а делом спасали советскую власть, что признал и сам Ленин.

Спасение же советской власти, как известно, проводилось мерами жесточайшего террора, чем вызывались соответствующие настроения в широких народных массах. А когда, по словам Ленина, «евреи спасли советскую власть», евреи же создали и каркас этой власти и тем дали основание народу отождествлять советскую власть с властью еврейства. К чему это привело, рассказывает С. Маслов, лидер и основатель новой партии, созданной после 1917 года — партии «Крестьянская Россия», в прошлом эсер, то есть член той партии, которая при выборах в Учредительное Собрание получила большинство.

«Это действительно факт, что в городах Южной России, по многу раз переходивших из рук в руки, появление советской власти наибольшую радость и наибольшее показное сочувствие вызывало в еврейских кварталах, нередко только в них одних»... («Россия после четырёх лет революции». С. Маслов, 1922 г.)

В той же книге С. Маслов пишет следующие строки: **«Юдофобство — одна из самых резких черт на лице современной России. Может быть, она даже самая резкая. Юдофобство везде — на севере, на юге, на востоке, на западе. От него не гарантирует ни уровень умственного развития, ни партийная принадлежность, ни племя, ни возраст... Я не знаю, гарантирует ли от него даже высота общего морального облика современного русского человека.**

Погромом пахнет в воздухе. Напряжённая ненависть к евреям не может не окончиться им в переходной период между падением советской власти и укреплением власти-преемницы»...

То же самое об антиеврейских настроениях во всей России, в том же 1922 г., более обширно пишет Е. Кускова в своей статье «Кто они?», напечатанной в «Еврейской Трибуне» в 1922 году. (Статья, как приложение, помещена во II часть настоящего труда). Заподозрить Е. Кускову, известную общественную деятельницу, народную социа-

листку, в отрицательно-пристрастном отношении к евреям никак нельзя. За всю свою долгую жизнь она была юдофилкой и сотрудницей многих еврейских периодических изданий. И не со злорадством; а с чувством глубокой горечи повествует она об антиеврейских настроениях в Советской России, не входя однако в рассмотрение причин, породивших эти настроения.

А четверть века спустя, в середине 50-х годов, в статье Давида Бурга мы читаем следующие строки: **«В случае свержения советского режима есть опасность, что в период неизбежного безвластия в результате настроений населения евреи будут поголовно истреблены физически».**

То же самое, что и Д. Бург, говорит в своей книге «Кремль, евреи и средний восток» известный исследователь еврейского вопроса Джудд Л. Теллер: **«Еврей должен с трепетом думать о моменте, который наступит после свержения коммунистической власти. Это будет самая чёрная и самая кровавая ночь в жизни еврейства»...**

Приведённые выше высказывания четырёх авторов, из которых два — русские «левого» направления, бывшего всегда неотделимым от юдофильства, а два другие — евреи, писавшие 25 лет спустя, говорят об одном и том же — о наличии и даже росте антиеврейских настроений в СССР.

И, что характерно, настроения эти охватили те круги русской интеллигенции, которой они всегда были чужды, на что обращает внимание Е. Кускова в упомянутой выше своей статье «Кто они?»

Чужды были они среди учащейся молодёжи России, которая в годы войны почти полностью заменила кадровых офицеров, превратившись в офицеров военного времени, а с началом гражданской войны составила основные кадры белого движения, в которые влилось множество студентов, гимназистов, реалистов, вообще никогда военными не бывших. Если не все, то подавляющее большинство этих «белогвардейцев» были сыновья русских интеллигентных семей.

Однако в годы гражданской войны антиеврейские настроения были характерны среди этой молодёжи и нередко выливались в недопустимые эксцессы, с которыми было бессильно бороться начальству.

Эксцессы эти порождали отталкивание от белого движения даже тех евреев, которым оно несло защиту их собственности и правопорядок, нарушенный революционными событиями. А таких евреев, противников социалистических экспериментов и революционной ломки социального порядка, среди еврейской буржуазии было немало. Но их не было в белом движении. Ни в рядах, боровшихся на фронте, ни среди тех, кто морально поддерживал и оправдывал это движение. «Еврей в белом движении так же редок, как белая ворона», — сказал как-то с горечью своим единоплеменникам еврей Д. Пасманик, всецело поддерживавший вооружённую борьбу с Советской властью.

Антиеврейские эксцессы в районах, занятых белой армией, были, и их не отрицает никто. Даже Деникин в своих «Очерках Русской Сму-

ты» (том V, стр. 145) пишет о них и резко осуждает. Однако анализу причин, породивших эти эксцессы, он не уделяет много внимания, хотя это и чрезвычайно важно для правильного понимания этого вопроса, то есть объяснения (это не значит и оправдания) антиеврейских эксцессов в рядах белого движения. Объяснение, установление причин — вовсе не значит и оправдание действий, этими причинами порождённых.

Антиеврейские настроения в среде, культурной и образованной, русского народа, сыновья которой пошли в белое движение, появились не сразу, а нарастали постепенно под влиянием событий мировой войны и революции.

Патриотическое настроение, охватившее всю Россию, а молодёжь, в первую очередь, в начале войны еврейством в целом было воспринято скептически, хотя, как это уже упомянуто в предыдущем изложении, в основном оно и было сторонником войны против Германской и Австрийской монархий в надежде, что поражение этих империй приведёт и к переменам во внутренней политике России в смысле, благоприятном для еврейства. Поэтому русские евреи и были формально лояльны, но это вовсе не значит, что они испытывали патриотический подъём.

Россия не была в их понимании родиной, а только страной временного пребывания. Родина же — это Палестина, земля обетованная, в возвращение в которую их учили верить с детских лет.

Если прибавить к этому наличие ограничений для евреев в русской армии, то станет понятным стремление даже лояльных евреев уклониться от поступления в ряды защитников России. И их за это не осуждали и никаких антиеврейских настроений, в основном, это не породило.

Совсем по-иному реагировала русская интеллигентная молодёжь, находившаяся в рядах армии, на пораженческую пропаганду, в которой заметную роль играли евреи, впоследствии доставленные немцами в plombированных вагонах в Россию. Для этой молодёжи Россия была их родиной, защищать которую она пошла в начале войны, и пораженческая пропаганда вызывала в ней чувства глубокого негодования и возмущения. Такие же чувства и настроения были не только у молодёжи, но и у людей старших поколений, независимо от их политических установок и партийных симпатий. Даже находившиеся в эмиграции революционеры — непримиримые враги царского правительства, осознав, что родина в опасности, нередко сами добровольно являлись в Россию и заявляли, что считают своим долгом принять участие в защите родины. Так, например, поступил Хрусталёв-Носарь, бывший председатель Совета Рабочих Депутатов в 1905 году, осуждённый на ссылку и бежавший оттуда за границу. А его товарищ председателя, Бронштейн-Троцкий, сидел в это время в Нью-Йорке и занимался пораженческой пропагандой, полезной только немцам, причём в этой пропаганде ему помогали его многочисленные единоплеменники, мно-

гие из которых впоследствии прибыли в Россию «углублять революцию»: Урицкий, Володарский и много других. /

Так же, как и Хрусталёв-Носарь, поступил и известный революционер и террорист Владимир Бурцев и немало других эмигрантов — врагов царского режима, но среди них не было евреев, не только евреев-«пораженцев», что и понятно, но и евреев-«оборонцев». «Оборонять» они предпочитали, сидя в эмиграции и всячески подрывая авторитет того правительства, которое вело (правда, не совсем удачно) борьбу не на жизнь, а на смерть со вторгшимися в Россию немцами.

А когда весной 1917 года все эти «оборонцы» прибыли в Россию (в plombированных вагонах или на специально зафрахтованных американским евреем пароходах) — у этих «оборонцев» не нашлось даже слова осуждения пораженческой пропаганды, доходившей до призыва убивать всех тех, кто стоит за оборону (за продолжение войны), провозглашённого Нахамкесом, тогда ещё бывшим не большевиком, а меньшевиком. Выступление Нахамкеса осталось безнаказанным, хотя его партийные единомышленники и единоплеменники в то время могли без труда положить этому предел и тем спасти жизни многих тысяч молодых русских патриотов, боровшихся с врагом на фронте. Целый легион маленьких нахамкесов на всех необъятных просторах России и в действующей армии, и в её тылах занялись натравливанием тёмных солдатских масс на всех тех, кто не желал поражения родной страны, в первую очередь, на офицеров. Конечно, далеко не все, кто вёл пораженческую пропаганду и призывал к убийству офицеров, были евреи. Но что их было очень много и что они своей пропагандой много содействовали разложению армии — это вряд ли можно оспаривать.

Какие чувства и настроения вызывало всё это, не только в офицерской среде, но и во всём населении России, давшем своих сыновей на её защиту — объяснять не надо.

А когда работа по разложению армии была закончена — от имени России поехали в Брест-Литовск заключать позорный и унижительный мир с немцами четыре еврея: Троцкий, Иоффе, Карахан и Каменев... И никто из их единоплеменников, составлявших тогда большинство Совдепа, не догадался обратить внимание на несколько своеобразный племенной состав делегации...

Но зато на это обратила внимание вся Россия и сомнительно, чтобы когда-либо это было забыто. Память русского народа не хуже памяти еврейского народа, который и по сей день ежегодно «вспоминает» своего врага — Гамана и прославляет Мордохея и Эсфирь, сумевших добиться уничтожения в один день 75 000 тех, кто, по мнению евреев, был их врагом...

Чувства глубокого национального унижения и оскорбления испытывала тогда вся Россия, всё население великой страны, вся её культурная часть, независимо от политических взглядов и партийной принадлежности. Особенно остро и больно переживала молодёжь, жертвенно защищавшая родину на фронте и теперь, при новой власти, став-

шая объектом насмешек, издевательств, мучений и самосудов распропагандированной массы, при полном не только попустительстве, но и одобрении новой власти, нового правящего класса, состоявшего из иноплеменников с чуждым русскому народу миропониманием и признанием.

Не удивительно, что всё это породило антиеврейские настроения там, где их не было раньше, и вызвало пересмотр отношения русской интеллигенции к евреям, о чём подробно пишет Кускова в упомянутой выше своей статье.

Кровавые расправы «в порядке красного террора» с бесчисленными жертвами, расстрелянными без суда и следствия, причём евреи играли слишком заметную роль — ещё больше усилили и обострили эти антиеврейские настроения и создали предпосылки для вооружённой борьбы, вылившейся в белое движение.

Августовские дни 1918 года, когда за убийство одного еврея другим евреем было расстреляно 10.000 не-евреев, всё население России твёрдо помнило.

И когда, спасаясь от кровавого правосудия Штейнберга, Урицкого, Володарского и им подобных, русская молодёжь повела борьбу в рядах белого движения, встречая всюду на своём пути следы расправ, подобных расправе за убийство Урицкого и наблюдая нескрываемые симпатии еврейского населения к тем, кто учинял эти расправы, — то нередко доходило до эксцессов, с которыми было бессильно бороться командование.

Но эксцессы эти носили несколько иной характер, чем деятельность украинских вооружённых сил или махновцев, поголовно вырезавших еврейское население отдельных местечек и городов. Эксцессы «белых» — это были главным образом самовольные «реквизиции», трудно отделимые от обычного грабежа, и сопровождалась они нередко и убийствами евреев, у которых производились подобные «реквизиции». А кроме того, немало было и случаев расстрелов обнаруженных сотрудников Чека или политкомиссаров и активных членов коммунистической партии, по указанию местных жителей. А так как вышеприведённые категории врагов «белых» изобиловали евреями, то естественно, что большинство расстрелянных были евреи.

Случаев же, чтобы целая воинская часть под командой своих офицеров занималась систематическим истреблением евреев, включая стариков, женщин и детей, в «белом» движении не было. Это можно утверждать с достоверностью, ибо, если бы они были, то о них, несомненно, были бы сведения в мемуарной литературе и в периодической печати.

Но из этого не следует, что «белые» не были в массе своей настроены определённо юдофобски и что антиеврейские чувства не проявлялись при встречах с еврейским населением занимаемых областей.

Вообще, в то время (первое трёхлетие советской власти) антиеврейские настроения были господствующими. И у петлюровцев, и у

махновцев, и у «белых», и у зелёных, и даже в Красной Армии, которой командовал Троцкий. Как только дисциплина в Красной Армии ослабевала — сейчас же красноармейцы учиняли еврейский погром не хуже петлюровцев и махновцев.

Охватили эти настроения тогда все просторы России, все слои населения, начиная с тёмных крестьянских и рабочих масс и кончая кругами высококультурными. Нередки были случаи проявления юдофобских настроений даже среди членов коммунистической партии не-еврейского происхождения.

Лозунги: «Советы без жидов!» или «Коммуна без жидов!» — были тогда очень распространены и отражали настроение широких масс.

А в это самое время еврей Свердлов был всемогущим руководителем всей внутренней политики, еврей Бронштейн-Троцкий стоял в главе всех вооружённых сил страны, еврей Штейнберг — ведал советским правосудием, еврей Гольдендах-Рязанов формулировал идеологические обоснования нового строя, еврей Апфельбаум-Зиновьев был фактическим диктатором в Петрограде, еврей Губельман-Коген-Ярославский ведал борьбой с религией, а оба заместителя председателя Чека Дзержинского были евреи — Трилиссер и Ягода.

Для нового правящего класса, переполненного евреями, настроения эти, конечно, не были секретом, и уже в первый год советской власти было приступлено к борьбе с юдофобией, называемой «антисемитизмом». Борьбе — мерами запрещений и устрашений, но отнюдь не мерами изучения причин и их устранения. Самая мысль о том, что одной из причин может быть и сам еврейский народ и его особенности, вообще не допускалась и считалась «антисемитизмом». Если бы в те времена кто осмелился сказать, что «евреи несут антисемитизм или юдофобию с собой», как это когда-то сказал Спиноза, а не так давно повторил Арнольд Тойнби, известный историк — его бы причислили к «погромщикам» со всеми отсюда вытекающими последствиями... Рисковать своей свободой или даже жизнью никто не хотел... А потому все молчали...

Власть нового правящего класса к этому (еврейскому) вопросу была особенно чувствительна и беспощадно карала не только открытое проявление антиеврейских настроений, но даже и малейший на них намёк.

Слово «жид», громко кем-нибудь произнесённое, могло повлечь за собой большие неприятности, хотя в украинском, белорусском и польском языках евреев называют «жидами» даже сами евреи, говоря о себе. Слово это можно встретить и в произведениях русских писателей, печатавших свои произведения до 1917 года, например, у Тургенева, Толстого и других, однако никто их антисемитами не называл. Но при новой власти это слово люди боялись произносить.

Страх перед словом «жид» породил один анекдот того времени, авторство которого приписывается Собельсону-Радеку, одному из советских «вельмож»: «Раньше говорили подЖИДаю трамвай; теперь надо

сказать под ЕВРЕИВАЮ трамвай». Действительно ли Собельсон автор этого анекдота — утверждать нельзя, но что он был автором многих «еврейских» анекдотов — общеизвестно, как и то, что приведённый выше анекдот был широко распространён по всей России.

Население всей страны в то время ещё твёрдо помнило декрет новой власти от 27 июня 1918 года, гласивший: «Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона»... Было население и свидетелем многочисленных кровавых расправ на основании этого декрета.

И «антисемитизм» был приведён в молчание. Но до «пресечения в корне» было далеко. Антиеврейские настроения остались. Только были загнаны внутрь.

Авторы книг об «антисемитизме» в Советском Союзе (например, С. Шварц) утверждают, что декрет 27 июня 1918 года «вскоре утратил всякое значение». Как доказательство, они указывают на отсутствие в Уголовном Кодексе 1922 года и в последующих его редакциях специального указания на «антисемитизм» и на замену квалификации этого уголовного преступления общей фразой: «возбуждение национальной вражды». Но это «доказательство» никого не убеждало, и все отлично понимали в чём дело. — Понимали, а потому молчали.

Это-то молчание и дало основание Соломону Шварцу, автору книги «Антисемитизм в Советском Союзе» (Н.-Йорк, 1952, Чеховское издательство) утверждать, что в начале 20-х годов «волна антисемитизма спала».

Согласиться с этим утверждением довольно трудно. И сам Шварц в той же книге обширно пишет о «новой волне антисемитизма» во второй половине 20-х годов — но о причине появления этой новой волны не пишет ничего.

А между тем в действительности, антиеврейские настроения в широких массах населения, в частности, среди рабочих, отчётливо стали проявляться тотчас же после того, как евреи заполнили весь административный аппарат в России уже в начале 1918 г., ещё до упомянутого выше декрета от 27 июня 1918 г. о борьбе с «антисемитизмом».

В «Известиях» от 28 апреля 1918 года было напечатано пространное постановление Исполнительного Комитета Московского Совета «по вопросу об антисемитской погромной агитации в Москве и Московской Области».

Параграф 2-ой этого постановления гласит: «Признать необходимым не создавать особой боевой еврейской организации».

Особые боевые организации начали самочинно создаваться в Москве наполненными её евреями с целью вооружённой борьбы в случаях, когда, по их мнению, им угрожают «черносотенцы». На этой почве во многих учреждениях, на фабриках и заводах отношения между евреями и остальными рабочими и сослуживцами обострились до крайних пределов. Потребовалось вмешательство власти и срочный рос-

пуск уже созданных еврейских боевых дружин, чтобы предотвратить назревавшие кровавые столкновения.

Вопрос об этих еврейских боевых дружинах теперь старательно замалчивается. Но наличие параграфа 2-го приведённого выше постановления, свидетельствует, что вопрос об этих дружинах обсуждался, что значит, что он был тогда актуален. Хотя в постановлениях и не говорится о роспуске уже созданных дружин, а только о «необходимости их не создавать», но москвичи отлично знали, что немало еврейских боевых дружин уже было создано и были распущены только после этого постановления.

Дальнейшие мероприятия и декреты Советской Власти по еврейскому вопросу, а также кровавые расправы Чека с «врагами режима», к каковым причислялись все «антисемиты», нагнали такой страх на всё население России, что, как выразился С. Шварц, «волна антисемитизма спала».

Но после введения НЭПа и некоторого общего послабления, пришедшего вместе с НЭПом, население несколько осмелело и опять поднялась волна антиеврейских настроений как известная реакция на положение евреев при новом строе, при котором они превратились в привилегированную этническую группу и по отношению к коренному населению России держали себя далеко не всегда тактично.

В голодные годы «военного коммунизма», когда всё население голодало или недоедало, когда распределялась американская помощь организации АРА, население видело в качестве переводчиков и сотрудников при американцах почти исключительно евреев. И у него создавалось убеждение, что помогают прежде всего евреям — «своим». А так как распределение помощи в значительной степени зависело от правительственных органов или переводчиков, а те и другие в большинстве были евреи — у населения это порождало соответствующие чувства по отношению к последним.

А кроме того, в те годы еврейские благотворительные организации развили за границами страны деятельность по оказанию помощи голодающим в России, причём эта помощь, весьма значительная, шла только и исключительно евреям. Население это видело и делало из своих наблюдений выводы, далеко не благоприятные для евреев, хотя, скованное страхом, и молчало.

Видело население Москвы и тот неудержимый поток евреев, хлынувший в Москву при новой власти, и наблюдало, как в переполненной Москве, при остром жилищном кризисе, для новых москвичей находились помещения и квартиры.

Не укрылось от внимания населения и отношения новой власти, провозгласившей, что «религия есть опиум для народа», к религии православной и иудейской. Еврей Губельман-Ярославский весьма рьяно боролся с христианской религией вообще, а с православием, в особенности, расхищая («конфисковывая») церковное имущество и организовав разного рода кошунственно-скоморошеские выступления «без-

божников». Но синагоги оставались нетронуты и их имущество не «конфисковывалось». Не видали москвичи и пародийно-кошунственных выступлений в дни еврейских религиозных праздников...

Конечно, не одни только евреи составляли армию «воинствующих безбожников», главковерхом которой был Губельман. Было у него немало способных и ретивых сотрудников и помощников и из русских. Некоторые из них составили себе неплохую карьеру на «безбожнической деятельности» и стали даже членами Союза Советских Писателей.

Спрос на богохульную литературу тогда был очень велик, и награды и гонорары за неё привлекали многих выдвиненцев в литературе, делавших свою карьеру на произведениях, написанных в духе и стиле главы 39-й романа Л.Н.Толстого «Воскресение». До революции эта глава была запрещена цензурой, но широко распространялась по всей России нелегально.

В особое привилегированное положение были поставлены и студенты-евреи, когда (в 1923 году) происходили во всей стране массовые исключения студентов «по социальному происхождению». Исключали, даже с последних семестров, студентов, если устанавливалось их происхождение непролетарское. Сыновья не только дворян и помещиков или офицеров и чиновников царского времени, купцов и промышленников, людей свободных интеллигентских профессий, священников, диаконов и даже дьячков — все исключались без права поступления в какое-либо другое высшее учебное заведение. В связи с этими исключениями периодическая печать писала о многочисленных случаях самоубийств исключённых. Но евреев не исключали и самоубийств на этой почве не происходило.

Новый правящий класс в правительственном распоряжении о «чистке» по признаку происхождения внёс клаузулу, что студенты, представители «нацменьшинств», чистке не подлежат, ибо они были угнетаемы и преследуемы при старом режиме. Это и было применено ко всем студентам-евреям.

Конечно, всё, изложенное выше, не осталось незамеченным населением страны и, как результат, появились антиеврейские настроения там, где их раньше не было и где их можно было меньше всего предполагать: в среде рабочих, среди молодёжи — студенческой и комсомола — даже среди членов коммунистической партии и новой бюрократии не-еврейского происхождения.

Это вовсе не был «антисемитизм» или юдофобия в старом понимании этого слова, т. е. вражда и ненависть по признаку расы и религии. Это было чувство неприязни и отталкивания К привилегированному классу, который отождествлялся с еврейством. Несомненно, играло известную роль, особенно в культурной части населения, и оскорблённое национальное чувство русского народа, от имени которого был подписан «похабный» и позорный Брест-Литовский мир с немцами — подписан четырьмя евреями, с лёгкостью пошедшими на этот мир.

Во второй половине 20-х годов, когда «подъём волны антисемитизма» стал особенно заметен, печать забила тревогу. Начали появляться статьи о недостаточно энергичной борьбе с этим явлением, о появлении в рабочей среде «опасных рецидивов национализма».

В начале мая 1928 года агитпропколлегия ЦК ВКП обсудила вопрос о мероприятиях по борьбе с антисемитизмом и наметила следующие предложения:

- 1) Включить в программу партпросвещения вопрос о борьбе с антисемитизмом;
- 2) Необходимо шире и систематически разоблачать классовую подоплёку антисемитизма, используя для этой цели художественную литературу, театр, кино, радио и ежедневную прессу;
- 3) Партия должна создать атмосферу общественного презрения к антисемитизму.

Кроме этих положений общего характера специальная комиссия агитпропколлегии выработала также ряд конкретных предложений, подлежащих утверждению ЦК ВКП:

- 1) Создание специально подготовленного персонала для борьбы с антисемитизмом;
- 2) Включение темы о борьбе с антисемитизмом в школьные учебники, фильмы, периодическую печать и литературу;
- 3) Организация публичных прений и докладов об антисемитизме.

Но, несмотря на все эти постановления и рекомендации, по словам исследователя этого вопроса Соломона Шварца, «для действительной борьбы с антисемитизмом компартия не находила в себе достаточной решимости». О причинах этой «недостаточной решимости» другой исследователь и автор трудов об антисемитизме Лурье-Ларин пишет следующее: **«Ложный стыд выпячивать еврейский вопрос (чтобы этим не развить антисемитизм ещё больше) приводит фактически к смазыванию борьбы с буржуазным контрреволюционным вредительством на этом участке идеологического фронта».**

Проявлений же антиеврейских настроений (называемых С. Шварцем «антисемитизмом»), а также публичных прений по этому вопросу в то время было немало на всей территории Советского Союза. Много антиеврейских выступлений и высказываний на публичных собраниях приводит в своей книге «Антисемитизм в Советском Союзе» Соломон Шварц.

Не имея возможности привести всё, написанное по этому вопросу г. Шварцем полностью, приводим эти данные со значительными сокращениями.

Вот несколько случаев проявления настроений населения:

- 1) «Из разных частей страны приходят сообщения, что среди студентов советских учебных заведений стало обычным, говоря о евреях, употреблять слово «жид».

- 2) «В Харькове даже студенты-коммунисты заражены антисемитизмом и часто спрашивают, почему для евреев не вводится в высших учебных заведениях процентная норма».
- 3) «Собрание студентов-коммунистов в Киеве потребовало введения процентной нормы для евреев при приёме в Университет. Требования это предварительно обсуждалось в заседании бюро Комсомола».

Все приведённые выше сообщения относятся к 1928 и 1929 году, т. е. к тому времени, когда студенчество было сплошь пролетарского происхождения — сыновья рабочих и крестьян, что заслуживает особого внимания. Ведь это настроения тех, кто впоследствии занимал разные должности в администрации и в культурной и хозяйственной жизни страны.

Сходные студенческим были и настроения в рабочей среде. Так, например:

- 1) В Ленинграде на заводе «Лит» антисемиты, под руководством мастера-инструктора начали с криков по адресу рабочих-евреев: «жиды!»... Потом на стенах уборной был вычерчен лозунг: «Бей жидов, спасай Россию!»... Потом, вдохновившись безнаказанностью, избili кирпичами т. Меллера, потом т. Елашевича и ряд других евреев.
- 2) Другой случай, тоже ленинградский: на заводе им. Марти член бюро коллектива этого завода пригрозил комсомольцу-еврею, выступавшему против него на собрании: «Если ты, жидовская морда, посмеешь ещё хоть раз выступить, я с тобой разделаюсь»...
- 3) В Керчи на консервной фабрике «Воля Труда» группа рабочих преследовала чернорабочего-еврея Гутмановича... били его проволокой по спине... А антисемит Ничугин в присутствии предфабкома и толпы рабочих кричал: «Если этого жидёнка не уберут от нас, я его задую»...
- 4) В Харькове на Госспиртзаводе № 2 во время перерыва на завтрак возник спор евреев с не-евреями, во время которого один из спорящих, рабочий, комсомолец Добрынин, крикнул еврей-рабочему: «Вы хотите в вузы, в школы попасть? Это вам не удастся!»... А подошедший комсомолец, кандидат КП(б)У, студент сельскохозяйственного рабфака Аникеев продолжил: «Эй ты, жидовская морда, что тебе здесь нужно? Пришёл забирать хлеб у нашего брата? Мы вам, жиды, покоя не дадим. Был бы 20-й год я бы с тобой расправился. Все вы спекулянты. Ещё и сюда пришли работать»...
- 5) Предместкома Кузьмичёв, член ВКП, при обсуждении вопроса об увольнении русского рабочего за избивание рабочего-еврея (в магазине Мосторга) заявил: «Мы не допустим, чтобы из-за жида увольняли русских»...

(Все приведённые выше случаи проявления антиеврейских настроений в студенческой и в рабочей среде взяты из книги С. Шварца «Антисемитизм в Советском Союзе», стр. 21, 22, 28.)

В той же книге С. Шварц приводит и речь М. Калинина по еврейскому вопросу, произнесённую им в ноябре 1926 года. Калинин сказал следующее:

«Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полуинтеллигентская еврейская масса. Как нация угнетённая, никогда не бывшая в управлении, она естественно устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление... В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в органах управления.

Для еврейского народа, как нации, это явление (т. е. широкое участие евреев в «революционных органах») имеет громадное значение, и, я должен сказать, значение отрицательное. Когда на одном из заводов меня спросили: почему в Москве так много евреев? — я им ответил: если бы я был старый раввин, болеющий душой за еврейскую нацию, я бы предал проклятию всех евреев, едущих в Москву на советские должности, ибо они потеряны для своей нации. В Москве евреи смешивают свою кровь с русской кровью и они для еврейской нации со второго, максимум с третьего поколения потеряны — они превращаются в обычных русификаторов». (Стр. 16-17 упомянутой выше книги).

Почти одновременно с выступлением М. Калинина, 2 декабря 1926 года в Москве в помещении консерватории состоялся митинг, посвященный еврейскому вопросу. На этом митинге проф. Юрий В. Ключников сказал следующее:

«Уже февральская революция (1917 г.) установила равноправие всех граждан России, в том числе и евреев. Октябрьская революция пошла дальше. Русская нация проявила самоотречение. Создалось определённое несоответствие между количественным составом евреев в Союзе и теми местами, которые в городах евреи временно заняли...

Вы видите, как по всей Москве настроились мелкие будочки с хлебом и колбасой, являющиеся еврейскими. Вот вам первоисточник этого недовольства. Когда русские видят, как русские же женщины, старики и дети мёрзнут по 9-11 часов на улице, мокнут под дождём над ларьком Моссельпрома, и когда они видят эти сравнительно тёплые еврейские ларьки с хлебом и колбасой — у них появляется ощущение недовольства...

Это явление упускать из виду нельзя. С этим нужно считаться. У жителей больших городов может появиться это сторожкое чувство, поскольку страшно нарушена пропорция и в государственном строительстве, и в практической жизни, и в других областях между численным составом евреев и населением. Если бы у нас в Москве не было жилищного кризиса — масса людей теснится в помещении, где нельзя совершенно жить; а в то же время вы видите, как люди приезжают из

других частей страны и занимают жилую площадь. Это — приезжие евреи...

Дело не в антисемитизме, а в том, что растёт национальное недовольство, национальная сторожкость, настороженность других наций. На это не надо закрывать глаза. **То, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет.** Массы говорят, что слишком много евреев в Москве. С этим считайтесь, но не называйте это антисемитизмом»... (Приведённый выше отрывок из речи проф. Ключникова взят из стенограммы Лурье-Ларина, который на этом митинге присутствовал и лично стенографировал слова проф. Ключникова, которые и привёл на страницах 124-125 своей книги «Евреи и антисемитизм в СССР», Ленинград-Москва, Госиздат, 1929 г.)

Вопрос всё растущих случаев проявления резко антиеврейских настроений всё больше и больше тревожил власть, и она бросила все силы на борьбу с этим явлением, ибо она не могла не понимать, что под угрозу ставилось самое существование власти и правящего класса, состоявшего тогда преимущественно из евреев. По всей стране начала вестись разъяснительная работа по этому вопросу. В процессе этой разъяснительной работы проводились «консультации по антисемитизму», об одной из которых, состоявшейся в августе 1928 года в Москве в «кабинете партработы одного из райкомов Москвы», сообщает председательствовавший на ней Лурье-Ларин в своей, упомянутой выше, книге «Евреи и антисемитизм в СССР».

На собрании-«консультации» присутствовали несколько десятков рабочих из различных московских промышленных предприятий: «передовики-партийцы», комсомольцы и несколько «сочувствующих», словом, весь человеческий материал, из которого формируется партийный, комсомольский и профсоюзный актив.

На «консультации» после доклада-разъяснения председателя (Лурье-Ларина) участники подавали записки-вопросы, чрезвычайно характерные для определения настроения присутствующих. В своей книге Ларин-Лурье приводит полностью 6 вопросов-записок, которые заслуживают того, чтобы привести их дословно:

- 1) Почему евреи не хотят заниматься тяжёлым трудом?
- 2) Почему евреи везде устраиваются на хорошие места?
- 3) Почему евреев много в вузах, не подделывают ли они документы?
- 4) Не изменят ли евреи в случае войны и не уклоняются ли они от военной службы?
- 5) Почему евреям дали хорошую землю в Крыму, а русским — где похуже?
- 6) Отыскивать причину антисемитизма следовало бы в самой еврейской нации, в её нравственном и психологическом воспитании.

Примерно в таком же духе и все остальные «вопросы-записки». Ни в одной из них нельзя обнаружить мотива расово-религиозного, упо-

минаний о том, что евреи распяли Христа — мотивов характерных для подлинного антисемитизма в старом, классическом понимании и аргументации дореволюционных противников евреев.

Во всех «вопросах-записках», в той или иной редакции, ясно звучит момент экономический — недовольство привилегированным положением еврейской этнической группы при новом режиме.

Из описанных выше выступлений трёх видных коммунистов — двух русских (Калинина и Ключникова) и одного еврея (Ларина-Лурье) — видно насколько серьёзно и угрожающе стоял тогда (в конце 20-х годов) еврейский вопрос в Советском Союзе. И власть не без оснований забила тревогу.

В условиях коммунистического режима обсуждение этого вопроса в печати было немислимо. Возможно было только одностороннее его освещение с точки зрения правящего класса, которое сводилось к сообщениям в печати, да и то редко, об отдельных случаях проявления недовольства той «обратно-пропорциональной процентной нормой», которая установилась при новом строе, причём эти случаи назывались «рецидивом черносотенства», «выходками погромщиков» или «буржуазно-капиталистическим вредительством». Ни спорить, ни опровергать, ни обосновывать антиеврейские настроения тогда никто не мог и не смел.

Когда же в самом конце 20-х годов и начале 30-х начались пятилетки и коллективизация, которым сопутствовали крутые меры правительства по отношению ко всем недовольным или саботирующим новые мероприятия (или, по мнению власти, могущих стать таковыми) — тогда как будто всё утихло и открытых проявлений антиеврейских настроений стало значительно меньше. (Что не значит, что исчезли и антиеврейские настроения). Это видимое успокоение и принял С. Шварц за «спад волны антисемитизма».

Каковы же были подлинные настроения широких народных масс ни С. Шварц, ни Лурье, ни многочисленные евреи правящего класса узнать не могли. По той причине, что **«то, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет»**, — написал в своей книге С. Шварц, цитируя речь проф. Ключникова... Вряд ли можно сомневаться и в том, что **«что скажет еврею еврею, того он русскому не скажет»**. В этом, может быть, и лежит причина той осторожности, а иногда и отталкивания, которые характерны в русско-еврейских отношениях за всё время пребывания евреев в границах русского государства. Конечно, в этом отношении были и исключения, но исключения, как известно, только подтверждают общее правило. Хорошо ли это или плохо — об этом судить не приходится. Но и отрицать это явление (хорошее или плохое) тоже нельзя. Оно существует.

Только в частной жизни, в разговорах людей, безусловно доверяющих друг другу, люди иногда нарушали молчание и более или менее откровенно высказывали своё недовольство. Да иногда в состоянии воз-

буждения вырывались неосторожные фразы и слова, за которые многие жестоко заплатились.

В литературе того времени, которая, казалось бы, должна была отображать народные настроения, над «еврейским вопросом», точнее, над вопросом недовольства ролью евреев в государстве, было «табу» и его вообще не затрагивали. А если кто из советских писателей того времени в своих литературных произведениях в бытовых сценах, стараясь быть возможно реалистичнее, писал то, что могло быть истолковано, как проявление «антисемитизма» — это влекло за собой последствия весьма неприятные для автора, и ему приходилось на страницах печати оправдываться и выражать своё «восхищение еврейским народом», как это пришлось сделать писателю Борису Пильняку в 1931 году.

История этого «покаяния», в кратких словах, такова: в своём рассказе «Ледоход», написанном в 1924 году и вошедшем в Собрание его сочинений, изданное в 1929 году Госиздатом, Пильняк рассказывает о занятии отрядом «повстанцев» небольшого городка на Украине. Атаман отряда — анархист, но комиссар отряда — коммунист; в отряде регулярно получают и читают «Известия», и отряд живёт жизнью советских повстанцев. Но «жидов» вешают и в городке устраивают еврейский погром, который Борис Пильняк описывает так: «К утру в городке начался еврейский погром, всегда страшный тем, что евреи, собираясь сотнями, начинают выть страшнее сотни собак, когда собаки воют на луну, • — и гнусной традиционностью еврейских перин, застилающих пухом по ветру улицы»... (том 3, стр.81).

Тогда (до самого конца 20-х годов) положение было таково, что по словам Лурье-Ларина, приведённым в предыдущем изложении, существовал **«ложный стыд выпячивать еврейский вопрос, чтобы не развить антисемитизм ещё больше»**. Надо полагать, что по этой причине на страницах печати не появилось никаких протестов или возражений в связи с содержанием рассказа «Ледоход», и этот рассказ был даже включён в собрание сочинений Б. Пильняка в 1929 г.

Но его не забыли. О нём вспомнили в начале 30-х годов, когда в результате крутых мероприятий правительства населению были замкнуты уста, наступил, по словам С. Шварца, «спад волны антисемитизма», и можно было забыть о «ложном стыде выпячивания еврейского вопроса».

24 июня 1931 года в «Известиях», в статье М. Горького «Об антисемитизме» было и упоминание о рассказе Пильняка «Ледоход», разумеется, с указанием на то, что этот рассказ свидетельствует о пассивно-толерантном отношении автора к крайним проявлениям «антисемитизма». Существовавшее тогда в Москве «Еврейское Телеграфное Агентство», сокращённо ЕТА, немедленно телеграфировало об этом в Нью-Йорк и на следующий же день в «Нью-Йорк Тайме» появилась соответствующая заметка об отношении к «антисемитизму» Бориса Пильняка, который находился тогда в США.

Через десять дней, 5 июля 1931 года, в том же «Нью-Йорк Тайме» был напечатан протест Б. Пильняка против обвинения его в «антисемитизме». В этом протесте Пильняк высказывает своё «восхищение еврейским народом», категорически отвергает, что у него когда-либо были неприязненные чувства к евреям, указывает, что его произведения были переведены на «идиш и иврит» и сообщает, что его бабушка была еврейкой...

Антиеврейские настроения широких народных масс, которые явились в результате превращения евреев в привилегированное «сословие», как пишут многие евреи — исследователи этого вопроса, были «активны, массовы и стихийны». Называют они эти настроения «антисемитизмом», хотя, как указано выше, с подлинным антисемитизмом они ничего общего не имеют.

И, может быть, невольно и бессознательно, некоторые талантливые писатели и поэты того времени, рисуя типы отрицательные, вызывающие страх и ненависть, изображают их евреями, дают им еврейские имена.

Так, например, прославленный поэт Сергей Есенин написал следующий диалог:

Замарашкин:

*Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И чёрт с тобой, что ты жил
За границей...
Всё равно — в Могилёве твой дом.*

Чекистов:

*Ха-ха!
Нет. Замарашкин!
Я гражданин из Веймара...
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячу лет.*

За это своё произведение Есенин, насколько известно, никаких неприятностей не имел и ему не пришлось писать в «Тайме» о своём «восхищении евреями». Наоборот, нью-йоркские русские евреи восхищались им и во время его пребывания в Нью-Йорке чествовали его в Бронксе в одном частном доме. Под конец ужина сильно подгулявший Есенин начал вести себя не совсем прилично и начал «давать волю рукам». Желая его утихомирить, хозяева и остальные гости схватили его за руки и намеревались связать. Есенин отбивался и не давался... Подбежал к открытому окну и истошным голосом начал кричать: «Спаси-

те! Жиды режут!... Бей жидов, спасай Россию!»... Инцидент был, конечно, замят, и никаких последствий для Сергея Есенина не было.

Другой известный советский поэт, Эдуард Багрицкий (одесский еврей), написал «Думу про Опанаса», в которой есть следующие крамольные строки:

*<<Я бежал из продотряда
От Когана, жиды.
По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище.
Глянет вправо, глянет влево,
Засопит сердито:
Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!...
Ну, а кто поднимет бучу —
Не шуми, братишка!...
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка.*

«Дума про Опанаса» не вызвала никаких откликов, хотя в ней и стоит слово «жид», считавшееся тогда проявлением «антисемитизма». Но и поэт был еврей.

Все три, приведённые выше, выдержки из произведений советских писателей и поэтов были написаны и напечатаны в первое десятилетие власти нового правящего класса — до конца 20-х годов.

Во втором десятилетии ничего подобного на страницах печати в СССР найти нельзя. Начались пятилетки и коллективизация, сопровождавшиеся такими мероприятиями правительства, которые крепко замкнули уста всех недовольных; и население страны боялось не только говорить, но и подумать о «еврейском вопросе». Наступила тишина, которую С. Шварц называет «спадом волны антисемитизма». Народ молчал... Но это не значит, что он не видел и не мыслил... Когда-то Шевченко сказал: «народ молчит... ибо благоденствует»... — Замолчал народ и под властью «династии Кагановичей»... Было ли это молчание результатом «благоденствия» или молчал, скованный страхом, — это народ выявил только в конце 40-х и начале 50-х годов, когда, по словам Давида Бурга, настроения населения СССР были таковы, что в случае свержения Советской Власти, в момент неизбежной при этом анархии, все евреи «будут попросту перебиты»... А правительство СССР после победоносной войны, учитывая эти настроения, постепенно стало заменять племенной состав правящего класса, назначая и выдвигая на ответственные посты представителей коренного населения страны. Назвать это «антисемитизмом» — это значит намеренно и сознательно исказить действительность.

Не следует ли причину настроения населения искать в «обратной пропорциональности» племенного состава правящего класса с коренным населением (меньше 2 % евреев в стране и больше 80 % среди

правлящего класса), а также в поведении самих евреев, составивших после 1918 года привилегированную часть населения России?

Но вопрос этот, как уже упомянуто выше, старательно замалчивался. Причину отлично понимали все евреи, как в СССР, так и за границей, но в объяснениях того явления, которое они называли «антисемитизмом», причина эта не фигурировала. Однако, при внимательном чтении статей и исследований еврейми, написанных еврейми на русском языке в эмиграции в разных периодических изданиях и отдельных книгах, ясно проскальзывает почти панический страх перед возможностью ослабления или падения власти, которая сдерживает «антисемитов» и не допускает до погромов и избиения евреев.

Не имея возможности привести здесь много сходных и аналогичных высказываний авторов - русских евреев, ограничимся некоторыми выдержками из очерка «Евреи и советская диктатура», помещённого в ежегоднике «Еврейский Мир» (1939 год). Очерк написал Семён Осипович Португейс, подписавшись русским псевдонимом «Степан Иванович». (В эмиграции Португейс был редактором с.-д. журналов «Заря» и «Записки социал-демократа» и др. социалистических органов печати на русском языке.)

Вот что пишет «Степан Иванович»: «За границей многие верят, что в России нет антисемитизма, и на этом основании благорасполагаются к советской власти. Но в России знают, что это неправда и, зная, что это неправда..., уповают на долголетие советской власти, которая как-никак до погромов не допускает и, как надеются, не допустит. За границей относятся благосклонно к советской власти, потому что верят в эту рекламу: «в СССР нет антисемитизма»; в России относятся благосклонно к советской власти и очень боятся её смерти, потому что не верят в эту рекламу и знают, что в СССР антисемитизм есть... но до погромов Сталин не допускает и, надеются, не допустит».

В другом месте той же статьи «Степан Иванович» пишет следующие строки: **«Падение советской власти будет для евреев катастрофой, и всякий друг еврейского народа должен с ужасом отбросить такую перспективу»...**

Приводя в своём очерке цитированные выше объяснения поддержки еврейми советской власти, «Степан Иванович» лично с этим не солидаризируется, но приводит их, как **«типичные и весьма распространённые мнения, как среди еврейства в СССР, так и еврейства, пребывающего вне границ СССР, а также друзей еврейского народа во всём мире».**

Свой очерк «С. Иванович» написал после 20 лет пребывания его единоплеменников на положении правящего класса СССР, почти накануне 2-й мировой войны, а напечатан был сборник «Еврейский Мир» в том году, когда Сталин заключил свой пакт с Гитлером, причём этот пакт был одобрен и Коминтерном, в котором евреи играли далеко не последнюю роль. Ещё большую роль играли тогда (в годы предшествовавшие этому пакту) евреи в иностранной политике СССР — подав-

лющее большинство полпредов были евреи, равно как и ответственных работников Народного Комиссариата Иностр. Дел. И только за несколько месяцев до подписания пакта с Гитлером Сталин заменил на посту Комиссара Иностранных Дел еврея Финкельштейна-Литвинова русским Молотовым (правда, женатым на еврейке, при этом политически весьма активной). Сделано это было в угоду Гитлеру, ибо он мог не согласиться вести переговоры с евреем Финкельштейном.

Из каких соображений и побуждений евреи, руководившие тогда и политикой СССР, и Коминтерном, пошли на соглашение с Гитлером до сих пор не выяснено. Этим вопросом, надо полагать, займются будущие историки, которым будут доступны архивы и данные в связи с этим пактом. Нам, современникам, судить об этом трудно. Мнения по этому вопросу различны и противоположны. Одни придерживаются мнения, что руководство СССР считало столкновение с Германией неизбежным и, заключая пакт с Гитлером, хотело это столкновение отсрочить и выступить только тогда, когда Германия будет ослаблена войной с Западом, на какую-то войну Гитлер пойдёт только обеспечив себя пактом с СССР, что и произошло в действительности.

Правда, расчёты не оправдались. Запад от сентября 1939 года и до июня 1941 года не смог создать фронт, который бы связал Гитлера, и тем дал ему возможность совершить нападение на СССР, повлёкшее за собою неисчислимые жертвы, как человеческих жизней, так и материальные. Но, теоретически, расчёт этот нельзя не признать логичным, разумеется, при предпосылке неизбежности столкновения Германии и СССР.

Но существует и другое мнение: что руководство СССР вооружённый конфликт с Германией не считало неизбежным, во всяком случае, в близком будущем, и что, учитывая настроения масс, а также тенденции нового союзника — Гитлера, возможен и крутой поворот политики СССР в еврейском вопросе: ради сохранения власти возглавление СССР принесёт в жертву евреев, несмотря на то, что оно само состоит почти сплошь из евреев.

На первый взгляд это мнение звучит парадоксально. Но при внимательном чтении высказываний русских евреев-эмигрантов в период, непосредственно предшествовавший заключению пакта с Гитлером, мы находим немало высказываний, подтверждающих это парадоксальное мнение.

Так, например, в упомянутой выше книге «Еврейский Мир», 1939 год, на стр. 51 мы читаем следующее: «Если диктатура, возвращающаяся ныне к некоторым национальным традициям Московской Руси и Императорской России, сочтёт полезным для себя и для своей власти над умами и душами подданных прибегнуть к этой традиции гонения на евреев, если ей понадобится этот «опиум для народа», то ни в прошлом, ни, тем более, в настоящем советской власти нет для этого абсолютно никаких препятствий. Права, гарантированного чем-нибудь, права не быть громимыми, не быть отданными в жертву «народ-

ному негодованию» — такого права у русских евреев нет сейчас, да и никогда при большевизме не было. Был только весьма большой шанс на это, но не было на это никогда права».

Написано это было в конце 30-х годов, т. е. в период максимального заполнения евреями всех ключевых позиций в культурной, экономической и политической жизни СССР, когда «династия Кагановичей» доминировала в правящей верхушке страны.

В чём усмотрел автор приведённых выше строк (Португейс-Иванович) «возвращение к национальным традициям Московской Руси и Императорской России», он не объясняет или пытается обосновать свои опасения следующими словами: «Как явствует из материалов, собранных и опубликованных Г. Аронсоном, советская власть уже **стала стесняться приписываемого ей юдофильства и ожидания**, и в ряде фактов обнаруживается её активное и последовательное стремление совершенно замолчать существование в СССР евреев. Евреев стали систематически выселять даже из текста таких официальных документов, в которых обозначены десятки мельчайших народностей и племён, самое имя которых стало недавно известным. **Советская власть перестаёт, так сказать, «отвечать за евреев»**. Они стали явно стеснительными для того курса на «любовь к отечеству», на «народную гордость» и шапкамизакайдаиловский «патриотизм», который ныне столь глуповато и дубовато проводится в СССР».

Беря в кавычки понятия «патриотизм», «народная гордость» и «любовь к отечеству», авторы приведённых выше высказываний тем самым выражают и своё субъективно-еврейское отношение к чувствам любви к отечеству, народной гордости и патриотизма русского народа, создавшего величайшее в мире государство, в границах которого немало евреев до 1917 года создали себе завидное материальное положение и получили образование, а после 17-го года стали вельможами великой страны и распорядителями её судеб.

Как известно, патриотизм каждый народ, а еврейский в особенности, культивирует и им гордится. Почему же патриотизм народа русского не находит одобрения у Португейса и Аронсона? — этого они не объясняют, а попросту выражают достаточно отчётливо своё к нему отрицательное отношение.

Это неизменно отрицательное отношение евреев диаспоры к патриотизму и национализму любой страны и любого народа, среди которого они живут, как «нация без языка и территории», научно разъяснил и обосновал проф. Соломон Лурье в своей книге «Антисемитизм в древнем мире», пространные выдержки из которой приведены в части II настоящего труда.

Ревниво оберегая свою еврейскую самобытность и чистоту расы, неразрывно связанной с религией, не допуская в свою среду иноплеменников, евреи диаспоры сами стремятся проникнуть во все отрасли жизни иноплеменного народа, среди которого живут и, если к этому предоставляется возможность, занять руководящие посты. В странах

и государствах с высоко развитым чувством патриотизма и национализма и населением однородного племенного состава это гораздо труднее и вызывает отпор коренного населения, рассматривающего себя как расширенную семью — потомков одних предков. Гораздо легче это осуществляется в государствах многоплеменных с населением, связанным только единством территории и верховной власти, или же в государствах, в которых по тем или иным причинам патриотические чувства заглушены и приведены в латентное состояние.

В таких государствах для евреев открываются неограниченные возможности к проникновению в правящий класс без какого-либо противодействия коренного населения. Пробуждение патриотизма в коренном населении, естественно, рассматривается евреями, как возможность, что будет поставлен вопрос о их роли в жизни страны и о возможности, оставаясь по своему миропониманию и правосознанию чуждыми коренному населению, занимать руководящие посты в политической и культурной жизни государства, в котором они в данное время живут.

Все евреи, во всех странах их пребывания, это обстоятельство отменно понимают, а потому и рассматривают всякое проявление народной гордости и патриотизма, как угрозу для себя и своего положения в стране.

Эта угроза мерещится им часто там, где её и нет, как, например, в СССР во второй половине 30-х годов, когда какое-либо проявление русского патриотизма квалифицировалось как «великодержавный шовинизм» и жестоко преследовалось. И, конечно, никакого «возвращения к национальным традициям Московской Руси и Императорской России» в то время в СССР не было.

Но предпосылки для пробуждения национальной гордости и патриотизма русского народа, которым два десятилетия управляли и от имени которого выступали инородцы, превратившиеся в привилегированный класс, к концу 30-х годов уже были созданы. Недовольство этим привилегированным классом уже тогда носилось в воздухе, что не могло остаться незамеченным евреями, и они наперёд забили тревогу, предвосхищая на целое десятилетие события и со свойственной им субъективностью сгущая краски, как это сделали в своих высказываниях Португейс-Иванович и Аронсон — выразители мнений, настроений и опасений евреев в СССР и вне его границ.

«Советская власть уже стала стесняться приписываемого ей юдофильства и ожидования», — читаем мы в «Еврейском Мире» за 1939 год. Не-евреи этого «стеснения» не замечали, наблюдая, как именно в этот период «обратная пропорциональность» — процент евреев на высших должностях и в дипломатии достигли своего максимума.

Все, без исключения, полпреды в крупнейших европейских государствах в 1937 году были евреи. В Англии — Майский, во Франции — Суриц, в Германии — Юренев (Ганфман), в Италии — Штейн, в Бельгии — Рубинин.

Ни одного русского не было в составе делегации СССР в Лиге Наций. Делегация состояла из 8 членов: Финкельштейн-Литвинов, Розенберг, Штейн, Маркус, Бреннер, Гиршфельд, Гальфанд, Сванидзе. Кроме одного — грузина Сванидзе — все остальные были евреи. А во главе Комиссариата Иностранных Дел стоял Финкельштейн-Литвинов.

Если же в каком-либо государстве полпредом СССР был не-еврей, то весь остальной персонал полпредства (советники, секретари, атташе) были евреи, как это видно из списка, помещённого ниже.

Примерно в такой же пропорции были представлены евреи в многочисленных Торговых Представительствах (Торгпредствах) СССР за границей.

Весь личный состав Отдела Дипломатических Курьеров Комисс. Иностр. Дел состоял почти исключительно из евреев.

Так обстоял вопрос с представительством СССР за границей. Так же обстоял он и во всех остальных отраслях жизни СССР во второй половине 30-х годов, т. е. в годы перед 2-й мировой войной.

Чтобы дать возможно полную картину участия евреев в жизни СССР, ниже приводится список служащих СССР в разных отраслях госуд. аппарата. (См. Приложение 2 в конце 1-й части, стр. 233-245.)

Приведённый ниже список, в основном, не претерпел изменений до самого начала 2-й мировой войны. Правящий класс в СССР состоял преимущественно из евреев, занимавших ключевые позиции во всех отраслях жизни страны.

Процессы и чистки в 30-х годах, в результате которых немало евреев не только были сняты с занимаемых должностей, но и расстреляны или сосланы (Апфельбаум-Зиновьев, Собельсон-Радек и др.), соотношения евреев и не-евреев в государственном аппарате СССР не изменили — они по-прежнему сохранили за собой и своими родственниками-соплеменниками те позиции, которые были заняты в первые годы после октября 1917 года.

Конечно, в новом правящем классе были и не-евреи, хотя бы тот же Ленин, положивший начало этому правящему классу. Но все они были духовно едины в своём отрицательном отношении к России, как национальному государству. Все они были «связаны с Германией Маркса, как своей духовной родиной». А свою будущую деятельность они не ограничивали пределами какого-либо государства, а представляли себе в масштабах интернациональных.

О том, как сложились взгляды той группы людей, к которым попала власть над Россией в 1917 году проф. Федотов в своей книге «И есть и будет. — Размышления о России и революции» пишет следующее:

«В десятилетие реакции (1907-1917) за границей происходило сближение большевистского штаба с верхушкой левого Интернационала. Затишье в России, вынужденная-праздность эмиграции обращала их внимание к европейским делам. Здесь завязались прочные связи у Ленина, Зиновьева, меньшевика Троцкого с Розой Люксембург, Ра-

деком, Раковским, с польско-еврейско-немецкими радикалами, кочующими из страны в страну и связанными с Германией Маркса, как своей духовной родиной.

Во время войны и измены социалистов делу революции совершилось в Циммервальде—Кинтале рождение Третьего интернационала, связавшего с мировой войной чаяния всемирной революции. В эту эпоху Ленин, а особенно Троцкий, менее всего чувствовали себя русскими революционерами. Подобно Радекам и Раковским, это были бесплотные духи, жаждущие воплотиться в любой стране. Они могли бы спуститься в тело Австрии или Германии, если бы Россия не развалилась первой. Единственно русское в Ленине того времени — оборотная сторона патриотизма — его особая ненависть к России, как злейшей из так называемых «империалистических стран». Но в центре политических интересов его, и вообще большевиков до 1918 года, была, конечно, Германия, духовно импониовавшая им в обоих своих полюсах: Маркса и Людендорфа. Францию и романские страны они презирали. Российская революция всегда рисовалась им прелюдией, провинциальным бунтом. Только в Германии могло начаться строительство социализма».

Вернувшись в Россию, Ленин увлѣк за собой и головку Третьего интернационала. Состояла же эта головка, как известно, почти исключительно из евреев — как русских, так и евреев немецко-польских.

Головка эта быстро разрослась за счёт русских евреев, пополнивших её ряды и создавших тот правящий класс, который всё национально-русское, даже самое слово «Россия» или «Русь», в течение почти 30 лет охаивал и оплёвывал, вызвавши в народе чувства и настроения обратные. И когда в конце 40-х годов было произнесено слово «безродный космополит», широкие народные массы почувствовали, что это начало конца власти нового правящего класса, а евреи, не только в СССР, но и во всём мире, усмотрели в этом начало «правительственно-го антисемитизма».

В своё время, как известно, Ленин сказал: «а на Россию мне наплевать»!... А привезённая им в Россию головка Третьего интернационала, взявшая в свои руки дело воспитания русского народа, в правительственных органах печати писала следующее: «У нас нет национальной власти — у нас власть интернациональная. Мы защищаем не национальные интересы России, а интернациональные интересы трудящихся и обездоленных всех стран» («Известия», 8 февраля 1921 года)... «Русь!... Сгнила?... Умерла?... Подохла?... Что же!.. Вечная память тебе.» («Правда», 13 августа 1925 года)... «Писатели должны выкинуть за борт литературы мистику, похабщину, национальную точку зрения» («Правда», 1 января 1925 года). Между национальной точкой зрения и похабщиной поставлен знак равенства...

Так, в таком духе, тридцать лет велась политика России, переименованной в СССР, и воспитывались народные массы, попавшие под власть той «головки III Интернационала», что привёз с собой Ленин.

Причём головка эта разбухла и разрослась, впитавши в себя не только интернационально себя ощущавших жителей СССР, но и немало родственных по духу и племени уроженцев разных стран Запада, которые вовне выступали уже как представители СССР — «родины всех пролетариев».

В связи с этим небезынтересно привести выдержку из газеты «Новое Русское Слово» (25 февр. 1965 года) с описанием персонажей, подвизавшихся в Испании во время гражданской войны 1936-39 годов.

Интернациональными бригадами командовал Лазарь Штерн из Буковины (по паспорту «Эмиль Клебер» из Канады, но в Канаде никогда не бывший). Другой Штерн — Григорий, комдив Красной Армии, назывался в Испании «Григорович». Яков Смушкевич, комкор Красной Армии, в Испании был «Дуглас». Генерал Кр. Арм. Баткин был «Фриц». Венгерский еврей — коммунист М. Залка работал в Испании под псевдонимом «генерал Лукач». Абрам Слуцкий, заведующий иностранным отделом НКВД, приезжал в Мадрид под именем «Черниговский». Главный резидент НКВД в Испании, имевший даже «собственную тюрьму» в городе Алкаладе, был некий «генерал Александр Орлов», а на самом деле на Лубянке он значился как «Никольский» или «Кацнельзон».

Послом СССР в Испании был Марсель Розенберг. Помощником военного атташе при посольстве — Львович, выступавший также под псевдонимом «Лоти». Все поименованные представители СССР были евреи. Единственным не-евреем был латыш Ян Берзин, в течение 15 лет возглавлявший Главное разведывательное управление Красной армии. В Испании он работал под псевдонимом «генерал Гришин». На короткие сроки за три года гражданской войны побывали в Испании и русские — маршалы (нынешние) Советского Союза Малиновский, Конев, Рокоссовский, Мерецков и Родимцев. Все они приезжали на короткие сроки и не под своими именами, а под псевдонимами. В Испании тогда производились чисто военные опыты в предвидении скорой большой войны.

Все иностранные разведки, конечно, отлично знали, кто такие по народности все эти «русские», представлявшие СССР в Испании, но об этом в мировой печати нигде не писалось. Страх быть заподозренными в «антисемитизме» был сильнее желания сообщить своим читателям биографические данные об этих «русских».

Примерно в такой же пропорции были представлены евреи и во всех других странах и государствах, в полпредствах и торгпредствах СССР.

В связи с этим накануне последней войны в Европе был распространён характерный анекдот. В Женеве было назначено совещание полпредов и торгпредов СССР в крупнейших государствах Европы. Понятно, английская разведка хотела знать, о чём будет вестись разговор на этом совещании. Инсталлировали микрофон и нашли двух русских эмигрантов и одного англичанина для стенографирования всего

совещания. Но... получился большой конфуз. Все трое ничего не смогли записать, ибо «русские дипломаты» всё совещание вели на еврейском языке...

Но дальше анекдотов, да и то передаваемых только устно, дело не шло. Ни печать эмигрантская, ни мировая этого «щекотливого» вопроса не касалась.

Молчали и чисто еврейские органы печати вне СССР, так много и часто писавшие раньше о процентной норме и всевозможных видах дискриминации евреев в России.

То же самое явление, в смысле переполнения евреями разных учреждений, наблюдалось не только в ведомстве Иностранных Дел, но и во всех других наркоматах (министерствах) СССР.

Вот впечатления иностранцев, посетивших Москву в 1935 году и имевших возможность убедиться в этой обратной «пропорциональности» между евреями и не-евреями в ответственных государственных учреждениях в СССР.

Впечатления эти и наблюдения изложены в книге «Ярмарка Безумия», которую написал англичанин Дуглас Рид, английский журналист, который совместно с Антони Идэном провёл несколько дней в Москве. На страницах 194, 199, 200 этой книги он пишет следующее:

«Два больших британских учреждения, представленных Антони Идэном и мною, никогда до сих пор не посылали своих представителей в Советскую Россию... Ни один государственный деятель не посетил Москву... Моя газета никогда не посылала корреспондентов в Москву из-за советской цензуры. Таким образом, эти два визита были большим событием, каждый в своей области.

Советское правительство неоднократно жаловалось, что русские новости (корреспонденции из Москвы) передавались из Риги и спрашивало, почему газета не пошлёт своего представителя в Москву. Ответ всегда был — цензура...

Таким образом, мой визит имел характер долго ожидаемого и желаемого посещения.

Не пробыл я там и пяти минут, как представители правительства начали споры со мной из-за ничтожных вещей: я написал (в своей корреспонденции), что Идэн проходил по улице, где «молчаливая толпа в затасканной одежде стояла в очередях». Немедленно появился мелкий цензор-еврей и потребовал, чтобы я вычеркнул это выражение (из посылаемой корреспонденции). На это требование я ответил: «Не хотите ли Вы, чтобы я написал, что улицы наполнены буржуями в цилиндрах?»... Он остался непреклонен. Таков культурный уровень цензоров...

Министерство Цензуры, а это значит — вся машина контроля (намордников) для представителей иностранной прессы, было набито евреями, и это меня удивило больше, чем что бы то ни было в Москве. Там не было ни одного не-еврея, а они были те же самые евреи, что и в

Нью-Йорке, в Берлине, Вене или Праге — хорошо упитанные, наманикюренные, с налётом дендизма в одежде.

Мне раньше говорили, что процент евреев в Правительстве небольшой. Но в этом министерстве, которое я узнал очень близко, они были монополистами... Дальше, в той же книге Дуглас Рид пишет так: «А где же русские?.. Надо полагать, это те молчаливые, плохо одетые толпы, что стоят в очередях»...

Другое свидетельство о евреях в государственном аппарате СССР мы находим в книге «От свободы к Брест-Литовску», изданной в 1919 г. в Лондоне, автор которой А. Тыркова-Вильямс, жена долголетнего корреспондента английской газеты «Манчестер Гардиен», Харольда Вильямса, сама журналистка по профессии, принимавшая активное участие в политике в рядах «Конституционно-Демократической партии», состоя членом ЦК этой партии. Вот, что читаем мы в этой книге:

«Среди большевистских заправил было очень мало русских, т. е. мало людей, пропитанных русской культурой и интересом к русскому народу. Никто из них никогда ни в какой области не занимал видных позиций в русской жизни до революции...»

Наряду с просто иностранцами, большевизм привлёк много приверженцев среди эмигрантов, проживших долгие годы в эмиграции за границей. Особенно много среди них было евреев. Они очень плохо говорили по-русски. Некоторые никогда раньше в России не бывали.

Нация, над которой они захватили власть, была им чужда. К тому же они вели себя, как победители в покорённой стране.

Вообще, за всё время революции, а за время большевизма в особенности, евреи заняли всюду очень влиятельные посты. Явление это очень сложное и странное. Но факт остаётся; например, с выборами в первый и второй советы (1905 и 1917 гг.) — знаменитое трио: Либер, Гоц и Дан.

В Советской Республике все комитеты и комиссариаты были заполнены евреями. Они часто меняли свои еврейские имена... Но этот маскарад никого не обманывал. Скорее наоборот, псевдонимы комиссаров подчёркивали интернациональный и даже иностранный характер большевистской власти.

Конечно, были среди большевиков и русские — рабочие, крестьяне, солдаты. Ленин, Луначарский, Бонч-Бруевич, Коллонтай, Чичерин — влиятельные большевики по происхождению тоже были русские ...

Но доминирующий класс, который очень быстро выкристаллизовался кругом большевиков, в большинстве своём состоял из инородцев, людей чуждых русскому народу. Этот факт, возможно, был полезен для них, чтобы держать в подчинении массы, т. к. большевистская

Дед Ленина по матери Израиль (после крещения Александр) Бланк был евреем (см., напр., В. Солоухин. При свете дня, М.,- 1992, стр. 28-31; П. Васильев. О еврейских предках Ленина, Буэнос-Айрес, 1964). «Луначарский-Хаимов родился... в еврейской семье» («Мол. гвардия», № 12, 1994, стр. 189). У многих других революционеров с русскими фамилиями матери были еврейками. (Прим. изд-ва «Благовест»),

автократия была построена на их абсолютном презрении и пренебрежении к народу, которым они управляли». (Стр. 207-299 книги «От свободы к Брест-Литовску».)

*

Какова же была численность еврейской этнической группы в пределах СССР во второй половине 30-х годов, т. е. в годы максимального заполнения евреями всех отраслей жизни страны? Дать абсолютно точные цифры нет возможности по целому ряду причин: много евреев приняло типично русские псевдонимы и выступают под псевдонимами; ещё больше совершенно официально переименовали свои еврейские фамилии. Целые страницы «Известий» в начале 20-х годов были заполнены сообщениями о перемене имён и фамилий, что законом разрешалось и не было сопряжено с какими бы то ни было расходами и волокитой. Кроме того, надо иметь в виду, что при переписи населения рубрики «вероисповедание» вообще не было, а ответить на вопрос о «национальности» предоставлялось самому опрашиваемому. Пользуясь этим, немало евреев, не меняя своей фамилии, могли заявить, что они «украинцы», «русские», «белорусы»...

В статистических сводках в рубрику «евреи» без какой-либо проверки зачислялись все те, кто при переписи сами назвали себя и своих несовершеннолетних детей «евреями». Естественно, что при таком способе проведения переписи некоторое число настоящих евреев не попадало в рубрику «еврей», и тем уменьшалось абсолютное число евреев, пребывавших в СССР.

Возможно, что чисто еврейские организации вели свою собственную статистику, более точную, чем официальная советская, но в статистических исследованиях никаких данных об этом нет.

Предположение это не невероятно. Не так давно, в 1965 году в США, в Нью-Йорке, объединение чисто еврейских организаций выступило с обвинением правлений 50 нью-йоркских банков в том, что они не допускают на руководящие посты и в состав правлений евреев или, если и допускают, то в процентном отношении, которое не соответствует проценту евреев — жителей Нью-Йорка. По утверждению еврейских организаций, в Нью-Йорке 25 % жителей составляют евреи, а на руководящих постах в банках евреи составляют всего от двух до трёх с половиной процентов. Дальше в этом обвинении стоит, что в 82 % нью-йоркских банков на ответственных местах нет евреев, а в 60 % банков нет евреев в числе членов правлений.

Все, приведённые выше цифровые данные есть результат секретного четырёхмесячного обследования племенной принадлежности 1250 высших служащих и членов правлений в 50 банках Нью-Йорка. Это обследование произвели восемь служащих еврейской центральной организации.

Председатель объединения банков Нью-Йорка Остин С. Морфи на это ответил, что банки не знают и не интересуются, кто из их служа-

ших, директоров или членов правления еврей, а кто нет. В анкетах и личных делах служащих нет рубрик о расе, происхождении, цвете кожи, вероисповедании, что должно бы было быть известно еврейским организациям. Как и на основании каких данных еврейские организации пришли к приводимым ими цифрам и процентам — неизвестно. (Напечатано в «Хералд Трибюн» 21 октября 1965 года).

После этого ответа объединённые еврейские организации этого вопроса больше не поднимали на страницах печати, хотя, конечно, это не значит, что вопрос этот окончательно снят с очереди.

Приведённый выше случай показывает насколько внимательно и организованно евреи следят за всеми успехами и неудачами своих единоплеменников во всех странах мира.

Так, например, в Лондоне регулярно выходит бюллетень «Евреи и еврейский народ» — сборник материалов из советской печати (на русском и английском языках). В этом бюллетене приводятся все данные о назначениях, производстве в чины, наградах, орденах, получаемых евреями — гражданами СССР за отчётный период (обычно трёхмесячный). Начиная от генералов и кончая знатными доярками и героинями труда — еврейками. Приводимые данные комментируются и подчёркиваются, если, по мнению евреев, их единоплеменники недостаточно награждены и продвинуты в СССР.

Учитывая всё изложенное выше, при установлении числа евреев в СССР приходится исходить из официальной советской статистики, делая при этом поправку на тех евреев, которые провозгласили себя «русскими», «украинцами», «белорусами» или представителями какой-либо другой национальности.

Поданным, опубликованным в 1939 году в ежегоднике «Еврейский Мир» (очерк С. Познера), число евреев в СССР в 1935 году было 2 900 000, что составляло 1,8 % всего населения государства. Надо полагать, что в действительности их было несколько больше, но насколько больше — неизвестно. Предположительно их было не меньше 3 000 000.

Вот эти-то три миллиона евреев и дали из своей среды почти весь правящий класс двухсотмиллионного Советского государства, что с предельной очевидностью явствует из списков, помещённых в настоящем труде, а также из приведённых выше высказываний и свидетельств наблюдателей-иностранцев.

В первый период — период захвата власти над Россией — особых знаний, образования, опыта, квалификации для занятия ответственных и руководящих постов во всех областях жизни государства не требовалось. Для этого достаточно было напористости, самоуверенности, верности Партии и, конечно, родственной и племенной близости с теми, кто составлял ядро власти.

Но когда власть была захвачена, новый правящий класс столкнулся с необходимостью для занятия ответственных постов иметь и соответ-

ствующее образование, которого не было у разных «активистов», которые с храбростью невежества брались решать все вопросы.

Дореволюционная интеллигенция и крупные специалисты были безжалостно истреблены, а тем из них, которые уцелели, новая власть не доверяла. Если кого и принимали на службу — к нему приставляли «комиссара», который, ничего не зная и не понимая, только тормозил работу.

Надо было создавать свою интеллигенцию, кадры образованных людей из тех групп населения, в верности и преданности которых новой власти не могло быть сомнений. Группы эти были почти всё еврейство и те многочисленные активисты, которые выдвинулись в начале революции и были беззаветно преданы новой власти.

Обеспечивши себя от опасности проникновения в ряды образованных людей элементов «социально чуждых» (т. е. ненадёжных), недопуская таковых в высшие учебные заведения, и сделавши исключение для евреев, как представителей «угнетаемой и преследуемой» при старом режиме нации, было приступлено к созданию новой интеллигенции, новой элиты страны.

Теоретически она должна была быть создана из людей «от сохи и станка», для чего даже были созданы так называемые «рабфаки» для подготовки этих активистов к прохождению курса в высших учебных заведениях.

Во что вылилось это практически, показывают статистические данные о племенном составе студентов высших учебных заведений в СССР. По данным С. Познера («Еврейский Мир», 1939 год), евреев-студентов в высших учебных заведениях было **больше 20 процентов (20,4 %)**, в то время, как еврейская этническая группа составляла **меньше 2 процентов (1,8 %)** по отношению ко всему населению СССР.

Если сравнить процент студентов на тысячу душ населения, то получим:

На одну тысячу русских было студентов (русских) — 2,8.

На одну тысячу украинцев — студентов (украинц.) — 2,00.

На одну тысячу белорусов — студентов (белорус.) — 2,4.

На одну тысячу евреев — студентов (евреев) — 20,4.

Приведённые выше данные относятся к 1935 году. В следующее десятилетие процент евреев-студентов неуклонно рос. Точных данных о проценте студентов-евреев не имеется. Есть только косвенные указания на это. Так, например, бывший московский студент Давид Бург в своей статье «Еврейский вопрос в СССР» (помещённой во II части этой книги как Приложение) сообщает, что процент студентов-евреев на одном из технических факультетов Москвы перед войной был равен 40 %. А по многочисленным сообщениям лиц, бывших студентами в те времена, процент студентов-евреев был значительно выше.

Обстоятельство это не могло не вызывать соответствующих настроений среди остальной, не-еврейской, массы студенчества. Студен-

ты-не-евреи, равно как и всё население страны, отлично понимали, что если рост процента студентов-евреев продолжится таким же темпом, как это шло до войны, то в недалёком будущем студент-не-еврей станет редкостью в высших учебных заведениях страны.

К этому надо добавить и ещё одно обстоятельство: при сдаче экзаменов неудовлетворительная оценка знаний студента-еврея могла вызвать обвинение профессора в «антисемитизме» — в отрицательно-пристрастном отношении к студентам-евреям, чего профессора не могли не бояться. Конечно, это бывало не всегда и не везде. Но бывало. И нередко. При сдаче экзамена студент-еврей обнаруживает своё незнание и неподготовленность. Экзаменатор высказывает своё мнение. В ответ студент-еврей говорит: «Это потому Вы меня режете, что я еврей»... Смущённый профессор задаёт ещё несколько «детских» вопросов, на которые не ответить трудно... А потом ставит удовлетворительную отметку, и студент-еврей, с видом победителя, возвращается на своё место...

О подобных способах сдачи экзаменов рассказывают бывшие студенты высших учебных заведений СССР, каковых немало оказалось вне границ СССР после последней войны. Об этом же явлении рассказывают и бывшие профессора... Конечно, не иностранцам-евреям, а своим, русским, которым они скажут то, чего не скажут еврею, как пишет в своей книге С. Шварц.

Зная всё вышеизложенное, не приходится удивляться сообщению С. Шварца, что студенты требовали введения для евреев процентной нормы, как об этом более подробно рассказано в предыдущем изложении.

Нельзя не учесть и ещё одно обстоятельство. Подавляющее большинство студентов-евреев в материальном отношении были в лучшем положении, чем остальные студенты. По той простой причине, что они были дети или родственники людей того правящего класса, который был обеспечен и мог, если не содержать полностью, то, во всяком случае, помогать весьма существенно своим детям или родственникам-студентам.

Все эти обстоятельства содействовали тому, что студенты-евреи быстро кончали университеты и институты и, получивши диплом, легче, чем другие, устраивались там, где они хотели.

Новый правящий класс быстро подготовил себе «смену», которая теперь уже не только по признаку «активности», а на основании дипломов заполнила советские учреждения. Заполнила настолько, что даже в половине 50-х годов, т. е. почти через десять лет после того, как в СССР евреи постепенно стали терять свои монопольные позиции, Катерина Фурцева, министр народного просвещения СССР, на собрании студентов Московского Университета заявила, что и сейчас есть Министерства, в которых больше половины служащих — евреи. Надо полагать, что Фурцева сказала правду, ибо её утверждение никогда не

ыло опровергнуто в еврейской печати, которая содержание речи Фурцевой напечатала.

Правда, к тому времени, т. е. к половине 50-х годов, под давлением настроений всего населения СССР, после войны и создания государства Израиль, в целях государственной безопасности евреи были сняты с руководящих постов и прежнего доверия к ним не было. Но их никто не преследовал, и учреждения, заполненные раньше до отказа евреями, только постепенно начали пополняться представителями коренного населения России. Насколько медленно шёл этот процесс, видно из неопровергнутого утверждения Фурцевой.

После 30-ти лет управления Россией (ими же переименованной в СССР) евреи перестали быть правящим классом, но их никто не уничтожал, как они в своё время поступили со свергнутым правящим классом дореволюционной России, который был частично уничтожен физически, а уцелевшие превращены в лишенцев.

Посмотрим теперь, что сделал этот правящий класс за время своего привилегированного положения, и как он поступил с огромным культурным наследством великого народа, попавшим в его руки.

Ценности материальные, оказавшиеся в руках нового правящего класса после его прихода к власти, были огромны, неисчислимы.

«Весь «кристаллизованный труд», превращенный в капитал в разных его видах и формах, — плод и результат грабежа капиталистами трудящихся» — так поучали на митингах разные ораторы всех калибров и оттенков... И бросали в тёмные массы зажигательный и возбуждающий лозунг: «Грабь награбленное!»...

И начался всероссийский грабеж, называемый тогда «социализацией», «национализацией», «реквизицией»... Грабили все и всё. Начиная с носильных вещей, нательных крестов и обручальных колец и кончая драгоценностями и бесценными произведениями искусства... Ведь всё это было «награбленное», «народное»...

Сколько всего награблено — ни счесть, ни учесть невозможно и вряд ли когда-либо сможет быть установлено.

Куда шло награбленное — об этом судить можно только на основании косвенных данных и воспоминаний активных участников этого всероссийского грабежа. Так, например, в газете «Новое Русское Слово» в 1965 и 1966 году есть указание, кто и как распоряжался социализированными драгоценностями. Пространная выдержка из воспоминаний участников приведена во II части этой книги — Приложения («Социализированные драгоценности и их применение»).

В Тегеран в первые послереволюционные годы прибывали целые вагоны или грузовые автомобили с серебром, продававшимся как «лом» по весу. В то время в Персии были серебряные туманы. На одну чашку весов помещали серебряный «лом», а на другую — одинаковое

по весу количество серебряных персидских монет. Шло килограмм за килограмм...

Этот серебряный «лом» были сорванные с евангелий и икон оклады и ризы, а также разные изделия из серебра: подстаканники, столовая посуда, лампы и т. д. Было очень много среди этого «лома» изделий работы известных русских ювелиров: Хлебникова, Овчинникова, Фаберже...

Более ценное и более портативное шло в крупные антикварные магазины Европы и Америки и продавалось, разумеется, не на вес...

Ещё и теперь, через столетия, у разных антикваров и на аукционах время от времени появляются драгоценности, иконы, художественные произведения, происхождения, несомненно, российского. Но пути и способы, как это всё попало к продавцам, — неизвестны. О них можно только догадываться.

Капиталистический мир, так ревниво оберегающий частную собственность и строго карающий её нарушителей, в этом случае закрывал глаза на происхождение продаваемого и охотно покупал то, что было «заведомо краденное», не задавая нескромных вопросов.

Не было ли это, правда косвенным, оправданием всероссийского грабежа и признанием права распоряжаться тем, кто стоял тогда у власти?

Здесь уместно будет вспомнить случай с держателями полисов страхового общества «Россия», часть капиталов которого находилась в США. Несколько эмигрантов, имея полисы на руках, по которым они имели неоспоримое право получить известные суммы со страхового общества «Россия», обратились в американский суд с просьбой о выплате причитающихся им денег из капиталов «России», находящихся в банках США. Суд вынес решение о выплате. Но в дело вмешалось правительство США и «разъяснило», что ещё в 1918 году страховое общество «Россия» декретом советской власти было социализировано, а потому в иске надлежит отказать... Это однако не помешало замороженные в США капиталы страхового общества «Россия» употребить на удовлетворение претензий, аналогичных претензиям русских эмигрантов, но предъявленных лицами, имевшими американское гражданство в момент писания декрета о социализации.

Кроме драгоценностей, камней, золота, серебра и предметов искусства, которые легко можно было разбазарить по всему миру, новому правящему классу как добыча после захвата власти достались и бесценные сокровища — национально-исторические и культурные памятники великого народа и его тысячелетней культуры: монастыри, храмы с бесценными фресками, созданные целыми поколениями, места и центры, где творилась русская история, русская культура. Всё то, что каждый народ бережёт и лелеет, как неотъемлемую часть своего прошлого.

Для новых властителей страны всё это было не только чужое и чуждое, но и вредное и даже опасное. Оно напоминало о тех временах, когда Россией правили русские, когда за стенами монастырей отсиживались от набегов врагов, когда в монастырских кельях писались летописи, выковывалось русское национальное миропонимание и правосознание.

А потому новая власть, не будучи в состоянии продать и разбазарить эту часть достояния всей России и всего русского народа, с исключительным ожесточением принялась за уничтожение.

Дело это было поручено Губельману, принявшему псевдоним «Ярославский» и занявшемуся осквернением и разрушением храмов, кощунственно-издевательскими выступлениями, возглавляемых им «воинствующих безбожников», глумлением над всем тем, что было свято и дорого народу.

Сколько на просторах России было уничтожено, испакошено, осквернено неповторимых и незаменимых памятников русской культуры и неразрывно с ней связанного Православия — ни учесть, ни перечислить невозможно. Может быть, это сделают грядущие поколения. Нам же не только нужно, но и должно это помнить... И то, что сейчас среди молодёжи в СССР появляется повышенный интерес к прошлому своего народа доказывает, что не так легко убить в народе его национальный дух, сознание.

Русская, точнее российская, культура (литература, искусство, наука) в начале нынешнего столетия занимала, если не первое, то, несомненно, одно из первых мест в мире. Культурная элита выросла и была воспитана в гуманных и либеральных традициях рубежа 19-го и 20-го столетий одинаково чуждых и ксенофобии французов, и сухому и высокомерному делячеству англо-саксов, и самомнению и напыщенности немцев. Она носила в себе зародыши космополитизма и потому так легко и свободно принимала в свою среду представителей всех племён, рас и народов.

Русский национализм был в латентном состоянии и «национальное отталкивание», ярко проявляемое у других народов, среди русской культурной элиты почти отсутствовало.

Этим обстоятельством, надо полагать, и объясняется необычная лёгкость, с которой элементы инородные и иноплеменные сначала проникли, как равные, в ряды русской культурной элиты, а после 1917 года почти полностью захватили в свои руки руководящие позиции во всех отраслях культурной жизни России.

Захват этот произошёл как-то незаметно. А когда российская элита себя национально осознала — было уже поздно. Новый правящий класс с редкой энергией и целеустремлённостью устремился на борьбу с историческим прошлым России, в чём и преуспел в первые четверть столетия своей власти. Даже самые слова «Россия», «русский» оказа-

лись под запретом, а за малейшее проявление недовольства этим новым курсом культуры, уличённый или просто заподозренный в этом, легко мог попасть в места не столь отдалённые...

Преподавание русской истории и с ней связанных предметов, как в средней, так и в высшей школе стало, профессией небезопасной. История России менялась и приравнивалась к новому курсу. Менялась часто и надо было зорко следить, чтобы не впасть в ересь... В печати советской, разумеется, об этом не писалось. А в печати мировой, если об этом и писалось, то одобрялось, ибо это считалось борьбой с русским шовинизмом и искоренением остатков «квасного патриотизма»...

И только в 1966 году в книге американского историка-исследователя Вествуда «Россия 1917-1964 годов» можно прочесть следующие правдивые строки: «коммунисты боролись не столько с белыми, буржуазией, кулаками или фашистами, сколько с историческим прошлым России».

Это, может быть, первый случай, когда правильно подмечена и отчётливо сформулирована главная цель правящего класса, заключающаяся в искоренении в сознании народа чувства своей национальной принадлежности и превращения новых поколений в «советских людей» с психологией «безродного космополита».

Понимая и учитывая огромное значение для внедрения в умы своих идей, новый правящий класс сразу же после прихода к власти, во-первых, во всей стране запретил все периодические издания некоммунистического направления, а, во-вторых, во главе всех газет и журналов поставил своих людей, не только политических единомышленников, но и своих единоплеменников. (Чтобы не перечислять здесь всех редакторов влиятельнейших газет и журналов СССР в разные периоды власти нового правящего класса рекомендуется заглянуть в соответствующие списки, помещённые в этой книге — на стр. 244 и 414).

Новые руководители печати в СССР сразу же стали проводить основную линию прибывшей из-за границы головки III Интернационала — неуклонную борьбу с историческим прошлым России.

Борьба эта шла широким фронтом. Кроме периодической печати, всячески охаивавшей прошлое русского народа и созданного им великого государства, этим же делом занялась и литература того времени, а также весь огромный аппарат «народного просвещения», стремившийся воспитать новые поколения в полном незнании прошлого своего народа и страны...

Расчёт был на создание «нового человека», не помнящего своего родства, не знающего и не понимающего, что такое родина, человека интернационального.

И всё, что этому новому курсу воспитания могло мешать, подвергалось запрещению и уничтожению. Разные скоморошествовавшие приспешники правящего класса «метлой выметали русских классиков и прочую дребедень, засоряющую мозги пролетария». Пушкин был под запретом, не говоря уже о Достоевском, Лескове и других корифеях

русской литературы... Диктатором в литературе стал племянник Свердлова — Леонид (Лейба) Авербах, деятельность которого описана в отдельном приложении в части II настоящего труда (см. «Лёнька и железный Генрих», стр. 419-422).

Целый легион новых «советских писателей и журналистов»-евреев появился на авансцене литературной жизни, в дополнение к тем евреям, которые и раньше заполняли страницы русских газет и журналов, как, например. Багрицкий, Сильвинский, Бабель, Катаев, Петров, Шкловский, Герман, Ильф, Каверин, Лидин, Гольдберг, Левидов, Инбер (сестра Троцкого), Финк, Рубинштейн, Кольцов, Никулин, Киршон и множество других.

В результате, во второй половине 30-х годов среди «русских» (советских) журналистов, писателей было так же трудно найти русского, как и среди многочисленных «русских» (советских) дипломатов, торговцев и остального персонала Министерства Иностранных Дел.

Та же самая картина наблюдалась и в области искусства: музыки, театра, кинематографа... Перечислить всех не разрешает объём настоящего труда, а также и то, что многие выступали под русскими псевдонимами.

Население России молча наблюдало всё происходящее. Но никакое обсуждение создавшегося положения, когда численно незначительное меньшинство, чуждое русскому народу по своему миропониманию и правосознанию, захватило в свои руки почти все руководящие посты в государстве, было немыслимо. А о каких-либо протестах и думать боялись. Ведь это было бы квалифицировано как «антисемитизм» и повлекло бы за собою строгое наказание...

Исследователь вопроса об «антисемитизме» в СССР Соломон Шварц это молчание называет «спадом волны антисемитизма». А С. Познер в «Еврейском Мире» (за 1939 год) сообщает следующее: «Еврейская зарубежная пресса тщательно следила за всеми проявлениями антисемитизма в Советской России, и надо констатировать, могла отметить лишь незначительное количество их. Последние случаи имели место в 1935 и 1936 годах. Еврейское Телеграфное Агентство насчитало в 1935 г. два случая, а в 1936 г. один. Во всех трёх случаях против виновных в антисемитских выступлениях были возбуждены судебные дела, и они оплатились тюремным заключением от двух до пяти лет»... Дальше С. Познер высказывает своё предположение, что «поколение, выросшее за время советского правления, по всей вероятности, свободно от антисемитских настроений, ибо было воспитано вне всякого воздействия расовых и религиозных идеологий»... Но на той же странице С. Познер пишет и следующее: «На 8 всероссийском съезде Советов Молотов говорил о наличии в стране и, как можно было заключить из его слов, в советской администрации, антисемитских чувств, но от имени правительства он грозил за проявление их смертной казнью».

Не следует ли в этом последнем, т. е. в угрозе от имени правительства смертной казнью за проявление «антисемитских» чувств, искать объяснение как того явления, которое С. Шварц называет «спадом волны антисемитизма», так и незначительного количества судебных дел по обвинению в «антисемитизме»? Не страх ли смертной казни замкнул уста населения?... Да так крепко и надёжно, что даже такой знаток «антисемитизма», как Соломон Шварц, не мог распознать этих чувств.

Смертная казнь за проявление враждебных чувств — наказание неслыханное не только в мирное время, но даже в обстановке войны и оккупации...

И не мудрено, что население России молчало и не протестовало против правящего класса и всех его экспериментов над захваченной им Россией...

В то время — во второй половине 30-х годов — этот новый правящий класс широко и всеобъемлюще захватил власть в СССР.

Ближайшим сотрудником Сталина (женатого на еврейке) был его зять Лазарь Каганович. Другой зять, Моисей Каганович, стоит во главе всей тяжёлой промышленности страны. Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД) в руках Гершеля Ягоды и его помощника и заместителя Агранова-Сорензона. Делом сыска ведаёт Лев Беленький. Концлагерями управляет Мендель Берман, ближайшими помощниками которого являются: Яков Раппопорт, Лазарь Коген и Семён Фирин. Всеми тюрьмами страны ведаёт Хаим Апетер. Политическое Управление Красной Армии в руках Янкеля Гамарника и Мойсея Владимировского. Внутренняя торговля производится под управлением И. Вейцера, а кооперация — И. Зеленского (еврея). Государственным Банком и всеми ценностями страны распоряжается Лев Мариазин. Лёгкая промышленность в руках И. Любимова (Козлевского). Продуктами питания для всего государства распоряжается Мойсей Калманович. Транспорт и все пути сообщения в ведении зятя Сталина Лазаря Кагановича, при котором в должности Главного Прокурора Транспорта состоит Сигал. Всё управление строительными материалами СССР возглавляет Самуил Гинзбург. Вся металлургия страны в руках А. Гуревича. Во главе треста «Руда СССР» стоит Трахтер; треста «Калий СССР» — Цифринович; треста «Кожа СССР» — Маргулис.

Главные предметы вывоза из СССР за границу находятся тоже в руках евреев: «Экспортхлеб» — Абрам Кисин, «Экспортлес» — Борис Краевский.

Председателем Торговых Палат СССР состоит Саул Брон, ближайшие сотрудники которого тоже евреи. Вся внешняя торговля — Арон Розенберг.

Возглавляет борьбу с религией, как уже упомянуто, еврей Губельман, а литературу — Л. Авербах.

Периодической печатью руководит Собельсон-Радек, слабо владеющий русским языком, дающий директивы редакторам газет и журналов.

Правительственное телеграфное агентство (ТАСС) в руках евреев Вайсберга, Гинзбурга (Кольцова), Шацкого, Цехера, Хейфеца и других.

Перечисленные выше лица находятся также и в более подробных списках, помещённых в этой книге как «Приложения». Здесь же они приводятся, не боясь повторений, для вящей наглядности, кто в то время распоряжался всеми ресурсами СССР, равно как и его культурной жизнью.

Но в то же время этот правящий класс ревниво оберегал «национально-культурную» жизнь своих единоплеменников, создавших некое государство в государстве, назвавши его «национально-персональной автономией», никого не допуская (кроме евреев) вмешиваться во внутренние дела этого государства в государстве, не имеющего ни своей территории, ни языка.

Национально-персональная автономия (Государство в государстве)

Прежде чем перейти к краткому изложению сущности того, что называется «национально-персональной автономией», и результатов её проведения в жизнь в СССР, необходимо уточнить понятия: «нация», «национальность».

Понятие «нация», как показывает самое название, происходит от латинского слова «натус», что значит «рождённый». Так, совершенно правильно, в русском языке существовало и существует равнозначное слово «народность». Говорилось также «племенная принадлежность».

Существовало и существует в русском языке и слово «подданство», равно как и слово «гражданство», наряду с «народностью» или «племенной принадлежностью».

В государствах с однородным по племени языку и культуре народонаселением понятия «национальность», «народность», «племенная принадлежность», «подданство-гражданство» могут быть заменяемы одно другим, не влияя на точность определения.

Но далеко не все государства имеют монолитное в смысле племенном народонаселение. В таких государствах необходимо строго разграничить понятия «гражданство-подданство» от понятий «национальности», «народности», «племенной принадлежности».

Подданный России или гражданин Союза Советских Социалистических Республик — не значило ещё, что данное лицо есть русский или даже славянин.

Гражданин Франции не обязательно и француз по национальности. Или гражданин государства Израиль — еврей. Есть там и арабы. В США есть чернокожие, краснокожие, желтокожие и белые «американцы» или, как часто говорят, «люди американской национальности».

Россия дореволюционная была многоплеменна. СССР — тоже многоплеменное государство. Все племена или народы-народности, составляющие народонаселение СССР, имеют и свои территории, которые теперь принято называть «национальными территориями». Одна только народность — этническая группа в СССР при его образовании не имела своей «национальной территории» — это еврейская этническая группа, составляющая меньше 2 % всего народонаселения и рассеянная по всей территории страны.

До революции все народности и племена России, считаясь русскими подданными, были равноправны и никаких ограничений не испытывали. Единственно по отношению к евреям существовали некоторые ограничения в правах, но не по признаку племенной принадлежности, а только по признаку вероисповедания. Еврей, порвавший с иудейской религией, автоматически получал все права наравне с остальными подданными Российской Империи.

После 1917 года централизованное раньше Российское Государство начало перестраиваться в административном отношении в федерацию отдельных территорий, населённых разными народностями России, за каждой из которых было признано право на самоопределение, вплоть до отделения.

И все народности, в той или иной степени, это своё право на самоопределение осуществили, создавши «национальные республики» или «автономные области». Конечно, по указанию и под руководством коммунистической партии, и «национальные по форме, но социалистические по содержанию».

Только евреи не могли это сделать по той причине, что они не имели своей территории и не были «нацией», а только «этнической группой».

В демографии, в специальной литературе, существует немало определений слов «нация» с перечислением признаков, необходимых для этнической группы для того, чтобы она могла быть признана «нацией».

Самое короткое определение, данное известным английским историком Карлейлем, сказавшим, что «нацию составляют земля и предки».

Итальянский учёный Манчини (половина 19 века) даёт такое определение: «Нация есть натуральное общество людей, при единстве территории, происхождения, языка, приспособленного к жизненному общению, и социального сознания».

Сходное определение понятия «нации» мы находим и в произведениях коммунистических авторов, как до революции, так и после. Гласит оно так: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».

Это последнее определение было впервые напечатано в 1913 году, повторено в 1929 году и ещё раз повторено в 1960 году. А посему есть

все основания считать это определение догмой марксистов-коммунистов.

Совершенно очевидно, что ни под одно из приведённых определений еврейская этническая группа подойти не могла из-за отсутствия своей земли — территории. Хотя она и обладала исключительно отчётливо выраженной «устойчивостью» и «особенностями психического склада». (По определению проф. Соломона Лурье — «духовного облика», отличающего всех евреев от всех остальных народов мира).

Сами же евреи, находясь в рассеянии и даже говоря на разных языках, «считали себя народом-государством со своими законами, но не имеющим своей территории» (определение проф. Лурье).

В своё время в Польше это положение было регламентировано «Калишский Статутом», по которому евреи жили в Польше, придерживаясь «своих законов», в содержание которых Польша не вмешивалась. (Смотри стр. 33 настоящей книги).

Нечто подобное Калишскому Статуту, только со значительными изменениями в пользу еврейской этнической группы, и была та «национально-персональная автономия», которая была выдвинута евреями России ещё в годы первой революции (1905), а осуществлена только после второй революции — 1917-го года.

Изменения эти состояли в том, что евреи, в отличие от положения в Польше, получили все гражданские права, одинаковые с остальным населением (чего не имели в Польше), но в то же время сохранили замкнутый характер еврейской этнической группы в области еврейской «национально-культурной-религиозной жизни» и в быту имели возможность жить по своим, еврейским законам, например, иметь свои отдельные кладбища, что в СССР не разрешалось никому, кроме евреев.

Удовлетворение культурных нужд, таких, как театры, газеты, школы в «национальных» республиках и областях оплачивались из бюджетов соответствующих республик и областей. На бюджеты этих же областей пали и расходы по «национально-культурному» обслуживанию групп евреев, проживающих на территории разных национальных республик и областей.

И если в какой-либо город государства приезжало и поселялось на жительство значительное количество евреев — там создавались и чисто еврейские культурные институции — театры, газеты, по желанию евреев, и школы на еврейском языке. Всё на средства города или соответствующей национальной республики или области.

За тем, чтобы всё это неукословно проводилось, следила и заботилась «Евсекция» коммунистической партии. Отдельной еврейской коммунистической партии, как это было, например, с украинскими коммунистами, оформившимися как У КП (в начале советской власти), не было. Против этого решительно восстал Сталин, считавший, что евреи не есть «нация», а потому и создавать еврейскую «национальную» коммунистическую партию не могут. Её отсутствие компенсировалось

наличием «Евсекции», которая фактически вела все «еврейские дела» в СССР, подобно тому, как некогда в Польше это делал «Еврейский Сейм». Конечно, судить в синагогах и приводить в исполнение приговоры не разрешалось. Но все «дела» и «конфликты» в плоскости «национально-культурно-персональной» автономии «Евсекция» проводила и разрешала в духе и смысле законов народа израильского.

Всемерная помощь и содействие правительства «Евсекции» было обеспечено и деятели её были старыми партийными товарищами по «Бунду» многих советских вельмож.

Первым мероприятием «Евсекции» было учреждение в Москве «Еврейского Телеграфного Агентства», сокращённо ЕТА.

Минуя официальное телеграфное агентство — «ТАСС», ЕТА посылало свои сообщения за границу в те органы печати, в которые оно хотело, например, в «Нью-Йорк Тайме». Ни одна другая национальная группа такого агентства и возможности непосредственно сообщаться с заграницей не имела, хотя немало украинцев, грузин, армян имели постоянное жительство в Москве, а на верхах Партии и Правительства — своих единоплеменников. Эту привилегию имели только евреи и пользовались ею для поддержания постоянной и регулярной связи с остальным еврейством, рассеянным по всему миру.

Освещая всё происходящее в СССР, со своей, еврейской точки зрения, ЕТА, несомненно, в значительной степени оказывало влияние на настроения широких кругов мировой общечеловечности, не-еврейской, но читающей газеты, находящиеся в руках или под влиянием евреев. И нельзя не признать, что роль ЕТА в деле формирования мнения всего мира об СССР и всём, там происходящем, была огромна.

Но вместе с тем огромна была и ответственность при наличии односторонних и пристрастных сообщений, что случалось нередко. Политика многих государств в так называемом «русском вопросе» была и есть в прямой зависимости от мнения о том, каково положение евреев и отношение к ним правительства (России или СССР).

В первые тридцать лет советской власти главным осведомителем всего мира о положении евреев в СССР было главным образом ЕТА. Впоследствии, после закрытия ЕТА и облегчения возможности посещения СССР и переписки с родственниками и знакомыми, осведомителями стали многочисленные «специалисты по русскому вопросу», почти исключительно русские евреи, заполнившие разные учреждения в разных государствах.

Кроме связи с остальным еврейством диаспоры, осуществлявшейся через ЕТА, «Евсекция» развивала свою деятельность и в других направлениях. Прежде всего в заботе и попечении о процветании и развитии еврейской национальной культуры в пределах СССР, а также о максимально возможных в условиях коммунистического режима поправках иудейской религии при общем курсе на атеизм и воинствующее безбожничество.

Надо принять во внимание, что среди активных деятелей «Евсекции» было очень много бывших еврейских «социалистов-сионистов» и «бундистов», значительная часть которых, если не все, были, по словам М. Слонима, «часто встречающийся в действительности тип еврея-коммуниста, фанатически верившего в учение Ленина и странным образом сочетавшего заветы Библии или Талмуда с требованиями и доктриной коммунистической церкви».

Зная это, станет понятно, что почти через двадцать лет после начала безбожнической деятельности Губельмана-Ярославского в Москве можно было наблюдать сцены из религиозной жизни евреев, которые вовсе не подтверждали официальный курс на искоренение религии из быта.

В сборнике «Еврейский Мир» за 1939 год можно прочитать следующее: «В Москве три синагоги открыты, это — Большая, бывшая Поляковская и в Марьиной роще. Сохранилось в Драгомилове и особое еврейское кладбище, которым ведаёт «хевре-кадише» при большой синагоге. Имеется при ней и «бет-га-мидраш», где можно увидеть за фолиантами Талмуда старцев, убелённых сединами, и несколько юношей, мечтающих уехать в Палестину.

Как в доброе старое время, в синагогальных правлениях идёт борьба «партий», ведутся избирательные кампании, и дело иногда не обходится без поклёпов на противников, доходит и до вмешательства в общественные дела властей. Так, в Москве недавно «оппозиция» правления Большой синагоги обратилась к Моссовету по поводу выпечки мацы, указывая на неправильность действия заправил. Результатом было то, что Моссовет, заинтересовавшись делом, пришёл к выводу, что выпечка мацы — вещь весьма прибыльная и сам занялся ею».

Сомневаться в точности приведённого выше описания не приходится. А у читателя, не-еврея, естественно, возникает вопрос: «А как же обстояло дело с куличами и пасхами в эти же годы в Москве?»...

Как всем хорошо известно, в те годы (конец 30-х) не только Моссовет не занимался производством куличей и пасох, но этим не смели заниматься и отдельные семьи в Москве и во всём СССР.

В бюллетене ЕТА от 9 сентября 1938 года мы читаем следующее: «Накануне последних еврейских праздников 1938 года «Эмес» (газета на еврейском языке в Москве) в передовой статье жаловался на то, что «еврейские клерикалы», оказывающее большое влияние на религиозную жизнь населения, обращают особое внимание на точное соблюдение религиозных предписаний и праздничных обычаев. «Раввины и их последователи, — писал коммунистический орган, — усиленно агитируют за обрезание новорождённых, соблюдение субботы и кошерную кухню. Они делают хорошие дела с их погребальными братствами. Эти братства, не будучи признаны законом, существуют во многих городах во вред советским гражданам. Попытки устраивать хедеры и эшиботы отмечались прессой много раз».

В «Еврейском Мире» за 1939 год можно прочитать ещё и следующее: «Эмес» писал, что кое-где дело доходит до того, что в еврейские праздники еврейские дети не ходят в школу и их за это не преследуют; что, например, в колхозах Сталинградского округа евреи невозбранно совершают обряд обрезания. Первый подал тому пример ударник колхоза «Озет» Радун, а за ним последовал ударник колхоза «Трудовик», а затем и другие. На Пасху евреи повсеместно пекут мацу, и в указанном округе пример тому подал секретарь компартии Рабинович». (Бюллетень ЕТА, 10 августа 1937 года.)

Приведённые выше выдержки из еврейских источников свидетельствуют, что не так уж сильно было давление советской власти на евреев, если они в конце 30-х годов имели и свои отдельные кладбища, чего не имели остальные граждане СССР, могли безнаказанно не посылать детей в школу в еврейские праздники, совершать обрезания, печь мацу, иметь особые похоронные братства, делающие хорошие дела, не будучи признаны законом...

Не было препятствий со стороны новой власти и к самому интенсивному развитию еврейской культуры во всех её проявлениях: литературе, театре, периодической печати на еврейском языке. Наоборот, всё это поддерживалось и поощрялось, в результате чего появился целый ряд писателей, поэтов, журналистов, писавших и печатавших свои произведения на еврейском разговорном языке — «идиш».

В 1939 году исследователь этого вопроса Познер в сборнике «Еврейский Мир» даёт следующие данные: «Из еврейских писателей прежнего времени только Менделе-Мохер-Сфорим и Шолом-Алейхем пользуются бесспорным признанием, почитаются классиками и их произведения издаются с комментариями и вариантами... За годы советского режима появился ряд новых писателей на еврейском языке, среди коих есть люди очень даровитые. Назовём Переца Маркиша, Давида Гофштейна, Итцика Фефера, Квитко, Ноаха Лурье, Эзру Фининберга, М. Тайтца, С. Годи́нера, С. Халкина».

Кроме писателей-евреев, писавших на «идиш», на тот же язык переведены были и изданы (на государственный счёт) и произведения мировой литературы: Шекспир, Гейне, Гёте, Байрон, Бальзак, Гюго, Диккенс, Анато́ль Франс, даже Гомер.

Приведённые выше данные, очевидно, свидетельствуют о всемерном поощрении правительством СССР развития еврейской культуры, а отнюдь не её подавления или преследования, как часто пишут недобросовестные исследователи положения еврейской культуры в СССР.

Никогда за всё время своего рассеяния, ни в одном государстве делу развития еврейской культуры не оказывалось государством такой помощи и содействия, как это имело место в СССР в первые три десятилетия советской власти.

То обстоятельство, что, расходуя народные деньги на переводы и издание на «идиш» произведений Гомера или Шекспира и других иностранных писателей, правительство не поддерживало «хедеры» и

«эшиботы», в которых изучался Талмуд, никакого отношения к еврейской культуре не имеет, хотя евреи и до настоящего времени с этим не согласны и свою, еврейскую, культуру не отделяют от иудейской религии.

Иудейская религия, как и все остальные религии, была провозглашена «опиумом для народа» и с ней велась борьба, но мерами гораздо более мягкими и деликатными, чем она велась с другими религиями.

На развитии же образования на «идиш», а также разного рода научных учреждений на этом языке правящий класс СССР, выделивший из своей среды правительство, не жалел государственных средств. Начиная со школьной сети (включая и средние школы) с преподаванием на «идиш» и кончая «еврейскими отделами» Академий Наук (Белорусской и Украинской).

Но, констатируют сами евреи, «заботы о сохранении и развитии национальной культуры чужды еврейской интеллигенции Советской России. Её мало огорчает то, что еврейские массы не питают должного доверия к еврейской школе и во многих случаях предпочитают посылать детей в школы русские, украинские, белорусские, так что еврейская школьная сеть слабо развивается». («Евр. Мир», 1939 г.)

В 1936 году сотрудник еврейской газеты «Дер Тог», Шульман, посетил СССР, чтобы убедиться, как обстоит дело с развитием еврейской культуры в СССР. В Минске он поинтересовался работами еврейского отдела Белорусской Академии Наук. Во всех других отделах жизнь была ключом, а в еврейском Шульмана поразила мертвящая тишина. Секретарь Академии объяснил ему, что еврейский отдел успевает очень слабо за отсутствием желающих работать в нём. «Евреи-учёные предпочитают работать в русских или белорусских учёных учреждениях», — пояснил секретарь.

В Киеве, где имелся «Институт Еврейской Пролетарской Культуры», широко задуманное еврейское высшее учебное заведение, дело обстояло не лучше. В 1936 году Институт был закрыт «для реорганизации» и долго не открывался. Часть его библиотеки была переслана в Биробиджан, так что Шульман кроме здания ничего увидеть не мог.

А когда он, приехавши в Москву, в разговоре с редактором московской газеты на «идиш» («Дер Эмес») — Литваковым выразил своё удивление слабому развитию интереса к еврейской национальной культуре и отсутствию соответствующей пропаганды и указал, что без пропаганды и социализм не преуспел бы в СССР — Литваков ответил: «Так Вы думаете, что еврейская школа такое же важное дело, как построение социализма?»...

Не проявляли евреи-граждане СССР и большого интереса к прошлому еврейского народа, как это имело место в дореволюционные годы в России. Несмотря на огромные материальные возможности, предоставляемые государством для людей науки, независимо от языка на котором ведётся научная работа, научная работа на «идиш» почти отсутствует. «Приходится констатировать, — пишет еврейский обзор-

ватель, — что лиц, посвящающих себя в Советской России наукам о еврействе — еврейской истории, философии, филологии, этнографии, экономике — очень мало».

По какой причине их мало? Ведь все возможности налицо, а желающих стать учёными-гебраистами нет. Ведь правительство этому не только не препятствует, но, наоборот, содействует.

Ответ на этот естественный вопрос дан утверждением еврейского журналиста, написавшего, что «заботы о сохранении и развитии национальной культуры чужды еврейской интеллигенции Советской России», а «массы потеряли доверие к еврейской школе»...

Логический и психологический отсюда вывод — стремление приобрести к культуре русской, что и происходит, порождая и питая ассимиляционные настроения. Невзирая на противодействие этим настроениям как еврейских клерикалов (раввинов), так, в одинаковой степени, и многочисленных представителей еврейской интеллигенции, не освободившихся от сионистско-социалистических установок прежних еврейских партий «Бунда», «Паолей-Цион» и «социалистов-сионистов-интернационалистов», к которым до революции принадлежало большинство еврейской интеллигенции России.

Атавистический страх нарушения чистоты расы в результате смешанных браков был сильнее всех интернациональных и социалистических программ, последователями и пропагандистами которых были евреи. Это было чувство иррациональное, освободиться от которого еврею было очень трудно.

Не менее трудно было освободиться от чисто иррационального чувства известного «отталкивания» от евреев не-евреям, особенно жителям тех частей России, которые раньше входили в черту оседлости, где коренное население имело много точек соприкосновения с евреями, например, на Украине.

Это отталкивание и было той причиной, которая препятствовала процессу быстрой ассимиляции в результате смешанных браков, и тем самым ликвидации «еврейского вопроса» в границах СССР.

Показательны статистические данные о проценте смешанных браков в разных частях России, заключённых после революции, т. е. когда все препятствия религиозного брака отпали и был введён институт гражданского брака на всей территории СССР.

По данным за 1924-26 годы в районах бывшей черты оседлости — на Украине и в Белоруссии — с огромным процентом еврейского населения было зарегистрировано всего 3,6 % смешанных браков (евреев с не-евреями), а во внутренней России процент этот был 16,8 %.

Приводя эти цифры в «Еврейском Мире» за 1939 год, автор не пытается исследовать причину этого несоответствия процента, а кратко говорит, что «это понятно». На самом же деле это совсем не так понятно, чтобы там, где процент евреев был больше, процент смешанных браков был меньше и наоборот. Понятно это несоответствие становится только тогда, если принять во внимание, что во внутренней России

население евреев не знало и соприкосновения с ними до революции почти не имело, а в черте оседлости население евреев знало и имело по отношению к ним «отталкивание». Кроме того, несомненно, играла большую роль и социальная структура еврейства в черте оседлости и вне её. Евреи, жившие во внутренней России, в большинстве принадлежали к еврейской интеллигенции или буржуазии и в быту не так уже строго придерживались старых еврейских обычаев и охотно общались с русскими семьями.

Но случаи смешанных браков были редчайшим исключением не только в среде еврейской буржуазии и интеллигенции, но даже и среди евреев-революционеров. Все они, как правило, женились только на еврейках, за исключением Троцкого, который был женат на русской. Исключение составляли революционные лидеры-русские, такие, как Авксентьев, Чернов, Сухомлин, Керенский — все они были женаты на еврейках (Керенский — уже в эмиграции).

Еврейство вообще, а не только русское, смотрит на смешанные браки как на начало конца для евреев и всячески против них борется.

В связи с этим заслуживает внимания один случай, имевший место в 1960 году в США. В Филадельфии на большом митинге, посвященном вопросу как бороться с антисемитизмом, выступил приглашённый еврейскими организациями известный английский историк Арнольд Тойнби, который порекомендовал изжить антисемитизм путём смешанных браков...

Совет Тойнби вызвал взрыв негодования многочисленного собрания евреев, усмотревших в этом совете желание уничтожить еврейство. 800 раввинов выступили в печати с протестом против такого способа искоренения антисемитизма в США.

В СССР, как уже упомянуто выше, борьба против антиеврейских настроений велась другими методами — запрещением и строгими наказаниями.

Вопрос смешанных браков советское правительство не интересовало, хотя в нём было множество евреев. Скорее наоборот, смешанные браки одобрялись и сами советские вельможи показывали тому пример: Сталин, Молотов, Ворошилов, дипломаты Крестинский, Трояновский и немало других были женаты на еврейках.

Жизнь брала своё. Разрушенный революцией замкнутый быт евреев, в котором раввины были непререкаемый авторитет, уже не мог быть восстановлен даже при помощи «национально-персональной автономии». К ужасу стариков, еврейская молодёжь начала есть «трефное», ездила в трамваях в субботу, перестала посещать синагоги, начала общаться с «гоями»... Послереволюционное поколение евреев не возвратимо отходило от еврейства и устремлялось включиться в общерусскую культуру.

И никакие усилия «Евсекции» не могли предотвратить этот процесс. Потерялся всякий интерес к изучению еврейского языка, который всё больше и больше переставал быть разговорным языком евреев

в СССР. И по данным последней переписи, 80 % евреев в СССР не умеют не только писать, но и читать по-еврейски-«идиш», не говоря уже о древнееврейском языке.

Еврейская «национальная культура» в дореволюционной России, несмотря на все «ограничения» (или благодаря им), достигла такого расцвета, какого не имела никогда и нигде за всё время пребывания евреев в рассеянии, о чём подробно и с большим знанием вопроса пишет И. Зисман в своей рецензии на «Книгу о русском еврействе» (Рецензия эта полностью помещена во II части этой книги, как «Приложение», стр. 401-406).

Но, как показала жизнь, она была возможна только в условиях самоизоляции евреев, пребывания их в своеобразном добровольном гетто, каковой была до 1917 года еврейская культура русских евреев. Неразрывно связанная с иудейской религией и пропитанная расово-мистическо-схоластическими моментами, в своё время культура эта дала ряд политических деятелей, создавших еврейские партии «Бунд» и «Сионистов-социалистов», сочетавших в себе позитивизм и материализм марксизма с элементами расово-мистическими иудейства.

И когда, с приходом коммунистов к власти, были запрещены все политические партии, не исключая и еврейских, бывшие члены «Бунда» и «С-С» (а также частично и партии «Паолей-Цион») устремились в «Евсекцию» ВКП(б), по линии которой и стали проводить «национально-культурно-персональную» автономию на всех просторах России, не жалея для этого материальных средств всей страны и не считаясь с желаниями и настроениями коренного населения СССР.

В Москве создаётся «еврейское отделение Пролетарского Университета», директором которого назначается Мария Лившиц-Фрумкина («Эстер»), бундовка. В Киеве отводится огромное здание для «Института Еврейской Пролетарской Культуры» (который, как упомянуто выше, закрылся в 1936 г. за отсутствием желающих обучаться в оном). В Минске открывается и содержится на государственный счёт пустующий «еврейский отдел» Белорусской Академии Наук. В городах и местечках со значительным еврейским населением открываются и содержатся школы (включая и средние) с преподаванием на еврейском языке. Еврейский язык признаётся государственным и на нём ведётся судопроизводство в населённых пунктах со значительным процентом евреев, например, в Белоруссии.

В национальных республиках не только разрешается, но и поощряется создание обособленных еврейских профессиональных организаций, членами которых могут быть только евреи, которые в то же время состоят и членами аналогичных профессиональных организаций общегосударственных или республиканских соответствующей советской республики. Так, например, в Киеве, наряду и параллельно с Союзом Украинских Писателей, существует и «Украинский Союз еврейских писателей».

Аналогичных примеров подобного рода «совместительств» можно привести множество.

«Евсеки» — члены еврейской секции ВКП(б) — проявляли необыкновенную активность в деле осуществления и внедрения «национально-культурно-персональной автономии» евреев везде, где к этому предоставлялась возможность, начиная с судопроизводства на «идиш» в Белоруссии и кончая изданием газеты в далёком Биробиджане или еврейских театров в Крыму.

Но «евсеки» старели, и их пыл выдыхался, а смены им не было по причине потери интереса к еврейской культуре у новых поколений, тяготевших включиться в культурную жизнь общероссийскую.

К тому же они начали между собой ссориться и проявлять непривлекательные черты — внутреннюю склоку, подсиживание, доносительство.

Бюллетени ЕТА от 19 июня и 7 августа 1938 года сообщают: «Харьковская газета «Дер Штерн» атаковала виднейших евсеков Москвы — московский «Дер Эмес» отвечал нападкамии на Украинский Союз еврейских писателей. Общее собрание Гезерда в Москве в декабре 1937 года явило позорную картину публичного доносительства на видных евреев-коммунистов, имевших несчастье состоять когда-то членами Бунда, Паолей-Цион, сионистов-социалистов и т. п. В Киеве и Харькове вследствие аналогичных происков были «вычищены» многие видные еврейские писатели — Макс Эрик, Михаил Левитан. Хаим Гильдин и др.»

Подводя итоги положению еврейской культуры в СССР, обозреватели (евреи-эмигранты) констатируют, что «мы присутствуем не при укреплении и развитии еврейской культуры в Советской России, а при истреблении кое-кого из тех немногих её носителей, которые ещё уцелели» (С. Познер). А известный еврейский историк Дубнов пишет: «вырастает поколение, которое не знает своего происхождения и многовекового прошлого».

Оспаривать мнение знатоков этого вопроса, конечно, не приходится. Они совершенно правы, давши такую пессимистическую картину успехов еврейской культуры после двадцати лет её насаждения в СССР.

В дальнейшем этот отход самого еврейства от еврейской культуры ещё значительно усилился за счёт совершенно добровольных ассимиляционных настроений.

Специфические особенности того, что называется «еврейской культурой» были тому главной и основной причиной. Ведь еврейская культура — единственная в мире культура, органически и неразрывно связанная с религией. «Евсеки» же, как коммунисты, религию вообще не признавали и проявление евреями религиозных чувств порицали или, в лучшем случае, относились только терпимо.

И не удивительно, что вся дорогостоящая затея с насаждением еврейской культуры в коммунистическом государстве кончилась полным провалом.

Религиозная жизнь евреев в СССР чахнет, а вместе с ней чахнет и еврейская культура.

Землеустроительная деятельность (Еврейские национальные районы и области)

На протяжении всего многовекового пребывания в рассеянии евреи никогда и нигде не занимались сельскохозяйственным трудом, что вызвало критическое отношение к ним коренного населения.

Ещё до того, как евреи стали подданными России, в Польше, в 18 столетии, делались попытки и разрабатывался закон о включении евреев в сельскохозяйственный труд. Но конкретно в этом отношении ничего не было сделано.

В России в первой половине 19-го столетия правительство само приступило к организации чисто еврейских сельскохозяйственных посёлков на плодородных и богатых, полупустых тогда, землях южной России. Новым поселенцам обещаны были разные льготы, а на постройку изб и прочих хозяйственных строений были ассигнованы соответствующие суммы. Надзор за всем был поручен «Новороссийской опекунской (переселенческой) конторе», в распоряжение которой было предоставлено 30 000 десятин земли.

Здесь следует отметить, что переселенцы направлялись на новые земли только тогда, когда для них уже были построены избы (руками не евреев, а наёмных рабочих). Переселенцам выдавались также и денежные ссуды на устройство хозяйства на новом месте.

В результате этих мероприятий правительства к 1810 году в Херсонской губернии были созданы 8 еврейских сельскохозяйственных колоний, которые насчитывали 600 семейств с 3640 душ населения. На устройство этих колоний правительством было израсходовано 145 000 рублей — огромная по тому времени сумма.

В дальнейшем переселенческая деятельность была сокращена, в результате слабых сельскохозяйственных успехов новых земледельцев-переселенцев, что вызвало сокращение кредитов.

Но самочинное, спорадическое переселение небольших групп евреев ещё продолжалось. Тяжёлые материальные условия жизни в перенаселённых евреями местечках Западного края и Волыни, а также надежда на получение разного рода льгот, в том числе и освобождение от несения воинской повинности (указ 1827 года) толкали евреев на самочинное переселение.

Но конечные результаты всего этого переселенческого движения и попыток правительства «привлечь евреев к земледелию» оказались ничтожны. И еврей-земледельцы к моменту революции 1917 года представляли величину микроскопическую, в «еврейском вопросе» в России в общей шестимиллионной массе русского еврейства никакой роли не игравшей.

Объём настоящего труда не даёт возможности уделить достаточно места более подробному описанию этой попытки создать евреев-земледельцев.

Еврейские сельскохозяйственные посёлки — «колонии», кое-где существовавшие до революции, являли собою картину унылую и безотрадную: небрежно обработанные поля, в жалком виде хозяйственные постройки...

К тому же посёлки эти были разбросаны и нигде не занимали сколько-нибудь значительную территорию, которую можно было бы провозгласить еврейской, «национальной территорией», если не областью, то хоть районом.

По этой причине в первые послереволюционные годы вопрос о создании какой-либо еврейской территориальной единицы не поднимался. Евреи ограничились «национально-персональной автономией» и распространением по всей России еврейских культурных учреждений для обслуживания евреев, пожелавших где-либо поселиться.

Только в 1924 году, когда закончилась гражданская война и наступило известное успокоение, по постановлению Президиума ЦИК СССР, был создан при Совете Национальностей особый комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ) и возникла особая организация для пропаганды в еврейских массах идеи перехода к сельскохозяйственному труду. Эта организация названа была обществом ОЗЕТ и объединила вокруг себя сотни тысяч членов.

КОМЗЕТ и ОЗЕТ привлекли к своей работе не только граждан СССР, но и еврейские организации вне СССР. Например, в США еврейская благотворительная организация «Агроджойнт» собирала и направляла в СССР немалые суммы для помощи в землеустроительной деятельности КОМЗЕТ-а и ОЗЕТ-а.

Советское правительство отвело большие площади первоклассной земли для поселения евреев-земледельцев. Больше всего в Крыму — свыше 342 тысяч гектаров; в Укр. Сов. Соц. Респ.: — 175 тысяч; Белорусской ССР — 28 тысяч. Кроме того, было запланировано создание на Дальнем Востоке отдельной еврейской «национальной области» в Биробиджане, для чего было отведено около 4 млн гектаров — целая область, граничащая с Китаем, с умеренным климатом и огромными природными богатствами: громадными залежами железа (Хинган), магнетита, угля, не говоря уже об огромных массивах ценного леса.

Создание еврейской национальной области Биробиджан было запланировано на 1933 год, а к организации сельскохозяйственных посёлков и отдельных еврейских районов в европейской части России приступлено уже со второй половины 20-х годов.

Еврейская печать, как в СССР, так и за границей отнеслась к этим мероприятиям правительства СССР не только одобрительно, но даже восторженно. обстоятельно и подробно об этом пишет Д. Заславский в отдельной книжке «Евреи в СССР», изданной на русском языке в Москве в 1932 году еврейским издательством «Эмес».

Об этом же в сборнике «Еврейский Мир», вышедшем в Париже в 1939 году, С. Познер пишет следующее: «В интересах еврейского населения организованы шесть автономных еврейских районов, в коих все административные учреждения, суд, учебные заведения имеют в качестве официального языка идиш. Все еврейские общественные и просветительные учреждения содержатся на государственный счёт. Вот данные об этих районах:

Районы	Территория (гект.)	Еврейское население (человек)
Калиндорфский	75 000	16 000
Ново-Златополь	45 000	14 000
Сталиндорфский	100 000	35 000
Фрейдорфский	100 000	20 000
Лариндорфский	100 000	20 000
Биробиджан	3800 000	20 000

Еврейские автономные районы существуют десять лет. За это время, указывает Зингер (Л. Зингер. «Ди социале ауфрихтунг») в них было создано 17 колхозов, построено 8 машинно-тракторных станций, основано 113 школ, из них 42 средние, 4 техникума, в них выходят две ежедневные газеты и один ежемесячный журнал, имеется одна музыкально-балетная школа, два театра, есть библиотеки, кино и т. д.»...

Не менее восторженно пишет о деятельности КОМЗЕТ-а и её результатах и известный в эмигрантских русско-еврейских кругах Марк Слоним в своём очерке «Писатели-евреи в советской литературе», напечатанном в сборнике II «Еврейский Мир» (Нью-Йорк, 1944 год):

«В некоторых случаях евреи осознали себя, как национальное меньшинство, имеющее право на культурную автономию. В литературе мало рассказано о жизни Биробиджанской республики, в которой, как и в некоторых колхозах Украины, официальный язык — еврейский (на нём же ведётся преподавание в школах). В этих районах до войны создавалась какая-то особая форма существования и быта для тех, кто в силу органического тяготения или сознательного решения не хотели подчиниться ассимиляции и пожелали сохранить свои национальные особенности. С особенной любовью еврейские писатели описывают Биробиджан, где молодёжь, преодолевая все трудности и борясь с жестокими природными условиями, с энтузиазмом строит «еврейско-советский дом». Поэт Н. Фефер горячо верит в блестящее будущее этой попытки:

*По мраморным глыбам шагаю,
Шепчу по-еврейски в забвеньи,
И горный ручей, замедляя
Свой бег, зашумел в изумленьи...
Мне будущий город сияет.
Мне видится мрамор строений...
На мраморных плитах читаю
Чудесных времён наступленье...*

Отношение к созданию еврейских «национальных территорий» с самого начала деятельности КОМЗЕТ-а было неизменно одобрительное, нередко переходящее в восторженное у всех евреев, как советских, так, в одинаковой мере, и евреев-эмигрантов, и евреев, никакой связи с Россией в прошлом не имевших. Все поддерживали, одобряли, а евреи иностранные и щедро жертвовали на это дело.

Особенный энтузиазм вызывало создание «Еврейской Республики» в Биробиджане. Ведь там евреи были полные хозяева и могли устраивать жизнь по своему усмотрению и желанию. В выдержавшей 9 изданий обширной «Иллюстрированной истории еврейского народа» Натана Аузбеля Биробиджану посвящена отдельная глава со множеством иллюстраций, из которых читатель видит, что для поселенцев были построены города и посёлки с хорошими домами, проведены дороги, установлено даже автобусное сообщение.

Упорная и непрекращающаяся пропаганда ОЗЕТ-а велась не только в пределах СССР — как на идиш, так и на всех языках СССР — но и за границей, в особенности в США, где она имела большой успех. При посредстве «Агроджойнта» были собраны большие суммы денежных пожертвований, а кроме того, около тысячи евреев из США направились в Биробиджан, чтобы принять участие в создании еврейской национальной области.

В Советском Союзе ставились специальные пропагандные фильмы с целью привлечь внимание переселенцев в Биробиджан. Так, например, в фильме «Путь к счастью» изображался путь в Биробиджан и достижения там еврейских переселенцев, едущих создавать еврейскую республику. Популярной во всём СССР в те времена была песенка из этого фильма: «Ветер дует, дождь идёт... Пиня золото несёт...»

(Вследствие шаржированно-карикатурного изображения персонажей фильма он был скоро снят как носящий «привкус антисемитизма»). Но пропагандная деятельность ОЗЕТ-а не была прекращена.

Однако результаты всей этой кампании были более, чем скромные. Перспектива превратиться в земледельцев или пионеров на Дальнем Востоке мало соблазняла евреев, ставших полноправными гражданами СССР и выделивших из своей среды значительную часть тогдашнего правящего класса. Еврейское население Биробиджана почти не увеличивалось.

В своё время, на I сионистском Конгрессе в 1897 году в Базеле, основоположник сионизма Теодор Герцль сказал: «Мы не хотим омужичивать евреев»... Он предвидел и понимал, что не в превращении евреев в крестьян-земледельцев видит он будущее еврейства. Его последователи в СССР, создавшие ОЗЕТ, этого не понимали. А потому и не имели успеха, несмотря на огромные средства и энергию, затраченные на «омужичивание» евреев, да ещё не в земле обетованной, а в рассеянии.

Точных цифр, во что обошлось государству (СССР) и жертвотелям дорогостоящая затея с созданием еврейских национальных рай-

онов и области Биробиджан привести нельзя, ибо они не были опубликованы, несмотря на любовь коммунистической власти ко всякого рода статистике, цифрам и планам.

Но всё же некоторое представление обо всей этой затее можно составить на основании косвенных данных, которые были опубликованы.

Прежде всего, количество гектаров плодородной земли, предназначенное для евреев-поселенцев. Исключая Биробиджан, в пяти чисто земледельческих еврейских национальных районах (перечислены выше) было отведено 420 000 гектаров земли для 105 000 еврейских поселенцев. Это составляет на душу 4 с лишним гектара, а на семью, считая таковую в среднем в 5 членов, выходит 20 гектаров. Такого количества гектаров не имело подавляющее большинство крестьян-земледельцев в тех районах, которые граничили с новосозданными еврейскими районами. Все объективные данные для процветания этих земледельческих поселений были налицо. Но на деле не только не было никакого процветания, а через некоторое время после создания всё приходило в запустение. И к началу войны «цветущие еврейские земледельческие посёлки и районы» были только в воображении тех, кто их сам не видел, а желал, чтобы они были «цветущими».

Как это произошло, описано подробно одним агрономом, который по распоряжению правительства принимал участие в организации этих районов и был свидетелем всего дальнейшего (Смотри «Приложение» в ч. II, стр. 432-434).

Описание относится только к Фрайдорфскому району. Но во всех остальных районах произошло то же самое.

Что же касается Биробиджана, то там условия были другие. Огромная территория, несмотря на всю пропаганду и материальную помощь, заселялась евреями очень слабо. И хотя это и была еврейская национальная область, в которой все было на идиш — евреев там было мало. Большинство населения еврейского Биробиджана составляли не-евреи: великороссы, украинцы и другие. Правда, там издавались газеты на идиш, печатались книги, создавались учебные заведения, возводились постройки (не-еврейской рабочей силой), передавались радиовещания по-еврейски... Но непонятно, для кого всё это было. Ведь процент не-евреев значительно превышал процент евреев.

Неудавшаяся попытка создать для евреев свою еврейскую национальную республику при всемерной помощи всего государственного аппарата страны, в которой евреи составляли всего один с небольшим процент населения, заслуживает того, чтобы остановиться на этом и описать эту попытку подробнее.

После революции Советская власть гарантировала «национальную автономию» меньшинственным этническим группам, обусловивши, однако, что претендующая на национальную автономию группа должна составлять большинство на той территории, на которой создаётся автономный национальный округ, область или республика.

Евреи СССР были рассеяны по всей стране и нигде не имели сколько-нибудь значительной территории (кроме некоторых местечек и маленьких городков), на которой они бы составляли большинство населения. Такую территорию решено было создать путём переселения, и выбор пал на Биробиджан на Дальнем Востоке.

Огромная, почти ненаселённая территория около 4 миллионов гектаров граничила с Китаем по реке Амур, с огромными природными богатствами, умеренным климатом, обилием лесов и богатых рыбой рек, была намечена для создания сначала еврейского национального округа, а потом и республики.

Инициаторы этой затеи рассчитывали, что в самый короткий срок в Биробиджане будет, по крайней мере, 500 000 еврейского населения, что создаст предпосылки для провозглашения Биробиджана «Еврейской Социалистической Советской Республикой». Пока же, в 1928 году Биробиджан был объявлен только еврейским национальным округом, а 6 лет спустя, в 1934 году, округ переименован в область.

В расчёте на полумиллионное, а то и больше, население было запланировано и создано всё нужное для культурного обслуживания новых поселенцев. Построена столица — город Биробиджан с удобными домами, проведено электричество, проложены дороги. Построен театр «имени Кагановича», библиотека «имени Шолом Алейкум» со 110 000 книг на идиш и на русском языках, а кроме того 44 библиотеки-читальни по всему Биробиджану. Открыто 132 школы с преподаванием, главным образом, на идиш, в том числе четыре средние; педагогический и медицинский техникумы, железнодорожное училище, музыкальное училище. Открыт краеведческий музей, а также музей еврейской культуры.

Организовано было всё самоуправление и суд на идиш, равно как и издание ежедневной газеты на идиш и многих периодических изданий.

Средств на это всё не жалели. Ни государственных (СССР), ни тех, что поступали из США через «Агроджойнт».

Так как новые поселенцы, для которых всё это создавалось, прибыли очень медленно и небольшими партиями, а к тому же не обладали квалификациями строительных рабочих и вообще не были люди привычные к физическому труду, то для осуществления плана пришлось прибегать к труду не-евреев, чьими руками, в основном, и было создано всё, что предусмотрено было планом создания «Еврейской Республики».

Евреев-пионеров, которые бы сами своими руками пожелали строить свой «еврейский дом», не нашлось или почти не нашлось. Не нашлось много и желающих ехать в Биробиджан и поселиться в уже построенных для них домах. Они предпочитали ехать в Москву, где к концу 30-х годов, по данным «Еврейского Мира» за 1939 год, скопилось 500 000 евреев, и их число продолжало неуклонно расти.

В Биробиджане же, по данным того же «Евр. Мира», к концу 30-х годов евреев было всего-навсего 20 000. Дальнейший приток прекра-

тился, несмотря на всю пропаганду и огромные возможности для развития национально-культурной деятельности.

Провал начинания был очевиден. И в 1938 году правительство СССР вынесло решение о ликвидации КОМЗЕТ-а и уведомило «Агрджойнт» в США о том, что нет больше надобности в присылке средств на землеустройство евреев в СССР.

По данным, напечатанным в «Иллюстрированной Истории Еврейского Народа» (Натан Аузубель, Н.-Йорк, 1960 г.), в 1941 году всё население Биробиджана было 113 930. из какого числа евреи составляли **меньше одной трети части**, но насколько меньше — об этом не пишется. Упоминается только, что обнаружена «тенденция к уменьшению числа переселенцев в Биробиджан».

В действительности же дело было не только в уменьшении новых переселенцев, но в оставлении евреями Биробиджана вообще, о чём свидетельствуют официальные статистические данные, опубликованные в 1965 году в справочнике «Население земного шара» (стр.59).

О Биробиджане там напечатано следующее: «Еврейская автономная область (в составе Хабаровского края). Площадь 36 тысяч квадратных километров. Численность населения по переписи 1959 года — 162,9 тысяч человек (на начало 1965 г. — 172 тысячи). Основные национальности (в тысячах человек): русские — 127,3; украинцы — 4,4; евреи — 4,3».

Как явствует из этих цифр, евреи в еврейском Биробиджане в настоящее время составляют не только «меньше одной трети», но вообще только незначительное меньшинство.

Чем занимается это четырёхтысячное еврейское меньшинство в специально для евреев созданной «еврейской национальной области», точных данных не имеется. В СССР в широких кругах населения существует убеждение, что оставшиеся в Биробиджане евреи там все находятся на положении командующих и распоряжающихся, но отнюдь не работающих.

Насколько это соответствует действительности — проверить (в настоящее время) не представляется возможным. Об этом хранит молчание и официальная статистика СССР, и евреи-эмигранты, будным оком следящие за жизнью своих единоплеменников в СССР.

30-ЛЕТНИЕ ИТОГИ

За всё своё двухтысячелетнее пребывание в рассеянии евреи всегда и у всех народов, среди которых они жили, как «государство без территории, но со своими законами», вызывали известное отталкивание, выражавшееся как в ряде прямых ограничений, так и в затруднениях в возможностях для евреев выдвижения в самых различных областях жизни того народа или государства, среди которого они жили.

На преодоление этих ограничений или затруднений евреям приходилось тратить много сил и энергии — гораздо больше, чем коренным жителям страны. А стремление к занятию известного положения в стране у евреев было не только не меньшее, чем у коренных жителей, но и гораздо большее, ибо они с младенческих лет воспитывались в сознании, что евреи — «избранный народ».

Стремления эти они были принуждены обстоятельствами сдерживать и не выявлять. Накопился огромный запас потенциальной энергии, которая не находила себе выхода и применения в обстановке юдофобии, характерной в большинстве государств, в которых жили группы евреев.

Но зато, когда в каком-нибудь государстве ослабевали юдофобские настроения и начинало появляться благожелательное к евреям отношение — эти, скрываемые раньше, стремления евреев к власти проявлялись особенно бурно, и евреи быстро занимали в государстве руководящие положения.

По словам проф. Соломона Лурье, автора книги «Антисемитизм в древнем мире», **«тогда у евреев оставалось столько свободной энергии, прежде тратившейся на борьбу со специально антиеврейскими препятствиями, что часто, продолжая по инерции борьбу с прежней напряжённостью, они выдвигались более, чем, пожалуй, сами того желали. Так, когда в Египте на короткое время становилась у власти партия, отказавшаяся от традиционной юдофобской политики — виднейшие военные посты оказывались занятыми евреями»** (здесь имеется в виду династия Птолomeев — первые столетия нашей эры). (Подробнее изложено в части II — «Приложение» страницы 291-358.)

Нечто подобное произошло и в России в 1917 году, когда были отменены все до того существовавшие ограничения для евреев. Сразу же они устремились к занятию тех положений в жизни страны, которые раньше были для них недоступны. И преуспели в этом гораздо больше, чем в Египте при Птолomeе IV: не прошло и года, как они фактически превратились в правящий класс, занявши подавляющее большинство ключевых позиций во всех отраслях жизни страны и государственного аппарата.

Это своё привилегированное положение они сохранили вплоть до начала и первых лет II мировой войны.

Попробуем подвести итог, чего же достигло русское еврейство в целом за этот период, длившийся 30 лет (от 1917-1947 гг.), и какой ущерб понесло, как замкнутая этническая группа, каковой они были за всё время пребывания на русской территории, вплоть до 1917 года.

Достижения эти были огромны, такие, каких евреи никогда и нигде до этого не имели.

Как указано выше, они стали правящим, привилегированным классом со всеми отсюда вытекающими последствиями. Без преувеличе-

ния можно сказать, что их влияние на всю жизнь страны и народа, на внутреннюю и внешнюю политику государства было решающим.

В прежние времена, в других государствах и среди других народов для евреев, достигших власти, была возможность накопления материальных благ и передачи их по наследству своим потомкам и родственникам, чем обеспечивалось их положение в социальном и политическом строе в будущем.

Такой возможности в социалистическом Советском Союзе, где была упразднена частная собственность, не было. При новом строе основными предпосылками для преуспевания в жизни было образование, которое при родственных и племенных связях с правящим классом обеспечивало за потомками этого правящего класса соответствующие позиции в жизненной карьере.

Понимая это, русское еврейство хлынуло широким потоком в высшие учебные заведения и заполнило их в такой пропорции, которая никак не соответствовала их проценту по отношению к общему числу населения. За первые 30 лет своего пребывания в качестве правящего класса евреи смогли дать высшее образование такому числу своих единоплеменников, что и сейчас процент евреев — граждан СССР с высшим образованием во много раз превосходит процент не-евреев.

Достижения в этой области были огромны и несомненны. С мнением же и настроениями коренного населения новый правящий класс не считался.

Приведённые выше достижения повлекли, однако, за собой и немало явлений, которые для еврейства и его быта и сплочённости явились огромным ущербом, вряд ли вообще поправимым.

Ущерб этот прежде всего выразился в отходе всего еврейства СССР, а молодёжи в особенности, от иудейской религии, которая, будучи неразрывно связана с происхождением и особенностями быта, веками служила надёжной и верной защитой от растворения евреев в окружающей среде, чего евреи всего мира так боятся и против чего ведут ожесточённую борьбу.

Жизнь оказалась сильнее обветшалых схоластическо-мистических установок иудаизма. И все попытки еврейских политических партий, таких, как «Бунд», «Паолей-Цион» и «Сионистов-Социалистов» совместить верность иудейской религии с верностью атеистическому марксизму-коммунизму — не привели ни к чему.

Недёшево обошедшаяся всему населению СССР попытка «евсеков» создать еврейские национальные области и еврейские учебные заведения, а также еврейскую «национально-персональную» автономию и культурные учреждения, как указано выше, претерпела полный крах. И причиной этого краха было отнюдь не противодействие коренного населения, а самих евреев.

Многочисленная в начале революции категория евреев, совмещавших верность Талмуду с верностью догмам коммунизма, как, например, Исаак Бабель, быстро стала исчезать. «Евсеки» и их последовате-

ли уходили со сцены, не сумевши создать себе смену из молодого поколения.

Неразрывно связанные с отходом от Талмуда и замкнутого еврейского быта, ассимиляционные настроения в еврействе стали крепнуть и расти. Смешанные браки, замена в быту разговорного языка «идиш» языком русским, нежелание даже изучать «идиш», на котором поданным последней переписи (1959 г.) могли читать и писать только 20% евреев — граждан СССР — всё это несомненные признаки процесса ассимиляции, совершенно добровольной.

Процесс этот не идёт так быстро, благодаря наличию сохранившегося и до настоящего времени у евреев иррационального отталкивания от тех, кого их предки называли «гоями», что препятствует и смешанным бракам, и полному растворению в культуре окружающей среды. Подсознательно, сам не отдавая себе в этом отчёта, еврей продолжает всех людей делить на «наших» и «не наших». Преодоление этого деления идёт гораздо медленнее, чем отход от религии и языка. Когда оно будет изжито — предсказать нельзя.

Ущерб для русского еврейства в результате его превращения в правящий класс не ограничился только областью религиозно-культурной жизни евреев в СССР. Резко изменилось отношение к еврейству в целом и всего населения СССР. Не только широких народных масс, но и русской интеллигенции, которая всегда традиционно была настроена по отношению к евреям дружелюбно. Чрезмерная, бросающаяся в глаза, активность евреев при проведении мероприятий новой власти, не только не вызывающих одобрения населения, но и порождающих резко отрицательное отношение как к самим мероприятиям, так и к исполнителям, в корне изменила отношение к евреям даже тех, кто всегда был настроен юдофильски. Это обнаружилось в первые же годы советской власти, о чём написала статью Е. Кускова («Кто они?»), напечатанную в еврейской эмигрантской газете. Статья эта полностью приведена в части II этой книги. В дальнейшем причины, порождающие отрицательное отношение к евреям непрерывно росли: огромный процент евреев в органах Чека, в деятельности активных безбожников, в издевательском отношении к национальным чувствам народа и памятникам его культуры, в искоренении самого слова «русский», во всех действиях новой власти, направленных к разрушению многого того, что для народа было свято.

И в то же время тоже бросающееся в глаза относительное материальное благополучие евреев на фоне общего голода и недостатка во всём необходимом, от чего страдало всё население страны. Способствовать благорасположению к евреям это, конечно, не могло. И свои плоды принесло, укрепивши антиеврейские настроения, которые не проявлялись только из страха суровых наказаний.

Эти антиеврейские настроения ничего общего с тем, что называется «антисемитизмом», не имели. Причина их была вовсе не в области религиозно-расовой, а только и исключительно в области материаль-

ной — недовольство голодного и бедного, наблюдающего жизнь сытых и богатых, да к тому же иноплеменников, пренебрежительно-презрительно относящихся к прошлому и культуре того народа, среди которого они живут и которым правят.

Не ощущать и не замечать этого всего народ не мог. Не замечал это и относил на счёт «контрреволюции» и «пережитков прошлого» только новый правящий класс.

Русское же еврейство в целом, в результате, понесло такой моральный ущерб, который вряд ли когда-нибудь сможет быть восстановлен. Оно, если не навсегда, то на долгий срок потеряло надежду на возможность хороших отношений с тем народом, на земле которого оно живёт.

И ещё один ущерб и себе, как евреям, и русскому народу нанёс новый правящий класс. Самим своим существованием и безнаказанной разрушительной работой над историческим прошлым великого народа, своими выступлениями перед всем миром от имени этого народа, как монопольные его представители, новый правящий класс показал соблазнительный пример Гитлеру и его последователям, как незначительное чужеродное меньшинство может владеть и править огромной страной, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Этим аргументом нередко пользовались немецкие национал-социалисты в своей пропаганде. Заменить три миллиона евреев, правящих Россией, тремя миллионами немцев — и всё будет в порядке... Такие мысли высказывались не раз немецкими пропагандистами в их психологической подготовке к освоению России. Разумеется, обращаясь к немцам.

А пропаганда, идущая из Германии в СССР, неустанно твердила, что «жиды правят Россией», приводя множество имён и фактов. Нельзя не признать, что пропаганда эта находила в СССР внимательных слушателей и имела известное влияние на настроение широких народных масс.

Правящий же класс в СССР в своей пропаганде оперировал больше лозунгами пролетарско-интернациональными, которые достаточно набили оскомину за четверть века и на массы действовали слабо, что и обнаружилось в первые же месяцы войны.

Война за мировой пролетариат и III Интернационал никого не воодушевляла. А бахвальство правящего класса о «полной боевой готовности» СССР никого не убеждало.

К тому же — что нельзя выпускать из виду — в народе ещё живы и свежи воспоминания о тех периодах, когда всё население голодало и испытывало острую нужду во всём, а евреи, получая помощь от своих заграничных единоплеменников, были в неизмеримо лучшем положении, чем все не-евреи. Если народ не протестовал и не бунтовал — это не значит, что он не видел, не понимал и не запоминал.

Живы ещё были и миллионы «репрессированных» и «раскулаченных» и членов их семей, а также родственников и друзей заключённых

в лагерях, которыми, как известно было всем, управляли почти исключительно евреи.

Правда, в Красной Армии, в кадровых частях, этих, «ненадёжных» с точки зрения политической, элементов не было. Но в случае войны и мобилизации предотвратить их проникновение в ряды армии было невозможно, а это, вне всякого сомнения, не могло не повлиять на дух и настроение всей армии в случае большой войны.

Надо полагать, что учитывая это, СССР всячески старался избежать столкновения с Германией или хотя бы его возможно дольше отсрочить.

Соглашение с Германией летом 1939 года было принято всем правящим классом СССР без протестов и возражений, хотя это и было соглашение со злейшим врагом еврейства — немецкими антисемитами, а правящий класс СССР находился всецело под влиянием евреев, составлявших его значительную и наиболее влиятельную часть. Одобрено было это соглашение и Коминтерном, тоже состоявшим, в основном, из евреев.

И в Германию потянулись из СССР огромные составы поездов, нагруженных сырьём, нужным для ведения войны. Правящий класс откупался этим от агрессивного немецкого нацизма, если не окончательно, то хоть на время. И расчёт, нельзя не признать, был правилен, если бы немцы серьёзно увязли на Западе. Но произошло непредвиденное и непредусмотренное: бескровная победа немцев над всеми своими противниками в Европе освободила мощную немецкую военную машину. И она устремилась на Россию. — Началась II мировая война.

Ещё до её начала почти два года немцы распоряжались в оккупированной ими Польше, где с предельной очевидностью показали на какое к себе отношение могут рассчитывать евреи-граждане СССР в случае войны Германии с СССР и занятия немцами, хотя бы временно, некоторых территорий СССР, на которых были евреи.

Правительство СССР и весь правящий класс отлично это знали, и, тем не менее, когда началась война, оказалось, что своевременно не были приняты нужные меры для спасения евреев. А ведь тогда евреи при желании легко могли заблаговременно принять нужные меры. И, конечно, не русский народ виноват, что некоторое количество евреев—граждан СССР было уничтожено немцами, а тот правящий класс, т. е. евреи, который не принял своевременно нужных мер.

Малопонятное равнодушие со стороны советских дипломатов при заключении соглашения с немцами к судьбе евреев в Польше было проявлено в августе 1939 года, когда фактически предreshалась судьба польских евреев. А, между тем, прояви тогда дипломаты СССР хоть малейшее желание при переговорах о ликвидации Польши принять как иммигрантов в СССР всех евреев из той части Польши, которая отходила к Германии, — немцы бы против этого не только не протестовали, но всячески приветствовали. Оно и логично: ведь три миллиона

польских евреев для немцев не были ни нужны, ни полезны, а только излишний балласт.

Во время переговоров перед подписанием соглашения обсуждался также и вопрос о репатриации украинцев и белорусов, которые бы остались за линией намеченной советско-германской границы, каковой и был разрешён к обоюдному согласию. Немцы не протестовали против того, чтобы из территории, отходящей к ним, могли репатриироваться (по собственному желанию) и численно незначительные группы белорусов и украинцев.

После достигнутого соглашения о белорусах и украинцах Риббентроп предложил Молотову: «А не хотите ли взять и три миллиона евреев?»... — В ответ было гробовое молчание советской делегации... Вопрос о евреях был «выделен» для обсуждения впоследствии... Но так и не обсуждался. Не поднимали его ни немцы, оставшиеся при своём предложении, ни советское правительство.

После капитуляции Германии, когда многие дипломатические документы стали достоянием гласности, нигде нельзя было найти следа или указаний, что этот вопрос вообще обсуждался и что немцы предложили СССР принять всех евреев из Польши.

То, что такой важный вопрос вообще не был занесён в протокол, маловероятно. Ближе к истине будет предположение, что это предложение немцев и реакция на него СССР было пропущено при оглашении подробностей соглашения Гитлера со Сталиным, дабы не дать оснований к обвинению СССР, в хоть и косвенном, но несомненном содействии в деле уничтожения евреев — граждан Польши.

Выяснить этот вопрос — дело будущих историков и исследователей этой эпохи. Сделать это нам, современникам, невозможно. Многие ещё недоступно для изучения и невозможно для опубликования.

Но делать указания на то, что подлежит изучению в будущем, мы не только можем, но и должны.

Должны оставить для исследования в будущем не только документы и указать на факты, но и высказать мнения, предположения, гипотезы, которые, не будучи нигде напечатаны, всё же были, их обсуждали, о них говорили. И легко могут выпасть из поля наблюдения будущих историков.

В годы войны мне лично довелось услышать о предложении Риббентропа от разных лиц. Как от немцев, близких к правящим тогда кругам, так и от бывших видных членов ВКП(б), находившихся в момент переговоров в Москве и, по их словам, слышавших это от лиц, занимавших высокие посты в Министерстве.

Так, например, бывший в 1939 году председателем Горсовета в Москве Жиленков в 1944 г., когда он был главным редактором газеты «Волга Народа» (орган Власовского движения) рассказывал о предложении Риббентропа, равно как и о том, как оно было воспринято Сталиным. Когда Молотов доложил Сталину о предложении — Сталин сказал: «Надо обдумать» и сразу никакого ответа не дал. И только на сле-

дующий день, вызвавши Молотова, кратко сказал ему: «Предложение Риббентропа не подходит... Нет расчёта... Молчи...» — И вопрос о трёх миллионах польских евреев во время переговоров больше не поднимался.

Короткой фразой Сталина: «Нет расчёта» была решена судьба польских евреев.

Сталин, без сомнения, был хорошо осведомлён об антиеврейских настроениях широких народных масс СССР и учёл, что появление трёх миллионов евреев, привыкших в Польше к условиям жизни весьма далёким от таковых в СССР, неизбежно вызовет ряд конфликтов и никакой пользы ни государству, ни режиму не принесёт. И, наоборот, оставление их на милость и немилость немцев (тогда ещё массовых расстрелов и сжиганий не было) более чем вероятно вызовет усиление антинемецких настроений в США, где редко кто из польских евреев не имел родственников или друзей, что и произошло на самом деле. Отказать Сталину в способности реально учитывать обстановку нельзя. Действительно, для него лично и для всего правительства СССР «не было расчёта» проявлять гуманность и спасти евреев Польши. Несмотря на то, что, как уже указано выше, в то время евреи в СССР во всех областях жизни, а в дипломатии в особенности, занимали руководящие положения. Но в этом случае они принуждены были свои еврейские симпатии подчинить безжалостной догме коммунистического интернационала и в этом вопросе молча следовать указаниям Сталина.

Своё нежелание превратить СССР в прибежище бегущих от Гитлера евреев Сталин не ограничил отказом на предложение Риббентропа о трёх миллионах польских евреев; их не пропускали в СССР и тогда, когда они одиночками или небольшими группами пытались перейти границу СССР после ликвидации Польши и проведения демаркационной линии между СССР и Германией.

В своей книге «Евреи в Советском Союзе» (Н.-Йорк, 1966 г.) Солон Шварц весьма подробно описывает многочисленные случаи, когда советские пограничные власти не только не пропускали на советскую территорию евреев, пытавшихся без виз и разрешений попасть в СССР, но принудительно возвращали их к немцам.

Что это действительно так было — никто не оспаривает. Ведь всё это происходило в октябре 1939 года, непосредственно после капитуляции Польши, проведения границы между СССР и Германией, которые всего за несколько недель до этого подписали договор «дружбы». Естественно и нормально, что государства, находящиеся в дружественных отношениях должны соблюдать существующие во всём мире правила о въезде в страну граждан или подданных другой страны, хотя бы и дружественной. Этого и придерживались советские власти, препятствуя проникновению на свою территорию кого бы то ни было без соответствующего разрешения. При этом никаких исключений для евреев не делалось.

Это обстоятельство — что не делалось исключения для евреев — и возмущает г. Шварца, который как юрист по образованию, должен бы был знать, что ни одна страна в мире не делает исключений ни для кого, в том числе и для евреев. Должен он знать также и то обстоятельство, что за самовольный пропуск через границу кого бы то ни было, даже еврея, по закону полагалось строжайшее наказание, неизмеримо более строгое, чем в государствах несоциалистических.

Перечисление всех случаев недопущения без разрешения в СССР свидетельствует только о бдительности Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которой правительством была поручена охрана границ, что г. Шварцу следовало бы знать и своим возмущением не демонстрировать своё полное непонимание основных норм права.

Ведь не подлежит сомнению, что если бы было соответствующее распоряжение правительства — все евреи беспрепятственно были бы пропущены на территорию СССР без всяких виз и особых разрешений. Тем более, что в прошлом были случаи, когда русское правительство без виз принимало тысячи людей, которым угрожала смерть в стране, подданными которой они состояли. Случаи эти общеизвестны: армяне и балканские христиане, спасаясь от резни турок, в неограниченном числе принимались в России. Но в октябре 1939 года евреев никто не резал и не расстреливал только потому, что они евреи. Началось это гораздо позже, только в 1941 году.

Почему же правящая верхушка СССР не добилась распоряжения о свободном пропуске евреев в СССР — это вопрос особый. Ведь желание помочь своим соплеменникам у евреев СССР, несомненно, было. Что же их удержало от того, чтобы настоять на свободном приёме евреев в СССР?

Ответ на этот вопрос мы находим в одной из статей в «Социалистическом Вестнике». **«Нежелание, чтобы население отождествляло советскую власть с евреями»**, — как явствует из слов Хрущёва, сказанных в начале 1944 года в Киеве после его занятия советскими войсками. Одна еврейка Ружа Годес, которой удалось пережить оккупацию Киева немцами, пожаловалась Хрущёву, что её не хотят принимать на службу потому, что она еврейка. На это Хрущёв сказал следующее: «Я понимаю, что Вы как еврейка рассматриваете этот вопрос с субъективной точки зрения. Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине евреи нам не нужны. И, я думаю, для украинского евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда. Лучше бы они поехали в Биробиджан... Ведь мы здесь на Украине... Понимаете ли Вы? Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти, как возвращение евреев». — Сказано предельно ясно и точно. (См. ч. II, стр. 442-450).

И вне всякого сомнения, то, что сказал Хрущёв в 1944 году, отлично знал Сталин в 1939 году, когда он отверг предложение немцев взять

н СССР польских евреев. Хотя он и был диктатор, но всё же с настроениями населения не считаться он не мог и учитывал, что если прибавить к трём миллионам евреев советских ещё три миллиона евреев польских — это могло вызвать последствия весьма не желательные и для самого Сталина и для евреев правящего класса. По этой, надо полагать, причине и было проявлено такое безразличное отношение к судьбе польских евреев.

За несколько лет до 1939 года эту возможность предвидели и писали о ней г. Аронсон и С. Португейс, как это упомянуто в предыдущем изложении. Они, напомним, допускали возможным и вероятным, что если для тех, в чьих руках находится власть в СССР, будет выгодно не только отречься от какой бы то ни было защиты евреев, но и превратиться в их гонителей — это будет осуществлено.

Как показали последующие события, пессимистические предсказания Аронсона и Португейса частично и в незначительной степени оправдались.

Правда, никаких «гонений» на евреев в СССР не произошло, но настроения населения были учтены и во избежание возможных произошли крупных волнений и недовольства, что было особенно опасно в предвидении возможной войны, евреев стали «втихую» отстранять с более заметных и ответственных должностей и заменять их представителями других народностей страны.

Производилось это всё без громких процессов и газетной шумихи, но твёрдо и неуклонно.

Население, конечно, это заметило и, нельзя не признать, что эти мероприятия власти не вызывали недовольства.

Так шло и в годы войны, когда особенно ярко обнаружилось недовольство населения привилегированным положением евреев в СССР.

Г О Д Ы в о й н ы

Была ли война с Германией для правящего класса неожиданностью или её предвидели и ожидали, до сих пор с достоверностью не установлено.

Немало хорошо осведомлённых исследователей этого вопроса и мемуаристов держатся мнения, что Сталин рассчитывал или её вообще избежать, или вступить в неё в тот момент, который он сам выберет.

В пользу последнего предположения говорит и то обстоятельство, что, как показали события, вооружённые силы СССР наступлением немцев 22 июня 1941 года были застигнуты врасплох, что, конечно, не могло бы случиться, если бы Сталин рассчитывал на возможность внезапного нападения Германии.

Перед русским еврейством война поставила ребром вопрос о физическом истреблении всех евреев — граждан СССР, если немцы не будут побеждены или отбиты.

А для правящего класса, в котором такую огромную роль играли евреи, война была проверкой и испытанием отношения к евреям всего населения, которое и определилось к концу войны.

Участие в войне, как известно, не ограничивается непосредственным участием в боях и сражениях и проявлением личной храбрости, жертвенности и полководческих дарований. Тыл, понимая его широко, как организацию всех ресурсов и соответствующую пропаганду, как в стране, так и вне её — играет также огромную роль, и от хорошей организации тыла зависит и конечная победа.

Понимая это, евреи СССР с самого начала войны проявили лихорадочную деятельность, имевшую конечной целью победу над Германией, причём везде подчёркивается активное участие евреев в боевых действиях на фронте. Так, например, на первом митинге евреев в Москве, как единственный оратор не-еврей, выпускается красноармеец Кузнецов, восхваляющий фронтовые подвиги «сынов еврейского народа». Съезд евреев — граждан СССР, собравшийся в Москве через несколько месяцев после начала войны, публикует воззвание ко «всему еврейству» с призывом всемерно поддержать СССР в войне с Германией. Создаётся в Москве «Еврейский Антифашистский Комитет», развивающий пропагандную деятельность и состоящий почти исключительно из евреев.

Мировая печать вне Германии полна сообщениями об активном участии евреев в войне и об их воинских подвигах и жертвенности.

Характерно, что в ведущейся пропаганде атеистическая советская власть допускает то, что раньше было немислимо. Так, например, в «Еврейском Мире» (сборник II, 1944 г., Нью-Йорк) мы читаем следующее: «Во время больших еврейских праздников в 1941 году синагоги Москвы, Ленинграда и Харькова были переполнены молящимися, и не только людьми старшего поколения, но и молодыми еврейскими солдатами, сражающимися в рядах Красной Армии. Во время пасхальной недели 1942 года были впервые со времени октябрьской революции устроены большие общественные седеры» (стр. 237).

Какое впечатление это сообщение могло произвести на консервативные еврейские круги, которые имели известное «отталкивание» от СССР по причине официального атеизма, там провозглашённого — вряд ли нужно комментировать.

А 20 декабря 1941 года московская радиостанция в радиопередаче на польском языке, повторённой на следующий день пять раз по-немецки, «сравнивала удачное русское зимнее наступление с чудом Маккавеев, напоминая немцам, что 134-я Нюрнбергская дивизия, названная по имени того города, в котором возникло расовое законодательство, была истреблена как раз в ханукальную неделю, когда евреи празднуют победу над угнетателями еврейского народа» (цит. по книге «Еврейский Мир», стр. 238).

Наряду с этим регулярно сообщалось в заграничной печати как об отваге отдельных евреев на фронте, так и о числе боевых наград, полу-

ценных евреями за боевые подвиги. Так, например, только за первые 15 месяцев войны 5 163 еврея получили награды за храбрость. Советская армия имела 100 генералов-евреев, а кроме того, много новых генералов-евреев можно было найти в каждом новом списке о наградах и производствах...

Е. Сталинский, еврей-эмигрант, в статье «Евреи в Красной Армии», напечатанной в 1944 году в США, перечисляет множество отличившихся на войне евреев, а также носящих на груди золотую звезду Героя Советского Союза, кончает своё перечисление словами: «список их весьма длинен, чтобы быть включенным в рамки небольшой статьи».

Не будем перечислять и мы. Добавим только, что установить, кто из генералов или героев еврей, а кто таковым не является, не представляется возможным, ибо при производствах и награждениях нет данных о племенной принадлежности или народности. Как это устанавливают евреи — неизвестно. Тем более, что часто еврей имеет чисто русскую фамилию, как например, генералы Карпоносов, Баринов, Златоцветов...

Наличие евреев в разных чинах, до генеральского включительно, в Красной Армии никто и не оспаривает. Правда, того, что было в начале революции, когда всеми вооружёнными силами страны командовал еврей Бронштейн-Троцкий, а политическая часть была в руках еврея Гамарника, во время последней войны не было. Не было евреев ни среди командующих фронтами, группами армий, армиями или даже корпусами. Евреи-генералы были больше в тыловых учреждениях, военно-технической части, военно-медицинской. Но были, конечно, и в боевых частях, были среди них и убитые, и раненые. А были и такие генералы, как, например, инженерно-технической службы Нафталий Аронович Френкель или Яков Данилович Раппопорт, которые были заняты концлагерями и поддержанием порядка в них.

Но все они — и на фронте и в тылу — прилагали все свои силы, чтобы не попасть под власть немцев, что было для них равносильно смерти.

Для еврея, независимо от чина, не было возможности, попавши в плен, «кончить войну», каковая возможность для евреев существовала и бывала используема во время I мировой войны. По этой причине евреи, которые оказались в рядах Красной Армии, не обнаруживали каких-либо пораженческих настроений и воевали и за совесть, и за страх..., если не удавалось получить освобождение от фронта (броню), как специалисты и нужные в промышленности.

А таковых - имеющих броню, среди евреев было великое множество, что не оставалось незамеченным всей страной и вызывало чувства далеко не дружественные по отношению к евреям.

Броня давалась ответственным работникам в разных отраслях промышленности, а при эвакуации в первую очередь эвакуировались эти ответственные работники, разумеется, с семьями и имуществом. А так

как подавляющее большинство этих ответственных работников были евреи, которые при эвакуации спасали и свои семьи, то получалось, что эвакуируются евреи, занимая поезда и автотранспорт.

Кроме того, правительство СССР, учитывая опасность уничтожения для евреев, попавших к немцам, со своей стороны старалось прежде всего эвакуировать евреев.

Это последнее обстоятельство — всемерное содействие правительства СССР делу спасения евреев перед наступающими немцами — замалчивается или даже некоторыми еврейскими исследователями этого вопроса вообще отрицается. Признать это — значило бы признать и нечто положительное, сделанное для евреев правительством СССР, которое с начала 40-х годов в большой мере милости у мирового еврейства, обвиняющего его в «антисемитизме» и «преследовании» евреев.

Но в годы войны сами евреи говорили совершенно другое. Марк Вишняк, один из инициаторов создания центрального органа для борьбы с антисемитизмом (на собрании еврейских федераций в Кливленде, в 1943 г.) в 1944 году в сборнике «Еврейский Мир» на странице 98 пишет следующее: «О СССР и убежденнейшие его противники не скажут, что там культивируется антисемитизм»... Марк Вишняк — бывший Секретарь Всероссийского Учредительного Собрания и долгие годы редактор толстого эмигрантского журнала на русском языке — человек весьма осведомлённый.

В другом же месте, в том же «Еврейском Мире» мы читаем признание, что «советское правительство для спасения евреев предоставляло лучший транспорт, даже в ущерб делу ведения войны».

Эвакуация евреев перед наступающими немцами шла не только по железной дороге, на грузовиках и легковых автомобилях, переполненных евреями и их движимым имуществом (нередко везли и мебель, пианино), но частично и на лошадях. Немцы бомбили ж.-д. линии и большие шоссе, а по просёлочным дорогам ехать было сравнительно безопасно. Поэтому немало евреев предпочли этот способ эвакуации, как хоть и медленный, но зато безопасный. От горсовета получалось предписание председателям колхозов и совхозов предоставить предъявителю пару лошадей, перевозочные средства и необходимый фураж. С такими предписаниями евреи и ехали по просёлкам, меняя в попутных колхозах или совхозах лошадей и пополняя запас фуража, до того пункта, где можно было погрузиться в вагоны для дальнейшего следования за Урал. Лошади и повозки при этом бросались на произвол судьбы.

Немецкие войска при наступлении обнаружили в нескольких километрах от областного города Сумы, недалеко от Харькова, много тысяч брошенных лошадей со сбитыми холками и плечами и поэтому негодных для упряжки. Это были брошенные евреями лошади, на которых они эвакуировались на восток. Сумские власти незадолго до прихода немцев организовали ветеринарный лазарет с целью подлечить этих лошадей и сделать пригодными для упряжки.

Так, всеми путями и способами, впереди наступающих немцев двигалась на восток волна эвакуирующихся евреев.

Согласно заявлению советского еврейского писателя Бергельсона, из районов, попавших под власть немцев, 80 % проживавших там евреев были эвакуированы. Только в городах, которые в результате быстрого продвижения немцев попадали в «котлы» — окружения, как например Киев, некоторая часть евреев не успевала эвакуироваться и немцы их уничтожали.

Точное число евреев, уничтоженных немцами в оккупированных ими районах СССР до настоящего времени (1966 год) с полной достоверностью не установлено. Так, например, данные о самом крупном массовом уничтожении евреев в Киеве (Бабий Яр — 1941 год) не могут быть признаны абсолютно точными. В разное время разные авторы и исследователи называют разные цифры. Сначала говорилось о 70 или даже о 80 тысячах; теперь эта цифра упала до 34 тысяч. Установить точную цифру — задача будущих объективных исследователей этого вопроса, если это вообще окажется осуществимым. Необходимо принять во внимание, что немцы уничтожали не одних только евреев, если не массовым расстрелом, как в Бабьем Яру, то голодом в лагерях военнопленных, как это имело место всего в нескольких километрах от Бабьего Яра — в Дарнице, где от голода и лишений погибли десятки тысяч из тех 665 тысяч советских бойцов и офицеров, которые попали в плен в киевском «котле» в сентябре 1941 года. Точное число их неизвестно, но что их было не меньше, а больше, чем евреев, расстрелянных в Бабьем Яру, — не подлежит никакому сомнению.

Вообще, каждый объективный исследователь вопроса об эвакуации евреев при наступлении немцев не может не признать что те, в чьих руках тогда была власть в СССР, делали всё возможное для спасения евреев, часто в ущерб коренному населению, по отношению к которому забот проявлялось меньше (или вовсе никаких), чем к представителям еврейской этнической группы. Население это видело, но, скованное страхом, молчало и не смело поднять голос протеста.

Только иногда, в моменты паники, настроения эти прорывались и можно было из толпы «граждан второго класса», т. е. не-евреев, слышать слова негодования и угрозы... Но представители правящего класса, которые распоряжались эвакуацией, делали вид, что ничего не слышат или пытались ласковыми уговорами успокоить протестующих.

В годы войны, а также в первые годы после её окончания, вопрос о том, что советская власть всемерно содействовала спасению евреев, считался не подлежащим никакому сомнению и об этом много писалось в периодической печати вне СССР, как еврейской, так и не-еврейской.

Так Евгений М. Кулишер в бюллетене «Хайаса» в 1946 году пишет: «Не вызывает сомнений, что советские власти принимали специальные меры для эвакуации еврейского населения или для облегчения его стихийного бегства. Наряду с государственным персоналом и промыш-

ленными рабочими и служащими, всем евреям отдавалось преимущество при эвакуации... Советские власти предоставили тысячи поездов специально для эвакуации евреев, сознавая, что они являются наиболее уязвимой частью населения».

Позже в своей большой работе о миграциях еврейского населения, изданной в 1948 году Колумбийским Университетом, Кулишер пишет: «Из городских центров были вывезены фабрики вместе с обученными и другими рабочими. Кроме того, были эвакуированы государственные служащие и широкие массы евреев, чтобы спасти их от немецких жестокостей».

Моше Каганович, бывший партизан, выпустил две книги воспоминаний (одну в 1948 году в Италии, вторую в 1956 году в Аргентине), в которых категорически утверждает, что по предписанию властей для эвакуации евреев предоставлялись все имеющиеся транспортные средства, а также, что было приказано евреев эвакуировать в первую очередь.

Зимой 1946-47 года, чтобы проверить всё на месте, корреспондент нью-йоркской газеты «Дер Тог» (еврейской) Б.Ц.Гольдберг побывал в СССР, в частности, в Киеве, и о своих впечатлениях и расследованиях написал статью «Как во время войны эвакуировали евреев в Советской России» («Дер Тог», 21 февраля 1947 года), в которой он пишет о своих украинских впечатлениях.

Автор, как он пишет, поставил себе задачей выяснить, «какова была политика власти в вопросе об эвакуации евреев». Об этом он расспрашивал многих: евреев и христиан, военных и эвакуированных; все отвечали, что «политика власти заключалась в том, чтобы предоставить преимущества при эвакуации евреям, стараться вырвать их как можно больше, чтобы наци не могли их уничтожить». В числе лиц, с которыми разговаривал Гольдберг, он называет и киевского раввина Шехмана.

Приведённые выше высказывания нескольких евреев-эмигрантов полностью совпадают с многочисленными свидетельствами очевидцев, тех граждан СССР, которые сами были свидетелями того, как происходила эвакуация евреев.

Идо 1948 года, когда наступил резкий перелом в отношении еврейства к СССР, никто больше этого вопроса и не поднимал. Но как только выяснилось, что евреи в СССР начинают терять монопольное право на управление страной, всё сразу и резко переменялось и подверглось переоценке, в том числе и вопрос о том, помогло ли советское правительство евреям во время войны или к их судьбе было безучастно.

В 1966 году вышла книга С. Шварца «Евреи в Советском Союзе с начала второй мировой войны» (Нью-Йорк, 1966 г.), в которой автор опровергает все прежние высказывания разных лиц о содействии и помощи Советской власти в деле спасения евреев от немцев и их своевременной эвакуации. Всё выказанное и напечатанное по этому вопросу С. Шварц берёт под сомнение, даже и свидетельство раввина

Шехтмана, по той причине, что нигде в советских органах печати и правительственных распоряжениях ему не удалось найти письменного подтверждения, что евреев надлежит эвакуировать в первую очередь или им оказывать преимущество. «А раз это не было напечатано — значит этого и не было», — делает вывод Соломон Шварц, забывая при этом, что немало происходило в мире событий и действий разных правительств, о которых не было напечатано, но они в действительности были. Нигде, например, не было напечатано о переполнении евреями российских революционных партий и их центральных комитетов, всякого рода совдепов, руководящих постов во всех областях жизни СССР, дипломатических и торговых представительств за границей, органов Чека и отделов пропаганды в первые четверть века после октябрьской революции... Однако всё это было, и отрицать это не сможет даже Соломон Шварц. Нигде, например не было напечатано, что дипломатическим представителем государства Израиль не может быть лицо не-еврейского племени и не-иудейского вероисповедания. Однако это нигде не напечатанное правило неукоснительно проводится в жизнь в демократическом государстве Израиль, которое имеет больше десяти процентов населения не-евреев.

То, что искал в советской печати С. Шварц и не мог найти, не было напечатано по причине, ясной для каждого объективного исследователя. Причина этого — нежелание обострять резко отрицательное отношение всего населения страны к тому привилегированному положению, которое к моменту войны занимали евреи в СССР. Напечатать что-либо подобное тому, что искал и не нашёл С. Шварц — было бы вызовом по отношению ко всему населению страны и легко могло бы привести к последствиям, нежелательным для всего правящего класса. Настроения широких народных масс были отлично известны тем, кто руководил тогда политикой и пропагандой. А потому ничего и не печаталось, в интересах самих евреев.

Но зато неукоснительно проводилось в жизнь, благодаря чему не одна сотня тысяч евреев избежала расправы немцев и смогла благополучно отсиживаться за Уралом. В чём другом (и во многом) можно упрекнуть Советскую власть, но только не в нежелании спасти евреев...

Не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить себе, что бы произошло, скажем, в Киеве в августе 1941 года, если бы было напечатано и обнародовано распоряжение властей о предоставлении евреям транспортных средств для эвакуации «преимущественно» или «в первую очередь»... Как бы на это реагировали киевляне, не-евреи? Не стало бы это поводом к бунту, причины к которому назревали уже два десятилетия?...

Почему «не напечатали, почему не подчеркнули, почему не упомянули, почему не отметили, почему не поставили памятник евреям в Бабьем Яре?»... Так на все лады повторяет вопросы С. Шварц в своей объёмистой (425 стр.) книге «Евреи в Советском Союзе с начала второй мировой войны».

Ответ на все вопросы сразу может дать и всё население СССР, и исследователь, способный быть объективным, а не рассматривать всё с своей исключительно субъективной, еврейской, точки зрения.

Ответ может быть только один: «чтобы не вызывать раздражение и возмущение всего населения страны выделением евреев, пострадавших от немцев, в то время, как не-евреев погибло неизмеримо больше, чем евреев. Чтобы не пробуждать воспоминаний о многих миллионах не-евреев, погибших в годы террора и искусственного голода, когда страной управлял еврей. Чтобы не воскрешать в памяти народа то время, когда еврей, правя Россией, издевались над её историческим прошлым, уничтожая и разрушая памятники этого прошлого»...

Если всё это не ясно г. Шварцу, бросающему обвинение всему населению СССР в отсутствии почитания памяти погибших евреев, то тем, кто находится сейчас у власти в СССР, это и ясно, и понятно, а потому **особых** памятников евреям там и не воздвигают.

Требования же, чтобы они были воздвигнуты, которые предъявляет не один только С. Шварц, вызывает только обратную реакцию во всём СССР.

А реакция эта легко может вылиться в требование точного подсчёта, во что обошлось всему населению СССР тридцатилетнее пребывание евреев на положении правящего класса. И вряд ли он будет выгоден для евреев.

Если евреи подсчитывают и пересчитывают евреев, погибших от немцев, то, весьма возможно, когда-нибудь и русский народ займётся подсчётами. Память о миллионах, погибших от искусственно созданного голода, когда на Украине всем заправлял Каганович, и о миллионах, погибших в концлагерях под управлением Френкеля, не исчезнет в памяти народной.

И, учитывая обстановку и народные настроения, можно с уверенностью сказать, что возвращение еврейской этнической группы на положение правящего класса в России или в СССР, поскольку это название ещё задержится, невозможно.

Настроения же эти к концу войны были таковы, что легко могли закончиться взрывом, при котором не уцелело бы и правительство. Только своевременно принятыми мерами — постепенным, без всякого шума и печатания в газетах, отстранением евреев с руководящих постов, — этот взрыв был предотвращён.

Вспышки народного негодования, выливавшиеся в погромы, были характерны для настроений в первые послевоенные годы и далеко не единичны, хотя в советской прессе об этом и не печаталось. Одну из таких вспышек, имевших место в Киеве, описывает «Социалистический Вестник»: Один еврей убил одного украинца. «Толпа бросилась к дому, в котором жил еврей, убивший украинца, выволокла на улицу его жену и ребёнка и тут же их убила; потом бросилась громить дальше, причём возбуждение очень скоро **приняло и резкий антисоветский характер**» (подробно этот случай изложен во II части,

стр. 444). Характерно, что автор статьи, редактор «Социалистического Вестника», Абрамович, написал не «антисемитский», а «антисоветский» характер, тем самым подтверждая, что в народе власть советскую отождествляли с властью еврейской.

Все эти отдельные вспышки легко могли слиться в огромный бунт, при котором не уцелела бы и сама советская власть, что правительство учитывало и принимало соответствующие меры, не желая и не рискуя раздражать население.

Так продолжался «спуск на тормозах» и тихая ликвидация первоначального положения евреев в СССР в первые послевоенные годы. Это не были «чистки» с широким осведомлением населения — делалось это тихо и без излишней огласки и какого бы то ни было публичного обсуждения.

Так шло до 1947 года — года создания независимого государства Израиль, к каковому вопросу еврей-граждане СССР проявили особый интерес и выявили свои настроения, которые поставили под вопрос их лояльность, как советских граждан.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946 - 1966 гг.)

Если период довоенный и годы войны могли быть описаны с достаточной объективностью, хотя и не исчерпывающей, благодаря отсутствию возможности для исследования пользоваться многими источниками пока нам — современникам событий — недоступными, то с описанием периода послевоенного вопрос обстоит гораздо хуже по ряду причин.

Первой и основной причиной является то обстоятельство, что все или почти все сведения и данные о положении еврейской этнической группы в СССР проходили через призму начавшейся холодной войны, от чего, разумеется, сведения эти оставляли желать много в смысле их объективности.

В печати советской еврейского вопроса во всём его объёме старались не касаться, ограничиваясь только иногда, но далеко не всегда, косвенным указанием, что некоторые лица, совершившие неблагоприятные поступки или наносящие вред СССР — евреи. Причём делалось это именно «косвенно»: печатались полностью имена и отчества этих лиц, из чего читателю становилось ясно, что вопрос идёт именно о евреях.

Заграничная печать это расшифровывала как натравливание масс на евреев и старательно регистрировала все эти случаи, подсчитывая, конечно, и процент обиженных властью евреев.

Свободный обмен мнений по этому вопросу на страницах печати с целью установления истинного положения был невозможен ни в Со-

ветском Союзе, ни за границей в атмосфере ведущейся холодной войны, когда вопрос о «преследованиях» и «дискриминации» евреев в СССР стал одним из главных козырей в пропаганде против СССР, называемой «антикоммунистической», а на самом деле, гораздо больше антирусской, чем антикоммунистической.

Учитывая такую обстановку, может быть, спокойнее и лучше было этого периода вообще не касаться и закончить свой очерк годом окончания войны.

Но, с другой стороны, именно в этот двадцатилетний послевоенный период в еврейском вопросе в СССР произошли такие изменения, что не упомянуть их, хотя бы и в краткой, сжатой форме невозможно.

Поэтому попытаемся, в самых общих чертах, описать и события этого, послевоенного периода.

После войны настроение широких народных масс переменялось. Много они увидели за годы войны и терпеть безмолвно, как терпели раньше, засилье евреев в своей стране, не были склонны, что не раз и не два выявлялось в годы войны, а, в особенности, после её окончания. Правительство учло эти настроения и, как сказано выше, постепенно на руководящих административных постах начало появляться всё больше и больше не-евреев, а представителей коренного населения страны: великороссов, украинцев, белорусов и национальных меньшинств, имеющих свою национальную территорию. Такое же явление наблюдалось и среди полпредств и торгпредств СССР, которые в довоенные годы были переполнены евреями.

В эти годы — первые послевоенные — перед всей страной, а руководителями её политики, в особенности, во всём своём объёме встал вопрос о фактически «двойном подданстве» евреев-граждан СССР, которые свои симпатии и лояльность делили между СССР и государством Израиль, за создание которого с первых же дней после окончания войны велась во всём мире неустанная пропаганда, закончившаяся решением Объединённых Наций о создании суверенного еврейского государства Израиль (1947 год).

О психологии этого «двойного подданства», свойственного каждому еврею диаспоры, подробно изложено в исследовании проф. Соломона Лурье, напечатанном во II части настоящего труда. Сущность заключается в том, что при решении любых вопросов еврей, независимо от страны его пребывания и гражданства-подданства, прежде всего должен сам себе уяснить, полезно или вредно еврейству в целом то или иное решение, мероприятие власти, политическая линия государства. И поддерживать только то, что полезно еврейству в целом, независимо от того, совпадает ли это с интересами страны, в которой в данное время еврей живёт.

То, что так отчётливо формулировал в своей книге, вышедшей в 1922 году в Петрограде, проф. Соломон Лурье, начало достаточно от-

чётливо ощущаться в СССР, направление политики которого перестало полностью совпадать с интересами и вожделениями всего еврейства диаспоры, как это было в течение 30 лет до этого. В самом СССР еврейская этническая группа стала постепенно терять своё привилегированное положение и уравниваться в правах и возможностях с остальным населением. Еврейством всей диаспоры это было воспринято как «дискриминация» пробуждение национального самосознания русского народа, и если не прекращение, то значительное сокращение охаивания его исторического прошлого было воспринято еврейством как возрождение если не «антисемитизма» и «черносотенства», то, во всяком случае, «русского патриотизма» — явления, с точки зрения еврейства, нежелательного и опасного. И мировое еврейство из сторонника СССР в значительной своей части перешло в лагерь его противников. Стремление всего еврейства, в том числе и граждан СССР, всемерно поддержать требования о создании государства Израиль независимо от того, отвечают ли эти требования государственным интересам СССР, привело ко внутреннему конфликту между евреями и не-евреями Советского Союза, поставивши, не без основания, вопрос о их лояльности по отношению к стране, где они в течение тридцати лет занимали привилегированное положение.

В критические месяцы войны пропагандный аппарат СССР, находившийся почти полностью в руках евреев, для поднятия духа армии, на которую слабо действовали интернационалистические лозунги и призывы, обратился к прошлому России. Были учреждены ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, а вскоре затем в РККА введены звания — чины, как в довоенной армии России, а также и золотые погоны, столь ненавистные тем, кто создавал СССР.

Дух прошлого, с которым так старательно боролись и его искореняли из памяти народа в течение четверти века разные Губельманы, Апфельбаумы, Сурицы и их единомышленники, всячески охаивая это прошлое, был выпущен из бутылки и нашёл такой отклик у тех, кто грудью и кровью защищал свою родину — землю и наследие предков — что загнать его назад уже было невозможно.

Интернационально-космополитический туман рассеялся и на смену ему возродился, казалось уже мёртвый, патриотизм русского народа и всего населения СССР, осознавшего себя и свою силу, своё право самим управлять своей страной.

А из этого сознания, естественно, появился и вопрос: в чьих руках может находиться руководство всей культурной жизнью страны, точнее, может ли это руководство быть в руках одной этнической группы, с миропониманием и правосознанием, чуждыми духу того народа, от имени которого они выступают и культурной жизнью которого руководят. Вопрос не теоретически-абстрактный, а вопрос самого бытия национальной культуры, её сущности, её проявления.

Вопрос этот не новый. Он уже давно носился в воздухе, но не произносился вслух, а тем менее, обсуждался в печати, ибо это неизбеж-

но было бы истолковано как «антисемитизм», обвинение или даже подозрение в каком-то могло людям стоять общественной или литературно-публицистической карьеры.

И не только в воздухе СССР или дореволюционной России носился этот вопрос. Существовал он и беспокоил элиту многих народов, но оставался произнесённым и невысказанным. Разве только в дневниках, где высказываются сокровенные мысли, некоторые, но далеко не все, решались коснуться этого «шекотливого вопроса» и поставить его во всей его глубине.

Марк Вишняк, бывш. Секретарь Всероссийского Учредительного Собрания, посвятивший себя по прибытии в США делу борьбы с антисемитизмом в мировом масштабе, по этому вопросу сделал интересное открытие, которое и было напечатано в 1944 году в Нью-Йорке в «Еврейском Мире» и получило самое широкое распространение среди всех, интересующихся этим вопросом.

Вот что читаем мы на страницах 95-97 сборника II «Еврейский Мир», Нью-Йорк, 1944 г.

«И самый крайний радикализм не боится от антисемитизма, как и революция — в прошлом и будущем — отнюдь не гарантирует того, что дискриминация и диффамация меньшинств веры, расы, цвета кожи могут быть сметены окончательно и бесповоротно.

Можно привести множество свидетельств тому, как самые замечательные и передовые умы оказывались во власти антисемитизма. Ограничимся одной иллюстрацией из практики нового времени, недостаточно известной.

Андре Жид по всей справедливости считался одним из корифеев французской изящной литературы XX века, одним из первых её светил. Иностранцы — возьмите недавно вышедшую биографию Жида, написанную Клаузом Манном, сыном Томаса Манна — называют Жида «наиболее выдающимся современным автором XX века», «моралистом с художественным гением», «чье бессмертие обеспечено». Жид был известен крайним радикализмом во многих областях жизни; а политически он был связан со всем «крайним левым», что только было во Франции XX века. Одно время он сделался даже приверженцем и попутчиком большевизма. Он дружил с Леоном Блюмом, часто, с юношеских лет и до самой французской катастрофы, бывал у Блюма дома, был его конфиденнтом, одно время соредактором и т. д.

В начале 1940 года Жид опубликовал свой дневник за 40 лет — огромный том свыше тысячи страниц. И здесь Жид оказывается не только личным ненавистником Блюма, но и «культурным» антисемитом. Он отрицает за «пришлыми» во Франции литераторами-евреями право считаться французскими писателями. Порто Риш, Блюм и другие авторы, вошедшие во французскую литературу, критику, театр, не писавшие никогда на другом языке, кроме французского, по мнению Жида, не французские писатели и не могут на то претендовать. «Какое для меня имеет значение, что литература моей страны обогатится, если

это будет в ущерб её значению. Лучше исчезнуть, когда у француза не оказалось бы больше сил, чем предоставить неучу играть роль француза вместо него его именем» — (запись от 24 января 1914 года, стр. 397).

«Надо помнить, кем был Жид для Франции и её литературы — что он был властителем дум и душ двух поколений французов — чтобы по достоинству оценить трагическую показательность этого «случая». Это индивидуальный случай, но не банальный»...

Так пишет Марк Вишняк, который в той же книге, на следующей странице (98) пишет следующие слова: **«О СССР и убеждённые его противники не скажут, что там культивируется антисемитизм правительством».**

Тогда, надо полагать, будное око Вишняка ещё не обнаружило того начала уравнивания евреев в правах, которое теперь называют «антисемитизмом»...

А через несколько строк, в той же книге и на той же странице, М. Вишняк пишет: **«Боязливые и двоедушные — евреи и не-евреи — рекомендуют об антисемитизме не говорить из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам расы и цвета кожи только способствуют усилению и распространению самой диффамации и дискриминации».**

Сам же Вишняк не только говорит, но и пишет, выступает, организует борьбу с антисемитизмом в мировом масштабе, каковую, по его мнению, надо вести, **«начиная с осведомления об очагах инфекции и кончая ее прямым предупреждением и пресечением».**

Выступая на общем собрании еврейских федераций в Кливленде в январе 1943 года и отвергая наличие даже намёка на «антисемитизм» правительства СССР, Вишняк вряд ли мог предполагать, что всего через три года этим самым правительством СССР будет одобрено и поддержано выступление Жданова, поставившего проблему «безродных космополитов» и поведшего борьбу против их засилия в культурной жизни страны.

Додумался ли Жданов до этого сам или ему помог в этом М. Вишняк широким оповещением о сокровенных мыслях Андре Жида, записанных им в дневнике, конечно, установить нельзя. Да это и неважно и не имеет значения. Важно другое: то, как это было встречено русскими деятелями культуры в СССР, и что это было начало новой политики правительства в СССР в еврейском вопросе, направленной к уравниванию фактическому, а не только на словах, евреев с остальным населением, каковое уравнивание неизбежно вело к потере евреями того привилегированного положения, которое они имели в СССР почти 30 лет.

Неудивительно, что этот новый курс политики правительства был воспринят всем еврейством диаспоры, как «антисемитский», и это отвратило его неизменно благосклонное отношение ко всему происходящему в СССР на путь активной поддержки сил и течений, враждебных

не только системе и социальному порядку СССР, но и тех, кто ставил своей целью ликвидацию путём расчленения единого государства, называвшегося раньше Россия и в годы власти еврейской этнической группы переименованного в СССР.

И именно в этой перемене политики правительства СССР, надо полагать, надлежит искать причину особых симпатий еврейства диаспоры, проявляемым разного рода сепаратистским группам отдельных народностей СССР, чего в годы предвоенные не замечалось.

Совсем по-иному был воспринят новый курс в еврейском вопросе теми деятелями культуры, которые были не-евреи. Об этом не писалось в газетах, не дискутировалось на собраниях и митингах, но определённо ощущалось, что этот новый курс вызывает одобрение и даёт надежду русским фактически уравниваться в правах и возможностях с евреями, имевшими до этого монополию в области культуры СССР вообще, а пропаганды, особенно.

Как известно, выступление Жданова и поддержка его правительством не повлекли за собой немедленное отстранение евреев от литературной и пропагандной деятельности. Очень много, даже непропорционально много евреев осталось на своих постах в литературе, искусстве, критике и пропаганде, и никто их не смешал и не отстранял. Эренбург, Заславский, Вера Инбер, Пастернак, Маршак и множество других остались на литературном Олимпе. Немало евреев и сейчас, в 1967 году, состоит в числе членов Союза писателей СССР, как например, Никулин, Каверин, Козаков и много других. И говорить о полном отстранении евреев от участия в культурной жизни СССР, конечно, нельзя.

Но что они потеряли прежнее монопольное положение и ведущую роль — это несомненно. Вот это-то обстоятельство их и раздражает.

Характерны и заслуживают особого внимания слова Жданова, положившие начало признанию того, что культура должна быть национальной по самому своему существу, и что она уходит своими корнями в далёкое прошлое народа. «Безродные космополиты», — сказал Жданов, коммунист, последователь идей III интернационала. И никто, кроме заграничного еврейства, против этих слов не запротестовал...

Не есть ли это доказательство осознания народом всей ценности и глубины своей национальной культуры? И в то же время — невысказанный протест, что от имени народа выступают и говорят те, кому эта народная культура чужда, непонятна и враждебна?...

То, что Андре Жид записал в своём дневнике ещё до первой мировой войны — то самое, только другими словами, высказал Жданов после окончания второй мировой войны.

«Культура есть наследие отцов и дедов, которое надлежит передать потомкам». — Так поучают духовные вожди и элита каждого народа. В СССР тридцать лет это наследие отцов и дедов было под запретом и если о нём и упоминалось, то всё прошлое изображалось в самых чёрных красках.

И когда были произнесены слова «безродные космополиты», народ их воспринял как признание самой властью, что лояльность тех, кто от его имени тридцать лет говорил и выступал, взята под сомнение. А это как раз соответствовало тому, что думал народ, национальное чувство, патриотизм которого после победоносной войны и всего на ней виденного и пережитого был обострѐн.

Сталин, который был хорошо осведомлѐн об этих настроениях, учѐл это обстоятельство и всячески подчѐркивал жертвы и заслуги во время войны именно «русского» народа, нигде не вспоминая ни народ еврейский, ни его жертвы и заслуги, в наличии которых население страны сомневалось.

Всѐ население страны ещё хорошо помнило свои многомиллионные жертвы коллективизации, голода и лагерей, среди которых евреев оно не замечало. Причѐм жертвы эти были не результат бесчеловечного отношения врага, вторгшегося в страну, а были вызваны правящим классом, каковой народ отождествлял с еврейской этнической группой. В такой психологической обстановке в кругах «Еврейского Антифашистского Комитета» и среди евреев вообще возникла мысль превратить весь Крым, опустевший в результате войны, в еврейскую национальную область или республику.

Результатом было так называемое «Крымское дело», которое повлекло за собой роспуск «Еврейского антифашистского комитета» и репрессии по отношению к ряду советских вельмож-евреев, в том числе и Соломону Лозовскому (Дриздо), возглавителю этого комитета.

Население страны об этом плане не знало ничего, и нигде он на страницах печати и на собраниях, насколько известно, не обсуждался. Но ЦК партии сразу же пресѐк всё в самом корне, ибо он отдавал себе отчѐт в том, к чему это может повести.

Подробности «Крымского дела» ещё ждут своего объективного исследователя, ибо для исторического исследования ещё не пришли сроки. Много в этом «деле» ещё тѐмного и неизвестного. — Но самый факт молниеносной реакции правительства СССР на этот план указывает, какое ему придавалось значение.

Превращение всего Крыма с его природными богатствами, гаванями и морской крепостью Севастополем в еврейскую национальную область или даже республику, по мнению правительства СССР, было бы «военным риском» для Советского Союза, с чем солидаризировался и Хрущёв во время своего выступления в августе 1956 года, о чём пишет Р. Абрамович в «Социалистическом Вестнике» (май 1957 г.), называя эту мысль «чудовишной».

Насколько она «чудовишна», судить трудно... Но если представить себе реально, во что бы вылилось осуществление «Крымского плана», то не так уже невероятно и опасение «военного риска», высказанное Сталиным и повторѐнное Хрущёвым.

В атмосфере холодной войны, когда всё еврейство на стороне противников СССР как государства (а не только противников существую-

щего там социального порядка), — наличие «еврейского государства» в Крыму, быть может, действительно представляло собою «военный риск»...

И если этот военный риск (без всяких кавычек) был своевременно предусмотрен и предупреждён — с точки зрения государственной трудно не одобрить то, что до создания этого государства не дошло.

Если Р. Абрамович и его единомышленники это и не одобряют — зато всё население России-СССР держится противоположного мнения, в чём не может быть никакого сомнения. Вряд ли можно сомневаться и в том, что всё население СССР не особенно бы огорчилось, если бы все до одного представители еврейской этнической группы навсегда покинули страну. По этому вопросу никогда никакого голосования не было.

Кроме того, не следует упускать из вида и то обстоятельство, что в то время, когда создавался план о создании еврейской национальной республики в Крыму, уже существовала Конституция СССР, согласно которой, Союзные и Автономные республики имеют право «вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться с ними дипломатическими и консульскими представителями»... «иметь свои республиканские военные формирования». А «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (Статьи 18, 18-а и 18-б).

И если бы план создания еврейской республики в Крыму осуществился, какая гарантия, что при помощи и поддержке всего еврейства диаспоры Крым не превратился бы в суверенное государство, притом неизвестно, дружественное СССР или враждебное. И как бы к этому отнеслось всё остальное население двухсотмиллионного СССР?

Надо полагать, что всё вышеизложенное было учтено и принято во внимание, когда сразу же в корне была пресечена попытка фактического отделения от всего государства того Крыма, за обладание которым пролито столько русской крови.

Государство Израиль _ и проблема двойного подданства.

Вскоре после безболезненной (если не считать казни нескольких человек) ликвидации Крымской Республики» произошло ещё одно событие в жизни еврейской этнической группы в СССР, которое поставило под сомнение лояльность всех евреев СССР по отношению к государству.

В первые два послевоенные года (1945-1947) во всём стане победителей во второй мировой войне шла усиленная и напряжённая пропаганда за создание в Палестине, большинство жителей которой составляли арабы, отдельного суверенного государства «Израиль». С тем, что евреи на территории, намеченной для создания еврейского государства, численно представляли только меньшинство, не считались, и без всякого голосования и плебисцита часть Палестины была отдана

евреям, которые в начале 1948 года провозгласили создание государства «Израиль».

Еврейская этническая группа в СССР была всецело на стороне тех сионистов, которые во всём мире вели пропаганду за создание «Израиля», основываясь на том, что это «Земля Обетованная», «обещанная евреям на Сионе» (Слова израильского премьера Бен Гуриона в ноябре 1956 года, во время «Суэцкого кризиса»).

Не протестовало и правительство СССР против создания таким путём нового государства. Представитель СССР в Объединённых Нациях голосовал, как за создание этого государства, так и за принятие его в число членов Организации Объединённых Наций.

Из каких соображений и побуждений СССР занял такую позицию, нам — современникам — судить трудно, ибо многое ещё находится в архивах, недоступных исследователям. Можно только поставить для разрешения в будущем два вопроса: совместимо ли с принципами демократии, положенными в основу ООН, создание государства таким, очевидно, недемократическим способом? И — второй вопрос: как мог стоящий на позициях атеизма СССР признать мистическо-религиозное обоснование «права» евреев на Палестину?

На оба вопроса до сих пор никто вразумительного и убедительного ответа не дал и не пытался дать. Политические деятели всего мира предпочитают отмалчиваться и этих вопросов вообще не затрагивать.

Объяснить позицию СССР в этом вопросе «давлением общественного мнения» или давлением еврейской этнической группы в СССР вряд ли возможно. Общественное мнение или, точнее сказать, невысказанные (за отсутствием свободы слова) настроения всего населения СССР были не на стороне сионистов; влияние на внешнюю политику евреев резко и быстро падало, и правительство меньше всего с ним считалось. Существует одно объяснение этой непонятной позиции СССР в этом вопросе. Насколько оно точно, сказать трудно. Сущность же этого объяснения следующая: позиция правительства СССР в израильском вопросе — есть результат далеко идущего плана внести «замешательство» в ближневосточные дела, при котором СССР при любых комбинациях был бы в выигрыше. В случае, если бы в Израиле победили элементы прокоммунистические — он бы автоматически стал проводником политики СССР на Ближнем Востоке, бывшем цитаделью ещё мощных тогда колониальных империй Англии и Франции. В случае занятия Израилем позиций прозападных (что и случилось) для СССР появлялось сильнейшее пропагандное средство для включения всего арабского мира в свою орбиту обещанием помощи против Израиля. Таким образом, стомиллионная арабская масса отрывалась от влияния Запада...

Может быть, всё сказанное — досужие размышления журналистов и комментаторов, но всё же они заслуживают внимания будущих исследователей.

Кроме приведённых выше объяснений, существует и ещё одно: желание правительства СССР проверить лояльность своих граждан евреев на основании их реакции на признание Израиля. Это, последнее, и случилось уже в 1948 году, через несколько месяцев после провозглашения суверенного государства Израиль и принятия его в ООН.

В октябре 1948 года в Москву прибыла Гольда Мейерсон, назначенная послом Израиля в СССР.

Более чем полумиллионная масса евреев, проживавших тогда в Москве, когда посол Израиля, по прибытии, отправилась в синагогу, восторженно её приветствовала, и сразу же многие тысячи москвичей-евреев подали заявления о желании переселиться в Израиль.

Сталин и правительство сделали отсюда выводы. Непосредственно за манифестациями евреев, в связи с приездом Гольды Мейерсон, последовал целый ряд ограничительных распоряжений правительства, касающихся «национально-персональной» культурной деятельности еврейской этнической группы, рассеянной по всей стране. Была закрыта еврейская газета «Дер Эмес» в Москве, еврейские театры, запрещено преподавание на «идиш» в Москве... Немалому количеству активных деятелей еврейской национальной культуры пришлось в принудительном порядке покинуть Москву, а кое-кто и был арестован. Все же москвичи, подавшие заявления о желании покинуть СССР и переселиться в Израиль, были сосланы в отдалённые области СССР.

«Правительство ощутило неблагонадёжность евреев»,— так пишет москвич Давид Бург, выехавший в 1956 году из СССР и напечатавший на немецком языке в журнале «Антикоммунист» (№ 12, 1957 г.) большую статью «Еврейский вопрос в Советском Союзе». (Статья полностью приведена в части II «Приложения»). Это ощущение «неблагонадёжности евреев» соответствовало таковому же ощущению и всего населения страны, которое на евреев, в основном, смотрело, как на элемент «пришлый, чужой и чуждый».

Однако надо признать, что никаких массовых увольнений с работы или других репрессивных мер по отношению к евреям, только потому, что они евреи, не предпринималось. Они сидели на своих местах — не плохих и не последних — и их не увольняли и не лишали возможности работать.

Но прежнего к ним доверия не стало. Прежние позиции всеильного правящего класса были потрясены, а возможности выдвижения на руководящие роли во всех областях жизни были значительно сокращены и затруднены. В особенности это коснулось тех должностей и профессий, в которых нужна была стопроцентная уверенность в лояльности: дипломатия, внешняя политика, дело обороны страны.

Хотя слово «еврей» нигде и не писалось и не произносилось, но всё население СССР, а евреи прежде всего, отчётливо почувствовали новый курс правительства в еврейском вопросе.

Население этот новый курс встретило полным одобрением (хотя и молчаливым, ибо в СССР правительство ни одобрения, ни неодобре-

ния не терпит). Всё же еврейство, как СССР, так и заграничное, усмотрело в этом новом курсе «дискриминацию и преследования» евреев в СССР и всё острее своего негодования и возмущения направило прежде всего на диктатора — Сталина.

Конечно, немало было евреев, граждан СССР, отдававших себе отчёт в том, что усомниться в «благонадёжности» евреев в случае конфликта с Израилем или его покровителями и союзниками основания есть, и немалые. Но страх быть обвинёнными, что они выступают «против еврейства», нарушают тысячелетнюю традицию расово-религиозной солидарности евреев, заставлял их молчать. Даже твердокаменных сторонников коммунистической теории и сталинской тактики и практики.

Во всей же стране, среди рассеянных по всем её просторам евреев росло недовольство новым курсом в еврейском вопросе, главным виновником которого считали Сталина, который без шума и большой огласки неуклонно проводил свою линию.

А во всём мире настроения еврейской этнической группы в СССР вызывали и питали враждебное отношение не только к Сталину и его режиму, но ко всему русскому народу, считая его виновным в «преследовании» евреев.

Так продолжалось до второй половины 1952 года, когда было выдвинуто обвинение группе врачей в попытке путём неправильного лечения отравить самого Сталина. А врачи-то, наиболее приближённые к кремлёвским верхам, были в большинстве евреи. Как и почему случилось, что именно евреям была доверена забота о здоровье Сталина и его сотрудников — объяснять вряд ли нужно. Они остались там с тех времён, когда евреи везде и всюду занимали ответственные должности. И их никто не смещал даже после переломного 1948 года.

Выдвинутое против врачей обвинение и соответствующая кампания в советской печати населением, а в особенности евреями, толковались распространительно — как сочувствие тем, кому предъявлялись обвинения. Москва была полна слухов о предстоящих репрессиях по отношению ко всем евреям и о предстоящей их высылке на Дальний Восток.

«Начали паковать чемоданы, дёшево распродавать обстановку и ложились спать с мыслями, что, вероятно, ночью будут арестованы»... — так описывает настроения московских евреев Давид Бург в своей, упомянутой выше, статье.

Настроение больше чем полумиллиона московских евреев, начиная с октября 1952 года и до смерти Сталина, было паническим. Никто не сомневался, что так же, как в начале войны были выслены целые народы из Крыма, с Кавказа и Поволжья — будут выслены и евреи, не только из Москвы, но и из всех мест, где они живут.

Скоропостижная смерть Сталина всё изменила. «Заговор врачей» был объявлен фальшивкой. Среди евреев наступило успокоение.

Но о возвращении еврейской этнической группы в прежнее положение правящего класса уже нечего было и думать.

Политика правительства СССР в еврейском вопросе неуклонно шла к приведению в соответствие числа евреев интеллигентных профессий и на ответственных местах с их числом в стране и процентным отношением ко всему населению. Политика эта проводилась не спеша, без шума и потрясений, вызывая одобрение всего населения СССР и возмущение и негодование его еврейского однопроцентного меньшинства, которое это квалифицировало как дискриминацию и преследование.

Да и то не всего еврейского меньшинства. Немало есть в СССР и таких евреев, которые сознательно стали на путь совершенно добровольной ассимиляции, безусловной лояльности по отношению к СССР, полного не только вхождения и включения в русскую культуру и быт, но и растворения в нём, что значительно облегчалось отходом от иудейской религии, ревниво оберегающей чистоту расы, неразрывно связывая её с религией. Смешанные браки, о которых с ужасом говорят раввины, значительно содействуют этому процессу. Содействует ему также и потеря еврейством своего разговорного языка — «идиш» и замена его языком русским. Больше 80 % евреев в СССР не умеют ни читать, ни писать на «идиш».

С еврейской этнической группой в СССР происходит то же самое, что произошло с евреями в Западной Европе в средние века: они забыли свой язык и в быту приняли без всяких принуждений язык немецкий — «идиш».

Тогда только наличие «гетто» помогло сохранить еврейству свои племенные особенности и религию и предотвратить его полное растворение в немецком море. Сейчас нет ни «гетто», ни безусловного подчинения авторитету раввинов. А потому процесс ассимиляционный, несмотря на все протесты и наличие государства Израиль, идёт неуклонно. Не считается с этим нельзя, а предотвратить его вряд ли возможно.

Этот неотвратимый и непредотвратимый процесс ассимиляционный, с одной стороны, и потеря евреями СССР привилегированного положения, с другой, порождают и питают антирусские настроения у всего еврейства диаспоры, а также и весьма значительной части (вероятно, подавляющего большинства) евреев СССР, не могущих так легко примириться с утерей своего привилегированного положения.

Об этих антирусских настроениях, переплетающихся с настроениями антисоветскими, говорит в своей статье Давид Бург (см. выше), о них же пишет и Юлий Марголин, обосновывая и оправдывая эти настроения.

В № 1604 от 15 ноября 1960 года в издающейся в Париже на русском языке газете «Русская мысль», в своём «Тель-Авивском блокноте», Юлий Марголин пишет следующее:

«На особом положении под скипетром Никиты находится единственный еврейский народ, осуждённый на потерю национально-

сти и постепенную ликвидацию в качестве исторической и культурной особи. Конечно, Никита милостив и гуманен; он далёк от гитлеровского людоедства; речь идёт не о поголовном физическом истреблении, а об «ЕВТАНАЗИИ»: безболезненным, насколько возможно, удушении и духовном замирании целого народа, у которого отнято право располагать своей судьбой. Отнято оно и у других народов советской империи. Но этим народам, по крайней мере, в ближайшие столетия не угрожает опасность денационализации: русские останутся русскими, украинцы — украинцами, грузины — грузинами. Только евреи «атомизированы» и подвергнуты «особому режиму». И как следствие, те из них, кто приветствует национальное самоубийство, проявляют исключительное усердие, а другие этот режим ненавидят с силой беспрецедентной, ибо только в одной этой ненависти и может выразиться их национальное самоутверждение. Я беру на себя смелость утверждать, что о глубине и качестве этой бездонной ненависти не имеют представления даже самые «непримиримые» эмигранты, мирно доживающие свои дни по разным углам Запада».

Признание Марголина, что евреи ненавидят режим, ими же в своё время созданный (о чём Марголин забывает), казалось бы должно было породить и стремление этот режим свергнуть, как когда-то царский.

Однако об этом стремлении еврейства СССР Марголин не говорит...

Зато об этом говорит достаточно подробно и убедительно Давид Бург, родившийся и выросший в Москве, где он получил и высшее образование, а после этого эмигрировал в 1956 году. Настроения еврейства СССР вообще, а многосоттысячных евреев-москвичей в особенности, Бург, конечно, знает гораздо лучше Марголина, а потому и пишет отчётливо о настроениях, стремлениях и опасениях евреев в СССР.

В своей статье (упомянутой выше) Бург употребляет слова «анти-советский» и «антирусский» как синонимы. Конечно, это не случайно, ибо евреи, недовольные новым курсом политики правительства в еврейском вопросе, сами переплетают эти два понятия, как это делают их единоплеменники вне СССР. Вот что пишет по этому вопросу Давид Бург : «Дискриминация» (он считает уравнение дискриминацией) «усиливает еврейский национализм и стремление в Израиль. В то время, как поколение 30-х годов относилось с безразличием к вопросу о своей принадлежности к еврейству, подавляющее большинство нынешних молодых евреев настроены весьма националистически. Однако этот национализм вовсе не обуславливается религией. У большинства, особенно у молодых евреев, этот, возникший в результате враждебной к евреям политики правительства, национализм совмещается с резко антисоветской установкой. Однако это не всегда так. Одним опасностью антисемитизма «снизу» кажется большей, чем опасность антисемитизма «сверху». Они рассуждают так: прави-

тельство хотя и давит на нас, но все же допускает нам существовать. Если же наступит революционная смена, то во время неизбежной анархии переходного периода мы будем попросту перебиты. Поэтому будем лучше держаться правительства, как бы плохо для нас оно ни было. У людей этих установок антирусские настроения и стремления в Израиль особенно сильны»...

Приведённые выше высказывания двух авторов-евреев заслуживают особого внимания, как потому, что они новейшего датума (1957 и 1960 годы), так и потому, что оба автора много и часто пишут по «еврейскому вопросу» в периодической печати на русском языке и единодушны в своей оценке и настроениях еврейства в СССР, и отношения к всего населения к своим согражданам-евреям.

При этом оба автора старательно замалчивают подлинную причину, вызвавшую эти настроения и пространно говорят об «ограничениях» и о «дискриминации», когда на самом деле, как видно из их собственного изложения, вопрос идёт только об уравнивании в правах и возможностях не-еврейского населения с евреями, которые 30 лет занимали привилегированное положение в СССР.

О том же времени, когда фактически проводилась дискриминация по отношению к коренному населению, когда однопроцентное еврейское меньшинство давало 80, а то и 90 процентов дипломатов и советских вельмож — об этом ни Марголин, ни Бург не пишут... Хотя им как евреям и следовало бы об этом написать, и попытаться объяснить, и, если можно, оправдать ту «обратную пропорциональность» евреев на руководящих постах в стране, в которой они появились всего меньше, чем полтора столетия назад, и составляли всего один с небольшим процент населения.

О настроениях евреев в СССР говорят оба автора. Марголин, который в СССР на свободе не жил и мог общаться только со своими единоплеменниками-евреями, попавшими в концлагеря после 1939 года (преимущественно из Польши), говорит о «бездонной ненависти» их к режиму. О настроениях же остального населения, не-евреев, к евреям Марголин не пишет.

Зато об этом недвусмысленно говорит Давид Бург словами: «Если наступит революционная смена, то во время неизбежной анархии переходного периода **мы будем попросту перебиты**». Сказано достаточно ясно. А настроения населения СССР Бург, надо полагать, хорошо знает, хотя с его утверждением, что все евреи в СССР **будут перебиты**, вряд ли можно согласиться. Но что в случае безвластия будет немало антиеврейских эксцессов — в этом вряд ли можно сомневаться.

Отсутствие сколько-нибудь достоверных данных о настроениях населения СССР по отношению к евреям не позволяет нам ни подтвердить мрачные прогнозы Бурга, ни их опровергать. А потому приходится ограничиться только приведением этих высказываний в нашем кратком изложении 20-летнего послевоенного периода.

Сообщая о «бездонной ненависти» евреев к **режиму**, Марголин обходит молчанием вопрос об отношении не только евреев, но и всего населения СССР, как к режиму, так и к евреям. Но вопроса о том, идёт ли эта ненависть евреев к режиму до желания свергнуть ненавистный режим или только ограничивается ненавистью, без возможности её проявить — Марголин не касается, как не касается и вопроса, распространяется ли эта ненависть и на весь русский народ.

Бург говорит о другом: об отношении не только русского народа, но и всего населения СССР не к **режиму**, а к **евреям** и сообщает, что евреи, независимо от своего отрицательного отношения к режиму, опасаются его свержения и режим поддерживают.

О неприязненных отношениях к евреям, как правительства СССР, так и всего населения, много и часто пишется в печати всего мира, причём, как правило, правительство отождествляется почему-то именно с русским народом (великороссами), не распространяя это на другие народы страны, хотя бы на украинцев, имеющих давние и старые счёты с еврейством. А нередко, сообщая о проявлении антиеврейских настроений населения, заграничная еврейская печать все инциденты и эксцессы на этой почве объясняет инициативой правительства, замалчивая вопрос о настроениях самого населения по отношению к евреям.

Так, например, в журнале «Социалистический Вестник» (орган еврейского «Бунда» и «Российских» меньшевиков), выходящем на русском языке, в номере за декабрь 1959 года (стр. 241) напечатана следующая летучка: «Войдя в магазины, лавочки второго Иерусалима (Малаховки), вы всюду видите их салыные и надменные рожи, которые презрительно смотрят на русского. И где это? — На нашей русской земле иудейский род вознёсся так высоко, хает русский народ «дурачьём» и «ваньками», а мы всё терпим... Но до каких пор это будет? — Мы спасли их от немцев, которые более рассудительны насчёт этой нации, приютили их. А они так быстро обнаглели, что русский народ не понимает, «кто же на чьей земле». Народ ропщет (теоретически), но не далеко и до практики. Если прямо говорить, большевики зря поторопились приравнять эту нацию. — Её можно опустить в низы, а она вылезет, как пырей, засорять чистую добрую душу русского народа. Так оно и случилось. Не тот сейчас наш народ. От евреев он заразился бюрократизмом, жадностью, выгодой, негостеприимством. Нет той открытой сердечной русской души, которая теперь существует лишь в деревне».

Подписана эта летучка так: «Б.Ж.С.Р. и за О.Р.Н.», что расшифровывает «Социалистический Вестник» так: «Бей жидов, спасай Россию!» и «За Освобождение Русского Народа!»

Летучка эта распространялась в Малаховке — пригородной местности под Москвой, где раньше евреям селиться не разрешалось, а теперь там много евреев и даже есть две синагоги.

Редактор «Социалистического Вестника» Р. Абрамович полностью напечатал эту летучку в своём журнале, добавивши от себя, что, по

его мнению, она сфабрикована самим правительством СССР, во главе которого тогда стоял Н. Хрущёв. Насколько точно утверждение Абрамовича — неизвестно. Никаких, хотя бы косвенных данных, в подтверждение этого Абрамович не приводит.

По мнению же бывших советских граждан, не-евреев, находящихся ныне в эмиграции, содержание летучки (не касаясь её стиля), в основном соответствует мнению о евреях и их роли в СССР всего населения страны. В условиях советской цензуры мнение это не может быть высказываемо публично, но что оно существует — в этом вряд ли можно сомневаться. А высказывание Бурга об угрозе уничтожения всех евреев не правительством, а населением подтверждает наличие соответствующих настроений у всего населения.

Характерно в этой летучке и ещё одно: отсутствие каких-либо указаний на религиозно-расовые причины отрицательного отношения к евреям, т. е. на то, что и есть «антисемитизм». Причины приводятся совсем другие — чисто материального характера: недовольство и возмущение привилегированным положением еврейской этнической группы, захватом ею всех лучших положений в стране и пренебрежительно-презрительным отношением этого нового правящего класса к коренному населению страны.

Бездоказательное же утверждение «Социалистического Вестника», что летучки сфабрикованы самим правительством, принимать всерьёз не приходится.

В своё время евреи твердили, а за ними повторяла и вся мировая печать, что погромы в дореволюционной России — результат приказов правительства. После революции, когда все архивы полиции стали доступны евреям, пришедшим к власти, ни одного такого или подобного приказа не было обнаружено. Бездоказательные утверждения, или обвинения, или же выражения «общеизвестно» или «как известно» не делают чести тем, кто к ним прибегает, не будучи в состоянии фактами и документами подтвердить свои обвинения. Напомним здесь один случай, хорошо известный «обвинителям» России и её правительства в организации еврейских погромов. После самого большого по числу жертв погрома в Одессе в 1905 году еврейская партия «Паолей-Цион» командировала в Одессу своего представителя, который после всестороннего изучения всех обстоятельств дела написал: «Я ездил в Одессу именно затем, чтобы найти чисто провокаторский погром, но — увы! — не обрёл его».

На этом заканчивается описание последнего 20-летнего периода (послевоенного), каковое, как указано выше, не претендует на то, что в нём документально и всесторонне освещены все события этого периода.

Причина — отсутствие нужных данных и возможности проверки мнений и высказываний разных лиц. Многие ещё подлежат проверке в

будущем, что, надеюсь, и будет сделано теми, кто займётся этим вопросом.

Заканчивается и весь очерк «Евреи в России и в СССР», который, как показывает самое название, ограничен и временем и территорией: во времени ограничен только теми, сравнительно короткими периодами, когда еврейская этническая группа жила на русской земле; территория — только территория Государства Российского, переименованного ныне в СССР.

Вопросов, связанных с пребыванием евреев вне этой территории и их взаимоотношений с теми народами, среди которых они жили или живут, пребывая в рассеянии, мы не касаемся, ибо это выходит за рамки намеченного труда.

В заключение, мы имеем возможность привести статистические данные, дающие ясное представление о степени участия евреев-граждан СССР в культурной жизни страны, в которой они составляют **1,1 % населения**.

По данным переписи 1959 года население СССР было 208 828 000. Из них евреев было 2 268 000, что составляет 1,1 %.

Процент евреев в отдельных интеллигентных профессиях следующих: врачи — **14,7 %**; научные работники — **11 %**; юристы — **10,4 %**; писатели и журналисты — **8,5 %**; работники искусства (артисты, художники) — **7 %**.

Зная все эти данные, точность которых никем не оспаривается, можно только удивляться утверждениям о «дискриминации» и «преследовании» евреев в СССР, о чём так много и так часто говорится и пишется на всех языках мира.

На вопрос о преследованиях иудейской религии в СССР, государстве, где всякая религия провозглашена «опиумом для народа» и с ней ведётся борьба, можно утверждать, что иудейская религия находится в лучшем положении, чем все остальные. Как уже упомянуто в предыдущем изложении, даже выпечкой мацы занимался в предвоенные годы Московский Горсовет, в то время как куличи и пасхи не только не готовил горсовет, но это было запрещено делать всем булочным, кондитерским и пекарням, каковые в СССР находятся в руках государства. Евреи в Москве имеют отдельные еврейские кладбища, что не разрешается ни одному вероисповеданию, кроме иудейского.

А в дни больших еврейских праздников в Москве невозбранно, даже под охраной милиции, происходят многотысячные иудейские религиозные манифестации, сопровождающиеся песнями и плясками.

Две самые распространённые американские газеты: «Дэйли Ньюс» от 18 октября 1965 года и «Нью-Йорк Тайме» от 19 октября того же года, сообщают подробности этих торжеств. «Дэйли Ньюс» пишет о «полумиллионе московских евреев, певших и плясавших на улицах, при-

летающих к синагоге» и сообщает, что манифестация эта длилась от 6 часов вечера до полуночи.

«Нью-Йорк Тайме» пишет об этом подробнее, но говорит не о «полумиллионе», а о «десятках тысяч молодых и старых евреев», которые приняли участие в этих торжествах, причём целый блок улиц, прилегающих к синагоге, был закрыт для движения. Поющие и пляшущие евреи заполнили Архиповский переулок, на котором находится большой госпиталь, и милиция не препятствовала им петь и плясать до полуночи.

Приведённый выше факт, в достоверности которого нет никаких оснований сомневаться, без всяких слов свидетельствует о том, насколько в Москве «притесняется» иудейская религия.

И в то же время в Москве немислимы крестные ходы с десятками тысяч участников, да ещё под охраной милиции.

Зная всё вышеизложенное, трудно согласиться со всеми теми, кто во всех газетах мира пишет о религиозных преследованиях евреев в СССР, забывая при этом, что все другие вероисповедания в СССР в вопросе свободного исполнения своих религиозных праздников и обычаев стеснены неизмеримо больше, чем евреи.

Беспристрастная история, располагая строго проверенными данными, которые нам, современникам, ещё недоступны, не сможет не признать, что ни в одной стране, ни у одного народа за всё своё двухтысячелетнее пребывание в рассеянии евреи не имели таких возможностей и не достигали такого положения как в России-СССР, особенно в тридцатилетний период от 1917 до 1947 года, когда они фактически были правящим классом страны.

И если они это положение не удержали и потеряли его безвозвратно — не русский народ и не всё население двухсотмиллионного государства несут за это вину. Искать её надлежит в особенностях самого еврейского народа, который отрицательное к себе отношение (именовавшееся раньше «юдофобия», а теперь называемое «антисемитизм»), приносил с собой, как утверждают и многие евреи, начиная со Спинозы и кончая профессором Соломоном Лурье, автором исследования об антисемитизме в древнем мире, который в 1922 году высказал это мнение.

Но вопрос этот, во-первых, спорный, а, во-вторых, выходит за рамки настоящего очерка, а потому нашему рассмотрению не подлежит.

Задача настоящего труда ограниченная — сказать правду о жизни и положении евреев только и исключительно за время их пребывания на территории России и СССР. Насколько это выполнено — решит читатель.

ПРИЛОЖЕНИЯ

к I части

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В.Н. ТАТИЩЕВ.
«История Российская». Том II.
Изд. Академии Наук СССР.
Москва-Ленинград. 1963.
(Годы: 6621 = 1113).

«Великий Князь ВЛАДИМИР МОНОМАХ, Сын Всеволода I, сего имени Н-й» (Глава 13-я, стр. 129).

«...Киевляне же, не хотя иметь Святославичев, возмутились и разграбили дома тех, которые о Святославичах старались: Первее дом Путяты тысяцкого, потом жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многие обиды в торговых делах христианом вред чинили. Множество же их, собрався к их синагоге, огорожая, оборонялись, елико могли прося времени до прихода Владимирова. Вельможи же киевские видя такое великое смятение и большее опосаясь, едва уговоря народ, послали второе ко Владимиру, прося, чтобы немедля пришел и народ мятусейся успокоил объявляя, если не ускорит пришествием, то «опасно, чтобы невестку твою великую княгиню, бояр, церкви и монастыри не разграбили, и ежели то учинится, то никто кроме тебя, ответа пред Богом дать не должен». Владимир, слышав сие, вельми ужасаяся и вскоре послал о всем возвестить Святославичам, сам пошел в Киев, и когда приблизился в **неделю** апреля 20, встретил его за градом народ многочисленный, потом бояре тоже у врат града; митрополит Никифор со епископы и причтом церковным приняли его с честью и радостью великою и проводили до дому княжеского.

Тако прият Владимир престол со удовольствием всего народа, мятеж же преста. Однако ж просили его всенародно, о управе на жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились; они же многих прельстили в их закон и поселились домами между христианы, чего прежде не бывало, за что хотели всех побить и дома их разграбить. Владимир же отвечал им: «Понеже их всюду и в разных княжениях вошло и населилось много и мне не пристойно без совета князей, паче же против правости, что они допущены предными князи, ныне, на убивство и грабление их позволить, где могут многие невинные погибнуть. Для того немедленно созову князей на совет».

И вскоре послал всех звать ко Киеву. Когда же князи съехались на совет у Выдобыча, по долгом разсуждении установили закон таков: — Ныне из всея Руския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать; — и если тайно войдут, — вольно их грабить и убивать». — И послали по всем градам о том грамоты, по которым везде их немедленно выслали, но многих по градам и на путях своевольные побили и разграбили. С сего времени жидов в Руси нет, и когда который приедет, народ грабит и убивает...»

(Источник: «Летопись Нестора»).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
ПРАВЯЩИЙ КЛАСС СССР
ПЕРЕД 2-й МИРОВОЙ ВОЙНОЙ
1936-1939 гг.*

СЕКРЕТАРИАТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б):

- И.В. Сталин * Л.М. Каганович
 (Джугашвили)

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ БЮРО
 ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б):

- И.В. Сталин * Я.Б. Гамарник
 - Н.И. Ежов * М.М. Каганович
 - Н.М. Шверник

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

- В.А. Балицкий ' К.Я. Бауман - И.М. Варейкис * Я.Б. Гамарник - Н.И. Ежов - И. А. Зеленский - И.С. Уншлихт ⁵ А.С. Булин * М.И. Калманович * Д.С. Бейка * Цифринович * Трахтер ' И.Д. Кабаков (Розенфельд) * Л.М. Каганович * М.М. Каганович * В.Т. Кнорин * М.М. Литвинов
 (Финкельштейн) - С.С. Лобов * И.Е. Любимов
 (Козлевский) - Д.З. Мануильский - И.П. Носов - Ю.Л. Пятаков ' И.А. Пятницкий
 (ОА. Блюмберг) ¹ М.О. Разумов (Сагович) * М.Л. Рухимович - К.В. Рындин - И.В. Сталин • М.М. Хатаевич • М.С. Чудов (Асков) - А.М. Шверник | <ul style="list-style-type: none"> - Р.И. Эйхе * Г.Г. Ягода И.Э. Якир * Я.А. Яковлев (Эпштейн) Ф.П. Грядинский * Г.Н. Каминский * Битнер Г. Канер Л. Кришман А.К. Лепа С.А. Лозовский (Дридзо) - Б.П. Позерн Т.Д. Дерibas - В.В. Осинский - К.К. Стриевский - Н.Н. Попов С.Шварц Е.И. Вегер Л.З. Мехлис - А.И. Угаров - Г.И. Благодравов * А.П. Розенгольц А.П. Серебровский * А.М. Штейнгарт * И.П. Павлуновский Г.Я. Сокольников
 (Бриллиант) Г.И. Бройдо * В.И. Полонский * Г.Д. Вейнберг |
|--|---|

Примечание: Из этого списка **И. В. Сталин (Джугашвили)** и **Л. М. Каганович** являются членами Политического Бюро Центрального Комитета ВКП(б).

Г.лрсн *; не-евреи — , не выяснено ?

Примечание. Возможные неточности объяснены во II части книги.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ

ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ВКП(б):

М.Ф. Владимирский	*	Е.С. Коган
И.С. Шелехес	*	Я.А. Попок
В.В. Адоратский	*	П.М. Певзняк
Я.С. Агранов (Сорензон)	?	С.Ф. Реденс
Л.Н. Аронштам	?	Н.М. Янсон
Я.Г. Сойфер		

КОМИССИЯ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ

ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР:

З.М. Беленький	Ю.М. Гладштейн
Н.М. Анцелович	Л.Е. Гольдич
А.И. Гайстер	М.А. Дейч
И.С. Землячка	Н.И. Ильин
И.М. Москвин	А.И. Карлик
Б.А. Ройзенман	Р.Я. Киссис
Я.Я. Бауэр (Байер)	К.П. Соме
Л.П. Богат	С.Я. Манфред
Э.И. Вейнбаум	Г. Меламед
Р.С. Венгерова	А.Н. Гусев (Фридкин)
М.И. Геммерверт	А.Р. Розит
Я.И. Гиндин	В.Г. Фейгин
К.В. Гей	

КОМИССИЯ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ

ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ВКП(б):

* Л.М. Каганович	А.А. Левин
- Н.И. Ежов	* Ж.И. Меерзон
* Е. Ярославский (Губельман)	* Н.Н. Рабичев (Зайденшне)
* Л.А. Папарде	* Р.Г. Рубенов
* А.Н. Петровский (Биркман)	* М.И. Рубинштейн
? Д.А. Булатов	* В.П. Ставский
* И.М. Беккер	- М.Л. Сорокин
- Н.С. Березин	* М.М. Темкин
? С.К. Брикке	* А.А. Френкель
* Е.Б. Генкин (Розенталь)	* С.Т. Хавкин
* М.Л. Грановский	* В.Ф. Шарангович
* В.Я. Гросман	* Э.И. Юевич
* Р.Е. Давидсон	* А.И. Яковлев (Эпштейн)
* Б.А. Двинский	

КОМИССАРИАТ ТЯЖЁЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ:

Комиссар:

- Г.К. Орджоникидзе

Его заместители:

* М.М. Каганович
 - Г.Л. Пятаков
 * М.Л. Рухимович
 * А.И. Гуревич

Члены коллегии:

* Бирман
 * В. Гроссман
 * Я. Гугель
 * Ерман
 * Израилович
 * Фигатнер
 * Штейн

А.П. Серебровский
 А.М. Питерский
 А.В. Винтер

Штерн
 Я.Б. Шумяцкий
 П.И. Андраюнас
 С. Гинзбург
 А.А. Соколенко
 А.И. Дубровицкий

КОМИССАРИАТ ЛЁГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ:

Комиссар:

* И.Е. Любимов (Козлевский)

Его заместители:

* А.М. Фушман

* В.А. Левин

* М.А. Дейч

* А.Б. Генкин (Розенталь)

* Шварцман

* Маргулис

КОМИССАРИАТ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ:

Комиссар:

- С.С. Лобов

Его заместители.

* А.К. Альберт

* К.Я. Розенталь

- М.А. Советников

* Гринштейн

* Казацкий

* А.Г. Розин

* И.А. Владек

КОМИССАРИАТ ЗЕРНОВЫХ И ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ СОВЕТСКИХ ХОЗЯЙСТВ:

Комиссар:

* М.И. Калманович

Его заместители:

" Г.Л. Островский

* Т.А. Юркин (Вейнберг)

* Л.А. Грушевский

- К.П. Соме

* М.Г. Герчиков

* В.Л. Паверман

* А.Л. Львов

КОМИССАРИАТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ:

Комиссар:

- М.А. Чернов

Его заместители:

* А.А. Левин

* Подгаец

* И.И. Рейнгольд

Члены коллегии:

* Каган

* СБ Урицкий

* Л. Шток

* Л.Л. Паперный

КОМИССАРИАТ ФИНАНСОВ:

Комиссар:

- Г.Ф. Гринько

Его заместители:

* Р.Я. Левин

* Е.Б. Генкин (Розенталь)

* Я.А. Теумин

**Хранитель ценностей и заведующий
отделом внешней торговли:**

* О.И. Каган

**Председатель Центрального комитета
финансовых и банковских служащих:**

Д. Заславский

Члены коллегии:

* Малаховский

* Нейфельд

* Тамаркин

* Л. Шанин

- А.А. Рекис

* А.Я. Хацкевич

* И.В. Блинк

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК:

Председатель правления:

Л.Е. Мариазии

Заместитель:

* Г.М. Аркус

КОМИССАРИАТ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ:

Комиссар:

А.П. Розенгольц

Его заместители:

'- М.И. Фрумкин

* И.Я. Вейцер

- А.В. Озерский

Члены коллегии:

* Б.С. Беленький
 * С.Г. Брон
 - М.Г. Бронский
 * Ш.М. Двойлацкий
 - Л.Х. Фридрихзон
 * М.Г. Гуревич
 * Я.Д. Янсон
 * М.А. Каттель
 - Ф.Ф. Килевец
 * А.А. Кисин
 * Б.И. Краевский

С.А. Месинг
 Б.И. Плавник
 Ф.Я. Рабинович
 Н.Н. Ромм
 Я.А. Соколин
 М.Л. Сорокин
 А.М. Тамарин
 С.Б. Жуковский
 И.И. Флиор
 И.М. Кацнельсон

КОМИССАРИАТ СНАБЖЕНИЯ:**Комиссар:**

- А.И. Микоян

Его заместители:

М.Н. Беленький
 * Я.К. Яглом

С.Я. Гроссман
 М.Ф. Левитан
 М.Н. Вельский

Члены коллегии:

* Б. Гибер
 * Гольман
 * Г.И. Дукор
 * Инденбаум
 * С. Гинзбург

* П.Я. Розенталь
 * А.Р. Розит
 * Н.Г. Гуревич
 ? А.Н. Клязет
 * Л.С. Николаевский

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОЮЗ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ:****Преседатель:**

- И.А. Зеленский

**Председатель Всесоюзного
кооперативного Банка:**

* М.Вуль

**Замы председателя Центросоюза
потребительских обществ:**

* Б.Л. Кричевский
 * М.С. Эпштейн
 А.С. Кишак

ГЛАВНЫЙ АРБИТРАЖ:**Главный арбитр:**

* Ф.И. Голощёкин

Арбитры:

* А.И. Вайнштейн

Заместитель:

? И.К. Гамбург

* А.Р. Шнейдер

ПРОКУРАТУРА:**Прокурор:**

- И.А. Акулов

Его помощники:

* А.А. Солец
 * Ширвинт

Заместители:

* Леплевский
 * Сигал
 - А.Я. Вышинский

КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ:**Комиссар:**

* М.М. Литвинов
 (Финкельштейн)

Его заместители:

Н.Н. Крестинский
 * Г.Я. Сокольников-Бриллиант
 * Л.М. Карахан

Секретарь Наркома

- П.П. Отличин

Секретари

* Б.И. Шмох-Бронская
 * М.С. Морштинер
 * С.В. Эпштейн
 * В.И. Дымент

ПРОТОКОЛЬНЫЙ ОТДЕЛ:

Заведующий:

* Я.А. Ротштейн

Секретарь

* Б.Г. Бурштейн

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ:

Заведующий:

? И.С. Якубович

ОТДЕЛ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КУРЬЕРОВ:

Заведующий:

* Ф.К. Грикман

1-й ЗАПАДНЫЙ ОТДЕЛ

(Прибалтика, Польша и Скандинавия):

Заведующий:

* Л.Э. Березов

Его помощники:

* Л.Я. Гайдис

* С.М. Мирный

Референт по Польше:

* Е.Л. Кониц

2-й ЗАПАДНЫЙ ОТДЕЛ

(Центральная Европа и Балканы):

Заведующий:

* Д.Г. Штерн

Помощник:

- Ф.В. Линде

**Референт по Чехословакии
и Балканским странам:**

* М.С. Шапиро

**Референт по Германии,
Швейцарии и Голландии:**

* В.Л. Левин

Референт

по Австрии и Венгрии:

* М.И. Россовский

Референт:

* С.П. Кантер

3-й ЗАПАДНЫЙ ОТДЕЛ

(Англо-Романские страны):

Заведующий:

* Е.В. Рубинин

Помощник:

* Х.С. Вейнберг

Референт по Америке:

* С.Л. Столяр

Референт по Англии:

- К.Я. Лелянс

1-й ВОСТОЧНЫЙ ОТДЕЛ

(страны Ближнего Востока):

Заведующий:

* В.М. Цукерман

Заведующий прессой:

* Е.Л. Гальперин

2-й ВОСТОЧНЫЙ ОТДЕЛ

(страны Дальнего Востока):

Заведующий:

? Б.И. Козловский

Референт по Китаю:

* М.С. Смирнов-Бреговский

Референт по Японии:

* Е. Г. Айзенштадт

ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ:

Заведующий:

А.В. Сабанин

Помощник:

* М.А. Плоткин

Референты:

* И.С. Дуван

* А.Б. Рафаловская

Юристы:

* В.Т. Блюменфельд

* В.О. Браун

Н.Е. Ривлина

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ:

Заведующий:

* Б.Д. Розенблюм

Помощник:

* Р.М. Флигельбаум

КОНСУЛЬСКИЙ ОТДЕЛ:

Заведующий:

* А.В. Заславский

Референты:

* А.А. Поляк

* В.Н. Серебрянный

В.Н. Кривицкая

Е.А. Шмулевич

ОТДЕЛ
ПЕЧАТИ И ИНФОРМАЦИИ

Заведующий:

* К.А. Уманский

Его помощники:

* Я.Б. Подольский

* С.С. Вельский

* Б.М. Миронов

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
И ОТДЕЛ КАДРОВ:

Заведующий:

- Я.М. Мартинзон

Помощник:

* Л.А. Гашкель

ДЕЛЕГАТЫ КОМИССАРИАТА
ПРИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ:

При РСФСР:

* А.А. Розе

* Г.И. Меламед

* Г.И. Вайнштейн

При Украинской ССР:

Т.Б. Гельюновский

* А.М. Петровский
(Шварцман)

При Белорусской ССР:

* И.А. Карташев

При Закавказской Федер. СР:

* я.с. ильинский

Е.М. Неймарк

* А.Г. Иткин

При Узбекской ССР:

* Я.А. Эйнхорн

? Г.А. Апресов

При Туркменской ССР:

* С.Л. Борисов

* Б.Б. Шаргородский

При Таджикской ССР:

* И.С. Вейцберг

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА КОМИССАРИАТА
ЗА ГРАНИЦЕЙ:

Франция:

Посол:

— В.П. Потёмкин

Советники:

* М.И. Розенберг

Е.В. Гиршфельд

Торговый представитель:

* Ш.М. Двойлацкий

Военный атташе:

* С.И. Венцов

(Кранц)

Германия:

Посол:

* Я.З. Суриц

Вице-консул:

* Л.С. Каплан

Секретарь:

* А.В. Гиршфельд

Атташе:

* Б.М. Гордон

Торговый представитель:

Его заместители:

? Д.В. Канделаки

* Л.Х. Фридрихзон

* А.С. Файнштейн

* М.Я. Вольнский

Военный атташе:

* Л.А. Шнитман

Посол:

* И.М. Майский (Ляховецкий)

Советник:

* С.Б. Каган

Посол:

* Б.Е. Штейн

Консул:

* П.М. Днепров (Гольдштейн)

Советник:

* И.С. Фридгут

Посол:

- Я.Х. Давтян

Советник:

* Б.Г. Подольский

Посол:

* Л. М. Карахан

Советник:

* Х.А. Залкинд

Посол:

- А.А. Трояновский

Советник:

* Б.Е. Свировский

Секретари:

? А.Ф. Нейман

Полномочный представитель:

* А.М. Петровский

Замполпред:

* Лоренц

Полномочный представитель:

* М.В. Кобецкий

Торговый представитель:

* Н.С. Ангарский

Посол:

К.К. Юренев (Ганфман)

Советник:

* Н.Я. Райвид

Полномочный представитель:

* С.И. Бродовский (Брайтман)

Англия:**Атташе:**

* А.Ф. Волчков (Беркман)

Торговый представитель:

* А.В. Озерский (Фридман)

Италия:**Секретарь:**

* Л.Б. Гельфанд

Торговый представитель:

* Б.С. Беленький

Помощник:

* Б.П. Шапиро

Польша:**Торговый представитель:**

* А.М. Тамрин

Турция:**Торговый представитель:**

- С.И. Акивис

Америка:

* Г.И. Гохман

Атташе:

? Э.К. Липко

* Г.М. Григорьев

Австрия:**Секретарь:**

- П.К. Некунде

Зав. консульской частью:

* Г.Е. Шейнин

Греция:**Секретарь:**

* Г.Я. Бежанов

Помощник:

— В.А. Адамсон

Япония:**Секретари:**

* А.Б. Асков

? Б.А. Гинце

Латвия:**Секретарь:**

* И.М. Морштин

Литва:

Полномочный представитель:

* М.А. Карский (Бекман)

Секретарь:

* С.М. Кофман

Торговый представитель:

* А.М. Самарин (Маркович)

Монголия:

Полномочный представитель:

- С.Е. Чушкаев

Советник:

* И.Я. Златкин

Торговый представитель:

* А.И. Биркенхоф

Секретарь:

* Я.Г. Горский

Норвегия:

Полномочный представитель:

? И.С. Якубович

Торговый представитель:

* П.И. Кушнер

Румыния:

Полномочный представитель:

* М.С. Островский

Швеция:

Полномочный представитель:

- А.М. Коллонтай

Уругвай:

Полномочный представитель:

* А. Е. Минкин

Секретарь:

- А.А. Острин

Финляндия:

Полномочный представитель:

- Э.А. Асмус

Торговый представитель:

* Л.Л. Непомнящий

КОМИССИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА:

Председатель:

В.И. Межлаук

Его заместители:

- И.С. Уншлихт

* А.И. Гайстер

- Э.И. Кюринг

Члены комиссии:

* С.С. Диканский

* Б.Л. Маркус

* Е.З. Гольденберг

* Мандельсон

* С.Л. Гольдберг

* Н.Е. Волюнский

* С.Б. Карп

* Г.Б. Лауэр

* М.И. Рубинштейн

* С.Губерман

* Хвесин

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
(ВЦИК)**

Секретарь Калинина:

* Мягкий

СЕКРЕТАРИАТ ПРЕЗИДИУМА:

Заведующий:

- М.Ф. Вербицкий

Его заместители:

* З.С. Островский

* А.А. Симановский

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ:

Заведующий:

* И. Яштайн

ПРОТОКОЛЬНАЯ ГРУППА:

Заведующий:

* Рэш

ОТДЕЛ КАДРОВ:

Заведующий:

* А.В. Шотман

Заместитель:

* Г.С. Гуревич

КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ АМНИСТИЙ:

Председатель:

* А.С. Муник

Секретарь:

* С.П. Милисин

КОМИТЕТ ПО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВУ ЕВРЕЕВ:

Председатель:

* С. Диманштейн

Агроном-Инженер:

* А.Р. Темкин

Заместитель:

* Б.И. Троцкий

Управ. делами:

* Ф.М. Коган

КОМИССИЯ
МУНИЦИПАЛИЗАЦИИ И ДЕМУНИЦИПАЛИЗАЦИИ
СТРОЕНИИ:

Председатель:

* А.В. Шотман

Секретарь:

- М.И. Машинцева

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ:

Заведующий:

* Максимовский

БЮРО ПЕРЕПИСКИ:

Заведующий:

? М.В. Оттенберг

СОВЕТ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА:

Заведующий:

? Д.М. Народицкий

ФИНАНСОВЫЙ ОТДЕЛ:

Главный бухгалтер:

* Мант

КОМИССИЯ ФОНДА «ИМЕНИ ЛЕНИНА»:

Председатель:

* А.А. Симановский

КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

(ОГПУ)

Комиссар:

* Г.Г. Ягода (Гершель Ягода)

Заместитель нач. ГУЛаг:

* С.Г. Раппопорт

Помощник:

* Я.С. Агранов (Сорензон)

Начальник

Беломорских лагерей:

Начальник

* Л.И. Коган

Главного Управления

Начальник

Милиции:

* Л.Н. Вельский

Беломорско-Балтийского

Начальник

* С.Г. Фирин

Главного Управления

Начальник Главного

лагерей и поселений:

* М.Д. Берман

Управления тюрем:

* Апетер

Уполномоченные ОГПУ:

<i>Северо-Кавказский край</i>	<i>Дальневосточного края</i>
* Фридберг	* Т.Д. Дерibasе
<i>Средней Азии —</i>	<i>Казахстана —</i>
* Пилер	* Золин
<i>Таджикистана —</i>	<i>Смоленской области —</i>
— Солоницын	? Нельке
<i>Узбекистана —</i>	<i>Западной области —</i>
? Круковский	* Блат
<i>Азербайджана —</i>	<i>Московской области —</i>
Пурнис	? Реденс
<i>Сталинского края —</i>	<i>Ленинградской области</i>
* Раппопорт	* Заковский
<i>Винницкой области —</i>	<i>Оренбургской области —</i>
* Соколинский	* Райский
<i>Харьковской области —</i>	<i>Киевской области —</i>
? Карлсон	В.А. Балицкий

Видные

М.А. Трилиссер	* С.Г. Гиндин
* Л.А. Залин	М.Д. Берман
* Л.Н. Мейер	* В.Я. Зайдман
* З.Б. Кацнельсон	* Д.Я. Зайдман
* Ф.М. Курмин	* Я. Ф. Вольфзон
* Л.Д. Буль	Я.М. Дымент
— А.И. Рыбкин	Г.Я. Абрампольский
— Г.В. Гродисс	* И.Г. Вейцман
А.Р. Формайстер	* М.М. Вейцман
* С.А. Розенберг	* Б.В. Гинзбург
* А.Г. Минкин	В.С. Баумгарт
Г.П. Кладовский	Е.Г. Иогансон
* Ф.М. Кац	* Е.А. Водарский
* А.Л. Шапиро	* А.А. Абрамович
* Л.И. Шпигельман	* А.М. Вайнштейн
* М.Л. Патер	* Л.М. Кудрик
* Н.А. Френкель	М.И. Лебель
* А.Р. Дорфман	* И.В. Путилик
Ф.И. Сотников	* К.А. Гольдштейн
* И.И. Иванов	* М.Ф. Госкин
— И.Ф. Юсис	* М.С. Курин
— Э.И. Сенкевич	* М.С. Иезуитов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УПРАВЛЕНИЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ:

Начальник:	* Рейзин
* Я.Б. Гамарник	Инспекторы:
Его помощники:	* Берлин
* Озол	* Раскин
* А.С. Булин	* Райхман
Начальники секторов:	* Политман
* Россет	* И. Гринберг
— Рудзит	* А. Кацнельсон
* Ф.Л. Блументаль	

Начальники Политических Управлений:

<i>Дальневосточной армии</i> —	<i>Волжской авиации</i> —
" Л.Н. Аронштам	" А. В. Вельтнер
<i>Украинского военного округа</i> —	<i>Балтийского флота</i> —
* Амелин	* Рабинович
<i>Дальневосточного флота</i> —	<i>Приволжского</i>
? Булышкин	<i>военного округа</i> —
<i>Черноморского флота</i> —	" Мезис
* Гугин	<i>Северо-Кавказского</i>
<i>Закавказской авиации</i> —	<i>военного округа</i> —
* Н.Н. Генц	* Шифрес

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ

Председатель: * Е. Ярославский (Губельман) **Заместитель:** ? А. Лукачевский

ОТДЕЛ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ:

Заведующий:
? Д. Михневич

ОТДЕЛ АГИТМАССОВОЙ И АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ:

Заведующий:
* М. Кефала

ОТДЕЛ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ УЧЕБЫ В ШКОЛАХ:
Заведующий:
* М. Искинский

ОТДЕЛ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
Заведующий:
* М.Яковлев (Эпштейн)

ОТДЕЛ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ:
Заведующий:
* И. Инцерт

ОТДЕЛ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ В АРМИИ:
Заведующий:
* Г. Струков (Блох)

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ:
Заведующий:
* Л. Лукачевский

МУЗЕЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ РЕЛИГИИ:
Заведующий:
* Ю. Коган

Наиболее активные руководители Союза:

* Г. Эйльдерман	* М.М. Шейнман
* Ф. Сайфи	* В. Дорфман
* А. Минкин	* Ю. М. Вермель
С. Митин	* М. Альтшулер
Ральцевич	К. Берковский
" В. Козлинский	* М. Персии
" А. Ранович	* С. Вольфзон
А. Козлевский	* Д.И. Зильберберг
* Ю. Ганф	* И. Гринберг
* Клинич	* А. Шлитер

КУЛЬТПРОСВЕТ:

Начальник Главного Управления

Кинопромышленности:

* Б.З. Шумяцкий

Научный работник:

* Я.Г. Тагер

Работники:

* Л.З. Трауберг

* В.С. Иосилевич

Л.Г. Кацнельсон

Я.Н. Блех

С.М. Эйзенштейн

Г.Я. Рошель

М. Кауфман

М.П. Шнейдерман

А.П. Штеренберг

А.Г. Гринберг

ПЕЧАТЬ:

Редакторы:

«*Экономической Жизни*» —

* Вайсберг

«*Правды*» —

* М. Савельев

«*За Индустриализацию*» —

* Таль

«*Крестьянской Газеты*» —

* С.Б. Урицкий

«*Огонька*» —

* М. Кольцов (Гинзбург)

«*Комсомольска Украина*» —

* М. Минанн

«*Тихоокеанской Звезды*» —

* И. Шацкий

«*Водного Транспорта*» —

* Е. Цехер

«*Красной Звезды*» —

* М.М. Ланда

«*Комсомольской Правды*» —

* В.М. Бубекен

«*Бакинского Рабочего*» —

* Н.К. Белый

«*Рабочего Пути*» —

* С. Шейдлин

«*Рабочего*» —

* Л. Хейфец

ПРОСВЕЩЕНИЕ:

подавляющее число красной профессуры, учителей и даже ректоров высших учебных заведений Союза ССР носят еврейские фамилии. Список их мы не помещаем ввиду его громоздкости. Специальные коммунистические университеты, школы и т. п., как правило, переполнены евреями-преподавателями и воспитателями. Например, Коммунистический Университет Национальных Меньшинств Запада, откуда также выходят опытные пропагандисты и для за границы, возглавляется ректором **Фрумкиным**, а ректором Коммунистического Университета Трудящихся Востока состоит **И.Г. Райтер**.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ:

Комиссар:

* В. Каминский

Начальник

лечебно-санитарного

Управления Кремля:

Заместитель:

* Я. Левинсон

Главный врач

больницы Кремля:

* М. Кроль

Заместитель:

* Б. Коген

Врач:

* Л. Левин

СВОДКА

Центральный Комитет ВКП(б)

Евреи	61	Не-евреи	17	Не выясн.	7
-------	----	----------	----	-----------	---

Совет Народных Комиссаров

Евреи	115	Не-евреи	18	Не выясн.	3
-------	-----	----------	----	-----------	---

Центр. Союз. Потребит. Обществ

Евреи	7	Не-евреи	1	Не выясн.	1
-------	---	----------	---	-----------	---

Прокуратура

Евреи	4	Не-евреи	2	Не выясн.	-
-------	---	----------	---	-----------	---

Комиссариаты: Иностр. Дел и Внешней Торговли

Евреи	106	Не-евреи	17	Не выясн.	8
-------	-----	----------	----	-----------	---

Комиссия Государ. Плана

Евреи	12	Не-евреи	3	Не выясн.	-
-------	----	----------	---	-----------	---

Всерос. Центральн. Исполнит. Ком. (ВЦИК)

Евреи	17	Не-евреи	3	Не выясн.	2
-------	----	----------	---	-----------	---

Комиссариат Внутренних Дел (ОГПУ)

Евреи	53	Не-евреи	6	Не выясн.	8
-------	----	----------	---	-----------	---

Полит. Управление Р.К.К.А.

Евреи	20	Не-евреи	1	Не выясн.	1
-------	----	----------	---	-----------	---

Культ. Просвет, и Союз Воинствующих Безбожников

Евреи	40	Не-евреи	-	Не выясн.	1
-------	----	----------	---	-----------	---

Печать: редакторы газет

Евреи	12	Не-евреи	-	Не выясн.	-
-------	----	----------	---	-----------	---

(

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Извечный конфликт между коренным населением разных стран и государств и еврейской этнической группой, попадавшей на территории разных государств и разных народов на протяжении всей истории человечества, общеизвестен.

Раньше, до половины 19 столетия, его называли «юдофобией», а теперь — «антисемитизмом», препятствовавшим и препятствующим мирному и плодотворному сожительству евреев с не-евреями. Конфликт этот особенно отчётливо проявлялся в странах и государствах со значительным количеством евреев — его граждан или «подданных».

Россия имела в своих границах в начале XX века больше 6 миллионов евреев, по своему миросозерцанию, миропониманию и правосознанию чужих и чуждых коренному населению, живущих замкнутой группой, не желающей ассимилироваться с окружающим населением, несмотря на все возможности, предоставлявшиеся для этого правительством России, как это указано в настоящем очерке.

Эти самоизоляционные тенденции евреев и особенности их «духовного облика» и породили тот конфликт, всю вину за который не без успеха пытаются возложить на русский народ и все его правительства и режимы, обвиняя его в «антисемитизме». Насколько обоснованы эти обвинения, в достаточной степени выяснено в очерке. Но это не препятствует распространять по всему миру клевету об угнетении и преследовании евреев как в России, так и в СССР, что вызывает резко отрицательное отношение всего мира к русскому народу, и порождает, и питает антирусские настроения в международных отношениях.

Клевета приносит свои плоды. Ей верят, не требуя никаких доказательств, не трудясь проверить, насколько справедливы и обоснованы эти обвинения, осуждают и уже осудили весь русский народ, а с ним и всё население — все племена и народы России — в «угнетении и преследовании» евреев. Выслушать обвиняемого не потрудились.

Как же реагировал на это без суда осуждённый? — Русский народ, все население России-СССР, представляемый в настоящее время партией и правительством СССР, а также «Зарубежная Русь» с её многочисленными национально-патриотическими и церковными организациями и лидерами?... Никак! Молчанием...

Ни для кого не секрет и причины этого молчания в ответ на клевету.

СССР не углубляет этот вопрос, ибо углубление неизбежно привело бы и к оглашению роли еврейской этнической группы как в создании каркаса советской власти, ликвидации культурной элиты дореволюционной России, заключении позорного Брест-Литовского мира, организации концлагерей и красного террора, так и в доминирующем положении евреев во всех областях жизни страны в течение 35 лет.

Не углубляет и вообще не затрагивает этот вопрос и общероссийская эмиграция из боязни быть обвинённой в «антисемитизме», чего эмигранты боятся пуще огня.

В результате клевета, не встречая никакого противодействия, ширится и крепнет...

Молчание же тех, кому бы надлежало выступить с опровержением этой клеветы, даёт основание всем врагам многоплеменной России объяснять это молчание сознанием своей вины и подтверждением справедливости обвинения...

Нарушить это молчание, «вложить персты в раны» и правдиво осветить тот «щекотливый вопрос» о положении и роли евреев в России и в СССР, которой систематически и упорно извращается и искажается одними и робко, угодливо, замалчивается другими — дерзаю я в настоящем очерке.

Как сын великого, триединого русского народа, украинец-малоросс по происхождению, представитель того поколения, которому суждено было быть свидетелем и участником событий, переворотов и возмущений последнего полувека, считаю своим долгом перед будущим сказать ту правду, которая изложена в этой книге.

Твёрдо верю, что придёт время, когда беспристрастные исследователи, свободные от страха быть обвинёнными в «антисемитизме», смогут дать более полное и подробное описание жизни еврейской этнической группы в России и в СССР и её влияния на все стороны жизни великой державы, созданной русским народом. И тогда, надеюсь, им пригодится и мой скромный, далеко не полный и исчерпывающий очерк.

В заключение приношу мою благодарность всем тем несколькимстам российских эмигрантов, которые откликнулись на мою статью «Навет на наш народ», напечатанную в 1964 году в нескольких эмигрантских органах печати, прислали мне ряд ценных советов, указаний, документов и данных и поддержали меня морально и материально.

В предвидении возможности второго издания этой книги, которая из-за отсутствия средств печатается в ограниченном числе экземпляров, а также и возможности её перевода (полного или сокращённого) на иностранные языки, обращаюсь с просьбой к читателям прислать мне свои мнения о содержании и изложении книги, а также пожелания, что бы следовало в возможном втором издании дополнить, изменить, выпустить или уточнить.

Андрей Дикий

Мой адрес-

летний — от мая до ноября —
Andrey Iv. Diky
14 Springer St.
Richmond, Maine, 04357

зимний — от ноября до мая —
Andrey Iv. Diky
518 W. III St. Ap. 2
New York, N. Y. 10025

СТАТИСТИКА

Согласно переписи населения СССР, произведённой в 1959 году, народонаселение Советского Союза составляло 208 828 000 человек. Из этого числа 2 268 000 были евреи.

В СССР евреи составляют **11%** научных работников; **10,4%** юристов (прокуроров, судей, адвокатов); **14,7%** советских врачей; **8,5%** писателей и журналистов; **7%** работников искусства (артистов, музыкантов, художников, скульпторов).

Еврейское население СССР составляет **1,1%** всего народонаселения страны.

Можно ли при этих обстоятельствах говорить о дискриминации в отношении евреев?

РАБОТНИКИ ИСКУССТВА	Д Л	<i>ftftftftftftft</i>	7%
ПИСАТЕЛИ И ЖУРНАЛИСТЫ	А Л	<i>ftftftftftftftft</i>	8,5%
ЮРИСТЫ	<i>ft</i>	<i>ft ft ftft ftftft ftftftft</i>	10,4%
ВРАЧИ	<i>ft</i>	<i>ft</i>	14,7%
НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ	А Л	<i>ftftftftftftftftftftft</i>	11%

ЧАСТЬ II ПРИЛОЖЕНИЯ

РАЗДЕЛ I

Мировоззрение

Миропонимание

Правосознание

Родина

Двойное подданство

КНИГА ЭСФИРЬ*

Глава 1

1. И было во дни Артаксеркса, — этот Артаксеркс царствовал над ста двадцатью семью областями от Индии до Эфиопии.

2. В то время, как царь Артаксеркс сел на царский престол свой, что в Сузах, городе престольном.

3. В третий год своего царствования он сделал пир для всех князей своих и для служащих при нём, для главных начальников войска Персидского и Мидийского и для правителей областей своих.

4. Показывая великое богатство царства своего и отличный блеск величия своего, в ТЕЧЕНИЕ многих дней, ста восьмидесяти дней.

5. По окончании сих дней сделал царь для народа своего, находившегося в престольном городе Сузах, от большого до малого, пир семидневный на садовом дворе дома царского.

6. Белые бумажные и яхонтового цвета шерстяные ткани, прикреплённые виссонными и пурпуровыми шнурами, ВИСЕЛИ на серебряных кольцах и мраморных столбах.

7. Золотые и серебряные ложа БЫЛИ на помосте, устланном камнями зелёного цвета, и мрамором, и перламутром, и камнями чёрного цвета.

8. Напитки подаваемы были в золотых сосудах и сосудах разнообразных, ценою в тридцать тысяч талантов; и вина царского было множество, по богатству царя. Питьё ШЛО чинно, никто не принуждал; потому что царь дал такое приказание всем управляющим в доме его, чтобы делали по воле каждого.

9. И царица Астинь сделала также пир для женщин в царском доме царя Артаксеркса.

10. В седьмой день, когда развеселилось сердце царя от вина, он сказал Мегуману, Бизфе, Харбоне, Бигфе, Авагфе, Зефару и Каркасу — семи внухам, служившим пред лицом царя Артаксеркса.

11. Чтоб они привели царицу Астинь пред лице царя в венце царском для того, чтобы показать народам и князьям красоту её; потому что она была очень красива.

* «Книга Эсфирь» является первым в истории описанием того, что теперь называется «геноцид». А тот общеизвестный факт, что воспоминание об этом истреблении без суда и следствия 75.000 тех, кто, по мнению евреев, был враждебно по отношению к ним настроен, и до сегодняшнего дня прославляется всем еврейством как день радости — свидетельствует об отношении к геноциду всего еврейства, если этот геноцид направлен не против их племени.

Гробница Мардохея и Эсфири, сохранившаяся в городе Хамадан (Иран) и по сей день является местом паломничества евреев, чтущих память этого организатора первого геноцида, известного в истории.

12. Но царица Астинь не захотела прийти по приказанию царя, ОБЪЯВЛЕННОМУ через евнухов.

13. И разгневался царь сильно, и ярость его загорелась в нём. И сказал царь мудрецам, знающим ПРЕЖНИЕ времена, — ибо дела царя ДЕЛАЛИСЬ перед всеми, знающими закон и права.

14. Приближёнными же к нему ТОГДА БЫЛИ: Каршена, Шефар, Адмафа, Фарсис, Мерее, Марсена, Мемухан — семь князей Персидских и Мидийских, которые могли видеть лице царя и сидели первыми в царстве.

15. Как поступить по закону с царицею Астинь за то, что она не сделала по слову царя Артаксеркса, ОБЪЯВЛЕННОМУ через евнухов?

16. И сказал Мемухан перед лицом царя и князей: не перед царем одним виновна царица Астинь, а пред всеми князьями и перед всем народом, которые по всем областям царя Артаксеркса;

17. Потому что поступок царицы дойдёт до всех жён, и они будут пренебрегать мужьями своими и говорить: «Царь Артаксеркс велел привести царицу Астинь перед лице свое, а она не пришла».

18. Теперь княгини Персидские и Мидийские, которые услышат о поступке царицы, будут ТО ЖЕ говорить всем князьям царя; и пренебрежения и огорчения будет довольно.

19. Если благоугодно царю, пусть выйдет от него царское постановление, и впишется в законы Персидские и Мидийские, и не отменяется о том, что Астинь не будет входить пред лице царя Артаксеркса, а царское достоинство её царь передаст другой, которая лучше её.

20. Когда услышат о сем постановлении царя, которое разойдётся по всему царству его, как оно ни велико, тогда все жёны будут почитать мужей своих, от большого до малого.

21. И угодно было слово сие в глазах царя и князей; и сделал царь по слову Мемухана.

22. И послал во все области царя письма, писанные в каждую область письменами её и к каждому народу на языке его, чтобы всякий муж был господином в доме своём, и чтоб это было объявлено каждому на природном языке его.

Глава 2

1. После сего, когда утих гнев царя Артаксеркса, он вспомнил об Лстинь и о том, что она сделала, и что было определено о ней.

2. И сказали отроки царя, служившие при нём; пусть бы поискали парю молодых красивых девиц.

3. И пусть бы назначил царь наблюдателей во все области своего царства, которые собрали бы всех молодых девиц, красивых видом, в престольный город Сузы, в дом жён под надзор Гегая, царского евнуха, стража жён, и пусть бы выдавали им притиранья.

4. И девица, которая понравится глазам царя, пусть будет царицею вместо Астинь. И угодно слово это в глазах царя; и он так и сделал.

5. Был в Сузах, городе престольном, один Иудеянин; имя его Мардохей, сын Иаира, сын Семеня, сын Киса, из колена Вениаминова.

6. Он был переселён из Иерусалима вместе с пленниками, выведенными с Иехонию, царём Иудейским, которых переселил Навуходоносор, царь Вавилонский.

7. И был он воспитателем Гадассы, — она же Эсфирь — дочери дяди его, так как не было у неё ни отца, ни матери. Девица эта была красива станом и пригожа лицом. И по смерти отца её и матери её, Мардохей взял её к себе вместо дочери.

8. Когда объявлено было повеление царя и указ его, и когда собраны были многие девицы в престольный город Сузы под надзор Гегая, тогда взята была и Эсфирь в царский дом под надзор Гегая, стража жён.

9. И понравилась эта девица глазам его, и приобрела у него благоволение, и он поспешил выдать ей притиранья и ВСЁ, НАЗНАЧЕННОЕ НА часть её, и приставить к ней семь девиц, достойных быть при ней, из дома царского; и переместил её и девиц её в лучшее отделение женского дома.

10. Не сказывала Эсфирь ни о народе своём, ни о родстве своём; потому что Мардохей дал ей приказание, чтоб она не сказывала.

11. И всякий день Мардохей приходил ко двору женского дома, чтобы наведываться о здоровье Эсфири и о том, что делается с нею.

12. Когда наступало время каждой девице входить к царю Артаксерксу, после того, как в течение двенадцати месяцев выполнено было над нею всё, определённое женщинам — ибо столько времени продолжались дни притиранья их: шесть месяцев мировым маслом и шесть месяцев ароматами и другими притираньями женскими.

13. Тогда девица входила к царю. Чего бы она ни потребовала, ей давали всё для выхода из женского дома в дом царя.

14. Вечером она входила и утром возвращалась в другой дом женский, под надзор Шаазгаза, царского евнуха, стража наложниц; и уже не входила к царю, разве только царь пожелал бы её, и она призывалась бы по имени.

15. Когда настало время Эсфири, дочери Аминадава, дяди Мардохея, который взял её к себе вместо дочери идти к царю, тогда она не просила ничего, кроме того, о чём сказал ей Гегай, евнух царский, страж жён. И приобрела Эсфирь расположение *к себе* в глазах всех, видевших её.

16. И взята была Эсфирь к царю Артаксерксу, в царский дом его, в десятом месяце, то есть в месяце Тебефе, в седьмой год его царствования.

17. И полюбил царь Эсфирь более всех жён, и она приобрела его благоволение и благорасположение более всех девиц; и он возложил царский венец на голову её, и сделал её царицею на место Астинь.

18. И сделал царь большой пир для всех князей своих и для служащих при нём, — пир ради Эсфири, и сделал льготу областям, и раздал дары с царственною щедростию.

19. И когда во второй раз собраны были девицы, и Мардохей сидел у ворот царских.

20. Эсфирь всё ещё не сказывала о родстве своём, о народе своём, как приказал ей Мардохей; а слово Мардохея Эсфирь выполняла И ТЕПЕРЬ так же, как тогда, когда была у него на воспитании.

21. В это время, как Мардохей сидел у ворот царских, два царских внуха, Гавафа и Фарра, оберегавшие порог, озлобились и замыслили наложить руку на царя Артаксеркса.

22. Узнав о том, Мардохей сообщил царице Эсфири, а Эсфирь сказала царю от имени Мардохея.

23. Дело было исследовано, и найдено ВЕРНЫМ, и их обоих повесили на дереве. И было вписано о благодеянии Мардохея в книгу дневных записей у царя.

Глава 3

1. После сего возвеличил царь Артаксеркс Амана, сына Амадафа, Вугеянина, и вознёс его, и поставил седалище его выше всех князей, которые у него.

2. И все служащие при царе, которые были у царских ворот, кланялись и падали ниц перед Аманом; ибо так приказал царь. А Мардохей не кланялся и не падал ниц.

3. И говорили служащие при царе, которые у царских ворот, Мардохею; зачем ты престопаешь повеление царское?

4. И как они говорили ему каждый день, а он не слушал их, то они донесли Аману, чтобы посмотреть, устоит ли в слове СВОЁМ Мардохей, ибо он сообщил им, что он Иудеянин.

5. И когда увидел Аман, что Мардохей не кланяется и не падает ниц перед ним, то исполнился гнева Аман.

6. И показалось ему ничтожным наложить руку на одного Мардохея: но так как сказали ему, из какого народа Мардохей, то задумал Лман истребить всех Иудеев, которые БЫЛИ во всём царстве Артаксеркса, КАК народ Мардохеев.

7. В первый месяц, который есть месяц Нисан, в двенадцатый год паря Артаксеркса, бросали пур, то есть жребий, пред лицом Амана изо /шя в день и из месяца в месяц, и ПАЛ ЖРЕБИИ на двенадцатый *месяц*, то есть на месяц Адар.

8. И сказал Аман царю Артаксерксу: есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего; и (лконы их отличны от ЗАКОНОВ всех народов, и законов царя они не выполняют; и царю не следует *так* оставлять их.

9. Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их; и десять тысяч талантов серебра я отвешу в руки приставников, чтобы внести в казну царскую.

10. Тогда снял царь перстень свой с руки своей и отдал его Аману, сыну Амадафа, Вугеянину, чтобы скрепить указ против Иудеев.

11. И сказал царь Аману: отдаю тебе ЭТО серебро и народ; поступай с ним, как тебе угодно.

12. И призваны были писцы царские в первый месяц, в тринадцатый день его, и написано было, как приказал Аман, к сатрапам царским и к начальствующим над каждою областью и к князьям у каждого народа, в каждую область письменами её к каждому народу на языке его: ВСЕ было написано от имени царя Артаксеркса, и скреплено царским перстнем.

13. И посланы были письма через гонцов во все области царя, погубить и истребить всех ИУДЕЕВ, малого и старого, детей и женщин, в один день, в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца Адара, и имение их разграбить.

14. Список с указа отдать в каждую область КАК закон, объявляемый для всех народов, чтоб они были готовы к тому дню.

15. Гонцы отправились быстро с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе: и царь, и Аман сидели и пили, а город Сузы БЫЛ в смятении.

Глава 4

1. Когда Мардохей узнал всё, что делалось, разодрал одежды свои и возложил на себя вретиче и пепел; и вышел на середину города, и зывал с воплем великим и горьким.

2. И дошёл до царских ворот; так как нельзя было входить в царские ворота во вретиче.

3. Равно и во всей области и месте, куда ТОЛЬКО доходило повеление царя и указ его, было большое сетование у Иудеев, и пост, и плач, и вопль; вретиче и пепел служили постелью для многих.

4. И пришли служанки Эсфири и евнухи её, и рассказали ей, и сильно встревожилась царица. И послала одежды, чтобы Мардохей надел их и снял с себя вретиче своё, но он не принял.

5. Тогда позвала Эсфирь Гафаха, одного из евнухов царя, которого он приставил к ней, и послала его к Мардохею узнать: что это и отчего это?

6. И пошёл Гафак к Мардохею на городскую площадь, которая перед царскими воротами.

7. И рассказал ему Мардохей обо всём, что с ним случилось, и об определённом числе серебра, которое обещал Аман отвесить в казну царскую за Иудеев, чтоб истребить их.

8. И вручил ему список с указа, обнародованного в Сузах, об истреблении их, чтобы показать Эсфири и дать ей знать ОБО ВСЕМ;

притом наказывал ей, чтоб она пошла к царю и молила его о помиловании и просила его за народ свой.

9. И пришёл Гафях и пересказал Эсфири слова Мардохея.

10. И сказала Эсфирь Гафяху, и послала его СКАЗАТЬ Мардохею;

11. Все служащие при царе и народы в областях царских знают, что всякому, и мужчине и женщине, кто войдёт к царю во внутренний двор, не быв позван, один суд — смерть; только тот, к кому прострёт парь свой золотой скипетр, останется жив. А я не звана к царю вот уже Тридцать дней.

12. И пересказали Мардохею слова Эсфири.

13. И сказал Мардохей в ответ Эсфири: не думай, что ты ОДНА спасёшься в доме царском из всех Иудеев.

14. Если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придёт для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете.

И кто знает, не для такого ли времени ты и достигла достоинства царского?

15. И сказала Эсфирь в ответ Мардохею:

16. Пойди, собери всех Иудеев, находящихся в Сузах, и поститесь ради меня, и не ешьте, и не пейте три дня, ни днём, ни ночью, и я со служанками моими буду так же поститься, и потом пойду к царю, хотя мо против закона, и если погибнуть, погибну.

17. И пошёл Мардохей и сделал, как приказала ему Эсфирь.

Глава 5

1. На третий день Эсфирь оделась по-царски, и стала она на внутреннем дворе царского дома, перед домом царя: царь же сидел ТОГДА на царском престоле своём, в царском доме, прямо против входа в дом. Когда царь увидел царицу Эсфирь, стоящую на дворе, она нашла мигрень в глазах его.

2. И простёр царь к Эсфири золотой скипетр, который был в руке сую, и подошла Эсфирь, и коснулась конца скипетра.

3. И сказал ей царь: что тебе, царица Эсфирь, и какая просьба твоя? •мже до полуцарства будет дано тебе.

4. И сказала Эсфирь: если царю благоугодно, пусть придёт царь с Аманом сегодня на пир, который я приготовила ему.

5. И сказал царь: сходите скорее за Аманом, чтобы сделать по слову Эсфири. И пришёл царь с Аманом на пир, который приготовила Эсфирь.

6. И сказал царь Эсфири при питье вина: какое желание твоё? оно "удет удовлетворено; и какая просьба твоя? ХОТЯ БЫ до полуцарства, "I. ! будет исполнена.

7. И ответила Эсфирь, и сказала: ВОТ моё желание и моя просьба:

3. Если я нашла благоволение в очах царя, и если царю благоугодно \ кшлетворить желание моё и исполнить просьбу мою, то пусть царь с

Аманом придёт на пир, который я приготовлю для них, и завтра я исполню слово царя.

9. И вышел Аман в тот день весёлый и благодушный. Но когда увидел Аман Мардохея у ворот царских, и тот не встал и с места не тронулся перед ним, тогда исполнился Аман гневом на Мардохея.

10. Однако же скрепился Аман. А когда пришёл в дом свой, то послал позвать друзей своих и Зарешь, жену свою.

11. И рассказывал им Аман о великом богатстве своём, о множестве сыновей своих, и обо всём том, как возвеличил его царь и как вознёс его над князьями и слугами царскими.

12. И сказал Аман: да и царица Эсфирь никого не позвала с царём на пир, который она приготовила, кроме меня; так и на завтра я зван к ней с царём.

13. Но всего этого не довольно для меня, доколе я вижу Мардохея Иудеянина, сидящим у ворот царских.

14. И сказала Аману Зарешь, жена его, и все друзья его: пусть приготовят дерево вышиною в пятьдесят локтей, и утром скажи царю, чтобы повесили Мардохея на нём; и тогда весело иди на пир с царём. И понравилось это слово Аману, и он приготовил дерево.

Глава 6

1. В ту ночь Господь отнял сон от царя, и он велел принести памятную книгу дневных записей; и читали их перед царём.

2. И найдено записанным ТАМ, как донёс Мардохей на Гавафу и Фарру, двух евнухов царских, оберегавших порог, которые замышляли наложить руку на царя Артаксеркса.

3. И сказал царь: какая дана почеть и отличие Мардохею за это? И сказали отроки царя, служившие при нём: ничего не сделано ему.

4. И сказал царь: кто на дворе? Аман же пришёл ТОГДА на внешний двор царского дома поговорить с царём, чтобы повесили Мардохея на дереве, которое он приготовил для него.

5. И сказали отроки царю: вот, Аман стоит на дворе. И сказал царь: пусть войдёт.

6. И вошёл Аман. И сказал ему царь: что сделать бы тому человеку, которого царь хочет отличить почестью? Аман подумал в сердце своём: кому ДРУГОМУ захочет царь оказать почеть, кроме меня?

7. И сказал Аман царю: тому человеку, которого царь хочет отличить почестью,

8. Пусть принесут одеяние царское, в которое одевается царь, и ПРИВЕДУТ коня, на котором ездит царь, возложат царский венец на голову его.

9. И пусть подадут одеяние и коня в руки одному из первых князей царских, и облекут того человека, которого царь хочет отличить почестью, и выведут его на коне на городскую площадь, и возгласят перед

ним: «Так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почетом».

10. И сказал царь Аману: тотчас же возьми одеяние и коня, как ты сказал, и сделай это Мардохею Иудеянину, сидящему у царских ворот; ничего не упусти из всего, что ты сказал.

11. И взял Аман одеяние и коня, и облёк Мардохея, и вывел его на коне на городскую площадь, и провозгласил перед ним: «Так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почетом».

12. И возвратился Мардохей к царским воротам. Аман же поспешил в дом свой, печальный и закрыв голову.

13. И пересказал Аман Зареши, жене своей, и всем друзьям своим всё, что случилось с ним. И сказали ему мудрецы его и Зарешь, жена его: если из племени Иудеев Мардохей, из-за которого ты начал падать, то не пересилюй его, а наверно падёшь перед ним.

14. Они ещё разговаривали с ним, КАК пришли евнухи царя, и стали торопить Амана идти на пир, который приготовила Эсфирь.

Глава 7

1. И пришёл царь с Аманом пировать у Эсфири, царицы.

2. И сказал царь Эсфири также и в ЭТОТ второй день во время пира: какое желание твоё, царица Эсфирь? оно будет удовлетворено; и какая просьба твоя? ХОТЯ БЫ до полуцарства, она будет исполнена.

3. И отвечала царица Эсфирь, и сказала: если я нашла благоволение в очах твоих, царь, и если царю благоугодно, то да будет дарованы мне жизнь моя, по желанию твоему, и народ мой по просьбе моей.

4. Ибо проданы мы, я и народ мой, на истребление, убиение и погибель. Если бы мы проданы были в рабы и рабыни, я молчала бы, хотя враг не вознаградил бы ущерба царя.

5. И отвечал царь Артаксеркс, и сказал царице Эсфири: кто это такой, и где тот, который отважился в сердце своём сделать так?

6. И сказала Эсфирь: враг и неприятель — этот злобный Аман! И Аман затрепетал перед царём и царицею.

7. И царь встал во гневе своём с пира, И ПОШЁЛ в сад при дворце; Аман же остался умолять о жизни своей царицу Эсфирь, ибо видел, что определена ему злая участь от царя.

8. Когда царь возвратился из сада при дворце в дом пира, Аман был припавшим к ложу, на котором находилась Эсфирь. И сказал царь: даже и насиловать царицу ХОЧЕТ в доме у меня! Слово вышло из уст царя, и накрыли лицо Аману!

9. И сказал Харбона, один из евнухов при царе: вот и дерево, которое приготовил Аман для Мардохея, говорившего доброе для царя, стоит у дома Амана, вышиною в пятьдесят локтей. И сказал царь: повесть его на нём.

10. И повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея. И гнев царя утих.

Глава 8

1. В тот день царь Артаксеркс отдал царице Эсфири дом Амана, врага Иудеев; а Мардохей вошёл пред лице царя, ибо Эсфирь объявила, что он для неё.

2. И снял царь перстень свой, который он отнял у Амана, и отдал его Мардохею; Эсфирь же поставила Мардохея смотрителем над домом Амана.

3. И продолжала Эсфирь говорить перед царём, и пала к ногам его, и плакала, и умоляла его отвратить злобу Амана Вугеянина и замысел его, который он замыслил против Иудеев.

4. И простёр царь к Эсфири золотой скипетр; и поднялась Эсфирь, и стала пред лицом царя.

5. И сказала: если царю благоугодно, и если я нашла благоволение пред лицом его, и справедливо дело сие пред лицом царя, и нравлюсь я очам его; то пусть было бы написано, чтобы возвращены были письма, по замыслу Амана, сына Амадафа, Вугеянина, написанные им, об истреблении Иудеев во всех областях царя.

6. Ибо как я могу видеть бедствие, которое постигнет народ мой, и как я могу видеть погибель родных моих?

7. И сказал царь Артаксеркс царице Эсфири и Мардохею Иудеянину: вот, я дом Амана отдал царице Эсфири, и его самого повесил на дереве за то, что он налагал руку свою на Иудеев.

8. Напишите и вы о Иудеях, что вам угодно, от имени царя, и скрепите царским перстнем: ибо письма, написанного от имени царя и скреплённого перстнем царским, нельзя изменить.

9. И позваны были тогда царские писцы в третий месяц, то есть в месяц Сиван, в двадцать третий день его, и написано было всё так, как приказал Мардохей, к Иудеям, и к сатрапам, и областеначальникам, и правителям областей от Индии до Эфиопии — ста двадцати семи областей, в каждую область письменами её и к каждому народу на языке его, и к Иудеям письменами их и на языке их.

10. И написал от имени царя Артаксеркса, и скрепил царским перстнем, и послал письма через гонцов на конях, на дромадерах и мулах царских, —

11.0 том, что царь позволяет Иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и области, которые во вражде с ними, детей и жён, и имение их разграбить.

12. В один день по всем областям царя Артаксеркса, в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяце Адара.

13. Список с сего указа отдать в каждую область, КАК закон, объявляемый для всех народов, чтобы Иудеи готовы были к тому дню мстить врагам своим.

14. Гонцы, поехавшие верхом на быстрых конях царских погнались скоро и поспешно, с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе.

15. И Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и беки о цвета, и в большом золотом венце, и в мантии висонной и пурпуровой. И город Сузы возвеселился и возрадовался.

16. А у Иудеев было ТОГДА освещение, и радость, и веселие, и торжество.

17. И во всякой области и во всяком городе, ВО ВСЯКОМ месте, гуда ТОЛЬКО доходило повеление царя и указ его, была радость Иудеи, и веселие, пиршество и праздничный день. И многие из народов Ираны сделались Иудеями, потому что напал на них страх перед Иудеями.

Глава 9

1. В двенадцатый месяц, то есть в месяц Адар, в тринадцатый день и о, в который пришло время исполниться повелению царя и указу его, г. ют день, когда надеялись неприятели Иудеев взять власть над ними, I вышло наоборот, что сами Иудеи взяли власть над врагами своими.

2. Собрались Иудеи в городах своих, по всем областям царя Артаксеркса, чтобы наложить руку на зложелателей своих; и никто не мог гоять перед лицом их, потому что страх перед ними напал на все народы.

3. И все князья в областях, и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали Иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем.

1. Ибо велик был Мардохей в доме царя, и слава о нём ходила по всем областям, так как сей человек, Мардохей, поднимался выше и выше.

5. И избивали Иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с неприятелями своими по своей воле.

1). В Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пять человек.

7. И Паршандафу, и Дальфона, и Асфару.

8. И Порафу, и Адалью, и Аридафу.

!). И Пармашфу, и Арисая, и Аридая, и Ваиезафу.

10. Десятерых сыновей Амана, сына Амадафа, врага Иудеев, умертвили они, а на грабёж не простёрли руки своей.

11. В тот же день донесли царю о числе умерщвлённых в Сузах, в престольном городе.

12. И сказал царь царице Эсфири: в Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пятьсот человек и десятерых сыновей Амана; что же сделали они в прочих областях царя? Какое желание у вас? и оно будет удовлетворено. И какая ещё просьба твоя? она будет исполнена.

13. И сказала Эсфирь: если царю благоугодно, то пусть бы позволено было Иудеям, которые в Сузах, делать то же и завтра, что сегодня, и повесить на дереве мёртвых сыновей Амановых.

14. И приказал царь сделать так; и дан НА ЭТО указ в Сузах, и десятирех сыновей Амановых повесили.

15. И собрались Иудеи, которые в Сузах, также и в четырнадцатый день месяца Адара, и умертвили в Сузах триста человек, а на грабёж не простёрли руки своей.

16. И прочие Иудеи, находившиеся в царских областях, собрались, чтобы стать на защиту жизни своей и быть покойными от врагов своих, и умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч, а на грабёж не простёрли руки своей.

17. ЭТО БЫЛО в тринадцатый день месяца Адара; а в четырнадцатый день сего же месяца они успокоились, и сделали его днём пиршества и веселия.

18. Иудеи же, которые в Сузах, собирались в тринадцатый день его и в четырнадцатый день его; а в пятнадцатый день его успокоились, и сделали его днём пиршества и веселия.

19. Поэтому Иудеи сельские, живущие в селениях открытых, проводят четырнадцатый день месяца Адара в веселии и пиршестве, как день праздничный, посылая подарки друг ко другу.

20. И описал Мардохей эти происшествия и послал письма ко всем Иудеям, которые в областях царя Артаксеркса, к близким и к дальним.

21. О ТОМ, чтобы они установили ежегодно празднование у себя четырнадцатого дня месяца Адара и пятнадцатого дня его.

22. Как таких дней, в которые Иудеи сделались покойны от врагов своих, и КАК такого месяца, в который превратилась у них печаль в радость, и сетование — в день праздничный, чтобы сделали их днями пиршества и веселия, посылая подарки друг другу и подавая бедным.

23. И приняли Иудеи то, что уже сами начали делать, и о чём Мардохей написал к ним.

24. Как Аман, сын Амадафа, ГЗугеянин, враг всех Иудеев, думал погубить Иудеев и бросал пур, ЖРЕБИИ, о истреблении и погублении их.

25. И как Эсфирь дошла до царя, и как царь приказал новым письмом, чтобы злой замысел Амана, который он задумал на Иудеев, обратился на голову его, и чтобы повесили его и сыновей его на дереве.

26. И потому назвали эти дни Пурим, от имени: пур. Поэтому, согласно со всеми словами сего письма и с тем, что сами видели и до чего доходило у них.

27. Постановили Иудеи и приняли на себя и на детей своих и на всех присоединяющихся к ним неотменно, чтобы праздновать эти два дня, по предписанному о них и в своё для них время, каждый год.

28. И чтобы дни эти были памятны и празднуемы во все роды, в каждом племени, в каждой области и в каждом городе и чтобы дни эти Пурим не отменялись у Иудеев, и память о них не исчезла у детей их.

29. Написала также царица Эсфирь, дочь Абихаила, и Мардохей Иудеянин, со всею настойчивостью, чтобы исполняли это новое письмо о Пуриме.

30. И послали письма ко всем Иудеям, в сто двадцать семь областей царства Артаксерксова, со словами мира и правды.

31. Чтоб они твёрдо наблюдали эти дни Пурим в своё время, какое устави́л о них Мардохей Иудеянин и царица Эсфирь, и как они сами назначали их для себя и для детей своих в дни пощения и воплей.

32. Так повеление Эсфири подтверди́ло это слово о Пуриме, и оно вписано в книгу.

Глава 10

1. Потом наложил царь Артаксеркс подать на землю и на острова морские.

2. Впрочем, все дела силы его и могущества его, и обстоятельное показание о величии Мардохея, которым возвеличил его царь, записаны в книге дневных записей царей Мидийских и Персидских.

3. РАВНО КАК И ТО, что Мардохей Иудеянин был вторым по царю Артаксерксе и великим у Иудеев, и любимым у множества братьев своих, ИБО искал добра народу своему и говорил во благо всего племени своего.

Соломон Лурье,
Профессор древней истории
в 1-м Высшем Педагогическом Институте

АНТИСЕМИТИЗМ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Попытки объяснения его в науке и его причины.

Будут и суша и море наполнены вами повсюду,
Все ненавидеть вас будут за ваши привычки и нравы.

Еврейская Сивилла.

Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покоряло совсем нам Иудейской страны.
Вырвав из почвы, заразу по белому свету пустили,
И победитель с тех пор стонет под игом раба.

Рутилий Намациан.

Ага! Значит неприятно, когда обзывают евреем!

Рар. Ох, X, 1242.

Издательство «Былое»
Петроград,
1922

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Настоящая работа была задумана в 1914-1915 гг., когда русское еврейство больше всего страдало от общественного антисемитизма, обострившегося вследствие новых наветов о роли евреев в европейской войне. Всякого мыслящего и чувствующего человека должен был заинтересовать вопрос о причинах этого исторического явления, крайне важного, хотя бы уже вследствие своей многовековой давности. Для автора этой работы уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях, иными словами, что антисемитизм — явление не случайное, что оно коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и не-еврея. Путём самонаблюдения (автор имеет счастье или несчастье быть, по общему мнению всех знающих его, одним из типичнейших представителей еврейского племени во всех решительно отношениях) и изучения окружающих, мне удалось прийти к определённым взглядам по вопросу о причинах антисемитизма. Когда я случайно наткнулся в это время на книгу Th.Reinach'a «Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme», я с удовольствием увидел, что данные эллинистической эпохи подтверждают те выводы, которые я сделал, изучая современность; это дало мне повод приступить к настоящей работе. Работа обещала очень много, так как вместе со мной за эту же работу взялся мой покойный отец, лучше моего научно вооружённый для неё и стоящий на диаметрально противоположной точке зрения: еврейский вопрос — результат исторического недоразумения, еврейство существует потому, что существует случайно появившийся в мире антисемитизм, и будет существовать, только пока он существует. Возможность обмениваться мыслями по каждому вопросу с человеком, стоящим на столь противоположной точке зрения, давала право надеяться, что работа выйдет вполне серьёзной и обоснованной. К сожалению, уже в самом начале моих занятий отец погиб на своём медицинском посту, заразившись неизлечимой болезнью. В то же время наступили события весны 1917 года, когда казалось, что антисемитизм, а вместе с ним и весь еврейский вопрос, канул в вечность вместе с другими призраками старого режима. Поэтому я забросил начатую работу, как я думал, на очень долгое время.

Прошло 3—4 года, и мне пришлось, однако, к ней вернуться. Ход событий показал, что весенние настроения 1917 года были пустой иллю-

Ссылки на номера страниц здесь указаны по первому, 1922 г., изданию книги С. Лурье и не совпадают с номерами страниц настоящей книги, как это и было у А. Дикого в первом, 1967 г., нью-йоркском издании книги. (Примечание издательства «Благовест»)

зией. и блестяще подтвердил верность сделанных мною прежде выводов о причинах и происхождении антисемитизма: несмотря на полное отсутствие официальных еврейских ограничений, антисемитизм вспыхнул с новой силой и достиг такого расцвета, какого нельзя было и представить себе при старом режиме. В частности, он тяжело отразился и на моей личной жизни. Понятно, что я должен был забросить все текущие научные педагогические занятия и вернуться к оставленной работе.

Таким образом, настоящая работа — результат продолжительного размышления и исследований, и потому, как бы ни были велики её недостатки, ей, во всяком случае, не может быть поставлена в вину комплиментарность или простая регистрация чужих мнений. Моя точка зрения совершенно новая.

Действительно, чуть ли не каждый исследователь выдвинул особое объяснение происхождения антисемитизма. Одни видят причину антисемитизма в том, что евреи — выше окружающей их среды и потому вызывали зависть соседей, это — народ бескорыстных идеалистов и апостолов (М. Фридендер), другие, наоборот, в том, что евреи в нравственном отношении ниже окружающей их среды — они корыстолюбивы и кровожадны (Ф. Штегелин), это — народ ростовщиков (В. Зомбарт); для одних — всё дело в том, что евреи проникнуты партикуляризмом, они отделяют себя китайской стеной от окружающих (Э. Шюрер), другие, наоборот, видят историческую ошибку еврейства в том, что оно слишком охотно проникалось чуждой культурой (И. Фрейденталь); одни пытаются делить еврейство древности на два обособленных и враждующих между собой течения и считают, что только одно из этих течений — узко-националистическое — породило антисемитизм (А. Вертолет), другие, наоборот, видят в еврействе древности одну тесно сплочённую семью и объясняют антисемитизм именно этой сплочённостью (Т. Моммзен); одни видят причину антисемитизма в необыкновенном своеобразии и иррациональности еврейского национального характера, представляющего собой тесное соединение крайних противоположностей (Эд. Мейер), другие, наоборот, объясняют антисемитизм более или менее случайными причинами временного характера — религиозными, экономическими, политическими и т. д. — и считают, что еврейского народа не существует, а есть только граждане различных национальностей, исповедующие иудейскую религию (Т. Рейнак).

Как я уже сказал, я определённо примыкаю к той группе учёных, которые, исходя хотя бы из одного того, что везде, где только ни появляются евреи, вспыхивает и антисемитизм, делают вывод, что антисемитизм возник не вследствие каких-либо временных или случайных причин, а вследствие тех или иных свойств, постоянно сопричастных еврейскому народу. Поэтому необходимо отвергнуть объяснение антисемитизма случайными экономическими, религиозными или политическими конъюнктурами. Конечно, я располагаю доказательным мате-

риалом только для эпохи, входящей в круг моих научных занятий — . И л я античности. Но я а priori убеждён, что в средние века дело обстояло не иначе. Очень любопытна в этом отношении статья L. Sanet в *Revue des etudes juives*, 61 (1911) стр. 213 («Laprièreproïudaeisdelaliturgiel catholique romaine»). В католической церкви установлена в Великую Пятницу молитва за церковь, за папу, за клир, за императора, за прихожан, за страдающих (больных, голодных и т. д.), за евреев и за язычников. Каждое отдельное молитвословие состоит из 1) вступления, начинающегося словами: «Помолимся за... (o gemus pro...), 2) коленопреклонения с молитвой про себя и 3) заключения. Одна из частн'И этой молитвы представляет собою молитвословие за евреев («помолимся за вероломных евреев» — o gemus pro perfidis iudaeis), в >том молитвословии в отличие от всех прочих (включая даже молитвословие за язычников), начиная с IX века, существеннейшая часть — коленопреклонение — опускается. В церковной литературе это объясняется тем, что евреи, издеваясь над Христом, становились перед ним па колени, поэтому христианам не подобает становиться на колени за греев. Объяснение это — заведомо произвольное и придуманное ad hoc: согласно Евангелию, над муками Христовыми издевались не евреи, а римские солдаты. Тщательно изучив церковную литературу, Каи) (стр. 210) приходит к выводу: «У всех авторов дело сводится к тому, тьюбы оправдать уже существующую практику, а не чтобы её ввести впервые. По-видимому, эта практика установилась сама собой, и в ней нужно видеть проявление народного антисемитизма. Доказательство мого мы имеем в заметке на полях сакраментария Ратольда (или <. Васт и Корби): «в этом месте никто из нас (т. е. из членов католического клира) не должен становиться на колени вследствие злобы и ярости народа». И так, именно народ не позволял становиться на колени. . В том, что народные массы в Корби отказывались становиться на колени, когда их призывали молиться за евреев, нет ничего удивительного, таким образом, установился новый обычай. Духовенство только позаботилось о том, чтобы самая молитва сохранилась и чтобы этот обычай был оправдан. Из этого случайно выхваченного примера мы пилим, что даже в этом случае, где легче всего было бы свалить всю вину на пропаганду духовенства и объяснить всё религиозными и экономическими причинами (церковь, мол, была крупным ростовщиком, и .пиисемитизм вызывался стремлением церкви устранить конкурентно ростовщиков-евреев (Зомбарт), в действительности церковь только послушно плелась в хвосте народного антисемитизма.

Постоянной причиной, вызывавшей антисемитизм, по нашему мнению, была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка, и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь ни от кого не обособляясь) оставался национально-государственным организмом. Действительно, всякого рода «конституции»

и «законодательства» — только внешнее закрепление ряда явлений чисто психологических социально-нравственных переживаний. А эти переживания налицо у евреев не в меньшей, а в большей мере, чем у народов, обладающих своим языком и своей территорией, эта особенность евреев, как мы увидим, удовлетворительно объясняется своеобразием древней истории евреев. Однако, эта особенность осталась непонятой не только «хозяевами» евреев, но и учёными исследователями из среды самого еврейства, воспитанными на правовых доктринах «хозяев». Если Фрейденталь готов считать основой национальной самобытности — язык (см. ниже, ч. II, 1), если Р. Г. Леви (*Revue des études juives*, 62 (1911), 188) категорически заявляет, что нет еврейского народа, а есть только граждане различных государств, исповедующие Моисеев закон (*pas plus qu'il n'y a de peuple catholique ni de peuple protestant, il n'y a de peuple juif*), то они уже в древности имеют предшественником Филона (ниже, 115). Точно также и для не-евреев этот факт остался непонятным: любопытно, что, напр., Блуду характеризует чувство, связывающее евреев разных стран, как «землячское» (*landsmannschaftliche*, ниже стр. 56). **А между тем, те психологические переживания, которые налицо у каждого нравственно здорового еврея и в которых часто он сам не отдаёт себе отчёта, могут быть охарактеризованы только как государственно-национальные.**

В этом отношении показательно следующее. Во время европейской войны, когда с одной стороны, расцветали махровым цветом возникшие уже в средние века легенды о еврейском шпионаже, сжигании евреями хлеба на корню, собирании золота в гробы для отправки неприятелю и т. д., а, с другой стороны, еврейская пресса («Восход») из кожи вон лезла, чтобы доказать несуществующий патриотизм евреев и печатала портреты евреев — георгиевских кавалеров — в еврейской массе был особенно популярен трогательный рассказ. Во время панического бегства австрийцев в Карпатах какой-то еврей — унтер-офицер, грубый и малограмотный человек, но неоднократно отличившийся и имевший георгиевские кресты — бросился в атаку одним из первых и, настигнув ближайшего австрийского солдата, пронзил его штыком. Несчастный успел только воскликнуть: «Шма, Исрээль!» (еврейская повседневная молитва) и упал мёртвым. С злополучным же героем произошла резкая перемена. Он забился в угол, целых три дня ничего не ел и на четвёртый день зарезался бритвой. Если мы вдумаемся в этот рассказ, то увидим, что психологические переживания унтер-офицера до и после убийства соплеменника вполне однородны, разница лишь в том, что до убийства объектом его национально-государственного чувства была Россия, а после убийства обнаружилось, что это чувство было поверхностным, наносным, и что в душе унтер-офицера гораздо глубже сидело другое национально-государственное чувство, объектом которого был еврейский народ.

Естественно, что не-евреи не могли ни понять, ни признать этого факта. Если язык и территория — *conditio sine qua* поп всякого национального чувства, то своё еврейское национально-государственное чувство у живших внутри эллинского общества евреев диаспоры должно было представляться им как преступность, как нравственное вырождение.

Если эта работа над первоисточниками не столь тщательна и не имеет столь исчерпывающего характера, как мне бы хотелось, то причина этого в невыносимой экономической и психологической обстановке настоящего времени.

Моя научная специальность — история Греции, поэтому я был в состоянии самостоятельно изучать только историю антисемитизма в эллинистически-римскую эпоху. Если мой труд озаглавлен «Антисемитизм в древнем мире», то только потому, что данные об антисемитизме в предыдущие эпохи настолько малочисленны, что не заслуживают рассмотрения в особой книге, а в моей книге необходимы, как параллель и введение. Само собой разумеется, что памятники этой эпохи (главным образом, документы еврейской колонии на Элефантине) не могли быть здесь подвергнуты самостоятельному разбору, я должен был удовольствоваться только использованием разработанного уже в науке материала, и никакой ответственности за то или иное понимание этих документов я, поэтому, не несу.

Для истории антисемитизма в древности имеется материал и литературный и документальный, как на греческом и латинском, так и на еврейском и арабском языках.

Литературные памятники на греческом и латинском языках были мною изучены наиболее внимательно. Это, во-первых, произведения антисемитской литературы и отдельные антисемитские выпады античных писателей. Все они собраны в книге **Th. Reinach, Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaisme, Paris, 1895.** (В *Berliner Philologische Wochenschrift*. 1895, стр. 985-989, Вильрих поместил придирчивую рецензию на эту книгу и дал длинный список пропущенных Рейнаком мест. Я просмотрел эти места, но ничего интересного для моей темы не нашёл). Во-вторых, это остатки еврейской светской литературы, исторических работ и произведений изящной словесности. Это, в первую голову, Филон и Иосиф Флавий, далее отрывки из утраченных трудов еврейско-эллинистических историков, собранные в уже цитированной книге **Freudenthal**; отрывки из трагедии Езекиеля лучше всего изданы **L.M. Phillippon, Ezechiel und Philo, Berlin, 1830.** В-третьих, это греческая Библия, апокрифы и псевдоэпиграфы. Сличение канонической части Септуагинты с еврейским подлинником и изучение умышленных отступлений в переводе даст немало материала для нашей темы. К сожалению, такое сличение сделано мною только для отдельных мест, я не располагал временем, чтобы провести его в полном объёме. Септуагинту (каноническая часть и апокрифы) я использовал в издании **C. de Teschendorf, Vetus testamentum graece iuxta**

LXX interpretes, T. I et II Lipsiae 1880. Сивиллины оракулы я изучал по изданию *RzachOracula Sibyllina*, Wien 1891. Пособием для изучения апокрифов и псевдоэпиграфов мне служил двухтомный перевод со вступительными статьями, изданный Е. Kautzsch'eM.

Из документальных источников мне удалось заново выбрать и полностью использовать папирусы и египетские надписи. Несколько хуже обстояло дело с внеегипетскими надписями. Из них мною использованы те, на которые я нашёл ссылки в литературе, и те, которые так или иначе реферированы в европейских научных periodica. Конечно, было бы желательно просмотреть полностью собрания греческих и латинских надписей и извлечь из них всё, имеющее отношение к нашему вопросу. Но это было бы равносильно составлению *Corpus inscriptionum graecarum et latinarum ad res iudaicas pertinentium*, а для такой работы я, при нынешних условиях, конечно, не располагал временем.

Ещё хуже обстоит дело с литературными памятниками на еврейском и арамейском языках (Библия и Талмуд). Вследствие весьма слабого знания еврейского языка, нужные для моей работы позднейшие части Библии я принуждён был изучать в образцовом немецком переводе Е. Kautzsh'a и только в особенно интересных, трудных или спорных местах я мог обращаться к подлиннику. Но хуже всего обстояло дело с Талмудом. Пользоваться переводом я не считал себя вправе не только потому, что не существует общепризнанного авторитетного перевода Талмуда, подобного Kautzsh'eBCKOMy переводу Библии, но ещё и вследствие обычно выдвигаемого антисемитами обвинения, будто в переводах и последних изданиях Талмуда все наиболее «криминальные» места выпущены. Поэтому для привлечения к делу Талмуда необходима самостоятельная работа над талмудическим текстом, что при моей нынешней подготовке совершенно невозможно. Если начатые мною ныне занятия дадут мне надлежащую подготовку и если внешние условия не помешают этому, я возьмусь за особую работу о Талмуде, как об источнике для истории антисемитизма в древности. Пока же я приводил только те места Талмуда, которые уже освещены в литературе нашего вопроса со ссылками на привлечших их учёных.

Что касается литературы вопроса, то и здесь имеются пробелы. Благодаря тому, что мне удалось получить доступ к переданной ныне в Азиатский Музей Академии Наук библиотеке покойного ныне проф. Хвольсона, литература вопроса до 1909-1910 г. мною использована почти сполна. Хуже обстояло дело с более новой литературой. В Азиатском Музее имеются и были использованы книги по интересующим меня вопросам вплоть до 1920 года, но подбор их далеко не полный и оставляет желать многого. Что же касается библиотеки моей alma

Компетентного читателя должны будут затруднить мои ссылки на первоисточники в вопросах соц. состава еврейского населения Египта: они основаны на результатах моей работы, до сих пор неопубликованной по условиям книжного рынка. К сожалению, включить эти исследования в нашу книгу я не имел возможности.

mater, Петроградского Университета, то, к глубочайшему моему при-
скорбию, я лишён возможности ею пользоваться.

К сожалению, в моём труде читатель не найдёт ссылок на русскую литературу вопроса. Сколько мне известно, вся русская литература сводится к статье Н. Брюлловой «Антисемитизм в древности» в «Еврейской энциклопедии» (изд. под ред. Л. Каценельсона и бар. Д.Г. Гинцбурга; II отд. — иудео-эллинский — под ред. проф. Ф.Ф. Зелинского, том II стр. 639-643). Эта статья представляет собою краткий реферат ярко-антисемитской брошюры Stahelin'a, *Der Antisemitismus des Altertums* без малейшей попытки критически разобраться в сообщаемых фактах. Реферат сделан крайне небрежно: так, в труде Посидония Анамейского приближённые Антиоха VII Сидета рассказывали этому царю о разоблачениях, сделанных Антиохом IV Епифаном в иерусалимском храме; Брюллова, по-видимому, не поняла прочтённого у Штегелина и на ст. 641 приписывает эти разоблачения непосредственно Антиоху VII. Далее, Штегелин говорит о мнимой еврейской монополии торговли папирусом в весьма осторожных выражениях, слагая всю ответственность на Шлаттера. Брюллова говорит об этом давно опровергнутом в науке (ниже, стр. 39) навете, как о непреложном факте. Единственное собственное добавление Брюлловой: «в различных спекулятивных отраслях торговли и государственного хозяйства евреи играют преобладающую роль» — представляют собою не основанное ни на каких фактах дальнейшее развитие мыслей Штегелина. Ясно, что на эту статью было неуместно ссылаться в научной работе.

Далее, как мне сообщили, на днях выходит в свет книга проф. Тюменева: «Евреи в древности и в средние века», но к моменту сдачи моего труда в печать, мне не удалось достать этой книги.

За отсутствием в типографии греческих и еврейских шрифтов, мне пришлось все цитаты приводить в латинской транскрипции.

В заключение считаю долгом выразить свою глубокую благодарность дорогому товарищу Петру Викторовичу Ернштедту, хранителю Азиатского Музея Академии Наук, за его содействие в разыскании научной литературы, за указания новейших научных трудов по интересующим меня вопросам, за руководство в моих первых шагах по изучению древне-еврейского языка и за сообщение мне ряда весьма существенных для моей работы фактов (на стр. 34 читатель найдёт сделанное им ценное примечание).

Петроград, 15 февраля 1922 г.

Соломон Лурье

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРИЧИНЫ АНТИЧНОГО АНТИСЕМИТИЗМА

Общие замечания

Выше мы видели, что объяснять античный антисемитизм какими-либо временными, случайными причинами или причинами, лежащими вне самих евреев, совершенно невозможно. Если везде, где только ни появляются евреи, тотчас вспыхивает и антисемитизм (Mommsen, *Rom. Gesch.* V, 519) и если антисемитизм есть совершенно «своеобразное явление», не имеющее никаких параллелей в отношении греков и римлян к другим национальным группам (Wilcken, *Zum alex. Antisemitismus*, 783), то, очевидно, следует искать причину антисемитизма в самих евреях. Это ясно для большинства учёных; но, так как антисемитизм до сих пор остаётся злобой дня, боевым вопросом, то вполне естественно, что такое объяснение антисемитизма получает оценочный привкус; учёные не довольствуются констатированием того, что евреи в тех или иных отношениях разнятся от всего остального древнего мира, но ещё находят нужным объяснять антисемитизм тем, что евреи либо много хуже, либо много лучше своих соседей.

Со взглядами первой группы мы уже отчасти встречались в первой части, отчасти мы выясним их происхождение и опровергнем их ниже. Сейчас мы займёмся взглядами второй группы. Такого рода взгляды высказываются не только учёными-евреями (у которых они и понятны, и простительны), но и учёными-христианами. Дело том, что в еврействе эти люди видят предтечу христианства, а так как для них преимущество христианского мира над «языческим» — одна из первых аксиом их исторического миросозерцания, проникнутого верой в непрерывность нравственного прогресса, то естественно, что и еврейство, содержащее в себе зародыш христианства — куда «выше язычества».

Автор этой книги не видит никакого нравственного прогресса в переходе от, так наз., «языческой» эллинской религии к средневековому христианству, и равным образом, не видит тех нравственных максимумов, которые заключались бы в Библии, но не были бы уже достоянием эллинистической культуры. Для него, так. обр., эта априорная предпосылка отпадает сама собой.

Однако такие взгляды нередко раздаются в науке. Ренан (*Revue de deux Mondes*, 1890, p. 801) говорит: «Израилю не была предназна-

чена (курсив мой) судьба обычной нации, прикреплённой к своей земле; его удел был стать бродилом для всего мира. Рассеяние было одной из предпосылок его истории; ему предназначено было исполнять свою главную миссию будучи рассеянным».

Ещё дальше идёт автор книги «Das Judentum in der vorchristlichen griechischen Welt» (Wien und Leipzig, 1897), М. Фридендер. Исходя из (конечно, далеко не беспристрастных) указаний еврейских писателей древности, Филона и Иосифа Флавия, он приходит к выводу, что весь еврейский народ (не только его идейные руководители, но и широкие средние круги) «поставил своей единственной целью служить руководителем в нравственной жизни всему человечеству» (стр. 3—4), что «единственным крупным промыслом, которым евреи диаспоры интенсивно занимались, было широко поставленное обучение и обращение язычников» (стр. 23), что «еврейская диаспора в действительности представляла собою общину апостолов, чувствующую себя призванной стать светочем народов, каким она и в самом деле стала» (стр. 23), что «презрение к богатству вообще было основной чертой характерной чертой еврейской диаспоры» (стр. 66) и т.д. и т.д. Точно так же и в объяснении антисемитизма М. Фридендер следует Иосифу Флавию (с. Ар. I. 125): антисемитизм возник вследствие зависти язычников к успеху религиозной пропаганды и нравственным совершенствам образцового во всех отношениях еврейского народа (стр. 6, 47).

Если пойти по стопам этих учёных, то еврейский народ — какое-то неслыханное и непонятное исключение в истории мира. Другие народы ведут ожесточенную борьбу за существование, и в этой борьбе закаляется их природа и вырабатывается национальный характер; евреи пренебрегли этой борьбой за существование, ушли от мелочей жизни, «презрение к богатству вообще было их основной чертой» и, вместо этого, пользуясь выражением Ренана, всецело погружаются в исполнение какой-то заранее предназначенной им исторической миссии, на вред себе и на благо окружающим.

Самое существование такого «народа апостолов» невероятно. Такой народ, живя среди людей с ангельскими душами, конечно, поразил бы их своим примером и в короткий срок обратил бы их всех в еврейство, живя же среди людей чёрствых сердцем, он, вследствие своей полной непригодности к жизненной борьбе, был бы в короткий срок уничтожен. В действительности, не случилось ни того, ни другого. Вдобавок, такое представление никак не уживается с историческими данными. Несмотря на антисемитизм и нравственные гонения, евреи, как мы видели выше, прекрасно преуспевали в практической жизни. Далее, не только пророки, праведники и учёные, но и практические дельцы, думавшие прежде всего о том, как бы сколотить хорошее состояньице, пользовались у евреев всеобщим почётом и уважением, если они соблюдали из-

вестный декорум, известный минимум благотворительности и внешней религиозности. Так, крупный откупщик-спекулянт Иосиф Тобиад «был очень популярен среди жителей Иерусалима за своё благочестие, мудрость и справедливость». (Jos. Ant. XII, 4, 2).

Откуда же могло возникнуть такое представление о евреях древности? Источник его двойкий: во 1-х, подобные же замечания у писателей древности «языческих» и еврейских; во 2-х, широко поставленная миссионерская деятельность античных евреев.

Начнём с указаний «языческих» писателей. Писатели конца IV и начала III века Феофраст (fr. 5 R), Клеарх (Гр. 7 R), Мегасфен (Гр. 8 R) и другие (Diog. Laert. praef. § 9; fr. 98 R) считали евреев не народом, а философской сектой. Но это объясняется, конечно, не «апостольской миссией» евреев: в это время ассимиляция в еврейской среде, как мы видели, ещё только начиналась, и эти писатели попросту не знали евреев. Им было известно только, что это народ, живущий в большинстве на чужой территории и, тем не менее, всюду с упорством исповедующий и проповедующий свою религию; а так как для античного человека религия неразрывно связана с государством, то для него и религия, не втиснутая в рамки определённого государства — не религия, а «философия», почему и евреи, с его точки зрения, не национальная группа, а философская секта.

Столь же мало убедительны и панегирики эссеянам, которые мы находим у Плиния (fr. 150 § 73 R) и Солина (fr. 196 § 9 R). Эссеяне — монашеский орден в Палестине, и, конечно, не они, а евреи диаспоры давали представление о характерном облике еврея и были причиной тех или иных чувств к ним соседей. Конечно, и у евреев, как и у всякого другого народа, были и достоинства, выгодно отличавшие их (особенно в эпоху нравственного упадка эллинистического мира) от их соседей; «таковы добродетели признававшиеся даже врагами евреев: глубокая религиозность, строгое повиновение закону, крайне скромные потребности, благотворительность, привязанность друг к другу, презрение к смерти на войне, усердие к земледелию и ремеслам» (L. Friedlander, Darst. aus der Sittengeschichte Roms. III, 515), но было бы невозможным парадоксом утверждать, что именно эти достоинства и были причиной антисемитизма. Наоборот, мы видим, что **древние писатели умеют совместить уважение к этим достоинствам евреев с самым ярким антисемитизмом**; так, напр., Страбон (Geogr. XVI, 35) воздаёт должное простоте и возвышенности еврейского религиозного культа и в то же время относится к евреям крайне враждебно за другие особенности их жизни и учения.

Ещё менее убедительны указания еврейских писателей древности. Более всего с первого же взгляда отличала евреев от окружающих их религия и её внешняя обрядность. Подобно тому, как греческие писатели (см. выше, стр 20) старались представить себе эту религию, как смесь безнравственности, кровожадности и суеверия и этим объясня-

ли себе антисемитизм, так и еврейские писатели склонны были видеть причину антисемитизма в еврейской религии. Но так как евреям, естественно, их религия должна была казаться лучшей и совершеннейшей, то понятно, что они считали себя апостолами, мучениками за эту религию, и видели единственную причину антисемитизма в зависти соседей (Joseph, s. Ar. [25, Or. Sib. Ш 194 sq. et passim Sapientia Salomonis, passim). Широко поставленная миссионерская деятельность евреев, не имеющая даже отдалённых параллелей в истории других религий древности, стремление набрать, как можно больше новых адептов еврейской религии, казалось, противоречила национально-религиозной замкнутости евреев и заставляла видеть в них народ, ушедший от мира, народ апостолов. Это — главная причина появления тех взглядов, о которых мы только что говорили.

Между тем, более близкое ознакомление с характером миссионерской деятельности евреев древности ставит нас сразу же в тупик.

По справедливому мнению Вертолета (о. с. 322 слл.) для того, чтобы быть признанным евреем, необходимо было соблюдать известный минимум еврейских религиозных обрядов, не имевших прямой связи с нравственным усовершенствованием (такая связь устанавливается эллинистически-еврейскими писателями только посредством символизации этих обрядов) и сохранявших лишь национально-традиционное значение. Конечно, нельзя указать точно, каков был этот минимум, так как внутри самого еврейства шла также борьба между партикулярными и ассимиляционными элементами, и вольнодумная часть еврейства сама не находила нужным соблюдать значительную часть установленных обрядов. Во всяком случае, обрезание, соблюдение субботы, почитание иерусалимского храма, кое-какие правила относительно пищи считались *conditio sine qua* поп для еврея, а, следовательно, и для всякого, желающего вновь вступить в среду еврейства. «Или обрезание и связанный с ним полный переход в еврейство, или же вы остаётесь совершенно вне их круга» (Вертолет, о. с. 329): «для прозелитов является законом всё то, что было законом для самих евреев» (ibid. 335). **Попытка М. Фридендера (о. с. 56 слл.) открыть в еврействе религиозное течение, отрицающее и обрезание и иерусалимский храм, должна быть признана неудачной:** он, как мы увидим ниже, опирается на еврейскую литературу, предназначенную для не-евреев, и притом для таких не-евреев, *которых вовсе не имеет в виду вовлечь в круг еврейства*. Действительно, сам же он (на стр. 57 своей книги) указывает, что тот же Филон, который в своих трудах объясняет обрезание и субботу как чисто символическое изображение определённых нравственных максимумов, тем не менее, для нужд еврейского читателя, находит нужным заметить: «Следует, однако, сурово порицать тех людей, которые, уразумев истинный философский смысл старинных обрядов, священных в глазах народных масс, перестают вследствие этого их соблюдать». (Philo de migr. Abr. ч. I 450 м., ср. доб. к стр. 91). **В глазах евреев всех толков «перейти в**

еврейство» и «сделать себе обрезание» синонимы . Проникнутый эллинистической культурой еврей мог, так. обр., считать еврейские обряды, сами по себе, безразличными для нравственного усовершенствования и видеть в них только символы; тем не менее, он требовал соблюдения их в виду их «старинности», т.е. по национально-патриотическим соображениям .

С другой стороны, евреи вели среди соседей широкую пропаганду своей религии (ср. напр. Ног. Sat. 1ч. 138 слл. цит. выше на стр. 23); при этом они пропагандировали чаще всего только нравственные догмы еврейской религии, умышленно перетолковывая иносказательно-символически еврейские обряды — иными словами вели пропаганду, которая могла иметь и имела своим результатом лишь появление большого числа лиц, приемлющих *часть еврейского вероучения*, а не присоединение к еврейству больших групп эллинского общества (Bertholet, о. с. 302, 334. Bludau. о. с. 27, ср. Mommsen, о. с. V, 492). М. Фридендер справедливо заметил, что Филон вовсе не хочет «наложить на язычников бремя еврейского закона, он представляет им еврейское учение, как благо доступное для разума и легко достижимое» (о. с. 70). Такова же и тенденция еврейской Сивиллы (тот же автор, стр. 57 слл.); М. Фридендер ошибается лишь в том, что видит здесь взгляды одной из партий внутри еврейства, **тогда как в действительности мы имеем здесь, если можно так выразиться, товар, предназначенный лишь для внешнего употребления.** Ещё более любопытна книга, вышедшая в свет под именем (по-видимому, египетского жреца) Артапана. Несмотря на то, что самой сущностью еврейской религиозной пропаганды является проповедь монотеизма и борьба с многобожием, автор этой книги, как мы видели выше (стр. 24-25) приписывает Моисею изобретение языческой религии, отождествляет Моисея с греческим богом Гермесом (и, по-видимому, египетском богом Тотом), приписывает ему не только постройку языческих храмов, но и «верх языческой мерзости» — культ священных животных. А между тем автор этой книги настроен ярко националистически и его цель — снискать, как можно больше, поклонников еврейству. Конечно, и это — товар, предназначенный исключительно для экспорта, но какой толк в вербовке поклонников еврейства, не усвоивших себе даже основной сущности этой религии — единобожия? Получается, таким образом, непонятное противоречие, на которое указал уже Шюрер (о. с. III, 162). Для устранения его Вертолет и Штегелин так же, как и М. Фридендер, прибегают к допущению существования двух резковраждебных партий в еврействе, с тою лишь разницей, что в то время, как, по мнению М. Фридендера, вольнодумная партия, не признающая обрезания и храма, задавала тон еврейскому общественному мнению ди-

* Ср. Юдифь, 14, 10: Увидев всё то, что содеял Бог Израиля, Ахиор возымел твёрдую веру в этого Бога: он просил обрезать ему крайнюю плоть и был принят в дом Израиля.

** Ср. Bludau, о. с. 40 Schurer, Theol. Litz. 1897, 326, 1899, 167 sg.

аспоры, с точки зрения этих учёных эта универсалистическая партия составляла жалкое меньшинство (Bertholet, о. с. 318) и не играла, по-видимому, самостоятельной роли в еврействе: всё её значение сводится лишь к тому, что из её недр вышло христианство, и что она вынуждала к известным уступкам универсализму господствующую партикуляристическую партию. Существование этих двух партий Вертолет доказывает на следующем примере (о. с. 316). Царь Адиабены, Изат, настолько проникся нравственной высотой еврейской религии, что хочет подвергнуться обрезанию и стать евреем всецело. Но, как сообщает Иосиф Флавий, от которого мы узнаём об этом случае (Ant. XX, 2, 5) религиозный наставник Изата еврей Ананий *из страха, что обрезание царя может навлечь на него, как на виновника, гнев народный*, уговаривает царя не делать этого. Он пытается внушить ему, что Бога можно чтить и без обрезания, — необходимо только тщательно соблюдать еврейские законы. Это — много важнее обрезания. Однако другой еврей, Элеазар из Галилеи, требует от царя, чтобы он, если хочет стать евреем, прежде всего подвергся обрезанию, и царь так и поступает. Для Вертолета отсюда ясно, что в еврействе существует две партии: одна требует от обращенных соблюдения только нравственной части еврейского закона (её представитель — Ананий), другая — «хочет навязать вновь обращаемому в еврейство не только содержание, но и внешнюю форму еврейского закона — всё его тяжёлое бремя... Таково, конечно, мнение *большинства*» (курсив Вертолета; стр. 318). Из справедливо сделанного Вертолетом полного отождествления обрезания с переходом в еврейство (стр. 329, 335, цит. выше на стр. 97), мы видим, что фактически он считает первую партию не только меньшинством, но ещё и таким ничтожным меньшинством, мнение которого может быть вовсе не принимаемо во внимание. Однако, если считать течение, ведшее пропаганду за принятие только нравственной части еврейского закона столь мало влиятельным, то останется непонятным появление весьма многочисленной категории не-евреев, принявших отчасти еврейский закон, так наз. «чтущих Бога» или «чтущих Бога Всевышнего» (sebomenoi ton Theon, phobumenoi ton Theon, sebomenoi Theon ton Hupsiston). Вертолет чувствует это, и для него остаётся только одна возможность — считать, вопреки общепринятому в науке взгляду, sebomenoi не полупрозелитами, а настоящими прозелитами, принявшими всецело еврейский закон (стр. 329 слл. его труда). Несмотря на всю талантливость, Вертолету эта попытка совершенно не удалась. Действительно, в подтверждение своего взгляда он приводит следующее:

1) Иосиф (Ant. XIV, 7,2) указывает, что сокровища Иерусалимского храма составились из взносов а) евреев всей вселенной, б) sebomenoi ton Theon и в) жителей Европы и Азии. Под (а), конечно, разумеются евреи, под (в), по мнению Вертолета, полупрозелиты; таким образом, остаются настоящие прозелиты, каковыми, следова-

тельно, и являются *sebomenoi ton Theon*. Рассуждение это правильно в том случае, если считать, что настоящие прозелиты составляли значительную обособленную группу, которую необходимо было упомянуть отдельно. Если же, как мы увидим, настоящих прозелитов была ничтожная горсточка, растворённая бесследно в коренной еврейской массе, то гораздо более естественно будет видеть во второй группе — полупрозелитов, а в третьей — лиц, не имеющих никакого отношения к еврейству и сделавших взносы из соображений дипломатических, политеистических (желание жить в ладу со всеми богами — обычное явление в эллинистическую эпоху) и т.д.

2) В «Деяниях Апостольских» (13, 50) евреи натравливают на Павла и Варнаву женщин из категории *sebomenoi — tas sebomenas gynaikas*. По мнению Вертолета нелепо предположить, что они натравливали на апостолов полупрозелитов и не натравливали настоящих прозелитов: очевидно, *sebomenoi* — настоящие прозелиты. Но если мы представим себе, что настоящие прозелиты представляли ничтожную кучку, бесследно растворившуюся в еврейской массе, не только не пользующуюся влиянием, но презираемую наравне с евреями, тогда как полупрозелитки, не пожелавшие вступить в среду евреев, представляли собой цвет местной аристократии, то станет ясно, почему евреи прибегли именно к их влиянию, желая добиться высылки Павла и Варнавы.

3) Выражение Павла (там же 13,16) «Мужи Израильтяне и *phobumenoi ton Theon*» также не доказывает, что *phobumenoi* — настоящие прозелиты, так как настоящие прозелиты в виду их малочисленности *implicite* подразумеваются в обращении «мужи Израильтяне». Более убедительна цитата из дальнейшей части его же речи (13, 26): «Мужи братья, сыны рода Авраамля, и включённые в нашу среду *phobumenoi ton Theon*». Но такой перевод основан на произвольной конъюнктуре — *hoi en hemin* — «включённые в нашу среду» — вместо *hoi en humin* — «находящиеся (т. е. присутствующие здесь) среди вас» — и, так. обр., это место решительно ничего не доказывает. Абсолютно ничего не доказывают и приводимые Вертолетом на стр. 332 его книги надписи.

4) Наконец, в доказательство своего взгляда Вертолет ссылается на ст. 96 слл. XIV сатиры Ювенала, где речь идёт о *metuentes* — буквальный перевод на лат. яз. греческого слова *phobumenoi*. А так как здесь речь идёт об обрезанных, принявших еврейский закон целиком, то *phobumenoi* — настоящие прозелиты. Но, в действительности, это место доказывает обратное: здесь говорится, что сами *metuentes-phobumenoi* довольствуются почитанием единого Бога, соблюдением субботы и воздержанием от свиного мяса, тогда как дети их сплошь да рядом подвергаются обрезанию и целиком принимают еврейский закон. *Phobumenoi*, следовательно, здесь резко противопоставлены настоящим прозелитам (выражение *metuunt ius* в ст. 101 употреблено

не в техническом смысле, а в обычном разговорном) (Schurer, о. с. 174, пр. 70).

Обратим, наконец, внимание ещё на то, что южно-русские надписи из Горгииппии (нынешней Анапы — Латышев, IOSPE II, 400, 401, ср. прим. к I 98), без сомнения, исходят от такой же религиозной группы, как и южно-русские же надписи из Танаиса, начертанные *sebomenoi Theon Hypsiston*. «чтущими Бога Всевышнего», так как эти надписи начинаются еврейской формулой: «Богу Всевышнему Всемогущему Всеблагому (Theo hypsisto pantocratori eulogeto)». А между тем, эти надписи кончаются тем, что ставят посвятителем под покровительство Зевса, Земли и Гелия — иными словами, здесь никак нельзя считать *sebomenoi* настоящими прозелитами.

Итак, попытку Вертолета надо признать неудачной: крупнейшая категория прозелитов — *sebomenoi* — образовывали отдельную группу, стоявшую вне еврейства, и не были настоящими прозелитами. Но и вообще попытку разбить еврейство на две партии — господствующую партикуляристическую, требовавшую от новых евреев полного принятия закона, включая обрезание, и ассимиляционно-универсалистическую, не требовавшую этого от прозелитов — надо считать неудавшейся. Действительно, казалось бы, обе партии должны были быть резко противопоставлены друг другу. Между тем, как указывает тот же Вертолет (стр. 322), как раз школа Шамай, державшаяся партикуляристических взглядов, часто в вопросе о прозелитах была либеральнее школы Гиллеля, стоявшей на универсалистической точке зрения. По этому поводу он принуждён заметить: «Разницу между обеими школами по отношению к не-евреям нельзя переоценивать». Вот почему другие учёные (напр. Блудай и Штегелин) объясняют это противоречие иначе и видят в еврейской пропаганде принятия лишь нравственной части их религии только ловкий военный маневр: сначала показывается товар лицом, подчёркивается лишь часть религии, имеющая общечеловеческую ценность, дабы заманить легковерного эллина, а затем его постепенно склоняют и к принятию нелепых, иррациональных еврейских обрядов, как мы видели в сатире Ювенала. Но это противоречит фактам: если бы дело обстояло так, то еврей Ананий обрадовался бы желанию царя Изата подвергнуться обрезанию, между тем, в действительности, как мы видели, он всячески отговаривает его от этого. И в самом деле, как мы сейчас покажем, еврейская пропаганда вела к образованию широких кругов *sebomenoi*, но не привела большого числа «язычников» в лоно правоверного еврейства.

В псалмах, у пророков и в других местах Ветхого Завета часто высказывается надежда, что когда-нибудь все язычники станут евреями. Однако эти пожелания относятся к отдалённому будущему — обычно м> времени Мессии. Конечно, евреям доставляло радость, если уже и в и\ время «язычники», убедившись в могуществе еврейского Бога, переходили в еврейскую веру (Эсфирь, 9,17, Юдифь, 14,10). Но евреи не только не старались заманить всех и каждого в свою среду, но, наобо-

рот, относились с большой осторожностью к приёму прозелитов. Прозелиты не были равноправными членами еврейской общины, и такое недоверчивое отношение к ним, по справедливому замечанию Мюллера (Des Fl. Josephus Schrift gegen Apion), препятствовало вхождению в еврейскую среду значительного числа новых адептов. Действительно, целый ряд свидетельств показывает, что число еврейских прозелитов огромно — вероятно, значительно превышало число самих евреев: но о каких прозелитах здесь идёт речь? Шюрер (о. с. 165) говорит: «Число тех, которые в большей или меньшей степени (in engerer oder freierer Form) примкнули к еврейским общинам, принимали участие в еврейском богослужении и в большей или в меньшей степени (bald mehr bald weniger vollkommen) соблюдали еврейские законы, было очень велико». «В большей или меньшей степени...» — иными словами, он уклоняется от ответа на вопрос, в какой же именно степени основная масса этих прозелитов приняла еврейскую веру. Однако, в приводимых им примерах из древней литературы, мы находим указание только на двух лиц, действительно ставших, после долгих колебаний и искуса, настоящими евреями: это уже упомянутый царь Адиабенский Изат и его мать Елена (о. с. 169). Все остальные цитаты относятся исключительно к *sebomenoi*, т. е. к лицам, принявшим часть еврейского вероучения и не вошедшим в среду еврейства. О широком распространении этого и только этого вида прозелитизма говорят в приводимых им местах и Иосиф Флавий (с. Ap. II, 39) и Сенека (у Augustin, de civitate Dei, VI, 11), и Дион Кассий (Dio Cass., XXXVII, 17). Так напр., тот же Иосиф Флавий гордится тем, что в Антиохии «евреи постоянно привлекали к своему богослужению большое количество эллинов и делали их в известном отношении своей составной частью». «В известном отношении» — *тропо tini* — конечно, Иосиф так бы не выразился, если бы большое число антиохийцев по-настоящему вошли в еврейскую общину!

В доказательство того, что и число настоящих прозелитов в диаспоре было огромно, Нибур (Rom Gesch. I стр. 7, Alte Gesch, III, 544), и вслед за ним и Блудай (о. с. 27), ссылаются на то, что в эпоху Филона евреи составляли 2/5 всего населения Александрии, т. е. около 400 000 чел. Такое большое количество не могло получиться из маленькой еврейской колонии, вернувшейся из плена; следовательно, большая часть этих евреев — это прозелиты и их потомки. Однако, Вертолет (о. с, стр. 297) справедливо указал на невозможность такой аргументации, так как за 550 лет население при средних благоприятных условиях увеличивается в 65 раз, т. е. 400 тыс. евреев могли быть потомками только 6150 возвратившихся из изгнания. К этому прибавим ещё: 1) что у евреев, вследствие запрещения убивать детей, что широко применялось в древнем мире, по свидетельству древних авторов (Гекатей Медерский, fr. 9 R, §9, Тацит, Hist, V, 5), прирост населения Bertholet, о. с. 34 sq.

ния был особенно велик; 2) что значительное число евреев выселилось из Палестины в Египет при первых Птоломеях и 3) что, как показали раскопки в Элефантине, еврейская колония в Египте образовалась много раньше возвращения евреев из плена.

Следовательно, таких указаний, которые дали бы нам возможность заключать о многочисленности настоящих еврейских прозелитов, нет. Соблюдение отдельных еврейских обрядов и исповедание отдельных еврейских догм было «криком моды» в античном обществе. Если из «Деяний апостольских» (13, 44) мы узнаём, что в антиохийской синагоге собрался «почти весь город» (*skhedon pasahe polis*), чтобы послушать Павла и Варнаву, то ясно, что ходить в синагогу было принято и у не-евреев (Bertholet, *о. с.* 296). Овидий в своей книге «*Ars amatoria*» (I, 75) советует искать себе любовницу в местах, где собирается много публики, в частности дам; при этом он указывает и на синагогу: «конечно, имеются в виду не еврейки или официальные прозелитки». Особенно в моде в греческом обществе было празднование субботы. «Нет ни одного народа, в среду которого не проник бы наш обычай праздновать седьмой день недели» (*Jos. с. Ар. II, 39*). Насколько в моде было у римлян празднование субботы, мы видим также из указаний поэтов (*Pers, Sat. V, 176* слл.; *Tibull Eleg. 1, 3, 17-8*; *Hog. Sat. I, 9, 68-72* — здесь человек, чтущий субботу, извиняется тем, что он, ведь только «один из многих» — *unus multorum*; *Ovid, rent am. 217*). Наконец, что любопытнее всего, из Светония (*Tiber. 32*) мы узнаём, что грамматик Диоген читал свои доклады только по субботам и даже ради императора Тибериуса не согласился перенести свой доклад на другой день. Празднование субботы было характернейшим, бросающимся в глаза признаком *sebomenoi*, почему Ювенал (*Sat. XIV, 96*) и называет *sebomenoi* «чтущими субботу» — *metuentes sabbata*; отец настоящего прозелита, заведомо не еврей и не настоящий прозелит, характеризуется здесь тем, что «каждый седьмой день он посвящал лени и не занимался никакими делами». У Вертолета (стр. 296 слл.) и М. Фридендера (стр. 39 слл.), читатель найдёт сколько угодно свидетельств такого частичного заимствования не-евреями еврейских обрядов. Несомненно это было в большой моде; но, после всего сказанного в первой части нашей работы об антисемитизме в эллинистическом обществе, трудно себе представить, чтобы могло быть в моде полное вхождение в еврейскую общину. Все эти поклонники еврейского закона предпочитали только «играть в евреев» (*hypokrinestai Joudaiou*), им нравилось быть «ни то, ни сё» (*eramphoterizontes*) «на словах евреями, а на деле чем-то другим» (*Agian. Nic. Epict. II, 9, 19-21*); иными словами, войти

Указание М. Фридендера (*о. с.* 42 с пр. 17), будто апостол Павел спорил с греческими философами в афинской синагоге со ссылкой на «Деян. апост.», XVI, 17, неверно. В этом месте говорится о субботней проповеди Павла в синагоге в Филиппах Македонских; об Афинах и греческих философам здесь нет речи. О пребывании апостола в Афинах говорится XVIII, 17, но здесь мы читаем, что в синагоге Павел беседовал с евреями и *sebomenoi*, а с философами — на горе.

по-настоящему в еврейскую общину, подвергнуться обрезанию, они считали для себя зазорным. Тем знатым гречанкам и римлянкам, которые с удовольствием перенимали модные еврейские обряды, отнюдь не приходило в голову переменить своё видное общественное положение на мало почётную роль еврейской прозелитки. Из сатиры XIV Ювенала (ст. 96 слл.), правда, можно как будто бы заключить, что потомки — *sebotenoi* становились уже настоящими иврейями. Но это значит не уразуметь настоящего смысла этого места, иллюстрирующего половицу: «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Когда детям говорят: если вы не будете слушать родителей, то, в конце концов, дойдёт до того, что станете грабить и убивать людей, — то хотят только подействовать на их воображение, а не сослаться на действительный факт. Так и здесь: «читать субботу», *metuere sabbata* — было «криком моды», а быть обрезанным евреем считалось верхом позора. Ювенал бичует эту моду и для устрашения говорит: «отец удовольствуется почитанием субботы, но сын настолько войдёт во вкус еврейских обрядов, что подвергнется обрезанию и станет настоящим кровожадным и бессердечным жидом, ненавидящим всех, кроме своего племени» (цитата выше, стр. 82).

Таким образом, в этом случае **Зомбарт прав**, когда он пишет (о. с. 342-343): «Ныне можно констатировать, что прежде размеры прозелитизма чрезвычайно переоценивались. Без сомнения, в эллинистическую эпоху и в эпоху зарождения христианства еврейство находило в среде языческих народов приверженцев своих учений; не даром и еврейское и, например, римское законодательство трактует о такого рода людях. Но ныне можно считать несомненным, что, когда здесь речь идёт о прозелитах, здесь имеются в виду только такие обращенные, которые, хотя участвовали в богослужении, но не были допущены ни к обрезанию, ни к бракам с евреями (замечу в скобках, что почти все они, в конце концов, вошли в среду христиан...). Но допустим даже, что в до-христианское время имел место и полный переход в еврейство; по отношению к миллионам евреев эллинистической эпохи число их было крайне ничтожно». Точно так же и Блудау (о. с. 27) справедливо замечает: «Даже для Египта вряд ли можно допустить, чтобы из числа язычников здесь нашлось *много* (курсив автора) таких, которые бы перешли формально в еврейство и позволили бы наложить на себя всю тягость жизни евреев, соблюдающих строго закон». Более того, очень вероятно, что те же лица, которые с восхищением относились к отдельным еврейским установлениям, были в то же время до известной степени антисемитами и называли себя не евреями, а только *sebotenoi ton Theon*, потому что слишком большая близость с евреями их бы шокировала: быть евреем считалось позорным даже в юдофильских кругах (Ох.

* Ср. Вертолет о. с. 334: «Многие язычники чувствовали симпатию к отдельным еврейским обрядам и соблюдали их... Эти люди не исповедуют открыто еврейской религии, которую они в известной мере ввели в свой частный обиход».

Рар. X. 1242, 1. 48). Однако, лица, ознакомившиеся с еврейскими писаниями и принявшие часть еврейских обрядов, как верх премудрости, не могли уже, конечно, относиться к евреям с тем озлобленным ожесточением, с каким относились к ним лица, вовсе не задетые еврейской религиозной пропагандой; на помощь именно этих *sebotenoi* могли рассчитывать евреи, когда им приходилось хлопотать об улучшении своего положения или отмене гонений.

Чем же объяснить еврейскую религиозную пропаганду, имевшую своей целью не привлечение настоящих прозелитов, а образование больших групп таких *sebotenoi*. Если мы на минуту забудем, что евреи — народ без территории, а представим себе их в виде национально-государственной общины, то дело сразу станет ясно. Привлекать без разбора новых граждан — дело крайне опасное и здесь евреи проявляли сугубую осторожность и недоверчивость. Но тому, кто живёт, окружённый врагами, желательно повлиять на общественное мнение так, чтобы создать нейтральные и даже дружественные группы. Созданные, благодаря еврейскому агитаторскому и организаторскому таланту, не входившие в еврейство, но и эмансипировавшиеся в большей или меньшей степени от эллино-римских традиций группы *sebotenoi* являлись своего рода «буферными государствами», отражавшими и отчасти принимавшими на себя сыпавшиеся на евреев удары; благодаря своему общественному положению (в число *sebotenoi* могли, не навлекая на себя позора, входить и, действительно, входили члены самых знатных и влиятельных семей) эти *sebotenoi* могли успешнее, чем кто-либо другой, вести в самых высших кругах античного общества пропаганду широчайшей терпимости по отношению к евреям.

Таким образом, миссионерская деятельность евреев не имела своей основной целью вербовку новых адептов еврейской религии. Эта своеобразная миссионерская деятельность объясняется человеческой, а не ангельской природой евреев; не самоотречение, а самосохранение вызвало эту деятельность.

Естественно, с другой стороны, что эта еврейская пропаганда усиливала антисемитизм в националистически настроенных мерных традиции кругах, не задетых еврейской религиозной пропагандой. Мы уже видели, как эта пропаганда возмущала Ювенала, Сенека (fr. 145 R) с возмущением замечал: «Обычаи этого преступного народа получили такое влияние, что приняты почти во всех странах: побеждённые заставили победителей принять их законы». Действительно, эта агитация вела к новым группировкам в греко-римском обществе и, как ничто другое, способствовала разрушению традиционного уклада. Сверх того, и эта *volens nolens* имела определённый демократический привкус. Объяснялось это отнюдь не апостольским призванием

и не демократическими тенденциями евреев. Евреи были новыми людьми в греко-римском обществе и только в том случае могли рассчитывать на признание себя «высокородными», если бы опирались на внушительную физическую силу. Так, римляне, имевшие за своей спиной могущественный Рим, очень скоро были признаны «высокородными» в греческом обществе; но на это не могли рассчитывать евреи, имевшие метрополией миниатюрную Палестину. Только выступив против традиционных аристократических принципов вообще, евреи могли рассчитывать стать пользующейся уважением общественной группой: если не происхождение, а мудрость даёт право считаться истинным аристократом, тогда и евреи с их Библией и философской религией могут рассчитывать на уважение в обществе. Евреям следует всегда становиться на сторону угнетаемых, так как они всегда подвергаются наибольшей опасности стать жертвой угнетения. Вот почему, если Псевдо-Артапан изображает (fr 2. § 2 Fr.) библейского Иосифа великим социальным реформатором, устроившим передел земли, дабы уничтожить притеснение слабых сильными, то цель его, не только показать, что и евреи не хуже афинян или спартанцев и имеют своего Солона или Ликурга; в его задачу входит ещё показать, что евреи с незапамятных времён были борцами за демократию и равенство. Необходимо уничтожить старые сословные перегородки:

«Пусть равноправными будут пришельцы, среди граждан: ведь все мы Странствий удел переносим, живя на печальной чужбине, И ни в одной не считай ты земле себя прочно осевшим».

говорит еврейская Сивилла (II, 39-41); путём философской спекуляции (жизнь — юдоль скитаний, в ней ничего нет прочного), она приходит к выводу о несправедливости ограничений в гражданских правах «пришельцев, живущих среди граждан», а так как в Египте, где составлялась эта книга, такими пришельцами считались и евреи, то окончательный вывод — необходимо отменить еврейские ограничения. Такова же *ultima ratio* и пропаганды Филона (*quod opt prob.* I, II, 457 слл., *de carit* II, 395 слл., *de septen* II, 287, *de spec leg.* II, 322 слл.) за эмансипацию рабов: «судьба рабов более низкая, чем судьба их господ, но душа у них одинаковая» (так же во II кн. Сивиллы, 227): если единственным критерием благородства является душа, то, конечно, евреи с их учением, незаслуженно презираются, — они — благороднейший в мире народ. Такое покушение на «священные устои» античного общества, естественно, ещё более углубляло антисемитские настроения верного традициям ядра античного общества.

Действительно, писатель поздней эпохи Рутилий Намациан, между прочим, нападает на евреев и за демократический характер их пропаганды. Еврейство, читаем мы в его поэме (*De re ditu suo*, V), источник глупых теорий (*radix stultitiae*; имеется в виду прежде всего, христианство). «Прочие их выдумки лишь

утеха (deliramenta — буквально: то, отчего сходят с ума) падких на ложь рабов, этому не поверил бы и ребёнок». Выдумки, от которых сходят с ума рабы — это, конечно, демократические или даже коммунистические теории с точки зрения Намациана, они — только глупость, которой не поверил бы и ребёнок. Еврейская пропаганда является почвой или источником (radix), на которой пышным цветом вырастают эти праздные теории.

Только наше понимание сущности еврейской религиозной и демократической пропаганды даст нам возможность объяснить себе существование двух столь непримиримых с виду явлений, как посвящение себя пропаганде среди притеснителей — «язычников», с одной стороны, и жажда мести этим же притеснителям, с другой. Жажда мести — нечто совершенно непонятное у «народа апостолов», «предназначенного» для пророческого служения язычникам, и совершенно нормальная и законная реакция у народа со здоровым национальным чувством.

В эпохи тяжёлых гонений — особенно после осквернения храма Антиохом Епифаном и гонений при Птолемеях VII и его преемниках, а затем при Калигуле, Египте — эти ноты начинают особенно часто раздаваться в еврейской литературе. Естественно, что больше всего должно проявляться это чувство в псалмах, в виду их чисто лирического характера. Так в 68 псалме (ст. 23 сл.) мы читаем: «И сказал Господь: верну их (язычников) из глубин морских, дабы ты (Израиль) мог омыть ноги в их крови, дабы и языки твоих собак получили свою долю вражеской крови». В псалмах 69 (ст. 23-29), 40 (ст. 11-12), 71 (ст. 13-24), 83 (ст. 10-12 и 14-19), 129 (ст. 6-7) мы читаем ряд самых ужасных проклятий по адресу язычников; в пс. 108 (ст. 13) автор молит Бога об истреблении язычников, в пс. 118 (ст. 7) автор желает упиться несчастьем тех, которые ненавидят евреев. В пс. 149 (ст. 6 сл.) говорится, что у верных Богу должно быть благодарение Богу на языке и меч двуострый в руках, дабы отмстить этим оружием язычникам» и т. д. Такое мщение — высшая честь для верных Богу и т. д. Особенно же популярен псалом 137 («На реках Вавилонских»), также вероятно, относящийся к Маккавейскому времени. Конец его в вольном переводе Языкова таков:

*Блажен...
Кто плач Израеля сторицей
На притеснителях отмстит!
Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесёт!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьёт!*

Всецело вдохновлена жаждой мести книга «Эсфири». Здесь персидский царь сперва приказывает повсеместно устраивать

еврейские погромы (перенесение на эпоху Ксеркса палестинских и египетских обстоятельств последних двух веков до Р. Х.), а затем, убедившись в невинности евреев, разрешает последним безнаказанно перебить погромщиков «вместе с их жёнами и детьми» (8, 11), и действительно евреи убивают в один день 75 000 антисемитов (9, 17)!

Такой же жаждой мести дышит книга «Премудрости Соломоновой», написанная, как я показал выше (стр. 70), при Калигуле под свежим впечатлением погрома 38 г. У автора, как мы видели, всё время пред глазами параллель между страданиями древних евреев в Египте фараонов и страданиями современных ему евреев в египетской диаспоре. Поэтому, если автор этой книги после вводной фразы «Беззаконные полагали уже, что они превратили в своих рабов священный народ» (17, 2) на протяжении трёх глав (17—19) с особым удовольствием распинывает ужасающие подробности мук, ниспосланных Богом на египтян, и блаженство, ниспосланное евреям, то, в связи с остальной частью книги, у каждого читателя должна явиться мысль и надежда, что такая же участь постигнет и в ближайшем будущем египтян и евреев, так как чаша еврейского долготерпения в это время уже переполнилась.

Вся эта литература, сопоставленная с универсализмом и религиозной пропагандой евреев, заставляла учёных видеть в евреях какое-то чудо природы, какое-то сверхъестественное соединение несоединимых противоположностей. Так Эд. Мейер (G. d. A III, стр. 21 слл.) говорит: «Картины страшного суда вызываются, главным образом, жадой мести язычникам, а не томлением по таинству Божию. Ненависть к язычникам — оборотная сторона стремления втянуть их в круг еврейства (такого стремления, как мы видели выше, у евреев почти не было! — С. Л.)... Ввиду своего бессилия в ближайшее время, евреи охотно хоть в фантазии погружаются в мечты об истреблении язычников... Для еврейского национального духа (жажда мести) не менее характерна, чем проявляющееся в других писаниях универсалистическое мировоззрение... Такова уже вообще природа еврейства: самые высокие и самые отталкивающие взгляды, величественное и пошлое помещаются непосредственно рядом друг с другом, нераздельно связанные, причём одно всегда является оборотной стороной другого». Мы видели, что более глубокое изучение явлений избавляет нас от этой красивой, но бесплодно-метафизической диалектики: если националистически настроенный народ старается обработать в свою пользу общественное мнение окружающих (это и есть то, что называется еврейской религиозной пропагандой), то это так же естественно, как то, что он горит жадой мести к своим мучителям.

Впрочем, необходимо отметить, что ноты мести начинают звучать в еврейской литературе только в эпоху особенно тяжёлых притеснений и, по справедливому замечанию Эд. Мейера, при этом евреи всегда остаются в царстве фантазии, в области самоутешения и самоубаюкивания; никогда евреи не проявляли своей жажды мести на деле, в каких-нибудь действиях. Объясняется это не «всепрощением», не «апостольской природой» евреев, а исключительно естественными подбором, своеобразно развившимся, инстинктом самосохранения. Евреи, на протяжении почти всей своей истории, жили разбросанными среди иностранцев, составляя ничтожное меньшинство, не только количественно, но и качественно, так как им всегда противостояли «хозяева страны», государственные организмы с выработанной военной, административной и полицейской системой, в которую они входили, как иностранцы, т. е. как граждане II сорта, пользующиеся лишь отчасти покровительством закона. Если бы евреи стали предаваться жажде мести по поводу каждой ежедневно испытываемой ими обиды; если бы они стали хотя бы в случае самых тяжёлых гонений, претворять эту жажду мести в дело, то они несомненно были бы истреблены или принуждены утратить национальность уже на заре своей истории.

Действительно, все произведения литературы, проникнутые жадой мести (интересующие нас псалмы, книга Эсфири, книга Юдифи) относятся большей частью учёных к Маккавейской и после-Маккавейской эпохе, т. е. считаются написанными под свежим впечатлением самых жестоких преследований. Если некоторые учёные (Эд. Мейер, Робертсон-Смит) относят часть псалмов и книгу Эсфири уже к персидской эпохе, то только потому, что уже в персидскую эпоху, по их мнению, были такие же жесточайшие преследования, вызвавшие эту литературу. Во всяком случае, по справедливому замечанию такого шатока библейской литературы, как Каутцш (*Die Apokryphen*, I, 194), книга Эсфири была создана и читалась «в тяжёлые времена угнетения и горя, когда национальное чувство евреев вследствие преследований чужеземных властителей подвергалось глубочайшим оскорблениям. В эти времена книга Эсфири, благодаря своему содержанию, служила источником утешения и надежды на новое чудесное спасение (ср. Эсфирь 9, 28)».

Более того, некоторые места Священного Писания в эти тяжёлые нюхи получали новое толкование в духе жажды мести, которого они в нюху написания вовсе не имели. О поступке Симеона и Леви, вероломным образом истребивших население целого города, в Библии (11еп. 34, 30, 44, 5 слл.) рассказывается с укоризной, как о пятне на поём их потомстве; в книге же «Юдифи», написанной в эпоху еврейских преследований, этот вероломный проступок прославляется, как • 1кт патриотизма и достойный пример для потомства: «О Бог моего предка Симеона, давший ему в руку меч для мести иноверцам» (Юдифь 9, 2, см. комм. Каутцша).

Но даже в эти эпохи гонений, жажда мести никогда не претворялась в дело. Мы уже показали (стр. 75), что восстание евреев при Траяне было не актом мести, а актом самообороны. Если мы внимательно вчитаемся в «дышащую свирепостью, кровожадностью и фанатизмом» (Штегелин) книгу «Эсфири», книгу, которую **Лютер хотел бы исключить из библейского канона**, а Гутшмид назвал «крайне глупой и безнравственной» (см. Stahelm о. с., 21 пр. 1), то увидим, что все эти оценки являются результатом умышленного замалчивания отдельных подробностей книги, в результате чего получается заведомо неправильная передача содержания её. Действительно, почти во всех научных трудах, в которых излагается содержание этой книги, вплоть до новейшей работы Oesterley (The book of the apocryphe, London, 1916, 398 слл.), говорится, что по просьбе Эсфири персидский царь в отмену указа об истреблении евреев издал новый указ об избииении евреями не-евреев. («The King issues another proclamation, at Esther's request in which power is granted to the jews to pillage and slay their enemies», Oesterly, 399). Если бы дело обстояло так, то Гутшмид был бы совершенно прав, это — совершенно неправдоподобно, глупо и безнравственно. Но, в тексте Эсфири читается нечто совершенно иное.

8, 11 — в подлиннике: **Царь позволил евреям во всех городах собраться и, защищая свою жизнь (wela'amod alnaphsam, ihr Leben zu verteidigen, Kautsch, ap. Dn. 12), уничтожить, убить, истребить все те толпы народа (kol-chel-'am, alle Volkshaufen, Kautsch) в провинциях, которые проявят враждебность к ним (hassarim 'otham — von denensiebefehrdetwurden, Kautsch), вместе с жёнами и детьми, а также разграбить их имущество...**

Это же место в переводе (вернее — пересказе) Септуагинты: «Царь позволил евреям в своих городах организоваться по своим законам (khresthai tois nomois auton весьма произвольный, тенденциозный перевод слов ichaqahel — собираться, оправдываемый тем, что уже в Библии qahel (кагал) часто означает «еврейская община»), организовать самооборону (boethesai autois — autois в см. heautois, как обычно в Септуагинте) и поступить со своими врагами и противниками, как им заблагорассудится (умышленное смягчение более жестоких выражений подлинника; умышленно вычеркнуто указание о жёнах, детях и имуществе). Дубликат этого места в греческом добав. к этой главе книги Эсфири в указе Артаксеркса: «Вы поступите правильно, если не исполните указа, посланного вам Аманом, сыном Амадаты... и если вы выставите копию этого письма повсюду вместе с объявлением, что евреям разрешается организовываться по своим законам и организовать самооборону (kaisynepiskhyenautois=heautois), дабы во время погрома (kairo thipseos) они могли обороняться против нападающих на них (epithemenous autois amynontai)

9, 16: Равным образом, и остальные евреи, жившие в подчинённых царю провинциях, собрались и, защищая свою жизнь (we'amod 'al-

naphsam; heautois eboethoun LXX), отместили своим врагам и *убили 75.000 из числа ненавидящих их*; но к добыче не протянули своих рук.

Почему Артаксеркс не отменяет попросту своего указа, а только разрешает евреям организовать самооборону? Один из лучших знатоков Библии Драйвер (S. R. Driver, *An introduction to the literature of the Old Testament*, Edinburgh, 1898, p. 480-481), один из немногих, правильно понявших нашу книгу («the edict permits the Jews to defend themselves against their assailants»), объясняет это вместе с автором книги тем, что, по персидским законам, однажды изданный указ уже не может быть отменен. Так объясняется причудливость этого рассказа с точки зрения фабулы, но внутренняя причина этой особенности психологическая: даже когда еврей хочет, хоть в воображении, упиться мстостью гонителям, дух его настолько выдрессирован многовековыми гонениями, что эту мсть он может представить себе только в таком виде: толпы погромщиков уже выходят на улицу, чтобы «проявить свою враждебность к евреям»; но, вследствие того, что, противно обычному положению дел, нападающие лишены правительственной поддержки, с которой евреи бороться бессильны, а евреям разрешена самооборона, они выходят навстречу погромщикам и, защищая свою жизнь, истребляют их, не щадя, правда, в своей мести женщин и детей, но гордо отворачиваясь от имущества погромщиков, дабы не уподобиться им.

Прежде всего, что касается чувства мести к женщинам и детям (>здесь и в псалме 137), то, чтобы парализовать рассуждения о специфически-еврейской («шейлоковской») жестокости, процитирую для примера продукт греческого правового сознания, теосский закон V в. до Р. X. (C.J.G. 3044 - Hicks and Hill, *A manual of greek history, inscriptions*, Oxford, 1901, № 23):

«Того, кто prepares яды... казнить и самого и всё его потомство... Того, кто препятствует ввозу хлеба в Теос... казнить и самого и всё его потомство... Того, кто злоумышляет против Теосского государства... казнить и самого и всё его потомство!!» Итак, здесь повинна психология античного человека вообще, а не евреев в частности. Впрочем, если мы сравним подлинник с Септуагинтой, то увидим, что первобытная яркость ощущений в подлиннике уже оскорбляла нравственное чувство александрийских евреев: в переводе нет ни слова о жёнах и детях погромщиков, свирепое «уничтожить, убить и истребить» заменено культурным, эвфемистическим выражением. С другой стороны, мы видим, что перманентные погромы сделали право самообороны одним из основных, предъявляемых правительству требований. Постоянная борьба еврейских общин: только это даёт нам ключ к пониманию того, для чего в перевод и в добавленный к переводу царский указ как будто всякого отношения к содержанию книги вставлено разрешение организоваться по своим законам». Действительно, во время погрома

38 г. погромщики и правительственная власть ищут в еврейских домах оружие: именно в виду связи самообороны с еврейской автономной общиной, правительства всячески боролись с самообороной, считая её политически опасной организацией. Естественно, что евреям, и не без некоторого основания, казалось, что разрешение национальной самообороны — лучший способ борьбы с опасностью погрома, и поэтому, горя жадной мести, они мечтали... о легальной самообороне. Итак, от «кроважальной мстительности» не осталось ни следа.

Повторяю, «апостольское служение» здесь не при чём. Это — голос, в котором звучит вековое сознание бессилия и непривычка даже в воображении чувствовать себя нападающими, а не обороняющимися. Не менее любопытен в этом отношении и Филон. Он был очевидцем ужасного александрийского погрома 38 г., он был членом делегации по поводу этого погрома, подвергшейся насмешкам и издевательствам императора Калигулы. Можно себе представить, какое удовлетворение он должен был испытать, узнав, что оба гонителя евреев — и местный Египта Флакк, и император Калигула погибли самой жалкой смертью. Любопытно, в каком тоне сообщает об этом Филон. Он не только не позволяет себе кроважанных возгласов, довольствуясь скромным сознанием справедливости Божьей кары, он ещё влагает, по поводу смерти Флакка, в уста александрийских евреев такую молитву: «Мы не радуемся, о Господь, тому, что Ты наказал нашего врага, так как Священные книги Закона воспитали нас в духе сострадания; но мы справедливо благодарим Тебя и т. д.» (in Пасс, 14). И здесь не следует говорить об «апостольском служении»; и здесь мы видим только, как у народа, привыкшего в течение многих столетий к унижениям и угнетениям, атрофировалось в целях самосохранения естественное чувство живой ненависти к притеснителям и умение, живо, немедленно, рефлективно реагировать на обиду! Моммзен справедливо называет Филона (V, 519, Anm.) «ein schlechter Hasser». «человек, не умеющий ненавидеть как следует», и это название вполне приемлемо к евреям древности вообще. Евреи далеко не были «народом апостолов»; они живо чувствовали обиду и, как мы видели, кипели мезтью, но многовековая дрессировка приучила их загонять это чувство внутрь себя и не давать ему проявляться.

Однако и миссионерская деятельность евреев и жажда мести явилась у них, как мы видели, реакцией на уже обрушившиеся на них волны антисемитизма и, следовательно, не были причиной его. В чём же, наконец, его причина?

Мы видели, насколько облегчается понимание миссионерской деятельности евреев, если рассматривать их не как религиозную группу, а как национально-государственную единицу, по удивительному капризу истории, уже на заре своей жизни принуждённую действовать и развиваться вне определённых территориальных рамок, среди чужих народов. Мы видели уже, что эта особенность истории еврейского народа кое в чём придавала евреям совершенно своеобразный националь-

ный облик. Не даст ли нам эта историческая особенность евреев ключа к разгадке причин возникновения антисемитизма?

По вопросу о времени возникновения еврейской диаспоры взгляды учёных до последнего времени резко расходились. Эд. Мейер (*Gesch. d. Alt.* III, 216) и Шюрер (о. с. 3, 31) относят образование диаспоры к эпохе Вавилонского плена; Моммзен (V. 489) и Штегелин (о. с. 22, пр. 1) ко временам Александра Македонского и Птолемея I, тогда как Г. Вилльрих (*Juden und Griechen*, 24 слл. 126 слл.) в 1895 г. относил возникновение диаспоры только к эпохе Маккавеев (Птолемея VI Филометора в Египте). Целый ряд новых папирусных данных заставил, однако, Вилльриха в его *Judaica*, вышедших в 1900 г., отказаться от этой датировки. Последние раскопки еврейской колонии в Элефантинском покаянии показали, что для возникновения диаспоры даже эпоха Вавилонского плена — слишком поздняя дата. Точно также существовало разногласие и по вопросу о том, чем было вызвано расселение евреев. Так, по мнению Моммзена (ук. м.), «еврейские поселения вне Палестины только в небольшой степени обязаны своим возникновением тем побуждениям, вследствие которых возникли колонии финикийцев и эллинов. Евреи — искони земледельческий и живущий вдали от морского берега народ; поэтому его поселения вне родины — принудительное и относительно позднее образование, дело рук Александра и его маршалов». Этот несколько близорукий взгляд возник вследствие переоценки роли Палестины в истории еврейского народа. Уже с эпохи плена, Палестина и еврейство — далеко не одно и то же. «Иерусалимская община не то же, что еврейство; вокруг неё находится, всё более и более расширяя свои пределы, диаспора. Исходным пунктом её была компактная еврейская община в Вавилонии. Отсюда она распространилась в Сузу, в Мидию, а вскоре также и на западные провинции... Начала этого развития восходят к глубокой старине» (Эд. Мейер, *Gesch. d. Alt.* III, 216). Послепленный Иерусалим сам был искусственным образованием еврейства диаспоры с центром в Вавилонии; занятия и образ жизни жителей Палестины ни в коем случае не могут служить критерием для решения вопроса о происхождении диаспоры. Шюрер (о. с. III, 3) справедливо указал, что никак нельзя объяснить возникновение диаспоры одними лишь насильственными переселениями; в этом случае было бы непонятно, почему евреи оказываются в большом числе преимущественно в крупных торгово-промышленных центрах древнего мира. Большая часть еврейских переселенцев (конечно, не из послепленной Палестины, а из Вавилонии — древнейшего крупного центра еврейства) были добровольными переселенцами; это были, преимущественно, торговцы и ремесленники (см. выше, стр. 45). Возможно, впрочем, что эта колонизация в крупных размерах началась ещё до Вавилонского плена, из самой Палестины. «Ужасные условия на родине могли содействовать этому — именно открытое со всех сторон по-

¹ Лишь незначительная часть евреев вернулась из плена: «многие остались в Вавилоне, не желая бросить имущества» (*Jos. Ant.* XI, 13).

ложение Палестины, благодаря которому она являлась ареной войн между Сирией (ранее Ассирией и Вавилонией. — СЛ.) и Египтом». (Шюрер, там же). Таким образом, уже в эпоху Вавилонского плена, **а вероятно, даже и раньше**, евреи были по преимуществу народом рассеяния; Палестина была только религиозным и отчасти культурным центром с ничтожным экономическим значением: по справедливому указанию М. Фридендера (о. с. 3) в диаспоре жило подавляющее большинство евреев. И эти евреи вовсе не считают своей родиной Палестину; Палестина только центр религиозного культа, а родина евреев — весь населённый ими мир. «Евреи так многолюдны, что их не может вместить одна какая-нибудь страна», — говорит Филон (in Фласс. 7): «Вот почему они населяют большую часть и притом богатейшие из стран Европы и Азии, как на суше, так и на островах. Своей метрополией они считают Священный Город, в котором находится святой храм Всевышнего Бога; но родиной своей они считают те страны, которые достались им, как местожительство, от отцов, дедов, прадедов и ещё более древних предков и в которых они сами родились и были воспитаны».

Как только евреи появились вне Палестины, вместе с ними вошёл в мир и антисемитизм. «Антисемитизм и еврейские преследования появились тогда же, когда возникла диаспора», — говорит Моммзен (V, 519). «Вполне естественно, что вместе с еврейством пришёл в мир и его естественный коррелат — антисемитизм», — комментирует этот факт Эд. Мейер (G. d. A. III 216-217): «он так же стар, как и само еврейство». Действительно, где только мы ни слышим о евреях, мы слышим и об антисемитизме; Э. Кламрот (Die jtidischen Exulanten in Babylonien. Beitrage zum Wissenschaft vom Altertum. Leipzig. Herausg. Jahr 1912) нашёл следы антисемитизма даже в Вавилоне в эпоху еврейского плена. По его гипотезе (стр. 43) еврейские гонения начались здесь к концу изгнания, в эпоху **Набунаида. Из того, что с этой эпохи евреи занимаются** преимущественно земледелием, и доход их исчисляется количеством плодов земли (как у Езек. 13,19), а с этого времени большая часть общины уже живёт в самом Вавилоне (след. занимается торговлей и ремеслами), и её доходы исчисляются в наличных деньгах, он заключает, что вавилонское правительство в эту эпоху обложило евреев-земледельцев невыносимой податью, с «нарочитою целью оторвать евреев от землевладения» (стр. 43, пр. 1): с этих-то пор евреи и превращаются из землевладельцев в городских жителей. Действительно, такие места как Исайя 51,7 и 51,13 и Езекиель 28,24 показывают, что в Вавилонском обществе существовал сильный антисемитизм, если только эти места не есть более поздняя интерполяция. Всё это могло бы послужить лишним подтверждением наших взглядов, если бы эта эпоха, по собственному признанию Кламрота (стр. 88), не была одним из самых тёмных отделов истории и если бы выводы Кламрота не были в значительной степени смелой фантазией, только отчасти опирающейся на данные истории.

В дальнейшем во всяком случае, как мы видели выше (стр. 57 слл.) везде, где мы встречаем евреев, мы встречаем и антисемитизм. Какие же особенности еврейского народа вызывали его?

Географическое положение Палестины с древнейших времён было таково, что она, не составляя органической части какого-либо другого государства, в то же время почти никогда не была в течение более или менее продолжительного времени политически самостоятельным государством. Она служила полем битвы между соседними великими державами и постоянно переходила из рук в руки, находясь в зависимости то от Филистимлян, то от Финикии, то от Ассирии, то от Египта. Это исключительное, своеобразное положение и дало возможность развиваться у евреев сильному национальному чувству, не связанному не только с политическим могуществом, но и с политической независимостью — явление единичное и не имеющее аналогий в древнем мире. Вот почему и будучи выброшенными в Вавилон, евреи в отличие от других народов сохранили своё национальное самосознание и свои национальные обычаи. Но >то сохранение национальности сильно затрудняло евреям борьбу за существование. Поэтому, для того чтобы такое «национальное государство без территории» могло просуществовать, для того, чтобы евреи не были истреблены, ни затёрты в оорьбе за существование, у них должен был развиваться целый ряд своеобразных национальных особенностей.

Какова была судьба других покорённых народов, принуждённых жить под властью чужеземцев? Эти народы нередко, отстаивая свою свободу и независимость, погибали до последнего человека; но, если ми покорялись и уводились в плен, то тем самым признавали себя подыми второго сорта, стоявшими ниже по общественной лестнице, см прирождённые граждане. На символическом религиозно-правовом языке древности это выражалось так: бог данного народа признал, го он побеждён богом народа-победителя, и вошёл в его свиту в качестве не одного из богов второго разряда, так как по античным представлениям бог вне своей родины не имеет никакой власти (Klamroth, о. с. !;0~"61). При таком положении дел сохранение своих национальных '•-рт и обособленности было обычно признаком приниженности и культурной отсталости народа. Более культурные группы, оказавшие на чужбине, облегчали себе борьбу за существование тем, что вся 'тгки старались перенимать обычаи и облик народа-победителя. Прежде всего этому процессу подвергалась аристократия, интеллигенция • I нообще более успешные в борьбе за существование группы. Если от и ibiibie инородческие группы и сохранялись в чужих странах, то они • •«стояли сплошь из забитого, униженного престонодаря, интеллигенция рано покидала их; на первых порах она встречалась с недоверием коренными гражданами, но уже через короткое время её успехи на

жизненном поприще заставляли забыть о происхождении; в следующем поколении она уже ассимилировалась бесследно. Нравственно-оскорбительного понятия «ренегатство» у таких народов не существовало: с точки зрения их нравственно-религиозных взглядов, раз их бог вошёл в свиту бога-победителя, то его народу уже и подавно надлежит чтить этого бога, т. е. принять полностью обряды и обычаи победителей.

Для характеристики отношения «хозяев страны» к проживающим в стране иностранцам и психологии самих этих иностранцев особенно поучителен мим Геронда «Содержатель публичного дома», написанный в Александрии в III в. до Р. Х., т. е. как раз в эпоху расцвета египетской диаспоры и в самом её центре. Действующие лица мима — не евреи, а иностранцы с обычной психологией, по терминологии того времени — метэки. Здесь представлены оба только что обрисованные нами типа иноплеменников-поселенцев: Баттар, содержатель публичного дома, простолюдин, иностранец, сам признающий себя гражданином второго сорта, и Фалет-Артими, крупный негодник, всячески скрывающий своё происхождение и прикидывающийся чистокровным греком. Баттар говорит:

*...Я метэк, и он метэк также:
Не как хотим живём, а так, как нам можно.
Как разрешают нам...*

(ст. 8-10)

Он возмущён замашками Фалета:

*Ему бы надо знать, какая он птица,
Что он за дрянь! Ему б дрожать всегда надо
Пред каждым гражданином, как бы он ни был
Ничтожен и дурён — с меня пример взял бы!*

(ст. 28-31)

и характеризует его так:

*Фригиец, из Артимма, ставший Фалетом,
Чтоб показаться греком*

(ст. 37-38)

Так было и с народами, попавшими в вавилонский плен: они либо признавали себя гражданами второго сорта, либо принимали вавилонский облик и культуру и бесследно ассимилировались (Klamgoth, 81). Стоя на такой общепринятой тогда точке зрения, евреи должны были считать, что Иегова побеждён Мардуком и в переселении в Вавилон видеть указание на то, что отныне они должны были поклоняться вавилонским богам (ср. Jer. 44, 16). Этого не произошло: евреи, как мы видели, уже на родине приучились не обуславливать своего национально-патриотического чувства политической независимостью; им легче, чем другим, было сделать и следующий шаг и консолидироваться в национально-государственный организм без своей территории. Однако, нельзя не признать в корне ошибочным выведение этих особенностей

еврейской правовой психологии из еврейской религии: наоборот, возникшее в эпоху плена представление, по которому Иегова есть Бог всего мира, а Израиль лишь его возлюбленный сын, только проекция на небо такого факта, что евреи, оставаясь национально-государственным целым, живут во всём мире, а Палестина (хоть в мечтах) — их религиозный центр.

Всякому патриотически настроенному народу свойственно ставить себя не ниже, а выше окружающих народностей. Поэтому, и евреи не смущаясь *igbi et ogbi* заявляют, что они выше тех народов, в среде которых они живут, — и по происхождению, и по культуре. Приобретая экономическое и политическое влияние, занимая видные посты в государствах рассеяния, они ассимилируются лишь до известной границы, с гордостью заявляя о своей национальности и сохраняя её отличительные черты. Полная ассимиляция беспощадно клеймится, как ренегатство; боязнь общественного мнения делает такую ассимиляцию сравнительно редкой.

Понятно, с каким чувством должны были отнестись к евреям ввиду этой их особенности «хозяева страны». К униженным иноплеменникам, к этим жалким гражданам второго сорта, отнеслись, пожалуй, даже со снисходительной жалостью. Более обидно и оскорбительно было, когда эта сволочь выходила в люди; однако, заимствование полностью местной культуры и внешнего культурного облика давали возможность вскоре забыть о пятне на происхождении этих людей. Иное дело, когда ни выскочки, эти «мещане во дворянстве» на каждом шагу подчёркивают — свои обликом, обрядами, манерой держаться, рассуждениями — своё «хамское» происхождение и когда, в то же время, экономическая или общественная роль, занимаемая ими людьми, сплошь и рядом не позволяет «поставить их на место». Естественно, что хозяева страны не могли оставаться равнодушными к этому еврейскому «нахальству». Результатом этой особенности и явилось озлобление и ненависть к евреям

Как я уже сказал выше, если бы евреи при таком отношении к ним реагировали бы рефлексивно, немедленно на каждое наносимое им оскорбление, они уже очень рано были бы истреблены подавляющими их силой и численностью «хозяевами (граны)». Инстинкт национального самосохранения приучил их вовсе не реагировать на менее тяжёлые обиды, а на более тяжёлые реагировать не рефлексом, а разумом. Такой реакцией пилилась, с одной стороны, прекрасно поставленная еврейская пропаганда, с другой, то упорство, с которым евреи стремились к достижению фактического влияния в стране. Но, с точки зрения античной морали, такой способ реагировать на обиду считался недостойным свободного человека. Таким образом, результатом этой национальной особенности явилось чувство

гадливости и презрения к евреям, их третируют как «паршивых жидов». Евреи со своей стороны, эту естественно-возникшую черту, не нуждающуюся ни в осуждении, ни в порицании, не преминули возвести в высшую добродетель. Жажда мести — грех, так как надо любить все Божьи создания; чувства самолюбия, реагирование на обиду — преступная гордыня. В составленных в Египте дополнениях к книге «Эсфири» праведник Мардохай (3, 56) находит нужным оправдывать свой поступок, с первого взгляда, совершенный им в угоду самолюбию и чувству собственного достоинства: «Не из высокомерия и гордыни, не популярности ради я отказался пасть ниц перед надменным Аманом. Нет, я охотно целовал бы его пятки, если бы это могло быть на пользу Израилю!» Христианский принцип: «Ударившему в правую щеку подставь левую» — не что иное, как вышедшая из недр еврейства утрировка этой специфической национальной особенности, уже евреями возведённой в ранг добродетели.

Наконец, постоянная борьба с преследованиями выработала ряд своеобразных черт еврейского приспособления в борьбе за существование. Это, во-первых, тесная сплочённость и взаимопомощь в жизненной борьбе; во-вторых, необычайное упорство в достижении поставленной жизненной цели, сопровождающееся много большей тратой энергии, чем обыкновенно, так как еврею, кроме обычных препятствий, приходилось преодолевать специфическую враждебность к евреям, и, в третьих, своеобразное отношение к местному закону и государственности. Это отношение явилось результатом «двойного подданства» евреев, необходимости соблюдать часто взаимно противоречащие моральные требования еврейского и местного закона и, как мы видели выше, может быть охарактеризовано так:

1) Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь поскольку он не противоречит ещё живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае соблюдать не следует.

2) Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и по возможности содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям.

И к этим особенностям еврейской морали националистически настроенные граждане античных государств не могли относиться равнодушно. Эти особенности евреев вызывали у них недоверие и страх; имеющее оборонительный характер еврейское

сплочение превращается в глазах «хозяев» в объявивший войну всему миру всемогущий кагал.

Нам остаётся иллюстрировать свидетельствами древних правильность этих положений.

1. «Еврейское нахальство».

«Еврейское нахальство» состояло прежде всего в том, что евреи не пожелали стать на лояльную (по мнению хозяев страны) точку зрения герондовского метэка Баттара и не признавали справедливую необходимость «дрожать пред каждым гражданином, как бы он ни был ничтожен и дурён». Как мы видели выше, евреи не стесняются занимать видные места в государстве и играть в нём влиятельное положение: иногда им удавалось достигать административных постов, в других случаях они достигали фактического влияния благодаря экономическому могуществу. **Исторические данные показывают, что процентное отношение числа евреев-сановников к числу неевреев-сановников было не выше, а ниже процентного отношения евреев к не-евреям вообще: само собой разумеется, что, хотя 2/5 жителей Александрии были евреями, из числа высших должностных лиц города евреи никак не составляли 2/5. Однако, с точки зрения «хозяев», процент этот был всё же чрезвычайно велик: в частности, в Александрии евреи были единственной категорией «пришельцев», добившейся (хотя, вероятно, и урезанных) гражданских прав; другие инородцы, в том числе коренные египтяне-туземцы вовсе не могли занимать административных мест и, если добивались видного положения, то всячески старались скрыть следы своего варварского происхождения (ср. MW 52).**

Таким образом, хотя евреям и не удавалось выдвигаться так, как «хозяевам страны», тем не менее, с точки зрения тогдашнего общества, их поведение было «еврейским нахальством». Надо к этому прибавить, что стремление выдвинуться из числа рядовых граждан, всецело погруженных в борьбу за существование, путём ли сосредоточения экономического влияния или путём выдвижения на государственной службе и т. п. было у евреев значительно больше и интенсивнее, чем у их хозяев. Причина этого вполне понятна: еврею, кроме общегражданских преград, приходилось ещё преодолевать и общественный антисемитизм и правительственные преследования и, только утроив необходимые усилия и упорство, он мог рассчитывать на какой-нибудь успех в жизненной борьбе. «Нередко евреи видели в обладании имуществом средство для преодоления враждебности общества и достижения сколько-нибудь сносного положения» (L. Herzfeld, *Handelgeschichte d. Juden des Alt. Braunschweig*, 1879): в то время как рядовой эллин мог так или иначе примириться со своим положением, положение среднего еврея из массы, вследствие преследований антисемитской

См. R. Piilmann, *Gr. Gesch.* 326.

атмосферы, становилось настолько невыносимым, что, только выбившись из массы, он мог надеяться достигнуть самого скромного *minimium*'а жизненного благополучия. Положение существенно менялось только в те короткие минуты, когда у власти становилась партия, считавшая по той или иной причине удобным отказаться от юдофобской политики. Тогда у евреев оставалось столько свободной энергии, прежде тратившейся на борьбу со специально антиеврейскими препятствиями, что часто, продолжая по инерции борьбу с прежней напряжённостью, они выдвигались более, чем, пожалуй, сами того желали. Так, как мы видели: когда в Египте на короткое время становилась у власти партия, отказавшаяся от юдофобской политики, виднейшие военные посты оказывались занятыми евреями.

Все эти выдвинувшиеся на поверхность общественной жизни евреи были сильно ассимилированными евреями. По внешнему облику они ничем не отличались от эллинов: носили греческую одежду, говорили по-гречески, не уступали грекам в знакомстве с греческой образованностью, умели держать себя в греческом обществе, отказались от соблюдения значительной части еврейских ритуальных установлений, например, относительно еды и т. д. и т. д. И тем не менее они не стали греками и отнюдь не хотели, контрабандно прослыть греками. Их ассимиляция имела известный предел: они были и открыто объявляли себя не эллинами, а проникнутыми эллинской культурой евреями.

На эту особенность евреев обратили внимание все виднейшие исследователи. «Даже те евреи, которые приняли эллинистическую образованность, оставались в душе всегда евреями», — говорит Вилькен. «Пусть материнским языком этих евреев диаспоры был греческий язык; пусть их отношение к соблюдению закона было, с точки зрения фарисеев, верхом греха и вольнодумства; пусть они перестали соблюдать, считая несущественным, многое из того, что для фарисеев было существенным и необходимым: в глубине сердца они оставались всё же евреями и чувствовали себя единым целым со своими собратьями в Палестине» (Шюрер, о. с. III, 3 изд., 92). «Несмотря на вытесненный раскол, несмотря на то, что значительная (огромная! — С. Л.) часть евреев была разбросана вне Палестины... несмотря на проникновение в еврейство разлагающего эллинистического элемента, в глубочайшей сущности своей евреи оставались единым целым... Во всех существенных вопросах, особенно же пред лицом притеснений и преследований, внутренние разногласия еврейского общества исчезали и, как ни было незначительным раввинское государство (в Палестине), та религиозная община, во главе которой оно стояло, представляла собою, внушительную, а при известных обстоятельствах и опасную силу». (Моммзен, *Rom. Gesch.* V, 497). (Евреев диаспоры считают на-

сквозь эллинизованными, а евреев Палестины — партикуляристами...) «Не следует преувеличивать разницы между палестинским и эллинистическим еврейством: это две ветви от одного и того же ствола; вся разница только в том, что на одной из этих ветвей навешано немного эллинства» (Вертолет, о. с. 337). «В действительности разница между диаспорой и Палестиной не была значительной» (P. Kruger, о. с. 53) «Таким образом, нельзя слишком резко противопоставлять еврейство Палестины и диаспоры» (Bousset, *Die Relig. d. Judent.*, Berlin, 1903, 115). Действительно, вся дошедшая до нас в отрывках еврейская светская литература (Артапан, Езекиель, житель Палестины Евполем и др.) создана людьми, пропитавшимися насквозь эллинской культурой и в то же время проникнутыми самым живым и горячим национальным чувством. «Эта эпоха, наряду с эллинистами, ярко выраженного антинационального, прямо симпатизирующего язычеству направления, создала также людей, которые, несмотря на глубокое знание греческой литературы и увлечение греческой наукой, отличались нерушимой верностью к своему народу и религии; кроме целого ряда других фактов, это видно прежде всего из фрагментов Евполема» (Freudenthal, о. с. 128).

Разительным подтверждением сказанного может служить поведение эссениан. Эссениане — еврейская секта, видевшая спасение не в национальном, а в индивидуальном самоусовершенствовании. Эссениане были «слугами мира», они были проникнуты человеколюбием и считали величайшим грехом войну. Даже местные власти признали за эссенианами право быть привлекаемыми к военной службе и вести коммунистический образ жизни (Philo, *quod omn. prob.* II, 459). И, тем не менее, когда опасность стала угрожать главному центру мирового еврейства, они, несмотря на то, что относились скептически к святости храма и жертв, несмотря на свой резкий принципиальный антимилитаризм, идут добровольцами в ряды сражающихся евреев; и в качестве офицеров, и в качестве рядовых солдат они проявляют полное забвение личных интересов, самоотверженность и храбрость. Национально-патриотическая закваска была в них так сильна, что оказалась сильнее убеждений, составлявших дело их жизни. (Jos. Bell. iud. II, 8 10. 20. 4 III 2, 1 ср. M. Friedlander, о. с. 68-69).

Конечно, и среди евреев было немало лиц, ассимилировавшихся до конца, так как такая ассимиляция давала крупные жизненные выгоды, сильно облегчая борьбу за существование. Внешним признаком такой полной ассимиляции было принятие показной стороны государственной религии. Правда, греко-римская интеллигенция этого времени, воспитанная на идеях философов, сама относилась скептически к народной вере; философский атеизм был даже в моде. Но внешняя принад-

лежность к государственной религии требовалась от культурного человека общественным приличием, как ныне от культурного европейца требуется внешняя принадлежность к христианству. Ренегатов поставляли преимущественно высшие классы населения, дальше всего отошедшие от народной традиции (на ренегатство жалуется Филон, *depoenit.* 2, ср. Bertholet, о. с. 274, Bludau, о. с. 40), но надо заметить, что даже в высшей интеллигенции они, в противоположность тому, что было у «пришельцев» других национальностей, составляли ничтожный процент. Причина этого в том, что национально-патриотическое чувство в еврейских общинах было очень сильно; такая полная ассимиляция обязательно сопровождалась окончательным разрывом со всеми родными и близкими и была доступна только лицам, для которых возможно было не считаться с общественным мнением еврейской колонии. Евреи питали к ренегатам жгучую ненависть; поэтому даже в минуты самых тяжёлых гонений лишь немногие решались на этот шаг. В «III кн. Маккавеев», когда царь Птоломей IV под угрозой лишения всех прав предписывает евреям посвятиться в мистерии Диониса, только немногие покорились и ренегировали; большинство пошло обычным еврейским путём — пыталось уклониться от гонений взяткой (2, 31-32). Царь возмущён тем презрением, которое евреи выражают к лояльным гражданам из своей среды, т. е. к ренегатам: «Тем немногим из них, которые выявили лояльность к нам, они и речами и молчанием выражают своё презрение» (3, 23). III кн. Маккавеев написана по той же литературной схеме, что и книга «Эсфири»: только смелости в ней меньше; мечта расправиться с антисемитами заменяется здесь более скромной мечтой расправиться с ренегатами: убедившись в правоте евреев, царь разрешает перебить ренегатов (7, 10-15) Точно так же в лирической еврейской поэзии, в псалмах, выражается ненависть и презрение к ренегатам (напр., Псал. 25, 3).

Разрешая евреям перебить ренегатов, Птоломей IV принимает в соображение выдвинутый ими довод: на тех, которые из чревоугодия презрели заповеди Божьи, и царь никак не может положиться, как на верных граждан (7, 10-15). Довод этот в известной степени верен: уход от еврейства являлся таким позором с точки зрения тех традиций, в которых ренегаты были воспитаны, что обыкновенно уходили самые уродливые в нравственном отношении (Philo, о. с.) личности и так как их отношения с евреями были испорчены навсегда, то часто они делали карьеру на еврейских же гонениях. Племянник знаменитого Филона, Тиберий Александр, принял государственную религию и в 67 г. по Р.Х. был назначен наместником Египта. Как мы видели выше (стр. 72), он был устройтелем одного из жесточайших еврейских погромов в Александрии (Jos. Bell. iud. 1118.1-8,

ср. Bludau. о. с. 89). «Еврейский погром в Антиохии во время разрушения Иерусалимского храма был вызван тем, что какой-то еврейский апостат сделал официальный донос, будто евреи — жители Антиохии собираются поджечь город» (Jos. Bell. VII, 3, 3, ср Mommsen, Rom. Gesch. V, 541).

Хотя число выдвинувшихся евреев, несомненно, и было соответственно ниже общего числа их, тем не менее, выдвижение на видные роли в античном обществе евреев, не скрывающих своей национальности, при взглядах древних на «граждан второго сорта» не могло не резать глаз «хозяевам страны». Так, знаменитый Апион в числе «возмутительных и подлых дел, вменяемых им в вину александрийским евреям» (Jos. с. Ap. 4, 533 fr. 63 C" R § 1) указывал и на то, что при Птолемее Филометоре и Клеопатре евреи Опий и Досифей были главнокомандующими всего войска (ibid. 5 § 49). Любопытно, что и нынешние учёные находят возможным присоединиться к возмущению Апиона... «Это естественная реакция эллинистического народного чувства против чуждого элемента, занявшего слишком много места в его жизни», — говорит Блудай (о. с. 78).

Сверх того, евреи, выдвинувшиеся в античном обществе, с точки зрения этого общества, не проявляли достаточной скромности и такта. Мало того, что они открыто заявляли себя евреями, они ещё в своём национально-патриотическом задоре считали свой народ выше и лучше самих хозяев, как в отношении происхождения, так и в отношении мудрости и добрых нравов. Из I кн. Маккавеев (12, 6; 14, 20) мы с удивлением узнаём, что евреи в официальных дипломатических документах считали себя и спартанцев, наиболее чтимое в нравственном отношении племя Греции, происходящими от общих предков. Тенденция к сближению себя со спартанцами была вызвана некоторым (внешним) сходством спартанских и еврейских законов, в частности, в отношении к иностранцам. Каким же образом устанавливалось это родство? По правдоподобной гипотезе Вильриха (Juden u. Griechen vor der niakk. Erhebung, Gottingen, 1895, 43—44) это сближение было сделано еврейским интерполятором Гелланика, греческого историка V века. ! стланк (fr.2 Miiller) в числе древних богатырей спартов упоминал Удей (Udaios). Интерполятор, ввиду созвучия мог видеть в спартах предков спартиатов, а Удей (Udaios) отождествлялся с Иудеем (liidaios), предком-эпонимом евреев. Ещё более важно было для еврей-п доказать, что они, во всяком случае, выше по происхождению, чем местное население Египта — коренные египтяне. Это сделать было им очень легко. Они могли сослаться на документ, по их мнению, почти современный — на Библию, где говорится: 1) что еврей Иосиф уже в (ровности был фактическим правителем Египта; 2) что Бог определён-

Носиф, Ант. XIII, 4, 9 называет спартанцев потомками Авраама, братьями евреев.

но стал на сторону евреев против египтян и рядом казней (между прочим, наслав на египтян накожную болезнь) заставил их разрешить евреям уйти из Египта, словом, это историческое свидетельство показывает, что евреи — если не более древний, то, во всяком случае, издревле более почтенный народ, чем египтяне. Правда, в египетских преданиях не нашли ничего, что подтверждало бы свидетельство Библии; но здесь рассказывалось о том, что Египет был долгое время под властью азиатских кочевников — гиксосов. Как известно, азиатскими кочевниками были и евреи; следовательно, гиксосы и евреи одно и то же, и даже из египетских источников видно, что евреи некогда были хозяевами Египта .

В древности такой способ внушить к себе уважение не был чем-то особенным. Каждый греческий городок — полис — в борьбе со своими соседями пытался при помощи старинных преданий доказать, что его граждане искони родовиты и праведны, тогда как противники происходят от негодяев и подонков общества. При этом ни один старинный рассказ не отвергался, как выдумка: старинность была гарантией правдивости. Изменялись лишь мелкие подробности, группировка и освещение фактов, делались сопоставления и отождествления и, в результате, удавалось доказать всё, что только было желательно. Так же поступили в данном случае и евреи, так же ответили им и их противники.

Они не отвергали в корне еврейского предания, а только исправляли его. «Бог, наслав на египтян накожную болезнь, заставил их разрешить евреям уйти из Египта». «Заставил их разрешить уйти» явно еврейская версия: в действительности, боги, наслав на египтян накожную болезнь, заставили их изгнать евреев из Египта. За что же изгнать? Очевидно, рассуждали противники евреев, модернизируя древность по образцу событий их времени, за то, что еврейский культ оскорблял египетских богов. В таком виде мы находим рассказ об исходе евреев из Египта у древнейшего историка, писавшего по этому вопросу, Гекатея Абдерского.

Египетский жрец Манефон, как особенно чувствительно задетый еврейской версией, пошёл ещё дальше. «Боги наслали на египтян накожную болезнь»... Па каких египтян? Конечно, на совершивших грех, а не на праведников! Но, ведь, грех-то совершили евреи... Стало быть, египтяне, постигнутые накожной болезнью, и были евреи: это вполне согласовывалось с ходким во времена Манефона обвинением евреев в телесной нечистоплотности. Итак, боги наслали на злодеев из числа египтян накожную болезнь и заставили, таким образом, изгнать их из Египта; эти изгнанные египетские злодеи и наименовались впоследствии евреями. Оставалось объяснить, каким образом в Египте мог занимать видный пост еврей Иосиф. Манефон объяснил это, по-видимому,

Вопрос, что было вызовом и что ответом — еврейское самовозвеличение или греко-египетское уничтожение евреев, в сущности, праздный. Несомненно, уже с самого появления евреев в Египте, началась оживлённая полемика евреев с антисемитами, так что каждое выступление той или иной стороны было одновременно и ответом и вызовом.

так: вождём злодеев-египтян был египетский жрец Озарсиф. Когда изгнанные приняли культ Иеговы, он исключил из своего имени часть, произведённую от египетского бога Озириса и заменил его Иеговой: из Озарсифа получился Иосиф. Так как Манефон, вдобавок, смешал Иосифа с Моисеем, то у него имя Озарсиф носил Моисей .

Таким образом, низкое происхождение еврейского народа стало доказанным фактом, и с этих пор эта версия становится общепризнанной в греко-римской науке. Велльгаузен (Isg. u. jiid. Gesch. 4, 12) полагал, что представление о евреях, как о народе низкого сбродного происхождения, возникло вследствие широкого прозелитизма — евреи принимали в свою среду людей самого низкого пошиба. Но мы уже видели, что еврейский прозелитизм имел самые ограниченные размеры: объяснение Велльгаузена поэтому отпадает. В действительности, это обвинение — результат только что разобранной полемики, шедшей под знаком озлобления и ненависти к евреям; как мы видели (стр. 47 сл.), антисемиты тщательно штудировали Библию в своих целях; а в самой Библии (как указал Штегелин, о. с. 14, пр. 1) говорится о том, что вместе с евреями ушло из Египта «множество различных людей» (*epimiktos polos Exod. 12, 38*), и далее во время пути, наряду с сынами Израилевыми, упоминаются «сбежавшиеся подонки общества» (*Num. 11, 4*), и это могло для антисемитов древности служить добавочным доказательством низкого происхождения евреев. Цельс, платонический философ II в. по Р. Х., подводил итог всей этой полемике; его рассуждения могут служить доказательством того, что обвинение евреев и низком происхождении возникло именно таким путём, как мы указывали. Он не опровергает достоверности Библии, но только указывает па то, что в еврейском предании, якобы «много тёмных и двусмысленных слов, окутанных тайной и мраком», и поэтому «евреям удаётся объяснить их, как им угодно, беседуя с невеждами и дураками»; к сожалению, «в течение столь долгого времени никто не занялся даже опровержением их толкований». Евреям, действительно, удаётся доказать, что их происхождение восходит к глубокой древности: они, в самом деле, «ведут свой род от живших в глубокой древности... шарлатанов и бродяг (намёк на исход евреев)!» Его окончательный вывод: евреи — беглые египетские рабы .

Попытка евреев доказать своё высокое происхождение была заранее обречена на неудачу, так как «азиатские варвары», с точки зрения штичности, никак не могут равняться в родовитости с эллинами. Поэтому евреи чаще шли по другому пути; как мы видели, они становились на демократическую точку зрения и доказывали, что происхождение

Так же Штегелин, о. с. 14 пр. 1.

Очень веским доводом Апиона и других антисемитов в пользу того, что евреи — народ недавно возникший, а следовательно, низкого происхождения, было упоминание евреев в древней греческой литературе (*Jos. c. Ap. I. 1*). Ссылки евреев на сравнительную молодость греческой исторической литературы, на отсутствие у греков точных знаний о евреях и т. под., не могли иметь успеха у людей, целиком воспитанных на греческой литературе и проникнутых благоговением к ней.

ние вообще не имеет никакого значения: главное, это справедливость и мудрость. А исключительная непревзойдённая мудрость и справедливость еврейской Библии, конечно, была для евреев аксиомой. Образчиком еврейского самомнения может служить ст. 218 сил. III кн. Сивиллы — еврейского псевдоэпиграфа египетской эпохи. Евреи — это «племя справедливейших людей, думающих всегда лишь о добрых и благородных делах». Они не занимаются праздными вещами (в эту категорию ст. 221-229 наряду с птицегаданием и т. д. отнесена также вся античная наука — астрономия, физика и т. д.), «так как эти занятия только утомляют дух, не принося человеку никакой пользы»... «Нет, они думают о справедливости и добродетели, не г у них корысти, причиняющей смертным тысячи бед, войну и бесконечный голод. У них верные веса и меры в городах и деревнях, они не занимаются кражами и грабежом, не обманывают друг друга при размежевании, богатый не утесняет бедного и т. д. и т. д.». Точно так же в псалме 119 (ст. 99) еврей, вкусивший эллинской науки, восклицает: «Я мудрее всех тех, которые меня учили!»

И тут самомнение оказалось преувеличенным. Ознакомившись с греческой наукой, евреи должны были убедиться, что те нравственные начала, которые проводились в Библии, были также достоянием греческой философии. Однако от выдвинувшихся евреев окружающая их антисемитски настроенная среда требовала, если они не в состоянии доказать превосходство своей культуры, признать её низшей и либо стать эллинами до конца, либо уйти от общественной жизни. Доказать превосходство своей культуры было для евреев вопросом жизни и смерти. И при еврейской находчивости и изворотливости такие доказательства не замедлили найтись. Еврейский историк Евподем, живший в Палестине в эпоху маккавенского восстания, по словам Клемента и Евсевия, «говорит, что Моисей был первым мудрецом и первый дал евреям алфавит; от евреев заимствовали его финикийцы, а греки — от финикийцев. Он же впервые составил писанные законы, данные им евреям.» (fr. 1 Fr.) В том, что Моисей был основателем всяческой мудрости, сходились все еврейские публицисты: приближённый известного своим юдофильством египетского царя Птолемея VI Филометора, еврей-философ Аристокл. посвятивший своё сочинение этому царю, доказывал, что Пифагор, Сократ и Платон заимствовали своё учение у Моисея (Eusrg. ег. XIII 12), даже Гомер и Гезиод черпали у Моисея. То учение, которое приписывается Гераклиту, было уже задолго до него открыто Моисеем (Philo, 4^{LUS rer} - div. her. 43). Моисей уже задолго до стоиков пришёл к стоицизму (Philo, de migr. Abr. 23).

Конечно, доводы этих публицистов были малоубедительными для греков; более ловкие и более шовинистически настроенные журналисты выпустили ряд «еврейских произведений под языческой маской», выдавая за авторов этих произведений египтян или греков, иногда знаменитых писателей греческой древности, и влагая им в уста или слова, ' Ср. P. Kruger "а. с. 20-21.

свидетельствующие о превосходстве еврейских религиозных представлений, или о признании за евреями права на первенство в науке. Особенно интересен дошедший до нас в отрывках труд, написанный неизвестным египетским евреем и вложенный в уста египетского жреца Артапана. «Авраам, — говорит он (fr. 1 Fr), — пришёл в Египет со всей своей семьёй и научил египетского царя Фаретота астрологии». «Иосиф был устройтелем всей египетской страны. До него у египтян не было установленных земельных границ и вследствие того, что земля не была поделена, сильные притесняли слабых. Иосиф первый поделил землю на участки, поставил пограничные знаки и большое количество стоявшей под паром земли сделал годной для обработки, причём часть пашни раздал жрецам» (fr. 2 Fr. § 2). «Моисей был прозван греками Мусеем. Этот-то Моисей и был учителем Орфея» (fr. 3 Fr. § 4; по греческой легенде Мусей был не учителем, а учеником Орфея). «Когда Моисей вырос, он научил египтян многим полезным вещам: кораблестроению, машинам для кладки камней, египетскому вооружению, оросительным и военным орудиям; он же изобрёл и философию» (fr. 3 Fr. § 4). Далее Артапан приписывает Моисею изобретение египетской религии и затем продолжает: «Моисей чтился жрецами наравне с богами, ему дали имя «Гермес» за то, что он дал им толкование («герменею») иероглифов» (fr. 3 Fr. § 6). Затем Моисей совершает победоносный поход в Эфиопию. «Эфиопы, хотя и были врагами, так полюбили Моисея, что усвоили от него обычай обрезания, и не только они, но и все египетские жрецы» (fr. 3 Fr. § 10; по противоположному взгляду антисемитов, евреи, наоборот заимствовали обрезание от египетских жрецов). «Моисей ударил посохом по Нилу, и река стала такой многоводной, что залила весь Египет. Отсюда берут начало разливы Нила» (fr. 3 Fr. § 28).

Далее, целый ряд нравоучительных изречений и предсказаний в духе еврейской религии был выпущен в свет под именем старинной греческой пророчицы Сивиллы; ряд поучительных стихов такого же характера был вложен в уста Фокилиду, Эсхилу, Софоклу, Еврипиду, Филемону и Менандру, были сделаны обширные интерполяции в произведении историков — Феопомпа, Гелланика, Гекатея и др.

И к этим подделкам нельзя подходить с меркой и оценкой нашего времени. И псевдоэпиграфика и интерполяции были широко распространены (раненным приёмом в древней литературе, чему в высшей степени способствовало отсутствие печатного станка. В древности было самым обычным явлением выпускать книгу под чьим-либо громким, чужим именем, особенно под именем писателя седой древности. Особенно в моде это было как раз для пропаганды новых религиозных учений. Так, \чения орфической религиозной школы были изданы под именем мифического Орфея и т. п. Точно так же и интерполяции с политической или религиозной целью были обычным явлением в древней литературе, начиная уже с Гомера (некоторые части «Каталога Кораблей» заве-

домо вставлены позже, в эпоху Писистрата, с политической целью). Таким обр., еврейские литераторы только следовали в этом установившимся тогда повсюду литературным нравам — они были не лучше и не хуже других. Их преемники — христианские литераторы пошли по их стопам. Слова Иосифа Флавия об Иисусе (Ant. XVIII, 33) несомненная тенденциозная христианская интерполяция. Таким образом, надо иметь крайне предвзятые взгляды, чтобы видеть в этих фальсификациях какую-то специфическую еврейскую особенность, как поступает, например, Бек (Voeekh, Gr. Trag. Princ. p. 146), говоря: учёные евреи подделали много стихов славнейших из греческих поэтов, по причине скорее бессовестного, чем благочестивого коварства, присущего еврейской природе (*impia magis q. pia fraude, hebraeorum nat. insita*). Если отбросить морализирующие и оценочные рассуждения, то Фрейденваль (о. с. 189-194), в общем, прав, говоря по этому поводу: «Всякое время и его произведения должны быть разбираемы по его собственным принципам, чужая мерка неприложима... Псевдоэпиграфика проникла в еврейский эллинизм из Греции. Древнееврейская литература не знает псевдоэпиграфов... У греков, наоборот, искусство литературного фальшивомонетчества так же старо, как их проза. Первым пустившим его в ход был никто иной, как сам благородный Солон (*Ph.it. Sol. 10*), который в патриотических целях интерполировал Гомера. За ним следует пресловутый Ономакрит, который, согласно древней традиции, не только провинился в таком же преступлении по отношению к Гомеру, но также написал гимны, предсказания и оракулы, ложно приписав их Орфею и Мусею; его обман был обнаружен, и он был изгнан Гиппархом. Но только после Ономакрита эта литература разрослась столь пышным цветом, что Геродот часто был вводим ею в обман, Аристофану она давала материал для самых весёлых его шуток, а Платону — для горьких жалоб. Но можно ли сравнить псевдоэпиграфику геродотовского и платоновского времени с нелепо-шарлатанской псевдоэпиграфикой александрийского времени, обязанной своим происхождением тщеславию, корыстолюбию и партийным проискам?... Нет ни одной интерполяции, сделанной еврейским эллинистом, нет ни одного псевдоэпиграфа, который не имел бы греческого прототипа в интерполяциях поэтов и прозаиков, в подложных письмах, декретах, оракулах и предсказаниях, в орфических и сивиллиных стихах, в подложных лирических, драматических и гномических произведениях, в религиозных, исторических и философских трудах. Достаточно предостать себе хотя бы бесконечное количество столь чреватых влиянием христианских псевдоэпиграфов, апокрифических евангелии и Деяний Апостольских, подложных откровений и писем вплоть до Исидоровых декреталий и ещё более поздних подлогов». Напрасно только Фрейденваль, ослеплённый еврейским национализмом, утверждает, что древнееврейская литература не знает псевдоэпиграфов: всё Пятикнижие, поскольку оно приписывается его составителями Моисею, — грандиозный псевдоэпиграф, вернее, три или более псевдоэпиграфа,

составленные в разное время и умышленно приписанные составителями их одному и тому же человеку — Моисею. Таким образом, евреи были не лучше и не хуже греков: псевдоэпиграфика характерна для литературных нравов всей древности.

Более серьёзным является вопрос о прямой фальсификации, о заведомом ни на чём не основанном измышлении исторических фактов. Здесь уже нельзя ссылаться на греческую историческую литературу, в которой, правда, были обычным явлением жонглирование случайными аналогиями, наивные этимологии, легкомысленные, ненаучные выводы и обобщения и т. д., но заведомое измышление исторических фактов всё же не было обычным. Наоборот, представители еврейской светской историографии все, исключая одного только Деметрия, обвиняются в подобных искажениях, причём такое обвинение бросается им не только учёными, относящимися к евреям несочувственно, но и таким националистически настроенным еврейским учёным, как Фрейденталь; и он характеризует работу этих историков, как «беспочвенные измышления», как «ответную ложь», как «смелые выдумки и заключения» (о. с. ПО, 98, 144, 162-165).

В виду высоких научных достоинств книги Фрейденталья, и в виду того, что от него, как от националистически настроенного еврея, менее всего можно было бы ждать слишком сурового отношения к еврейским историографам, его мнение получает в нашем вопросе особый вес. Вот почему прежде чем перейти к разбору вопроса о еврейской фальсификации, необходимо познакомить читателя с мировоззрением Фрейденталья.

Фрейденталь, как я сказал уже, националист, но националист, которого опыт трёхтысячелетней истории еврейства ничему не научил. Он всецело стоит на точке зрения «народов-хозяев», по которой отличительными признаками национальности являются своя территория, своя резко ограниченная от других культура и, прежде всего, свой язык. «Язык — не только орудие мышления, но и его источник. Как только воды этого источника иссякают и становятся мутными, уже не может процветать свободное и красивое духовное развитие. (Собственный) язык народа — источник всей его духовной жизни» (о. с. 195). Поэтому Фрейденталь относится с симпатией только к еврейству древнейшей эпохи; эллинистическое еврейство, в сущности, не имевшее ни своей территории, ни своей резко ограниченной культуры, ни своего языка, — с его точки зрения, только заблудшее стадо: разница между фрейденталевской философией еврейской истории и философией Библии лишь в том, что для составителей Библии грех евреев состоит в отпадении от Иагве, а для него в отпадении от еврейского языка (стр. 196). Но, с другой стороны, Фрейденталь — прямой наследник Евполема, Артапана и им подобных: и он твёрдо убеждён, что евреи в нравственном отношении неизмеримо выше всех других народов (по крайней мере, древности). Поэтому задача книги Фрейденталья двоякая: 1) показать, что эллинистически-еврейские писатели были

отбросами еврейства и 2) показать, что даже эти отбросы в нравственном отношении были ничуть не хуже того эллинского общества, которое, втянув их в свою культуру, загрязнило их непорочную еврейскую душу эллинской мерзостью («Die Mehrzahl d. jtid. Helliisten verfiel in alle Fehler der entart. Griechlinge», стр. 198). Для того, чтобы доказать первое положение, Фрейденталь утверждает, что настоящая еврейская литература (на еврейском языке) чужда даже псевдоэпиграфики, тогда, как еврейско-эллинистическая литература изобилует ложью и фальсификацией. Для доказательства второго положения он старается показать, что все те недостатки, которые свойственны евреям-эллинистам — общи для всей эллинистической литературы. Доказательства первого положения, как мы увидим, неубедительны; второе положение Фрейденталь доказал фактами, но так как евреи-эллинисты, вопреки мнению Фрейденталя, не отбросы, а лучшие представители еврейства, то и эти факты не дают права сделать заключения о нравственном превосходстве евреев над греками.

Фрейденталь обвиняет еврейскую историографию во лжи и измышлении фактов. Конечно, в виду утраты огромного большинства исторических трудов древности, в большей части случаев трудно судить, что позаимствовано из ненадёжного или плохо понятого источника, что есть результат недостаточно строгих научных приёмов и что есть заведомое измышление, ложь. И, тем не менее, для еврейской историографии, как указывает сам Фрейденталь, ещё не совсем утеряна её связь с первоисточниками. Так, если Псевдоартапан утверждает, что Авраам избрёл астрологию, то он (быть может, через анонимного самаритянского историка) восходит к Берросу: единственный домysel Артапана — произвольное отождествление «праведного мужа» Беросса с Авраамом на основании весьма шатких хронологических соображений — обычное явление для эпохи религиозного синкретизма, когда тысячи умов были заняты отождествлением богов и героев различных религий (Freudenthal, 94). Точно таким же образом и Моисей был отождествлён с Гермесом, который уже раньше был сближен с египетским Тотом. Гермес — слово созвучное с «герменевт» (характерная для эллинизма наивная этимология) и означает «истолкователь» (Артапан, fr. 3 Fr. § 6). Моисей также назван истолкователем воли Божьей (Exod. 4, 12 сл., 20, 19); следовательно, Моисей и Гермес — одно лицо. На основании такой же этимологии Моисей был отождествлён и с Мусеем. Таким образом, Артапан и счёл себя вправе приписать Моисею всё то, что египетская легенда приписывала Тоту — Гермесу (стр. 153—156). Точно так же не еврейская историография, а сама греческая наука со времён Геродота не переставала указывать, что вся греческая культура, в частности алфавит, позаимствованы с Востока, а так как для евреев было аксиомой, что из всех народов Востока они были древнейшим и культурнейшим, то, конечно, они отсюда делали вывод, что они-то и являются изобретателями всей культуры (Фрейденталь, 117, 192), вывод тем более для них необходимый, что только признание эл-

и некоей науки, проистекающей из еврейской, давало им право занять ею, несмотря на то, что она чужда еврейскому Закону (P. Kriiger, o. c. 20-21).

Таким образом, большая часть столь огорошивших нас сообщений еврейской историографии не ложь, а результат научной работы по usualным методам в греческой науке: путём религиозно-синкретического метода отождествления, наивной этимологии и т. д. Несомненно, что так же дело обстояло и для тех мест, источники которых для нас утрачены: можно, если угодно, осмеивать эти научные приёмы, но ничто не даёт права обвинять еврейскую историографию в сознательной лжи. Итак, и в этом случае евреи были не хуже и не лучше дружившей их среды. Руководимые патриотическим чувством и горячим желанием во что бы то ни стало возвеличить свой народ, они делали то же, что делали милетяне для прославления Милета, македоняне для прославления Македонии, а впоследствии и римляне для прославления Рима (сказание об основании Рима троянцем Энеем и т. д.). Но quod licet Jovi, populo licet bovi: евреям, этой «нации, рождённой для рабства», не подобало, с точки зрения греков и римлян, делать то, что разрешалось их «хозяевам». Ясно поэтому, что вся отрасль еврейской литературы должна была вызвать и вызвала полемику в греко-римском мире. Еврей-эллинист нашего времени Теодор Рейнак (Textes liturgiques grecs et romains, Paris, 1895, preface, XII) говорит: «Вместо того, чтобы скромно радоваться случайным совпадениям между их религией и философией греков, евреи претендуют на то, что вся эллинистическая мудрость имеет источником Пятикнижие: таким образом, Платон, Аристотель и Зенон оказываются плагиатами Моисея. Конечно, эта претензия должна была вывести из себя самолюбие эллинистического общества, которое не желает, чтобы его поучала маленькая группа варваров, только что появившаяся на сцену и о которой никто ничего не слышал до Александра...»

Полемика древних пыталась поставить вверх ногами еврейские религии: не эллинская наука имеет источником Библию, а наоборот, еврейские учения позаимствованы ими у других народов. «Если еврейские религии — говорит Цельс (у Оригена. с. Cels V, 43), — гордятся тем, что они посвящены в высшую мудрость... (то они неправы), ведь это давно известно, что даже их учение о небе (Цельс путает культ неба с единобожием. — С. Л.) заимствованное: не говоря уже о других религиях; эти исконный взгляд персов, как свидетельствует Геродот (I, 101). Нельзя так же считать их более святыми людьми, чем прочие религии, по той причине, что они подвергаются обрезанию: в этом их предшественниками являются египтяне и колхи. Точно так же в воздержании от употребления мяса их предшественники — египтяне, которые сверх того воздерживаются ещё от козьего, овечьего, коровьего и рыбьего мяса».

В приведённой еврейской литературе евреи выставляются мудрейшей и даровитейшей нацией. Полемисты-антисемиты утверждали об этом: «Еврейские религии — евреи тупы, невежественны и легковёрны. Аполлоний Мо-

лон выдвинул впервые обвинение, подхваченное и в нынешней антисемитской литературе: «Евреи — самые тупые из всех варваров, и потому они — единственный народ, не сделавший ни одного полезного в жизни практического изобретения» (fr. 27, DR). «Евреи не выдвинули из своей среды ни одного замечательного или выдающегося человека ни в области практических наук, ни в области (теоретической) мудрости», — повторяет вслед за ним знаменитый Апион (Апион, fr. 63 DR § 6). «Евреи не создали ничего замечательного», — вторит им Цельс (fr. 88 R, § 8). Таким образом, взятое якобы из жизни наблюдение, что евреи не создали ни одного выдающегося самостоятельного учёного и что вся их культура заимствованная, как должен признать и Штегелин (о. с. 25), в действительности, следовательно, возникло только в результате полемического задора.

Только в одном отношении эллинская полемика, говоря о еврейской тупости, верно подметила особенность еврейской психологии. Как мы видели выше (стр. 68), еврейская Сивилла с гордостью заявляла, что евреи не занимаются праздными вещами, какими, по её мнению, являются естественные науки и искусства: все помыслы евреев были обращены на науку о добродетели. Именно эту узость, этот педантизм и неумение воспламениться стройной связью явлений и красотой форм в природе и искусстве, независимо от её пользы для самосовершенствования, эту эстетическую ограниченность и отсутствие сердечного жара, греки называли «холодностью», *psychrototes*. Под понятие «холодности» греки подводили, по-видимому, и невосприимчивость к чарам любви, почему Мелеагр Гадарский, элегический поэт II в. до Р. Х., в шуточном стихотворении находит нужным указать, что евреи при всей их «холодности» в этом отношении безупречны. Обращаясь к своей бывшей возлюбленной, вступившей, по-видимому, в число *sebomenoi*, он говорит (fr. 24 R):

*Нежная Демо! Скажи: кто в объятиях твоих разжигает
Тело тобою своё? Сердце порвалось в груди!
Видно, к субботе любовь охватила тебя... Не дивлюсь я:
И среди холодных суббот царствует пылкий Эрот!*

Равным образом и поздний писатель Рутилий Намациан (*De geditu suo*), отметив в стихах 385-386 слепоту евреев к красотам природы, называет евреев

*Глухых теорий источник, с холодной субботой на сердце,
Сердце ж ещё холодней самой религии их.*

Наконец, в легковерии и невежестве евреев обвинял Мнасей Патарский (fr. 19 R), Цельс (fr. 88 R, § 4; Orig. с Cels. IV, 33), Гораций (*Sat. I, 597* слл. *credat Judaeus Apella*) и, если верить Аммиану Марцелину, император-философ Марк Аврелий (*Reg. gest. 22, 5, 5*).

Но древние нашли ещё одно доказательство несостоятельности еврейских претензий, особенно интересное для нас потому, что оно в

* В субботу нельзя варить пишу.

русской истории приписывается князю Владимиру Святому: очевидно, оно проникло в русскую традицию из Александрии при посредстве Византии. Апион (fr. 63 C² R) говорил: «Доказательством того, что еврейские законы не отличаются справедливостью, ни Бог не чтится евреями, как надлежит, может служить то, что они сами (не добились власти), но рабствуют различным народам и что на их город обрушились все мыслимые несчастья». Вслед за ним и Цельс (fr. 88 R, § 11) замечает: «Не похоже и на то, чтобы Бог отличал их и любил больше других народов, или чтобы они имели исключительную привилегию получать непосредственные веления с неба, или чтобы их страна была особо блаженной. Всякий видит, какова судьба и их самих и их страны».

2. «Еврейская низость».

Выше я говорил уже о выработавшейся у евреев способности не реагировать немедленно, рефлексивно на наносимые им оскорбления. Такое поведение, с точки зрения древней морали, было недостойно свободного человека; так поступать могут только рабы. Отсюда и пошло наименование евреев прирождёнными рабами. Так, Апион (fr. 63, DR § 5) говорит, что евреи постоянно были рабами того или иного народа, Цицерон (de provinc. consul. V, 10) называет евреев «народом, рождённым для рабства», Тацит (Hist., V, 8) именует их «презреннейшими из рабов». В результате соединения этого взгляда на евреев с баснями об исходе из Египта получилось наименование евреев «бежавшими из Египта рабами» (Цельс, fr. 88 R § 8; Orig. c. Cels. IV, 31). В книге «Юдифь», проецирующей, как мы видели, в персидские времена обстоятельства греко-римской эпохи, оба эти обвинения вложены в уста персов: дважды (14,13; 14,17) евреи презрительно названы «рабами», а один раз даже «народом (рабов, бежавших) из Египта» (6, 5).

Таким образом, естественно, что эта особенность еврейского характера вызывала живейшее презрение со стороны греков. Так, из сообщения Иосифа Флавия мы узнаём, что Александр Янней не хотел брать к себе на службу сирийских наёмников, вследствие врождённого отвращения сирийцев к евреям. Далее, как сообщает Плутарх (Anton, c. 36), римляне никогда не позволяли себе наносить оскорбления царственным особам и предавать их публичной казни: единственным исключением был еврейский царь Ангигон, который был с позором проведён пред толпой и затем обезглавлен. Сын Августа, Гай, при своём путешествии по Востоку, миновал Иерусалим, и Август вполне одобрил его поведение. (Mommsen, Rom. Gesch, V, 498).

Любопытно поведение Веспасиана и Тита после трудной победы над Иерусалимом. В Риме было принято давать полководцам титул в связи с названием того народа, над которым они одержали победу: напр., одержавший победу над дакийцами, получал титул imperator Dacicus, над германцами — imperator

Germanicus и т. д. Победа над евреями была одной из труднейших побед, первоклассным воинским подвигом, как свидетельствует сам Тит в надписи на воздвигнутой им триумфальной арке (CIL. VI, 944). Поэтому им по справедливости был предложен титул *imperator Judancus* и триумф. Но они приняли титул *imperator*, устроили торжественный триумф, но от *Judancus* титула категорически отказались (Dio Cass. fr. 109R, § 7). Как ни лестно было быть почтенным за победу над сражавшимися с мужеством отчаяния евреями, носить титул *Judancus* — «жидовский» — было слишком зазорно!

Следы такого отношения к евреям мы находим и в еврейской литературе этого времени. В «Юдифи» (8, 23) мы читаем: «Мы будем рабствовать среди язычников и будем предметом насмешек и оскорблений для наших хозяев». В «Эсфири» (3, 6) Аман, придворный персидского царя, но по одной из версий, македонянин (так называлось в Египте господствующее греческое сословие), хочет наказать Мардохая за то, что тот не воздал ему должного почёта. «Но ему (Аману) казалось зазорным самому наложить руку на Мардохая, так как ему сообщили, к какому народу принадлежит Мардохай».

Поэтому евреи — любимая мишень для насмешек. Над ними издеваются, встречая их; они — любимый персонаж на подмостках мима. Рабби Аббагу из Цезареи в Мидраш *еха раббати* (введение § 17, цитировано у Блудая, о. с. 54), рассказывает, что язычники высмеивают евреев в театрах и цирках. Он рассказывает о всякого рода глупых и колких шутках и клоунадах, которые обычно можно слышать по адресу евреев со сцены мима. Филон рассказывает, что прибывший в Александрию еврейский царь Агриппа подвергся всевозможным оскорблениям и насмешкам, взятым из мима. На следующий день была разыграна пантомима о еврейском царе, где оба любимых типа мима — «евреи» и «царь» — были слиты в образе еврейского царя .

Отражение этих издевательств и глумлений мы находим в псалмах. «Нас презирают наши соседи: насмешками и руганью осыпают нас окружающие» (79, 4). «Все, кто меня ни встречает, насмеваются над мной, презрительно поджимают губы и вздёргивают голову» (22, 8), «Иноплеменники, слыша о нас, презрительно вздёргивают голову» (44, 15). «(Видя меня), они кричат: 'Ты! Ты!'"» (70, 4; 40, 16). «Многие смотрят на меня, как на чудище» (71, 7). Презрение к евреям настолько вошло в обиход, что наименование еврея получило, наконец, нарицательное значение в смысле всего грязного, некрасивого. Так Клеомед, ругая Эпикура за его скверный стиль, говорит: «(Его язык) взят из самой гущи синагоги и толпящихся вокруг неё нищих: в нём есть что-то плоское, жидовское и ползущее по земле, как пресмыкающееся» (fr. 121 R). Марциал в одной из своих эпиграмм (VII, 30) хочет описать неразборчи-

* Ср. Mommsen, Rom. Gesch. V, 5:38.

** Ср. Штегелин. о. с. 37.

вость римской кокотки Целии. Она не только отдаётся парфянам, германцам и т. д. «Нет! она доходит даже до того, что не брезгует объятиями обрезанных иудеев!» В псалме 44, 15 мы читаем: «Наше имя Ты сделал поносной кличкой у язычников». Сходное свидетельство и в псалме 102, 9: «Мои враги непрестанно оскорбляют меня: они уже клянут друг друга моим именем». Но особенно интересен александрийский мартиролог Р. Ох. X 1242 Гермаиск заявляет, что римский сенат наполнен евреями. Когда Траян этим возмущается, Гермаиск говорит: «Ага! Значит, неприятно, когда обзывают евреем!»

Ввиду привычки древних к образному мышлению понятие «грязный» в нравственном смысле скоро было перенесено и на внешний облик еврея, как сплошь и рядом; и наоборот: внешние физические недостатки, особенно изъяны на поверхности кожи, независимо от их происхождения, часто служат в древности признаком низости души. В олене Архилоха Лисица говорит Обезьяне, получившей шрам, попавшись в западню: «Тебе ли, Обезьяна, с таким задом (быть нашим царем)!» В басне Эзопа «Лисица и Крокодил» (37 Halm) низоность происхождения Крокодила доказывается тем, что его кожа покрыта рубцами. Равным образом и Моисей, который считался у антисемитов образцом нравственной испорченности (ср. Ap. II, 14, Cels. у Orig. с Cels. I, 23), изображается страдающим накожной болезнью (см. ниже), тогда как еврейский историк Псевдоартапан изображал подверженным накожной болезни гонителя евреев фараона Хенефрея (fr. 3 Fr. § 20)/ Итли Тацит (Hist. V, 5) говорит, что «еврейские обряды — нелепы и : рязны», или если Рутилий Намациан (de red. suo I, 384, 387) называет евреев «скотами» (animal) и «непотребным племенем», то они ещё вржатася на рубеже этих смыслов: другие авторы и тот же Тацит в ирругих местах говорят с презрением и о самой внешности еврея. Отно- • ншиеся сюда свидетельства можно разбить на две группы: 1) жида — воноучие и 2) жида — паршивые. О дурном запахе, издаваемом евреями, мы впервые узнаём из эпиграммы Марциала (IV, 4), посвященной | in другу Бассу, у которого дурно пахло изо рта:

*То, чем от сохнувшей лужи часто пахнет...
Чем натошак, от всех шабашу верных...
Лучше мне нюхать, чем. Басе, твоё дыханье.
(Вольный перевод Фета)*

Другое подобное свидетельство мы находим у Аммиана Марцеллина (Ker. gest. XXII, 5, 4-5). Он рассказывает: «Когда император Марк Аврелий проезжал по Палестине, часто в нём вызывали омерзение с фечавшиеся ему воноучие и суетливые евреи, так что, наконец, он с ... рчением воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы, наконец, | нашёл народ ещё менее культурный, чем вы!»

| р. мою статью Observatiunculae Aristophaneae, — Журн. Мин. Нар. Проев., 14,17 дек. 336-337.

¹ Крюгер (о. с. 7 p. 2) замечает по этому поводу: «Aussatz war eine Schande». Vgl. I I.uick. Realeneycl. f. pret. Kirche u. Theol. 3 Aufl. B.2, 297 f. «Aussatz».

Целая масса свидетельств обвиняет евреев в подверженности парше. Перевод этот, правда, неточен: в источниках чаще говорится, по-видимому, о других кожных болезнях. Но так как моя работа не претендует на медицинское значение, то да будет мне позволена эта небольшая «модернизация». Источником для этих обвинений послужила сама Библия, которая, как мы видели, в греческом переводе была постоянно штудируема александрийскими антисемитами; отсюда-то они и почерпали материал для своей версии об исходе евреев из Египта. В «Исходе» (Exod 9, 9) мы действительно читаем: «И будут на людях и на скоте кожные воспаления, переходящие в струпья, во всей земле Египетской... И сделалось воспаление с нарывами на людях и на скоте». Мы уже видели выше, как александрийские интерпретаторы пришли к выводу, что эта кожная болезнь поразила самих же евреев, что евреи не что иное, как позднейшее наименование изгнанных из родины паршивых египтян. Вследствие живого чувства гадливости к евреям, это историческое указание стало особенно популярно среди александрийских учёных антисемитов. В рассказе об исходе евреев из Египта, после Манефона, этот еврейский недуг упоминается у Посидония Апамейского (fr. 25 B § 1), у александрийской плеяды антисемитов — Херемона (fr. 58 R § 1), Лисимаха (fr. 59 R) и Апиона (fr. 63 B § 3), у Тацита (Hist. V, 3) и Юстина (XXXVI, 1-3, fr. 138 R). Название кожной болезни у разных писателей варьируется: *lepraī*, *alphi*, *molysmoi*, *epileucia*, *scabies*, *vitiligo*, но смысл остаётся тот же. Более того, эта мнимая болезнь евреев кладётся как лейтмотив в основу толкования всей истории и религии евреев: все их непонятные особенности и обряды объясняются из их «паршивости».

Напр. Почему евреи не едят свиного мяса? Потому что они особенно предрасположены к парше, а так как свинья обычно страдает кожными воспалениями, то они боятся от неё заразиться (Plutarch. Anton, с. 36; Tacit. Hist. V, 4).

Почему суббота (*sabbaton*) так называется. Это название происходит от египетского слова Бабфоили *sabbatosis*, означающего кожное воспаление (Apon, fr. 63 B § 3).

Почему евреи чуждаются близкого общения с иностранцами? Потому что они болеют паршой, и, если бы эта зараза распространилась на их соседей, то возненавидели бы их. Эта предосторожность, первоначально вызванная, таким образом, практическим расчётом, постепенно превратилась в нравственно-религиозную догму (Just. XXXVI, 1-3 fr. 138 R).

Почему (александрийские) евреи называют Моисея «альфа»? Потому что его тело было покрыто паршой (*alphi*). Такое объяснение давали: современник Апиона — Никарх (fr. 61 R), александриец же Пто-

* Альфа — первая буква греческого алфавита; по-видимому, эта эвфемистическая криптономазия (Бога также у евреев не рекомендовалось называть по имени) имела целью подчеркнуть высокое достоинство Моисея. Reinach, Textes, p. 122.

ломей Хенн, живший в эпоху Траяна и Адриана (fr. 74 bis R) и писавший в IV в. по Р. Х. Гелладий (fr. 117 bis R).

Правильно ли сложное объяснение происхождения взглядов о еврейской нечистоплотности — нравственной и физической, которое мы дали выше? Не вернее ли будет предположить, что взгляды эти явились результатом прямых наблюдений над евреями?'

Начнём с вопроса о физической нечистоплотности. Физическая чистоплотность находится в тесной связи с культурностью: более культурные народы обычно и более чистоплотны. Естественно, что евреи были менее чистоплотны, чем греки и римляне, но нельзя себе представить, чтобы они были менее чистоплотны, не только чем какие-нибудь германцы, ливийцы, бактриане и т. д., в большом числе появившиеся в тогдашних культурных центрах, но и чем египетские крестьяне. Если Марк Аврелий, неприятно поражённый еврейской суетливостью, восклицает: «О маркоманны, о квады, и т. д. — наконец, я нашёл парод ещё менее культурный, чем вы», — то это явно гиперболический оборот. Поэтому, если в нечистоплотности обвиняют именно евреев и только евреев, то а priori мало вероятно, чтобы в основу этих обвинений легли наблюдения над жизнью. В частности, что касается обвинения в паршивости, то, как мы видели, оно появляется в литературе всегда в той или иной связи с преданием об исходе евреев из Египта, так что не может быть сомнения, что его источником является указанное выше место Библии, своеобразно перетолкованное антисемитской традицией.

Единственным доводом в пользу того, что обвинение в физической нечистоплотности взято из жизни, могло бы служить то, что оба обвинения против евреев — и то, что они вонючие, и то, что они паршивые

снова всплывают в более позднее время. Оба обвинения как бы повлияли между собой европейскую территорию: обвинение в «вонючести» всплывает на средневековом Западе, в «паршивости» — на востоке, в России. Однако, относительно первого обвинения удалось точно \ установить его происхождение: средневековое поверье, будто евреи от рождения имеют особый специфический дурной запах, *faetor iudaicus*, а вылось выводом из нашего же места Аммиана Марцеллина, много читавшегося в средние века. С другой стороны, византийская учёность с шачительной мере заключалась в компиляции александрийской. Мы, же видели, что русское предание об ответе, данном Владимиром Святым евреям, заимствовано, через посредство Византии, из александрийской антисемитской литературы. Поэтому весьма вероятно, что и русское обвинение евреев в подверженности парше проистекает из того же источника.

Если, таким образом, поскольку речь идёт о физической нечистоплотности, наше объяснение является наиболее правдоподобным, то

Как думает, напр., Л. Фридендер, *Darstellungen*, III, 514-515.

Keinach, *Textes*, 353, 3. Joel. *Blicke in die Religionsgeschichte*, II 131. Js. Loeb. *Kevue cics etudes juives*. XX. p. LII.

поскольку речь идёт о нечистоплотности в духовном смысле, наше объяснение является единственно возможным. Действительно, если допустить, что и это обвинение заимствовано из жизни, что евреи, действительно, были «прирождёнными рабами», то придётся думать, что евреи, вследствие низости души, не в состоянии были чувствовать страдания от оскорблений, поскольку они не сопроводились физической болью или материальным ущербом, что они подобно герондовскому Баттару принимали оскорбления как нечто должное. Античные антисемиты, конечно, склонны были именно так понимать способность евреев не реагировать на оскорбления, и так же понимали эту особенность еврея и антисемиты позднейшего времени. Впрочем, Шекспир (в «Венецианском купце») сумел, благодаря своей гениальной интуиции вникнуть в разницу между низостью души природного раба и долготерпением еврея; вспомним хотя бы ответ Шейлока Антонию:

*Иль, может быть, я должен низко шляпу
Пред вами снять и тоном должника,
Едва дыша, вам прошептать смиренно:
«Почтеннейший синьор мой, на меня
Вы в среду прошедшую плевали,
В такой-то день вы дали мне пинка,
В другой — меня собакой обругали:
И вот теперь за ласки эти все
Я приношу вам столько-то и столько».*

(Пер. Вейнберга)

Это менее всего походит на низость души, на врождённое отсутствие самолюбия, это — долготерпение (sufferance):

*<<For sufferance is the badge of all our tribe»
(Терпенье же наследственный удел
Всей нации еврейской»...)*

(Пер. Вейнберга)

Нет ли и для древнего мира доказательств, что евреи не переносили сыпавшихся на них оскорблений с безразличным равнодушием? Достаточно для этого только заглянуть в книгу «Псалмов», где еврей — преимущественно маккавейской и послемаккавейской эпохи — беседовал с Богом о самых глубоких своих душевных переживаниях. **Мы видели выше (стр. 119), что еврей возводил своё долготерпение в ранг высшей национально-патриотической добродетели; однако, оставшись наедине с собой, он изливал своё горе в лирической песне.** Мне уже приходилось (стр. 138-139) черпать из псалмов материал для иллюстраций антиеврейских глумлений и издевательств; мы уже видели (стр. 107 слл.), что еврей кипел жадой мести; теперь приведу несколько примеров, из которых видно, как воспринимал еврей эти оскорбления:

* Ср. Г.Гейне, Девушки и женщины Шекспира, стр. 578 слл. русск. пер.

«Вечно стоит у меня пред глазами моё поношение; на меня обрушился позор того, что я должен выслушивать от издевающихся и оскорбляющих меня» (Псал. 49, 16).

«Вспомни, Господь, о позоре твоих слуг: ведь я ношу в сердце своём презрение всего человечества!» (Псалом 89,51).

«Я жажду мира, но они нападают на меня за каждое слово» (Псалом 120. 7).

«Позор разрывает мне сердце, так что я в отчаянии. Я ожидал сострадания, но никто не пожалел меня, я ожидал утешителей, но их не оказалось. Я был голоден — и они кормили меня желчью, я жаждал — и они поили меня уксусом» (Псалом 69, 21-23).

Далее, обращаю внимание ещё на следующее. Человек с душой раба, низкий, лишённый самолюбия, естественно должен быть в то же время трусом. Казалось бы, мы должны находить это обвинение повсюду в остатках антисемитской литературы. Между тем, такое обвинение мы встречаем только у Аполлония Милона, да и то он ухитряется бросить это обвинение евреям только той ценой, что все их воинские подвиги объясняет не храбростью, а безумной и дерзкой отвагой (τολμα καὶ ἀρροπία; fr. 27DR), приём сам себя побивающий. Все прочие писатели, даже ярко-антисемитски настроенные, воздают должное еврейской храбрости. Так Страбон, чуть не впервые в истории учувший опасность «еврейского засилья», тем не менее, подчёркивает мужество евреев. Он рассказывает, как даже с помощью пыток не удалось у них вынудить признания Герода царём (fr. 53 R). Дион Кассий, также антисемит, подчёркивает храбрость евреев при Помпее (49, 22, 3-6), Тите (66, 6) и Адриане (fr. 113 R § 3). «Много ужасного», — говорит он, — причинили евреи римлянам: ведь, в гневе их племя страшно». При Адриане его полководец Юлий Север «не осмелился напасть на евреев и сразиться с ними в открытом бою, видя их численность и отчаянную храбрость». Равным образом и Тацит, один из наиболее ярких и убеждённых антисемитов древности, говорит (Hist. II, 4): «(взятие Иерусалима) — дело серьёзное и трудное, не столько вследствие тех средств сопротивления, коими располагали осаждённые, сколько вследствие их упрямого фанатизма». Сам Тит, разрушитель Иерусалимского храма, в своей надписи (С. I. L VI, 944) гордится этим военным подвигом: "Я покорил народ еврейский и разрушил город Иерусалим; до сих пор все полководцы, цари и народы либо безрезультатно осаждали его, либо даже вовсе не решались на него напасть». Это, конечно, преувеличение (см. Mommsen, Rom, Gesch. V, 538, пр. 1), но оно свидетельствует, что Тит во взятии Иерусалима видел первоклассный военный подвиг.

Последнее место имеет особый интерес потому, что оно послужило источником для Евангелия. Позднейший христианский писатель (общий источник Матфея. 27, 48; Марка, 51, 36; Луки, 23, 36; Иоанна. 19, 29), не уразумев простого смысла псалма и увидев в нём пророчество, использовал его, как литературный материал для предания о смерти Христа. У Иоанна есть даже ссылка на этот псалом: «Да будет реченное в Писании» и т. д.

Далее, из эфепантинских папирусов и указаний Иосифа Флавия (Ant. XIV, 8. 2. Bell. iud. I, 94) мы знаем, что в Египет неоднократно привлекались евреи для несения гарнизонной службы в крепостях; по-видимому, они имели репутацию отличных солдат. Из PapOxIV, 705, 31 слл. мы узнаём, что жители Оксиринха считали победу над восставшими евреями таким подвигом, что ежегодно торжественно справляли день победы. Мы узнаём, что в Малом Аполлинополе пришедшее на помощь отеснённым римлянам добровольческое всенародное ополчение из египтян и греков было наголову разбито восставшими евреями (Wilcken, Zum alex. Antisemitismus, 792 sq. 794, 799).

Вот почему, если Ю. Белох (Griech. Gesch. III, 1, 352) говорит, что «ценность еврейских войск, как боевой единицы, была *естественно* (мой курсив) весьма ничтожной», то он основывается на предвзятом взгляде, а не на свидетельствах древности. Действительно, по сравнению со всеми приведёнными свидетельствами, заслуживает мало внимания цитируемое Белохом указание Полибия (V, 36, 5), тем более, что Полибий говорит здесь только о превосходстве пелопоннесских и критских войск над сирийскими и карийскими.

Итак, не в низости и трусости была причина еврейского долготерпения; когда и долготерпение не отвращало гибели от еврейского народа, он умел защитить себя с редким мужеством.

3. Еврейская сплочённость.

Выше (стр. 119 слл.) я указал уже, в чём состояли те особенности евреев, которые создали представление о «всесильном еврейском мировом кагале». Здесь я хотел бы доказать свидетельствами правильность выдвинутых мною выше положений.

Начну с отношения к общегосударственному закону. Прежде всего необходимо отрешиться от всяких оценочных критериев. Для этого пусть читатель представит себе европейца-христианина, попавшего, например, в какое-нибудь из мелких государств Океании. При всём желании быть лояльным, при всей даже симпатии к данному государству, он не сможет заставить себя исполнять законы и обычаи, сами по себе даже нравственно безразличные, но дикие с точки зрения европейских привычек. Равным образом никто не может требовать, чтобы он исполнял законы, непосредственно направленные против белых. Евреи, отнюдь не собиравшиеся, поселившись в эллинском мире, отказываться от своих привычек и обрядов, оказались как раз в таком положении. Необходимо иметь в виду, что евреи диаспоры не были и не хотели быть «эллинами Моисеева закона», наоборот, они были и оставались евреями, поселившимися на эллинской территории.

То, что для евреев соблюдение их закона было требованием нравственного долга, тогда как соблюдение государственного закона вызывалось только потребностями общежития, настолько очевидно для всякого более или менее знакомого с библейской литературой, что не нуждается в подтверждении примерами. Вопрос заключается только в

том, как поступали евреи в тех встречающихся на каждом шагу случаях, когда их национальный закон шёл вразрез с общегосударственным или когда тот или иной закон был направлен непосредственно против евреев. Мученичество за национальные особенности — нередко в истории еврейства; но можно ли допустить, чтобы евреи во всех таких случаях открыто не исполняли законов, т. е. чтобы такому мученичеству евреи подвергали себя изо дня в день? Это а priori невероятно, так как при этом условии было бы невозможно то мирное преуспеяние, тот экономический расцвет, который мы видим у евреев диаспоры. И в действительности этого не было: источники говорят нам, что уже в древности евреи нашли из этого, казалось бы, безвыходного положения тот выход, который спасал их и в позднейшее время. Этот выход — взятка. В ряде документов V в. до Р. Х., написанных евреями египетской колонии Элефантины, о взятке говорится, как о естественной вещи; см. Волков, ук.кн. «Исторический роман», написанный в египетской диаспоре, так называемая «III кн. Маккавеев», также говорит об «еврейской взятке», как о нормальном бытовом явлении (2, 32). Здесь рассказывается, что царь Птоломей IV предписал всех евреев, нежелающих посвятить себя в культ Диониса, лишиться их привилегий и внести в списки простонародья, не пользовавшегося в Египте гражданскими правами. Но согласились посвятить себя только немногие — «те, которые ради гражданских прав в государстве готовы были презреть государство благочестия... Большинство же проявило благородную твёрдость души и не сошло со стези благочестия. Чтобы можно было жить без страха, они дали (необходимые) взятки, и таким образом пытались спасти себя от внесения в списки»... Когда затем издаётся новый указ об избииении всех внесённых в списки евреев, писцы заявляют, что евреев слишком много, чтобы можно было составить полный список. У античного читателя, естественно, должно было явиться подозрение, что и этот ответ явился результатом данной писцам взятки; • штор разубеждает его в этом: Угрозы царя были слишком серьёзны, чтобы писцы решились прибегнуть к такой отговорке только из-за данных им (евреями) подарков... (4, 19). Наконец, когда глубокопочтимоу рабби Иоханану сообщили о завоевании Вавилонии магами, он упал в обморок при мысли об участи, ожидающей евреев; но, когда ему сказали, что маги охотно берут взятки, он сразу успокоился (Талмуд, *iebamoth*, 63 b — Евр. Энци. V, 25). Характерный анекдот!

Любопытно, что в то время, как с точки зрения нынешнего читателя, факт неполной надёжности евреев относительно исполнения ими государственных законов кажется самым тяжёлым обвинением прошив них, антисемитов древности эта особенность евреев не поразила. Дело в том, что для древних религия была государственным установлением — определённой границы между религией и моралью не было; поэтому, с их точки зрения, было естественно, что человек, исповедующий не ту религию, которая принята государством, должен и жить по иным законам. Действительно, кроме эдиктов Ксеркса и Птолемея IV

в греческих дополнениях к книге «Эсфири» (2, 4) и в так наз. III кн. Маккавеев (5) — апокрифических, но характерных для раздававшихся против евреев обвинений — я могу вспомнить только одно место — ст. 100 четырнадцатой сатиры Ювенала — где евреям вменяется в вину нарушение государственных законов: «Они постоянно пренебрегают римскими законами и чтут еврейское право».

Выработавшейся у евреев диаспоры особенностью было, с одной стороны, умение быстро ориентироваться в новой обстановке и приспособиться к ней; с другой, исключительное упрямство в стремлении к достижению лучших жизненных условий — «Unnachgiebige Zähigkeit», по квалификации Моммзена (ос 492). Выше (стр. 121 сл.) мы уже указали на те причины, которые заставляли евреев с большей энергией стремиться к занятию видного служебного или экономического положения, чем другие национальности. И именно потому, что несмотря на эту энергию, евреям по причине правительственного и общественного антисемитизма лишь крайне редко удавалось добиться видного положения в государстве, «мечта о чине» становится излюбленной мечтой, своего рода *idée fixe* еврейской интеллигенции. Почти каждое литературное произведение послемаккавейской эпохи имеет излюбленным героем еврея, занявшего видное положение в «языческом» обществе: книга «Эсфири» — Мардохая и Эсфирь, книга Даниила — Даниила, греческая псевдоэпиграфическая книга Эздры — Зоровавеля, в легенде, лёгшей в основу так наз. III кн. Маккавеев, как мы узнаём из Иосифа Флавия (с. Ар. II, 5), такой героиней первоначально была еврейка — наложница Птолемея Итака. В той же III кн. Маккавеев автор мечтает о том, как евреи «достигли большой власти среди врагов, стали предметами почитания и страха» (7, 21).

Эти особенности характера евреев античной диаспоры явились главным пунктом обвинения для исследователей нашего времени, пытающихся создать новый «психотипологический» антисемитизм. Так напр., Эд Мейер (G. rí. A. III, стр. 216) говорит: «Евреи получили возможность приспособляться ко всякому положению дел и извлекать из него прибыль: это было законное преимущество, которое Иегова уже теперь дал своему народу в его соперничестве с язычниками. Евреи во всех областях показали себя ловкачами, умеющими достигать успеха в жизни; особенно пригодными оказались они к придворной службе. Если им не препятствовали соблюдать их религию и вести свой особенный образ жизни, то они оказывались вполне подходящими во всяком деле и к тому же на них можно было вполне положиться, так как... их интересы вполне совпадали с интересами правительства. Таким образом, нужно считать вполне естественным, что вместе с еврейством пришёл в мир и антисеми-

¹ пзм» . После сказанного мною читатель сам увидит, что верно и что неверно в этой тираде; обращу внимание только на то, что античные антисемиты вовсе не удостоили своим вниманием тех черт еврейского характера — приспособляемости и упорства в жизненной борьбе, которые привлекли всё внимание нынешних учёных. Что делается внутри еврейства и что содействовало успеху евреев в жизненной борьбе, их не интересовало — их интересовал только результат этого процесса. Не еврейская ловкость возмущала их, а «еврейское нахальство», то что евреи, достигшие видного положения, не только не скрывали, а даже выставляли напоказ своё еврейство (выше стр. 113 слл.). О ловкости евреев в жизненной борьбе мы ничего в античной антисемитской литературе не слышим.

Зато много внимания в античной литературе было обращено на еврейскую сплочённость. Я уже указывал на то, что мы найдём ключ к антисемитизму, если будем рассматривать еврейство древности, не как религиозную секту, а как национальное государство без территории. То, что такое понимание психологически правильно, видно хотя бы из того, что еврейские общины и только еврейские общины носят название «*народа*» (*laos*) и, наоборот, никогда не называются, как обычно другие национальные общины, «сообществом» (*synodos*). Далее, во всей еврейской литературе, вплоть до Иосифа Флавия (с. Ар. III, 17), религия понимается, как закон, и притом не только как религиозный, но как общий, аналогичный государственному, закон (ср. P. Kriiger, о. с. 20). Равным образом и «мировое государство (*polls*) праведников» Филона - его «милым Богу государственным устройством» (*politeia*) есть только переделанное на философский лад с искусственным исключением национального характера еврейское мировое государство без территории: это видно из того, что несмотря на внациональный характер этого мирового государства, в нём обрезание является важнейшим и обязательным для всех законом . Как мы видели выше (стр. 83), евреи старались по возможности устраиваться так, чтобы иметь собственное общинное устройство и жить по своим «аконам; где это не удавалось юридически, так было фактически, так как государственный принудительный аппарат не в состоянии был сделать брешь в прекрасно закалённой психологии евреев. Евреи всего мира чувствовали себя единым целым: так, например, когда Агриппа II хотел удержать евреев Палестины от борьбы с римлянами, он настоятельно подчёркивал в своей речи, что палестинские евреи должны принять в расчёт не только ту опасность, которая вследствие такого поведения угрожает им, но и опасность, угрожающую евреям, живущим в фугих государствах . Во время осады Иерусалима к евреям

Ср. также Моммзен, V. 492.

Вертолет, о. с. 337, а также 283, 289. 302.

Ср. M. Friedlander, oc. 11.

пришло на помощь множество их единоплеменников не только из сферы римского владычества, но и из стран, лежащих по ту сторону Евфрата (Dio Cass. fr. 109 R §4) и т. д. и т. д. **Именно ввиду отсутствия внешней принудительности сплочение это было гораздо более крепким, чем сплочённость граждан уже разложенного индивидуализмом эллинистического государства . Помимо тех обязанностей, которые налагало на евреев человеколюбие по отношению ко всем людям, у них ещё был ряд специальных обязанностей по отношению к соплеменникам.** В нравоучительной книге «Товит» этот праведник рассказывает о себе: «Я был добросердечен к моим братьям и к моему народу» (1, 3). «Если я видел, что кто-нибудь из моих соплеменников умер и выброшен за стены Ниневи, я хоронил его» (1,17). Благотворительность и широкая помощь бедным внутри еврейских общин обращала на себя внимание эллинского мира. Наиболее яркие римские антисемиты — Цицерон и Тацит — обращают внимание первый (proFlacco с. 28) — на единодушие в еврейской среде (quanta concordia), второй (Hist. V. 1) — на непреклонную верность слову и сострадание к ближним внутри еврейских общин (apud eos). В Pap. Ox. IX 1205 (291 г. по Р. X.) еврейская община в Оксиринхе жертвует огромную сумму (14 талантов = 28 тыс. руб. зол.) на выкуп еврейки с детьми, бывшей в рабстве у язычников.

Это еврейское государство без территории, эта сплочённость, солидарность и тесная кооперация вызывали сильнейшее недоверие и страх в античном обществе. Признание за государством без территории права на существование, трудное дело урегулирования его отношений с территориальными государствами — это вопрос, к разрешению которого человечество не приблизилось и ныне. Даже для нынешних исследователей эта особенность евреев эллино-римской диаспоры есть предмет недоверчивого возмущения и мишень для враждебных выпадов. «Еврейские колонии в больших греческих городах стали опасной силой для нееврейской части граждан», — говорит, например, Штегелин (о. с. 32). «Борьба шла не по вопросу веры, а за власть: еврейское церковное государство, как центр еврейской диаспоры, не уживалось с принципом безусловности (?) светского государства», — говорит Моммзен (о. с. 542). Подобного рода замечания мы найдём чуть ли не в каждом труде по нашему вопросу.

Евреи, обречённые постоянно жить и действовать среди иноплеменников, конечно, сами были больше всего заинтересованы в том, чтобы наладить с ними мирные и дружественные отношения; как мы видели в первой части, они всегда готовы были идти на все мыслимые уступки, лишь бы найти какой-ли-

* Ср. Kortum, Ueber Judentum und Juden. 1795, 165:

«В самом деле, еврей древнего времени никогда не выступал как изолированный индивидуум, но всегда как член обширнейшей в мире торговой (?) компании».

бо компромисс между тем и другим «патриотическим долгом». Однако полная необычность, полная единичность их положения заставляла соседей относиться к ним с недоверием: из соединения оборонительного характера еврейская община в глазах антисемитов превращалась в наступательную: 1) направленную на причинение вреда всем иноверцам и 2) имеющую целью захват в еврейские руки власти над всем миром .

Взгляды древних, будто еврейство проникнуто враждой к иноземцам (*misoxenia, misanthropia*), сопоставлены много выше, в I части на стр. 80 .

Не менее обычен в древней литературе взгляд, по которому всемирное еврейство представляет собой, несмотря на свою скромную внешность, страшный «всесильный кагал», стремящийся к покорению всего мира и фактически уже захвативший его в свои цепкие щупальцы. Впервые такой взгляд мы находим в I в. до Р. X. (fr. 5. R) . «Еврейское племя сумело уже проникнуть во все государства, и нелегко найти такое место во всей вселенной, которое это племя не заняло бы и не подчинило бы своей власти». Цицерон в своей речи pro Flacco с. 28 говорит с аффектированным ужасом: «Ты знаешь, как сильна эта шайка (т.е. евреи), какая между ними солидарность, каково их влияние в народных собраниях. Я буду говорить поэтому вполголоса, чтобы меня слышали только судьи»... Сенека (fr. 145 R) говорил: «Побеждённые (т. е. евреи) диктуют свои законы победителям» — впрочем, он имел, по-видимому, в виду лишь религиозную область, а не политическую и экономическую. И в еврейской литературе мы находим следы этого брошенного евреям

* Ввиду того, что религиозно-нравственные воззрения древних евреев были не онтологическими, а филономическими, т. е. объектом нравственных обязанностей был не отдельный человек, а весь народ, то для еврейской теодицеи не было нужды ни в бессмертии души, так как народ, как целое, и без того бессмертен, ни в загробной жизни на небесах, так как царство справедливости может наступить когда-нибудь и па земле. Поэтому последним словом еврейской религиозно-нравственной пропаганды было messiанство. Если в жизни еврейства диаспоры мечта о пришествии Мессии и грядущем мировом еврейском царстве справедливости и играла самую скромную роль (Р. Крюгер, о. с. 46), тем не менее, несмотря на отсутствие прямых указаний, необходимо предположить, что messiанские чаяния еврейства были одной из главных причин обвинения евреев в политической неблагонадёжности и стремлении к мировому господству: как мы видели выше антисемиты в своих целях тщательно штудировали Библию, поздние части которой наполнены мечтами о пришествии Мессии.

Хотя апостол Павел и вышел из среды еврейства, но его указание (поел, к Фессалоникийцам. 1, 2, 15). что евреи враждебны (*enantioi*) ко всем людям, не может служить аргументом в пользу того, что так оно и было в действительности. Павел посвятил себя борьбе с еврейством (он постоянно пропагандирует в синагогах) и, конечно, в полемическом задоре не упускал случая использовать всякое ходкое обвинение против евреев.

*** Уже выше я показал (стр. 68), что в этом случае обидим источником Страбона и Цицерона был Посидоний Арамейский, который, следовательно, и ввёл впервые в обиход это обвинение.

обвинения. В книге «Юдифь» персы говорят (10, 19): «Не следует оставить ни одного из евреев в живых; они таковы, что если им дать волю, они перехитрят весь мир».

Но особенно интересна в этом отношении поэма Рутилия Намациана «De reditu suo», написанная в V в. по Р. Х. Так как здесь группированы и резюмированы все обвинения, раздававшиеся в древности против евреев, невосприимчивость к красотах природы, необщительность и партикуляризм, корыстолюбие, дикость их религиозных обрядов, узость («холодность»), демократическая пропаганда и наконец, как заключительный аккорд — покорение всемогущим кагалом античного мира.

*За город выйдя, тотчас мы вступили в тенистую рощу,
Между деревьев её видим пленительный пруд.
Рыбок весёлые стаи водились в пучинах прозрачных:
Ярко на солнце блестя, бойко резвились они.
Но наслажденье природой внезапно прервал арендатор,
Более злобный к гостям, чем людоед Антифат.
Был он евреем, ворчливым и злым: никогда с человеком
Вместе не сядет за стол эта проклятая тварь!
Счёт представляет он нам за помятые травы и лозы:
Каждую каплю воды в крупную сумму зачёл.
Мы проклинаяем в ответ непотребное племя евреев,
Что над собою творит гнусный, бесстыдный обряд.
Глупых теорий источник, с холодной сибботой на сердце —
Сердце же ещё холодней самой религии их.
Каждый седьмой они день пребывают в позорном бездельи, —
Вялый, ленивый их Бог в этом им деле пример.
Прочие выдумки их — лишь рабов легковёрных утеха:
Умный ребёнок — и тот им бы поверить не мог.
Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покоряло совсем нам иудейской страны!
Вырвав из почвы, заразу по белому свету пустили, —
И победитель с тех пор стонет под игом раба.*

КОНСЕРВАТИВНЫЕ И РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЕВРЕЙСТВЕ

(Напечатано в сборнике «РОССИЯ И ЕВРЕИ».
Берлин. 1924 год. Изд-во «ОСНОВА»)

Видная роль, сыгранная некоторыми евреями в революционном движении, охватившем восточную и среднюю Европу в 1917 и 1918 годах, и, в особенности, значительное участие евреев в большевистском правительстве России, поставили вновь на очередь немало и ранее трактовавшуюся тему об особой «революционности» евреев. Не только отдельные лица, не только некоторые группы еврейства, но весь еврейский народ обвиняется в разрушительных тенденциях по отношению к государственности, которую принято называть «христианской». Если раньше антисемитская литература утверждала, что еврейство, как инородный элемент, проникнувший в христианское общество, поневоле должен подтачивать основы христианской культуры и морали уже в силу одного того, что еврейский «дух» существенно отличен от христианского и что это проявилось, между прочим, в создании евреями некоторых социально-политических «теорий», осуществление коих *грозит* гибелью христианскому государству, то с появлением евреев на руководящих позициях при большевистском перевороте в России, в революционном движении в Германии, в коммунистической диктатуре в Венгрии, не только исконные антисемиты, но и значительные группы дотоле неповинной в антисемитизме интеллигенции пострадавших от революции стран усмотрели в «еврейских вождях революции» подтверждение субверсивных качеств еврейского народа. Более того, в чем усмотрели наличие *умысла*, направленного к разрушению современных государств, умысла, объясняемого противоположением еврейства христианству. Для чего нужно евреям это разрушение? Ясно — для того, чтобы на место разрушенного христианского поставить своё, еврейское государство, для того, чтобы захватить власть над христианами, а затем и над всем миром, установить мировое еврейское господство. Кстати, на европейском книжном рынке появилась и шумела переведённая с русского книжонка «Протоколы сионских мудрецов».

Хотя и очевидно для всякого неглупого читателя, что эта нелепая и злостная фальсификация, хотя и доказана евреями и не-евреями, что автор (некий Нилус) использовал для своих «протоколов», как источники, никакого отношения к евреям не имевшие, так и плоды фантазии немецкого бульварного романиста шестидесятых годов прошлого столетия Джона Регклиффа (псевдоним), изобразившего в одном из своих творений, как раввины всех стран собираются ночью на пражском еврейском кладбище и обсуждают план захвата власти над ми-

ром, тем не менее, «публика» продолжает верить протоколам и, ссылаясь на имена Маркса, Лассалья, Троцкого, Бела-Куна и пр. пр., как на бесспорное доказательство того, что автор протоколов предвидел и предсказал события, горячо обсуждает, какие меры следует принять, чтобы защитить не правопорядок и цивилизацию от варваров, именующих себя коммунистами — а христианский мир от еврейства.

Если о наивной части этой христианской публики можно сказать только то, что некогда сказал Иоган Гусе о старушке, подбросившей и свою охапку дров в заготовленный для него костёр: «Sancta Simplicitas», то как отнестись к тем евреям, которые в поисках объяснения того же факта участия евреев в революционном движении пришли к тому же заключению — об особом предопределении евреев изобретать теории радикального переустройства мира и осуществлять их путём революции. О, конечно, эти евреи не верят в протоколы сионских мудрецов и в злой умысел еврейского народа захватить власть над миром в свои руки! Эти евреи усматривают в бреднях «Протоколов» злой умысел антисемитов искоренить еврейство! Но они сами в большей или в меньшей степени не прочь устроить мир на новых началах и верят, что революция есть шаг по пути осуществления царства Божия на земле и они, уже не в осуждение еврейского народа, а в похвалу, приписывают ему роль вождя народных движений за свободу, равенство и социальную справедливость, вождя для достижения этой высокой цели, конечно, не останавливающегося перед разрушением существующего государственного и социального строя. Если взять, для примера, имевшую довольно большой успех книгу Фрица Кана Die Juden als Rasse und Kulturvolk (2. Aufl. 1921, Weltverlag), то мы находим в ней, что Моисей за 1250 лет до Христа первый в истории провозгласил право человека, что «Христос заплатил смертью за проповедь коммунистических манифестов в капиталистическом государстве», что в «в 1848 году вторично взошла виффлеемская звезда, и опять она взошла над крышами Иудеи: «Маркс», что «уже сегодня (в 1921 году) по громовому ходу событий возможно предчувствовать, что наступит новый день человечества, в котором гений социальной идеи, как Феб-Аполлон, правит солнечными конями истории», что «Моисей, Христос и Маркс — три представителя специфической расы и расовых особенностей», что «вождём мессианского идеала счастья человечества является Лассаль» и что «по его путям и за его знамёнами идёт в наши дни легион еврейских революционеров, служивших в течение десятилетий делу свободы в России, известными представителями коих в западных странах явились Эйснер, Люксембург, Левине, Толлер, Ландауер, Самуэли и многие другие».

Мы ссылаемся на книгу Кана не потому, чтобы она блистала особыми достоинствами, а потому, что она типична для воззрений многих евреев-интеллигентов и полуинтеллигентов, которые, следуя по старому пути апологетики еврейства как «избранного» народа, находят новые, так сказать, модные доказательства этого, в «заслугах» евреев перед

свободой, социализмом и революцией. Это старая погудка на новый лад. А за этими евреями поют революционному еврейству такие же дифирамбы и кое-какие друзья евреев из христиан, как например, неизвестный публицист Амфитеатров. В двух брошюрах «Еврейство и социализм» и «Еврейство как дух революции», претендующих на глубину и учёность и тем не менее носящих явно фельетонный характер. Амфитеатров (постоянно переходя от описания исторических судеб еврейства к полемике с правящими сферами России того времени — 1906 года) обосновывает и доказывает революционно-социалистическое призвание еврейства: 1) «Второзаконием», якобы дающим программу социализма в теократической оболочке; 2) Книга «Эсфирь», из которой будто бы видно, что евреи действительно готовили революцию против царя Агасфера, что было «учуяно» Гаманом, «фон-Плеве Персидской монархии»; 3) голословной ссылкой на то, что всякая государственная власть, выходящая из их среды, глубоко евреям противна и вызывает ропот и протесты от первого момента своего возникновения до последнего момента своей гибели, хотя в то же время они, евреи, обладают необыкновенную способностью влюбляться в разных стихийных людей чужой власти — пророк Иеремия в Навуходоносора, Гейне в Наполеона и т. д.; 4) пророками, причём ссылка делается почему-то только на того же Иеремию — «знаменитого пророка нищеты и отчаяния и великого страдальца»; наконец, 5) конечно, тем, что Лассаль и Маркс оба были евреями, как это подтверждает «старый еврей-идеалист» в милом, полного грустного юмора рассказе нашего дорогого товарища беллетриста Айзмана: «прежде мир имел себе одного Бога, а наш век имеет двух: Лассаль и Маркс, и оба они — *наши*, евреи». Ясно, что если старый еврей-идеалист у беллетриста Айзмана приравнял Лассалья и Маркса к Богу, то лучшего доказа гельства, что еврейство полно революционно-социалистического духа, не требуется.

Но почему же евреи преисполнены такого духа? Очень просто: они, по мнению Амфитеатрова, никогда не были довольны ни одним правительством, под власть которого их отдавала историческая судьба, они не могут быть довольны и не будут, потому что идеал совершенной демократии, заложенной в их душе, нигде ещё не был осуществлён... А как же быть с тем неоспоримым фактом, что есть немало евреев-капиталистов, отнюдь не заинтересованных в идеальной демократии, социализме и революционных переворотах? На это Амфитеатров отвечает: «социалист по натуре, социалист до мозга костей, еврей на целые века вынуждался законом самосохранения завёртываться в грубо буржуазные оболочки — настолько грубо и ловко, что возникали даже целые учения, целые социологические теории о врождённой буржуазности, как типическом расовом признаке еврейства». Но «краски чуждые с годами спадают ветхой чешуёй», и в голосах Лассалья, Маркса, в *революционных* действиях русско-еврейских вождей освободительной эпохи «мы слышим неизменными вопль старых эбионитов, громы Исайи, плач Иеремии, благородную уравнительную утопию Гиллеля и Ии-

суса». «Да. — восклицает Амфитеатров, — еврейство в мире не только нация, раса, религиозное сообщество, оно и социальная партия». И, сопоставляя еврейство с христианством, приходит к заключению, что «Павлово христианство вошло в мир, чтобы выработать союзы, теорию и этику буржуазного строя», а иудейство со всеми его потомственными подразделениями в религиях и философии «осталось жить и терпаться в мире, чтобы сохранить ему социализм».

Конечно, опровергать эту ахинею по существу не стоит. Скажу только, что если бы фактическая сторона, изложенная здесь Амфитеатовым, соответствовала действительности, то восторги, сочувствующего революции и социализму Амфитеатрова, могли бы смениться у лиц, не разделяющих этого пристрастия к социализму и революции, негодованием против еврейского народа, который с одной стороны, так густо и ловко завёртывается в грубо буржуазные оболочки, что вводит исследователей в заблуждение относительно врождённой своей буржуазности, а с другой стороны, так незаметно и в то же время ретиво подготавливает социальную революцию. Сомневаюсь, однако, чтобы у самого Амфитеатрова, после того, как и над ним был проделан большевистский опыт, остались те же взгляды на всеспасительность социализма и революции, на самим Богом евреям завещанную роль быть вождями таковых и даже на целесообразность революционных действий «русско-еврейских вождей освободительной эпохи». Как бы то ни было, и господину Амфитеатрову, и прочим своим апологетам еврейство должно было бы ответить цитатой из русского писателя, известной даже таким русским евреям-националистам, которые ныне воспрещают на своих собраниях выступать с речами на русском языке: «услужливый дурак опаснее врага». Как этим своим апологетам, так и своим врагам-хулителям, еврейский народ должен был бы сказать словами героя драмы Расина: «Te ne merite ni cet excès d'estirne, ni cette iniquité».

Разве можно говорить о политическом мировоззрении, о политических и социальных тенденциях целого народа? Разве можно обвинять французский народ в радикализме, потому что он в своё время сотворил так называемую «великую революцию»? Или признать английский народ особо революционным на том основании, что он, ещё ранее французского, отрубил голову своему королю? Разве не обвиняют теперь радикальные политики французский и английский народы в чрезвычайном консерватизме? Разве не учит история, что народные массы в общем инертны, а потому скорее консервативны, чем радикальны? Разве не ясно, что народ не составляет одного целого, а складывается из разных слоев и элементов, интересы и взгляды которых коренным образом расходятся, и в разное время и при разных обстоятельствах проявляют наклон то в одну, то в другую сторону? Разве русский народ не явил миру, после того, как в нём царствовали в течении многих столетий под сенью автократии «тишь и гладь», картину господства черни и анархии? На это, однако, как мы видели, хулители и апологе-

ты еврейского народа возражают, что последний, будто бы, в отступление от общего правила, во все времена и при всех обстоятельствах проявлял именно разрушительные тенденции. И так как они ссылаются на факты еврейской истории и жизни еврейского народа, то приходится привести такие, как они были и есть в действительности, а не в тенденциозном освещении.

Если послушать многих нынешних евреев-интеллигентов, то евреи всегда были если не республиканцы, то, по крайней мере, демократами. Они себе и представить не могут — и как это еврей может быть монархистом. Но если обратится к священной для евреев книге — не только в религиозном, но и в культурном смысле — к Библии, то оказывается, что самая монархия, не в смысле восточной деспотии, а в смысле современном, выдумана никем иным, как евреями, от которых эту идею и унаследовал христианский мир. Монарх не избирается народом. Он назначается самим Господом Богом, вследствие чего представляет самодовлеющую величину, независимую от народа. Он — вождь народа, монарх Божьей волею, Божьей милостью. Пророк Самуил говорит Саулу: «прикажи слуге уйти вперёд (и тот ушёл), а ты постой немного, и я возведу тебе слово Божие». «Тогда взял Самуил сосудец с елеем, излил на главу его и сказал: вот этим помазал тебя Господь в цари над своим наследием». Когда же Саул разгневал Бога, то Господь сказал Самуилу: «Доколе ты будешь печалиться о Сауле, когда я уже признал его недостойным царствовать над Израилем. Наполни рог твой елеем и ступай, я пошлю тебя к Есею-вифлеемлянину, ибо я усмотрел себе царя между сынами его». Во исполнение сего Самуил «взял рог с елеем и помазал младшего из сыновей Есея Давида — и стал споспешествовать дух Господень Давиду с того дня и потом».

Отсюда ведёт своё происхождение, принятый преемственно и христианскими народами, обряд коронования и помазания царя. Царь становится Божьим помазанником, особа его становится священной; к нему, как к помазаннику Божию, никто не смеет прикасаться. Сам он должен исполнять законы Божий, быть справедливым и добрым, быть отцом своего народа, за неисполнение этого не только он сам отвечает перед Богом, но отвечает и вверенный ему, как верховному вождю, народ. И не взирая на то, что Ветхий Завет рассказывает и о гражданских войнах еврейского народа, и о дворцовых переворотах, и о разделении еврейского царства на два государства — иудейское и израильское — всё же, пока евреи жили собственной государственной жизнью, эта жизнь протекала под знаменем *монархии*.

Если обратиться к политическим взглядам иудео-христианства (ибо таковым было первоначальное христианство), то достаточно вспомнить изречение Христа: «воздайте Кесарю кесарево» и, в особенности, апостола Павла: «власти придерживай да подчиниться всякая душа, несть бо власти, аще не от Бога», чтобы сказать, что искать в христианском учении подтверждение политического радикализма или антигосударственных наклонностей еврейства во всяком случае нет

никакой возможности. Христианский социализм сводится ни к чему иному, как к аскетизму: проповеди отречения от земных благ в видах приобретения вечного блаженства. Отыскать в этом учении какие-либо точки соприкосновения с социализмом последних веков, стоящими во главу угла уравнение всех в приобщении *к жизненным благам*, значит умышленно или по непониманию исказить истину.

Ещё менее «от социализма» в «уставах» и «законах» Ветхого Завета, основанных на правде и справедливости. Классовой точки зрения Ветхий Завет не признаёт и, хотя и проявляет должную заботу о пришельце, вдове, нищем и бедняке вообще, однако провидит, что «нищие всегда будут среди земли» (Второзак. гл. 15 стих II) и требует нелюбимого приятного суда не только в том смысле, чтобы не угодить «лицу великого», но и в том, чтобы «и нищему не благоприятствовать в тяжбе его» (Исход, гл. 23 стих 3-ий и Левит гл. 19 стих 15). Что Моисеево законодательство определённо охраняет право собственности, это ясно не только из оснований заповеди «не укради», но и из целой сети правил, нормирующих институты договорного и имущественного права. Так нормируются договоры поклажи займа и залога (Исх. гл. 22), наследование (Второзак. гл. 21 стихи 15-17), находка (Второзак. гл. 22 ст. 1-3) и пр. пр., до права собственности на землю включительно: «не передвигай межи ближнего твоего, которую положили предки в уделе твоём» (Второзак. гл. 19 ст. 14). К тому же Моисеево законодательство знает и признаёт, хотя и в смягчённой форме, институт *рабства*. Так уж где уж тут говорить о социализме!

Откуда же взялось у любителей «социализма» убеждение о близости учений Ветхого и Нового Заветов к уравнивательным теориям и проповеди вождей утопического и исторического социализма. Надо полагать, это объясняется тем, что этика, как Ветхого Завета, так и Евангелия, как и всякая другая, впрочем, этика, исходит из положения «люби ближнего, как самого себя». Она учит добру, справедливости и вообще человеколюбию. И так как «любители социализма» видят в последнем высшее проявление правды и добра, то она более или менее добросовестно относится к социалистам и всех тех исторических и даже легендарных деятелей, которые заповедали миру искать правды («правды, правды ищи» — Второзак. гл. 16 ст. 20) и делать добро («научитесь делать добро: стремитесь к правосудию, спасите угнетённого, заступитесь за сироту, явитесь защитником в деле вдовицы» — Исая гл. 1 ст. 17). К тому же не помешает подкрепить современные спорные теории переустройства мира ссылками на признанные человечеством авторитеты. — Таким образом и попали Моисей, Пророки и Иисус Христос в предтечи Маркса и Лассаля.

Никаких антигосударственных тенденций не могло быть и не было у евреев и в рассеянии, в средние века. В то время евреи были аполитичны, что совершенно естественно, так как общегосударственная и общественная жизнь народов, среди которых они жили, шла от них особняком, вовсе, или почти вовсе, их не задевая. Насколько же были

в этом отношении исключения в мусульманских государствах, а также в Испании и Португалии, то отдельные евреи выступают как царедворцы, как близкие к правителям лица, поддерживающие государственную власть и иной раз ведущие за собою также еврейские массы, как например, в Кастилии, в защиту Педро Жестокого. Как в средние века, так и в наше время, у народных еврейских масс, проникнутых религией, в смысле политики можно констатировать только одно: признание преобладающих властей, находящее наружное выражение в вошедшей к богослужению «молитвы за царя», за главу того народа, среди которого евреи живут. В этом отношении небезынтересно, что ещё пророк Исаяя называет царя Кира Персидского (Кореш) «помазанником Божиим». Созданный в 16 столетии и приобретший огромный авторитет у евреев Шулхан-Арух (так сказать, конспект еврейского вероучения) обязывает верующих стремиться «узреть царя, не только царя Израиля, но и царя народов мира». В средние же века условия социальной жизни еврейских масс кладут основу тому порядку, который приводит еврейский народ в его целом к такому консерватизму, которого не знают другие народы. Отчуждённость от жизни других народов, вытекающая из религиозных взглядов, стойкая приверженность к своей древней религии, цементирующая еврейство, как особую от других нацию, инстинкт национального самосохранения, проявляющийся в почитании всего своего и в недоверии ко всему чуждому, столько же, как и постоянные преследования со стороны народов, среди которых евреи живут в диаспоре, приводят к тому, что жизнь еврея в 17 и даже в начале 18-го столетия почти ничем не отличается от жизни еврея в 12 столетии. С другой стороны, условия жизни гетто обратили евреев в инертную, почти однородную массу в экономическо-социальном смысле. Все они занимаются мелкой торговлей и изредка теми ремеслами которые им, по тогдашним законам, доступны. Лишь немногие успевают накапливать богатства, но так как условия жизни у богатых евреев почти ничем не отличаются от условий жизни еврейской массы, то никакого социального расслоения не происходит. Только с конца 18-го века, когда евреи в Германии начинают приобщаться к общеевропейскому просвещению, и с начала 19-го века, когда они эмансипируются во Франции Наполеоном, те или другие, усвоившие общеевропейские культурные начала, евреи начинают интересоваться политическими вопросами, начинают принимать участие в общественной и политической жизни страны. Впрочем, предтечей в этом отношении был великий мыслитель Барух Спиноза, который ещё в конце 17-го века, живя в свободной и толерантной Голландии, написал, между прочим, «политический трактат». И тут нельзя не заметить, что отнесение Спинозы к радикально-политическим мыслителям является несомненным недоразумением. Наоборот, хотя Спиноза в окончательном выводе и высказывался за республику (не забудем, что Голландия в которой он жил, была именно республикой), однако только потому, что одному человеку не под силу нести бремя государственной власти. В то же время он

указывал, что опыт приводит к убеждению в необходимости, ради заботы о мире и согласии, передать власть одному человеку. Ни одно царство, говорит республиканец Спиноза, не существует так долго, как турецкое, ни одно государство не было менее прочным, чем государство народные или демократии. Мало того, про Спинозу можно сказать, что он прямой преемник взглядов апостола Павла о повинности «предержавшей власти». Будучи абсолютным позитивистом, отрицая естественное право, основанное на разуме вещей, и, понимая право только как проявление государственной власти, он признает за последнюю (в теологическом трактате, глава 16) абсолютное право действовать по своему усмотрению, не связанное никакими нормами, и требует от граждан безусловного повиновения государственной власти. Насколько трезво смотрел Спиноза на политические вопросы и насколько его взгляды отличаются от всякого рода фантастических проектов переустройства человеческого общества, видно из того, что, по его мнению, «без государства и принудительной его власти можно было бы обойтись только в том случае, если бы все люди руководствовались только разумными соображениями и не обладали никакими страстями».

Как уже было сказано, с конца 18 и с начала 19 столетия евреи общаются к общеевропейской культуре и тут поневоле вступают на путь политики, так как встречаются с тенденцией оставить их в бесправии и им приходится бороться за свою эмансипацию. Было бы, однако, ошибкой считать, что на бесправии евреев настаивала монархическая власть. Ещё в средние века, как это известно всякому знакомому с еврейской историей, единственными почти заступниками за евреев являлись императоры и короли, а в некоторых случаях и папы, противниками же их выступали, главным образом, представители бюргерства, видевшего в евреях опасных конкурентов. То же явление наблюдается и в начале 19-го столетия, причём ходатаем за бюргерство выступает всесильная по тому времени бюрократия. Вот характерный пример. В 1806 году Моисей Кац, Schutzjude из Ротвейля просит разрешения у Вюртембергского правительства принимать участие в публичных торгах на продаваемые за долги недвижимые имущества. Ходатайство это отклоняется всеми инстанциями и в конце концов доходит до короля Фридриха Вюртембергского, рескрипт которого от 31-го октября 1807-го года гласит так: «Его Королевское Величество рассмотрел всеподданнейший доклад королевского министерства от 27-го октября сего года касательно прошения еврея Моисея Каца из Ротвейля о Высочайшем разрешении приобретать продаваемые за долги имущества и никак не может разделить боязливых опасений, высказанных как вторым сенатом королевской обер-юстицколлегии, так и королевским государственным министерством, которые при этом руководствуются старыми законами, действовавшими только в некоторой и притом незначительной части государства и основанными, главным образом, на нетерпимости, предрассудках и ошибочных воззрениях того времени.

Всякий, кто в состоянии застраивать земельные участки, к какому вероисповеданию он ни принадлежал, ежели он королевский подданный или пользуется правами такового, должен иметь право обладать недвижимостями в государстве, и Его Величество желает, чтобы прошение означенного еврея Каца было разрешено в благоприятном смысле. В общем же, Его Королевское Величество полагает, что он не слишком многого требует, высказывая надежду, что королевское министерство в будущем отрешится от предубеждений, царивших в старом Вюртемберге, и в докладах своих будет руководствоваться принципами, отвечающими духу высшего просвещения и прогрессивно-целесообразного управления государством». Другой, ещё более характерный пример даёт история России. Я имею в виду отношение к евреям императрицы Екатерины II. Как много о ней ни писали, однако её образ, вероятно, для многих остаётся ещё не вполне ясным. Немало русских интеллигентов, проходя мимо её памятника в сквере против Александрийского театра, думало, что, собственно говоря, ей не за что было поставить памятник, и что она удостоилась его потому, что император Александр II приходился ей правнуком. При этом, конечно, вспоминали об убийстве императора Петра III, о многочисленных любовных похождениях императрицы, вообще, о её «безнравственности». Между тем, это была одна из самых замечательных и выдающихся женщин, которых знает история. Если вспомнить, что Екатерина, в девичестве принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербтская, была дочерью состоявшего на службе у Фридриха II маленького князька, не сумевшего даже дать ей поверхностное образование (она не умела грамотно писать ни на одном языке и даже по-немецки постоянно путала «mich» и «гнig»), и сопоставить это с тем, что она не только пробила себе дорогу к престолу обширнейшего в мире государства, но и фактически управляла этим государством и возвеличила его, по признанию всех выдающихся современников, не исключая революционеров её времени — французских энциклопедистов, то поневоле приходится перед нею преклоняться. Между прочим, Екатерина II вскоре после восшествия на престол решила вызвать в Россию колонистов, в особенности для южных губерний, с целью оживления торговли, промышленности и земледелия. Для этого именным указом от 22 июня 1763 года была создана «Канцелярия Опекунства Иностраных», во главе которой императрица поставила наиболее близкого ей человека, Григория Орлова. И вот, наперекор всем существовавшим в её время предрассудкам, она решила включить в число этих «иностраных» также евреев. Однако открыто это высказать она опасалась, зная культурную отсталость той среды, которая её окружала, предрассудки по отношению к евреям. Вследствие этого, только гораздо позже, в ноябре 1769 года, в указе киевскому генерал-губернатору Воейкову впервые было официально разрешено евреям поселиться во вновь созданной Новороссийской губернии. До того же это намерение императрицы пустить в Россию евреев выразилось, так сказать, в заговоре её с приближёнными лицами,

отразившемся в переписке с рижским генерал-губернатором Брауном, в коей всему делу и был придан конспиративный характер. В письме, доставленном Брауну секунд-майором Ртищевым, значилось: «Когда от канцелярии опекунства будут рекомендованы некоторые иностранные купцы Новороссийской губернии, то им разрешить проживание в Риге для производства торговли на таких же основаниях, как это дозволено законом купцам других русских губерний в Риге. Ежели, далее, эти купцы отправят для поселения в Новороссию своих приказчиков, уполномоченных и рабочих, то выдавать им для безопасного пути, *независимо от их вероисповедания*, надлежащие паспорта и давать им провожатых. Ежели, наконец, из Митавы прибудут три или четыре человека, которые пожелают отправиться в Петербург из-за требований к казне, то выдать им паспорта, *без указания их национальности и не наводя справок об их вероисповедании*, а обозначить в паспортах только их имена. Для удостоверения своей личности эти люди предъявят письмо находящегося в Петербурге купца Левина Вульфа. К этому письму императрица сделала следующую приписку на немецком языке: «Wenn Sie mir (sic!) nicht verstehen, so vvird es meine Schuld nicht sein. Dieseji Brief hat der President von der Protektions-Canzelley selber geschrieben, halten Sie dieses alles geheim».

Таким таинственным образом начато было водворение евреев в России. Как видно, самодержавие Екатерины II не лишало её необходимости очень и очень считаться с мнением и вкусами окружающих её лиц и даже широких масс русского народа, для которых «жиды» все оставались «врагами христовыми». Поэтому в письме тщательно избегается даже слово «еврей». Однако Браун, очевидно, понял желание Екатерины, или же ему объяснил его на словах Ртищев. Последний был немедленно командирован в Митаву к русскому посланнику при герцогском дворе фон Симолину с секретным поручением и 7-го мая 1764 г. вернулся от Симолина с семью евреями. Евреи, которые водворялись в Новороссию, были митавские купцы — Давид Леви, Моисей Арон, Израиль Лазарь и рабочий Яков Маркус, к которым заботливая Екатерина не преминула присоединить раввина Израиля Хаима и его помощника Натана Абрама из Бирзена и даже моэля Лазаря Израиля, очевидно, в видах устроения религиозных потребностей будущей еврейской общины. 9-го мая эти евреи в сопровождении Ртищева были отправлены в Петербург, причём генерал-губернатор в сопроводительном докладе заявил, что он «не ручается за то, чтобы удалось в этом деле сохранить тайну, так как евреи прибыли в Ригу открыто и их отъезд, *насколько знает эту нацию, тоже едва ли будет сохранён в тайне*».

В приложениях к Бильбасовской истории Екатерины II есть ода, которую Шкловские евреи приветствовали Екатерину, когда она прибыла в их город в 1780 году. Ода на еврейском языке с переводом на русский и немецкий языки. Заключительная строфа гласит: «Ты дозволила нам проживать в твоей стране в мире и безопасности, под сенью

твоего благоволения и под охраной твоего скипетра, в согласии с природными жителями страны. Как и они, мы восхищаемся твоим величием, как и они, мы проникнуты бессмертием твоей славы, и, как они счастливы этим, что мы твои подданные». Также одою встретили Екатерину и Могилёвские евреи, и Полоцкие, последние устроили в её честь на реке Двине блестящую иллюминацию. Описывая в письмах к детям это своё путешествие, Екатерина с особым удовлетворением упоминает о чествовании её иезуитами и евреями. О иезуитах она впрочем говорит: «ah, qui'ly ena descoquins!», а о евреях, невзирая на их странную наружность и одеяние, она отзывается вполне одобрительно. Если вспомнить при этом, что в то время и ещё много позже, до сороковых годов 19-го столетия, рижско-немецкое бюргерство, имевшее европейский облик, вело борьбу за недопущение поселения евреев в Риге и за разрешение приезжающим на время в Ригу евреям проживать *только в одном заезжем доме* на московском форштадте, то можно оценить, насколько Екатерина II по широте взглядов и гуманности опередила своё время. И если бы русские евреи знали свою историю и жили правильной общественной жизнью, то надлежало бы 9-го мая 1914 года, в день 150-летия их поселения в коренной России, возложить венок к подножью бронзовой Екатерины, украшающий сквер перед Александрийским театром, ибо только одной Екатерине II они обязаны почином приобщения их к жизни коренной России. Но они не знали своей истории, и их детская общественность не тем была занята, так что они этого не сделали. Русские евреи оказались менее благодарными, чем еврейский народ вообще, который до сих пор с признательностью вспоминает и Кира Персидского, и Александра Македонского. Евреи в Австрии долго помнили своего благодетеля Иосифа II, а Наполеона I евреи всего мира прославляли и прославляют, как своего эмансипатора.

Как уже было упомянуто, с конца 18 и начала 19 столетия евреи приобщаются к жизни народов, среди которых проживают, и поневоле вступают на путь политики. В тех странах, как Англия, Франция и Италия, где евреев было сравнительно немного, эмансипация даётся легче, и тут мы евреев в оппозиции правительству и правящим классам почти не встречаем. Наоборот, в германских государствах, где евреев жило больше, как мы уже говорили, *стремление к равноправию встречает ожесточенное противодействие*, за что притесняемые представители еврейской интеллигенции привлекают к ответственности правительства и иной раз совершенно несправедливо монархическую власть. В результате, выступление видных евреев в роли вождей и застрельщиков оппозиции. Стоит вспомнить Берне и Гейне, из которых первый — выдающийся талантливый публицист — явился в 20-х и 30-х годах 19-го столетия проповедником либеральных идей и политической свободы в Германии, а второй — гениальный поэт и остроумный публицист — осыпал германское юнкерство и абсолютизм прусский и баварский градом насмешек и немало способствовал ниспро-

вержению царивших в Германии архаических порядков. В противовес этому нельзя не указать, однако, на выдающегося деятеля Германии, также как Берне и Гейне, крещёного еврея, приверженца ярко консервативных взглядов. Я говорю о профессоре Фридрихе Юлии Штале. Этот малоизвестный евреям деятель сыграл в своё время огромную роль в политической жизни Пруссии: он создал всю идеологию прусских монархическо-консервативных партий. Родился Шталь в Мюнхене в 1802 году, был, следовательно, сверстником Гейне, расцвет же деятельности Штала, как профессора и политика, пришёлся на сороковые и пятидесятые годы 19-го века, когда он сперва занял кафедру государственного права в Берлинском университете, а затем (в 1849 году) был назначен королём Фридрихом Вильгельмом IV пожизненным членом Прусской Палаты Господ и членом высшего Совета евангелического исповедания. Приняв христианство в 1819 году. 17 лет от роду, Шталь был, кажется, одним из немногих евреев, совершивших этот переход по убеждению. Трудно думать, чтобы христианско-ортодоксально-консервативное мировоззрение, которое он проводил последовательно в жизнь, с тех пор как вступил на общественно-политическое поприще, было только личиной, одетой для того, чтобы сделать карьеру. Наоборот, если вспомнить указанные уже факты создания еврейством монархии Божьей милостью и отношения христианства к преобладающей власти, то иудейским происхождением Штала и христианским его вероисповеданием объясняются его политические и социальные взгляды. По Шталю, человеческое общежитие зиждется на нравственно-интеллектуальных началах. Для утверждения этих начал существует организация, называемая государством. Она — учреждение человеческое, но основу и цели своего бытия находит в истинно-этическом Божьем царстве, с которым связана незримыми узами. Таким образом, всё учреждение государства покоится на божественном законе и тот же божественный закон делает обязательным для людей государственные институции: закон и государственная власть. Последняя осуществляется идеальнее всего в лице монарха, от Бога поставленного и перед одним Богом ответственного. Отсюда предпочтение, даваемое Шталем монархии, в которой вся суверенная власть находится в руках государя, всем другим формам правления, не исключая парламентской монархии, как она существует в Англии, где власть фактически находится в руках большинства (действительного или мнимого) народа. Отстаивая монархический принцип, согласно которому вся власть фактически и юридически должна находиться в руках монарха, от которого все прочие власти получают свои полномочия, Шталь выступает против фикции — безответственности монарха и ответственности назначенного им же, монархом, министерства. В политике с известным либералом того времени Бассерманом Шталь сводит свои политические взгляды к противоположению двух принципов: авторитета, опирающегося на компетентности, и большинства, являющегося результатом случайности — *Autoritat gegen Majoritat* Тем не

менее, Шталь признаёт за народом право на представительство, которое, однако, должно выражаться в «советах», даваемых монарху по всем вопросам личных и имущественных прав граждан, не исключая и налогового вопроса, как это было указано в положении о «Совете Слововий», изданном королем Фридрихом Вильгельмом III в 1815 году. Впоследствии Шталь пошёл на уступки и допускал также участие представителей народа в законодательной деятельности, но при условии, чтобы правительство не зависело от парламента ни в вопросе финансовом, ни в вопросах полиции, дабы иметь возможность бороться с противогосударственными стремлениями.

Читатели должны бы несколько удивиться тому, что высказывавшиеся Шталем взгляды они уже где-то слышали. В этом нет ничего удивительного, так как воззрения Шталя были восприняты и русскими монархически-консервативными партиями, не знаю, ведомо для себя или неведомо. Излагая, будто бы оригинальные, русские мысли о единении царя с народом, о бумажной конституции, которую пытаются поставить между царём и народом, о том, царю вся власть, а народу свобода мнений и т. п., русские славянофилы и монархисты повторяют слова еврея Шталя, в своё время высказывавшего точь-в-точь те же мысли для укрепления государственно-монархического строя в Пруссии. Нечего говорить, что Шталь и против всякой революции. Революция противоречит праву, говорит Шталь, ибо подданные в этом случае делают себя вопреки смыслу всякого права, судьями над верховной властью и источником права.

Конечно, революции бывают, это факт, с которым приходится считаться. Но факт печальный, часто объясняющийся тем, что верховная власть была не на высоте. Из сего, однако, не следует, чтобы революцию признать явлением правовым и находить ей какое-либо оправдание.

Не взирая на то, что этот идеолог монархического начала и консерватизма был чистокровным евреем, никому, насколько мне известно, до сих пор не приходило в голову сделать из этого вывод, что еврейский народ по своей природе привержен к монархии и консервативен. Однако стоило среди лиц еврейского происхождения почти одновременно со Шталем явиться теоретику революции Карлу Марксу, как появились у христиан критики, а у самих евреев апологеты еврейства как революционного народа. Конечно, Карл Маркс был несравненно более яркой личностью, чем Фридрих Шталь, и у него было больше таланта, но тем не менее широкое распространение, которое получило его учение по сравнению с теорией Шталя, объясняется ведь не еврейским происхождением его, а тем, что нашлась гораздо более обширная и восторженная аудитория у Карла Маркса, чем у Шталя. Эта аудитория была отнюдь не еврейская, а рабочие массы, главным образом, Германии. Помимо происхождения, Маркс ничего общего с еврейством не имел. Он родился в Трире 5-го мая 1818 года и был сыном адвоката Генриха Маркса, который в 1824 году с семейством перешёл в

протестантство; таким образом, Маркс уже с шестилетнего возраста не был евреем по религии. Женат он был на немке, в еврейском обществе не вращался и к еврейству, как известно, в силу своих социалистических убеждений, относился отрицательно. Наконец, нельзя не вспомнить, что вся деятельность Маркса протекала в постоянном сотрудничестве с чистокровным немцем Энгельсом. Не останавливаясь здесь на научной деятельности Маркса как автора «Капитала», нельзя, однако, не констатировать, что находить какую-либо связь как между научной теорией и научными приёмами Маркса, так его революционной пропагандой (Коммунистический Манифест) с еврейством нет никакого основания. Консервативный немецкий писатель Адам Редер в своей книге «Реакция и антисемитизм» правильно называет Маркса «воспитанником скептических германских профессоров и гегелианцев» и приурочивает идею марксизма к синтезу чувства сострадания к эксплуатируемым народным массам с царствовавшим в то время в германских университетах духом радикального отрицания во всех делах религии и метафизики. По его мнению, автор «Жизни Иисуса» Давид Фридрих Штраус и автор «Сущности Христианства» Фейербах являются истинными отцами марксизма. При этом он ссылается на свидетельство того же вышеупомянутого alter ego Маркса Фридриха Энгельса. «Германская философия материализма, — говорит Редер, — изложенная и обоснованная коренными немцами, продолженная и разработанная Молашотом Бюхнером, Карлом Фохтом и Эрнстом Геккелем, отравила всю общественно-политическую, социальную и хозяйственную атмосферу религиозным и этическим нигилизмом, который один только и мог породить социалистический материализм».

Остаётся сказать ещё несколько слов о другом еврее — «социалистическом боге нашего века» — Лассале. Насчёт искренности революционного настроения этого вождя германского социализма имеются большие сомнения. В доказательство можно сослаться на то, что Лассаль в 16 лет, будучи учеником Лейпцигского коммерческого училища, присутствуя на представлении трагедии Шекспира «Заговор Фиеско», вернувшись домой, написал в своём дневнике следующее: «не знаю, хотя в настоящее время образ мыслей моих революционно-демократически-республиканский, тем не менее чувствую, что я на месте графа Лаванья (т. е. Фиеско) поступил бы точно также, и не удовольствовался тем, чтобы быть первым гражданином Генуи, а простёр бы свою руку к венцу. Если бы я родился принцем или князем, то, наверное, был бы душой и телом аристократ, но так как я сын только простого бюргера, то я в своё время буду демократом». Он был гораздо более евреем, по воспитанию и воззрениям, чем Маркс, и честолюбивые мечты его иной раз принимали национально-еврейское направление. Приблизительно в то же время он написал в своём дневнике: «когда я думаю о будущем, то излюбленной моей идеей является *стать во главе евреев с оружием в руках* для того, чтобы сделать их самостоятельными». Что мечты о славе и власти в том или другом виде не были только

порождением юношеской фантазии Лассаля, явствует из того, что он много лет спустя перед любимой женщиной, русской барышней Солнцево́й, мечтал вслух о том, как он в качестве избранного германским народом президента республики совершит свой торжественный въезд в Берлин — в коляске, запряжённой шестёркой белых лошадей.

В 1878 году во время прений в Рейхстаге о законе против социал-демократов, Бисмарк выступил с речью, в которой вспомнил Лассаля и сказал о нём следующее: «Это был один из самых остроумных и обворожительных людей, с которыми я когда-либо встречался, интереснейший собеседник, которого хорошо было бы иметь соседом по имени. Это был человек честолюбивый, в благородном смысле этого слова, и вовсе не республиканец, у него были ярко выраженные национальные и монархические убеждения. Идеалом, к которому он стремился, была Германская Империя, и здесь у нас была общая точка соприкосновения. Должна ли была в Германской Империи царствовать династия Гогенцоллернов или же династия Лассалей, того он не успел ещё себе выяснить, но убеждения у него были чисто монархические».

В pendant к этому даровитому честолюбцу-социалисту, еврейский народ среди своих сынов считает также честолюбивого и одарённого государственного деятеля ярко консервативного направления — деятеля не теоретика, а совершавшего громадную практическую государственную работу во главе правительства величайшей мировой державы — Великобритании. Я говорю о политике, начавшем свою карьеру под скромным именем Вениамина Израэли и закончившем её в роли первого министра Англии, лорда королевской печати, виконта Гюгенденского, графа Биконсфильда, кавалера ордена Подвязки.

Как и те общественные и политические деятели, о которых я говорил выше, он был не евреем, а, как у нас в России принято было выражаться, «из евреев». И он, подобно тем, ещё в детском возрасте (в 1817 году) был окрещён отцом в христианскую веру. Но, в отличие от тех деятелей, он всю жизнь оставался еврейским патриотом, идеализировал еврейскую расу и не пропускал случая, чтобы не выразить гордости своим еврейским происхождением. Свои симпатии к еврейскому народу он во многих случаях проявлял активно. Ему евреи обязаны тем, что в 1847 году достигли в Англии равноправия, за исключением доступа в парламент (чему мешала формула присяги), а через 10 лет, во время министерства Дерби-Дизраэли, и английский парламент открыл свои двери евреям, и Дизраэли сам ввёл в Палату Общин первого депутата-еврея Ротшильда. Образцом суждений Дизраэли о еврейской расе может послужить следующее место в его биографии лорда Бентинка: «еврейская раса связывает современные народы с древнейшими временами, когда Творец был ближе к созданному Им, чем в настоящее время. Тогда ангелы спускались ещё на землю. Евреи, как представители семитского принципа, природные спиритуалисты. Они живое и яркое доказательство лживости современного учения о природном равенстве людей и о космополитическом братстве, которое

при своём осуществлении только содействовало бы падению великих рас. У евреев, наконец, наблюдается в высокой степени *инстинкт приобретения*. Незвизрая на то, что европейские законодательства ставили себе задачей препятствовать евреям в приобретении собственности, они всё-таки успевали накапливать капиталы. Таким образом, очевидно, что тенденция этой расы решительно консервативная. Она имеет прирождённое влечение к религиозности и к естественному аристократизму. Казалось бы, что при этих условиях задачей государственных людей было возрастить эти инстинкты высоко даровитой расы и применить их на пользу существующему обществу. На самом же деле общество в течение долгого времени предпочитало преследовать своих естественных союзников, или исключить их из своей среды, и последствия не преминули сказаться: яснее всего это было видно в 1848 революционном году, но чувствуется в достаточной мере всегда и повсюду. Где бы ни возникали стремления к уничтожению семитской религии, всё равно, в форме ли Моисеева закона или христианства, где бы ни было борьбы за якобы природное равенство людей и отмену права собственности, там мы встречаем людей еврейской расы во главе тайных обществ и временных правительств. Народ господний работает вместе с атеистами, наиболее способные приобретатели имущества вступают в союз с коммунистами, *избранная раса подаёт руку отбросам и презреннейшим частям общества*».

В этой цитате отразились, конечно, не только еврейские чувства Дизраэли, но ещё в большей степени его политические и общественные консервативные взгляды. Как это ни странно, а, может быть, это и естественно, в свободнейшей из всех европейских стран — Англии, еврей — государственный деятель — стал на сторону не либеральных, не радикальных идей, а на сторону монархизма и консерватизма. Вениамин Дизраэли почти всю свою политическую деятельность отдал партии тори, стоявшей за монархию, за аристократию, за традиции. Если он, в силу своих политических убеждений, и допускал в приведённой цитате некоторые преувеличения, приписав людям еврейской расы чересчур большую роль в революционном движении, то он несомненно был прав в том, во-первых, что еврейский народ, как раса, в своём целом имеет *большой* наклон в сторону консерватизма, чем в сторону революции, и, во-вторых, в том, что нелепая политика реакционных элементов христианских государств, выражавшаяся в преследованиях евреев, загоняла многих из них в революцию. По первому пункту это объясняется социальной структурой евреев, которые почти не имеют пролетариата, т. е. того фермента, который порождает революционные движения, и, живя, главным образом, торговлей и ремеслом, заинтересованы в сохранении мира и порядка. По второму пункту можно сослаться на исторический пример других народностей, которые также подвергались угнетению. Если у поляков, королевство коих было поделено европейскими державами между собой, то и дело вспыхивали революционные движения против угнетавших их государств,

если чехи во время последней войны дошли до государственной измены по отношению к Австро-Венгерской Империи, недостаточно, по их мнению, считавшейся с их национальными интересами, то что удивительного, что евреи, не создавая сами революций, примыкали к революционным движениям против угнетавших их правительств! И если никто не решится утверждать, что поляки или чехи являются особо революционным народом, то столь же мало есть оснований из-за участия евреев в революционных движениях и приписывать еврейскому народу какую-то особую радикальность и революционность. Равным образом из изложенного также вытекает, что ссылки врагов и апологетов еврейства на то, что революционность еврейской расы доказывается её историей или исторической ролью тех или других сынов Израиля, лишены всякого основания. В частности, еврейский дух в социализме не выразился. Социалистическое движение принимало разный характер, однако, не народно-расовый, а национально-государственный, в зависимости от политического и социального уклада, а также исторического хода событий в разных европейских государствах. Поэтому Зомбарт, который, опираясь на факты, отметил в своём труде «Die Juden und das Wirtschaftsleben» значительную роль евреев в создании капиталистического строя, в другом своём труде: «Социализм и социальное движение», устанавливая национальные особенности в социальном движении, отметил три типа его: английский, французский и немецкий. К последнему он отнёс также течения, вызванные Лассалем и Марксом. Какого-либо особого еврейского социализма он не нашёл, да и не мог найти, так как такого вовсе не было.

Тому, что социальное движение в разных странах в связи с национально-государственными особенностями каждой страны принимает разный характер, мы видели в последнее время блестящее подтверждение в России. Перейдём же к рассмотрению русского революционного движения и роли, которую сыграло в нём русское еврейство.

Что русская революция пошла не от евреев, в этом не может быть никакого сомнения. Не говоря уже о бунтах простонародных, Разина и Пугачёва, и в интеллигентских кружках, мечтавших, начиная с декабристов, произвести революцию в России, до начала царствования императора Александра II евреев не было. Когда в начале царствования Александра II некоторым категориям евреев разрешено было селиться вне черты оседлости, когда перед ними распахнулись двери школ, средней и высшей, раскрылись и еврейские сердца. Немало евреев стало приобщаться к русской, и через неё к общеевропейской культуре, в особенности евреи западного края. Эти последние сразу попали в тяжёлое положение. В 1863 году вспыхнуло в Польше восстание, которое перекинулось и на губернии Виленскую, Корейскую и Гродненскую, где помещиками были поляки или ополяченные литовцы, да и значительная часть городского населения по происхождению или по симпатиям относилась к польскому народу. Евреи, которые жили в городах, среди этого польского населения, очутились меж двух огней:

им приходилось выбирать между Польшей и Россией. И тут здоровый народный инстинкт подсказал им, что нужно пойти с Россией, как с той стороны, от которой они могли ожидать больше справедливости и человеческого отношения, чем от поляков, которые, хотя издавна и терпели евреев, но относились к ним всегда, как к низкой расе. О буре, произведённой в еврейской среде польским восстанием, о душевной борьбе евреев западного края свидетельствуют красноречивые страницы романа еврейского писателя Леванды «Горячее время», напечатанного в «Еврейской Библиотеке» Ландау с 1871 до 1873 года. С шестидесятых годов издавались уже журналы и газеты на русском языке, которые, с одной стороны, проповедовали русские патристические чувства, а с другой, зывали к евреям о необходимости просвещения. В это время, ввиду великих реформ, все сознательные русские евреи без исключения, можно сказать, были русскими патриотами и монархистами, относясь к Александру II буквально с обожанием. Знаменитый своей жестокостью к полякам Муравьёв относился к евреям покровительственно, преследуя здравую политику привлечения значительной части населения западного края, еврейской, на сторону русских государственных начал. Политику эту поддерживал и самый выдающийся из русских консервативных публицистов Михаил Никифорович Катков, который до конца дней своих оставался другом евреев. Катков понимал, что евреи, с одной стороны, в силу естественного положения вещей, в силу собственных интересов, сосредоточенных, главным образом, в области торговли и промышленности, не могут не примыкать к стремлениям, охраняющим целокупность России, на страже которой он стоял, и что, с другой стороны, ограничения их в правах в сущности никому не нужны и никому не полезны. В России было достаточно народцев, живших более или менее сплошными массами, которые могли в подходящий момент обособиться от России. Евреи об отделении от России думать уже никак не могли и с этой стороны опасности никакой не представляли. Правительство в это время ещё пользовалось симпатиями широких кругов общества и не имело надобности пользоваться евреями как козлом отпущения, на который можно было свалить все свои грехи. Что же касается разных несимпатичных сторон евреев, на которые указывали их враги. Катков и другие разумные государственные деятели этой эпохи (князь Суворов, Валуев и др.) полагали, что с приобщением евреев к образованию, с их ассимилированием (для чего, конечно, необходимо было уничтожить черту оседлости, отделявшую евреев от русского народа) евреи обратятся до известной степени в русских и заживут дружно и согласно с русским народом.

Быть может, оно так и было бы, если бы Провидение не пожелало повести Россию не по пути постепенной эволюции, а через «великие потрясения» к, увы, неизвестному и в настоящее время будущему. Реформы императора Александра II встревожили правящие классы. С другой стороны, революционно-настроженные круги общества нахо-

дили, что политическая и общественная жизнь России не двигается вперёд с той быстротой, которая казалась им необходимой. Социалистические учения нашли почву в России ещё в царствование Николая I и зараженные ими адепты не направились по тому пути, по которому шли все культурные страны мира — к установлению конституционного строя, а устремились непосредственно к социалистическому перевороту. И в отличие от социалистического движения в Европе, которое могло более или менее мирно пропагандировать свои идеи в рамках установившегося к тому времени правового государства, русское движение, при самодержавии, приняло характер подпольный и преступный, сопровождаясь террористическими актами. Русские социалисты, начиная с Бакунина и Нечаева, проповедовали, что все средства хороши, лишь бы достигнуть великой цели. Целью же являлось освобождение русского народа, т. е. за почти полным отсутствием промышленности и фабричного пролетариата, русского мужичка, возведённого в перл создания, от гнёта помещиков, чиновников и самого царя. В результате — многочисленные покушения на жизнь императора Александра II, заставившие государя усомниться в правильности пути либеральных реформ, на который он так решительно вступил в начале своего царствования. Пошли колебания, хуже чего, как известно, в политике не бывает, и получилось, с одной стороны, усиление влияния реакционных элементов на государственную политику и, с другой стороны, умножение революционных групп, всё более и более терроризировавших власть.

Указанные условия отразились, конечно, и на отношении правительства к евреям. Последние думали, что не нынче, а завтра спадут все цепи и они будут признаны равноправными русскими гражданами. Взамен того они увидели, что в так называемом еврейском законодательстве не только получается застой, но и делаются некоторые шаги назад, как, например, исключительные меры для евреев в дополнениях к уставу о воинской повинности. Черта оседлости отменена не была и, таким образом, ассимиляции значительных частей еврейского населения с русским произойти не могло. А произошло нечто совершенно неожиданное для правящих кругов: ассимилирование части еврейского юношества с революционной русской молодёжью. Вследствие этого, в процессах того времени против революционеров начинают попадаться еврейские фамилии: Гольденберг, Геси Гельфман и др. Когда правительство задумалось над тем, отчего же евреи идут в революцию, то решило вопрос чрезвычайно просто: почти все революционеры-евреи из воспитанников высших учебных заведений. Значит, всё зло от того, что евреев пустили в эти учебные заведения, и из этого следовало, что их не нужно туда пускать. И правительство в 1887 году, при министре народного просвещения Делянове, издаёт неведомое до того цивилизованным государствам постановление об ограничении доступа в средние и высшие учебные заведения евреев некоторым небольшим процентом.

Не останавливаясь на прочих притеснениях и преследованиях евреев в России в царствование императоров Александра III и Николая II, до погромов включительно, которые всё более и более преисполняли еврейский народ в России негодованием против правящей власти и вытравили в нём не только чувство преданности к монархии, но и патриотизм, я указываю на вышеозначенные ограничения в области образования, которые прямо и непосредственно содействовали увеличению еврейского элемента в революционных русских партиях. Вследствие этих мероприятий правительства множество еврейской молодёжи оказалось недоучками, образуя незнакомый до того еврейскому народу полуинтеллигентный и голодный люмпен-пролетариат. Сверх того, значительное число молодых людей вынуждено было искать возможности закончить образование за границей. Можно себе представить, какую благодатную почву для революционной пропаганды представила эта молодёжь, когда она попала в революционные гнёзда, имевшиеся за границей, в особенности, в Швейцарии, эта еврейская молодёжь, озлобленная и иной раз голодная, оторванная от родителей и близких, которые при нормальных условиях могли хотя бы попытаться удерживать еврейских юношей от отчаянных и безумных противоправительственных выступлений! Что именно гонения на евреев вообще, в преследовании еврейской учащейся молодёжи в частности, влило в ряды русских революционеров новых ожесточённых бойцов за политический и социальный переворот — это засвидетельствовал перед судом в Петербурге известный социалист-революционер Гершуни. Его речь закончилась тою же мыслью, которую в своё время высказал лорд Биконсфилд: «вы сами виноваты, что есть еврей-революционеры, ваши преследования загнали нас в революцию». И, вероятно, его речь заставила русских государственных мужей задуматься над вопросом. Сам Плеве не нашёл возможным утвердить смертный приговор над Гершуни. Последний был помилован, впоследствии убежал из Сибири и умер за границей.

Социализм по немецкому рецепту, с борьбою за классовые интересы крайне незначительного в то время в России рабочего пролетариата, в царствовании Александра II не нашёл для себя подходящей почвы. Борьбу с правительством, как уже было выше указано, вели, так называемые «социалисты-революционеры», приспособившие марксизм к условиям русской жизни, к преобладанию в России крестьянства, класса пролетарского лишь в смысле нищеты, в которой крестьянство пребывало. Лозунгом борьбы являлись «земля и воля» — «воля» для всех и «земля» для мужика. Ввиду того, что евреям на первых порах всё же казалось как-то неподходящим выступать в роли защитников земельных интересов русского крестьянства и что им приходилось, таким образом, с чистым сердцем и полным убеждением отстаивать только половину лозунга — волю, они не могли приобрести особого влияния в рядах партии социалистов-революционеров. В эту партию шли, главным образом, чистокровные русские люди и командова-

ли в ней, в особенности в начале, они же. Иное мы наблюдаем в социал-демократической партии, образовавшейся в России после того, как несколько развилась промышленность и появились в достаточно большом количестве фабричные рабочие. Русский марксизм в чистом его виде, списанный с немецкого, никогда не был русско-национальным движением, и революционно настроенной части русского еврейства, для которой воспринять социалистическое учение по немецким книжкам не составило никакого труда, естественно, было принято значительное участие при пересадке этого иностранного фрукта на русскую почву. Когда же русская социалистическая партия раскололась на меньшевиков и большевиков, то — и это характерно для расовой революционности еврейства — почти все евреи (как и грузины, впрочем) оказались в правом эволюционном меньшевистском стане: на два-три русских имени — Плеханова, Засулич, Скобелева — насчитывалось, по меньшей мере, с десяток меньшевистских лидеров с еврейскими фамилиями. Все эти Аксельроды, Мартовы, Даны, Либеры, Эрлихи, Абрамовичи и пр., как известно, — русские евреи и, за смертью Плеханова и Засулич и выбитием в грузинское отечество Чхеидзе и Церетели, в настоящее время одни представляют «Россию» в объединённом социалистическом интернационале. С большевиками им было не по пути: Ленин по своей бесшабашной тактике, при отсутствии всяких моральных принципов и задерживающих центров, по своей прямолинейной разрушительной тенденциозности, оказался для них «товарищем» неподходящим. Когда грянула русская революция, то, как известно, большевики вступили на путь прямой конкуренции с социалистами-революционерами в смысле завоевания благоволения народных масс. Если эсеры предлагали мужику ограбить помещиков, то большевики призывали к ограблению не только помещиков, но и всех буржуев вообще. Если эсеры заявляли, что они заключат мир с средневропейскими державами более или менее «приличный», то большевики выразили готовность заключить «похабный мир» и не через некоторое время, как говорили эсеры, а без всякого отлагательства. Словом, эсеры, а ещё более того, большевики, дали социалистическому движению в России национально-русский бунтарский характер и тем самым отшатнули от себя всю культурно-европейскую часть русско-еврейских социалистов.

Но, конечно, и среди последних оказались некоторые неустойчивые и нравственно подгнившие индивидуумы — в какой семье не бывает уroda? И эти личности не замедлили из меньшевиков обратиться в большевиков, когда последние пошли по пути захвата власти. Таких евреев было немного: Троцкий и Володарский — как будто бы все! Впоследствии, когда большевистский переворот удался, когда большевики стали «правительством», тогда к ним потянулись и всякие другие представители еврейского люмпен-пролетариата, впервые увидевшего возможность устроиться у казённого пирога. Что в этом удивительно? Не только у русского, но и у русско-еврейского народа имеются не-

доросли, претенциозные недоучки с карьеристскими наклонностями, фанатики-дегенераты и даже садисты — все они были встречены большевиками, за неимением лучшего, с распростёртыми объятиями. А там пошли и всякие знакомые новых комиссаров и знакомые знакомых, главных образом, из-за куска хлеба.

Что же делал за время критического для России царствования императора Николая II еврейский «народ» в России? Если не считать незначительных групп интеллигенции и полуинтеллигенции, решивших, что если все народы имеют свои социалистические партии, то не подобает и еврейскому народу оставаться без таковых, а потому, при почти полном отсутствии у евреев пролетариата, создавших якобы национально-еврейский «Бунд» для России и, не ограничиваясь этим, уже и будущие социалистические партии для зримого ещё только в мечтах Сиона, то русско-еврейский народ в громадном своём большинстве интересовался русской политикой лишь постольку, поскольку это касалось его равноправия. Сами русские евреи нередко в шутку говорили, что у них даже землетрясение вызывает только один вопрос: «а как это отразится на черте оседлости?» Это всепоглощающее значение вопроса о равноправии имело пагубные последствия. Так как равноправие могло прийти, судя по всему, лишь с падением самодержавия и установлением демократического строя, то русские стали конституционалистами и демократами; и еврейские общественно-политические деятели (насколько таковые могли, при отсутствии правильной организации, представлять еврейский народ) признали руководящим началом, что евреям не подобает сидеть правее «кадет», и сами садились кто с кадетами, а кто и с так называемыми трудовиками. Русское правительство, вследствие этого, окончательно зачислило еврейский народ во враги отечества. Но это было ещё с полгоря — хуже того было, что многие еврейские политики зачислили и самих себя в такие враги, ожесточив свои сердца и перестав различать между «правительством» и отечеством — Россией. В этом отношении грешила и наиболее организованная и влиятельная еврейская народная партия сионистов. Сионисты, отлично знавшие, что даже при осуществлении Сиона русские евреи в своей массе не могут покинуть и не покинут России, стали по меньшей мере равнодушными к судьбам последней. И они и другие еврейские националисты, под влиянием лжедемократического лозунга «самоопределения народностей» не уразумели, что для *единого еврейства* распад России на отдельные национальные самоопределяющиеся государства представляется *национальным бедствием*. И мы видим в наступавшие для России критические дни, с одной стороны — еврейских националистов разных оттенков, спорящих о том, какому языку отдать преимущество: древнееврейскому или народному (идиш), и, с другой стороны — еврейских политиков, говорящих от имени «украинских» и всяких других евреев, но не видим русско-еврейских патриотов.

Когда народ — любой национальности — живёт в определённом государстве, он поневоле делит благоденствие и невзгоды последнего. Когда этот народ, как еврейский, не может стремиться к отделению территории, на которой он живёт, от целого, то его счастье и благоденствие связаны с этой страной на веки вечные, и эта страна не только есть, но и должна быть ему отечеством. Евреи в других странах, не смотря на то, что они сионисты и т. д., не перестают чувствовать себя сынами Германии, Америки, Англии и пр. И русские евреи, невзирая на все притеснения, которые им чинились в России, не должны были утратить сознания, что они русские граждане и что им надлежит быть русскими патриотами в том смысле, как это понимает сам русский народ, или громадное его большинство. Справедливость должна была подсказать евреям также, что они в России видели не одно зло. Хотя и медленно, однако, благосостояние их увеличивалось. Культура, и даже национальная культура росла. Они заняли весьма выдающееся положение в экономической жизни страны: первые строители железных дорог были евреи, в учреждениях частных банков играли большую роль евреи, в интеллигентских профессиях они заняли подобающее место. Сама пресловутая черта оседлости не мешала тому, чтобы значительные части еврейства всё более и более просачивались в коренную Россию. И эти отсылки еврейства в конце концов поневоле приводили правительство к необходимости узаконить фактическое положение дела. Наконец, со времени учреждения Государственной Думы русское еврейство получило и некоторые политические права. Были надежды, что и самое равноправие с течением времени не замедлит прийти — для этого вовсе не нужно было разрушение русской государственности. Поэтому, указанное выше, равнодушие еврейских масс и еврейских лидеров к судьбам Великой России было роковой политической ошибкой. Это осознано теперь и русскими сионистами, которые при строительстве Сиона лишились поддержки самой ценной для них части мирового еврейства — евреев Великой России.

Как уже было указано, евреи и в общей своей массе, как не толкали их от себя консерваторы и как их не тянули к себе революционеры, были за собственность и порядок и остались таковыми и после большевистского переворота, как и подобало старому народу «закона». Что это было так, явствует из того, что сообщает Ленин, которого никто не заподозрит в намерении уменьшить успехи большевизма, о результатах выборов в Учредительное Собрание (в брошюре «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата»). Он говорит, что на правой, т. е. противобольшевистской стороне при выборах были «националисты, а именно евреев 550 000», следовательно, приблизительно всё то, подавшее голос еврейское население, которое жило в неоккупированной части черты оседлости. Эта «официальная статистика», конечно, имеет гораздо большее значение для разрешения вопроса о революционности еврейского народа, чем статистические попытки подсчёта еврейских комиссаров в большевистском правительстве. И

тем не менее евреи не должны закрывать, в интересах правильности своей будущей политики, глаза на то обстоятельство, что самоограничение себя, еврейского, по существу консервативного народа, в русской политике интересами узко-национальными, могло способствовать тому, что деклассированная часть еврейства использовала большевистский переворот в своих своекорыстных интересах, шедших вразрез с интересами русского еврейства.

Изложенные выше факты исторической жизни евреев доказывают, что приписываемые евреям особая революционность и стремление к разрушению государственных и общественных основ есть одна из многочисленных сказок, распространяемых про евреев, иной раз злоумышленно, иной раз по недомыслию, что наблюдаемые в истории евреев противоправительственные выступления, также как и других народов, главным образом, объясняются притеснением со стороны близоруких общественных слоев и правительств, которым евреи то и дело подвергались, что в иудаизме не только нет ничего антигосударственного или антиобщественного, но, наоборот, имеются все элементы общественного порядка и законности, что в общей своей массе евреи не менее, а скорее более, других народов консервативны, но что вследствие особенностей своей истории, рассеяния среди других народов, сходятся между культурой тех государств, в которых они живут, и своей собственной национальной культурой; они ещё не дошли до *синтеза* этих культур и потому представляют в странах отсталых, какой была Россия, сравнительно благодарную почву для попыток сделать их безразличными или даже враждебными интересам той страны, с которой они, однако, неразрывно связаны, в результате чего они, сами того не сознавая, могут готовить себе ещё большие беды, чем те, которые угрожают *коренному* населению.

Когда в России взяли верх большевики и укрепили в ней своё разрушительное господство, то евреи-сионисты, националисты, ортодоксы и пр., подобно всем прочим, далеко не революционным частям русского народа, были ошеломлены и приведены к молчанию. Они молчат и теперь. Но тем евреям, которые выбрались из России и которые могут свободно говорить, тем молчать нельзя! Они должны сознать свою ошибку и не судить ту Великую Россию, в которой они жили, и с которой они сжились в течение сотни лет. Они должны также вспомнить, как они требуют справедливости к себе и как они недовольны, когда их осуждают всех огульно за деяния отдельных лиц. Россию на скамью подсудимых не посадишь, евреи оттуда не выведены, следовательно, надо всячески содействовать такому её восстановлению, чтобы евреи могли в ней спокойно, мирно и благополучно жить. Спорным, конечно, является вопрос, что понимать под восстановлением России, но если это для евреев-социалистов разрешается в форме длительного устройства России на социалистических партикулярных началах, то для еврейского *народа*, в котором социалисты являются ничтожной группой, в значительной своей части оторванной от нации — чего стоят од-

ни русские псевдонимы еврейских социалистов! — восстановление России есть возвращение к старой Великой России, конечно без её многочисленных недостатков и пороков.

И должно надеяться, что когда царство «ликующих, праздноболтающих, умывающих руки в крови» большевиков кончится, и Россия будет восстановлена, то русско-еврейский народ, отнюдь не отказываясь от своей национальной культуры, поймёт, что он не может разрывать и с русской культурой, на которой воспитывалась вся его интеллигенция. Все знают прекрасное стихотворение в прозе Тургенева, написанное в 1882 году: «В дни сомнений, в дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу». Эти пророческие слова гораздо более подходят к тому, что совершается теперь там, дома, чем то, что было в 1882 году. И этот дом также *наш дом*, дом русских евреев. Свидетельство этому то, что великий, правдивый, свободный и могучий также язык многих нас, русских евреев, хотя и стоящих на точке зрения того, что старый еврейский народ имеет свою собственную драгоценную культуру, которую он должен оберегать и развивать, однако учившихся в русских гимназиях и университетах и там оценивших также Пушкина, Тургенева и Толстого. Много веков тому назад, изгнанные из Германии евреи, переселившиеся в Польшу, также взяли с собой язык того народа, с которым они жили, и до сих пор сохранили верно этот язык, разговаривая на нём до настоящего дня. Этот народный язык польских и русских евреев и в качестве такового имеет свою неоспоримую ценность. Надо надеяться, что наши сограждане-идишисты, отстаивающие этот язык как «народный», невзирая на то, что он заимствован у *другого* народа, придут к убеждению, что нет оснований иначе относиться и к русскому языку, на котором говорит и мыслит русско-еврейская интеллигенция. Надо надеяться также, что те части последней, которые находятся теперь вне России, будут счастливее своих германских предков и скорее их вернуться на свою русскую родину. И надо желать, чтобы тогда русский язык не только был общим у них с русскими согражданами в том смысле, чтобы и те и другие на нем разговаривали, но чтобы он был общим языком и в другом смысле: чтобы они друг друга правильно понимали и вместе шли дружно вперёд, имея общую цель: счастье и благоденствие Великой России и неразрывно связанных русского и русско-еврейского народа.

В. Мандель

РЭЙМОН АРОН, ЕВРЕИ И ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ

Рэймон Арон — блестящий французский публицист, профессор и автор многих книг, в том числе книги, изданной по-русски в Мюнхене издательством «ЦОПЭ» «Опиум для интеллигенции». Недавно, 24 февраля, он напечатал в «Фигаро Литэрэр» огромную, на трёх страницах, статью «Евреи и Государство Израиль». Статья эта, ввиду личности автора, важности органа, где была напечатана, а также и времени, когда была опубликована, вызвала много откликов во Франции и в Израиле.

Теперь спрашивают себя многие в Израиле: как отзовется на франко-израильской дружбе соглашение в Алжире, возобновление дипломатических отношений Франции с Сирией. Не будет ли эта дружба принесена в жертву тому, что Рэймон Арон называет **«национальными интересами Франции»** и её законному (хотя и не «святому») эгоизму? Не представляет ли эта статья **«первый звонок»**, предупреждение об уходе французского поезда со станции **«Израиль»?**

Здесь я хочу остановиться не на политическом, а на человеческом, если можно так выразиться, значении анализа Рэймона Арона. Статья его — любопытный человеческий документ. Нельзя понять её, если не взять в расчёт, что она написана французским евреем в **пред-предпоследней стадии ассимиляции.**

Что такое «предпредпоследняя стадия»? Ассимиляция, вообще, есть процесс поглощения господствующей народностью инородных элементов, добровольного растворения их в ней («недобровольного» по сути дела и быть не может).

Последняя стадия при этом — такое состояние, когда человек и сам не помнит, и другие давно забыли о его происхождении. Таких, начисто и без остатка ассимилированных, евреев сколько угодно среди разных народов. Были они и среди гитлеровцев, которые дальше третьего поколения не проверяли родословной. **Вполне завершённая ассимиляция неразличима и бесповоротна.**

Но ассимиляция — не дело одного поколения. Она проходит ряд стадий. Не так легко стать русскому — англо-американцем, а еврею — французом. В предпоследней стадии еврей уже чувствует себя вполне французом, не помнит и знать не хочет о своей (бывшей) еврейской народности, но окружающие ему это (к его досаде) припоминают, что он испытывает как неприятность и не раз старается продемонстрировать и подчеркнуть свою полную чуждость еврейскому народу. Здесь, кстати, источник столь чистого и печально известного ядовитого антисемитизма некоторых выходцев из евреев.

На предпредпоследней стадии (но далеко не первой) ассимиляции данный индивидуум уже перешагнул то, что называют «point of return», он уже потерян для народа, откуда происходит, но ещё сохраняет невольную эмоциональную связь с ним. Он отдаёт себе в ней отчёт; он её не стыдится и не укрывает её; он даже в некоторых случаях (Дизраэли!) гордится ею. Если называют его — француза, англичанина, немца — евреем, он не отрекается от своего еврейства, он сам провозглашает его, но — в особом смысле. **У Дизраэли «еврейство» означало расу. У других — религию. Они немцы, поляки, американцы «моисеева закона».** Лучше, однако, не полагаться на их толкования. Они как люди, которые сойдя с корабля на сушу, всё ещё чувствуют палубу под ногами, и жаль им бросить использованный билет.

На этой стадии ассимиляции находится известный французский публицист и социолог еврейского происхождения, Рэймон Арон. **«Еврей, даже потеряв свою веру, не может быть равнодушен к Государству Израиль»**, — говорит он в разбираемой статье. **Это, увы, фактически неверно**, но Рэймон Арон знает, что говорит: **он сам неравнодушен, и именно в качестве еврея.** Но что, в данном случае, значит для него «еврей»?

Для обозначения того, что **связывает его с еврейским народом, он пользуется словом «мои единоверцы» (co-religionnaires).** Это явно неуместно. Рэймон Арон — неверующий, и сам об этом говорит. Традиционный иудаизм не более его обязывает, чем автора этих строк и многих, очень многих в Израиле, формально числящихся за еврейской религией. Это не мешает тому, что мы оба называем себя евреями: он — французским евреем и патриотом своего отечества, я — русским евреем и гражданином Израиля. Религия здесь, очевидно, не при чём; я мог быть атеистом, а Рэймон Арон даже буддистом, — мы, всё равно, оба евреи.

Так почему же надо Рэймону Арону называть себя «единоверцем» тех, кто его своим единоверцем не считает?

Потому что у него нет другого слова для обозначения общности с евреями. Из понятий, которыми располагает этот мыслитель-аналитик, выпало понятие «еврейского народа». Это понятие он отбрасывает, не признаёт его. И делает он это, чтобы не оказаться виновным в принадлежности к двум народам сразу. **Двународность, двойная лояльность недопустима!** Он с чистой совестью и, имея на то все основания, объявляет, что он француз, и только француз. Нет у него другой лояльности, кроме как к французскому отечеству.

А еврейский народ? — его и нет совсем!

Ассимилированный еврей, выбывший из состава еврейской народности, но не изживший ещё эмоциональных с ней связей, готов скорее отрицать, что такая народность существует, чем признаться, что узы, связывающие его с еврейским народом, ещё не совсем расторгнуты.

Таким образом, из его анализа проблемы «Евреи и Государство Израиль» выпадает основное, краеугольное понятие «еврейского наро-

да», — и отсюда трудность, с которой он напрасно старается справиться. Есть общность, но какая? — этническая? — культурная? — религиозная? — национальная?

Этнической общности нет — говорит Рэймон Арон: что общего между европейскими и йеменскими евреями, даже в самом Израиле? (Этот аргумент мы уже слышали: что общего между кавказским и американским евреем? — спрашивал полвека тому назад Сталин).

Религиозная общность вся в прошлом. Нет общей культуры для разрозненных еврейских общин. А что касается «национальности», то разве могут быть евреи названы народом в том смысле, в каком французы и англичане составляют народ, живя на своей земле в течение веков и будучи объединены общей судьбой³ Израиль — государство, но к израильской нации может принадлежать и не-еврей, приняв гражданство и паспорт этого государства, а с другой стороны, большинство евреев живёт и останется жить вне Израиля, имея другую национальность. В конце концов, в чём же секрет еврейской общности? — На этот вопрос мы так и не найдём ответа в статье Рэймона Арона.

Для нас ларчик открывается просто. НАРОД есть то, что не вмещается в пределы малого Израильского государства и сохраняет своё обаяние и власть над еврейской душой, даже если, как в случае Рэймона Арона, всё дело в происхождении. Народ — историческая давность. Это та нить, на которую всё нанизано — культура и религия, этнический состав и политическая история, со всеми противоречиями в течение веков. Никакой раздробленностью нельзя упразднить первичного факта существования народа. Раздробленный народ — всё же народ. Подавленный, изуродованный, потерявший общий язык, — всё же народ, пока сохраняется живое единство сопринадлежности и какие-то пункты, вокруг которых кристаллизуется сознание народности, предшествующее всему — религиозному творчеству, государственности, культуре — в них, через них и даже в отталкивании от них себя реализующее.

Категорическое отрицание Рэймон Ароном «двойной лояльности» понятно. Но здесь «нельзя» — только наказ и норма должествующего, а в жизни бывают промежуточные, переходные состояния, когда в процессе ассимиляции человек оказывается на границе двух народов, и когда он втянут в процесс, сложный и часто мучительный, смены народности (которую не надо смешивать с государственной принадлежностью). Как раз русским, находящимся в эмиграции, это должно быть понятно: американским русским, чьи дети (если эмиграция затянется) будут уже только русскими американцами, а внуки — американцами с некоторым сентиментальным отношением к России, подобно тому, как Израиль небезразличен французу Рэймон Арону. Эта временная (но не случайная) двународность создаёт свои проблемы, но не непременно является отрицательным явлением: она таит в себе и возможности положительные и плодотворные, на пользу ассимилирующей народности, а пока не пройдена роковая черта «без возврата» и для ассимили-

руемой. Взаимодействие культур — основное условие их процветания. В перспективе времени каждая самоизоляция губительна. Но если бы Рэймон Арон не боялся называть вещи своими именами, то он не делал бы тех ошибок, которыми полна его статья об «Евреях и Израиле».

Верно ли, что Израиль — «светское государство» в принятом смысле этого слова? Нет, не верно, ибо в особых условиях Израиля найден третий выход между отделением церкви от государства и их сращением: в Израиле государство опекает еврейскую религию, эту наиболее оклеветанную и униженную из всех мировых религий, окружает её особенной заботой и вниманием, не идентифицируясь с ней.

Верно ли, что первоначально только «религиозная», еврейская община потом расширилась до «культурной»? Нет, если принять, что евреи — народ, как все (хотя с их особенной, единственной в своём роде судьбой), то это значит, что евреи уже были народом, когда создавали Библию, народом, искавшим для себя религиозного самоопределения. Религия сцементировала их единство, но народ и его культура не сводятся к вероисповеданию.

Верно ли, что Израиль в целом — «провинциальное предприятие»? Рэймон Арон, с высоты своего французского превосходства, считает, что в Париже вершатся более важные дела, чем в Иерусалиме. И однако — если верить, что одна и та же человеческая, а, может быть, Божья правда одушевляет людей в их трудах, где бы они ни находились, — этот универсализм обязывает признать, что восстановление еврейского народа из его векового упадка и унижения не менее важно, чем борьба любого иного народа за свободу.

А верно ли, что «Израиль рождён мечом», как говорит Рэймон Арон? — К такому утверждению можно прийти только, если закрыть глаза на существование еврейского народа и на всю его историю, и в особенности историю последних поколений труда, жертв и чистейшего патриотизма. Полям битв предшествовали другие, засеянные и обработанные, поля.

Но, говорит Рэймон Арон, налицо «брутальный факт», вытеснение мусульман из страны, где они жили тысячу лет.

Смешно полагаться на какие-то свои предшествующие права, они погашены временем, и никто в это не верит. Даже если согласиться, что евреи не хотели изгонять арабов, и война была им навязана — всё равно, по словам Рэймон Арона, даже в этом случае «вражда арабов понятна, неизбежна, и, по всей вероятности, неистребима». Он напоминает, что крестоносцы двести лет продержались в стране и всё же, в конце концов, были вытеснены мусульманами.

Рэймон Арон, как видим, озабочен судьбой Израиля, но, будучи французским патриотом, он не склонен переоценивать важности этого «провинциального предприятия» (да, кстати, и газету его, «Фигаро», больше читают в Касабланке, чем в Тель-Авиве). Эта злосчастная аналогия с крестоносцами и слова о «брутальном факте» — результат всё

того же типичного для еврея в средней стадии ассимиляции отчуждения от еврейской действительности. Иначе Рэймон Арон вспомнил бы, что крестоносцы никогда не были **народом** завоёванной Палестины, трудовым населением которой они правили из своих феодальных замков и крепостей. Не они работали на полях, не они населяли города и деревни, не они пасли стада и занимались ремёслами. Евреи живут в тысяче деревень, ими построенных, и от основ обновили страну, с которой связаны, как народ, корнями несравнимой глубины и прочности. Правда, в наше время Гитлер показал, что можно выкорчевывать любые корни. Техника уничтожения шагнула вперёд. Но это дело особых обстоятельств, которые могут наступить (возвращение гитлеризма), а могут и не наступить. «Брутальный факт» был и остаётся на среднем Востоке один — сопротивление арабов возрождению еврейского народа. Здесь был допущен воистину каинов грех, ибо назвать возвращение евреев «оккупацией чужой территории» равняется прокламации убийства и уничтожения целого народа в самый патетический момент его истории. В полупустой Палестине и сейчас ещё довольно места для мирного сожительства арабов и евреев во взаимной выгоде обоих. «Брутальный факт» не в том, что несколько сот тысяч арабов в 1947-8 году отступили (без необходимости) на несколько десятков километров в глубь своей национальной территории. Нет большой беды, если араб из Хайфы теперь проживает в Бейруте, а араб из Яффы — в соседнем Аммане или в Газе. Национальной трагедии в этом не больше, чем переселение крестьян Пензенской области из одного района в другой. Проблема арабских беженцев создана бессовестными и гитлероподобными профессиональными политиками, чья вражда, может быть, и понятна (с точки зрения всеобъясняющей психологии), но не было в ней ничего неизбежного и, тем более, нет ничего неистребимого.

Опасно только, если начнут её на Западе считать оправданной и неистребимой. Рэймон Арон нашёл нужным говорить о «брутальном факте» со стороны евреев. Это доказывает лишь, что в сознании французского еврея в пред-последней стадии ассимиляции гнездятся комплексы, заставляющие его отгораживаться от слишком опасного соседства его бывших собратьев.

Ю. МАРГО ЛИН

(«Новое русское слово», 7 апр. 1962 г.)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ ТЕПЕРЬ — В ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

«МЕЦИЦА»

Общеизвестно, что одним из безусловно обязательных обрядов иудейской религии является обрезание, заключающееся в том, что у младенца мужского пола, на восьмой день после рождения, отсекается крайняя плоть мужского полового органа.

В нынешнее время обрезание нередко производится во многих странах (напр. в США) и над младенцами — не-евреями и объясняется «гигиеническими соображениями».

В СССР совершение обрезания над восьмидневными младенцами запрещается. Запрещение это М. Шахнович (еврей) обосновывает в своей книге «Закат Иудейской религии» (Лениздат, 1965 год) следующим:

«Проповедники «гигиенического значения обрезания» не могут не знать, что для здоровья новорождённого оно очень опасно. В 1959 г. в одну из кишинёвских больниц поступил мальчик с тяжёлым осложнением после обрезания, совершённого тайно на дому раввином Драздниным. Ребёнку грозила смерть, и только своевременное врачебное вмешательство спасло ему жизнь. Подобные случаи, к сожалению, нередки.

После обрезания кровь из ранки высасывает человек, производивший операцию. Высасывание (мецица) является обязательной частью ритуала. Большой частью именно высасывание и служит причиной заражения ребёнка, так как во рту оператора могут быть различные микробы, которые в гниющих остатках пищи находят почву для своего размножения. В медицинской литературе описаны факты заражения детей по этой причине. Были зарегистрированы многочисленные случаи заболевания детей туберкулёзом после мецицы, заражённых больным оператором, в мокроте которого оказались туберкулёзные бациллы.

Некоторые врачи в царской России, где закон не запрещал обрезания, не решаясь прямо выступить против этого опасного для здоровья детей обряда, предложили хотя бы частично его обезвредить, применяя для высасывания из ранки особую трубку. Но раввины воспротивились новшеству, заявив, что, мол, Моисей дал предписание, как надо совершать обрезание, а поэтому не может быть и речи о какой-то трубке.

Гибель ребёнка возможна и из-за неопытности оператора и при наличии гемофилии (несвёртывания крови) у младенца. В конце XIX в. двое детей петербургского профессора Д.А. Хвольсона погибли после обрезания, а когда он не разрешил совершить этот обряд над третьим ребёнком, раввин отказался выдать ему метрическое свидетельство».

Кроме приведённого выше религиозного обряда — «Мецицы» — существовали и существуют и некоторые другие обряды, малоизвестные народам, среди которых веками жили евреи диаспоры.

Соблюдаются ли эти обряды в СССР — неизвестно. Там церковь отделена от государства и ведётся планомерная борьба против всякой религии, не исключая и еврейской. Но до 1917 года в России не существовал институт гражданского брака и все документы о бракосочетаниях, рождениях, разводах выдавались соответствующими церковными властями. Для русских подданных иудейского вероисповедания документы эти (рождение, бракосочетание, развод, смерть) выдавались раввинами (казёнными). Гражданские государственные учреждения принимали такие документы наравне с «метрическими выписями» подданных христианских вероисповеданий или соответствующими документами мусульманских церковных властей.

В рассмотрении правильности предъявляемого удостоверения от раввина гражданские власти не входили, хотя ни для кого не было секретом, что раввины подтверждали и разводы, и браки, руководствуясь исключительно нормами иудейской религии, нередко несогласованными с теми правилами, требованиями и нормами, которые были обязательны для православных. Авторитет раввина был непререкаем.

На этой почве в еврейском быту бывало немало конфликтов, но всегда всё разрешалось в своём, еврейском, замкнутом кругу и гражданские власти никогда не бывали поставлены в необходимость вмешиваться в эти дела.

Ещё меньше этим интересовалась общественность русская или других народов России, среди которых жили евреи.

В СССР вообще никакие документы, выданные церковными властями, во внимание не принимаются. Религиозные же обряды иудейской религии, поскольку они не выходят из границ дозволенного для всех граждан вообще, не преследуются. Например, никому не возбраняется у себя дома сидеть за обедом в шляпе, кепке или ермолке или покрываться «талесом» (полосатым покрывалом) во время молитвы дома или в синагоге.

Насколько сильны были и остались эти религиозные обряды и обычаи в еврейском быту и даже политической жизни в новосозданном демократическом государстве Израиль — об этом повествует на страницах выходящей на русском языке в США газете «Новое Русское Слово», издатель и редактор которой — еврей.

Вот что пишет по этому вопросу в № от 15 мая 1966 года постоянный сотрудник этой газеты С. Кучеров, тоже еврей, возглавляющий отдел «Литературного Фонда» в Вашингтоне:

«Основав государство на обетованной земле, достигнув за 18 лет его существования поразительных экономических результатов, всё же

построить это государство на твёрдых демократических началах евреи пока не сумели.

Так, в Израиле до сих пор нет конституции. Когда Израиль был основан в 1948 году, в Нью-Йорке была образована комиссия из европейских юристов, чтобы помочь молодому государству выработать конституцию, основанную на современных западных понятиях о демократии. Никакие старания вне и внутри Израиля не помогли. За все прошедшие 18 лет евреи в Израиле не смогли сговориться на основных законах. Тому причина — политическое дробление народа в Израиле. Правительство может держаться, только опираясь на коалицию с крайне религиозными группами. В Израиле церковь не отделена от государства.

Принцип отделения Церкви от государства, провозглашённой французской революцией 1789 г., лежит в основе всех демократических конституций европейских и американских государств. Отсутствие его в Израиле приводит к преувеличенному влиянию религии на некоторые стороны жизни еврейского народа в Израиле.

Несомненно, что благодаря своей религии, евреи смогли сохранить в изгнании свою народность и культуру. Религия, создав общий быт и нравы, спаивала евреев между собой, как и те гонения, которым они подвергались благодаря ей. Физическая, как и идеологическая борьба с религией почти всегда оказывалась бесплодной. Современный пример тому — Советский Союз.

Несмотря на бешеную антирелигиозную пропаганду и насилия, коммунистам в течение почти 50 лет не удалось справиться с религией. Но еврейская религия не была сокрушена и за 2 000 лет гонений. Очевидно, физический закон действия и противодействия распространяется и на духовный мир.

В большинстве стран изгнания евреи жили в обособленных общинах, в гетто и вне его, обладавших некоторым самоуправлением. Но для управления нужны законы. Эти законы евреи черпали из своих религиозных книг, содержавших нормы для всех областей права. Стоявший во главе общины раввин был не только религиозным руководителем, но и судьёй, к которому обращались за разрешением всяких споров. Он же совершал бракосочетания и разводил супругов, руководствуясь нормами еврейского канонического права в тех странах, где, например, в царской России, гражданского брака и развода не существовало.

В своём новом государстве, не имея конституции, отделяющей церковь от государства, евреи продолжают руководиться древнейшими нормами семейного права, взятыми из Библии и собранными в таких таринных кодексах, как, например, «Шулхан Арух» Иосифа Каро, вышедший в 1555 году.

В Израиле нет гражданского брака и развода, а к чему ведёт применение канонических норм показывают следующие примеры:

В Израиле всё ещё соблюдается так называемый «Левират». По этому библейскому обычаю древних евреев — кочевников, живших родовым бытом, если умирает муж, оставив после себя бездетную вдову, она обязана выйти замуж за брата её покойного мужа. Деверь может при желании освободить её от этого обязательства, но для этого должен быть совершён обряд «Халицы», заключающийся в том, что вдова становится на колени перед деверем, развязывает и снимает его ботинок в знак покорности. Этот обряд должен быть произведён непременно лично. Когда я был в Тель-Авиве в 1959 году, меня познакомили с одной женщиной, которой пришлось отправиться в Европу специально для совершения этого обряда, потому что там жил её деверь. Но самое замечательное при этом было то, что деверь был давно женат, но всё-таки обряд был необходим, т.к. древние евреи могли иметь двух жён.

Разумеется, в наше время никого нельзя заставить выйти замуж за своего деверя, но, чтобы сочетаться браком с другим лицом, бездетная вдова нуждается в Израиле в разрешении совершеннолетнего деверя, данным путём «халицы». Если же оказывается так, что деверь малолетний, вдова должна ждать пока ему не исполнится 13 лет. т. е. он станет совершеннолетним по еврейскому закону, и сможет освободить вдову от обязанности выйти за него замуж.

Далее, если холостой мужчина в присутствии двух свидетелей надевает на палец девушки, с её желания или даже против него, кольцо и произносит несколько сакраментальных слов, она становится его законной женой и может освободиться только путём развода.

Кроме того, если муж вручает своей жене, даже против её воли, разводное письмо («гэт»), составленное в определённых выражениях, в присутствии двух свидетелей — супруги разведены.

Что эти нормы семейного права всё ещё в силе в Израиле, мне было подтверждено теперь израильским посольством в Вашингтоне. Правда, было сказано, что в особых случаях делаются исключения. Но ведь исключения, как известно, служат лишь подтверждением правила.

Однако следует строго различать между проявлениями религиозного фанатизма у отдельных групп населения и законами, распространяющимися на весь народ.

Когда жители «Мэа шерим», крайне религиозной общины в Иерусалиме, забрасывают камнями пожарных, явившихся тушить пожар в субботу — это их личное дело.

Когда представители ортодоксальной партии требовали в Кнесете ухода Бен Гуриона (он тогда был премьер-министром), потому что он утверждал в одной статье, что не 600 000 евреев вышли из Египта, как это сказано в Библии, а несравненно меньшее число, обвиняя его в ереси — это опять-таки частный эпизод, не касающийся всего народа.

И даже эпопея мальчика Иоселе в конце концов единичное явление. Этот случай настолько ярко характеризует силу и влияние фана-

тически настроенных элементов в Израиле, что я позволю себе напомнить о нём читателю.

Несколько лет тому назад прибыла в Израиль (в Тель-Авив) эмигрантская семья, состоящая из мужа, жены и шестилетнего мальчика Иоселе. Родители Иоселе решили отдать его на некоторое время, пока они обзаведутся работой и жильём, на попечение его деда, за несколько лет до них поселившегося в Иерусалиме, в вышеупомянутой общине «Мэа шерим».

Когда через два года родители Иоселе, получившие работу и квартиру в Тель-Авиве, попросили дедушку вернуть ребёнка, он отказался. Причины отказа были следующие:

1. В Тель-Авиве Иоселе будет ходить в народную школу, недостаточно уделяющую внимания религиозному воспитанию.

2. В школе, дома и в других местах Иоселе будет говорить на иврите, т. е. несколько модернизированном древнееврейском языке, употребительном теперь в Израиле, в то время, как древнееврейский язык — язык священных книг — должен быть храним только для богослужения и чтения священных книг, а говорить полагается на идиш.

3. Отец Иоселе — дамский портной, а, по понятиям обитателей «Мэа шерим», быть дамским портным — зазорное дело.

Родители обратились в суд, приказавший выдать им ребёнка. Четыреста полицейских искали Иоселе по всему Иерусалиму и Израилю, но не могли найти. Лишь через несколько лет его обнаружили в Бруклине, возле Нью-Йорка и, наконец, вернули родителям.

А в то время когда израильские власти безуспешно разыскивали Иоселе, главный раввин Иерусалима объявил, что всякий еврей, помогающий скрывать ребёнка, совершает доброе дело.

Повторяю: избиение пожарных, обвинение Бен Гуриона в ереси и неповиновение властям в деле Иоселе — выражение фанатизма некоторых элементов в Израиле и сами по себе не имеют государственного значения. Все религии во всех странах имеют своих изуверов. Важно только, чтобы религия оставалась делом совести каждого отдельного человека.

Но когда государство возводит обычаи и догмы, созданные тысячи лет тому назад, в законы, обязательные для всех израильских евреев, навязывает их всему народу в 20-ом веке, тогда такое государство не может именоваться демократическим.

В Нью-Йорке 2 апреля с. г. Иессер Иегуда Унтерман, главный раввин Израиля, на годичном обеде общин в Америке, выразил в своей речи надежду, что «Израиль будет продолжать свою роль истинного аванпоста настоящей свободы и демократии в наше опасное время».

Для того, чтобы стоять на аванпосте «свободы и демократии» Израиль должен прежде всего сам стать истинно демократическим государством.

С. Кучеров»

(В приведённой выше выдержке из статьи С. Кучерова мною сделано нужное исправление: слово «шурин» заменено словом «деверь», ибо в русском языке брат мужа называется «деверем», а не шурином, что, очевидно, не было известно г. Кучерову, повторившему свою ошибку семь раз. — **А. Дикий**).

Из приведённых выше описаний еврейских религиозных обрядов (М. Шахновича — Москва, 1965 год и С. Кучерова — США, 1966 год) видно, в чём состоят религиозные обряды евреев, составляющие неотъемлемую часть еврейской национально-культурной автономии и религиозной жизни.

До 1917 года правительство Российской Империи, как упомянуто выше, в обрядовую сторону религиозной жизни и быта своих подданных иудейского вероисповедания не вмешивалось и удовлетворялось соответствующим удостоверением — документом о браке, рождении, разводе, смерти и степени родства, выданном казённым раввином.

ХАБУРА КОЛ ИЗРОЭЛЬ ХАБЕРИМ

ВСЕМИРНЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ СОЮЗ ВОЗЗВАНИЕ Адольфа Кремье как учредителя К ЕВРЕЯМ ВСЕЛЕННОЙ

Союз, который мы хотим создать, не есть французский или английский, швейцарский или немецкий; нет, он **иудейский**, — он **всемирный**.

Другие народы расколоты по **национальностям**; мы одни имеем не сограждан, а исключительно **единоверцев**.

Не раньше станет еврей другом христианина или мусульманина как в тот момент, когда свет иудейской веры, единственной религии разума, засияет повсюду.

Рассеянные среди других народов, которые **враждебны нашим правам и интересам**, мы прежде всего хотим быть и неизменно остаемся **евреями**. Национальность наша есть религия наших отцов, и **мы не признаем никакой иной**.

Мы живём на чужбине и не можем заботиться об изменчивых вождениях этих **чуждых** нам стран, пока наши собственные — нравственные и материальные — задачи находятся в опасности.

Еврейское учение должно наполнить собою мир.

Израильтяне! Сколько бы ни разбрасывала вас судьба по всем концам земли, всегда смотрите на себя как на членов **избранного** народа.

Если вы понимаете, что вера ваших праотцов есть ваш единственный патриотизм;

если вы сознаёте, что вопреки вашим показным национальностям, вы повсюду образуете лишь **один** и тот же **народ**;

если вы веруете, что только иудаизм представляет собою религиозную и политическую **истину**;

если во всём этом убеждены вы, израильтяне вселенной,

то придите, услышите наш зов и докажите нам своё согласие!...

Наше дело велико и свято, а успех его обеспечен.

Католицизм, наш исконный враг, лежит ниц, пораженный в голову.

¹ Воззвание выпущено в 1860 г. Адольф Кремье — французский еврей, адвокат. Активный участник революции 1848 года и революции 1870 года. Министр во временных революционных правительствах Франции

В 1870 году, как министр Франции, провозгласил равноправие евреев, жителей Алжира, каковым равноправием (правами французского гражданства) не пользовались арабы-алжирцы, что положило начало враждебному отношению арабов Алжира к Франции.

Сеть, раскидываемая Израилем поверх земного шара, будет расширяться с каждым днём, и величественные пророчества наших священных книг обратятся, наконец, к исполнению.

Близится время, когда Иерусалим станет домом молитвы для всех народов и знамя еврейского единобожия взвевается на отдаленнейших берегах.

Станем же пользоваться всеми обстоятельствами.

Могущество наше огромно, — поучимся применять его к делу.

Что нам страшиться?..

Уж не далек тот день, когда все богатства земные перейдут в собственность детей Израиля!

ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРЕЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Издание сионистов-социалистов
Лондон, 1901

Исторический еврейский гнёт с каждым годом усиливается и усугубляется. Погромы, массовые изгнания, преследования путём законодательства, общественный бойкот стали обычными явлениями еврейской жизни. Человеческое достоинство еврея повсюду попираемо ногами.

Общая, а потому отдалённая, причина исторического еврейского гнёта кроется, как причина всех человеческих угнетений вообще, в неправильном распределении политической и экономической силы между людьми, т. е. в классовом характере общества. Специфические же и ближайшие причины еврейского гнёта находятся в бесправности и социально-политической немощи этого народа. Если же этот народ сохранился до сих пор в истории и не был давно уже уничтожен, то это только вследствие того, что он в своей истории сумел выполнять такую социально-экономическую функцию, которая была полезна другим народам.

Как торговцы, обладатели капиталов, крупные и мелкие посредники между различными классами, евреи способствовали развитию экономических сил страны и широкому обмену товаров и были до поры до времени терпимы.

Но каждый раз, когда экономические силы какой-нибудь страны доходили до известной высоты и коренное население могло само выполнять социально-экономическую функцию евреев, против последних начинались гонения, которые усиливались с ростом социальных противоречий общества и обыкновенно кончались полным изгнанием евреев из данной страны.

В этом кроется социально-экономическая причина всех бедствий евреев и их вечных скитаний из одной страны в другую.

В настоящее время евреи переживают один из самых тяжёлых моментов их истории.

Там, где огромное большинство этого народа живёт, в России, Румынии и Австрии, их специфическая деятельность для экономического развития страны стала лишней, между тем как общественная конкуренция с ростом общественных противоречий стремится к тому, чтобы устранить их из всех позиций жизни. В этих странах евреи издавна лишены гражданских и политических прав; теперь же их скудные источники жизни всё более и более закрываются.

Целый ряд деятельности им запрещён, образование для них закрыто, самый производительный труд, как земледелие, им недоступен. В некоторых странах, как Румыния, евреев изгоняют, как чужих. Дикие возгласы против них раздаются всё громче и громче, возобновляются

средневековые обвинения, и еврейские мученики сидят в тюрьмах и идут на виселицу.

От всего этого невыносимого положения страдает, в различной, конечно, градации и форме, вся еврейская нация, за исключением богатого и привилегированного класса. Страдает материально и нравственно. Страдает еврейский средний класс, который придавлен не-еврейской конкуренцией, общественным бойкотом и правительственными притеснениями, страдает и еврейская интеллигенция, у которой отнимаются все возможности приложения своих сил к гражданской жизни.

Но больше всего тяготит — это гнёт над многочисленной обездоленной массой, которая представляет собой 80 процентов еврейского народа и которая выполняет **специфическую еврейскую функцию мелкого посредничества между общественными классами.** Придавленная правительственным и общественным антисемитизмом, эта масса лишается постепенно всех способов жизни и обречена на гибель. Переход к труду этой массе затруднён, если не совсем невозможен, потому что и трудящиеся элементы еврейского народа подвержены тому же антисемитическому давлению, ограничены в возможности труда и, как чужой и бесправный элемент в стране, выделяет из себя всё больший и больший контингент резервной рабочей армии. Кроме этого материального гнёта, обездоленная масса выносит ещё на себе все ужасы юдофобства правительства, полиции, среднего сословия и черни.

Голод, нищета, бесцельное хаотическое бегство из страны в страну, духовная деморализация — суть естественные следствия этого положения, которое всё более и более ухудшается.

Мысль и чувства указывают нам два пути для исторического решения еврейского вопроса. Во-первых, пробуждение в еврейских массах революционных политических инстинктов и еврейское социал-демократическое движение с рабочим пролетариатом в центре и с остальной еврейской массой в периферии, а во-вторых, направление всей хаотической еврейской эмиграции, еврейского векового скитальчества в одну территорию для образования еврейского государства на социалистических основах. Территория эта — древняя страна евреев, Палестина, и её соседние страны, находящиеся под владычеством Англии, как Кипр и Синай. Вместо того чтобы еврейские массы изнемогали под экономическим и политическим гнётom, скитались по всему свету бесцельно, не находя нигде себе приюта, жили непродуктивным трудом и духовно развращались, мысль и чувство всякому должны подсказать, что концентрирование эмигрирующих масс, экономические устои которых пошатнуты, в одну территорию, с целью осуществления таких форм жизни, которые соответствовали бы материальным и идеальным интересам этих масс, есть социальная необходимость еврейской действительности.

Политическая борьба еврейских масс на их местах жительства и стремление к осуществлению автономного еврейского центра не есть противоречие, как это может показаться при поверхностном суждении. Еврейская действительность по всему существу очень сложная.

Еврейская эмиграция — это исторический процесс и никогда не может быть законченным фактом, совершённым в небольшой промежуток времени. **Большинство еврейских масс надолго ещё остаются в теперешних местах жительства, оно неминуемо должно реагировать на своё положение, бороться за своё экономическое улучшение и политические права, за общий идеал обобществления труда и за своё человеческое достоинство. Отвлечь массы от борьбы на месте во имя еврейской автономии в Палестине, это значит выдать еврейские массы и всю нацию врагу в руки и повести еврейство к полному материальному и духовному падению.** С другой стороны, игнорировать во имя борьбы за социализм и за некоторое улучшение рабочего положения все массовые ужасы еврейской жизни, на которые социал-демократическая деятельность не может ответить по своему существу — это преступление по отношению к самым настоятельным еврейским интересам. Ответить изгоняемым, эмигрирующим, ищущим труда и приюта массам указанием на будущий социалистический строй — это значит дать им камень вместо хлеба.

Социал-демократия и социалистический сионизм поэтому те два движения, которые отвечают на реальные нужды еврейских масс и на еврейский вопрос вообще. Целый ряд тактических соображений подсказывает, однако, нецелесообразность соединения обеих этих деятельностей в одну общую практическую программу и делает необходимым раздробление их **в две самостоятельные дружественные организации.** Цели и средства этих двух форм общественной деятельности лежат в различных областях, отношение господствующих классов и правительств к обоим движениям совершенно различно, связь социал-демократии и социалистического сионизма с другими общественными течениями лежит по различным направлениям: **еврейская социал-демократия должна искать точек соприкосновения с местными рабочими, подчас и либеральными партиями, социалистический же сионизм должен домогаться влияния на буржуазный сионизм и на еврейские филантропические учреждения вообще, наконец отношение в самом еврействе к социал-демократии и социалистическому сионизму различно: многие элементы не восприимчивы ещё к социал-демократии, но могут быть восприимчивы к социалистическому сионизму, находящемуся вне сферы классовых интересов.** Эти моменты и многие другие подсказывают благоразумность разделения этих двух форм еврейской общественной деятельности, дающих одинаково ответ на еврейский вопрос, **на две дружественные, но совершенно самостоятельные организации.**

Еврейское социал-демократическое движение с сочувственным отношением к социалистическому сионизму и идее еврейского возрождения и социалистически-сионистическое движение с теоретическим признаванием необходимости революционно-социалистического движения среди евреев на их местах жительства — это те две формы организации, которые могут дать широкий ответ на еврейский вопрос и на нужды еврейских масс.

Наряду с социально-экономическим моментом, диктующим нам необходимость социалистического сионизма, есть ещё и глубокий культурно-психологический мотив, из которого социалистический сионизм вытекает. **Еврейская нация — одна из самых одарённых, самых гениальных наций человечества. Что еврейство внесло крупнейшую долю в сокровищницу культуры, признано историей. Внешнее положение еврейского народа, его бездомность и рабство, превратили этот необыкновенный народ в карикатуру, в народ, который всему миру на посмешище, а себе самому в тягость, исковеркали и извратили его психику. Еврейское пророчество выродилось в безнравственное талмудическое идолопоклонство, еврейская универсальная этика — в еврейскую универсальную биржу и панаму, национальное творчество — в глупое подражание, язык — в жалкий жаргон, индивидуальность — в чужое заискивание, умственная деятельность — в болезненное мудрствование, социальная жизнь — в бегство и скитание, а история — в вековой стон.**

Несмотря, однако, на весь трагизм этой нации, несмотря на всю плачевную карикатурность её жизни, несмотря на отсутствие конкретных национальных форм у неё, жизнеспособность и специфическая одарённость её так велики, что и теперь ещё в ней кроются могучие творческие силы, преимущественно этического и социалистического порядка, которые при нормальном историческом развитии её могут расцвести в великую национальную культуру. Творческий огонь еврейства не погас, он в гнилой безвоздушной атмосфере рабства стал тусклым и мрачным, но при лучших условиях может разгореться в могучее светлое солнце.

Создать условия для расцвета еврейской национальности, дать простор творческим силам замечательного по своей истории еврейского народа — это есть национальная задача социалистического сионизма.

И в этом отношении социалистический сионизм чувствует себя заодно с всеобещающим интернациональным социализмом, на красном знамени которого написано: национальная свобода и простор для национальной культуры всем угнетённым народам!

Социалистический сионизм ставит себе ещё широкую духовно-культурную деятельность. Массы еврейские коснеют в невежест-

ве, в религиозном мракобесии, в талмудическом идолопоклонстве. В этом невежестве и мракобесии держат еврейские массы духовные раввины, продажные казённые раввины, еврейская буржуазия и правительство. Социалистический сионизм объявляет всем этим тёмным и злым силам войну, во имя света, во имя истины, во имя идеи национального возрождения.

В практической еврейской религии, которая, по гениальному слову Гейне, не есть совсем религия, а несчастье, социалистический сионизм видит главный тормоз, который загораживает евреям культуру, знание, свободу. Практически еврейская религия развращает еврейский ум и еврейскую душу, стоит поперёк всякой самодеятельности, держит народ в рабских оковах.

Этот мрак социалистический сионизм хочет рассеять и внести в народ свет социалистического национального идеала.

Еврейская социалистическая молодёжь относится индифферентно (если не совсем враждебно) к идее еврейского государства и еврейского национального возрождения.

Это в сущности ничто иное, как пережиток еврейской буржуазии. Когда под влиянием полной эмансипации евреев на западе и частичной эмансипации привилегированных евреев в России выросла еврейская буржуазия и начала свой хищнический поход против мира, то это было в политических интересах этой буржуазии отрицать еврейскую национальность и вместо неё создать учение о мнимой еврейской религиозной миссии. Так как еврейство не имеет никаких конкретных национальных форм, то этот буржуазный антинационализм привился и еврейской интеллигенции, которая черпала всё своё просвещение и развитие из чужих культур. Антинационализм еврейской социалистической интеллигенции, а оттуда, правда, в меньшей степени, и еврейских организованных масс, вытекает из того, что они ещё не вполне освободились от антиеврейской психологии, навеянной на них еврейской буржуазией.

В глазах еврейских социалистов идея возрождения еврейства дискредитирована, правда, той буржуазно-реакционной формой, которую принял современный сионизм. Но пора же, наконец, понять сущность этого движения и причины, почему оно неминуемо должно было принять этот жалкий реакционный характер.

Не из стремления еврейской буржуазии найти место для приложения своих свободных капиталов, не из стремления этой буржуазии к политическому господству возник сионизм, как это говорят некоторые социалисты. Это настолько же грубое, насколько и наивное объяснение этого, в сущности, замечательного движения. Сионизм возник из сознания еврейских масс, что все их экономические устои пошатнуты и из выросшего на почве этого сознания стремления к лучшей действительности. К этому социально-экономи-

ческому мотиву присоединились национальный инстинкт и национальное самосознание еврейства, которые стали духовным творческим началом этого движения. Но ни общественно-экономический, ни национально-культурный мотив сионизма не успели ещё дифференцироваться по классовым категориям. **Из этого вытекает весь буржуазно-реакционный характер сионизма.** Экономический базис еврейских масс, пошатнутый антисемитизмом, содержит, правда, в себе много разновидностей: он складывается из рабочего труда, из мелкой торговли, из посредничества, маклерства и т. д., причём непродуктивная деятельность — преобладающая форма хозяйственной жизни. Но эта экономическая разновидность слилась в один общий социально-экономический мотив для стремления к новой деятельности без того, чтоб более критические элементы этих масс внесли в этот общий мотив классовую осмысленность.

Среди немощных, духовно слабых, несчастных, рабских масс еврейского народа, не расшатанных ещё классовой дифференцировкой, это стремление к новой действительности ассоциировалось со всеми реакционными и несчастными содержаниями их жизни. Этим массам материально-экономическое страдание народа рисуется с угла зрения жизни мелкой буржуазии, идеал еврейской будущности связывается у них с реакционными вождениями их действительности, средства для достижения этого идеала черпаются из этой **рабской патологической психологии, которая выработалась среди этих масс в продолжение веков.**

И если социально-экономический мотив сионизма хаотичен, не освещен классовым сознанием и ассоциирован со всей рабской и жалкой психологией еврейской массы, то национальный мотив, который играет в этом движении роль творческого начала, ещё более направил это движение по наклонной плоскости реакционерства. Прогрессивные национальные элементы еврейской психики затемнены религиозными традициями, реакционными наслоениями рабской жизни народа. Недифференцированный по своим классовым категориям сионизм создал себе свою национальную идеологию из преимущественно реакционных элементов еврейского национализма: религии, традиций и народных форм жизни.

Не из классовых интересов еврейской буржуазии, не из стремления к наживе или политическому господству вытекает буржуазно-реакционный характер сионизма, а из невежества и темноты народа и недостаточного проникновения классового самосознания и революционной социалистической идеи в массы. Неясно осознанные интересы еврейской буржуазии есть причина буржуазно-реакционного характера сионизма, как это говорят социалисты, но нечто диаметрально противоположное, а именно — ещё не вполне осознанные материальные и идеальные классовые интересы еврейских масс.

На почве этой косности, классовой индифферентности и рабства еврейских масс сионизм принял буржуазно-реакцион-

ную форму, которая всякому человеку, всякому истинному еврею может внушить лишь отвращение. Психология мелкой и крупной еврейской буржуазии, гнилой безыдейной интеллигенции, продажных и невежественных еврейских «писателей» стала психологией сионизма. Причину антисемитизма сионизм видит в какой-то врождённой расовой вражде «народов» к евреям, и каком-то историческом психозе, а это в самом своём основании невежественный и реакционный способ суждения.

В своём национальном идеале этот сионизм не мог подняться выше государства с еврейской эксплуатацией и еврейским угнетением. Без всякого идейного притока со стороны социалистических элементов сионистское движение всё больше и больше реакционно изуродовалось. Оно соединилось с мракобесными раввинами, создало ханжеский культ еврейской религии, занимается само в лице своих представителей позорным ремеслом казённого раввинства и проповедует еврейскому народу разрыв со всеми прогрессивными и возвышенными идеями человечества, которые будто бы обманули еврейский народ. Духовным элементом сионистского движения стали все те гнилые, невежественные и безыдейные интеллигенты, которые нравственно и умственно слишком слабы, чтоб переживать идею социализма.

Но и после всего этого еврейские социалисты не имеют права бросить камень в современный сионизм, ибо они и к сущности его относились враждебно и не только не старались внести в него социалистическую идею, но ложно изображали генезис его и внутреннюю его сущность, сводя его на стремление еврейской буржуазии к наживе и господству. Реакционно-буржуазная форма настоящего сионизма далеко не освобождает еврейских социалистов от их обязанностей по отношению к еврейскому вопросу и идее еврейского возрождения, но скорее возлагает на них святую обязанность внести свет в это глубокое народное явление, создать из него социалистическое движение.

Утопия! крикнут нам за неимением никаких других логических возражений наши противники.

Это возражение с уст социалистов мы примем с большим хладнокровием.

Учреждение различных экономических ассоциаций есть одна из главных деятельностей современного социализма, от которой многие даже ждут осуществления социалистического общества вообще. Ассоциативная колонизация и есть тот путь, который должен повести к осуществлению еврейского социалистического общества, к торжеству свободы, равенства и братства.

И если ассоциация развивается и успеваеет в старых капиталистических обществах, то тем более она должна завоевать себе позицию в новом обществе. Да, на наш взгляд — это единственное условие успеха колонизации вообще.

Упрёк в утопии со стороны сионистов в состоянии вызвать в нас только насмешку сожаления.

Если кто-нибудь заслуживает упрёка в низкопробном, плохом утопизме, то это реакционные сионисты. Невозможность выйти из сферы своей узкой психологии и невежественная уверенность в неподвижности мира и неспособности жизни осуществить более высшие и благоразумные формы — есть жалкий реакционный утопизм самодовольных людей и господствующих классов. Те сионисты-утописты, которые ставят весь успех в зависимость от каприза султана и так называемой дипломатии. **Сионисты-социалисты свободны от того псевдо-романтического угара, по которому колонизация должна начаться только на «святой земле», а не в свободных странах Англии, примыкающих к Палестине..** Не те утописты, которые с идеалом еврейского возрождения сливают самые заветные идеалы человечества вообще, а осуждено на постепенную смерть дело тех, которые в своей ограниченности полагают, что можно людей воодушевить к рабству и нравственным абсурдам.

Социалистический сионизм делает сионизм только возможным. Он расширяет понятие Палестины и делает возможным сегодня же начать реализацию еврейского государства. Он приводит в согласие сионизм с материальными и идеальными интересами народных масс и делает из него великий идеал, за который народ будет бороться и жить. Он будит самые сильные идейные и просвещённые элементы еврейства и ставит их в свой авангард, в то время как буржуазный сионизм подбирает только шпы, а розы топчет ногами. **Он борется против патологических наростов еврейской жизни, против религии и традиций,** и видит в свете и знании своих лучших союзников, в то время как реакционный сионизм строит своё здание на гнилом фундаменте патологического еврейства. Нет, господа сионисты из буржуазно-реакционного лагеря, вы сделали сионизм невозможным, превратили его в утопию рабства, в национальное пресмыкательство, удалили от него самые просвещённые массы и социалистическую интеллигенцию, сочетали его с мракобесием и ханжеством и лишили его, к нашему великому прискорбию, всех соков жизни. **Мы, сионисты-социалисты, поднимаем настоящее знамя еврейской свободы, возрождаем еврейство, внося во все проявления его жизни великий идеал социализма.** Мы — сионисты!

И чем более теперешний сионизм приближается к своей реализации, тем более назревают все те учреждения, которые должны открыть колонизацию, тем очевиднее необходимость и своевременность социалистического сионизма.

Буржуазно-реакционные сионисты хотят колонизации на капиталистических началах и этим обрекают весь сионизм на смерть. Они вносят с самого начала в движение буржуазные классовые интересы и создают непреодолимые социальные преграды, о которые сионизм должен рушиться.

Теперь сионистское движение при всех недостатках в своей конечной цели бескорыстно, но при практической деятельности заговорят интересы капиталистов, буржуазии, техников, агрономов, служащих и всех прочих пресмыкающихся господствующих классов. Разгорится классовая борьба в колонизации, которая разрушит еврейское государство в самом его зародыше. Созданное противоречие интересов будет та скала, о которую сионизм потерпит кораблекрушение. И когда вместо свободы и возрождения наступит классовая вражда и банкротство, то буржуазно-реакционные сионисты будут в этом виноваты перед судом еврейской истории.

Но не менее виноваты будут и еврейские социалисты, если они останутся вдали. Они имеют возможность противопоставить буржуазно-реакционному сионизму свою социалистическую мощь и направить движение по социалистическому руслу.

И их вина перед еврейством будет тем тяжелее, что они как социалисты, самый передовой, самый идейный, самый просвещённый класс народа.

Выступая с социалистическим сионизмом перед еврейской молодёжью, мы надеемся, что лучшими её представителями будем поняты. Мы надеемся, что лучшие представители еврейской молодёжи честно и хорошо отнесутся к нашему призыву. Но мы раньше всего обращаемся ко всем тем из сионистского лагеря, которые, понимая всю несионистичность и нравственную и умственную убогость теперешнего сионизма, ищут новых форм для сионизма, более согласных с их социалистическим кругозором.

Эти рассеянные повсюду элементы мы призываем к организации и шлём им радостное известие, что социалистическо-сионистические группы нарождаются повсюду.

Решение еврейского вопроса сводится, таким образом, к трём основным положениям, а именно:

1. Необходимость социал-демократической организации еврейских масс в их теперешних местах жительства.

2. Необходимость устройства социалистического еврейского государства в Палестине и соседних её странах.

3. Необходимость борьбы против практической еврейской религии и замена её социалистической национальной идеей.

Так как социал-демократическая борьба евреев не находится во внутренней связи с устройством социалистическо-сионистического государства, то эти две формы решения еврейского вопроса должны найти своё конкретное выражение в двух самостоятельных организациях.

За работу, товарищи!

Да здравствует интернациональный социализм!

Да здравствует социалистический сионизм!

ГРУППА СИОНИСТОВ-СОЦИАЛИСТОВ

Лондон, май 1901.

К ЕВРЕЯМ ВСЕХ СТРАН!

Мираж русской революции давно рассеялся. Вместо мраморных дворцов и висячих садов мир увидел безбрежную пустыню, загромождённую развалинами и густо усеянную могилами. Разрушено величайшее в мире государство, до самых основ разорено хозяйство многомиллионного народа, вырождается и вымирает сам народ. Потонули в море крови и все высшие человеческие ценности: религия, совесть, право, наука, опыт веков. Над хаосом царит по-прежнему злобный дух разрушения и обесценения. Как он не оборачивается, какое лицо не показывает, он всё тот же.

Нас, русских евреев, гиблая смута не пошадит и не могла шадить.

Связанные многообразными и тесными узами с нашей родиной — с государственным порядком, хозяйством, культурой страны — мы не можем благоденствовать, когда всё вокруг нас гибнет. И русское еврейство заплатило смуте неисчислимыми жизнями и всем своим достоянием; и в еврейской среде всё наиболее культурное и достойное отиснуто книзу, ввергнуто в нищету и беспомощность и, подавленное скорбью, молча умирает; и наши святыни поруганы, и на ниве еврейской культуры всё выворочено и растоптано; как и русские люди, сотни тысяч русских евреев рассеялись по всему миру: для нас — это второе рассеяние в рассеянии.

Но нам русская смута принесла и особые бедствия, для других невозможные. В отличие от русского народа, остающегося сидеть плотной массой на своей земле и, следовательно, сохраняющего своё единство, добрая половина русского еврейства вошла в состав отщепеншихся от России новых государств. И в этих государствах евреи составляют рассеянное меньшинство, и тут, следовательно, они живут в чужой стихии, так или иначе проникающей в нашу, родную стихию.

В отличие, однако, от прежнего, когда на всём широком просторе единой России еврейский народ, окружённый одной и той же культурой, оставался единым, теперь каждая горсточка евреев вынуждена считаться со своим особым окружением и тем самым отделяется от других таких же горсточек: комплектная масса русского еврейства дробится.

Эта опасность велика, но она ещё в будущем. Нынешний день не радостнее. Новые государства с тем большим усердием насаждают каждое свой национализм, чем меньше они уверены в своей прочности. Молодые, малые и слабые, эти политические новообразования относятся с особой нетерпимостью ко всему чужеродному, и уже теперь, в медовый месяц их самостоятельности, евреям угрожают гонения и ограничения, каких не знала и русская практика: причём весьма отягчающим обстоятельством является и то, что здесь само общество бе-

рёт на себя почин в гонениях, тогда как в России это было делом ведомств.

И ещё бедствие, может быть, всех горше. Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России — грех, который в себе самом носит уже возмездие, ибо какое может быть большее несчастье для народа, чем видеть своих сынов беспутными — не только вменяется нам в вину, но и толкуется, как проявление нашей силы, как еврейское засилье. Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям. Вряд ли в России остался ещё такой слой населения, в который не проникла бы эта не знающая границ ненависть к ним. И не только в России. Все, положительно все страны и народы, заливаются волнами юдофобии, нагоняемыми бурей, опрокинувшей Русскую державу. Никогда ещё над ^головой еврейского народа не скопилось столько грозных туч.

Таков баланс русской смуты для нас, для еврейского народа. Равенство в правах, подаренное нам революцией, ничего в этом балансе не меняет. Мы искали равенства в жизни, а не смерти, в созидании, а не в разрушении.

Несмотря, однако, на столь очевидные, столь подавляющие последствия смуты, значительная, даже преобладающая часть еврейского общества, привыкшего долгие годы ждать от революции благ, всё ещё не решается от неё отвернуться, всё ещё боится что-то потерять с её окончательным крушением и к самим большевикам, **НЕСОМНЕННО, НЕНАВИДИМЫМ**, относится нерешительно, как к производному от революции или одному из её воплощений. Для евреев большевизм «наименьшее» зло, уйдут большевики — нам ещё хуже будет, таковы итоги этого настроения в умах политически незрелых.

Отечественное объединение русских евреев исходит из твёрдого убеждения, что и для евреев, как и для всех населяющих Россию племён, большевики есть **НАИБОЛЬШЕЕ** из возможных зол, что бороться всеми силами против владычества над Россией всесветного сброда — святой долг наш перед человечеством, перед культурой, перед Родиной и еврейским народом, что, одолев это великое зло, мы найдём в себе силы, чтобы бороться против новых трудностей, которые могут встать перед нами в освобождённой России. В условиях жестокого варварства, водворённого и охраняемого большевиками, мы, как народ, бессильны, бессильнее всякого другого народа, ибо мы живём не от земли, мы начинаем уже с более сложного; в условиях правового порядка, даже самого элементарного, мы кое-что значим, тут мы сумеем за себя постоять.

Распространить это убеждение наше среди еврейства всего мира и, раньше всего, русского еврейства, мобилизовать еврейское общественное мнение всех стран для борьбы против большевиков и за восстановление России — такова наша задача.

Всех, кто наше убеждение разделяет, кому ясна важность задачи, которую мы себе поставили, кому ГРОЗНЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ ГОВОРЯТ БОЛЬШЕ ВЫВЕТРИВШИХСЯ СЛОВ, мы зовём в наши ряды. Борьба против большевистского владычества всеми силами; против большевиков — со всеми, готовыми и способными бороться, это единственный символ политической веры, обязательный для членов союза. Пора еврею перестать с опаской оглядываться, не грешит ли он против революции. Есть в настоящий час более важная забота: не погрешить бы против последних основных ценностей человека и человечества, не погрешить бы против родной страны и родного народа.

За Россию и против её губителей! За еврейский народ и против осквернителей его имени!

Берлин 1923 г.

(Напечатано в Сборнике Первом «Россия и Евреи», выпущенном «Отечественным Объединением русских евреев за границей». Берлин. 1924 год.)

РАЗДЕЛ II

ЕВРЕИ В РОССИИ И В СССР

ВОСПОМИНАНИЯ

ФАКТЫ

УЧАСТИЕ В ЖИЗНИ СТРАНЫ

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА-ЕВРЕЯ*

МОЕ ИСПОВЕДНОЕ СЛОВО

Я родился и вырос в еврейской семье, в черте еврейской оседлости, отделявшей евреев, казалось, непроходимой пропастью от всякого доступа к какой бы то ни было карьере государственной службы. И, однако, волей судьбы я стал генералом генерального штаба, на пути занять место временно-исправляющего должность военного министра в (1909 г.) и ездить с докладом к Николаю II...

Моя сознательная жизнь не только зародилась, но и получила первоначальное развитие в еврейской среде, в заплесневелых условиях недоброй памяти черты оседлости. А затем, дальнейшая моя жизнь развернулась в совершенно другой среде, при совершенно иных понятиях и взглядах и при другой обстановке. Это обстоятельство ставит меня, до известной степени, вне и выше тех и других социальных перегородок со всеми их предвзятыми взглядами и предрассудками и даёт возможность, даже при скромной наблюдательности, осветить критическим анализом хорошие и дурные стороны в этих противоположных социальных лагерях.

Скажут, пожалуй: «А голос крови? А прирождённые симпатии и антипатии?»

Слов нет, эти данные неизбежно тяготеют над нашими суждениями и взглядами. Однако, не так уж неотвратимо, как это кажется, и, во всяком случае, их влияние умеряется умственной зрелостью, настойчивой объективностью и естественной для каждого нормального человека врождённой любовью к правде, в особенности, когда все счёты с жизнью покончены и приходится подводить итоги.

стр. 7-8

• ••И я действительно испытал это на заре моей зрелой жизни, когда в 1880 г., во время еврейского погрома в Варшаве, будучи юнкером в Варшавском училище, я под влиянием «голоса крови» схватил свою казённую винтовку и совершенно одинокий, если угодно, донкихотст-

* Книга генерала русского генерального штаба М. Грулева «Записки генерала-еврея» издана в Париже, в 1930 году. Грулев вышел в отставку ещё перед первой мировой войной и уехал во Францию. В войне участия не принимал, хотя к началу войны ему было всего 57 лет.

В своей книге ген. Грулев написал: «последние мои думы и слова посвящаю памяти моих незабвенных родителей и многострадальному еврейскому народу». — «Чистый доход от этого издания жертвуется в пользу Сионизма — в «керен кай-мес лыисроель».

Что из себя представлял сионизм в России — Грулев не мог не знать. Насколько «многострадальны» были евреи в России в 1929 году Грулев тоже не мог не знать.

- А.Д.

вующим рыцарем, бросился на улицу Налевки призывать евреев к самообороне, не отдавая себе отчёта в весьма печальных последствиях, к которым могло повести моё никем не понятое, не замеченное, и даже бесполезное самопожертвование.

стр. 9

...Точно определить время рождения в еврейской среде не так просто, как это бывает при метрических записях в церковных приходах или в гражданских учреждениях. Прежде всего у евреев нет обычая праздновать день рождения — ни вначале, ни впоследствии. В библейской литературе проводится даже мысль, что выделение дня своего рождения есть акт нескромности: все мы рождаемся ничтожными, и только в дальнейшем или заслуги в жизни делают нас достойными внимания, или же мы проходим наш жизненный путь, как незаметные тени. По этому одному уже ясно, что акт рождения ребёнка не связан какой-нибудь регистрацией религиозного или юридического характера. Конечно, русские власти, в своих видах, завели впоследствии казённых раввинов, которые должны были регистрировать гражданские акты у евреев; но так как институт казённых раввинов имел чисто формальный характер, то все их акты были довольно проблематичны. Так шло дело до введения всеобщей воинской повинности, в 1874 г., связанной, как известно, с определённым возрастом. Тогда от евреев потребовали представления посемейных списков, определение возраста по наружному виду и пр.

Но если у евреев не было юридических или религиозных актов, определяющих день рождения ребёнка, то были другие бесспорные данные, определяющие возраст — по крайней мере, для мальчиков: это — день наступления религиозного совершеннолетия, когда мальчику исполнится 13 лет («бар мицве»). В религиозном сознании евреев внедрена уверенность, что до 13 лет за грехи мальчиков ответственны родители, а с 13 лет мальчик сам отвечает за свои грехи и поступки. День религиозного совершеннолетия мальчика, нечто вроде первого причастия у католиков и лютеран, почитается домашним праздником, приглашаются гости, и виновник торжества — не знаю, как теперь, а так было в годы моего детства — должен блеснуть в кругу знакомых специальной диссертацией из талмуда («дроше»), нарочито приготовленной к этому дню под руководством «меламеда» (учителя).

Мне, конечно, не пришлось блистать моей «дроше», потому что в день моего религиозного совершеннолетия я уже находился в русском училище, являясь пионером среди еврейских мальчиков моего городка. В кругу моей семьи этот день, однако, вспомнили. И так как мои покойные родители для моего «бар мицве» более надёжным образом исчислили день моего рождения, чем для казённых посемейных списков,

то и я могу установить, что родился я не 20 мая 1858 г., как значится во всех моих документах, а 20 августа 1857 г.

стр. 13-14

...Мою русскую фамилию ГРУЛЕВ я не присвоил себе произвольно, а унаследовал от моего покойного отца.

стр. 17

...Носил ли дед и прадед фамилию Грулев, я не знаю, потому что никаких бархатных или коленкорových книг у евреев, конечно, не было. Да и фамилии, вообще, среди евреев введены были только лет сто тому назад, одновременно с так называемой «первой ревизской сказкой». Тогда от евреев потребовали, чтобы глава семьи, помимо имени, имел и фамилию.

стр. 18

...Первый домашний обряд над еврейским мальчиком, не считая обрезания, совершается, когда ему исполнится три года — это стрижка волос, которая совершается в кругу родных и знакомых и сопровождается угощением гостей и одариванием ребёнка. Когда мальчику исполнится 6—7 лет, его отдают в «хыдер» — элементарную школу, где он остаётся 7-8 лет и более. Начав с обучения элементарной грамотности на древнееврейском языке, переходя от одного меламеда к другому, более учёному, мальчик-юноша кончал изучением талмуда с разными комментаторами.

Полагаю не лишённым интереса привести здесь в общих, конечно, чертах этот полный курс, который в старые годы проходил мною, а может быть, кое-где и теперь проходит в хыдерах.

Первоначальное обучение азбуке и чтению на библейском языке проходит у меламедов, так сказать, низкопробных, которые сами не претендуют на большую учёность. У такого меламеда обучались в хыдерах 10-15 мальчиков, которые поочерёдно подходили к учителю, и он, держа в руках маленькую заострённую указку («тайтеле»), заставлял учеников громко выкликать букву за буквой с их подбуквенными знаками.

Замечу мимоходом, что в библейском языке вместо гласных имеют ся подбуквенные знаки; так, что, например, первая буква азбуки — АЛЕФ (а) становится о, а, э, и, у — в зависимости от того, какой знак стоит под нею; вторая буква азбуки — БЫЗ (б) произносится бо, ба, бе, би, бу, в зависимости от подбуквенного знака, и т. д.

Тем временем, все прочие ученики тоже громко и нараспев повторяют всё пройденное. Нетрудно себе представить, какая получается

уши раздрающая какофония, слышная даже на порядочном отдалении от хыдера.

...Когда мальчик утвердился в знании азбуки и элементарного чтения, начинают проходить с ним чтение и перевод на жаргон повседневных молитв. Замечу мимоходом, что все, без исключения, молитвы изложены на библейском языке. Единственное исключение сделано для замужних женщин, при зажигании ими свечей, в пятницу вечером. Ввиду слабого развития древнееврейской грамотности у женщин, они, при благословении субботних свечей, произносят соответствующую молитву на жаргоне.

Так как первоначальное обучение грамоте, а также и молитв, совершенно обязательно и неизбежно для каждого еврейского мальчика, хотя бы и для круглых сирот, то невозможно себе представить неграмотного в этой области еврея. В моих детских воспоминаниях встаёт единственный случай, когда со всех сторон буквально тыкали пальцем на какого-то заезжего еврея, который, по слухам, не знал по безграмотности молитв.

Следующая ступень — это изучение «Торы» (Пятикнижие). Потом — «Пророки», и, наконец, венец наук, изучение Талмуда с его многочисленными комментаторами, что начинается, примерно, с 10-11-ти летнего возраста и продолжается бесконечно, до гробовой доски, которой, между прочим, у евреев нет, так как хоронят покойников прямо в земле: «из земли ты пришёл — в землю сойдёшь»...

Мальчики, отправлялись в хыдер ежедневно, не позже 7-8 час. утра, и оставались там весь день до 8-9 час. вечера, т. е. около двенадцати часов с перерывом лишь на два часа, когда отпускались домой на обед. В зимние вечера ученики поочерёдно должны были приносить свечку для общего пользования. Возвращались все домой с фонарями, весёлой гурьбой, радостные и счастливые, что вырвались хоть на кратковременную свободу из-под надзора своих строгих меламедов. Отношение этих последних к ученикам было всегда сурово, а иногда и бессмысленно жестоко: оплеухи и плётка сыпались за дело и без дела; а ученики мстили своим палачам тем, что... лупили козу меламеда, портили его часы, стараясь вообще пакостить своему мучителю всем, чем только возможно, конечно — втихомолку.

По достижении 13-14 летнего возраста обыкновенно заканчивалось учение в хыдере, и либо мальчик бросал совсем хыдерные науки, либо продолжал изучение талмуда в «быс-медресе» (молитвенном доме), соединившись для этого с каким-нибудь ровесником («хавер»), товарищем, одинаково сильным в науках. Эти великовозрастные ученики с утра до глубокой ночи, с перерывом только на время молитв, утренних и вечерних, неистово оглашали воздух зубрением талмуда, являя этим благочестивым занятием предмет зависти для правоверных евреев.

стр 19, 20, 21, 22.

...Что такое талмуд и в чём его содержание? По этому вопросу в долготу веков поломано столько учёных перьев и даже боевых копий, пролито столько чернил, а подчас и потоков еврейской крови, что с моей стороны может казаться, по меньшей мере, большой нескромностью соваться в эту вековую распрю с поверхностными суждениями. Я, однако, изучал в своё время талмуд и, хотя не дошёл до больших глубин его схоластической премудрости, имею всё же ясное представление об его поучениях, не только просветлённое житейским опытом современной жизни, научным и умственным кругозором, но и расширенным отрешением от унаследованных предрассудков, связанных с религиозными верованиями и каббалистическими фетишами талмуда. Некоторый критический анализ с моей стороны мне представляется поэтому вполне уместным.

Изучение талмуда считалось просто благочестивым занятием, во исполнение заветов религии. Мне часто приходилось видеть не искушённых в премудростях талмуда пожилых евреев, которые с религиозным рвением предавались чисто механическому чтению талмуда, понимая очень мало из того, что с таким упоением, нараспев и раскачиваясь смаковали из этой схоластики.

У правоверных евреев считалось даже обязательным правилом иметь в доме весь комплект талмудических трактатов в хороших переплётах. По тому времени это составляло порядочную ценность, которая погашалась срочными платежами долгие годы. Курьёзно то, что книги эти никому не давались и никогда не раскрывались: наличность их просто представляла собою акт благочестия.

Что касается содержания талмудической науки, то в прежнее время правоверные евреи, глубоко невежественные и совершенно чуждые всего, что касается современных общечеловеческих наук, были, однако, совершенно убеждены в том, что талмуд обнимает собою все без исключения человеческие знания, что все прочие науки — сущий пустяк по сравнению с талмудом.

Вспоминается мне поучительный факт из моей юношеской жизни. Беседуют два еврея, оба научившиеся читать по-русски. Один читает другому написанную на русском языке маленькую брошюрку по физике, где часто повторялась фраза — «само собой разумеется», но оба собеседника, видимо, ничего не понимают в прочитанном и с крайним удивлением поглядывают друг на друга, взаимно спрашивая и удивляясь, что ничего не понимают...

— Поняли вы что-нибудь, реб Ицхок?

— Ничего не понимаю! А вот тут все твердят «само собой разумеется»; а ведь мы, слава Богу, умеем читать по-ихнему, и всё ихнее понимаем.

— А может быть тут что-нибудь такое, чего мы не знаем?

— Э, что там у них может быть такое, чего «гморекоп» (талмудская голова) может не знать?

Подобно правоверным магометанам, в отношении Корана, благочестивые евреи были глубоко убеждены, что сокровеннейшие знания таятся только в талмуде; что чего нет в талмуде — то ложно и вредно знать, и, во всяком случае, всё решительно доступно пониманию и знанию талмудиста.

Между тем, содержание талмуда, как я уже заметил выше, представляет собою крайне отвлечённую схоластику, не имеющую ничего общего с современной жизнью, чуждую не только малейших проблесков современных наук, но неспособную даже наводить простой ум человеческий на размышление о предметах обыденных. Самые знаменитые творцы талмуда, почитаемые в древнееврейской литературе как столпы всеобъемлющих знаний, в действительности ничего не оставили потомству, кроме кудреватых толкований вдобавок к уже существовавшим комментариям какой-нибудь каббалистики или тёмных мест талмуда. А что касается какой бы то ни было области мировоззрения или обыденной человеческой жизнедеятельности, то мы встречаемся здесь с круглым невежеством, граничащим с непостижимыми нелепостями с точки зрения современных понятий.

Для подкрепления сказанного можно бы привести множество примеров и указаний, но ограничусь лишь несколькими, всплывшими на память. Вот, например, тезис такого рода: «Всем существам, живущим на земле, соответствуют такие же, живущие в океане, за исключением крота». И — никаких фактов, никаких рассуждений! Аксиома, которая должна быть принята на веру!

При всём том, не только религиозно настроенные невежественные потомки, но и сами творцы талмуда были очень высокого мнения о своей универсальной учёности. Вот как, например, о познаниях в области астрономии выражается один из наиболее знаменитых творцов талмуда, Самуил из Нахордоу: «Пути небесных светил, — говорит он, — мне столь же ясны, как тропинки моей деревни Нахардоу». (Ныгин ли свилы д,ркиа кы свилы д,Нахардоу). Напрасно стали бы мы искать каких-нибудь тезисов или указаний по астрономии со стороны этого учёного. Кроме горделивой фразы — ничего.

В позднейшие, сравнительно, эпохи, лет 70-80 тому назад, когда искание истины и дух свободомыслия, нет-нет, да и врывались в ряды учёных талмудистов, стали появляться редкие толкователи талмуда, стремившиеся примирить его обветшалые поучения, если не с современной наукой, то хотя бы со здоровым смыслом. Одним из таких современных комментариев к талмуду является объёмистый трактат «Гамафтах» — т. е. «ключ» к познанию талмуда. Но эта попытка внести луч света в мрачные дебри талмуда, как в своё время философия Спинозы, встретила жестокий отпор со стороны старозаветных евре-

ев. Автор книги объявлен был еретиком — «апикырес», эпикуром, а учение его — ересью.

стр. 22, 23, 24, 25, 26.

*

...Для совершенствования в высшей талмудической учёности существовало в моё время нечто в виде талмудической академии, «бьс-ешибот», в местечке Воложин, кажется, Виленской губ. Туда стремились еврейские юноши в поисках одолеть сокровенные премудрости талмуда. Собственно, никакой определённой организации в происхождении каких бы то ни было курсов там не существовало. Просто являлись туда полунищие юноши из разных мест еврейской оседлости и под руководством учёных талмудистов принимались за изучение талмуда с его бесконечными комментаторами.

Заслуживает внимания организация внутренней жизни этой бурсы. Помещение, т. е. укромный уголок для сна, предоставлялся даром в каком-нибудь общежитии, но продовольствия — никакого. Для личного пропитания каждый бурсак, «ешибот-бохер», имел свой день у кого-нибудь из местных жителей, переходя каждый день недели на дневное пропитание от одного хозяина к другому. Надо удивляться самоотверженности этих последних: сами в большинстве полунищие, едва добывая скудное питание для своей семьи, урывали они от себя тощие куски, чтобы кормить чужих великовозрастных бурсаков, обладавших всегда волчьим аппетитом. И всё это — ради богоугодного дела, чтобы предоставить им возможность изучать «святую тору», как в простой массе еврейской называлось священное писание.

Какая карьера, какая будущность вообще ожидала этих ешиботников? Предполагалось, в принципе, что эта талмудическая академия призвана снабжать еврейские общины духовными раввинами. Но такое счастье выпадало на долю очень немногих, потому что духовные раввины оставались на своих местах пожизненно, а потому потребность в их пополнении нарождалась очень редко. Когда же, наконец, такой спрос нарождался, общины самостоятельно делали выбор из старейших и известных кандидатов откуда бы то ни было, несколько не считаясь с кандидатами Воложина. Считалось достаточным, если кандидат общины признан был соответствующим назначению, по выдержанию экзамена в знании талмуда перед тремя наиболее известными учёными талмудистами. Ешиботники Воложина оставались, таким образом, в стороне.

Зато туда обращались иногда наиболее благочестиво настроенные родители в поисках учёных женихов для своих дочерей-невест. В общем эти бурсаки влачили крайне неприглядную жизнь. Обездоленные во всём, вынужденные придерживаться строгого, хотя бы наружного благочестия, эти юноши обречены были на прозябание в лучшую пору жизни: для них закрыты были самые скромные, самые примитивные развлечения, отчасти вследствие нищенского существования, отчасти

вследствие обязательного, напускного ригоризма в строе жизни, чтобы быть достойными аспирантами благочестивой карьеры.

В конце 60-х годов лучи света начинают проникать в эти мрачные закоулки еврейской жизни. К этому времени относится учреждение в Вильне правительственного раввинского училища для снабжения еврейских общин и училищ казёнными раввинами и учителями. До ешиботников в Воложине дошли глухие слухи о нарождающейся где-то иной жизни, о лучшей материальной обстановке и лучшей карьере еврейской молодёжи, избравшей новый путь в жизни. Сильно интриговали какие-то неизведанные светские науки, которые преподавались в раввинском училище в Вильне.

Кроме того, кое-какие общеобразовательные предметы стали появляться в переводе на жаргон и древнееврейский язык, и разные учебники контрабандным путём попадали в Воложин в руки молодых талмудистов. Истомившись в мертвящей схоластике талмуда, любознательная молодёжь с жадностью набрасывалась на живую науку, открывавшую для них буквально новый мир. Продолжая для видимости корпеть за фолиантами талмуда, бурсаки рьяно отдавали все свои умственные силы на занятия общеобразовательными предметами. Не поывая в учебных заведениях, добывая с неимоверными усилиями запрещённые книги, занимаясь украдкой днём и ночью, то прикрываясь толстым фолиантом талмуда, то ночи напролёт просиживая при тусклом свете добытой «шабашулки» над учебниками по общеобразовательным предметам, многие бурсаки прямо из ешибота являлись в высшие русские учебные заведения и блестяще выдерживали вступительные экзамены, проявив себя впоследствии на разных поприщах общественной и государственной деятельности.

В конце 60-х годов, под влиянием охвативших всю Россию просветительных реформ, в городах и местечках еврейской оседлости начинают возникать правительственные школы грамотности специально для еврейских детей школьного возраста. Открытие таких школ нарочито обставлялось со стороны правительства некоторой помпой, при обязательном участии местных властей и представителей еврейских общин. Эти последние делали вид, что охотно идут навстречу правительственным начинаниям в деле насаждения просвещения среди евреев, т. е. подавляющее большинство, немало ворчали на новшества, которые, по их мнению, имели одну цель — выращивать «гоев» из еврейских детей.

Посещение этих школ считалось в принципе ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ. Создалась своего рода школьная повинность, обязывавшая родителей посылать детей в школу. За исполнением этой повинности должны были следить казённые раввины, они же заведовали и преподаванием в школах. Одно это обстоятельство служило порукой, что повинность эта не будет проводиться со всей строгостью, потому что начальством являлся в данном случае казённый раввин, т. е. свой же еврей, во многом зависевший от еврейской общины. Но знаменательным является

этот назидательный факт — стремление со сторошрусского правительства насаждать просвещение среди евреев, хсщбы насильственным путём.

Немало поощряли евреев к посещению русских учебных заведений путём стипендий и денежных пособий. Сам я подпал какую-то стипендию, без всякой надобности, без всякой просьба с моей стороны, просто, как подарок. 60 руб. в год за прохождение киса в уездном училище. Непостижимо для меня то, что даже после окончания мною училища начальство усиленно предлагало мне продолжать посещение училища, обещая повысить стипендию.

Словом, для евреев уже тогда, 60-70 лет тому наад, введено было, по крайней мере на бумаге, ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ грамоте, хотя для русского населения этого ещё не было. Вж как правительство заботилось тогда о просвещении среди евреев!

стр.16, 27, 28, 29, 30.

Этот прогресс сильно импонировал мальчикам отсталым, ученикам хыдера, и им также страстно хотелось попасть в школу «под орёл», чтобы маршировать и распевать русские песни:

*...Нынче свет уж не таков
Люди изменились,
Стало меньше дураков,
Люди просветились
и т.д.*

Мне тоже очень хотелось попасть в эту школу,! я упрашивал товарищей счастливых, уже попавших в училище, чтобы они на меня «донесли», т. е. чтобы меня потребовали в школу; но все мои маневры не имели успеха, не помню по каким причинам.

С завистью смотрел я на некоторых сверстников, вторые, подпрыгивая, шли в «школу с орлом» с русскими книжками в клеёнчатой сумке.

Вообще, открытие казённых училищ для евреев внесло тогда заметное оживление в унылую еврейскую жизнь. Правшество придумывало всевозможные меры, чтобы приохотить еврейских родителей к посылке их детей в русские школы...

стр. 31.

...Это было настоящей революцией в отношении еврейского общественного мнения, потому что я был первым еврейским мальчиком, перешагнувшим порог русского учебного заведения: ли после меня, когда я уже кончил училище, прошло несколько лет,цока нашлись подражатели моему смелому примеру.

В противоположность позднейшим временам, щя приняли в училище, что называется, с открытыми объятиями, идокечерез несколь-

ко месяцев, к удивлению моих родителей, мне дали награду — неведомо за что — 60 руб., тогда как христианские ученики таких наград не получали.

стр. 82.

...Всё же, что имело отношение к духовной жизни: взаимоотношение родителей, членов семьи, брак, семейное начало и пр. — всё это из поколения в поколение давным-давно унаследовано было в строго определённой форме, уложенной в определённые рамки, согласно требованиям религии, и поддерживалось и соблюдалось наравне с 10-ю заповедями Моисея.

Внесемейной близости между полами не допускалось ни в малейшей степени. Мужчины и женщины всех возрастов никогда не здоровались за руку. Знакомые и не знакомые между собою мужчины и женщины могли вступать в разговор только по делу, но не для праздной беседы; они никогда не могли бы пойти вместе, рядышком, на прогулку. Это, по меньшей мере, не принято было среди ортодоксов; а другие, прогрессисты, составляли большую редкость в черте еврейской оседлости, потому что если бы нашлись такие отступники от общепринятых нравов, то их заклевало бы общественное мнение, а мальчишки просто отравили бы им существование.

Вспоминается мне из моего детства факт такого рода. Поселился в нашем городке откуда-то приехавший еврей-парикмахер, у которого была молодая жена. Самое ремесло парикмахера уже считалось в то время передовым и либеральным — потому что кто же тогда чувствовал потребность в этом искусстве, в особенности среди евреев, когда можно было стричь друг друга без всяких парикмахеров, домашним способом, схватив одной рукой щепотку волос и подрезав её ножницами; претендовать на стрижку «под гребёнку» — это было уже неслыханным франтовством. Естественно, что появление парикмахера было уже большим новаторством, и неудивительно, что парикмахер делал попытки вести себя как человек передовой и однажды позволил себе наедине, у себя дома... поцеловать свою жену. На его беду мальчуганы подсмотрели в окно эту супружескую вольность. Бедному парикмахеру потом долгое время не было проходу от атак и освистков еврейских мальчуганов-озорников за такое нарушение еврейских нравов.

стр. 35-36.

... Для женской половины, не исключая молодых и юных, не допускалось франтовства или кокетства. Конечно, родители сами выбирали женихов или невест, и юные молодожёны могли увидеть друг друга не ранее, как у брачного ложа, когда они стали уже мужем и женою.

...В холостяцком кругу никогда нельзя было бы услышать, даже при интимной беседе, каких-нибудь сальных анекдотов. Это не в обычае было; да и у еврейской молодёжи просто отсутствовала всякая практика в этой области: недоставало, так сказать, фабул для таких анекдотов, не говоря уже о том, что эта скверность строго запрещалась религией. Талмуд на этот счёт выражается так: «Всем известно, зачем идут под венец; но если кто оскверняет язык свой — не достоин царства небесного» («кол гамнабэл пивынлы хейлед, л,юлам габо»).

Требования принятой морали, которые предъявлялись женщине, были ещё строже, чем к мужчинам. Девушка, которая согрешила перед браком, не только не могла рассчитывать на выход замуж, но никоим образом не могла бы оставаться в своём городе. Да это была такая редкость, что и не запомню такого случая хотя бы понаслышке. Считалось непристойным не только какое бы то ни было кокетство со стороны женщины, но даже голос её в пении не должен быть слышен. Что бы сказали нынешние еврейские примадонны, если бы знали, что Талмуд так выражается насчёт женского пения: «Кыл бишо — эрво» («голос женский (в пении) — одна скверность»).

Гигиена брака и супружеской жизни обставлены были у евреев теми же утрированными требованиями и запретами, как и всё прочее в семейном и домашнем быту; потому что всё это регламентировалось требованиями религии и бесчисленным множеством комментаторов, измышления которых принимались к обязательному исполнению. Достаточно сказать, что в супружеской жизни муж не должен был дотронуться, буквально, до своей жены во всё время менструального периода.

Но вот дальше уже утрирование «Шулхан-Оруха» (точный перевод — «накрытый стол»), граничащее с крайней нелепостью и бессмыслицей. Когда указанный период прошёл, муж не может сблизиться с женой прежде, чем разрешит раввин, после того как последний убедится, по вещественным доказательствам, что период этот действительно уже прошёл. Для этого старушки-посредницы обыкновенно прибегали к раввину — когда на дом, а иногда даже в синагогу в присутствии посторонних, и таинственно, под платком, демонстрировали вещественные доказательства. Раввин тщательно рассматривал и изучал эти следы, после чего решал, следует ли менструальный период считать оконченным или нет. Если да, то после надлежащего омовения в «микве» жена становилась доступной своему мужу.

...Брачный союз, как я заметил выше, решался исключительно родителями с обеих сторон. Подбор производился, конечно, отчасти по признакам социального и материального положения; но важным стимулом служила в отношении жениха его учёность — знание талмуда, а в отношении невесты — знатность рода («яхеен»): есть ли какой-нибудь раввин в близкой или дальней родне и т.п., и тогда определялась сумма приданого со стороны невесты.

стр. 38, 39 и 40.

...Выговаривался обыкновенно, вдобавок к приданому, год-другой жизни у родителей невесты на всём готовом. Молодые за это время могли осмотреться, и, прежде всего, исполняя завет «плодиться и множиться», нарождали детей.

стр. 41.

...Еврейские общины того времени в отношении религиозных верований, даже и в домашнем и в общественном быту, были расколоты на две половины — «миснагим» и «хасидим». Это, строго говоря, не расколовшиеся секты, а общее расхождение в силу возникшего когда-то спора по религиозным толкованиям заветов и преданий. Причём одна половина, именно хасиды, отличавшиеся большим фанатизмом, увлекались всё дальше и глубже по пути мистического изуверства и религиозной фантастики. Появились у них особые святые — «цадики», святость которых переходила даже наследственно, по нисходящей линии. Это были настоящие владыки, властвовавшие над всей духовной жизнью своих адептов. Надо удивляться, как это в недавнее, сравнительно, время, среди людей, поглощённых житейским реализмом, не чуждых иногда некоторого образовательного развития, рядом с запросами современной умственной жизни, могло уживаться такое добровольное порабощение.

Правоверные хасиды настолько преданы были своим цадикам, что ничего не предпринимали без того, чтобы не посоветоваться и испросить благословение цадика. Что бы ни случилось в семье хасида — женить надо взрослого сына, молодая невестка не приносит потомства, внедрилась хроническая болезнь, обрушилось преследование властей — обо всех житейских невзгодах прежде всего испрашивается совет и благословение цадика.

В конце 60-х и начале 70-х годов в мире хасидов особой славой пользовался цадик из мест. Любавичи, в пользу которого ежегодно делались сборы среди его приверженцев: говорили, что доходы его простирались до нескольких десятков тысяч рублей в год. Сам я в 1875 году — тогда уже 17-летним юношей, свободомыслящий и начитанный в древнееврейской литературе, сам уже пробовавший свои силы в поэзии и прозе на древнееврейском языке — по дороге в Могилёв на Днепре, во время остановки в мест. Любавичи (ездили тогда на лошадях) возымел смелую мысль повидать цадика, чтобы поближе проверить его святость. Без большого труда, в числе других паломников, я был допущен в святая святых для хасидов. Я ломал голову, какой бы придумать предлог для моего посещения, связанного якобы с нарочитой поездкой к его святейшеству. В раздумье над этим вопросом я неожиданно был введён на аудиенцию к «раби», не успев остановиться

на каком-нибудь определённом решении. В последнюю минуту я необдуманно ухватился за обычную банальную причину паломничества к цадику — пожаловаться на бедность. Когда раби спросил меня давно ли я женат, то я совсем сконфузился и не сразу мог ответить. Я почувствовал, что меня охватил пронизывающий взгляд умных глаз цадика, которому, очевидно, показалось подозрительным и моё благочестивое целомудрие, и самое мое посещение. Я ещё больше смешался и, пролепетав несколько слов, ретировался.

Я слышал впоследствии, что, благодаря многочисленным посещениям поклонников, всевозможных состояний и званий, выслушивая разнообразнейшие перипетии подлинной жизни, цадик, вполне естественно, приобретает глаз зоркий, наметанный, способный уловить своего собеседника с первого взгляда. А в данном случае, со мною, не требовалось много проницательности, чтобы обезоружить меня с первого слова, и я ушёл, что называется, не солоно хлебавши.

Сравнительно более индифферентные в делах религии, считающие себя до некоторой степени свободомыслящими, миснагды изошрялись в вышучивании хасидов и их цадигов во всевозможных сатирах, в стихах, прозе и на сцене. На этой последней, шумный успех имела прелестная оперетка «Ни бе, ни ме, ни кукареку», которая по капризному разрешению властей была однажды поставлена на сцене в Петербурге в начале 70-х годов, и музыка которой так пришлась по вкусу русской публике, что десятки лет танцевали кадрили под эту музыку во всех клубах Российской империи, столичных и провинциальных. Тогда же появилась на древнееврейском языке прелестная сатира какого-то анонимного автора, под названием «Олом к, миного ноэг», т. е. «Свет, каков он есть», в которой весьма едко и остроумно осмеивались цадики, хасиды и их изуверства. Автор, конечно, подвергся бы гонению со стороны влиятельных хасидов, если бы не скрылся под псевдонимом.

Вообще, к престижу своих цадигов хасиды относились чрезвычайно ревниво и — как вообще люди, одержимые слепым фанатизмом, отличались крайней нетерпимостью к инакомыслящим.

Рознь между миснагдимами и хасидимами была настолько значительна, что вопрос этот всплывал не только в делах религии, но и в обыденных деловых сношениях, даже в вопросах семейного родства. Возникал ли вопрос о торговой сделке, о предстоящем сватовстве и т. п. — сейчас же первый вопрос, к какому толку принадлежит договаривающаяся сторона — миснагдимами или хасидимами.

Конечно, молитвенные дома были совершенно отдельные у тех и других, и даже сами молитвы заключали в себе существенное различие. Почти ежедневно, а по субботам обязательно, хасиды непременно окунались в микве перед утренней молитвой; во время самой молитвы проявляли чрезвычайный раж: размахивали руками, подпрыгивали, неистово раскачивались, пронзительно выкрикивая слова молитвы и т. п.

стр. 44, 45, 46. 47.

. Жизнь ортодоксальных евреев того времени, т. е. почти всей массы еврейства без исключения, вращалась между синагогой и повседневными занятиями. В мире нет народа, который до такой степени был бы поглощён религиозным культом, как евреи, у которых все закулки жизни, вся без исключения жизнедеятельность регламентируется требованиями религии. Запросы религии поглощают чуть ли не столько же времени, сколько уходит на все прочие занятия для добытия хлеба насущного.

Ежедневно, с утра, нельзя взяться за какое-нибудь дело пока не отойл утренней молитвы («давен») — по возможности непременно в синагоге, в обществе не менее 10 человек («миньон»). Эта утренняя молитва, в соединении с разными беседами и ожиданиями пока не наберётся 10 человек молящихся, длится не менее 1-2 час. Около 4-5 ас. дня — сумеречная молитва («минхе»), после которой, едва вернувшись к себе домой, как надо опять идти в синагогу для вечерней молитвы («майрив»).

Эти три молитвы, вместе с приготовлениями и хождением в синагогу взад и вперёд, отнимали не менее трети рабочего дня и считались совершенно обязательными для сколько-нибудь набожного еврея. Но благочестивые евреи не довольствовались этим, а вставали задолго до рассвета, и при еле мерцающем свете особой тонкой светильнички, свёрнутой в клубок, читали ещё особые молитвы. Некоторые из этих молитв, более соответствующих псалмам, странным образом связаны с... пением петуха: заповедано, что петух пробуждается и поёт, видя Саваофа входящим в рай в компании большой свиты праведников; петух поёт при этом хвалу СЕМЬ раз, ни больше, ни меньше, причём каждому пению петуха соответствует особое молитвенное изречение.

Где бы еврей ни находился — в путешествии или дома, занятый каким-либо делом, он обязательно становился на молитву три раза в день, в указанные часы. А так как для утренней молитвы ещё требуются особые атрибуты — («тфилим») даже для подростка, начиная с 13-ти лет и, кроме того, ещё («талес») религиозная накидка для женатых, то, отправляясь в дорогу, надо было всегда иметь с собою этот обязательный и неизменный багаж.

В пище, одежде и обиходе домашней жизни евреи того времени крепко держались старины, которая насквозь проникнута была строжайшими требованиями религии, вернее сказать, многочисленными комментариями Торы и Талмуда. Наиболее популярным и обязательным регламентом для повседневной жизни правоверных евреев, во всех её проявлениях, служит, как я заметил выше, «Шулхан-Орух», т. е. «накрытый стол», в котором до мельчайших подробностей, даже иногда воображаемых, изложены все правила жизни, во всех её проявлениях — в отношении пищи, одежды, жилья и всей вообще жизне-

деятельности — даже такая мелочь, как и когда можно подстригать усы, обрезать ногти и проч.

И до каких только геркулесовых столпов не доходят разные комментаторы в своих толкованиях не только Торы или Талмуда, а даже до поверхностных намёков, оброненных в этих священных книгах. Вот на выдержку два случайных примера, которые приходят на память. В одном из трактатов Пятикнижия есть коротенькая фраза: «Не вари ягнёнка в молоке матери его». Трудно сказать, что следует подразумевать под этой метафорой, если принять во внимание, что в древние времена любили окутывать мысль притчами и загадками. Но, на беду евреев, над этой фразой в долготу веков нагромоздилось столько головоломных толкований, регламентов и запретов, что повседневная пища, утварь и проч. оказываются до крайности связанными сложнейшими ограничениями: не только — Боже упаси — нельзя жарить кусок мяса в коровьем масле, но необходимо обязательно иметь особую столовую посуду, отдельно для пищи мясной и отдельно для пищи молочной.

В одном месте Торы есть указание, что для вспахивания своего поля не следует впрягать мула с коровой. Бесконечными кудреватыми толкованиями всевозможных комментаторов эта фраза в отношении бедных евреев, у которых нет ни поля, ни мула, ни коровы, выразилась в том, что... на рваные штаны из бумажной ткани нельзя наложить заплату из ткани шерстяной, и даже нельзя воспользоваться заплатой из бумажной ткани, если для шитья имеется только шерстяная нитка.

стр. 48, 49, 50 и 51.

...Строго придерживались старины и в одежде, хотя в начале 50-х годов последовал даже высочайший указ об обязательных изменениях в одежде мужчин и женщин у евреев. Вопреки позднейшим правительственным веляниям, имевшим целью всячески обособить евреев, Николай I стремился, наоборот, всеми мерами ассимилировать евреев с остальным населением империи и начал с реформирования одежды.

Немало мне в детстве приходилось слышать рассказов взрослых о плаче и рыданиях, которыми сопровождалось введение в действие этого указа. В городах и местечках черты оседлости евреи толпами, стар и млад, мужчины и женщины, бросились на кладбище, где на родных могилах, неистовым воем, плачем и причитаниями молили о заступничестве предков. Прошло, однако, немного лет и молодые еврейки скоро забыли свои дореформенные полуазиатские одежды и охотно стали франтить в европейских костюмах. Указывая на какую-нибудь молодую модницу, кумушки постарше сокрушались о пролитых потоках слёз, которыми сопровождалось объявление указа о реформе одежды. Старушки долго ещё и на моей памяти, вопреки указу одевались по-старому, ценою, конечно, некоторой дани в пользу полицейских цензоров.

Эта дореформенная одежда состояла у женщин из головного убора в виде большого тюрбана или огромного платка, навёрнутого вокруг

головы, так чтобы, Боже упаси, малейший волосок не смел показаться из-под нижних складок тюрбана; платье — пёстрый тюник без рукавов и широчайшая юбка.

Реформа заключалась в упразднении тюрбана и тюника. Особенно мучительно было расстаться с тюрбаном, потому что еврейка, по выходе замуж, обязана прятать свои волосы. Найден был такой компромисс: вместо тюрбана женщины придумали «гор-банд» — повязка, или чепец, на волосы из чёрного атласа со сборками в виде вьющихся волос и даже с пробором из белой шелковинки; так чтобы с внешней стороны было похоже на причёску из собственных волос, которые по-прежнему прятались тщательным образом или сбривались вовсе.

Одежда мужчин и после реформы не претерпела больших изменений; она состояла из длинного халата с низкой талией; у богатых ещё «Страймеле» — шапка, опушенная соболем, и халат атласный. «Пейсы», отрошенные завитушки волос на висках, остались неприкосновенными и после реформы, хотя полицейские иногда гонялись с ножницами в руках за длинными пейсами на улице, но такая атака ограничивалась выкупом в два пятака, и тем кончалось правительственное мероприятие.

...Дело в том, что под давлением суровой действительности евреи вынуждены были волей-неволей поступиться многими традициями и запретами: давно уже отказались от длиннополого халата, пейсов, не только стригут, но и бреют усы и бороду; вполне пренебрегают ежедневными молитвами. Но что касается пищи, то весьма знаменательно, что ведь до сих пор мы встречаемся, например, в газетных объявлениях, что еврейские рестораны всегда нарочито подчёркивают указание «кошер». Значит, еврейская кухня поныне регламентируется указаниями «Шулхан-Оруха»? Верится с трудом!

Чтобы иметь понятие, что скрывается под терминами «кошер» и «трыф», необходимо указать, как эти религиозные требования отражаются в домашнем обиходе евреев. Прежде всего крайне ограничен выбор в области животного царства: есть мясо можно только от таких животных, которые жуют жвачку и, вместе с тем, имеют расщеплённое копыто; одного из этих признаков недостаточно. На этом основании годится для питания только мясо рогатого скота. Всё прочее — под запретом. Из царства пернатых разрешается только домашняя птица. Всякая дичь запрещена.

Малейший признак болезни животного, даже при сомнении только, ставит его под абсолютное запрещение употребления в пищу. Способ убой скота подвергнут строжайшей регламентации и сводится к тому, что животное не должно испытать ни малейшей боли. Достигается это тем, что убой разрешается только особым профессиональным резникам, произносящим при убое особую молитву, и могущим пользоваться только специальными остроогточёнными ножами, при помощи которых коротким махом прорезываются через шею все кровеносные сосуды одновременно, для того, чтобы сразу выпустить всю кровь

животного; тотчас после убоя лезвие ножа тщательно проверяется, и если обнаружится малейшая зазубрина, то зарезанное животное считается падалью, и мясо его для пищи запрещённым.

Убой, наконец, произведён согласно всем правилам ритуала, и всё в порядке. Всё же нельзя пользоваться мясом всей туши. Дело в том, что, как повествуется в пятикнижии, при самом зарождении истории еврейского народа, один из наших прародителей, благочестивый Иаков, боролся с ангелом и уложил его на обе лопатки. Казалось бы, всё обстоит благополучно, и мы могли бы через 5000 лет приняться спокойно за обед. Оказывается нельзя: потому что во время бокса ангел где-то «тронул», быть может, и повредил, заднюю часть ноги, около торса, патриарха Иакова. И вот, в воспоминание этого события, или в наказание евреям, на вечные времена запрещено употреблять в пищу заднюю, т. е. лучшую часть мясной туши: можно пользоваться мясом только передней, худшей части; задняя же часть обязательно продаётся кому угодно, только не евреям.

Наконец, вы обрели уже кусок тощего мяса из рёбер или передней лопатки и принесли домой. Однако вы не можете сейчас пользоваться этим мясом — ни варить, ни жарить; должны сначала его засолить и держать в соли не менее 1-2 часов, для того, чтобы мясо было очищено от всяких признаков крови.

Из рыбного царства выбор также ограничен. Употреблять в пищу разрешается только те породы, которые имеют особые плавники и покрыты чешуей. Значит, почти все морские породы запрещены.

К указанным выше ограничениям и запретам надо ещё прибавить строжайшее запрещение смешивать что бы то ни было из пищи или посуды мясной с пищей или посудой молочной: брызнуло что-нибудь из сливочного масла на мясное блюдо — и оно уже в пищу не годится; взяли по ошибке мясной нож для масла — и нож уже ни на что не годится, ни для мясных, ни для молочных блюд; впрочем, как компромисс, для маловерующих, допускается пользоваться таким ножом после того, как продержали нож воткнутым в землю час или два.

Как же нынешние еврейские рестораны управляют с этим «коше-ром»?

Домашний быт евреев в прежнее время был в полном смысле слова закабалён требованиями религии: принятию пищи предшествует омовение рук по особому ритуалу и молитва; окончание трапезы, пробуждение и отход ко сну, отправление естественных надобностей — всё сопровождается молитвой, а избежание какой-нибудь опасности — особой публичной молитвой в синагоге.

стр. 51, 52, 53, 54, 55, 56.

*

...От первой звезды пятницы до первой звезды субботы — каждый шаг регламентировался требованиями религиозных верований и веко-

выми преданиями и традициями до мельчайших подробностей, обнимая собою пищу, времяпрепровождение и проч.

Уже с вечера четверга надвигается праздничное субботнее настроение, потому что замешивается тесто для «халы» — особые субботние калачи, которые по своей выпечке высоко ценились и русским населением в черте оседлости. Во весь день пятницы это предсубботнее настроение идёт возрастая, потому что закипает праздничная стряпня для встречи субботы вечерней трапезой, неизменное меню которой установлено многовековой традицией: фаршированная рыба, домашняя вермишель, «цимес» (репа, поджаренная на меду или сахаре) и компот из чернослива. Затем в пятницу необходимо ещё приготовить всю пищу на день субботы, так как в этот день не только нельзя разводить огонь, но и задаваться какой бы то ни было стряпнёй. Меню субботнего дня тоже установлено веками и включает в себя «цолент» (суп) и традиционный «кугель» (своеобразный пудинг).

Всё это обязательно заготавливается в пятницу.

Одновременно с этой домашней стряпнёй в недрах кухонной лаборатории идёт на улице усиленное движение и торопливая суета ввиду необходимости закончить все дела до звезды. Продолжается эта суета недолго. Оживление быстро идёт на убыль. Понемногу затихает уличное движение, чувствуется замедление обычного темпа уличной жизни, одна за другой закрываются лавки. По главной торговой улице торопливым шагом пробегает синагогальный служка, громко выкликая «иден гыйт ин шул арайн» («евреи, ступайте в синагогу»). Это служит оповещением для запоздалых лавочников, что на небесном своде обнаружена где-то первая мерцающая звёздочка и что надо торопиться. Ещё несколько минут, и на оживлённой торговой улице, главной артерии города, все лавки закрыты, нет ни движения, ни шума — уличная жизнь совершенно затихает.

В городах и местечках черты оседлости, где вся, без исключения, мелкая торговля сосредоточена была в руках евреев, день субботы с внешней стороны представлял собою своеобразную картину мёртвого царства. Вместе с Творцом Вселенной, утомившимся когда-то шестидневным мирозиданием, предаётся праздничному отдыху и хлопотливая еврейская беднота после шестидневной утомительной погони за чёрствым куском хлеба.

Дома тем временем идёт предсубботняя чистка и уборка. Предназначенная для субботы кухонная стряпня постепенно засовывается в печь и, когда эта сложная операция закончена, печка «запечатывается», т. е. попросту замазывается глиной вокруг заслонки.

Подготовка для встречи субботы закончена. Все члены семьи переодеваются в праздничное платье. Мужская половина, стар и млад, отправляется в синагогу для встречи субботы. Женская половина остаётся дома, причём хозяйка дома, а также и другие замужние женщины, должны заняться благословением субботних свечей, которых каж-

дая женщина зажигает по числу рождённых ею детей, сопровождая это благословение особой молитвой на жаргоне.

Замечу мимоходом, что в области древнееврейского языка и литературы надлежащую подготовку получали только мальчики. Для женской же половины даже доступ в синагогу закрыт до выхода замуж, поэтому знание молитв и древнееврейской литературы среди женщин было очень поверхностно или вовсе отсутствовало.

...Тем временем и в синагоге с появлением первой звёздочки зажигаются многочисленные свечи; все уголки озарены необычайным обилием света. Кантор начинает петь гимны в честь субботы. При ярком освещении, одетые по-праздничному, обыкновенно удручённые и озабоченные, чувствуют себя в праздничном настроении, забывая на время все гонения рока, всю будничную юдоль.

...Служба, молитвы кончены. Все взаимно поздравляют друг друга с «доброй субботой». У выхода из синагоги длинной шеренгой выстраиваются нищие, как местные, так и иногородние гастролёры (есть и такие), лишённые возможности иметь у себя субботнюю трапезу. Но это поправимо: евреи слывят «рахмоним бны рахмоним» (сердобольные сами и от предков сердобольных) и, выходя из синагоги, разбирают по одному - по два нищих, которых приводят домой, за общий стол, к скрытому ужасу неподготовленной хозяйки, обуреваемой в эту минуту жгучим вопросом — «хватит-ли»?...

Зато сам «балабос» (хозяин) доволен своим благочестивым жестом — тем, что ни с чем не считаясь, рад поделиться с голодающим своей убогой трапезой, — и с особым сладчайшим упоением распевает «змирес» (поэтические вирши и дифирамбы) в честь субботы, под аккомпанемент всех чад и домочадцев.

Наступил, наконец, день субботы; а с ним — совершенно исключительный ригоризм субботнего отдыха. Нет того обычного правила, религиозного или юридического, в силу которого принято обыкновенно «что не запрещено, то разрешается». Евреям в субботу всё запрещено: «нельзя прикоснуться к подсвечнику, нельзя тронуть пальцем монету (чтобы быть возможно дальше от всякой торговли), нельзя тронуть спичку, зажжённую свечку и т. п. Выходя на улицу, надо тщательно осмотреть карманы, не осталось ли чего-нибудь — даже носовой платок и тот надо вынуть и либо оставить дома, либо обернуть вокруг шеи, обратив его, так сказать, в часть туалета; носить нельзя даже излишек ногтей на пальцах; ещё накануне, в пятницу, ногти должны быть обрваны и брошены, причём не где-нибудь — в мусор, а обязательно — в печку, с присоединением тут же срезанных ножом с деревянных косяков или подоконников маленьких стружек, которые предназначаются в свидетели, что сделано всё по закону.

Словом, в субботу обычная жизнь парализована во всех проявлениях, во всех мелочах.

Волей-неволей приходится находить некоторые компромиссы: что-бы можно было, например, пронести что-нибудь к соседу, на ближай-

шую улицу протягивают «ырев» — проволоку, соединяющую верхушки двух жердей; и тогда охваченное пространство считается как бы двором, в пределах которого можно, значит, пронести что нужно.

После полуденного отдыха в субботу все опять устремляются в синагогу, чтобы послушать заезжего «магида». Это часто заурядный проповедник с претензиями на некоторую учёность: понасочинив собственными хитросплетениями какие-нибудь кудреватые толкования на облюбованное место Талмуда, он с этим багажом разъезжает по городам и весям оседлости. Вознаграждением за эту учёную премудрость служит... даровой обед, на который позовёт какой-нибудь сердобольный ревнитель Талмуда; а на следующий день в сопровождении синагогального служки учёный талмудист ходит по домам, собирая грошики для дальнейшего путешествия. В виде чистого дохода за учёность остаётся прокорм, да и то не всегда...

Из годовых праздников наиболее тяжеловесные и длительные приходятся на месяц Тишры — начало нового года по еврейскому летоисчислению. Уже за две недели, предшествующие «Рош-Гашоно», празднику нового года, навевается молитвенное и постное настроение. Ранним утром, едва забрезжит свет, все спешат в быс-медрес на длительные молитвы, предшествующие обыкновенному «давнен». Десятью днями позже двухдневного нового года наступает «иом-кипур» — день всепрощения. Для всех в этот день обязательны пост и молитва в течение 24-х часов — целый день не выходя из молитвенного дома. Начинается иом-кипур приношением в жертву домашней птицы, курицы или петуха, каждым членом семьи, в зависимости от пола. К вечеру, накануне, все спешат в молитвенный дом, где вся внутренняя обстановка представляется в необычайном торжественном виде: перед самым входом в синагогу идёт экзекуция — многие подвергают себя установленным 30 ударам плёткой, отсчитываясь перед Всевышним в принятии наказания за некоторые серии определённых грехов.

В самой синагоге уже слышны сдержанный плач и стенания; уныло горят высокие восковые свечи в ящиках с песком. Пол устлан сеном, потому что все без обуви, в знак траура. Взрослые одеты в белоснежные балахоны, в которых принято хоронить покойников.

Всё затихает. Все становятся сосредоточенными и серьёзными. Наступает торжественная минута. Кантор со своим маленьким хором начинает традиционный «Кол-Нидры». Трудно указать, кто и когда был композитором этого напева; одно несомненно, что этот напев зародился в глубине многих веков, навеян тёплым религиозным настроением и является творчеством недюжинного музыкального таланта. Лучшим показателем служит не только факт многовековой живучести этой мелодии на белом свете всюду, где рассеяны евреи, но также и то, что и в наше время лейтмотив Кол-Нидры вдохновляет многих композиторов, евреев и не-евреев, для бесконечных вариаций на эту музыкальную тему.

Недели через две после иом-кипур идёт праздник «сукс» (кучки), заканчивающийся весёлым и интересным праздником «симхасторе»

(радость торе). Все обязательно должны веселиться. В этот день дозволяется даже выпить рюмку вина, дозволяется не велением религии — насчёт вина нет особого запрета — а обуславливается праздничным настроением и материальной возможностью припасти на этот день рюмку вина, которая в будни представляет собою большую роскошь.

Даже и в этом случае — затаённое удовольствие в кои веки выпить рюмку и забыть на время обыденную горькую долю — вкушается не столько для физического наслаждения, сколько для выполнения религиозной предпосылки — необходимости веселиться в праздник: «высомахто б,хагехо» (веселись в твои праздники). А без вина какое веселие! Это и евреи знают, даже при скудном опыте.

Но какое же это праздничное веселие при обездоленной жизни, при безысходной тяжкой гонимости за чёрствым куском хлеба, когда в перспективе, после праздника, уже виднеются мрачная забота, тревога и опасения грядущих дней. Но требование праздничного веселия обязательно. Мне случайно пришлось однажды видеть почтенного старца, который в день симхас-торе, сам собою в одиноком порядке, притом в совершенно трезвом состоянии, пытался протанцевать вокруг пустого стола, припевая старческим голосом «высомахто-б,хогехо» — «веселись в твои праздники».

В праздник «Хануко», вернее, полупраздник, воспоминание победы Маккавеев, принято лакомиться гусиными шкварками. В силу традиционного обычая допускается побаловаться игрой в карты — баловство, обыкновенно неизвестное в еврейском быту. Неудивительно, что картёжная игра в эту неделю по своей мизерности напоминает радость и веселие в день симхас-торе.

Ранней весной — полупраздник «пурим», воспоминание о предотвращённой беде, грозившей евреям при одном из персидских Артаксерксов, вследствие злых козней его первого министра Амана. И до нашего времени, тысячи лет спустя, не дают покоя этому министру, и при произношении в этот день его имени, бьют в колотушки, крутят шумовки, стучат и бьют во что попало, мстя ему за прошлое гонение.

Совсем на особом положении праздник Пасхи («Пейсах»), установленный в воспоминание исхода евреев из Египта. Как известно, центральным пунктом этого события служит факт, в сущности, второстепенного характера: исход совершён был настолько поспешно, что захваченное с собою хлебное тесто недостаточно окислилось и получились опресноки, воспроизводимые в праздник Пейсах в виде «мацы».

Казалось бы, что по сравнению с самим фактом освобождения из неволи и каторжной работы (по преданию евреи в Египте должны были вечно месить глину) и перехода через Чермное море аки по суху, воспоминание об опресноках является, во всяком случае, делом второстепенным. В действительности же весь ритуал этого праздника построен почти исключительно на воспоминании об опресноках, причём позднейшими фантастическими толкованиями и многовековыми тра-

дициями дело опресноков доведено до крайнего ригоризма и утрированных запретов.

Достаточно сказать, что ещё не так давно, а, может быть, кое-где и теперь, у многих правоверных евреев, обладающих материальным достатком, было узаконение, что для праздника Пейсах, в течение 8-ми дней, иметь совершенно особый дом или квартиру, со своей обособленной посудой и обстановкой, для того чтобы быть совершенно гарантированным от возможности наткнуться на крупницу «хомец», т. е. на крошку обыкновенного хлеба.

Вообще, праздник этот обставлен длительной подготовкой и исключительным ритуалом. За месяц до наступления праздника наводится особый дом, начисто выбеленный и очищенный от всех жильцов. В доме приводится в порядок большая хлебопекарная печь для выпечки мацы. В совершенно новеньких вёдрах приносится вода, не через посредство обыкновенных водоносок или водовозов — им не рискуют доверить приноску воды: мало ли что по дороге может попасть в воду! Доставка воды поручается известным своим благочестием евреям, которые нарочито на себе таскают воду, отчасти из предосторожности, отчасти из религиозного усердия.

За неделю до наступления праздника начинается генеральная чистка жилых помещений: начиная от стен и кончая последней мелочью обстановки и домашнего обихода — всё подвергается побелке, чистке, имея ввиду всё одну и ту же цель — чтобы не застряла где-нибудь крупинка хомеца... Так как после капитальной чистки и переборки во всём доме уже наверное истреблены всякие следы этой пасхальной нечистоты, то для сжигания приходится нарочито заготовить в укромном месте несколько крупинок хлеба, тщательно завёрнутых в тряпочку вместе со щёткой и ложкой, в которой завёрнуты эти кусочки хлеба.

Эта операция и является гранью, отделяющей «хомец» от «пейсах»... В дом вносится всё новенькое: вся без исключения кухонная утварь, столовая посуда, чайные приборы — всё либо покупается новое, либо хранится из года в год специально для пасхи; даже самовар подвергается обязательному лужению. Рождается какое-то особое настроение собственного обновления при виде кругом всего новенького, чистенького, обновлённого.

Весьма характерным является самый ритуал встречи праздника — «сыдер» (т. е. первый вечер Пейсах), который всеми проводится обязательно у себя дома и обставляется исключительной торжественностью. Вся семья располагается вокруг стола, уставленного согласно особому регламенту, преуказанному разными комментаторами и традициями. Тут всё, до последней мелочи, знаменуется символами, изображениями, традициями и намёками. Чтобы изобразить переход от египетского рабства к свободной жизни, глава семьи усаживается за столом с особым комфортом: обложенный подушками, развалиясь, он симулирует исключительное довольство, независимость и благоденствие.

стр. 56 и до 65 включ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Вполне естественно, что общественный быт у евреев сложился под влиянием совершенно исключительных условий существования — вечно под угрозой враждебных отношений со стороны окружающего мира. Ведь факт непреложный, что везде и всегда, где бы ни очутились евреи, окружающие народы к ним не питают чувства родственной солидарности, даже и в том случае, если нет расового различия — даже там, где евреев никогда не было, где еврейский вопрос никогда не существовал. Дружественное благожелательство, сокровенная симпатия, как это иногда бывает между другими народностями, при соседском сожительстве, в отношении евреев, по меньшей мере, наблюдается редко.

Более образованные культурные классы стараются и в литературе, и в законодательстве, и в житейском обиходе побороть в себе чувства врождённой антипатии к евреям, привитое с молоком матери, сознавая всю несправедливость и нелепость вкоренившихся предрассудков. Но и в подобных случаях, когда встречаемся с просвещённым течением в литературе или законодательстве, сокровенным импульсом служит всё же не подлинная симпатия к гонимому народу, а невозможность оставаться в разладе с собственной совестью и здравым смыслом, необходимость бороться с вопиющей несправедливостью, хотя бы и в отношении евреев.

Где же причина этой чудовищной несправедливости судьбы в отношении маленькой народности, которую сами гонители ставят в центре зарождения духовной жизни всего христианского мира?

Конечно, у люден некультурных, мирно уживающихся с какими угодно врождёнными предрассудками, есть готовый ответ — это некоторые отрицательные стороны еврейского характера. Что такие недочёты в душевных качествах евреев возможны и даже неизбежны при рассеянности евреев по всему миру в течение тысячелетий — вполне понятно. Но у кого нет таких недочётов? Мало ли у евреев и хороших сторон, признаваемых даже их закоренелыми врагами?

Нет! В этом чудовищном трагизме отверженного существования еврейского народа в ряду всех других народов на земле — в этом неизбежном проклятии, преследующем еврея, куда бы его не закинула судьба, на всех ступенях личного благополучия, общественной или государственной службы, от обездоленного угла нищего до пышных чертогов банкира или первого министра, — виден какой-то перст Божий. Это какое-то доподлинно божеское проклятие, тяготеющее над еврейским народом, необъяснимое никак для человеческого разума.

Вот при каких условиях должен был сложиться общественный быт евреев. Чем ожесточеннее преследование окружающей среды, чем сильнее окружающие удары извне, тем неизбежно теснее смыкались ряды внутри, тем сплочённее, компактнее общественная организация. Весьма естественно, что, в конечном итоге, эта организация должна была вылиться в форму круговой поруки. А между тем эту обществен-

ную солидарность чаще всего ставят в вину евреям. Слово «кагал» стало каким-то фетишем, синонимом преступного коллективизма, чуть ли не заговором против благополучия всех не-евреев.

Но что такое кагал? Точный перевод — «ОБЩЕСТВО», равнозначное слово «мир» в крестьянском быту. Вполне понятно, что еврейская община призывается судить и реагировать на всё, касающееся общественной жизни евреев. А всем известно, что всему еврейскому народу вменяется в вину и назидание всё, что где-нибудь натворил еврей отрицательного; отличия положительные — заслуги перед своей страной какого-нибудь министра-еврея, или в области наук какого-нибудь Эйнштейна и мн. др. — принимаются и записываются на собственный национальный актив своей страны; но мошенничество еврейского банкира или надувательство голодного еврейского фактора — это непременно поставят в счёт всему еврейскому народу.

Мало того, в России само правительство позаботилось об организации среди евреев общественного ядра или кагала, с которым администрация могла бы сноситься по делам общественных повинностей.

Пользуясь тем, что евреи могут покупать мясо только особого убоя, еврейские общины вынуждены были ввести у себя очень обременительное мясное самообложение. Правительство, однако, сейчас же прибрало эту операцию в собственные руки. Чтобы образовать особый капитал для удовлетворения якобы еврейских общественных нужд, еврейское мясо было обложено тяжким налогом и убой скота а также заготовка и продажа мяса сданы были на откуп так называемому коробочному подрядчику.

Получалось такая несуразность: из убитой скотины худшая, передняя часть сдаётся для продажи евреям по сильно повышенной цене для образования коробочного сбора, а лучшая, задняя часть, свободная от коробочного сбора, достаётся в пищу не-евреям по цене значительно низшей.

Во всяком случае казалось бы, что этот коробочный капитал, образуемый исключительно за счёт недоедания еврейской нищеты, должен состоять в распоряжении еврейских общин. Ничуть не бывало! Правительство прибрало эти капиталы в свои руки. Коробочными деньгами распоряжался губернатор по своему усмотрению. На общественные нужды евреев, определяемые усмотрением губернатора, выдавались ; роши: зато щедрой рукой из этого капитала выдавались соды чиновникам, конечно, с предполагаемым возмещением.

Все вообще повинности, нелёгкие для прочего населения, на евреев ложились особо тяжёлым бременем. Первое место принадлежало, конечно, воинской повинности. Введена она была, кажется, в 40-х годах набором кантонистов, о которых я упомянул уже выше. Может ли •по идти в сравнение с набором рекрутов, который практиковался в отношении прочего населения! Наоборот кантонистов, когда от груди родителей отрывали малых детей — это была доподлинно повинность кровью, среди глубокого мира! К счастью, правительство скоро само от-

казалось от этой дикой повинности — столь же дикой, сколько и неразумной, и заменило её обыкновенным набором рекрутов, который тоже ложился повинностью невероятно тяжкой, в особенности для евреев

Мне памятны мрачные эпизоды этого печального времени, потому что отец мой избирался депутатом от еврейского общества для представительства перед властями при определении числа рекрутов, которых должна была выставить община. Это была тяжкая, мучительная доля для общины; а ещё больше для её представителя.

Уже задолго до набора смертельный страх обуял родителей, у которых числились сыновья, пригодные для военной службы. А какие считались пригодными? Это как вздумается начальству. Есть 20-ти летки — хорошо. Сбежали и припрятались такие парни, или же их забраковали, — будут ловить и забирать хоть и 40-летних отцов семейства. При таких обстоятельствах подходящие кандидаты, т. е. чуть ли не всё мужское население 20-30-40 летнего возраста, начинало прятаться уже за 2—3 месяца до набора... Община, со своей стороны, чтобы принять заблаговременно необходимые меры и не остаться без рекрутов, вынуждена была завести особых «хаперов» — ловцов, которые должны были искать и ловить скрывающихся.

Пойманных кандидатов запирали в тёмную, где их содержали как арестантов и единственным их утешением служила... сытная пища, потому что отошавшие, полуголодные бегуны могли быть забракованы; необходимо было их откармливать в течение 2-3 месяцев.

Наконец, наступало время ставить, как тогда выражались, рекрутов для сдачи в присутствии. И вот было горе, когда добытого с таким трудом, вспоенного и вскормленного рекрута начальство вдруг браковало в последнюю минуту — за действительной непригодностью или за подsunутую мзду со стороны родственников рекрута. Наступает срок, и надо добыть рекрута.

Добыть во что бы то ни стало, потому что власти часто грозили забрить хоть депутата, не считаясь с его возрастом, семейным положением и проч. А по тем временам это была не пустая угроза, потому что строго определённых данных относительно рекрутов указано не было, вернее — они были очень расплывчаты, и всё зависело от усмотрения исправника, военного приёмщика и врача. Кликнут «годен» и сейчас же толкнут на барабан, и солдат-цирульник в два счёта острижёт, «забрет лоб», внесут в список сдаточных, на месте арестуют, и на следующий же день угонят за тридевять земель. А там поди доказывай, что ты — не верблюд, а заяц.

Единственно, что выборные представители еврейского общества бывали в критическом положении, когда браковали их рекрута в последнюю минуту. Ловили тогда на улице всякого мужчину, кто ни подвернётся. И, конечно, надо было подмазать начальство, чтобы опять не забраковали. Попадали поэтому на службу такие искалеченные воины, которые своевременно не убегали и не скрывались, полагаясь на свои физические недостатки.

Приходит мне на память мрачный эпизод того времени, когда в такую вот минуту покойный отец мой вынужден был уговаривать военного врача не браковать «подставку», т.е. вновь поставленного рекрута, вместо забракованного. Дело в том, что из года в год на время набора наша семья обязана была, по квартирной повинности, дать помещение приезжавшим из губернии военному приёмщику и врачу. Мы отводили им одну, конечно, лучшую комнату. Отец мой долго не мог улучшить минуту, чтобы поговорить с доктором наедине, разумеется для того, чтобы предложить ему взятку; и когда это ему, наконец, удалось, он пришёл на нашу половину, чтобы поделиться с остальными ожидавшими депутатами и рассказал шутя, что доктор взятку взял, но всё повторял «если Бог даст»; а отец мой прибавлял при этом: «Вот чудак, псалмы читать я и без него умею; а ты, коли деньги берёшь, так делай дело, а не отсылай к Богу».

стр. 66, 67, 68, 69, 70 и 71.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКИХ ГАЗЕТ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ В 1908 ГОДУ

(Список был опубликован в 1908 году в «Харьковских Губернских Ведомостях» и перепечатан в журнале «Кронштадтский Маяк» — № 29, 1908 год.)

1. «С.П.Б. Ведомости»	Гессен Арон Ильич.
2. «Русь»	Абилевич Шльома Менделевичи и
Стембо Авр. Лазар.
3. «Товарищ»	Бланк Рубин Маркович.
4. «Петербургский Листок»	Черкасский
Арон Мовшевич.
5. «Сегодня»	Кричмер Авраам Янкелевич.
6. «Речь»	Неманов Лейба Мовшевич.
7. «Русское Слово»	Руманов Абрам Бенжемин и
Стембо Авраам Лазар.
8. «Русский Голос»	Столкин Абрам Янкелевич.
9. «Слово»	Лифшиц Яков Борисович.
10. «Одесский Листок»	Цитрон Авраам Лейбович.
11. «Одесские Новости»	Эрманс Соломон.
12. «Киевская Мысль»	Кугель Натан и
Неманов Лейба Мовшевич.
13. «Киевские Новости»	Балабанов Соломон.
14. «Южный Край»	Цитрон Авраам Соломонович
(он же «А. Львович»).
15. «Саратовский Листок»	Лифшиц Янкель.
16. «Тифлисский Листок»	Стембо Авраам Лазаревич.
17. «Современное Слово»	Неманов Лейба.
18. «Биржевые ведомости»	Кречмер.
19. «Вечерняя Газета»	Зайкин.
20. «Час»	Ароновский
Самсон Самсонович.
21. «Виленский Вестник»	Богораз (Тан).
22. «Бессарабская Жизнь»	Волькенштейн.
23. «Астраханский Листок»	Бернштейн.
24. «Голос Москвы»	Этингер.

Директор-распорядитель частного бюро печати (при Гос. Думе) — Бернштейн.

Приведённый выше список далеко не исчерпывает евреев-сотрудников и представителей органов печати в дореволюционной России. Так, например, в годы перед I мировой войной известный сионист В. Жаботинский был заграничным корреспондентом «Русских Ведомостей», а И. Троцкий — «Русского Слова» — крупнейших московских газет.

«КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ»

Родился я в маленьком городке, в черте оседлости, в еврейской семье средней зажиточности. Десятилетним мальчиком, вместе с родителями, переехали в Петербург, где окончил 6-ую казённую гимназию и Политехнический институт. В качестве вольноопределяющегося отбывал воинскую повинность в крепостной артиллерии в Привисленском Крае. По окончании военной службы служил в технич. фирмах в средней России. Принимал участие в 1-ю мировую войну в военно-технической комиссии. Революция и большевистский переворот застали меня в госпитале, где я медленно поправлялся после заболевания тифом. При большевиках служил на Путиловском заводе и в 1928 году был арестован и по статье 58 («за контрреволюцию», которой я никогда не занимался!) был приговорен к 25 годам лагерного заключения. 14 лет провёл в различных концентрационных лагерях севера России. А в 1942 году «для смытия своих преступлений и заслужения прощения перед «Родиной», так гласило в лагерном приказе, я был зачислен в штрафной батальон, отправлен на фронт, на передовую линию «очищать» своими телами минные поля! Долго «очищать» нам не пришлось, очутились мы в окружении, и я попал в немецкий плен. Только благодаря чуду и бескорыстной помощи жертвенно-добрых своих русских людей я уцелел и по окончании войны переселился в США, где и доживаю в размышлениях и воспоминаниях свои старческие годы. Своё краткое жизнеописание я привожу для ознакомления читателей, так как в дальнейшем будут мной затронуты вопросы, болезненные для некоторых и ответы на которые, может быть, не будут соответствовать установившимся мнениям и взглядам, создавшимся не на основании правды и законов, а на платформе чьей-то заведомо ложной проповеди.

Прежде всего, кто же я такой? — Космополит? — Нет! Я русский, иудейского вероисповедания, еврейской народности! Таково точное определение моей личности на основании законов Российского Государства. Так же, например, татарин, житель России — есть русский, магометанского вероисповедания, татарской народности. Я — русский и не только потому, что я подданный Российского Государства, и не потому, что предки и родители мои родились на земле Российской, где родился и я, и не потому, что я получил образование в русских школах — **а потому, что я воспитался, и вырос, и впитал в себя духовную сокровищницу: величайшую культуру русскую!** Я чту свою веру иудейскую и блюду обычаи предков моих, евреев. Пройдя через многое — множество мучений и страданий, видя нередко смерть перед глазами, я в минуты кажущегося покоя думал над вопросом, особенно лезшим мне в голову — вопросом еврейским. И иногда, особенно в сов. концлагерях, со своими единоверцами, отбро-

сив личные тенденциозные мнения, мы честно — по законам разбирали «еврейский вопрос» — и мучительные «почему»? и «отчего»? — становились ясными и понятными.

Откуда и когда пришли в земли русские евреи? — Пришли евреи с Запада, через Литву и Польшу, и расселились в Малороссии-Украине. В исторических русских летописях вскользь упоминается о еврейх в княжение кн. Владимира, а в летописи Нестора упоминается, пожалуй-что о первом еврейском погроме на Руси в княжении кн.Святополка. Причиной погрома было то, что евреи выхлопотали у князя право сбора государственного налога с населения и, очевидно, слишком рьяно взялись взимать налоги, население возмутилось и начало избивать не только сборщиков налогов, но и евреев вообще.

Что такое «гетто»? — Это определённая властями часть в городе, иногда обнесённая каменным забором с воротами. Евреи не имели права жить в городе, где хотели, а обязаны были проживать в «гетто» и находиться в нём от захода до восхода солнца. **Такие «гетто» были во всех городах государств Западной Европы.** А в России тоже было в городах «гетто»? — **Ни в одном городе необъятной России «гетто» никогда не существовало!**

До 1794 года евреи могли селиться по всей России, где хотели, а в 1804 году законом была заведена, так называемая, «черта оседлости» для лиц иудейского вероисповедания. «Черта оседлости» — это кусок территории Российского Государства, начинавшийся от г. Пернова на Балтийском море, — по прямой линии шла на г. Оршу, по течению реки Днепра до Чёрного моря, по берегу до Дуная, вверх по течению до Прута, по Пруту, по австро-венгерской, потом по германской границе вплоть до Балтийского моря. В этой области было 25 губерний, по своей территории «черта оседлости» была в полтора раза больше, чем территория Франции. Согласно статистическим данным 1911 г., в «черте оседлости» проживало 4.899.327 душ еврейской народности, и вне «черты оседлости» 1.320.000 душ.

Что же это такое? — В просвещённой, культурной Европе в городах «гетто», в которых от захода до восхода солнца должны были находиться евреи, а в «отсталой», «некультурной» царской России никогда никакого в городах «гетто» не было! Несмотря на то, что в некоторых городах России, как-то Петербург, Москва, Харьков, число проживающих евреев было несколько десятков тысяч человек. Крепко подумайте над этим и честно сами себе ответьте!

Во время 1-й мировой войны, в 1915 году, указом императора Николая II «черта оседлости» была на время войны отменена, дабы русские евреи прифронтовой полосы могли бы избежать всех ужасов войны. Служа в эвакуационной комиссии, должен признать, что весьма малый процент евреев из «черты оседлости» воспользовался этим указом, все оставались на своих местах, причём, к стыду своему, должен сказать, вели себя весьма неблагоприятно, помогая всячески германской

армии и тем немцам, которые впоследствии, в эпоху Гитлера, так беспощадно расправились с евреями.

Российская интеллигенция, по своему духовному содержанию, первейшая в мире! Чуткая, человеколюбивая, болея душой о всех угнетаемых и притесняемых, она также болела и о еврействе и **основывала свои отношения к еврейству на основании слухов и пропаганды, но совершенно не интересовалась законами и постановлениями о евреях, как и сами мы, рядовые евреи, мало и весьма смутно знали о них.** Жизнь в России, как в правовом государстве, протекала и регулировалась на основании существовавших законов. В одном из томов «Свода законов Российского Государства» есть статья «О лицах иудейского вероисповедания», в которой ясно и точно определены права, ограничения и обязанности для упомянутой категории лиц **Во всех государствах просвещённой Западной Европы, даже в свобододлюбивой Швейцарии, существовали законы, ограничивающие в правах евреев. Ну, а сейчас в нашем молодом, неоперившемся ещё государстве Израэли, разве нет ограничений для иностранцев?**

Отбывая срок наказания в Нов. Архангельском конц. лагере, мы занялись в свободное время подсчётом: сколько еврейских погромов было за всё существование Российского Государства. Заинтересовали этим вопросом и начальство лагеря, миролюбиво к нам относящееся. «Нач-лаг» был капитан I ремни (Н. Гершель, — еврей, сын портного из Жлобина) — начальство написало в Ленинград в Архив б. Мин. Внут. Дел — откуда месяцев через восемь пришла справка от историч. отд. Архива — **что на основании имеющегося исторического материала по еврейским делам, за период от 1811 до 1917 г. на территории России было 76 еврейских погромов, число жертв евреев исчисляется около трёх тысяч человек. (Вспомним, что в Кишинёвском погроме было убито 48 евреев, а в Гомельском погроме убито было — 31 еврей).** Виг и приходят невольно на ум, например, погромы в Испании, где, по историческим данным, за 6 месяцев было убито около двадцати тысяч евреев, а уж о погромах в других государствах Европы — прямо вспоминать не хочется. А за властвование Гитлера, по статистике нашего Центрального Еврейского бюро, **за каких-то 5 лет было варварски умерщвлено 6 миллионов евреев.**

Вот и сравните эту официальную статистику — время и количество жертв — и выведите лично своё мнение.

Говорят, что в России пари и правительство создавали сами еврейские погромы. Это только пропагандное «говорят», т. к. никаких фактических данных об участии правительства в погромах нет. А отношение русских царей к еврейству ясно показал император Николай II в процессе Бейлиса и в отмене «черты оседлости». **Мы как-то с малых лет привыкли питаться слухами, сплошь разукрашенными, преувеличенными, а подумать о каком-нибудь событии, спокойно, здраво, логично и законно — нам лень, поэтому мы име-**

ем сплошь и рядом предвзятое мнение, и когда мы узнаем законную правду, то нам становится не по себе, и нам нелегко освободиться от въевшейся в нас предвзятости по какому-нибудь вопросу.

Мы умалчиваем о том, что большинство евреев в России принимало деятельное участие в так называемых левых политических партиях — социалистических всех оттенков, что больший процент евреев, благодаря подпольной пропаганде, был всегда ко всем правительствам настроен оппозиционно. Мы стараемся не говорить о той весьма неблагоприятной роли, которую играли наши единоверцы во время революции 1917 года, и особенно в медовые годы большевистско-коммунистического владычества. Скрываясь в Чехословакии во времена Гитлера, я встретился с кантором Гершковичем, и в беседе мы провели почти целый день. Он на прощание обронил фразу **«не есть ли эти гитлеровские казни возмездие за то гнусное участие наших в России в 1917—1929 годах?»** Да, подумал я, существует Высшее Правосудие, которое рано или поздно, но безжалостно карает совершившего какой-нибудь противозаконный поступок.

Волна антисемитизма то прокатывается по всему миру, то на какой-то промежуток времени утихает, и так это повторяется на протяжении многих столетий. **Почему это так? Почему нет волн антифранцузской, антиитальянской, антииспанской?** Ведь принадлежащие к этим национальностям люди живут во многих государствах мира. **Почему же волны возмущения во всём мире, а не только в одном каком-нибудь государстве, направлены исключительно против нас, евреев?** Мы против антисемитских выступлений протестуем в Объединённых Нациях, перед правительствами различных государств и т. д. Масса организаций и глав правительств выражают негодование и осуждения антисемитским выходкам и, несмотря на это, всё же **антисемитизм есть, и можно с уверенностью сказать, что он и будет до тех пор, пока мы сами честно, совестливо, не осознаем и не ответим на вопрос: где скрывается причина, вызывающая антисемитизм? И в ком? В тех ли, кто совершает гнусные акты антисемитизма или... или в нас самих? в нашем поведении, действиях и поступках?**

О, если бы первая мировая война окончилась бы мирно для России! Какими бы огромными шагами продвинулась бы она в экономическом, техническом, социальном и других областях и провела бы целый ряд реформ. И наш больной еврейский вопрос был бы разрешён безболезненно, так как указ императора Николая II, изданный во время войны о снятии «черты оседлости», безусловно был бы утверждён Сенатом, и аннулирована была бы статья в Своде Законов «о лицах иудейского вероисповедания», и Россия не позволила бы Гитлеру распоясаться и зверски уничтожить 6 миллионов евреев.

А так, кто вступился за зверски убиваемых гитлеровскими сатрапами евреев? Кто? — **Вступиться могла только Россия, так как в основе её государственности лежит человеколюбие.**

Выпущенная Союзом Русских Евреев в Нью-Йорке, объёмистая в 600 страниц книга под заглавием «Книга о русском еврействе», даёт много разнообразных сведений доселе неизвестных широкой публике.

Например, в статье «Историки русского еврейства» мы узнаём: «...Вообще бросается в глаза тот своеобразный факт, что зачинателями и «отцами» еврейской историографии в Польше и России были неевреи — экономист Т. Чацкий в Польше и внук православного священника Сергей А. Бершадский». «С.А. Бершадский в России оказался первым подлинным летописцем л. б. русского еврейства, заложивший фундамент еврейской исторической науки»

В другой статье, из приводимых статистических данных, мы узнаем о том, что в 1815 году евреев в России было **всего 1 200 000 ЧЕЛОВЕК**, в 1897 г. — **5 215 000 ДУШ**. А в 1915 г. — **4 450 000 ДУШ**. **За 100 лет еврейское население возросло почти впятеро; что в «черте оседлости» было 25 000 хедеров в которых обучалось 863 ТЫСЯЧИ УЧЕНИКОВ, В СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОБУЧАЛОСЬ 52 578 УЧЕНИКОВ, В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОБУЧАЛОСЬ 5 477 СТУДЕНТОВ**. В «черте оседлости» и вне её, в больших городах, как, например, в Петербурге. **СУЩЕСТВОВАЛО 37 ЕВРЕЙСКИХ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ГИМНАЗИЙ И РЕАЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ УЧИЛИЩ. И ЭТИ ВСЕ ШКОЛЫ ИМЕЛ НАШ 5-МИЛЛИОННЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД! КАКОЙ ДРУГОЙ ИЗ 163 НАРОДОВ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, ИМЕЛ СТОЛЬКО УЧАЩИХСЯ И СТОЛЬКО ШКОЛ?**

В газетной статье нет возможности перечислять все интересные сведения, которые сообщает эта «Книга». Очень жаль, что в «Книге» нет таких важных очерков, как участие русских евреев в строительстве Государства Российского. Укажу только на один исторический факт: император Петр I взял с собой в заграничное путешествие еврея Шафирова, которого по возвращении в Россию назначил министром финансов в своем правительстве. Сколько таких евреев было во всех царствованиях в различных областях государственного аппарата в России.

Некоторые очерки в «Книге» имеют налет предвзятости к существовавшему в России режиму, но все же и через эту тенденциозность чувствуется **полная духовности жизнь русского еврейства под режимом царской власти**, чего нельзя совершенно сказать о еврействе, **имеющем «полноправие» под пятой коммунистической власти в Союзе Советских Социалистических Республик**. **Еврейство там потеряло все, оно обезличено, и увы, больно это сказать... оно потеряно для еврейства.**

Я не отрываясь, несколько раз, прочитал всю книгу «Книга о русском еврействе», раздумывая над некоторыми ее статьями. Гордостью наполнилось мое сердце! Мы — русские евреи, хотя по количеству народ малый, всего 5 миллионов, но входящие в состав 168-миллионного населения России, как ее граждане, несмотря на существовавшие законные для нас ограничения, всякие личные обиды-недоразумения, внесли вклад в величайшую сокровищницу культуры российской, в строительство государства Российского и во многие побочные отрасли жизни страны. Я знаю, что эта моя статья вызовет у некоторых негодование, у других — ликование, у третьих — злобу и ехидство и т. д. — всем я отвечаю: тот, кто родился, вскормился, воспитался, сформировался, принимал участие в культурной, общественной жизни в России, участвовал в первой мировой войне, кто испытал пытки ЧЕКИ, кто побывал в советских концентрационных лагерях, кто «очищал» минные поля своими телами на советском фронте, кто побывал в германском плену, кто испытал варварские нацистские методы, над кем смерть витала на протяжении 15 лет — тот иначе, как я выше высказался, **МЫСЛИТЬ НЕ МОЖЕТ!** Россия и прожитая жизнь научили мыслить широко, всеобъемлюще, логически, законно — и не согласятся со мной некоторые те, кто мыслит по-местечковски, мыслит ограниченно, узко, питаюсь только слухами, провинциальными пересудами, вкоренившейся предвзятостью и ненавистью.

Инж. Абрам Зисман

Лос-Анжелес

(Напечатано в газете «Новая Заря», С.-Франциско, 7 мая 1960 г.)

ЕВРЕИ в государственных учреждениях и Центр. Комит. партийных организаций

Список составлен на основании данных, печатавшихся в газетах и журналах Российской Социалистической Федеративной Республики в годы 1917-1921.

По причине многочисленных случаев принятия евреями чисто русских псевдонимов, а также отсутствия указания на народность (племенную принадлежность) лиц, об избраниях или назначениях которых сообщалось в печати, за стопроцентную точность списков, приводимых ниже, ручаться нельзя.

Но общую картину участия и роли евреев во всех областях жизни Русского Государства, обратно пропорциональную их численности (1,1 % всего населения), списки эти дают верную.

А поэтому эти списки, с упомянутой выше оговоркой, и печатаются как отдельное приложение.

Списки эти сравнены со списками, содержащимися в книге «Правители России», изданной в 1962 году в Ирландии, на которой стоит разрешение печатать католического епископа Ватерфордского и Лисморенского Иеремию .

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

1. Председатель совета — Ульянов (Ленин)	Русский
2. Комиссар Иностранных Дел — Чичерин	Русский
3. Комиссар по делам о Национальностях — Джугашвили (Сталин)	Грузин
4. Президент Высшего Экономического Совета — Лурье (Ларин)	Еврей
5. Комиссар по восстановлению — Шлихтер	Еврей
6. Комиссар Земледелия — Протиан	Армянин
7. Комиссар Государственного контроля — Ландер	Еврей
8. Комиссар Армии и Флота — Бронштейн (Троцкий)	Еврей
9. Комиссар государственных земель — Кауфман	Еврей
10. Комиссар общественных работ — Шмит	Еврей
11. Комиссар общественных снабжений — Е.Лилина (Книггисен)	Еврейка
12. Комиссар народного просвещения — Луначарский	Русский
13. Комиссар вероисповеданий — Шпицберг	Еврей
14. Народный комиссар — Апфельбаум (Зиновьев)	Еврей
15. Комиссар общественной гигиены — Анвельт	Еврей
16. Комиссар Финансов — Гуковский	Еврей
17. Комиссар печати — Коген (Володарский)	Еврей
18. Комиссар по делам о выборах — Радомысльский (Урицкий)	Еврей
19. Комиссар Юстиции — Штейнберг	Еврей
20. Комиссар по эвакуации — Фенигштейн	Еврей
21. Его помощники — Равич и Заславский	Еврей

Итого — из 22 членов:

Русских	3
Армян	1
Евреев	17
Грузин	1

* "The Rullers of Russia" by Rev. Denis Fahey, C.S.Sp., D.D., D.Ph., B.A.Regina Publications. 5 Cavendish Row, Dublin I. Printed in Ireland. Cum Permissu Superiorum Religiosorum. Nihil Obstat: Gulielmus Coffey, S.T.L., Censor. Imprimi Potest: Jeremias, Episcopus Waterfordiensis et Lismorensis.

На самом деле, мать Ленина, в девичестве Бланк, — еврейка (см., например, кн.: В. Солоухин. При свете дня, М., 1992 г., стр. 28-31). И поскольку у евреев национальность считается по матери, то, по еврейским законам, В.И. Ульянов (Ленин) считается евреем. (Примечание издательства «Благовест»).

ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ

1. Комиссар Армии и Флота — Брошштейн (Троцкий)	Еврей
2. Председатель революционного штаба Северной Армии — Фишман	Еврей
3. Комиссар Военно-Судебный 12-й Армии — Ромм	Еврей
4. Политический комиссар 12-й Армии — Мейчик	Еврей
5. Политический комиссар Штаба 4-ой Армии — Ливенсон	Еврей
6. Председатель совета армий Западного Фронта — Позерн	Еврей
7. Политический комиссар Московского Военного Округа — Губельман	Еврей
8. Политический комиссар Витебского Военного Округа — Дейб	Латыш
9. Комиссар военных реквизиций города Слуцка — Кальманович	Еврей
10. Политический комиссар Самарской Дивизии — Бекман	Еврей
11. Военный комиссар той же дивизии — Глузман	Еврей
12. Комиссар реквизиционного отряда Московского Округа — Зузманович	Еврей
13. Председатель Главного Московского Военного Совета — Брошштейн (Троцкий)	Еврей
14. Его помощники: — Гиршфельд	Еврей
15. — Склянский	Еврей
16. Члены того же Совета: — Шородак	Еврей
17. — Петч	Еврей
18. Военный комиссар Московской Губернии — Штейнгардт	Немец
19. Военный комиссар Московской Губернии — Дулис	Латыш
20. Комиссар Школы Пограничной Стражи — Глейзер	Латыш
21. Политический комиссар 15-й Дивизии Советов — Дзеннис	Латыш
22. Политический комиссар 15-й Дивизии Советов — Полонский	Еврей
23. Комиссар Военного Совета Кавказских армий — Лехтинер	Еврей
24. Чрезвычайный комиссар Восточного фронта — Бруно	Еврей
25. Чрезвычайный комиссар Восточного фронта — Шульман	Еврей
26. Член Казанского Военного Совета — Розенгольц	Еврей
27. Член Казанского Военного Совета — Мейгоф	Еврей
28. Член Казанского Военного Совета — Назенгольц	Еврей
29. Командующий Красной армией в Ярославле — Геккер	Еврей
30. Начальник Петроградского Военного Комиссариата - Цейгер	Еврей
31. Политический Комиссар Петроградского Военного Округа — Гиттис	Еврей
32. Командующий Западным фронтом против Чехо-Словакии — Вацетис	Латыш
33. Член Совета военной коммуны — Лазимер	Еврей
34. Начальник Военной коммуны (быв. Австрийский офицер) — Кольман	Еврей
35. Начальник Московского Военного Округа — Бицис	Латыш
36. Военный комиссар Московского Военного Округа — Метказ	Еврей
37. Начальник обороны Крыма — Зак	Еврей
38. Командующий Курским фронтом — Служин	Еврей
39. Его помощник — Зильберман	Еврей
40. Политический комиссар Румынского фронта — Спири	Еврей
41. Уполномоченный для мирных переговоров с Германией — Давидович	Еврей
42. Кандидат — Шнеур	Латыш
43. Солдат — Смидович	Еврей

Итого — Из 43 членов:

Русских	0
Латышей	7
Немцев	1
Евреев	35

КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

1. Народный Комиссар — Апфельбаум (Зиновьев)	Еврей
2. Его помощник — начальник Чрезвычайной Комиссии — Радомысльский (Урицкий)	Еврей
3. Начальник пропаганды — Гольдерудин	Еврей
4. Председатель экономической комиссии Петроградской коммуны — Эндер	Еврей
5. Вице-председатель комиссии гигиены — Рудин	Еврей
6. Комиссар по эвакуации беженцев — Финигштейн	Еврей
7. Его помощник — Абраам Крахмал	Еврей
8. Комиссар Петроградской печати — Володарский	Еврей
9. Комиссар Московской печати — Красиков	Еврей
10. Комиссар Петроградской Полиции — Фейерман	Еврей
11. Начальник Бюро печати — Мартинсон	Еврей
12. Московский комиссар общественной безопасности — Розенталь	Еврей

ЧЛЕНЫ ПЕТРОГРАДСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

13. Мейнкман	Еврей	19. Иселевич	Еврей
14. Гиллер	Еврей	20. Красиков	Еврей
15. Козловский	Поляк	21. Бухан	Армянин
16. Модель	Еврей	22. Мербис	Латыш
17. И. Розмирович	Еврейка	23. Пайкис	Латыш
18. Дизсперов	Армянин	24. Анвельт	Немец

ЧЛЕНЫ СОВЕТА ПЕТРОГРАДСКОЙ КОММУНЫ

25. Зорке	Еврей	26. Радомыльский	Еврей
-----------	-------	------------------	-------

ЧЛЕНЫ МОСКОВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

27. Председатель — Дзержинский	Поляк	46. Александрович	Русский
28. Вице-Председатель — Петере	Латыш	47. Рейтенберг	Еврей
29. Шкловский	Еврей	48. Финес	Еврей
30. Кнейфис	Еврей	49. Закс	Еврей
31. Цейстин	Еврей	50. Яков Гольдин	Еврей
32. Размирович	Еврей	51. Гальперштейн	Еврей
33. Кронберг	Еврей	52. Книггисен	Еврей
34. Хайкина	Еврейка	53. Лацис	Латыш
35. Карлсон	Латыш	54. Дейбол	Латыш
36. Шауман	Латыш	55. Сейзан	Армянин
37. Лентович	Еврей	56. Дейбкин	Латыш
38. Ривкин	Еврей	57. Начальник Таганрогской Тюрьмы — Либерт	Еврей
39. Антонов	Русский	58. Фогель	Немец
40. Деллафабр	Еврей	59. Закис	Латыш
41. Циткин	Еврей	60. Шилленкус	Еврей
42. Е. Розмирович	Еврей	61. Янсон	Латыш
43. Г. Свердлов	Еврей	62. Председатель комиссии Трубецкого Бастиона и Петропавловской крепости	Еврей
44. Бизенский	Еврей		
45. Блюмкин	Еврей		

Итого — из 62 членов:

Русских	2	Немцев	2
Поляков	2	Латышей	10
Армян	3	Евреев	43

КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

1. Народный комиссар — Чичерин	Русский
2. Его помощники: — Карахан	Еврей
3. — Фритче	Латыш
4. Директор паспортной экспедиции — Марголин	Еврей
5. Посол в Берлине — Иоффе	Еврей
6. Причисленный к посольству в Берлине — Левин
(в 1919 г. Народн. Комиссар в Баварской Советской Респуб.)	Еврей
7. Начальник бюро печати и информации
при посольстве в Берлине — Аксельрод	Еврей.
8. Посол в Вене и Лондоне — Розенфельд (Каменев)	Еврей
9. Чрезвычайный уполномоченный в Париже и Лондоне — Бек	Еврей
10. Посланник в Христиании — Бейтлер	Еврей
11. Консул в Глазгове — Малкин	Еврей
12. Председатель мирной делегации в Киеве — Каин Раковский	Еврей
13. Юрисконсульт — Аштуб (Ильсен)	Еврей
14. Генеральный консул в Киеве — Грюнбаум (Кшевинский)	Еврей
15. Генеральный консул в Одессе — А. Бек	Еврей
16. В Северных Американских Соединённых Штатах — Мартене
(неофициальн. представит.)	Немец

Итого — из 16 членов:

Русских	1	Немцев	1
Армян	0	Евреев	13
Латышей	1		

КОМИССАРИАТ ФИНАНСОВ

1. Народный Комиссар — Мержвинский	Поляк
2. Его помощник — Дон-Соловей	Еврей
3. Комиссар — Исидор Гуковский	Еврей
4. Его помощники: И. Аксельрод	Еврей
5. Директор канцелярии: Закс (Гладнев)	Еврей
6. Директор канцелярии: Боголепов	Русский
7. Главный секретарь — Хаскин	Еврей
8. Его помощница — Берта Хиневич	Еврейка
9. Председатель финансового конгресса советов — Лацис	Латыш
10. Его помощник — Вейтман	Еврей
11. Комиссар по ликвидации
русско-германских счетов — Фюрстенберг (Ганецкий)	Еврей
12. Главный секретарь его — Коган	Еврей
13. Администрация народных банков: Михельсон	Еврей
14. Администрация народных банков: Закс	Еврей
15. Администрация народных банков: Аксельрод	Еврей
16. Администрация народных банков: Садников	Русский

ФИНАНСОВЫЕ АГЕНТЫ:

17. В Берлине — Ландау	Еврей
18. В Копенгагене — Боровский	Еврей
19. В Стокгольме — Абраам Шенкман	Еврей
20. Главный ревизор народных банков — Кац	Еврей
21. Его помощник — Горенштейн	Еврей
22. Главный комиссар по ликвидации частных банков — Анрик	Еврей
23. Его помощник — Моисей Ковш	Еврей

**ЧЛЕНЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
ПО ЛИКВИДАЦИИ ЧАСТНЫХ БАНКОВ:**

24. Элиашевич	Еврей	27. Г. Лемерих	Еврей
25. Г. Гифтлих	Еврей	28. А. Розенштейн	Еврей
26. А. Рогов	Еврей	29. А. Плат	Латыш

Итого — из 29 членов:

Русских	2	Поляков	1
Латышей	2	Евреев	24

КОМИССАРИАТ ЮСТИЦИИ

1. Народный Комиссар — И. Штейнберг Еврей
2. Комиссар кассационного Департамента — Шредер Еврей
3. Председатель Московского
Революционного Трибунала — И. Берман Еврей
4. Комиссар Сената в Петрограде — Бер Еврей
5. Председатель Верховной
революционной комиссии Республики — Бронштейн-Троцкий Еврей
6. Председатель следственной комиссии
при Революционном Трибунале — Глазман Еврей
7. Следователь того же Трибунала — Легендорф Еврей
8. Следователь того же Трибунала — Слуцкий Еврей
9. Прокурор Трибунала — Фридкин Еврей
10. Старший секретарь Кодификационного Отдела — Гойнбарк Еврей
11. Главный секретарь Народной Коммуны — Ширвин Еврей
12. Комиссар по народной защите — Луцкий Еврей

НАРОДНЫЕ ЗАЩИТНИКИ:

13. Г. Антокольский Еврей	17. А. Гундар Еврей
14. В. Аранович Еврей	18. Г. Давидов Еврей
15. И. Бейер Еврей	19. Р. Кастарианц Армянин
16. Р. Биск Еврей	

Итого — из 19 членов:

Русских	0
Армян	1
Евреев	18

КОМИССИЯ ГИГИЕНЫ

1. Комиссар — Дауге Немец	4. Директор комиссии для борьбы
с венерическими болезнями —
Вебер Еврей
2. Начальник фармацевтического
отдела —
Раппопорт Еврей	5. Директор комиссии
по заразным болезням —
Вольсон Еврей
3. Его помощник — Фукс Еврей	

Итого — из 5 членов:

Русских	0
Немцев	1
Евреев	4

КОМИССАРИАТ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Народный комиссар — Луначарский Русский
2. Комиссар Северной Области — Грюнберг Еврей
3. Председатель комиссии
Воспитательного Института — Золотницкий Еврей
4. Начальник муниципальной секции — Лурье Еврей
5. Начальник Пластического Искусства — Штернберг Еврей
6. Главный секретарь комиссариата — М. Ейхенгольц Еврей
7. Начальник Театральной
секции — 0.3.Розенфельд (жена Каменева) Еврейка
8. Её помощница — Зац Еврейка
9. Директор 2-го Департамента — Гройним Еврей

ЧЛЕНЫ-ПРОФЕССОРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

10. Рейснер	Немец	26. Ерберг	Еврей
11. Фритче	Латыш	27. Келтулон	Венгр
12. Гойхборк	Еврей	28. Гроссман (Рошин)	Еврей
13. М. Покровский	Русский	29. Крачковский	Еврей
14. Вельтман	Еврей	30. Урсинен	Финн
15. Собельсон (Радек)	Еврей	31. Куоинен	Финн
16. Крупская	Русская	32. Тоно Сирулла	Финн
17. Нахамкес (Стеклов)	Еврей	33. Розин	Еврей
18. Стучка	Латыш	34. Данчевский	Еврей
19. Немировский	Еврей	35. Глейцер	Еврей
20. И. Раковский	Еврей	36. Гольденрудин	Еврей
21. К. Р. Левин	Еврей	37. Будин	Еврей
22. М. С. Ольшанский	Еврей	38. Ротштейн	Еврей
23. З. Р. Шетенберг	Еврей	39. Карл Раппопорт	Еврей
24. Гурвич	Еврей	40. Лурье	Еврей
25. Лудберг	Еврей		

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ ТОЙ ЖЕ АКАДЕМИИ:

41. Меринг	Немец	43. Роза Люксембург	Еврейка
42. Гаазе	Еврей	44. Клара Цеты-ш.	Еврейка

ЛИТЕРАТУРНОЕ БЮРО МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

45. Эйхенгольц	Еврей	51. Шварц	Еврей
46. Полянский (Лебедев)	Еврей	52. Директор 1-го Департам. — Познер	Еврей
47. Херсонская	Еврейка	53. Заведующий делопроизводством Комиссариата — Альтер	Еврей
48. В. Зайцев	Еврей		
49. Брендер	Еврей		
50. Ходасевич	Еврей		

Итого — из 53 членов:

Русских	3	Венгерцев	1
Латышей	2	Немцев	2
Финнов	3	Евреев	42

КОМИССИЯ ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

1. Народный комиссар — Е. Лилина (Книггисен)	Еврейка
2. Директор — Паузнер	Еврей
3. Главный секретарь — Е. Гельфман	Еврей
4. Помощник секретаря — Роза Гауфман	Еврейка
5. Директор пенсионного отдела — Левин	Еврей
6. Директор канцелярии — К.Ф.Розенталь	Еврей

Итого — из 6 членов все — евреи.

РАБОТНАЯ КОМИССИЯ

1. Народный комиссар — В. Шмит	Еврей
2. Его помощник — Радус (Зенкович)	Еврей
3. Начальник комиссии общественных сооружений — Гольдбарк	Еврей.
4. Комиссар по общественным сооружениям — М. Вельтман	Еврей
5. Его помощник — Кауфман	Немец
6. Главный секретарь — Раскин	Еврей
7. Член комиссариата — Кушнер	Еврей
8. Директор отдела взрывчатых веществ — Зарх	Еврей

Итого — из 8 членов:

Русских	0
Евреев	7
Немцев	1

**КОМИССИЯ
ПО ВОССОЗДАНИЮ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ**

1. Председатель — И.Д. Тартаковский	Еврей
2. Главный контр-агент — Исидор Заблудский	Еврей

Итого — из 2 членов

евреев 2

СОВЕТСКИЕ ДЕЛЕГАТЫ КРАСНОГО КРЕСТА

1. В Берлине — Собельсон (Радек).
Принял участие в движении спартакистов, а потому, вместе с восемнадцатью другими евреями, был выслен из страны		Еврей
2. В Вене — Берман.
Арестован и изгнан из страны, вместе с тринадцатью другими евреями, как член коммунистической партии. При аресте на нём были найдены два с половиною миллиона крон		Еврей
3. В Варшаве — А. Клоцман		Еврей
4. В Варшаве — Алтер		Еврей
5. В Варшаве — Веселовский. Изгнан из страны с пятью другими евреями. При аресте на нём были найдены 3 млн. рублей		Еврей
6. В Бухаресте — Нейсенбаум Путешествовал по фальшивому паспорту на имя Бельгийского гражданина Гильберта		Еврей
7. В Копенгагене — А. Баум		Еврей
8. Председатель центрального Комитета Красного Креста в Москве — Вениамин Моисеевич Свердлов (брат Якова Свердлова)		Еврей

Итого — из 8 членов

евреев 8

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КОМИССАРЫ

1. Комиссар для Сибири — Бронштейн	Еврей
2. Председатель Сызранского рабочего совета — Берлинский	Еврей
3. Председатель Казанского рабочего совета — Шенкман	Еврей
4. Председатель Донецкого совета угольных копей — Ливенсон	Еврей
5. Председатель Нарвского рабочего совета — Дауман	Латыш
6. Председатель Ярославского рабочего совета — Закхейм	Еврей
7. Председатель Царицынского рабочего совета — Ерман	Еврей
8. Председатель Оренбургского рабочего совета — Вилинг	Еврей
9. Председатель Пензенского рабочего совета — Либерзон	Еврей
10. Председатель Таврического рабочего совета — А. Слуцкий	Еврей
11. Финансовый комиссар Западной области — Самовер	Еврей
12. Комиссар Донецкой республики — Исаак Лаук	Еврей
13. Председатель Киевского совета — Дретлинг	Еврей
14. Его помощник — Гиббергер (Наумов)	Еврей
15. Председатель Белоцерковской Думы — Раггаузен	Еврей
16. Его помощник — Лемберг	Еврей
17. Народный комиссар Донецкой республики — Рейхенштейн	Еврей
18. Шмуклер	Еврей

БЮРО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ:

19. Рафес	Еврей	23. Смирнов
20. Давидсон	Еврей	(профессор)
21. Гпцберг	Еврей	Русский
22. Бриллиант	Еврей	

Итого — из 23 членов:

Русских	1
Латышей	1
Евреев	21

ЖУРНАЛИСТЫ

1. Сотрудники газет:

«Правда	Известия», «Финансы и народное хозяйство»		
Динн	Еврей	9. Ф. Алперович	Еврей
Бергман	Еврей	10. Клойзнер	Еврей
Кун	Еврей	11. Нахамкес (Сгеклов)	Еврей
Дуамант	Еврей	12. Нигер (Ильин)	Еврей
А. Брамсон	Еврей	13. Гросмаи (Ро.чпн)	Еврей
6. А. Торберт	Еврей	Лурье (Румянцев)	Еврей
7. И. В. Голин	Еврей	Максим Гошкин	Русский
8. Битнер	Еврей		

2. Сотрудники газеты «Знамя труда»

1. Штейпберг	Еврей	6. Левин	Еврей
2. Ландер	Еврей	7. Биллип	Еврей
3. Ярославский	Еврей	8. Давидсон	Еврей
4. Ефрон	Еврей	9. Максим Горький (радвы)	Русский
5. П. Махер	Еврей		

3. Сотрудники газеты «Воля труда»

1. Закс	Еврей	3. Е. Кап	Еврей
2. Полянский	Еврей		

4. Сотрудники «Торгово-промышленной газеты»

1. Бернштейн	Еврей	9. Славенсон	Еврей
2. Коган	Еврей	10. И. Гиллер	Еврей
3. Гольдберг	Еврей	11. Гахман	Еврей
4. Гольдмап	Еврей	12. Шушман	Еврей
5. В. Розенберг	Еврей	13. П. Бастель	Еврей
6. Рафалович	Еврей	14. А. Пресс	Еврей
7. Громан	Еврей	15. А. Мох	Еврей
8. Кулишер	Еврей	16. А. С. Эмапсон	Еврей

Итого: из 42 журналистов —

Русских 1
Евреев 41

КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СТАРОГО РЕЖИМА

1. Председатель— Муравьев	Русский	3. Идельсин	Еврей
Члены:		4. Грузенберг	Еврей
2. Соколов	Русский	5. Соломон Гуревич	Еврей
		6. Годьдштейн	Еврей
		7. Тагер	Еврей

Итого — из 7 членов:

Русских
Евреев

КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ УБИЕНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ 2-ГО

1. Свердлов	Еврей	7. Владимирский- Гиршфельд	Еврей
2. Сосновский	Еврей	8. Аване.юв	Армянин
3. Теодорович	Еврей	9. Максимов	Русский
4. Смилович	Еврей	10. Митрофанов	Русский
5. Розенгольц	Еврей		
6. Розин	Еврей		

Итого — из 10 членов:

Русских
Армян
Евреев

ГЛАВНЫЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Председатель Московского Совета — Рыков	Русский
2. Председатель Петроградского Совета — Эйсмонт	Еврей
3. Вице-председатель Петроградского Совета — Ландеман	Еврей
4. Директор Петроградского Совета — Крейнис	Еврей
5. Вице-председатель Московского Совета — Красников	Еврей
6. Директор Московского Совета — А. Шотман	Еврей
7. Его помощница — Хайкина	Еврейка
8. Начальник Секции Восстановления — Китшвалтер	Еврей
9. Наблюдающий за «Восстановлениями» — Н. А. Розенберг	Еврей
10. Его помощник — Сандич	Еврей
11. Председатель комитета масляного производства — Таврид	Еврей
12. Тоже комитета рыбозаведения — Кламмер	Еврей
13. Тоже угольной секции — Ротенберг	Еврей
14. Тоже транспортной секции — Хирзан	Армянин
15. Его помощник — Шлемов	Еврей
16. Председатель металлургической секции — А. Алперович	Еврей

БЮРО ВЫСШЕГО СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

17. Крейтман	Еврей	22. Гольдблат	Еврей
18. Вейнберг	Еврей	23. Ломов	Русский
19. Красин	Русский	24. Альперович	Еврей
20. Лурье (Ларин)	Еврей	25. Рабинович	Еврей
21. Чубер	Еврей		

СОВЕТ ДОНЕЦКОГО КОМИТЕТА

26. Коган (Бернштейн)	Еврей	32. Кириш	Немец
27. А. И. Очкис	Еврей	33. Крузе	Немец
28. Полонский	Еврей	34. Вихтер	Еврей
29. Биск	Латыш	35. Розенталь	Еврей
30. Классен	Латыш	36. Симанович	Еврей
31. Лившиц	Еврей		

ЧЛЕНЫ КООПЕРАТИВНОЙ СЕКЦИИ

37. Любомирский	Еврей	40. Тагер	Еврей
38. Кинтштук	Еврей	41. Хейкин	Еврей
39. Седелейм	Еврей	42. Крижевский	Еврей

ЧЛЕНЫ УГОЛЬНОЙ СЕКЦИИ

43. Кассиор	Еврей	49. Рудзитайк	Еврей
44. Гольдман	Еврей	50. Сортель	Еврей
45. Ленгниц	Еврей	51. Блюм	Еврей
46. Хольцман	Еврей	52. Кацель	Еврей
47. Шмит	Еврей	53. Суль	Еврей
48. Смит Фалькнер	Еврей	54. Четкое	Русский

Итого — из 54 членов:

Русских	4	Немцев	2
Армян	1	Евреев	45
Латышей	2		

БЮРО ПЕРВОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ В МОСКВЕ

1. Председатель 1-го Совета солдатских Депутатов — Лейба Кунтиш	Еврей
2. Председатель Совета рабочих и солдат Красной Армии — Смидович	Еврей
3. Председатель 1-го Совета рабочих и солдатских депутатов — Модель	Еврей

Члены:

4. Сарх	Еврей	15. Шик	Еврей
5. Кламмер	Еврей	16. Фалин	Еврей
6. Гронберг	Еврей	17. Андерсон	Латыш
7. Шейнкман	Еврей	18. Вимба	Латыш
8. Ротштейн	Еврей	19. Соло	Латыш
9. Левинсон	Еврей	20. Михельсон	Еврей
10. Краснопольский	Еврей	21. Тер-Мичан	Армянин
11. Цедербаум (Мартов)	Еврей	22. Секретарь — Клаузнер	Еврей
12. Ривкин	Еврей	23. Директор Бюро —	
13. Симеон	Еврей	Розенгольц	Еврей
14. Тапкин	Еврей		

Итого — из 23 членов:

Русских	О	Латышей	3
Армян	1	Евреев	19

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
4-ГО РОССИЙСКОГО КОНГРЕССА
РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ**

1. Председатель —		18. Ратнер	Еврей
Свердлов	Еврей	19. Блейхман (Солнцев)	Еврей
2. Абельман	Еврей	20. А. Гольденгудип	Еврей
3. Вельтман (Павлович)	Еврей	21. Хаскин	Еврей
4. Аксельрод	Еврей	22. Ландер	Еврей
5. Цедербаум (Мартов)	Еврей	23. Аранович	Еврей
6. Красииков	Еврей	24. Кац	Еврей
7. Лундберг	Еврей	25. Фишман	Еврей
8. Коган (Володарский)	Еврей	26. Абрамович	Еврей
9. Цедербаум (Левицкий)	Еврей	27. Фрих	Еврей
10. Радомысльский		28. Гольдштейн	Еврей
(Урикий)	Еврей,	29. Лихач	Еврей
11. Ульянов (Ленин)	Русский	30. Книтшук	Еврей
1. Зиновьев (Апфельбаум)	Еврей	31. Берлинраут	Еврей
13. Бронштейн (Троцкий)	Еврей	32. Дистлер	Еврей
14. Сирота	Еврей	33. Черниловский	Еврей
15. Гиммер (Суханов)	Еврей	34. Вен. Смидович	Еврей
16. Ривкин	Еврей		
17. Цейбуш	Еврей		

Итого — из 34 членов:

Русских	1*
Евреев	33

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
5-ГО КОНГРЕССА**

1. Бруно	Латыш	15. Волах	Чех
2. Бреслау	Латыш	16. Димантштейн	Еврей
3. Бабчинский	Еврей	17. Левин	Еврей
4. Бухарин	Русский	18. Ерман	Еврей
5. Вейнберг	Еврей	19. Иоффе	Еврей
6. Гайлес	Еврей	20. Харклин	Еврей
7. Гайнцберг	Еврей	21. Книггисен	Еврейка
8. Данишевский	Немец	22. Розенфельд	
9. Старк	Еврей	(Каменев)	Еврей
10. Закс	Еврей	23. Апфельбаум	
11. Лингег	Еврей	(Зиновьев)	Еврей
12. Эрдинг	Еврей	24. Крыленко	Русский
13. Лангевр	Еврей	25. Красииков	Еврей
14. Штейнман	Еврей	26. Капник	Еврей

* См. сноску ** на стр. 407.

27. Каул	Латыш	46. Радомыльский	
28. Ульянов (Ленин)	Русский	(Урицкий)	Еврей
29. Лакзес	Еврей	47. Тегележкин	Русский
30. Книтшук	Еврей	48. Фельдман	Еврей
31. Луначарский	Русский	49. Фрумкин	Еврей
32. Петерсон	Латыш	50. Цюрупа	Русский
33. Петере	Латыш	51. Цирицвадзе	Грузин
34. Рудзубтас	Латыш	52. Шейкман	Еврей
35. Розин	Еврей	53. Розенталь	Еврей
36. Смидович	Еврей	54. Ашкинази	Еврей
37. Стучка	Латыш	55. Карахан	Еврей
38. Свердлов	Еврей	56. Розе	Еврей
39. Смильга	Еврей	57. Радек (Собельсон)	Еврей
40. Нахамкес	Еврей	58. Шликтер	Еврей
41. Сосновский	Еврей	59. Чиколини	Еврей
42. Скрипник	Украинец	60. Шиянский	Еврей
43. Бронштейн	Еврей	61. Секретарь комитета —	
44. Теодорович	Еврей	Аванесов	Армянин
45. Териан	Армянин		

Итого — из 61 членов:

Русских	6	Армян	2
Немцев	1	Грузин	1
Латышей	6	Украинец	1
Чехов	1	Евреев	43

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ**

Бронштейн (Троцкий)	Еврей	8. Коган (Володарский)	Еврей
Ульянов (Ленин)	Русский*	9. Розенфельд (Каменев)	Еврей
Апфельбаум (Зиновьев)	Еврей	10. Смидович	Еврей
Лурье (Ларин)	Еврей	11. Свердлов	Еврей
Крыленко	Русский	12. Нахамкес (Стеклов)	Еврей
Луначарский	Русский		
Радосмыльский			
(Урицкий)	Еврей		

Итого — из 12 членов:

Русских
Евреев

Подводя итоги нашему перечислению всех главнейших должностных лиц государства, т.е. тех, кто фактически управляет Россией и решает её судьбу, мы получаем следующую картину.

Всего перечислено нами официальных лиц высшего управления — 539 .
По национальности эти лица разделяются так:

Поляков	3	0,56 %	Армян	10	1,86 %
Чехов	1	0,18 %	Грузин	2	0,37 %
Латышей	34	6,30 %	Венгерцев	1	0,18 %
Финнов	3	0,56 %	Немцев	И	2,04 %
Русских	31	5,75 %	Евреев	442	82,00 %

¹ См. сноску ** на стр. 407.

Здесь мы исправили очевидные арифметические ошибки, допущенные в первом, 1967 г., издании книги А. Дикого. (Прим. изд-ва «Благовест»)

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
МЕНЬШЕВИКОВ**

1. Диманд	Еврей	7. Дан	Еврей
2. Н. Гиммер	Еврей	8. Абрамович	Еврей
3. Штраус	Еврей	9. Раппопорт	Еврей
4. Ратнер	Еврей	10. Цедербаум (Мартов)	Еврей
5. Либер	Еврей	11. Цедербаум (Левицкий), брат предыдущего	Еврей
6. Зонн	Еврей		

Итого — из 11 членов — 11 евреев

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПРАВОГО КРЫЛА ПАРТИИ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ**

1. Керенский	Русский	9. Кинтшук	Еврей
2. Аронович	Еврей	10. Берлинрут	Еврей
3. Гисслер	Еврей	11. Дистлер	Еврей
4. Львович-Давидович	Еврей	12. Чернявский	Еврей
5. Гуревич	Еврей	13. Чайковский	?
6. Гоц	Еврей	14. Розенберг	Еврей
7. Гольдштейн	Еврей	15. Ратнер	Еврей
8. Лихач	Еврей		

Итого — из 15 членов: ? — 1

Русских	1
Евреев	13

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ЛЕВОГО КРЫЛА ПАРТИИ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ**

1. Штернберг	Еврей	7. Каган (Грессер-Камков)	Еврей
2. Левин	Еврей	8. Катц (Бернштейн)	Еврей
3. Фишман	Еврей	9. Фейга Островская	Еврейка
4. Ленберг	Еврей	10. Начман	Еврей
5. Стица	Еврей	11. Карелин	Русский
6. Ландер	Еврей	12. Мария Спиридонова	Русская

Итого — из 12 членов:

Русских	2
Евреев	10

**КОМИТЕТ АНАРХИСТОВ
В МОСКВЕ**

1. Крупенин	Русский	4. Блейхман	Еврей
2. Яков Гордин	Еврей	5. Ямпольский	Еврей
3. Лейба Чёрный	Еврей		

Итого — из 5 членов:

Русских	1
Евреев	4

ЛЁНЬКА И ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЕНРИХ

Из воспоминаний детства. Георгий Александров.

Лёнька и Ида, друзья моего детства, сверстники мои и моей сестры, товарищи наших детских игр. Это было пятьдесят лет назад в Саратове на Волге. Семья наших друзей принадлежала не к мелкой, а весьма даже крупной буржуазии.

Отец, Леонид Николаевич, домовладелец, издатель большой газеты, владелец типографии, настоящий барин. Свой выезд, кучер, лакей и горничная, богато обставленная квартира, пушистые ковры, на которых мы кувыркались вчетвером: Лёнька, Ида, я и моя сестрёнка. Мать, Софья Михайловна, большая общественная деятельница и патронесса, председательница родительского комитета в нашей гимназии.

Когда мы, дети, уже слишком шумели и безобразничали, из своей комнаты выходил дядя Яша, брат Софьи Михайловны, очень мрачный субъект, всегда с книжкой в руках, в пенсне с толстыми стёклами, страшно близорукий и нелюдимый. Дядя Яша обладал удивительной способностью внезапно исчезать и пропадать по несколько лет и так же внезапно появляться.

Папа и дядя друг друга терпеть не могли. Обменивались колкостями и вступали в перепалки, причём папа ехидно замечал, что дядя Яша вводит его в большие расходы с полицией и паспортами. Папа воздевал руки к небу и вздыхал по поводу Божьего наказания во всех еврейских семьях — возиться со своими родственниками.

Дядя Яша начинал говорить о каких-то съездах, программах, резолюциях, вообще о таких вещах, в которых мы решительно ничего не понимали. Впрочем, Лёнька как-то спросил меня, кто я: эсер или эдек. Это было уже в третьем классе гимназии, и в тот же день мы с Лёнькой сильно подрались в раздевалке.

Моя семья уехала из Саратова ещё до революции, и мы с Лёнькой не виделись два года. Летом 1918 года он разыскал меня в Москве и конфиденциально сообщил, что им, как буржуям, пришлось бежать из Саратова и теперь они живут у дяди Яши в Москве. Лёнька дал мне свой адрес: Кремль, Кавалерский корпус.

Тут я вспомнил девичью фамилию Софьи Михайловны, и всё стало понятно.

В Кремль в то время можно было попасть только через Троицкие ворота. Часовой в будке спрашивал, кто и куда, звонил по телефону и тогда выдавал пропуск. В Кавалерском корпусе Лёнька с папой и мамой и дядей Яшей, если вспомнить их Саратовскую квартиру, жили весьма убого.

Дядя Яша появился весь зашитый в чёрную кожу: кожаная куртка, кожаные галифе, высокие сапоги и кожаная же фуражка с большой красной звездой.

Лёнькин папа похудел наполовину, пиджак на нём болтался, как на вешалке.

Сидел молча и посматривал на дядю Яшу со страхом и трепетом.

Месяца через два к 4-й гимназии, что у Покровских ворот, где я учился, подлетел мотоцикл с прицепом.

Мотоцикл оглушительно стрелял и вонял едким дымом. Из коляски весь в дыму и копоти вылез Лёнька. На нём была кожаная куртка такая же, как у дяди Яши.

Ростом Лёнька был много ниже среднего, а потому куртка доходила ему до колен.

Власть в гимназии в те времена была уже в руках ЦИККС'а, что расшифровывалось так: Центральный Исполнительный Комитет Классных Советов. Директор гимназии исчез с горизонта, а бывший инспектор ходил как потерянный и беспомощно разводил руками.

В целях совместного обучения нас объединили с женской гимназией Винклер, а потому главным предметом обучения сделались танцы.

Ответственной функцией ЦИККС'а была выдача продуктов учащимся и педагогам. Учителя, которые при старом режиме любили ставить единицы и двойки, по распоряжению ЦИККС'а были сняты со снабжения. Лёнька, приехавший ревизовать школьное самоуправление и организовать комсомольскую ячейку, все мероприятия ЦИККС'а одобрил. Лёньку было не узнать.

На общем собрании он командовал, распоряжался, призывал. Говорил на том же языке и о тех же вещах, как дядя Яша в Саратове.

К тому времени мы уже эмансипировались и кое-что понимали. Впрочем, когда Лёнька заявил, что к нам с докладом скоро приедет товарищ Коллонтай, поднялся большой шум. Великовозрастные, но несознательные активисты из бывших двоечников потребовали, чтобы Коллонтай не приезжала, а то с ней поступят нехорошо. А как именно — об этом сообщили Лёньке на ухо.

Лёнька оставил мне книгу: В. Ленин и Г. Зиновьев: «Против течения». Я прочёл и честно сказал Лёньке, что ничего не понял. Лёнька разозлился и посоветовал мне не забивать голову стихами и беллетристикой.

Летом на даче в Мамонтовке мы играли в крокет: играл Лёнька, я и дети толстого Демьяна Бедного. Лёнькин папа постарел на двадцать лет, вздыхал и сокрушался, что Лёнька ничему не учится, растёт болваном, гоняет по митингам, валяет дурака и кончит плохо.

Увы, родительские предсказания всегда сбываются.

Лёнька в Берлине, Лёнька в Париже у Анатоля Франса. Лёнька моет по командировкам по всем Европам и после каждой поездки рассказывает мне с увлечением о своих путешествиях по подложным паспортам и своих подпольных приключениях за границей.

Лёнька — член ЦК Комсомола, организатор КИМ-а (Коммунистический Интернационал Молодёжи). Лёнька во главе издательства «Молодая Гвардия», и сам себя величает советским Сытиным.

Годы идут. Мы с Лёнькой в гостях на новой квартире. Он уже женат на Леночке, дочери очень большого кремлёвского вельможи. Ида уже взрослая девушка. Около неё увивается Сенька, наш одноклассник по саратовской гимназии. Куда теперь Сеньке до Иды, не по Сеньке шапка. Ида выходит замуж за Генриха, фармацевта по образованию. Но Генрих служит в СОООГПУ, что расшифровывается так: Секретно — Оперативный Отдел Объединённого Государственного Политического Управления. Генрих — плюгавый парень с рыбьими глазами и старше Иды лет на пятнадцать. Но ему предсказывают большую карьеру и уже называют на службе Железным Генрихом. Брак по расчёту.

Дело в том, что дядя Яша к тому времени уже помер не совсем натуральной смертью. На митинге в железнодорожных мастерских в Орле его довольно сильно побили товарищи рабочие. 1924 год. Наши пути с Лёнькой расходятся окончательно.

Лёнька заседает в ЦК, я сижу на Лубянке и в Бутырках. После сиденья в гости уже не приглашают.

Дальше слежу уже за Лёнькиной карьерой по газетам.

Лёнька громит в своих статьях классиков и разделяет под орех Пушкина с его дворянско-помещичьей идеологией. Лёнька в гимназии был круглый троечник и успел кончить 5 классов. Но в литературных кругах его называют пролетарским Белинским.

Он — редактор журнала «На литературном посту», он возглавляет РАПП — Российская Ассоциация Пролетарских Писателей.

Это Лёнька-то! Пролетарий, которого в пригготовительный класс гимназии привозили на собственных лошадях.

Во время партийных дискуссий Лёнька выступает со статьями в троцкистском духе.

РАПП разгоняют. После разгрома всех оппозиций Лёнька исчезает из Москвы.

Он на Урале, на скромной должности секретаря парткома машиностроительного завода.

Но это ещё не конец его карьеры. Он уедет ещё дальше.

Лето 1936 года. Я занимаю своё место в спальном вагоне скорого поезда Севастополь — Москва.

Стою у окна и наблюдаю любопытную процессию на перроне. Открываются двери бывших царских покоев на вокзале. Впереди идёт элегантно одетая молодая дама с белым шпиком на цепочке. За ней старушка, очень похожая на старорежимную гувернантку, ведёт за руку двух детей. За ними — двое или трое штатских. Замыкает процессию столько же рослых парней в военной форме в фуражках с малино-

вым околышем и петлицами того же цвета.

На петлицах у каждого по 2-3 ромба. Вся эта компания занимает целую половину спального вагона. Одному из телохранителей с ромбами места там, по-видимому, не хватает, и он подсаживается в моё купе. Поезд трогается. Первый раз за всю мою подсоветскую жизнь смотрю на моего соседа-чекиста без всякого страха и завожу с ним разговор.

Недолго думая, прошу его пройти в соседнее отделение и передать даме с собачкой, что я хочу её видеть.

Называю своё имя: Жорж из Саратова. Чекист вытаращивает глаза и спрашивает, отдаю ли я себе отчёт в том, кто эта гражданка, которой я навязываю своё знакомство.

Я с изысканно вежливой улыбкой называю имя этой дамы и фамилию её мужа со всеми его теперешними титулами и рангами.

Через несколько минут на глазах остолбеневшей от изумления чекистской свиты мы обнимаемся с Идой, и начинаются воспоминания детства. Всю дорогу до Москвы я в гостях у Иды, и чекисты с ромбами обслуживают нас, как денщики.

Это был мой реванш за Лубянку и Бутырки.

В то же время это была последняя страница моих детских воспоминаний и последняя встреча с друзьями моего детства.

* *

Я не могу. Пусть кто-нибудь другой, большой писатель опишет падение железного Генриха и его гибель, и гибель Иды с детьми год спустя. Пусть опишет эпоху ежовщины и ужаса сталинского террора, и судьбу детей революции на этом фоне.

Через несколько месяцев я прочёл краткую заметку в газете: по приговору выездной сессии Верховного Суда, Лёнька расстрелян как японский шпион в городе Свободном на Дальнем Востоке.

Лёнька — японский шпион? Поистине сталинские палачи не были лишены чувства юмора. Помню, в детстве мы с Лёнькой часто играли в военно-морскую игру и его папа говорил: «Японский адмирал Того-то «того», так Ты, Лёнька, будешь вместо Того». Так и вышло.

Да, революция — это, действительно, чудовище, пожирающее своих собственных детей.

Георгий Александров

(«Нов.Рус.Слово», 1 янв. 1962 г.)

СОЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ

Ганецкий-Фюрстенберг и «Товарищ Томас»

(Из статьи Д. Шуба в НРС (1965 г.)
«Конец Коминтерна»)

«...Я знал Ганецкого уже много лет, и он принял меня, как старого товарища. Выдал мне один миллион рублей в валюте — немецкой и шведской. Затем он повёл меня в кладовую секретной партийной кассы. Она помещалась в подвале того же дома Судебных Установлений, в одном из парадных залов которого заседал первый конгресс Коминтерна. Шли разными запутанными переходами, с фонарём, в темноте. Тяжёлая дверь, которую Ганецкий отпирал несколькими ключами. Попали в большую подвальную комнату — без окон, плохо освещенную.

Рассмотрел не сразу: на полу всякие ящики и чемоданы, повсюду золото и драгоценности — драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, кто-то явно пытался сортировать их и бросил. В ящике около входа полно колец. В других — золотая оправка, из которой уже вынуты камни.

Ганецкий обвел фонарём всё вокруг и, улыбаясь, сказал: «Выбирайте!» Потом он объяснил, что все драгоценности — отобраны Чека у частных лиц по указанию Ленина. Дзержинский их сдал сюда на секретные нужды партии.

В своих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Социалистический Вестник», выходящем в Нью-Йорке, «Товарищ Томас» дальше пишет:

«Мне было очень неловко отбирать. — Как производить оценку? — спросил я. Ведь я в камнях ничего не понимаю?» — Ганецкий ответил: «А я, думаете, понимаю больше? — Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз — сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы Вы взяли побольше».

Мне некуда было класть. Ганецкий прошёл в один из углов, отобрал небольшой чемодан, хорошей кожи, правда, с немного попорченным замком, но который всё же можно было закрывать, выбросил из него какие-то вещи и дал мне его. Я стал накладывать, а Ганецкий приговаривал: «Берите побольше!» И советовал в Германии продавать не сразу, а по мере потребности. И, действительно, я продавал их потом в течение ряда лет...

Наложил полный чемодан камнями, золота не брал — громоздко.

Никакой расписки на камни у меня не спрашивали, на валюту, конечно, расписку я выдал».

«Товарищ Томас» рассказывает, что советские агенты подкупали людей не только в Германии, но и в других странах. Он, между прочим, приводит следующий факт:

«После больших переговоров я дал значительную сумму денег (помнится, тридцать тысяч долларов) одному американскому коммунисту на издание еженедельной коммунистической газеты. Имя этого коммуниста — Луи Фрейна. Им была написана хорошая книга о русской революции».

По возвращении в Америку он сообщил, что деньги у него украдены. Никаких доказательств он не представил и от коммунистического движения отошёл».

К рассказу «Товарища Томаса» о случае с Фрейна, известный историк русского и международного революционного и социалистического движения, Борис Иванович Николаевский, снабдивший рассказ «Товарища Томаса» в «Социалистическом Вестнике» своим предисловием и примечаниями, добавляет:

«Луи Фрейна, редактор журнала «Революционный век», автор статьи о положении в Америке, напечатанной в 18-м номере журнала «Коммунистический Интернационал» от 18 октября 1918 года. После истории с деньгами Фрейна отошёл от коммунистической партии и от политической деятельности вообще, заняв, под другим именем, место профессора в одном из провинциальных американских университетов. Он умер несколько лет тому назад».

Б.И. Николаевский дальше пишет: «Известно ещё несколько случаев, когда из указанной секретной кассы Цека приблизительно таким же путём были выданы весьма значительные суммы: об одном из них рассказала Анжелика Балабанова в её недавней книге о Ленине, вышедшей в Германии, Италии (и в Америке)».

По её рассказу, агент Коминтерна, получивший сумму из кассы ЦК, её присвоил и открыл ювелирный магазин в Вене».

В этой же статье Д. Шуб сообщает еще и следующее: «Коминтерн и его агенты в Германии сознательно помогли Гитлеру уничтожить свою демократическую республику в Германии».

«...Когда Сталин заключил свой знаменитый пакт с Гитлером, который был одобрен Коминтерном и который дал возможность Гитлеру поджечь весь мир».

Примечание А. Дикого: Л из кого состоял тогда Коминтерн?... Не вытекает ли отсюда логическое заключение, что евреи в Коминтерне сами виновны в том, что пережили их единоплеменники под властью Гитлера.

Но кроме приведённых выше случаев недобросовестного отношения к доверенным им драгоценностям, известен и другой случай, приведённый в воспоминаниях некоего «Роя» (индуса Нарандранат Бхаттачариджа), который после октябрьского переворота работал на большевиков и был лично известен Ленину.

Михаилу Бородину (он же Грузенберг, он же Брантвейн) было поручено доставить в США значительное количество царских бриллиантов для нужд советской торговой миссии в Вашингтоне. Бриллианты он вёз нелегально, заделанные в кожаные чемоданы, которые при его аресте были отобраны и оказались в складах американской полиции, не подозревавшей, что заделано в стенках чемоданов.

Грузенберг-Брантвейн-Бородин был сыном раввина из Витебской губернии и сам готовился быть раввином, но вместо этого стал «бундовцем» и как эмигрант прожил в США 12 лет. Ему-то и доверили эти бриллианты.

Положение после отобрания чемоданов было почти безнадёжное. Но Бородин не сдался. После долгих усилий чемоданы оказались в руках его жены, жившей в Вашингтоне, которая сумела их перевезти в Москву и вернуть туда, откуда они были выданы. Вскоре после этого «Михаил Бородин» был назначен послом в Китай.

(Подробно случай этот описан в газете «Новое Русское Слово», Нью-Йорк, в номере от 20 марта 1966 года).

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В КИЕВЕ В 1919 ГОДУ

А) СИНОДИК «КИЕВЛЯНИНА»

Нижеприведённый перечень лиц, убитых коммунистической партией в 1919 году (с февраля по август), составлен по траурным объявлениям, появившимся в «Киевлянине», Как известно, Киев был отнят Деникинцами у большевиков 18 августа и опять отдан большевикам 3-го декабря 1919 года. В этот трёхмесячный «светлый промежуток» люди, потерявшие близких, могли оповестить родных и друзей о своём горе при посредстве газет, что было немислимо при большевиках.

Разумеется, настоящий список далеко не полон. Очень многие по тем или иным причинам совсем не дали траурных объявлений, некоторые направили их в другие, кроме «Киевлянина», газеты. Но при всём том, этот список даёт представление, на кого обрушились чекисты в Киеве, что же касается провинции, то она только в исключительных случаях подала свой «траурный голос», так как «освобождённый Киев» был отрезан от Края.

Список составлен не по алфавиту, а хронологически, то есть в порядке поступления печальных объявлений в «Киевлянин». В распоряжении автора не было полного комплекта номеров газеты, почему могут быть пропуски и по этой причине.

1. Флоринский, Тимофей Дмитриевич, проф. Унив. св. Владимира.
2. Дворжицкий, Е.А.
3. Армашевский, проф. Университета св. Владимира.
4. Страхов, В. В., почётный мировой судья.
5. Мальшин, Н. В., служил в Гос. Контроле.
6. Никифоров, А. Ф.
7. Коноплин, В. В., владелец модного магазина.
8. Приступа, Г. И., домовладелец.
9. Можаловский, П. И., член суда.
10. Станков, К. Ф., владелец модного магазина
11. Башин, И. А., член Киевской I биржевой артели.
12. Бобырь, А. П.
13. Цитович, Александр Львович,
управляющий Обществом Взаимного Кредита.
14. Гомолка, П.А., владелец магазина.
15. Слинко А. П., владелец магазина.

Члены
Клуба
Русских
Националистов

16. Чайковская, Ольга Николаевна (в Чернигове).
17. Янковский, Дмитрий Порфириевич, директор 6-ой гимназии.
18. Фонок, ученик 6-ой гимназии.
19. Бушмакин, ученик 6-ой гимназии.
20. Тизенгаузен, Алексей Алексеевич.
21. Радзимовский, Валериан, почет. мир. судья.
22. Колбасьев, Виктор Викторович.
23. Колбасьев, Михаил Викторович.
24. Колбасьев, Андрей Викторович.
25. Гендриков, Юрий Анатольевич.
26. Мартынова, О.В., сестра милосердия.
27. Горбунов.
28. Богуцкий.
29. Шпика, Иосиф, чех.
30. Левестам, Борис Николаевич.
31. Малютин, Константин Евгеньевич. I
32. Саломенов, Владимир Александрович. } Служащие
33. Воротеляка, Константин Дмитриевич. J } Земельного Банка
34. Егоров, Михаил Иванович.
35. Стасюк, Харитон Осипович.
36. Балк, Любовь Харитоновна.
37. Паукер, Герман Антонович, инженер-путеец.
38. Вигура, Константин Андреевич, член Судебной Палаты.
39. Вешке, Карл Павлович.
40. Жевахов, князь Дмитрий Владимирович,
товарищ председателя Окружного Суда
41. Бимман, Евгений Павлович, поручик.
42. Львович, Василий Ипполитович, чинов, акцизн. упр.
43. Бурдынский, Александр Иванович.
44. Недашковский, Василий Семенович, председатель домов, ком
45. Ткаченко, Иван Николаевич, штаб-ротмистр.
46. Довгирд, Антон Фадеевич.
47. Калинин, Адриан Федорович, товарищ прокурора.
48. Солнцев, Дмитрий Дмитриевич, юнкер.
49. Савицкий, П.П., товарищ прокурора.
50. Квятковский, Н.И., товарищ прокурора.
51. Максимович, М.И., товарищ прокурора.
52. Калиновский, А.П., товарищ прокурора.
53. Матусевич, Н.В., товарищ прокурора.
54. Раич, Н.П., товарищ председателя Окружного Суда.

55. Гудим — Левкович, В.П., товарищ председателя Окружного Суда
56. Милобездский, Виктор Казимирович, ротмистр.
57. Попов, Владимир Николаевич, штаб-ротмистр.
58. Снигуровский. Евгений Степанович, полковник.
59. Филиппченко, Леонид Иванович, поручик.
60. Саченко, Сергей Трофимович.
61. Сорочинский, Константин Игнатьевич. 1 —
со дд п» гл Служащие
62. Марченко, Петр Иванович. } „
со -г ил л г ГОСУД. КОНТРОЛЯ
63. Тюменев, Митрофан Георгиевич. J
64. Султанский.
65. Смирнов, Владимир Васильевич, генерал.
66. Бомбах, Николай Викторович, подполковник.
67. Шульга, Всеволод Константинович.) —
со тт „ Служащие Киевского
68. Шульга, Владимир. > ..
еп • w ••• л Удельного Округа
69. Мельницкий, Клавдии Александрович.]
70. Медер, Пётр Владимирович, генерал-лейтенант.
71. Волков, Аркадий Николаевич, генерал-от-инфантерии.
72. Готвальд, Алоизий Иванович.
73. Павлович, Иосиф Яковлевич, директор 8-ой гимназии.
74. Сабанеев, Лазарь. 1
75. Сабанеев, Даниил. \ Ученики гимназии
76. Севастьянов, Вадим. J
77. Пересвет-Солтан, Иордан Николаевич, присяжный поверенный.
78. Павлов, Фёдор Фёдорович. 1 Г Железнодорожные служащие
79. Синюк, Иван Пантелеимович. J
80. Милорадович, Дмитрий Дмитриевич.
81. Генрихсен, Борис Густавович, товарищ прокурора.
82. Трубецкой, князь Иван Петрович, мировой судья.
83. Лабенский, Семён Андреевич, журналист.
84. Хржановский, Иосиф Марцелович.
85. Юноцкевич, Елена Владимировна.
86. Былинский, Владимир Романович, полковник.
87. Шиманский, капитан.] „ и г .
00 п , п , \ Дружина «Наша Родина»
88. Соколов, братья Сабанеевы и др. J
89. Матченко, Иван Павлович, педагог, почёт, мир. судья.
90. Случевский, Израил Борисович, в гор. Остроге.
91. Громов, Александр Семёнович, инженер-технолог.
92. Бондаренко, Василий Андреевич, на ст. Новомиргород.
93. Шкот, Павел Петрович.

94. Добрынин. Михаил Николаевич, присяжный поверенный.
95. Вольф, Иван Викентьевич.
96. Пиорункевич, Иосиф Эдуардович.
97. Киркин, Михаил Михайлович, подполковник.
98. Никольский, Сергей Александрович, поручик.
99. Полибин, Александр Владимирович, статский советник.
100. Голлянская. Валентина Фёдоровна.
101. Кнотте, Нина Ивановна.
102. Кононов, Фёдор Яковлевич, банковский служащий.
103. Суковкин, Николай Иосафович, киевский губернатор, сенатор.
104. Молодовский, Георгий Георгиевич. 1
105. Рышковский, Викентий Романович. > Члены Киевской 'Г
106. То́лолин, Александр Александрович.] Биржевой артели
107. Вороненко, Апполинарий Александрович, агроном.
108. Рагоза, Александр Францевич, генерал-от-инфантерии.
109. Плейер, Иван Осипович, штабс-ротмистр.
110. Хлюстин, Дмитрий Николаевич.
111. Шорохов, П.В.
112. Цитович, Клеоник Игнатъевич, основатель Союза русских рабочих.
113. Брояковский, Тимофей Августович, сотр. страх. Общ. «Россия».
114. Красовский, Александр Иванович, член губ. земской управы.
115. Фридрихова, Евгения Григорьевна (в Чернигов, губ.).
116. Науменко, Владимир Павлович, редактор «Киевской Старины».
117. Неминский, Н.С., служащий Киевского земельного банка.
118. Шабловский, Болеслав Иванович (в имении «Красная Слобода»).
119. Глинская, Александра Ивановна.
120. Крюгер, Анна.
121. Остромыслянский, Н.В., из прокуратуры.
122. Новиков, Афанасий Семёнович.
123. Верлизов, Николай Гаврилович.
124. Пашенко, Александр Санич. редактор «Двуглавого Орла».
125. Бех, П.С. преподаватель Фундуклевской гимназии.
126. Андриевский, Семён Степанович.
127. Лобков, Владимир Михайлович, доброволец (на ст. Фастов).
128. Павлов, Фёдор Фёдорович, полковник.
129. Кратохвиль, Ян, чех.
130. Чайковский, Николай Николаевич, штабс-ротмистр.
131. Чайковская, Мария Александровна.
132. Хрусталёв-Носарь, Георгий Степанович (в Переяславле).

Б) ПОКАЗАНИЕ ВАЛЕРА

В сборнике «На чужой стороне» (выпуск XI, 1925 г.) напечатано показание некоего Валера, настоящая фамилия которого — Болеросов. Показание это взято из материалов «Особой Следственной Комиссии на Юге России».

В своём показании Валер, между прочим, говорит:

«В этот период происходило комплектование Че-Ка, и по национальностям можно смело говорить о преимуществе над всеми другими евреями. Ввиду того, что число сотрудников Че-Ка колебалось от 150 до 300, то и точные цифры привести здесь нельзя. Я не ошибусь, если скажу, что процентное отношение евреям к остальным сотрудникам Че-Ка равнялось 75:25, а командные должности находились почти исключительно в их руках.

Наиболее впечатлительные и крикливые по своей природе, они своей суетней по помещению Че-Ка создавали обстановку безраздельного господства. Правда, этот период я всё же называю еврейским по двум соображениям: 1) громадное большинство (7:3) членов комиссии были евреи, 2) за этот период не было ни одной казни еврея (исключая сотрудника Че-Ка, Каца).

Этот период богат зато особым оттенком работы (Союз русского народа, составление списков для проведения в жизнь красного террора) и благодушным отношением к делам евреям, по мнению большинства членов комиссии, по недоразумению не понимающих революции и её задач».

Валер приводит и личный состав командных должностей в Киевской чрезвычайке:

- 1) Председатель — Блувштейн (еврей).
- 2) Дехтяренко Петр (русский) — заместитель председателя и заведующий секретным отделом.
- 3) Шуб (еврей) — секретарь комиссии.
- 4) Цвибак Самуил (еврей) — заведующий юридическим отделом.
- 5) Цвибак Михаил (еврей) — заместитель заведующего оперативным отделом (заведующим был Яков Лифшиц — еврей).
- 6) Фаерман — Михайлов (еврей) — комендант.
- 7) Кац (еврей) — заведующий тюремным подотделом.
- 8) Каган (еврей) — заведующий хозяйством.
- 9) Ганиотский (вероятно еврей, но не наверное) — заведующий общей канцелярией.
- 10) Финкельштейн (еврей) — командир Особого отряда при Че-Ка.
- 11) Мотя Гринштейн (еврей) — заведующий спекулятивным подотделом.
- 12) Рабичев (вероятно, еврей) — бухгалтер.
- 13) Савчук (русский).
- 14) Шварцман (еврей) — заместитель заведующего секретным отделом.

- 15) Манькин (еврей) — заместитель заведующего юридическим отделом.
- 16) Яковлев (русский) — инспектор секретного отдела.
- 17) Ковалёв (русский) — инспектор секретного отдела.
- 18) Лошкевич (не выяснено) — инспектор секретного отдела.
- 19) Рубенштейн Наум (еврей) — секретарь юридического отдела.
- 20) Мантейфель (еврей) — член коллегии юридического отдела.

ВАЛЕР ДАЕТ ХАРАКТЕРИСТИКУ НЕКОТОРЫХ ЧЕКИСТОВ:

«Блувштейн (он же Сорин)... играл роль большого вельможи, знающего свой высокий удельный вес у большевиков...» «Его участие в убийстве низложенного Императора Николая II и Его семьи создавало особый революционный ореол...». «Побуждая младших сотрудников закреплять своё революционное сознание собственноручным расстрелом жертв Че-Ка, Сорин сам лично участвовал в расстрелах...»

«...Цвибак Самуил, родом из Симферополя. Студент-юрист второго курса. Упрям и зол... груб до рукоприкладства, участвовал сам в расстрелах...»

«...Цвибак Михаил... юмор и незлобивость создали ему среди служащих Че-Ка общую любовь. При всём том этот человек, вероятно — из подражания, участвовал в расстрелах жертв Че-Ка...»

«...Лифшиц Яков — сильный оратор среди рабочих кругов... Не будучи членом комиссии, он обладал колоссальным влиянием на дела Че-Ка. Жестокий до беспредельности... В расстрелах жертв Че-Ка участвовал не как гастролёр, а как профессионал...»

«...Фаерман — Михайлов, комендант Че-Ка... жесток, трус, нахален, самоуверен, сластолюбив, и, в результате, оставленный всеми, был расстрелян Одесской Че-Ка (по слухам)... был долго палачом Киевской Че-Ка...»

«...Шварцман Яков, член Комиссии... крупный политический работник и деятель. Жесток. Самолично расстреливал. Избивал и пытал арестованных...»

«Рубинштейн — дипломат, коварен, сластолюбив, по-своему добр, жесток с заключенными. Участвуя в расстрелах из любопытства, он смаковал агонию жертв, в одну из которых выпустил последовательно около 30 пуль...»

(Из книги В. Шульгина «Что нам в них не нравится».)

ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН «ФРАЙДОРФ»

(Создание, организация, результаты. —
Свидетельство агронома УССР)

В конце 1929 года силами и средствами Украинской Социалистической Советской Республики было приступлено к организации в Северной Таврии еврейского национального сельскохозяйственного района «Фрайдорф».

Из районов Евпаторийского, Донузловского и других был выделен особый, новый район — Фрайдорфский. Этот новый район был разделён на посёлки со своими сельсоветами, в которых всё делопроизводство велось на еврейском языке, т. к. весь район, согласно решению Правительства, должен был быть заселён исключительно евреями, пожелавшими «сесть на землю» и заниматься сельскохозяйственным трудом.

Посёлков всего было запланировано 29, в каждом из которых было приступлено к постройке домов для будущих поселенцев. Домов — от 20 до 40 на каждый посёлок.

Дома строились кирпичные, двух- и четырёхквартирные. Расположены были дома вдоль хорошего шоссе (по обе стороны), идущего от одного конца Фрайдорфского района до другого. От Евпатории до города Ак-Мечети — примерно около 80 километров.

К каждому дому было прирезано с тыловой стороны для сада, огорода и виноградника по полгектара земли. Ближе к дому — для сада и огорода, а за ним — под виноградник.

Равнинной пахоты, первоклассной земли, каждому посёлку было предназначено примерно 1 500 гектаров.

Все работы велись строго по плану, и к моменту окончания построек оканчивалось обычно и землеустройство.

Вселение новых земледельцев было запланировано на две весны: весну 1930 и 1931 года.

С землями Фрайдорфского района межевали ряд колхозов, с одной стороны, и земли огромного Евпаторийского зерносовхоза, с другой стороны. Этот зерносовхоз занимал площадь в 25 000 гектаров, длиной до 70 километров, а шириною всего от одного до двух, двух с половиною километров.

При создании Фрайдорфского района было приказано «соседям», т. е. ряду колхозов и Евпаторийскому зерносовхозу, подготовить всё для новых поселенцев.

Это означало: произвести посевы озимых и вспахать с осени под яровые и возможные корнеплоды, а кроме того, выделить из колхозно-

го поголовья необходимое количество рабочего и продуктового скота для новых поселенцев, снабдивши и соответствующим количеством фуража, нужным для нового урожая.

На зерносовхоз было возложено обязательство обслуживать тракторами и крупными с.х. машинами новосозданные посёлки, каковые должны были взамен за это предоставить зерносовхозу соответствующее количество рабочей силы (трудодей), а горючее доставлять с баз силами посёлка.

Переселенцы несколько запоздали. Но весенний посев, по распоряжению свыше, был сделан смежными колхозами, и новые колонисты застали уже зеленеющие не только озимые, но и яровые.

Выделили им и живой инвентарь. Разумеется, колхозники выделили не самое лучшее. Отбирали по украинской пословице «на тоби небоже, що мени не гоже»...

Из «центров» говорилось и повторялось, что все расходы по организации новых посёлков оплачиваются американской организацией «Агро-Джойнт». Но дальше слов эта «оплата» не пошла. Конечно, возможно, что и расплатились, но «в централизованном порядке», т. к. не только колхозы, но и местная администрация ничего не получили и даже не решились запросить начальство насчёт оплаты и этого самого «Агро-Джойнта»... Времена были такие, что особенно не поспрашиваешь... И труд колхозников и выделенный поселенцам живой инвентарь так и остались не оплачены... Даже спасибо за помощь никто не сказал.

Угрюмо посматривали на всё это старые колхозники, помнившие или слышавшие, как в своё время устраивались наши переселенцы... Без всяких «Агро-Джойнтов», а собственным тяжёлым трудом...

Когда пришло время летних полевых работ, зерносовхоз попробовал было получить от посёлков рабочую силу, как компенсацию за произведённую машинами совхоза работу на полях посёлков (как было обещано). Но и тут получилась неувязка. Выражаясь языком техническим, «коэффициент использования» евреев в качестве сельскохозяйственных рабочих, оказался весьма низким: на ту работу, на которую по норме полагалось два человека, колонисты, чтобы её выполнить хоть сколько-нибудь удовлетворительно, принуждены были посылать человек 6-8, а то и больше. Ибо в прошлом они не имели никаких навыков в этом труде...

Колхозы же и не пытались что-либо получить за свои труды. О том, чтобы евреи рассчитались с колхозами натурой, т. е. отработали бы, как это бывает у соседей, или вернули хоть постепенно живой инвентарь, выделенный колхозами, не могло быть и речи. «Агро-Джойнт» был далеко, да и носиться с ним колхозам было невозможно по ряду причин. Жаловаться тогдашнему диктатору Украины, проводившему коллективизацию, Кагановичу — было предприятие небезопасное...

Как всё это было проведено в отчётах — неизвестно. Надо полагать, на бумаге всё вышло гладко...

Но у тех, кто строил, пахал, сеял и всё готовил для новых поселенцев осталось горькое и неприятное воспоминание...

Когда пришло время выполнения разных, предусмотренных планом, сдачи государству, от которых не были освобождены и еврейские колхозы, новые поселенцы все выполняли своевременно и удачно выходили из, подчас, нелёгких, положений.

Как это достигалось в остальных посёлках — не знаю. А как это было осуществлено в посёлке № 22 — тому я был свидетель.

Комбинация была следующая: полученный от колхозов скот, был выбракован и «по блату» обменён на рыбные консервы в том же Евпаторийском районе, где производились эти консервы. Консервы, опять «по блату», были переправлены в Брянск и обменены на пеньково-канатном заводе на бичеву, которая тогда была товаром остродефицитным в Крыму. Бичева срочным грузом (тоже «по блату») была доставлена в Фрайдорфский район, на станцию Евпатория, и на подводах колонии (посёлка № 22) доставлена без всякого контроля в посёлок.

В порядке «товарообмена» с соседними не-еврейскими колхозами за часть этой бичевы посёлок № 22 выменял нужное количество скота вместо проданного, выбракованного.

Остальное количество, привезённой из Брянска бичевы было использовано не менее рационально. Соседние колхозы за бичеву выполнили все сезонные полевые работы на землях посёлка № 22, каковые, по плану, должны бы были выполнить собственными силами новые поселенцы. Колхозники и колхозницы не только убрали весь урожай, но и свезли необмолоченный хлеб в скирды. А за это как зарплату получили соответствующее количество бичевы, в которой остро нуждались, а получить его легальным путём не могли.

Молотья же и сдача урожая были произведены собственными силами новых поселенцев. Посёлком № 22 весь план выполнен на все сто процентов и вовремя.

Через год-два посёлок № 22 стал таять: колонисты неуклонно стремились в город, где устраивались в торговой сети и в многочисленных административных учреждениях.

Никаких садов и виноградников так и не было посажено. На отведённых для этого участках пышно разросся репейник, полынь, донник, осот и другие сорные травы и растения.

О дальнейших успехах в области сельского хозяйства населения Фрайдорфского района не знаю, т. к. вскоре я был переведён на службу в Поволожье.

Пришлось мне впоследствии побывать и «на целине» и быть свидетелем того, как устраивали новую жизнь те, кто не имел за спиной никаких «Агро-Джойнтов». Какие чувства вызывало у меня это сравнение — об этом говорить не буду.

Агроном.

ДИПЛОМАТЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР (1936 - 37 ГОДЫ)

ДИПЛОМАТЫ

I. ЛИГА НАЦИЙ

1.	Глава делегации СССР — Литвинов-Финкельштейн	Еврей
2.	Члены делегации — Розенберг	Еврей
3.	« « — Штейн	Еврей
4.	« « — Маркус	Еврей
5.	« « — Бреннер	Еврей
6.	« « — Гиришфельд	Еврей
7.	« « — Гальфанд	Еврей
8.	« « — Сванидзе	Грузин
Итого: евреев — 7; грузин — 1; русских — 0.		

II. ПОЛПРЕДЫ (В ЕВРОПЕ)

1.	Великобритания — Майский (Штейнман) Иван Михайлович	Еврей
2.	Германия — Суриц Яков Захаревич	Еврей
3.	Италия — Штейн Борис Ефимович	Еврей
4.	Бельгия — Рубинин Евгений Владимирович	Еврей
5.	Австрия — Лоренц Аркадий Иванович	Еврей
6.	Греция — Кобецкий Михаил Вениаминович	Еврей
7.	Румыния — Островский Моисей Семенович	Еврей
8.	Латвия — Бродовский Леонид Борисович	Еврей
9.	Литва — Карский Александр Алексеевич	Еврей
10.	Норвегия — Якубович Игнатий Моисеевич	Еврей
11.	Швеция — Коллонтай Александра	Русская
12.	Дания — Тихменев Николай Сергеевич	Русский
13.	Эстония — Устинов Иван Михайлович	Русский
14.	Финляндия — Асмус Эрик Адольфович	Латыш
15.	Польша — Даватьян Яков Христофорович	Армянин
16.	Венгрия — Бекзадьян Артемий Моисеевич	Армянин
17.	Чехословакия — Раскольников Фёдор Фёдорович	Русский
18.	Болгария — Александровский Сергей Сергеевич	Русский
19.	Франция — Потёмкин	Русский
20.	Швейцарии (неофиц.) — Д-р Багоцкий	Еврей
Итого в Европе: Русских — 6; Армян — 2; Латыш — 1; Евреев — 11.		

ПОЛПРЕДЫ В НЕЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

1.	Китай — Богомолов Дмитрий Васильевич	Русский
До него много лет полпредом был «Бородин» — он же Грузенберг		
2.	Япония — Юренин Конст. Конст. (Ганфман)	Еврей
3.	США — Трояновский — жена	Русский, Еврейка
4.	Внешняя Монголия — Таиров Борис Исаевич	Еврей

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР

(9 НАРКОМОВ И 12 ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ-ЕВРЕЕВ)

1. Народный комиссар иностранных дел СССР — Литвинов Максим Максимович (Мейер — Баллах Финкельштейн).
 2. Нарком внутренних дел — Ягода Генрих Григорьевич.
 3. Нарком Внешторга — Розенгольц Аркадий Павлович.
 4. Нарком внутренней торговли — Веицер Израиль Яковлевич.
 5. Нарком путей сообщения — Каганович Лазарь Моисеевич.
 6. Нарком совхозов — Калманович Моисей Иосифович.
 7. Нарком лёгкой промышленности — Любимов (Козельский) Исидор Елисеевич.
 8. Нарком здравоохранения — Каминский Григорий Наумович.
 9. Председатель комиссий советского контроля — Беленький Захар Моисеевич.
-
1. Заместитель наркома обороны СССР — Гамарник Янкель Борисович.
 2. Заместитель наркома тяжёлой промышленности — Каганович Михаил Моисеевич.
 3. Заместитель наркома финансов — Левин Лев Борисович.
 4. Заместитель наркома просвещения — Эпштейн Моисей Соломонович.
 5. Заместитель наркома земледелия — Гайстер Арон Израилевич.
 6. Заместитель наркома связи — Любович Арон Моисеевич.
 7. Заместитель наркома пищевой промышленности — Беленький Марк Натанович.
 8. Заместитель наркома водного транспорта — Розенталь Эпох Фридрихович.
 9. Заместитель наркома лесной промышленности — Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич.
 10. Заместитель наркома юстиции — Сольц Исай Борисович.
 11. Помощник прокурора СССР — Иохеллес Иосиф Исаевич.
 12. Начальник центрального управления народного хозяйственного учёта (ЦУНХУ) — Краваль Иосиф Антонович.

ЕВРЕИ В СОСТАВЕ ОГПУ (НКВД)

Нарком внутренних дел в СССР — Ягода Генрих Григорьевич,
литовский еврей.
Первый заместитель — Агранов (Сорензон) Яков Саулович, еврей.

ЕВРЕИ

В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Начальник Особого Отдела — Гай Мирон Ильич.
Начальник Экономического отдела — Миронов Самуил.
Начальник Иностранного отдела — Слуцкий Аркадий Аркадьевич.
Начальник Транспортного отдела — Шанин Абрам Моисеевич.
Начальник оперативного отдела — Паукер Карл Вениаминович.
Начальник Специального отдела — Добродицкий Вениамин Исакович.
Начальник Антирелигиозного отдела — Иоффе Исая Львович.
Начальник Главного управления
рабоче-крестьянской милиции — Бяльский Лев Наумович.
Начальник уголовного розыска НКВД СССР — Буль Леонид Иосифович.

ЕВРЕИ

В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ОХРАНЫ

Начальник — Могильский Борис Ефимович, еврей.
Инспектор пограничных войск НКВД СССР — Ширвиндт Семен.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ НКВД

В «Известиях» от 29 ноября 1935 года напечатано-, «присваиваются следующие звания работникам НКВД»:

* **Генеральный Комиссар Госбезопасности — Ягода Г.Г.**
— нарком В.Д. СССР.

КОМИССАРЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ I РАНГА:

* Агранов Я.С. — Зам. Наркома В.Д. СССР.
— Балицкий В.А. — Нарком В.Д. УССР.
— Дерибас Т.Г. — Начальник Дальневосточного Управления НКВД.
* Прокофьев Г.Е. — Зам. Наркома В.Д. СССР.
* Реденс С.Ф. — Начальник Московского Управления НКВД.
* Заковский Л.М. — Начальник Ленинградского Управления НКВД

КОМИССАРЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ II РАНГА:

* Гая М.С. — Начальник Особого отдела ГУБГ НКВД СССР.
— Гоглидзе С.А. — Нарком В.Д. ЗСФР.
* Залкис Л.В. — Начальник управления НКВД Казахской АССР.
* Каценельсон — Зам. Наркома В.Д. УССР.
— Карлсон К.М. — Начальник Харьковского Управления НКВД.
* Леплевский — Нарком В.Д. БССР.
— Молчанов Г.А. — Начальник Спецотдела НКВД СССР.
* Миронов Я.Г. — Начальник Эконом. Отдела НКВД СССР.
* Паукер Б.В. — Начальник Оперативного Отдела НКВД СССР.
* Слуцкий А. — Начальник Иностранного Отдела НКВД СССР.
* Шанин А.И. — Начальник Транспортного Отдела НКВД СССР.

* Вельский А.И. — Начальник Главного Управления Р.К. Милиции.

— Пилар Р.А. — Начальник Саратовского Управления НКВД.

Звёздочкой (*) отмечены евреи. Тире (-) не-евреи.

Всего: Евреев (*) — 14; Не-евреев (—) — 6

**Кроме того, в НКВД в конце 1935 и начале 1936 г.
состояли евреи:**

* Фриновский, Комкор — Зам. Наркома В.Д. и команд. пограничн. войсками.

* Берман Борис, комис. III ранга — Начальник Отдела НКВД СССР.

* Берман Матвей, комис. III ранга — Начальник Главн. Упр. Испр. Труд. Лагерьей (ГУЛАГ).

* Островский Иосиф — Начальник Отдела НКВД СССР.

* Шпигельглас — Замест. Начальн. Иностранного Отдела НКВД.

* Шапиро — Секретарь Наркома В.Д. СССР.

**РАБОТНИКИ ГУЛАГ'А
(начальники крупных лагерей)**

* Фирин.

* Коган.

**ЕВРЕИ В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ
ЛАГЕРЕЙ И ПОСЕЛЕНИЙ НКВД**

Начальник — Берман Яков Матвеевич.

Заместитель и начальник вольно-поселенческого управления НКВД СССР — Фирин Самуил Яковлевич.

Начальник лагерей и поселений на территории Карельской АССР, одновременно начальник беломорского политического лагеря — Коган Самуил Леонидович.

Начальник лагерей и поселений Северного края — Финкельштейн.

Начальник лагерей и поселений Свердловской области — Погребинский.

Начальник лагерей и поселений Западной Сибири — Сабо.

Начальник лагерей и поселений Казахстана — Волин.

Начальник СЛОИ (Соловецкого лагеря особого назначения) — Серпуховский.

Начальник Верхне-Уральского политического изолятора особого назначения — Мезнер.

**ЕВРЕИ — НАЧАЛЬНИКИ
УПРАВЛЕНИЯ НКВД НА МЕСТАХ**

Московская область — Реденс.

Ленинградская область —

Заковский.

Западная область — Блат.

Северный край — Ритковский.

Азовско-Черноморский край —

Фридберг.

Саратовский край — Пилляр.

Сталинградский край — Раппопорт.

Оренбургская область — Райский.

Горьковский край — Абрампольский

Северо-Кавказский край —

Файвилович.

Свердловская область — Шкляр.

Башкирская АССР — Зеликман.

Западная Сибирь — Гоголь.

Восточная Сибирь — Троцкий.

Дальне-Восточный край — Дерibas.

Средняя Азия — Круковский.

Белоруссия — Леплевский.

РАЗДЕЛ III

СТАТЬИ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ

евреев и не-евреев

по вопросу

об антисемитизме в СССР.

«КТО ОНИ И КАК БЫТЬ?»

(Статья Ек.Кусковой в «Еврейской Трибуне» в 1922 г.)

В № 138 «Еврейской Трибуны» С.Л. Литовцев-Поляков спрашивает меня и других, утверждающих, что в России растёт антисемитизм, даже среди интеллигенции — кто это такие, эти интеллигенты-антисемиты? Суворины, Пуришкевичи, Шульгины? Так это всегда было, говорит С.Л.Поляков. «Интеллигенция никогда не была едина и неделима»... А потом — «антисемитизм был всегда в значительной степени интеллигентской выдумкой!»

К сожалению, не так это всё. Я очень и очень сомневаюсь, чтобы антисемитизм был только интеллигентской выдумкой. Да если бы это было верно, то и тогда пришлось бы просто признать, что сама выдумка есть тоже антисемитизм, ибо зачем выдумывать бесцельно?

Буду даже говорить только за себя. Я хорошо знаю, что интеллигенция никогда не была едина и неделима. И не о Пуришкевичих я говорю, констатируя рост интеллигентского антисемитизма. Нет. Я имела в виду ту среду, которая раньше, до революции, считала бы личным оскорблением, если бы кого-нибудь из этой среды обвинили в антисемитизме. Достаточно сказать, напомнить, как набросилась эта радикальная интеллигенция на Струве, когда он стал развивать теорию о «национальных отталкиваниях». Именно вот об этой радикальной, а не о чёрной интеллигенции, я и говорила. Скажу больше: это чудовишно, но антисемитизм развивается не только в русской интеллигенции, но и в... еврейской. Мне и другим приходилось недавно встречать евреев, очень высококультурных в своём мышлении и жизни, которые были подлинными антисемитами, я бы сказала нового, «советского» типа. Приведу несколько примеров. Встречаю женщину-врача, еврейку. Долгий разговор на тему: «Еврейские большевистские администраторы испортили мне мои прекрасные отношения с местным населением... И это население относится ко мне теперь отвратительно, и я чувствую себя отвратительно. Ров вырыт... А раньше, особенно во время войны — этого не было, русские солдаты закидывали меня ласковыми письмами... Но когда я смотрю на евреев-большевиков, издавающихся над русским населением, я сама себя чувствую антисемиткой»... И это — далеко не единственный пример. Вот городская учительница: «Понимаете, меня ненавидят дети, вслух орут, что я преподаю в еврейской школе. Почему в еврейской? Потому что запрещено преподавать Закон Божий и выгнали батюшку. — Да, потому что в Наркомпроссе — все евреи, а вы от них поставлены!»

Вот гимназистки, гимназисты. Из радикальных семей. Кружок. Какие разговоры? О насилиях евреев. Молодёжь вообще гораздо более

антисемитична, чем старшие. В школах — драки с детьми-евреями. В одной из самых популярных в Москве гимназий дети чуть-чуть не до крови избili мальчика и товарища. Я уже не говорю о взрослых, которые на каждом шагу говорят: «Ну, знаете, довольно, достаточно! Показали они себя, помучили нас!» Всё это до ужаса противно. Но всем этим — полна русская жизнь сейчас. Настолько полна, что официальный орган большевиков, Политуправление, разослал прокламацию, в которой разъясняет, почему в администрации так много евреев: «Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция и полуинтеллигенция, кадры административных и технических работников, то не удивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу... Пребывание евреев на административных постах новой России, — совершенно естественная и исторически неизбежная вещь, будь эта новая Россия кадетской, эсеровской или пролетарской». Ибо русской «оппозиционной» интеллигенции недостаточно. А раз это неизбежно и «на месте прежнего Ивана Петровича Иванова сидит теперь Арон Моисеевич Танкелевич», продолжает прокламация, то от неприятных ощущений при такой перемене следует «излечиться».

Как видит С.Л.Поляков, рост антисемитизма так силён, что вызвал даже действия просветительного органа, его обращение к населению. И даже совет — излечиться...

Таким образом, на вопрос, кто же это они, эти антисемиты, отвечаю: что самые широкие слои населения, вплоть до интеллигентов культурного типа, вплоть до интеллигентов-евреев... Тут и дети, и молодёжь. И могу уверить С.Л. Полякова, что этот антисемитизм — не выдумка интеллигентов. Это широко распространённое зло Советской России...

ХРУЩЁВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В последние годы вся мировая печать чуть не ежедневно пишет об антисемитизме в СССР. Надо полагать, не без основания, ибо нет дыма без огня. Несомненно, во взаимоотношениях трёх миллионов евреев, живущих в СССР, и остального населения существуют известные шероховатости, которые и объявляются «антисемитизмом». Но, с другой стороны, новые эмигранты, прожившие в СССР десятилетия, утверждают, что никакого антисемитизма (т. е. вражды по причине семитской расы и иудейской религии евреев) там не было и нет. По их мнению, то, что в Свободном Мире называют «антисемитизмом» — есть известное недоброжелательство к евреям вследствие того, что их непропорционально много в высших классах советского общества и, в среднем, еврей в СССР материально живёт лучше, чем не-еврей. Антиеврейские настроения там находятся в соответствии с теорией Маркса о вражде классов. Насколько это справедливо — утверждать трудно. В эмиграции же одни утверждают, что «антисемитизм» в СССР есть, другие — что его нет. Весьма интересная статья по этому вопросу помещена в чрезвычайно осведомлённом, но мало читаемом эмиграцией журнале «Социалистический Вестник» — органе «Бунда» (еврейской секции меньшевиков). Полагая, что она представит интерес для наших читателей, приводим эту статью, озаглавленную «Хрущёв и еврейский вопрос», полностью.

Перепечатывая эту статью, мы её помещаем в дискуссионном порядке, ибо знаем, что многие не разделяют высказываний статьи. **И** если кто-либо изложит и другое мнение — мы его приведём в журнале.

Редакция.

Роль Хрущёва в формировании советской политики последних лет очень велика. Это не вызывает сомнений. Но есть несколько областей советской политики, в которых личная роль Хрущёва особенно значительна. К таким областям — это, кажется, недостаточно осознаётся — относится и современная советская политика в области «еврейского вопроса». На ней лежит отчётливый хрущёвский отпечаток.

Чтобы показать более наглядно психологию Хрущёва в его отношении к еврейскому вопросу, надо начать несколько издали и остановиться на деятельности Хрущёва в Киеве и на Украине в первые годы после освобождения. Еврейский вопрос стоял здесь очень остро и требовал ясного к себе отношения. А Хрущёв был здесь царь и бог.

Киев был освобождён 6-го ноября 1943 года. Во главе немедленно восстановленного правительства советской Украины (Совета Народных Комиссаров Украинской ССР) стал Хрущёв, совмещавший эту должность с должностью 1-го секретаря ЦК компартии Украины. Уже по его положению на него же легла на Украине и задача формирования еврейской политики в обстановке заканчивающейся войны.

Общественная атмосфера на Украине была насыщена антисемитизмом, пышно расцветшим в период гитлеровской оккупации. Перед только что восстановленной советской властью встала альтернатива: либо вступить в открытую борьбу с антисемитскими настроениями, либо закрыть глаза на них. Хрущёв избрал последнее и даже больше — **попытался искать мира со вчерашними наиболее активными антисемитами и в какой-то мере опереться на них.**

В первом заседании Верховного Совета Украины 1-го марта 1944 года, Хрущёв, выступая в качестве председателя украинского правительства и **говоря о страданиях пережитых народом за годы оккупации, просто даже не упомянул о евреях** и в тоже время попытался привлечь симпатии вчерашних крайних активных антисемитов. Но было и хуже.

Об этом сохранилось поразительное свидетельство видной польской коммунистки-еврейки, проживавшей в Киеве — «по арийским бумагам» — весь период оккупации и оставшейся здесь ещё около года после освобождения. В ноябре 1944 г. она приехала в Москву и здесь в собрании редакции и ближайших сотрудников Польского Бюро Печати подробно рассказала о пережитом ею в Киеве. Участвовавший в этом собрании польско-еврейский журналист Леон Ленеман, в 1946 году уехавший в Польшу, и позже из Польши во Францию, рассказал об этом в израильской и американской печати, не называя имени свидетельницы. Только после её смерти и после эмиграции из Польши в Израиль её сына, Ленеман в своей французской книге «Трагедия евреев в СССР» назвал её. Это была Мала-Мария Хельминская (настоящая её фамилия была РужаГодес), в последние годы её жизни стоявшая во главе польского О-ва культурной связи с границей. В книге Ленемана приводится рассказ Хельминской о киевских событиях 1943-44 годов, о котором она сама напоминала Ленеману при посещении им её в раковом институте в Париже в 1955 году перед её возвращением в Польшу и уже незадолго до её смерти.

При освобождении Киева Хельминская, до войны просидевшая за коммунистическую деятельность несколько лет в польской тюрьме и во время оккупации связанная в Киеве с подпольем, была принята на работу в секретариат Хрущёва. Время было горячее, формальности не очень соблюдались, и её приняли на работу без заполнения ею анкеты. Но через некоторое время ей предложили заполнить анкету, из которой неожиданно выяснилось её еврейство, и её уволили. Влиятельные друзья, к которым Хельминская обратилась, сообщили ей, что **имеет-**

ся секретная инструкция, запрещающая по всей Украине принятие евреев на ответственные должности Хельминская была потрясена, не поверила этому и обратилась к Хрущёву лично. Разговор с Хрущёвым принял напряжённый характер. Хельминская разрыдалась. Хрущёв сказал ей:

«Я понимаю, что вы, как еврейка, рассматриваете этот вопрос с субъективной точки зрения. Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи. И, я думаю, для украинских евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда... Лучше бы они поехали в Биробиджан... Ведь мы здесь на Украине. Понимаете ли вы? Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти, как возвращение евреев».

Видя отчаяние Хельминской, Хрущёв добавил: «Всё, что я могу для вас сделать — это вернуть вам вашу анкету. Напишите другую без упоминания о вашем еврейском происхождении. Воспользуйтесь вашими фальшивыми документами, по которым вы чистокровная украинка».

После этого Хельминская слегла и только после нескольких недель оправилась от болезни, чтобы вскоре пережить новый удар. Это было в конце марта или начале апреля 1944 года. Офицер Красной Армии, украинец, встретил на улице другого офицера, в котором он узнал еврея. Грудь его была украшена большим числом орденов и медалей. Украинец — он был наполовину пьян — возмутился. **«Где ты достал эти медали, жид? Наверно, купил их на базаре».** И он попытался сорвать медали у еврейского офицера. Между ними завязалась драка, во время которой еврей застрелил украинца. Он сам явился в милицию и сообщил о происшедшем и тут же был арестован. В городе распространились чрезвычайно тревожные слухи и **убитому были устроены торжественные похороны с участием в них коммунистического начальства с Хрущёвым во главе. Сейчас же после похорон толпа бросилась к дому, в котором жил офицер-еврей; выволокла на улицу его жену и ребёнка и тут же их убила; потом бросилась громить дальше, причём возбуждение очень скоро приняло и резкий антисоветский характер.** Слухи о случившемся дошли очень скоро и до Москвы и вызвали там тревогу. В Киев был послан Маленков. Хельминская добилась приёма и у него. Он был гораздо осторожнее в выражениях, чем Хрущёв, но **по существу политику Хрущёва одобрил.**

Во все последующие годы, вплоть до смерти Сталина, Хрущёв оставался вернейшим сталинцем и особенно со времени своего переезда в 1949 г. в Москву принадлежал к небольшому кружку ближайших со-

* Leon Leneman: «La tragedie des Juifs en U.R.S.S.», Paris, Desclé de Brouwer, 1959, pp. 174-182.

трудников диктатора. Но и не только по этим общим соображениям следует признать, что на него в какой-то мере ложится доля ответственности и за страшную антиеврейскую политику Сталина 1948-1953 годов. Хрущёв впоследствии сам подчеркнул, что он поддержал Сталина в вопросе о расстреле Лозовского и других, осуждённых по делу Еврейского Антифашистского Комитета. Это было во время беседы Хрущёва с канадской коммунистической делегацией в августе 1956 года, представляющей большой интерес для выяснения общих взглядов Хрущёва в еврейском вопросе. Об этом еще будет речь ниже. Здесь же мне хотелось бы лишь отметить, ничем непосредственно на такую откровенность не вызванный, — сделал неожиданное заявление, которое, ввиду его значения, я привожу текстуально, как оно изложено участником канадской делегации Солсбергом.

«Он, Хрущёв, был согласен со Сталиным, что Крым, который к концу войны против Гитлера оставался без населения, не должен стать центром еврейской колонизации, так как в случае войны он превратился бы в плацдарм против Советского Союза».

«Соломон Лозовский, известный во всём мире преданный коммунист, стоявший много лет во главе Красного Интернационала Профсоюзов, был без всякой вины с его стороны втянут в Крымское дело и казнён» .

В этом заявлении Хрущёв не только признал, что он поддержал Сталина — и не по нужде, а потому что действительно был согласен с ним — в вопросе о расстреле главных деятелей Еврейского Антифашистского Комитета. Значение заявления Хрущёва не только в этом. Он выразил сожаление, что Лозовский «был втянут в Крымское дело», но ни одним словом, ни намёком не осудил самую мысль, что еврейская колонизация Крыма явилась бы «военным риском» для Советского Союза. Это в данной обстановке означало, что Хрущёв с этой чудовищной мыслью солидаризовался. И уже не при Сталине, когда Хрущёв, терроризированный, как и все ближайшие сотрудники Сталина, готов был принять любую его мысль, как божественное откровение. Это было сказано в августе 1956 года, через полгода после действительно исторического доклада Хрущёва на 20-м съезде компартии «о культе личности», который, казалось, должен был привести к разрыву с пережитками сталинской практики огульных заподозриваний и террористических выводов из них.

В еврейском вопросе доклад Хрущёва «о культе личности» вообще не принёс ничего, кроме горького террора, но никто из еврейских общественных и культурных работников, погибших в 1936-1938 и 1948-1952 годах, назван не был, и даже говоря о «деле врачей» и сообщив о нём ряд до того неизвестных потрясающих подробностей, Хру-

J. B. Salsberg. «Talks with Soviet Leaders on The [ewish Question". *Jewish Life*, February. 1957. p. 40.

См. об этом статью «Крымское дело» в «Социалистическом Вестнике», май 1957 г.

щёв совершенно умолчал об антиеврейском характере этого дела и даже и тут не назвал ни одного еврейского имени.

Но доклад развязал языки, и многие гораздо откровеннее заговорили о прошлом. В варшавской «Фолкштиме» от 4-го апреля 1956 года появилась сенсационная статья, в которой впервые в коммунистической печати открыто было рассказано о двукратном истреблении еврейской элиты. Статья эта произвела громадное впечатление за границей. В течение всего 1956 года иностранцы, приезжая в Советский Союз, открыто задавали вопросы о положении евреев в Советском Союзе, по существу о том, почему советское правительство не отказывается в еврейском вопросе от тяжёлого сталинского наследства.

На важнейших в этой области событиях 1956 года необходимо остановиться. В целом они дают отчётливое представление об основах еврейской политики Хрущёва.

В начале мая в Москву, по приглашению советского правительства, приехала делегация французской социалистической партии с генеральным секретарём партии Коммэном во главе. Делегация имела три продолжительных совещания с представителями коммунистического ЦК. Совещания носили информационный характер: обсуждались и политические и экономические и ряд специальных вопросов. В основном французы спрашивали, советские отвечали. Особое внимание было уделено вопросу о положении евреев в Советском Союзе. Но французы были не очень хорошо подготовлены к обсуждению этого вопроса, так что разговора по-настоящему не получилось. Для понимания общей установки советского правительства и лично Хрущёва в еврейском вопросе представляют большой интерес высказывания его во время этого совещания. Они тем более заслуживают внимания, что это, по-видимому, были первые проникшие в печать общие высказывания Хрущёва по еврейскому вопросу.

На вопрос о существовании антисемитизма в Советском Союзе Хрущёв ответил положительно, оговорив, что антисемитские настроения существуют лишь как пережитки реакционного прошлого. И тут же он непосредственно перешёл к общему вопросу о положении евреев в Советском Союзе:

Подробный отчёт об этих беседах, написанный Пьером Лошаком, сопровождавшим французскую делегацию в качестве переводчика, был напечатан за подписью Лошака в журнале «Realites», май 1957 г. стр. 64-67 и 101-104. Во время бесед француз с представителями коммунистического ЦК переводили советские переводчики, и Лошак имел поэтому возможность подробно всё записать.

Эти замечания Хрущёва представляют тем больший интерес, что сделаны они были отнюдь не в ответ на поставленный ему вопрос, а в самом конце совещаний, когда все намеченные темы были уже обсуждены, и Хрущёв неожиданно заявил, что хотел бы вернуться к национальному вопросу. Сказав несколько слов о том, что «революция разрешила национальный вопрос в нашей стране», и упомянув об образовании большого числа национальных республик в рамках Советского Союза, Хрущёв перешёл к еврейскому вопросу. На этом совещании и закончились. Всё это заставляло думать, что Хрущёв придавал особое значение этим замечаниям.

«...Вопрос о положении евреев и об их отношениях с другими народами — это сложная проблема. В начале революции у нас было много евреев в руководящих органах партии и правительства. Евреи были образованнее, может быть революционнее, чем средний русский. После этого мы создали новые кадры...

Первухин: нашу собственную интеллигенцию. **Хрущёв:** Если теперь евреи захотели бы занимать первые места в наших республиках, это, конечно, вызвало бы неудовольствие среди коренных жителей. Они встретили бы недружелюбно эти претензии, так как считают себя не менее интеллигентными и не менее способными, чем евреи. Или возьмите для примера Украину. Если еврей назначается на высокий пост и окружает себя сотрудниками-евреями, это естественно вызывает зависть и враждебные чувства по отношению к евреям.

Но мы не антисемиты. Взгляните на Кагановича. Он занимает очень высокие посты, а он еврей. Или вот наша милая переводчица, Лидия Фактор, которая так хорошо нас переводит. Да и у меня самого внук полуеврей. Мы боремся против антисемитизма».

На вопрос о свободе культурного развития и о школе сначала ответил было Микоян:

«Все национальности имеют у нас свои национальные права. Это вопрос практической необходимости. Евреи говорят по-русски, по-украински и т. д. по месту своего жительства».

Но Хрущёв прервал его:

«...Если бы были созданы еврейские школы, не нашлось бы, наверно, много охотников посещать их. Евреи рассеяны по всей стране. Нельзя было бы никогда создать университет на еврейском языке: не нашлось бы достаточного количества студентов... **Если бы евреев обязали посещать еврейскую школу, это несомненно вызвало бы возмущение. Это было бы понято, как своеобразное гетто...**»

Но кто же и когда отстаивал мысль об обязательной посылке еврейских детей в еврейскую школу? И что это за странный аргумент, что евреев не следует допускать на ответственные должности, так как при подборе сотрудников они окружают себя евреями? Трудно представить себе, чтобы Хрущёв был так наивен и так несведущ в этих вопросах, чтобы принимать эти фальшивые аргументы.

С ещё большей определённой Хрущёв формулировал своё отношение к еврейскому вопросу тремя месяцами позже в беседе с делегацией канадской коммунистической партии (т. н. рабочей прогрессивной партии). Делегация приехала в Москву для выяснения ряда вопросов, возникших в связи с решениями 20-го съезда КПСС, и со **специальным поручением добиться ясности в еврейском вопросе**. ЦК КПСС выделил специальную комиссию из трёх лиц с Хрущёвым во главе для бесед с канадцами. Делегация имела четыре заседания с представителями советского ЦК; Хрущёв участвовал лишь в последнем заседании, продолжавшемся около двух часов и почти целиком по-

священном еврейскому вопросу. С советской стороны почти всё время говорил один Хрущёв. Участник канадской делегации Солсберг, выступавший на этом заседании от имени канадцев, так суммировал основные высказывания Хрущёва:

«Хрущёв отверг как клевету против него и против партии все упреки в антисемитизме. Он перечислил ряд имён советских евреев, занимающих высокие посты в Советском Союзе. Он упомянул даже о своей невестке-еврейке.

Он повторил, что советские евреи в большинстве своём ассимилированы в общей жизни страны. Он подчеркнул, что эта ассимиляция исторически прогрессивна, а сепарация реакционна. Он отверг мысль о создании еврейской школы. Он говорил о том, насколько лучше положение еврейских детей, когда они учатся в общей школе»...

Несколько неожиданно Хрущёв перешёл к вопросу о «хороших и дурных чертах у каждого народа» и остановился на «ряде негативных черт у евреев»:

«Когда в Советский Союз были включены те части Румынии, которые реакция захватила в годы революции, очень многие евреи предпочли уехать в Румынию вместо того, чтобы принять советское гражданство.

После освобождения Черновиц (Буковина), улицы города были очень грязны. Когда евреев спросили, почему в городе не чистят улиц, они ответили, что не-еврейское население, которое выполняло эту работу, бежало из города.

Тысячи советских граждан выезжали в качестве туристов за границу. Только трое не вернулись. Все — евреи.

Где только еврей поселяется, он тотчас создаёт синагогу».

За этим следовал приведённый уже выше рассказ о «Крымском деле», в этом контексте, по-видимому, имевший тот смысл, что к недостаткам евреев надо отнести и ненадёжность их в политическом отношении.

Следует отметить, что хотя Хрущёв начал с того, что у каждого народа есть и положительные и отрицательные черты, никаких других народов он при этом не характеризовал и, перейдя к евреям, о положительных их чертах не сказал ни слова и остановился лишь на том, что он считает их «отрицательными чертами». Я привёл выше обвинительный акт полностью, чтобы читатель мог убедиться, на какой зыбкой почве Хрущёв строит свои обвинения против еврейского народа, при этом против народа в целом. Не приходится удивляться, что Хрущёву не удалось убедить канадцев в прогрессивном характере и принципиальной выдержанности его еврейской политики. «К сожалению, слова его произвели на меня обратное впечатление», — писал Солсберг.

Мыслью о недостатках еврейского национального характера Хрущёв вообще особенно дорожит. В марте 1958 года он принял корреспондента парижской газеты «Фигаро» Сержа Груссара и имел с ним

* *Jewish Life*, February 1957. p. 40.

продолжительную беседу . Во время этой беседы Груссар затронул вопрос о еврейской колонизации Биробиджана. Хрущёв говорил о Биробиджане восторженно , но при этом признал полную неудачу еврейской колонизации Биробиджана, которую он объяснил асоциальностью евреев. О недостатках еврейского национального характера Хрущёв на этот раз говорил иначе и осторожнее, чем в 1956 году, и, по существу, пытался оправдать характерными отрицательными чертами евреев ограниченную по отношению к ним советскую еврейскую политику:

«Евреи во все времена предпочитали ремесленные профессии... Они не любят коллективного труда, групповой дисциплины. Они индивидуалисты...

Вторая характерная черта евреев — они по существу интеллигенты. Они никогда не считают себя достаточно образованными. Как только представляется возможность, они хотят поступить в университет, каких бы жертв это ни требовало. Вы меня спрашиваете, почему не было еврейских школ в Биробиджане. Потому что нельзя заставить евреев посещать еврейскую школу. И интересы их в конце концов слишком различны, чтобы они могли удовлетворить их в районе, где они все оказываются вместе. Это не зависит от не-евреев. Создание подлинного еврейского культурного общества (communaute) не более возможно, чем создание еврейского политического общества: евреи всем интересуются, всё углубляют, обо всём спорят и в конце концов остаются при глубоких разногласиях в вопросах культуры.

В Советском Союзе есть много национальностей менее многочисленных, чем евреи, и в начале обладавших меньшими шансами на успех. Но эти не-еврейские национальности способны к организации и к жизни в качестве коллектива. Поэтому для них возможно создание постоянных национальных учреждений. Я мог бы назвать Вам много примеров. Нельзя бороться против воли к творчеству, как нельзя бороться и против негативной воли. Вот почему я отношусь скептически к возможности создания прочного еврейского общества».

Это была попытка оправдать отрицательное отношение советского правительства и компартии к развитию еврейской культуры и возложить ответственность за тяжкое состояние еврейской культурной жизни на самих евреев. И в то же время это была осторожная попытка оправдать ограничения при приёме евреев в высшие учебные заведения.

Влияние Хрущёва на формирование советской политики в последнее десятилетие и особенно в течение последних лет, начиная с 1956 года, так значительно, что трудно выяснить то индивидуальное, что вносит в эту политику Хрущёв. Но настойчивость, с которой Хрущёв

«Фигаро» от 9-го апреля 1958 года.

Чтобы читатель мог убедиться в совершенной фантастичности этой характеристики Биробиджана, отсылаю его к статье «Хрущёв и миф о Биробиджане» в «Социалистическом Вестнике», июль—август 1958 г.

отстаивает мысль о неспособности евреев создать «еврейское культурное общество», невольно заставляет думать, что Хрущёв был главным застрельщиком в политике недопущения возрождения еврейской культурной жизни, так отчётливо наметившейся зимой 1956-7 года. В печати не раз отмечалось, как в обстановке некоторого ослабления политического гнёта после 20-го съезда компартии летом 1956 года в Советском Союзе заговорили о каких-то просветах в еврейской политике и, в частности, о возможности восстановления еврейской периодической печати и вообще об обеспечении в каких-то скромных границах свободы развития еврейской жизни. Из всех тогдашних обещаний почти ничего не вышло. Почему? Или конкретнее: почему ЦК компартии затормозил это развитие? Исключительная роль, которую играл Хрущёв каждый раз, когда нужно было объяснить политику, и его попытки своеобразной самостоятельной аргументации в вопросах этой политики, по-видимому, свидетельствуют о том, что ЦК отказался от намечавшегося было смягчения советской еврейской политики прежде всего по настоянию Хрущёва. Беседа Хрущёва с корреспондентом «Фигаро» подкрепляет это предположение.

Хрущёв решительно протестует, когда его политику характеризуют как антисемитскую: он не враг евреев, у него есть почти друзья евреи, покойный сын его — он погиб во время войны — был даже женат на еврейке и у него, Хрущёва, есть внук полуеврей. Невестка-еврейка и внук-полуеврей вообще стали каким-то стандартным аргументом Хрущёва, когда он говорит о еврейском вопросе. Кстати, Хрущёв любит, чтобы его видели в кругу его семьи, даже в Америку он ездил с женой, детьми и зятем и пригласил внуков президента Эйзенхауэра приехать с дедушкой в гости к его внукам. Всех их широкая публика уже знает по многочисленным фотографическим снимкам в газетах. Но в составе этой семьи никогда не были показаны, ни даже упомянуты, ни невестка-еврейка, ни внук-полуеврей.

Конечно, антисемитизм Хрущёва не может быть поставлен на одну доску, например, с гитлеровским антисемитизмом. Гитлеровский антисемитизм был пронизан жгучей ненавистью к евреям. Аналогичные черты можно было наблюдать в «черносотенном» антисемитизме в старой России, и в новейшее время они явственно прорываются в советской провинциальной печати в её борьбе с «иудаизмом» и синагогой. **Антисемитизм Хрущёва иного характера: он не демонстративен и откровенно нагл, а стыдливо скрытен, не столько эмоционален и «принципиален», сколько «рационален» и «прагматичен».** Но антисемитизм есть антисемитизм. От этого упрека не отгородиться невесткой-еврейкой.

(«Социалистический Вестник».)

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

«В СССР не существует еврейский вопрос» — утверждает Большая Советская Энциклопедия. Общественная и даже частная дискуссия по еврейскому вопросу подлежит наказанию согласно § 58 пункту 10 Уголовного Кодекса. Это официальная версия. Однако действительность выглядит иначе. Хотя официальная пресса и замалчивает еврейский вопрос, однако этот вопрос является одним из самых актуальных и самых тяжёлых вопросов в Советском Союзе. Бюрократическое примечание в паспорте: «Национальность — еврей» прикрывает сотни тысяч исковерканных судеб людей и непрекращающуюся цепь преследований и унижений.

Два фактора.

Оживление вновь еврейского вопроса в годы после второй войны обуславливается двумя факторами:

1. Благодаря известному расширению антиеврейских установок в низших слоях населения, каковые установки имеют своё происхождение в историческом развитии России.

2. Благодаря антисемитской политике Советского Правительства, которое пытается антисемитизмом отвлечь внимание и недовольство населения разными непопулярными мероприятиями и трудностями жизни. А также потому, что **Правительство ощущает «неблагонадёжность» евреев.**

Последняя причина может быть рассматриваема, как главнейшая для обоснования антисемитизма. «Неблагонадёжность» еврейства, с точки зрения режима, происходит прежде всего благодаря социальной принадлежности большинства евреев: перед революцией большинство евреев в России принадлежали или к интеллигенции или к торгово-промышленникам, т. е. к двум слоям населения, с которыми коммунисты остро боролись. Однако и **сегодня ещё процент интеллигенции среди еврейского населения СССР сравнительно выше, чем у других народов.** Интеллигенция же и сегодня, как и перед революцией, является носителем сознательного недовольства режимом. Кроме того, **в последнее время может ясно наблюдаться рост еврейского национализма, в особенности со времени основания государства Израиль.**

Для советской власти с её тенденцией к централизации каждый национализм, который не служит укреплению режима, есть государственное преступление. По этой причине признаётся только русский национализм с его централистическими тенденциями, да и то пока он мо-

жет служить режиму. Национализмы же периферийные осуждаются и подавляются. Поэтому Советской власти должен казаться неприемлемым национализм, гравитирующий в «капиталистический мир» — в Израиль.

Двойная лояльность — стране предков и той стране, в которой живут в данное время — в глазах тоталитарного государства есть государственная измена, так как для него никакие интересы, кроме интересов собственной тоталитарной системы, не могут считаться лояльными (законными). Не удивительно поэтому, что национальное воодушевление при основании государства Израиль, которое было открыто проявлено во время демонстраций в связи с приездом Гольды Мейер в 1948 году, послужило Советской власти предлогом для решительных мероприятий к дискриминированию евреев. С того времени проводятся антиеврейские мероприятия против еврейской религии и культуры и против евреев — отдельных лиц. Их дискриминируют во всех областях хозяйственной и общественной жизни.

Три этапа дискриминации.

Эта дискриминационная политика находит своё выражение прежде всего в ограничении прав на работу и на образование. Что же касается политических свобод (свободы совести), то они имеют для евреев такие же самые ограничения, как и для других народов России. Развитие официального антисемитизма в послевоенное время может быть поделено на три этапа.

1. От 1948 до октября 1952 года: распространение дискриминационных мероприятий и связанная с этим чистка; в дополнение к этому — психологическая обработка не-еврейского населения для того, чтобы популяризировать эти мероприятия; наконец, полное уничтожение еврейской культуры в СССР.

2. От октября 1952 до апреля 1953 года: массовые аресты среди евреев, а с января 1953 года антисемитская кампания в прессе в связи с «заговором врачей»; подготовка массовой депортации евреев в отдалённые области.

3. От апреля 1953 года до сегодня: по возможности завуалированное проведение мероприятий, решённых в 1948-1952 годах.

* *

Второй этап — время особенно активного антисемитизма, который сопровождался антисемитской кампанией в прессе, именно благодаря его явному характеру, относительно хорошо известен. Первый же и третий этапы были гораздо меньше направлены во вне, а поэтому должны быть ближе исследованы.

Тотчас же после создания государства Израиль сотни евреев обратились в советское Министерство Иностранных Дел с ходатайством о разрешении выехать в Палестину. Это был предупредительный сигнал

для правительства, который ясно указал, что многие евреи предпочитают тяжёлую жизнь в угрожаемом войной родном Израиле жизни «под солнцем Сталинской Конституции». Солидарность еврейства с Израилем проявилась особенно ясно в демонстрациях 16 октября во время посещения Гольдой Мейер московской синагоги. Демонстрация истолкована как недвусмысленное доказательство неблагонадёжности советских евреев. Были предприняты решительные мероприятия.

Все, ходатайствовавшие о выезде в Израиль (об эмиграции), были арестованы и сосланы в отдалённые местности СССР. Еврейская газета и еврейское издательство «Дер Эммэс», еврейский театр в Москве и другие культурные учреждения были закрыты. Среди еврейской культурной элиты свирепствовали массовые аресты. Казнь 26 еврейских писателей в августе 1951 года есть только звено в цепи смертных казней и ссылок. Достаточно указать, что в течение одной ночи почти вся редакция газеты «Дер Эммэс» и большинство артистов еврейских театров Москвы бесследно исчезли. Преподавание в школах на еврейском языке было запрещено. Идеологическая кампания зимой 1949-50 года, которая была направлена против так называемых «критиков-космополитов», носила недвусмысленный антисемитский характер. Хотя слова «еврей» и «еврейский» нигде и не употреблялись, но обозначаемые «Правдой» как «идеологические агенты американского империализма», лица имели исключительно еврейские имена. Всё же нужно прибавить, что, несмотря на всю остроту нападков, «космополиты» всё же не были арестованы, только было приостановлено печатание их работ.

Тайный, руководимый агентами МГБ погром среди еврейской интеллигенции и открытый поход в прессе против русско-еврейской интеллигенции был только фасадом. За ним скрывалась далеко идущая система мероприятий по сужению прав евреев, как национальной группы, равно как и сокращение тех, и без того минимальных, прав, которыми теоретически все советские граждане, независимо от национальности, располагали. При этом **евреи рассматривались не как религиозное, а как национальное и расовое сообщество.** Внутренняя связь с еврейской культурой, принадлежность к религиозной общине вообще не принимались во внимание. Подобные дискриминационные шаги были направлены только против людей, в паспортах которых в рубрике «национальность» стояло слово «еврей». Внесение же в паспорт, опять, зависит исключительно от национальной принадлежности родителей. Если оба родителя евреи — дети тоже обозначаются, как евреи. В случаях же смешанных браков, родители определяют, обозначать ли детей, как евреев или как русских. Изменение национальности не разрешено.

Уволенные работники умственного труда.

Преимущественное (главное) поле деятельности евреев в СССР есть умственная работа. Поэтому правительство решило ли-

шить их возможностей применять себя в интеллигентных профессиях. В 1949 г. началась чистка центральных аппаратов министерств... Все служащие (сотрудники), которые по 20 лет и больше на одних и тех должностях работали и считались незаменимыми, были уволены или переведены в провинцию, главным образом, на дальний Север или Восток. Многие были уволены под предлогом, что в их анкетах имеются обвиняющие их данные. Если кто-нибудь, например, имел тётку в Германии, с которой он переписывался до 1939 года, то это расценивалось, как ясный признак политической неблагонадёжности. Свидетельство с примечанием о политической неблагонадёжности лишает возможности получить работу в центральных учреждениях; во всяком случае, является непреодолимым препятствием для успешной карьеры. Некоторым было предложено переселиться из Москвы в полярные области. Кто такое предложение отклонял — того увольняли за «неисполнение служебного распорядка». Часто кто-либо за самую малейшую оплошность переводился в другое учреждение с понижением; если же он начинал протестовать, то его увольняли за «склоку» и «интриги в предприятии».

Кроме государственного аппарата была произведена чистка и преподавательского состава высших учебных заведений и научных институций. Здесь также были самые различные предлоги, о правдоподобности которых правительственные круги не особенно заботились. Один доцент филологического факультете Московского Университета был уволен под предлогом «недобросовестного преподавания». Кандидат биологических наук Н. был уволен из одного научного исследовательского института вследствие «недостаточной продуктивности», хотя он там работал 18 лет и в специальных научных изданиях опубликовал статей больше, чем требуется по «норме».

Уволенные попадают в исключительно тяжёлое положение. С компрометирующим свидетельством и в нормальных условиях трудно найти работу. А тут ещё **отделы кадров получили тайное предписание приём евреев свести к минимуму.**

Тем не менее, как правило, приемлемые специалисты как-то и где-то находили работу. Положение же обычных служащих и преподавателей было сомнительное. **Многие были вынуждены превратиться в обычных поденщиков.**

Нумерус клаузус для евреев.

Не иначе обстояло дело и в области образования. Хотя в средних школах для евреев никаких ограничений не было, поступление их в высшие учебные заведения затрудняются всеми способами. Инструкции определили резкую остановку приёма евреев в особо важные институты. В институты менее важные должны допускаться только исключительно способные. Даже окончившие среднюю школу с отличием и правом поступления в ВУЗ-ы без вступительного экзамена могли попасть в университет только по большой протекции или при исключи-

тельно благоприятных обстоятельствах. Достаточно указать, что на факультете Московского университета, на котором перед войной было 40 % студентов-евреев, в 1951 году из 250 вновь принятых было только три еврея, а в 1955 году — пять или семь. Из трёх новых студентов-евреев, принятых в 1951 году, одному протезировал известный профессор, другой был принят благодаря служебному положению отца, третий принятый — была девушка, дочь известного советского деятеля, который имел хорошие связи в высших правительственных кругах.

В педагогическом институте или в институте дорожного строительства условия приёма были в общем легче. Однако и здесь не-еврею было легче поступить, чем еврею.

Хотя доступ к высшему образованию для евреев с 1948 года и был сильно затруднён, всё же он не был полностью закрыт. Зато путь к научной карьере для молодого еврея стал совершенно невозможным. В СССР путь этот, как правило, ведёт через аспирантуру, то есть дополнительное трёхлетнее специализирование, к чему евреи вообще теперь не допускаются. Даже в случаях особой рекомендации учебного совета высшей школы, приём евреев отклоняется под предлогом ограниченного числа мест для аспирантов. Одной знакомой автора её профессор откровенно объяснил, что он бы её охотно взял в качестве аспирантки, но отдел кадров её всё равно не пропустит. Поэтому самое лучшее и не делать попыток.

Положение было тяжёлое, но всё же давалась возможность существовать. События же 1953 года поставили под вопрос существование еврейства в СССР вообще. Сообщение о «заговоре врачей» и последовавшая затем антисемитская кампания в прессе вызвали панику среди еврейского населения. В Москве начали циркулировать слухи, что осуждение врачей послужит предлогом для массовой депортации евреев в отдалённые области. Одновременно было опубликовано письмо за подписью около ста евреев, бывших благодаря их квалификациям для правительства незаменимыми, в котором восхвалялись «мудрые мероприятия Партии и Правительства». Слухи эти никому не казались преувеличенными. Начали паковать чемоданы, дёшево распродавать обстановку и ложились спать с мыслями, что, вероятно, ночью будут арестованы. Как после установлено, эти опасения имели основание. Один врач из Биробиджана (область на Дальнем Востоке, которая ещё в 30-х годах была объявлена еврейской автономной областью) рассказывал мне в 1956 году о стоящих пустыми многочисленных постройках, воздвигнутых в 1952-53 годах для приёма евреев.

С октября 1952 до апреля 1953 года в Советском Союзе господствовал настоящий антиеврейский террор. Тысячи людей были арестованы, десятки тысяч уволены с мест их работы. Несколько примеров из круга моих личных знакомств. В Виннице органы МГБ арестовали шестидесятилетнюю женщину, потерявшую во время войны мужа и дочь и боровшуюся всю войну в рядах партизан. Она была обвинена в

антисоветской пропаганде и присуждена к десяти годам лагеря. Её вина состояла в том, что она в разговоре с одной девушкой, которую она как квартирантку приняла в свою комнату, выразила сомнение в виновности врачей. Хотя «заговор врачей» уже в 1953 году был объявлен фальшивкой, старой женщине удалось только весной 1956 года покинуть лагерь.

Одна сотрудница Московского издательства иноязычной литературы была вызвана к начальнику отдела кадров, который ей приказал подать прошение об увольнении. Объяснение было очень просто: **«Мы русское издательство, и вы должны сами понять, что для евреев здесь нет места»**. Возмущённый отказ моей знакомой привёл два дня спустя к тому, что она была уволена «за невыполнение служебного распоряжения».

Объяснение министерства внутренних дел 4 апреля 1953 года об обмане в деле «заговора врачей» положило конец неприкрытой антисемитской кампании. Установка в еврейском вопросе соответствовала общей линии политики тогда, которая заключалась в том, что делалась видимость известных изменений, не меняя ничего по существу. Положение евреев улучшилось по сравнению с 1953 годом, но не с годом 1951. Летом 1956 года никому не грозило физическое уничтожение. Но и никто не вернулся обратно на своё прежнее место. Изданные в своё время тайные распоряжения до сих пор не отменены. Отделы кадров, хотя теперь и не увольняют беспричинно немногих оставшихся ещё на службе евреев, принимают новых, если принимают вообще, с большим нежеланием. Сила же их настолько велика, что даже директора предприятий против них ничего не в состоянии сделать.

Только один пример из собственной практики: весной 1956 года, после окончания ВУЗ-а я должен был получить место в одном Институте. Директор отделения сказал мне, что я должен подождать пока начальник отдела кадров поедет в отпуск. Провести меня через отдел кадров при наличии там старого работника госбезопасности невозможно. Но когда он уедет в отпуск и его должность будет временно исполнять директор Института, то может быть удастся всё же меня принять вопреки существующим распоряжениям. В июне 1956 года одному моему знакомому, который пытался попасть в Институт Физико-Технический, который выпускает инженеров атомной техники, попросту было предложено не терять попусту время и хлопотать в другом месте.

Растущий национализм.

Успех такой политики весьма сомнителен. В Центре дискриминационные распоряжения правительства проводятся довольно строго. Но в провинции, где существует большой недостаток в специалистах, эти распоряжения обходятся часто. С другой стороны, антисемитские мероприятия вызывают не только понятное недовольство еврейства, но также и подлинное возмущение в широких кругах городского насе-

ления. Дискриминация усиливает еврейский национализм и стремление в Израиль. В то время, как поколение тридцатых годов относилось с безразличием к вопросу о своей принадлежности к еврейству, подавляющее большинство нынешних молодых евреев настроены весьма националистически. Однако этот национализм вовсе не обуславливается религией. У большинства, особенно у молодых евреев, этот, возникший в результате враждебной евреям политики правительства, национализм совмещается с резко антисоветской установкой. Однако это не всегда так. Одним опасностью антисемитизма «снизу» кажется большей, чем опасностью антисемитизма «сверху». Они рассуждают так: правительство хотя и давит на нас, но всё же допускает нам существовать. Если же наступит революционная смена, то во время неизбежной анархии переходного периода мы будем попросту перебиты. Поэтому будем лучше держаться правительства, как бы плохо оно для нас ни было. У людей этих установок антирусские настроения и стремления в Израиль наиболее сильны.

Для русского еврейства, разумеется, Израиль вовсе не является «благословенной землёй» Библии, а только практическим, реальным отечеством. Насколько я могу судить, в России религия, которая в течение двух тысячелетий была цементирующим еврейство элементом, отходит назад, уступая место чувству национальной связанности. Этому содействует отсутствие религиозного воспитания и политика правительства: для Советской власти еврейство, как уже сказано, есть общество национальное, а не религиозное.

Антисемитские мероприятия правительства вызывают безусловно усиление еврейского национализма и питают антикоммунистические установки у евреев. Благодаря этому еврейский вопрос обостряется изо дня в день. Его решение кажется возможным только вне тоталитарной диктатуры, в демократической России.

Давид Бург

Статья эта была напечатана около трёх лет тому назад на немецком языке и, насколько нам известно, до сих пор нигде не появился её перевод на русский язык, хотя она и представляет чрезвычайно ценное свидетельство человека, хорошо знающего вопрос, и написана была ещё под свежим впечатлением вскоре после оставления Бургом СССР.

Особенно интересны высказывания автора о психологическом «двойном подданстве» евреев в СССР (Израиль-СССР), о росте их антирусских настроений и о поддержке Советской Власти из боязни быть уничтоженными благодаря антисемитизму «снизу» при революционном свержении власти.

Высказывания эти полностью совпадают с распространённым в эмиграции мнением по этим вопросам.

Не делая никаких выводов и заключений, мы приводим перевод статьи, считая, что она может представить интерес для широких кругов эмиграции вообще, а для тех, кто участвует в её политической жизни в особенности, ибо она выявляет целую группу граждан СССР, активно поддерживающих Советскую Власть, и мотивы этой поддержки.

Редакция

ЕСТЬ ЛИ АНТИСЕМИТИЗМ В СССР?

Читая газеты и журналы, я вижу, что одни утверждают, что в СССР не только существует антисемитизм, но и всемерно поддерживается правительством; другие же категорически утверждают, что никакого антисемитизма в СССР нет.

Обычно в таких случаях кто-то ошибается. Но в вопросе о наличии антисемитизма в СССР не ошибается ни одна, ни другая сторона. Каждый прав по-своему: если под «антисемитизмом» понимать отрицательное отношение к евреям по причине их религии и происхождения — то такого антисемитизма в СССР нет. Но если «антисемитизмом» назвать неприязненное отношение к евреям подавляющего большинства населения СССР по причине той, что евреи в материальном отношении живут несравненно лучше, чем другие народы СССР, то надо сказать, что он существует. Отрицать это — значит отрицать бесспорные факты.

Я не журналист и не исследователь еврейского вопроса, а потому говорить могу только о том, что сам видел, пережил и перечувствовал. Старого режима не знаю — родился после «Октября». Происхождения пролетарского. Воспитания пионерско-комсомольского. В церкви в первый раз в жизни был в Германии, в 45 г., куда попал двумя годами раньше на положении «Оста». Специальность — железнодорожник.

В первый раз в жизни услышал о «еврейском вопросе» десятилетним мальчиком в начале тридцатых годов. Жили мы тогда всей семьёй в одной комнате в полуподвале большого дома в Киеве. От старших я часто слышал слово «они», когда они говорили о живущих в хороших комнатах и квартирах верхних этажей. Эти «они» (иногда говорили «новые паны») были и лучше одеты, и сытно ели в то время, когда мы жили впроголодь. Помню, как мать с соседкой полушёпотом говорили, что «им» теперь лучше живётся, чем когда-то «панам», и с завистью голых рассказывали одна другой, как «они» получают из Америки от «своих» всё, что «душа пожелает».

На мой вопрос, почему «им» лучше живётся и у «них» всё есть — мне отвечали старшие: «молчи и ни с кем об этом не говори!» И я молчал.

Но моё детское любопытство было пробуждено, и я начал внимательно ко многому присматриваться..

И чем больше я присматривался, тем яснее видел, что существует какая-то разница между «ними» и всеми остальными, хотя и в школе, и в организациях говорилось, что все равны.

Когда в Киеве каждое утро можно было видеть на улицах трупы умерших от голода — среди трупов «их» не было. На это как-то обратил моё внимание один мой товарищ, и после этого я начал внимательно присматриваться к трупам.

Как раз во время голода пострадал мой дядя — старый железнодорожник и член партии с 1917 года, чем он очень гордился: получил

пять лет за то, что обозвал «жидом» (будучи выпившим) одного завмага. Помню разговоры шёпотом об этом событии: «раньше и за царя столько не давали»...

В техникуме, где я учился, как-то профессор хотел провалить одного еврея, который, действительно, ничего не знал и не мог ответить ни на один вопрос. Но достаточно было этому студенту сказать, что профессор его проваливает «потому что я еврей», как смущённый профессор, задавши для вида несколько детских вопросов, поставил «удовлетворительно». Мы все молча переглянулись, а «победитель» с высоко поднятой головой вернулся на своё место.

Впоследствии, работая несколько лет на железной дороге, я побывал во многих местах Советского Союза и всюду видел одну и ту же картину: где полегче и подорожнее — там сидят «они»; где и тяжело и бездорожно, там ищачат наши...

Моя сестра занималась в мединституте, где подавляющее большинство студентов были «они». В шутку студенты называли мединститут «Палестиной». Однажды один из её знакомых громко спросил (на улице): «А как дела у вас, в Палестине?» Это услышали двое «наших». Немедленно — милиционер, протокол. А через несколько дней парня исключили из комсомола, и он исчез. Куда — неизвестно...

Об этом случае знали многие киевские студенты, но говорить и обсуждать никто не решался. Только с самыми близкими и верными людьми можно было повздыхать о нашем бесправии. Тогда в первый раз услышал я, что в старое время была для «них» процентная норма в учебных заведениях. Нас было трое, говоривших об этом. Крепких товарищей, не боявшихся, что кто-нибудь из нас «стукач» (доносчик). И мы с воодушевлением говорили, как было бы хорошо, если бы в каждой профессии определить для «них» процент. Полтора процента, потому что «их» по последней переписи в СССР было полтора процента. И мы были убеждены, что это было бы по-настоящему справедливо. Но, конечно, свои мысли держали про себя...

Ни злобы, ни ненависти мы не ощущали, но нам хотелось подлинного равенства и справедливости, о которых так много говорится в Советском Союзе. А определённо привилегированное положение евреев было слишком очевидно, чтобы не вызывать у всех желание эти привилегии уничтожить.

Помню, во время этого разговора, мой верный друг Валерий (погибший вскоре под Сталинградом), задумался и сказал: «А ведь если так продолжится ещё лет пятьдесят, во всей стране только «они» будут занимать все лучшие места и только «их» дети будут с высшим образованием. А ведь у нас только высшее образование открывает доступ к лучшим положениям... А мы... мы будем ищачить»...

Вскоре после этого разговора началась война. Как железнодорожнику, вначале имевшему «броню», мне много пришлось поездить и много увидеть, как «они» себя вели во время войны.

Молодые, откормленные, с такими же жёнами, многочисленными чадами и ещё более многочисленными шикарными чемоданами и гру-

дой другого багажа — двинулись «они» на восток. В поездах, в легковых и грузовых машинах... А навстречу им идут пешком колонны мобилизованных колхозников или тянутся красные товарные вагоны, как сельди в бочонке, набитые «защитниками Социалистического Отечества». Исподлобья, недобрым взглядом, провожают они поезда и колонны машин с «эвакуируемыми»... А в поездах этих и машинах почти исключительно «они»...

Эвакуировались, конечно, и наши. Но другими способами — больше пешком или на «конячках»...

Помню, в начале сентября попал я на Кубань, в одну станицу, где в колхозе имел дальнего родственника. День был рабочий. Колхозники в поле. Разыскивая дом своего родственника, прошёл через базарную площадь. Народу полно. Торговля идёт бойко, платят, что запросят... И все «они». С жёнами, авоськами и свёртками. «Что это у вас? Базарный день?» — спросил я у какой-то старушки. — «Лучше чем базарный! Наехали «они». Всё покупают, грошей не считают. Беженцы из Киева», — пояснила старушка.

Разыскавши нужный мне дом, я думал, что попал в парикмахерскую: пахнет разными духами и одеколонами... Древний дед объясняет мне, что все на работе, а в доме живут «якись беженцы з Киева». Девять человек: трое мужчин, четыре женщины и двое подростков. По целым дням едят и спят, а вечером идут в кино и гулять. «Хотел бы я хоть один день в жизни пожить, как эти беженцы», — меланхолично сказал дед...

В это время шумно и весело вышли «беженцы», волоча огромный ковёр, который они разостлали под большой грушей невдалеке от дома и расположились ставить самовар. Посмотрел — все «они». Зная, что они из Киева, я спросил, не знают ли они подробностей о его судьбе. Оказывается, не знают, т. к. выехали уже давно и живут здесь второй месяц. Посоветовали спросить новых беженцев. «Они едут на лошадаках», — пояснила молодая и разодетая «беженка».

Расспрашивать я больше не стал. Сидел на завалинке, ожидая с поля своего родственника, наблюдал, как чаевали беженцы. И думал о тех наших, которые эвакуируются «на лошадаках», а то и на паре собственных ног...

Признаюсь, ни любви, ни дружбы к «ним» тогда я не испытывал. Горько и обидно было сознавать, что у себя, в своей стране, на своей земле так много неправды... И как её устранить? Эту неправду? Ведь не уничтожать же «их» бесчеловечно, как это делают немцы. Нет! Мы на это неспособны... Значит терпеть. Но до каких пор?... А как-то решать этот вопрос придётся...

Попавши позднее на фронт в качестве бойца, а вскоре и старшины РККА, я наблюдал ту же картину. Санчасть, снабженцы, политруки — всё больше «они». А там, где «стреляют», — там их ни-ни. Приблизительно такую песенку (точно не помню) мурлыкали иногда бойцы, разумеется, оглянувшись как следует кругом.

И армия, и вся страна всё это знали. Кипело внутри... Но молчали... Сталин приучил нас всех молчать. Но это не значит, что он мог заставить нас «их» полюбить или хотя бы изменить то внутреннее отталкивание к «ним», которое существовало до войны и значительно усилилось во время войны.

Хрущёв эти настроения, несомненно, хорошо знал. А потому он и сказал, что советская власть не хочет, чтобы «население в возвращении советской власти видело возвращение власти евреев», как об этом сообщает в своём журнале лидер еврейской партии «Бунд» — Р. Абрамович.

Это отталкивание, оправданность и естественность, которых трудно не признать, Абрамович почему-то называет «антисемитизмом». И совершенно забывает о той «классовой ненависти», о которой твердил и Маркс, и все его последователи, включая и самого Абрамовича.

Ведь только тот, кто не хочет видеть, не видит, что в СССР за первые 30 лет его существования создался привилегированный класс, который живёт неизмеримо лучше, чем всё население, и что подавляющее большинство этого класса до недавнего времени составляли «они».

В результате, у населения создалась если не «ненависть» к этому классу, то, во всяком случае, самое отрицательное отношение и отталкивание.

И если объектами этого отрицательного отношения и отталкивания сделался большой процент евреев, то только потому, что их так много в этом высшем классе.

Сейчас, как пишут газеты, Хрущёв постепенно проводит физическое уравнение в правах евреев с остальным населением. Он никого не вешает и не сжигает, но неуклонно приводит всё в равновесие. Он не вводит официально, как в царское время, ограничений и процентной нормы, но постепенно и безболезненно, как говорится в пословице, делает так, чтобы «всяк сверчок знал свой шесток». Евреям это не нравится, и они кричат на весь мир об «антисемитизме». Двумстам миллионам не-евреев в СССР, не сомневаюсь ни минуты, это очень нравится, и за это они прощают Хрущёву многое.

Абрамовичу же, который так много пишет об «антисемитизме», не говоря ни слова о его причинах и сущности, можно порекомендовать, чтобы он поподробнее написал о правах тех 200 тысяч арабов, которые составляют 10 /> населения Израиля, о их правах, о том, какие должности они занимают в государстве, гражданами которого являются.

А что если Хрущёв возьмёт пример с Бен Гуриона и начнёт поступать с евреями так, как Бен Гурион с арабами?

И. Галенко

(«Наша Переключка», «Знамя России». 1963 г.)

ЕЩЁ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В связи со статьёй г-на Ю. Марголина «Об антисемитизме» в «Новом Русском Слове» от 13-го октября позвольте сказать следующее.

Да, ничто не вечно под луной. Не вечен и антисемитизм. Но он будет существовать до тех пор и постольку, поскольку еврейство, в силу ли идеи избранничества или в силу каких-то свойств его характера, будет стремиться к привилегированному положению за счёт других групп населения. Находясь в рассеянии и живя среди народов, имеющих иной исторический путь и иной духовный облик, еврейство, чтобы перестать быть чужеродным телом, должно уничтожить это различие. Только выкорчевав душу народа, среди которого оно живёт, оно может очистить себе место. В этом разрушительная роль еврейства.

До какого-то момента выдвижение еврейства на первые роли остаётся незамеченным или, если его замечают, оно не кажется предосудительным. Но, по мере укрепления на верхах, еврейство теряет чувство меры. В какой-то момент народ чувствует оскорбление своего национального чувства — и рождается антисемитизм. Антисемитизм — это реакция. Я сошлюсь на современные нам события.

1. Создание Израиля. — Что справедливо? Отдать землю тому народу, чьей родиной она была почти две тысячи лет назад, или признать её родиной тех, кто жил на ней до последних дней в течение многих и многих поколений? Справедливым сочли первое, хотя справедливость была кривобокая, ибо, с одной стороны, были влиятельные еврейские крути в странах-победительницах, а с другой — бедные полудикие народы. Эта кривобокая справедливость побудила полковника Лоуренса вернуть британскому правительству свои отличия.

Но, справедливо или нет, Израиль стал существовать. Кому-то пришлось уйти с насиженных мест, и они ушли с ненавистью. Новое государство выросло на ненависти. Оно вклинилось между враждебных народов. Г-н Марголин предлагает приехать и убедиться в жизнеспособности Израиля. Но я и без того знаю: Израиль — небольшое государство. Оно не вмещает всех евреев потому ли, что всем там нет места, потому ли, что евреи, занимающие в больших государствах высокие посты, не хотят покидать их ради худшего положения на высоких постах в самом Израиле. Израиль не открыл пути еврейству. Путь восхождения — это приобретение влияния в больших международных организациях. Таковой мог быть коммунистический интернационал, но могут быть и объединения, основанные на иных принципах. Вне зависимости от принципа, еврейство тяготеет к интернациональной организации, как к потенциальному инструменту управления.

2. Преследования евреев в нацистской Германии. — Эти преступления справедливо названы «преступлением против человека». Их нельзя простить или забыть. Им нет моратория. Но, в отличие от г-на Марголина, для меня, хотя я не «ветхий старик», таким же преступлением перед Богом и людьми, преступлением, которому нет моратория, является убийство Царской семьи в Екатеринбурге. Люди охотно свои страдания называют священными, а чужие — патологическими. Говоря о ненависти к евреям, г-н Марголин пишет жирным шрифтом: **«Мы знаем, когда это началось, и с чего началось, и кем это началось, и с какой целью...»** Но на этом его объяснение и заканчивается.

Я помню, ещё до гитлеровского периода, мне пришлось прочесть об обращении одного раввина к людям своего народа в Германии, призывающим их к осторожности. Это было давно, и я не помню ни газеты, ни числа, ни имени — только факт. Этот человек указывал, что господствующее положение, которое евреи заняли в Германии, не соответствует их процентному составу в населении, что оно бросается в глаза, должно когда-нибудь вызвать реакцию. Это было мудрое предостережение. Вспомним, как тяжело переживала Германия унижительное поражение. Безработица, инфляция, разорение многих ожесточили. Благосостояние еврейства, которое ему удалось сохранить, его выдвижение на политическую арену должны были вызвать у разорённых, выбитых из колеи людей опасно-враждебное настроение.

Вспоминая о жертвах нацистов, будет уместным указать на отношение к людям, благополучно выбравшимся из Германии. Я знаю об евреях, заблаговременно выехавших и вовремя ликвидировавших там свои дела. Эти люди, не только оставшиеся, слава Богу, живыми и здоровыми, но с помощью вывезенного капитала открывшие где-нибудь в Южной Америке новые предприятия и достигшие прежней степени благосостояния, не только получили возмещения за убытки при вынужденной и, возможно, невыгодной ликвидации дела, но и пожизненные пенсии в 80-90 долларов в месяц. Между тем оstarбейтеры, вывезенные, как рабы, в Германию и, как рабы, поставленные на тяжёлую работу по фабрикам в условиях постоянных бомбёжек, недоедания и долгого рабочего дня — эти люди, потерявшие там здоровье, при всех предьявленных врачебных свидетельствах получают нищенские и смехотворные возмещения в одну-две сотни долларов, препровождаемые поздравлениями и добрыми пожеланиями.

Невозможно понять, каким критерием руководствуются при вычислении этих возмещений. По минимальной американской ставке в один доллар в час при 12-часовом рабочем дне и шестидневной рабочей неделе, это составило бы 280 долларов за четыре недели, а люди работали годы. И где же возмещение за потерянное здоровье?

В организации и руководстве октябрьским переворотом еврейство играло преобладающую роль. Имя Троцкого стояло наряду с именем Ленина. Кроме того, мы узнали бесконечное число других еврей-

ских имен: Зиновьев, Стеклов, Свердлов, Урицкий, Раковецкий, Литвинов, Каганович, Яффе и др. Долгое время после революции в государственном аппарате, особенно на высоких ответственных должностях, преобладали евреи.

Я хорошо помню первые революционные годы на Украине. Волна еврейства хлынула и затопила всё. Я не найду иного слова, кроме «засилье». Впоследствии еврейство лишилось этого господствующего положения в аппарате управления, и это устранение от власти было известными еврейскими кругами воспринято, как национальная обида, и этим в значительной степени объясняется непримиримое отношение к позднему советскому руководству.

Еврейство обвиняет советскую власть в антисемитизме и преследовании евреев. Кампания ведётся упорно. Делаются попытки воздействовать на Государственный Департамент с целью осуждения советского руководства, происходят выступления, собираются подписи, сенаторы обещают лично взять петиции в Москву. Будем справедливы. Коммунистический режим преследует все религии. В лагерях без вины томятся люди всех национальностей. Почему же поднимать голос только за евреев? Разве это не привилегия? Может быть, теперь меньше евреев у власти, хотя мне помнится упоминание о 2-3 евреях на очень высоких военных постах.

Но мы знаем о евреях среди учёных (в «Новом Русском Слове» был целый список имён), в кинематографической промышленности, среди работников театра, писателей. Ведь имена доходят до нас случайно. Сколько других имён мы не знаем! Число евреев, проживающих в Москве, городе для многих запретном, выражается в довольно почтенной цифре 500 000. В чём же состоит преследование евреев?

Пастернак, Бродский подверглись преследованию. Но разве не подвергались преследованию другие писатели, Евтушенко, Вознесенский, Некрасов? Преследовали Ахматову. Вернувшаяся на родину Марина Цветаева покончила с собой. Есенин, Маяковский, Жаров совершили самоубийства. Несть ни эллина ни иудея. Писательский труд неблагодарен в Сов. Союзе. Когда, после смерти Пастернака, была арестована и сослана его сотрудница и друг Ивинская, в международной печати началась кампания в её пользу. Я охотно верю, что Ивинская подверглась несправедливому преследованию. Но разве она одна? Страдания госпожи Ивинской на страницах «Нового Русского Слова» превзошли страдания Жанны Д'Арк и страдания Христа (суд над Жанной Д'Арк и суд Пилата «бледнеют» перед расправой с Ивинской — из статьи Георгия Александрова).

Можно только удивляться, как газета, выходящая на русском языке и предназначенная в первую очередь для русского читателя, то есть человека христианского вероисповедания, позволила себе подобные сравнения, которые являются оскорблением и религиозному и национальному чувству. Должно быть, редакция полагает, что эмигрант-

ский обыватель настолько привык ко всяким щелчкам и пинкам, что перестал на них реагировать.

Я знаю, мои слова сочтут несправедливыми те евреи, которые преданно любят страну своего рождения. Их немало. Ради них мне жаль, что я не могу изменить моё утверждение, что в широком историческом масштабе роль еврейства именно такова, как она выше изложена. Я не высказала бы эти неприятные вещи, если бы меня к тому не побудили оскорбительные антирусские выпады в «Новом Русском Слове». Это письмо — только реакция.

Н. Изюмова

(«Русская жизнь», 14 июля 1964 г.)

НАВЕТ НА НАШ НАРОД

(Миф об «антисемитизме» в СССР)

Не проходит дня, чтобы на страницах мировой печати не появлялись статьи, заметки или сообщения об «антисемитизме» в СССР, а часто и просто говорится о «русском антисемитизме» или «антисемитизме русских».

Это назойливое талдычение изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, конечно, не остаётся без последствий. Во всём мире создаются настроения, враждебные русскому народу, который — если верить печати — сплошь состоит из агрессивных антисемитов и «жидоедов». А бедные евреи в СССР представляются невинной жертвой этого народа, который 12 лет тому назад американский кардинал Спелман назвал «народом-убийцей» (на Евхаристическом конгрессе в Барселоне).

Ни одно посещение СССР представителями свободного мира (как делегациями, так и отдельными лицами) не обходится без ставшего шаблонным, вопроса: «а как у вас с евреями?»

Представители советской власти, начиная с Хрущёва, и кончая последним гидом или переводчиком, старательно и обстоятельно объясняют, что никакого «еврейского вопроса», а тем более «антисемитизма» в СССР не существует. Показывают статью закона, из которой ясно, что всякое проявление антисемитизма строго карается по закону и сообщают о том, что статья эта уже давно практически не применяется по той причине, что никто не жалуется на проявление антисемитизма.

Сообщают, что невестка самого Хрущёва — еврейка, что жёны таких влиятельных советских вельмож, как Ворошилов и Молотов — еврейки. Знакомят с процветающими в СССР евреями Эренбургом, Заславским, Никулиным и множеством других деятелей искусства и культуры СССР — чистокровными евреями, хотя иногда и носящими чисто русские или украинские фамилии.

Указывают на то, что главой планирования экономики СССР (имеющей целью «угробить» свободный мир) является еврей Дымшиц.

Везут, наконец, любознательных иностранцев в Малаховку, под Москвой, где до революции не было ни одного еврея, а сейчас их столько, что для их религиозного окормления существует в Малаховке два молитвенных дома (синагоги), открытых уже при советской власти.

Но ничто не действует. Распропагандированные долголетней неустанной и назойливой пропагандой, иностранцы всё выслушивают, но не особенно верят, считая всё это «показухой», и снова возвращаются к этому вопросу, повторяя об ограничении в СССР «еврейской национально-культурной деятельности».

Как всем известно, нац. культ, деятельность отдельных народностей всячески поощряется, нередко в ущерб культурной деятельности русских (великороссов). Так, например, национально-культурная жизнь даже таких народов, как украинцы и белорусы, которые перед революцией имели свою национально-культурную деятельность только в зародыше, при советской власти не только всячески поддерживалась и развивалась, но для этого нередко применялись меры насильственной «украинизации» и «белорусизации». Особенно в начале большевизма. А для ряда этнических групп, которые до революции жили примитивной жизнью и даже не имели своего алфавита, правительством СССР были созданы и алфавиты, и их собственная национально-культурная жизнь. Созданы грамматики, открыты школы на родном языке, не только низшие, но и средние, начали выходить книги и газеты на их языке.

Поэтому все народы в СССР в национальном отношении чувствуют себя совершенно равноправными и им предоставлены неограниченные возможности, как для развития национально-культурной деятельности своей этнической группы, так и для участия в общегосударственной культурной и хозяйственной жизни. На их родном языке на государственный счёт (точнее, из бюджета соответствующих национальных территорий, на которые поделен СССР) существуют книги, газеты, театры, школы, до университетов, включительно, даже свои национальные Академии Наук. Это равноправие в национальном отношении вовсе не означает, что в СССР существуют и политические свободы, как на Западе. Коммунизм считает эти свободы не только ненужными, но и вредными, а потому их не даёт населению. И граждане политически бесправны.

Всё сказанное о свободе национально-культурной деятельности относится только и исключительно к тем этническим группам, которые имеют свою национальную территорию. А так как все этнические группы, кроме еврейской, таковую имеют, то, практически, все они имеют и свободу для развития своей национальной культуры.

Только еврейская этническая группа, составляющая 1% населения СССР, своей национальной территории до революции не имела. И к ней не стремилась, предпочитая жить по всей России и добиваясь только ликвидации «черты оседлости», что и было достигнуто уже в марте 1917 года.

Но, не выставляя требований своей национальной территории, еврейская этническая группа выдвинула требование так называемой «национально-персональной автономии», то есть требование, чтобы во всех местах России, где появлялась более или менее многочисленная еврейская группа, для неё создавались на средства государства (точнее, территориальной административной единицы) газеты, театры, школы и другие культурные институты на еврейском языке.

Требования эти советская власть удовлетворяла, несмотря на то, что, по ленинскому толкованию, евреи не являются нацией, а только

группой, объединённой по признаку расы и особенностей быта. И в Москве, например, где пожелало поселиться немало евреев, были созданы самые разнообразные еврейские культурные учреждения, начиная от периодической печати и кончая еврейскими театрами. Всё это было создано на средства той союзной республики (русской), на территории которой евреи поселились.

Но, параллельно с этим, советская власть стремилась создать для евреев и их собственную национальную территорию, как это имеют все другие народы СССР.

Для этой цели были отведены богатейшие и плодороднейшие земли в Северной Таврии. На государственный счёт были построены благоустроенные посёлки, в которых, пожелавшие там жить, евреи имели бы полную и ничем не ограниченную свободу развивать свою национально-культурную деятельность.

Но, заселённые было вначале, посёлки быстро опустели, и их жители рассеялись по всему Советскому Союзу, почти исключительно в городах.

После неуспеха этой первой попытки, в начале тридцатых годов была сделана вторая. На этот раз евреям для создания своей национальной территории была предоставлена не вкрапленная в украинский этнический массив, а совершенно обособленная богатейшая территория на Дальнем Востоке, по размерам больше Бельгии и Голландии вместе взятых. Территория, так сказать, на отлёте, на границе Китая. Во много раз превосходящая территорию государства Израиль и неизмеримо его богаче природными данными.

На этой территории все было по-еврейски, до названия улиц включительно.

Но евреи и на этот раз не пожелали воспользоваться предоставленной им возможностью, и только несколько десятков тысяч поселились на этой еврейской национальной территории, население которой не растёт за счёт новых переселенцев-евреев, рассеянных, вернее, добровольно рассеявшихся по всей территории Советского Союза. Советские евреи туда не едут, хотя в «Автономной Еврейской Области» — Биробиджане есть все возможности для еврейской национально-культурной деятельности. Не говоря уже о всевозможных культурных учреждениях, ежедневной газете на еврейском языке и официальном языке области — еврейском, там и всё правительство этой автономной области состоит из евреев.

И каждый объективный наблюдатель не может не признать, что за всю историю еврейского народа рассеянным в «диаспоре» евреям никогда и нигде не были предоставлены такие возможности, какие им предоставил СССР, в котором евреи составляют только незначительное меньшинство в 1% всего населения страны.

Однако этой возможностью они пользоваться не желают и требуют «национально-персональной автономии», то есть создание на нацио-

нальных территориях других народов СССР и за их счёт еврейских национальных институций.

Если эти требования были обоснованы, пока не была создана еврейская национальная территория, то после её создания они теряют всякую убедительность и иначе как капризом названы быть не могут.

Почему, например, украинцы, грузины, белорусы, армяне, которых немало живёт в Москве, Петрограде-Ленинграде и других крупных центрах страны, не требуют создания в этих центрах своих национальных институций, а свою национально-культурную деятельность развивают на своих территориях, а евреи не желают этого и требуют для себя в этом отношении преимуществ и какого-то особого отношения, то есть привилегии?

А когда им в этом отказывают и хотят их уравнять в этом вопросе с другими народами СССР — тогда поднимается на весь мир шум о «национальном угнетении» евреев в СССР и об «антисемитизме».

Так в действительности выглядит то «национально-культурное угнетение евреев в СССР», о котором так много и так часто пишется на страницах мировой печати и о котором все посетители СССР неизменно стараются удостовериться и лично.

Подлинные же причины недовольства всего еврейства — всей еврейской диаспоры — лежат не в этом, а совсем в другой области русско-еврейских взаимоотношений. Не из-за еврейских газет и театров, не из-за языка «идиш» или «иврит», не из-за синагог и мацы волнуются евреи всего мира и обвиняют СССР в «антисемитизме»...

Всё это только предлоги, но отнюдь не причины их волнений, о каковых причинах они молчат и никогда их не упоминают.

Зато причины эти отлично знают все 220 миллионов населения СССР, а также и те немногие вдумчивые и серьёзные наблюдатели-иностранцы, которые при изучении этого вопроса и посещении СССР искали правду, а не подтверждение заранее сложившегося убеждения в наличии «антисемитизма» в СССР.

Но правды по этому вопросу не найти ни на страницах мировой печати, ни на страницах печати советской. Её обходят молчанием, как вопрос «щекотливый».

Попробуем «вложить персты в рану» и рассмотреть подлинные причины недовольства всего мира тем, что в настоящее время происходит с однопроцентным еврейским меньшинством в СССР.

Причин этих всего три:

Первая причина. — Потеря евреями фактически привилегированного положения, которым они пользовались в течение первых 30 лет советской власти, и уравнивание их в правах и возможностях с остальными гражданами СССР. Уравнивание фактическое. Формально все граждане СССР всегда были равны.

Вторая причина. — Сомнение в лояльности евреев — граждан СССР после создания государства Израиль, объявившего всех евреев мира «ещё не вернувшимися своими гражданами». Еврейская этниче-

••кн группа в СССР от этого «двойного нодаанс гва» но отмежеввалась и чигде и никогда по этому вопросу не высказалась. Это молчание дало основание полагать, вопрос, чьими же гражданами считают себя советские евреи, советскими или израильскими? И на чьей стороне их симпатии в холодной войне, в которой в одном лагере находится (.СССР. а во враждебном — Израиль? Вопрос, надо признать, и естественный и уместный. И но удивительно, что у праг-и гельства СССР появилась тенденция избегать домерять споим гражданам-евреям дела, -вязанные с обороной страны ;i холодной войной: дипломагические, пропаганда и журналистика, атомные изыскания, дела чисто военно->боронного характера.

В результате же процент евреев в ^г::х областях деятельности стал стремительно издаться, хотя ещё и не дошёл до одного процента, какой составляют евреи в СССР.

Естественно, что евреи этим недовольны, сравнивая нынешнее время с первыми десятилетиями коммунистической власти, когда если не все, то подавляющее большинство ключевых позиций во всех без исключения областях жизни СССР занимали евреи. Отсюда — обвинения в дискриминации и антисемитизме.

Третья причина. — Происходящая в СССР сравнительно быстрыми темпами ассимиляция замкнутой раньше, благодаря особенностям велигии, еврейской этнической группы.

Смешанные браки, почти неизвестные раньше, отход от религии и влияния раввинов, приобщение к культуре тех этнических групп, на национальных территориях которых они живут, прежде всего к культуре русской — всё это способствует быстрому и без всякого принуждения (это надо подчеркнуть) ассимиляции евреев в СССР. Многие из них, а молодёжь — в большинстве — чисто еврейской национально-культурной деятельностью вообще не интересуются и не знают не только древне-еврейского языка «иврит», но и того «идиш», на котором говорили их отцы и деды.

Немало даже демонстративно меняют свои фамилии на чисто русские или украинские, желая слиться с тем народом, среди которого живут. Мало кто знает за границей, что такой писатель исторических романов в сугубо патриотическом русском духе, как Лев Никулин — ••нрей. Или что украинскую литературу обогащает еврей — Квитко. Таких примеров можно привести множество.

С чисто еврейской, ортодоксально-религиозной точки зрения, которая не отделяет расу и кровь от религии*. все такие евреи для еврейства потеряны, мертвы... И поэтому против «отхода» от «отхода» ассимиляции и «отхода от еврейства» так страстно протестуют еврейские круги всей диаспоры. В Советском Союзе протесты эти значительно слабее и исходят почти исключительно от представителей старшего поколения. Молодёжь к «опросу ассимиляции» относится легко, сама на неё идёт и никаких трагедий из этого не делает.

Все приведённые выше три причины, взаимно переплетаясь, и создают атмосферу благоприятную для навета на наш народ в «антисемитизме».

На самом же деле никакого антисемитизма, понимая под таковым отталкивание, недоброжелательство и преследование по признаку религиозно-расовому (как это было веками везде, где евреи жили) — в СССР нет.

Но это не значит, что там нет ни недовольства еврейской этнической группы своим положением в **послевоенные годы** (до этого евреи недовольства не проявляли), ни известного недоброжелательства всего населения страны к еврейскому меньшинству, порождённого привилегированным положением евреев в первые 35 лет советской власти, их деятельностью во время войны и сомнением в их лояльности после образования государства Израиль, провозгласившего их «ещё не вернувшимися гражданами Израиля». От этого «гражданства» советские, как упомянуто выше, евреи не отмежевались и не отказались, как это сделала, например, большая группа евреев — американских граждан, объединённая вокруг «Каунсил фор Иудаизм».

Население помнит огромный процент евреев, занимавших тогда высшие положения во всех отраслях жизни страны, и такой же огромный процент студентов-евреев в высших учебных заведениях, что привело к тому, что евреи, как правило, в материальном отношении жили лучше, чем остальное население страны.

Помнит и то, что страшный голод, унёсший многомиллионные жертвы, особенно на Украине, не коснулся или почти не коснулся евреев. Как потому, что они жили почти исключительно в городах, где до голодных смертей не доходило, так и потому, что, занимая высшие должности, они имели больше возможностей обеспечить себя питанием. А кроме того, также и потому, что они получали от своих единоплеменников из-за границы продовольственную помощь через еврейские организации, каковая распределялась только и исключительно между евреями. Население это видело, и, естественно, что особой доброжелательности к евреям не вызывало.

Не забывало население и огромный процент евреев среди беженцев за Уралом во время последней войны. И весьма незначительный среди бойцов на фронте.

Этот процент объясняется тем, что на руководящих постах в учреждениях, подлежащих эвакуации, был очень большой процент евреев, которые, по приказу свыше, должны были эвакуироваться, а, боясь немцев, увозили с собой семьи и имущество. Но народ в этом не разбирался. Он видел только перегруженные поездные составы и грузовики с евреями и их имуществом, направлявшиеся на восток, в то время, как на запад пешком шли колонны мобилизованных бойцов. Неудивительно поэтому, что в народе сложилось весьма скептическое мнение об участии евреев в войне.

Всё это, вместе взятое, порождало у населения критически-отрицательное отношение к евреям вообще, а к их чрезмерному проценту на руководящих постах в жизни страны и в административном аппарате, в особенности.

Настроения эти были хорошо известны правительству СССР и Сталину, который ещё во время войны, учитывая эти настроения, постепенно снимал евреев с наиболее видных постов, заменяя их гражданами не-евреями.

Сталину приписывается будто бы сказанная им фраза: «Моисей вывел евреев из Египта, а я выведу их из Цека партии, Правительства и всего аппарата»...

Насколько это точно — неизвестно. Но что евреи стали исчезать с руководящих постов — это наблюдали все.

Ещё во время войны, Хрущёв, организовывавший тогда власть на Украине после ухода немцев, одной еврейке-члену партии, протестовавшей, что её не приняли на работу в секретариат Хрущёва по причине её еврейского происхождения, сказал следующее: «Мы не хотим, чтобы население в возвращении советской власти видело возвращение евреев», предложивши ей умолчать о своём еврейском происхождении, в каком случае он обещал её принять в свой секретариат. Она с негодованием отвергла хрущёвское предложение и вскоре оказалась в Польше, где и рассказала журналистам об этом разговоре. Всё это напечатал журнал «Социалистический Вестник», орган евреев-меньшевиков-марксистов, выходивший в Нью-Йорке на русском языке.

После 1948 года (создание государства Израиль), кроме недовольства к евреям на почве экономической, их привилегированного положения и роли во время войны, появилась и ещё одна причина недовольства и недоверия: сомнение в их лояльности по отношению к СССР.

Как только создалось это государство, объявившее всех евреев, где бы они ни жили, «ещё не вернувшимися на родину гражданами Израиля», среди евреев СССР, с энтузиазмом приветствовавших это государство и ничего не возражавших против «двойного подданства», выявилось стремление уехать на «родину», т. е. в Израиль. Около израильского посольства в Москве произошли многолюдные и шумные манифестации и было подано множество заявок на выезд из СССР в Израиль.

Сталин сделал отсюда выводы и принял меры: приостановил «национально-культурную» деятельность многотысячной еврейской группы, живущей в Москве, закрыл газеты, журналы, театры на еврейском языке, а подавших заявления о выезде сам отправил, но не в Израиль, а в северные пределы СССР. А параллельно с этим, правительство СССР, не будучи уверено в лояльности своих граждан с «двойным подданством», быстро пошло по пути отстранения их от такой деятельности, где требуется стопроцентная лояльность: дипломатия, генеральный штаб, атомные изыскания, журналистика.

И теперь в СССР уже нет такого явления, какое было в начале советской власти, когда чуть не все дипломаты-послы были евреи, когда вооружёнными силами и их политическим воспитанием ведали евреи, когда в периодической печати, финансах, административном аппарате большинство ключевых позиций занимали евреи.

А в высших учебных заведениях, подготавливавших кадры для этих секторов государственного аппарата, в то время огромный процент студентов составляли евреи.

В настоящее время от всего этого не осталось и следа, и на постах, требующих особого доверия и лояльности, евреев осталось немного — только строго проверенные и доказавшие свою верность СССР.

Но это вовсе не значит, что для евреев создаются затруднения в получении высшего образования и участия во всех остальных отраслях деятельности, кроме вышеупомянутых.

Во всех остальных отраслях интеллигентного труда (физический труд они не любят и его избегают), начиная с профессоров высших учебных заведений и кончая студентами, процент евреев, по сравнению с их процентом по отношению ко всему населению СССР, поражающе высок. Кроме, как упомянуто выше, некоторых профессий.

Понятно, что евреям эти мероприятия советской власти не нравятся и, не столько они — советские евреи — сколько их заграничные единоплеменники, а за ними и вся мировая печать вопят об этих мероприятиях, называя их «культурным геноцидом» и объясняя прирождённым русским антисемитизмом.

О подлинных же причинах мероприятий правительства и недовольства советских евреев дипломатично умалчивается, чтобы не вызвать «щекотливых» сравнений того, что было в первые 35 лет большевизма и что есть сейчас.

И с исключительной настойчивостью во всём мире, на всех его языках, ведётся пропаганда и распространяются обвинения в «антисемитизме» и в «геноциде» против юго народа, который в первые же дни установления принципа народоправства (в марте 1917 года) сам, по собственной инициативе, дал евреям все права, в которых они частично были ограничены раньше, а через несколько месяцев допустил без всяких возражений и противодействия, чтобы если не все, то почти все руководящие посты в его государстве были заняты евреями.

Пропаганда действует — и русофобия во всём мире растёт и ширится, не встречая надлежащего сопротивления, которое легко можно было бы сделать убедительным и неопровержимым, ибо факты на нашей стороне. А факты — «вещь упрямая»...

Но ни советская власть, ни эмиграция этому вопросу не уделяют почти никакого внимания, хотя, при желании, могли бы сделать немало. Надо полагать, что причиной этого является нежелание советской власти показать всему миру, что каркас этой власти в своё время был создан преимущественно евреями, и боязнь эмиграции быть обвинённой в антисемитизме, если она начнёт правдиво освещать этот вопрос.

В результате же, весь некоммунистический мир полностью находится во власти пропаганды о «русском антисемитизме» и о «геноциде» евреев в СССР.

Западный мир не одобряет происходящее в СССР уравнивание в правах и возможностях евреев с остальным населением государства, считая это «дискриминацией». А о дискриминациях (без всяких кавычек) в своих собственных государствах забывают.

Западный мир поднимает шум, когда после сорокапятилетнего запрещения выпечки куличей в государственных пекарнях (а других там нет) мера эта распространяется (да и то частично) на выпечку мацы.

Западный мир называет «культурным геноцидом» добровольный, безболезненный и естественный ассимиляционный процесс однопроцентного еврейского меньшинства, рассеянного по всему СССР, горячо против этого протестуя и объясняя это русским «антисемитизмом», забывая при этом, что такой же процесс происходит во всех странах еврейской диаспоры. Недаром так ожесточённо борются против этого процесса сионисты и ортодоксальные раввины, находя в этой борьбе поддержку и всего еврейства. Возьмём, например, нынешнего лидера консерваторов и националистов США — кандидата в Президенты Голдуотера, ещё отец которого был настоящий еврей. Разве он не является типичным примером ассимиляционного процесса в США, процесса, с точки зрения и общечеловеческой, и демократической, положительного. Таких примеров можно привести множество и в Западном мире, и в СССР.

Западный мир остро реагирует на деятельность безбожников, направленную против иудейской религии, забывая о том, что такая же, если не более резкая деятельность уже 45 лет ведётся и против православия и других религий, а также забывая и то, что инициатором этой деятельности был еврей Губельман-Ярославский.

Суммируя все эти «тяжкие обвинения» не только советской власти, но и всего нашего народа, печать всего мира приходит к короткой формуле: в СССР свирепствует самый страшный антисемитизм — наследие царского режима, который при советской власти усиливается и расширяется, не только поддерживаемый, но и вдохновляемый Хрущёвым и его правительством.

Подлинные же причины некоторых «шероховатостей» во взаимоотношениях советских евреев и остального населения страны старательно обходятся молчанием. А роль, значение и деятельность евреев в первые 35 лет большевизма предаётся забвению и о ней никогда не вспоминается.

Но не предаёт это забвению не только русский народ (великороссы), но и всё население СССР-России. За первые тридцать пять лет советской власти, когда весь мир не кричал, что в СССР антисемитизм, накопилось немало горечи, которая и порождает чувства недоверия и некоторой недоброжелательности во всем населении СССР по отношению к своим согражданам-евреям.

Что это чувство существует — отрицать нельзя.

Чем оно порождено — объяснено выше.

Что это вовсе не антисемитизм, в старом, «классическом», смысле этого слова — отрицать вряд ли возможно.

Что вина за эти чувства и настроения не на русском народе и остальных народах СССР — это надеюсь, ясно из всего вышеизложенного.

Когда-то, до 1917-го года, отрицательное отношение населения России к евреям объяснялось противниками Национальной России пропагандой «попов, полиции и черносотенцев». Почти полвека нет ни первых, ни вторых, ни третьих... А антиеврейские настроения в СССР не только существуют, но и чрезвычайно усилились, о чём свидетельствуют сами евреи, занимающиеся исследованием этого вопроса.

Почему? В чём дело? — возникают естественные и оправданные вопросы.

Но ответа на них не дают ни исследователи-иностранцы, ни все вообще, кто обвиняет нашу родину и её население в «антисемитизме». Подлинная причина этого «антисемитизма» старательно замалчивается.

Интересные данные об этих антиеврейских настроениях в СССР и о реакции на них советских евреев даёт некий Давид Бург, статьи которого по «русскому вопросу», вообще, и о положении евреев в СССР, в частности, нередко появляются на страницах периодической печати, выходящей на русском языке вне пределов СССР.

Этот молодой еврей-москвич, окончивший в половине прошлого десятилетия Технологический Институт в Лаюскве, хотел работать в области атомных изысканий. Но его нигде не принимали для этой работы, предлагая, однако, немедленно устроить на любую другую работу, по его специальности. Он не соглашался и упорно добивался работы непременно по атомным изысканиям. После нескольких месяцев безрезультатных хлопот, в отделе кадров одного из учреждений, куда он хотел поступить, ему было дано понять, что для него, как для еврея, эта область деятельности недоступна.

Тогда он покинул пределы СССР и на страницах еврейского марксистского журнала «Социалистический Вестник», выходявшего тогда в Нью-Йорке на русском языке, поделился сведениями о положении евреев в СССР.

По его словам, в СССР систематически проводится отстранение евреев от таких профессий как дипломатия, журналистика, атомные изыскания, оборона страны. В высшие учебные заведения,готавливающие кадры для занятия должностей в этих профессиях, доступ евреям фактически почти совершенно закрыт, хотя юридически они и имеют на это право и никаких официальных распоряжений в этом смысле (ограничения) никогда и нигде опубликовано не было. Но что ограничения и недопущение проводятся неукоснительно — это общеизвестно. Бург предполагает, что существует строго засекреченное распоряжение правительства по этому вопросу, в результате которого процент студентов-евреев в упомянутых выше ВУЗ-ах (на другие это

не распространяется) стремительно упал. В Институте, который он окончил, до войны было больше 40%, а в половине 50-х годов — всего 1 % студентов — евреев.

Дальше, в заключение, в той же статье Д. Бург сам ставит вопрос, как же относится ко всему этому еврейство Советского Союза и не вызывает ли у него эта дискриминация стремления к свержению советской власти? И сам на него отвечает следующими словами: «Хотя Правительством нас и ущемляет, но всё же даёт нам жизнь. В случае же его свержения есть опасность, что в период неизбежного безвластия, в результате настроений населения, евреи будут поголовно истреблены физически. Поэтому мы противники свержения Правительства и даже его поддерживаем».

Сказано предельно ясно и точно. А говорит это еврей, родившийся и выросший в Москве и хорошо знакомый с настроениями как всего населения СССР, так и его однопроцентной еврейской этнической группы, распылённой (по собственному желанию) по всему огромному Советскому Союзу.

Характерно и то, что Бург не употребляет слово «антисемитизм», а говорит о «настроениях населения». Несомненно, он знает, что эти настроения ничего общего с тем, что понимается под словом «антисемитизм» не имеют, а являются результатом причин чисто экономическо-политических, а именно: многолетнего привилегированного материального и политического положения евреев в СССР, когда они, по существу, были там привилегированным классом. Отрицательное же к ним отношение есть результат классовой вражды, о которой учит Маркс, не имеющей ничего общего с отрицательным отношением по причинам религиозным и расовым, каковым является подлинный антисемитизм.

То же самое, что и Д. Бург, говорит в своей книге «Кремль, евреи и средний восток» известный исследователь еврейского вопроса Джудд Л. Теллер, распространяя опасность свержения коммунистической власти для евреев не только на СССР, но и на всю Восточную Европу. По его словам, еврей с трепетом должен думать о моменте, который наступит там после свержения коммунистической власти. Это будет самая чёрная и самая кровавая ночь в жизни еврейства.

Правы или нет Бург и Теллер в своих мрачных предсказаниях, утверждать трудно, но что они отражают мнение, если не всего, то значительной части еврейства — в этом сомнений быть не может.

Не в этом ли заключается секрет своеобразной «борьбы с коммунизмом» свободного мира? «Борьба» эта, как ясно каждому объективному наблюдателю, ведётся и велась так, чтобы до её логического завершения — свержения власти — не довести! **Как только коммунистическая власть оказывается на грани своей гибели по причинам либо экономическим, либо военным — свободный мир всегда и неизменно протягивает руку для её спасения.**

А навет на наш народ в «антисемитизме» ширится и растёт, опутывающая умы зсего мира.

Те же, кому бы следовало правдой и фактами разбить этот навет, молчат.

Молчит и Правительство СССР, вероятно, не желая раскрывать неприятную для него правду о том, что каркас советской власти, в основном, был создан евреями и что они занимали там привилегированное положение в первые 35 лет коммунизма.

Молчит и эмиграция, хотя она, пользуясь благами свободного печатного высказывания, имеет все возможности бороться против навета на наш народ. Навета, который, как уже указано, порождает русофобию во всём мире и тем косвенно помогает коммунизму, потому что толкает весь свободный мир вместо борьбы с коммунизмом па борьбу с нашим народом и на пути расчленения его единого государства.

Неужели вся эмиграция, отлично понимающая и знающая, что никакого «антисемитизма» в России-СССР нет, не может мужественно и открыто выступить против этого навета?

Ведь правда на нашей стороне, а не на стороне клеветников России!

Почему бы не сказать эту правду всему миру, одураченному лживой и ложной пропагандой, представляющей и наш народ, и страну, где мы родились, как какое-то исчадие ада — кровожадный «поработитель» других народов и «народ-убийца», по своему характеру?

Материалов и совершенно неопровержимых фактов для опровержения этого навета имеется более чем достаточно. Нужно только это систематизировать и понятно и убедительно изложить в специальной брошюре или книге, разумеется, не только на русском языке, но и на других языках, прежде всего на английском.

Сделать это одному лицу, конечно, не под силу. За это дело должны взяться мы все, а наши эмигрантские организации — в первую очередь.

Почему бы, не откладывая, и приняться за это дело, несомненно, антикоммунистическое и, несомненно, полезное и нашему народу, и всем одураченным пропагандой клеветников России.

Полагаю, что это долг всей российской эмиграции, независимо от того, подданными каких государств они являются.

Андрей Дикий

(Напечатано:

«Часовой» — 1964 г.,

«Знамя России» — 1964 г.,

«Российское Единство» — 1964 г.,

«Русская Жизнь» — 1965 О

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

*Евреи являются нацией,
способной к самым ужасным
преступлениям.*

Наполеон Бонапарт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой исторический очерк «Евреи в России и в СССР», в котором приведены данные о роли еврейской этнической группы в разных областях жизни, как в дореволюционной России, так и в СССР, вызвал несколько откликов в печати — евреев, сотрудников эмигрантских газет, выходящих на русском языке.

Всего откликнулось три еврея: г.г. Гольдштейн, Марголин и Райе. Гольдштейн — на страницах парижской «Русской Мысли», Ю. Марголин — в «Новом Русском Слове», выходящем на русском языке в Нью-Йорке, Э. Раис — в «Часовом».

М. Гольдштейн — новейший эмигрант, легально покинувший СССР в 1967 году, а до того преуспевавший в СССР как композитор, скрипач, автор патриотических песенок (во времена Сталина), получавший за свои произведения премии и признание.

Ю. Марголин — сионист, выступающий часто на страницах эмигрантской печати с восхвалениями деятельности новосозданного государства Израиль и обвинениями СССР за поддержку арабов в их конфликте с евреями.

Э. Раис — старый эмигрант, по профессии литературный критик, сотрудник русских эмигрантских периодических изданий «правого» направления.

Не будучи в состоянии оспорить точность приведенных в моем очерке данных или их опровергнуть — ни один из них и не попытался это сделать.

Вместо этого каждый из них откликнулся на мой очерк в разном стиле и жанре, высказав свое неодобрение всему, что в очерке написано.

М. Гольдштейн прибег к методу «полюмики», принятому в СССР, где он преуспевал и пожинал лавры — к опорочиванию автора неугодного ему произведения. Так, например, г. Гольдштейн **КЛЕВЕТНИЧЕСКИ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО СПИСКАМИ ЕВРЕЕВ-ЧЕКИСТОВ МЕНЯ «СНАБДИЛА СОВЕТСКАЯ ОХРАНКА»**. ЗНАЯ, ЧТО ЭТИ СПИСКИ ПОПАДАЮТ В «НАДЕЖНЫЕ РУКИ»...

Ю. Марголин, назвавший мой очерк «погромным», пускается в рассуждения о том, что многое из того, что написано ясно и определенно, надлежит понимать «СИМВОЛИЧЕСКИ», ИНОСКАЗАТЕЛЬНО... Чего я не уразумел... А потому книгу и не стоит читать. (Однако сам ее прочитал со всеми приложениями).

Мой третий оппонент — г. Эммануил Райе — меня не попытался оклеветать, как г. Гольдштейн, и не назвал мою книгу «погромной», как это сделал Ю. Марголин.

Э. Райе написал, что моя книга «**ВО МНОГОМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНА И НУЖНА, ХОТЯ ВО МНОГОМ СПОРНА И НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНА**», и привел целый ряд пунктов, которые он оспаривает. А для установления истины г. Раис предложил мне диалог по вопросам, за-

тронутым в книге, на что я сразу же изъявил согласие на страницах «Часового», где был напечатан отзыв о моей книге г. Раиса.

Кроме того, г. Райе в своей рецензии, выйдя за рамки русско-еврейских отношений, которых я придерживался в моем очерке, упомянул о ЕДИНОЙ ДЛЯ ВСЕХ ЕВРЕЕВ, КАК ОН ВЫРАЗИЛСЯ, «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ», независимо от того, где они пребывают и по паспорту какого государства проживают.

Это высказывание сделано было в 1968 году, непосредственно после израильско-арабской войны, взволновавшей весь мир и вызвавшей повышенный интерес к замалчиваемому раньше вопросу так называемого «двойного подданства» и права инородцев, не желающих ассимилироваться с коренным населением того государства, где они пребывают, выступать как представители этого государства.

Особенно отчетливо вопрос этот был поставлен во время дебатов в Объединенных Нациях при обсуждении действий государства Израиль, когда от имени США выступал А. Гольдберг, сам назвавший себя сионистом и тем давший повод представителю СССР Федоренко перед этим мировым форумом спросить г. Гольдберга, от какого же государства он, Гольдберг, выступает: от Израиля как сионист или от США как имеющий паспорт гражданина Соединенных Штатов Америки? И считает ли сионист Гольдберг такое совместительство нормальным и естественным?..

Вопрос остался не отвеченным! А мировая печать его не только не обсуждала и углубляла, но постаралась этот «щекотливый» вопрос замолчать и затушевать.

Но это не значит, что вопрос перестал существовать и к нему пропал интерес.

Особенно после того, как во Франции немало евреев-журналистов и политических деятелей, недовольных позицией французского правительства в израильско-арабском конфликте, открыто выявили, что интересы Израиля для них выше интересов Франции.

В связи с этим вопросом в редакции журнала «Эспри» его главный редактор, Поль Тибо, организовал собеседование на тему «Евреи в сегодняшней Франции», в каком-то собеседовании приняли участие четыре французских писателя еврейского происхождения. Организовавший это собеседование Поль Тибо сказал следующее:

«Евреи переменялись. — Потому-то мы и в замешательстве, что мы не привыкли видеть евреев такими, какими мы их видим теперь. Для нас еврей — это борец за современное государство, секуляризированное, отделенное от церкви. Еврей — это наш соотечественник, которого мы как раз и обрели в этой борьбе, в процессе строительства нашего нового государства. Такое государство, по замыслу, должно воплощать универсальные, общечеловеческие ценности, обладать полностью терпимости, и еврей в наших глазах — исторический свидетель, без которого эти ценности утрачивают свое значение. — Но что же мы видим теперь? Произошел полный переворот: в самом начале нашей бе-

седы Алекс Дерчанский говорил об «ОПРЕДЕЛЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕАКЦИЯХ ЕВРЕЙСТВА». Мы должны признать, что мы не можем разделять этих «национальных реакций», — выходит, что евреи теперь стоят особняком, они уже не вместе с нами. Не знаешь даже, где именно евреи, какова их подлинная позиция? Возьмите типичный случай Даниэля Манера: вчера — универсалист, сегодня — националист. В этом есть какая-то двусмысленность, какая-то двойная игра. Двойная игра, которая состоит в том, что защиту прав еврейства, в частности, и в особенности, ЗАЩИТУ ИЗРАИЛЯ, ДЕЛАЮТ НРАВСТВЕННОЙ ОБЯЗАННОСТЬЮ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА; СВОИ СОБСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ВЫДАЮТ ЗА ИНТЕРЕСЫ ВСЕГО МИРА.

Ни один из четырех участников собеседования — французских евреев — с высказыванием Поля Тибо не согласился. Ему тотчас же возразил Ришар Марценштрас, который сказал: «Такая постановка вопроса для нас неприемлема. Когда французы говорят о евреях, то думают о них как о продуктах французской революции и секуляризованного государства, то есть как о продуктах Франции. Говоря об уважении к евреям, они, по существу, восхищаются своими собственными ценностями. НАДО ЖЕ, НАКОНЕЦ, ПОНЯТЬ, ЧТО ЕВРЕИ—ЭТО НЕЧТО ДРУГОЕ»...

Участник собеседования, Алекс Дерчанский, пояснил: «ПРЕЖДЕ Я СЧИТАЛ СЕБЯ ФРАНЦУЗСКИМ ГРАЖДАНИНОМ, ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ ЕВРЕЕМ. ТЕПЕРЬ Я ДУМАЮ О СЕБЕ КАК О ЗАРУБЕЖНОМ ИЗРАИЛЬТЯНИНЕ»... «Израиль нуждается в связях с Францией, • — продолжил Дерчанский, — ведь французская культура • — это не только язык, но и стиль, метод, направление... Говоря образным языком, В ИЗРАИЛЬСКУЮ СИМФОНИЮ ДОЛЖЕН ВОЙТИ И ФРАНЦУЗСКИЙ МОТИВ»...

В беседе указывалось на превращение в последнее время ряда французских евреев, социалистов и космополитов, в израильских националистов, как, например, бывший министр Франции Даниэль Майер, ставший «СЛЕПЫМ НАЦИОНАЛИСТОМ, НЕ ЖЕЛАЮЩИМ ВИДЕТЬ НИЧЕГО, КРОМЕ СВОЕГО ЕВРЕЙСТВА, КРОМЕ ИЗРАИЛЯ»...

Приведенное выше собеседование продемонстрировало перед всем миром то «ЕДИНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ» всего еврейства в целом и каждого еврея в отдельности, о котором написал Э. Райе в «Часовом» и формулировал полстолетия тому назад Соломон Лурье в своей книге «Антисемитизм в древнем мире».

В этой книге С. Лурье формулировал это единство политической ориентации такими словами: «симпатизировать и, по возможности, помогать партии или стране, более сочувственно относящейся к евреям»... «законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае, соблюдать не следует»...

Написано это было в 1922 году, когда никто не мог и предполагать появление на международной арене чисто еврейского расово-географического государства, Израиль, **ВЫСТУПАЮЩЕГО ТЕПЕРЬ ОТ ИМЕНИ ВСЕГО ЕВРЕЙСТВА МИРА**, демонстрируя единство политической ориентации всех евреев всего мира, независимо от места их пребывания и интересов того государства, по паспорту которого они живут и от имени которого выступают.

Создается как бы молчаливое признание всем миром того «двойного подданства», которое не признается ни одним государством. **ВОЗНИКАЕТ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИНИМАТЬ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА ТЕМ ЕГО ГРАЖДАНАМ, КОТОРЫЕ ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ «ЗАРУБЕЖНЫМИ ИЗРАИЛЬТЯНАМИ» ИЛИ САМИ СЕБЯ НАЗЫВАЮТ «СИОНИСТАМИ».**

Вопрос этот приобрел особую актуальность после так называемой «шестидневной войны» и реакции на действия Израиля всего мира в лице его представителей: государств-членов Объединенных Наций, осудивших действия Израиля и потребовавших очищения оккупированных территорий.

Как известно, Израиль это решение игнорирует, а Объединенные Нации не в состоянии заставить это государство-лилипут подчиниться. А на попытку 4-х великих держав (Англии, Франции, США и СССР) ликвидировать «кризис» на Среднем Востоке, Израиль наперед заявляет, что решению этих держав он не подчинится. В результате создалось положение, грозящее привести к мировому столкновению и атомной войне, если весь мир не подчинится воле «избранного народа», который состоит из двух миллионов граждан Израиля и 14 миллионов «зарубежных израильтян», рассеянных по всему миру, единодушно поддерживающих требования Израиля и осуждающих решение ООН, называя его — это решение — «бессмысленным».

Вот что пишет в связи с этим решением газета «Новое Русское Слово», выходящая на русском языке в Нью-Йорке: **«БЕССМЫСЛЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ МАЛЕНЬКОЙ СТРАНЫ В «АГРЕССИИ» НЕ СЧИТАЕТСЯ С ФАКТАМИ — ЧАСТЬЮ ИЗ ЦИНИЧНОГО РАСЧЕТА, ЧАСТЬЮ ИЗ МАНИАКАЛЬНОГО УПОРСТВА И ГЛУБОЧАЙШЕГО НЕВЕЖЕСТВА».** (НРС, 6 июня 1969 года, статья Ю. Марголина.) Сказано с предельной ясностью и отчетливостью. А то обстоятельство, что газета напечатала приведенные выше слова Марголина без какой-либо оговорки или отмежевания, дает основание считать, что со словами Марголина о «бессмысленности» обвинения Израиля и «глубочайшем невежестве» 99 представителей государств — членов ООН, вынесших это решение — редакция солидаризуется.

Извав «бессмысленными» и «результатом глубочайшего невежества» решения, вынесенные **ЕДИНОГЛАСНО** представителями **ВСЕХ** государств — членов ООН, Ю. Марголин продемонстрировал отношение своего народа ко всему, что ему не нравится, и счел возможным и

допустимым употребить слова и выражения, которые не свидетельствуют о способности автора вести полемику на культурном уровне.

Прошло два года после единогласного решения ООН. Весь мир молчит... А мировая печать вместо того, чтобы употребить все свое влияние для восстановления справедливости — всю свою мощь направляет на охаивание русского народа и фантастические утверждения о «преследовании» евреев в СССР...

«Зарубежные израильтяне» с самыми разнообразными паспортами в кармане действуют, не кладая рук и не жалея черных красок в описаниях русского народа...

Началась эта клеветническая кампания в 1948 году, сразу же после освобождения от исполнения ответственных должностей евреев-граждан СССР по причине неуверенности в их лояльности, особенно после создания государства Израиль.

Усилилась — после агрессии Израиля в 1956 году, остановленной ультиматумом Москвы, в результате которого Израиль был принужден отступить.

Продолжается — постоянно нарастая и усиливаясь — эта кампания после «шестидневной войны» и позиции, занятой СССР, которую, как упомянуто выше, поддержали ВСЕ государства-члены Организации Объединенных Наций.

На всех континентах и на всех языках мира на страницах печати ведется систематически пропаганда, обвиняющая русский народ в «антисемитизме» и в «преследовании и угнетении» евреев — граждан СССР.

В пылу этой пропагандной войны выявилось многое из того, о чем раньше не писалось и не говорилось: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ВСЕХ ЕВРЕЕВ ВСЕГО МИРА, независимо от их гражданства, социального положения, принадлежности к той или иной политической партии стран своего пребывания.

Через полстолетия после приведенной выше формулировки Соломона Лурье о политической деятельности евреев весь мир может теперь наблюдать осуществление на деле этой формулировки в мировом масштабе.

«Зарубежные израильтяне» выступают теперь с открытым забралом, причем выступают не только от имени своего племени и народа, но и от имени других государств даже в международных форумах с требованиями, чтобы **ВСЬ МИР** поддержал осуществление претензий, основанных на библейских сказках об «избранном народе» и об «обетованной земле»... И осудил те государства и народы, которые эти претензии не признают и считают, что коренное население каждой страны является хозяином на своей земле, интересы которой должны стоять выше интересов «зарубежных израильтян».

Несогласие с претензиями Израиля теперь рассматривается как «антисемитизм», а на несогласных обрушивается мировая печать с обвинениями в «геноциде» по отношению к своим гражданам-евреям.

В результате всего вышеизложенного создается напряжение во всем мире, грозящее привести к мировому столкновению.

А так как сильнейшим препятствием к осуществлению всех претензий Израиля является СССР, то на него и обрушиваются все израильтяне, как «зарубежные», так и пребывающие в Израиле с обвинениями в «геноциде» и «преследовании» своих граждан-евреев. Им вторят их многочисленные «друзья» в погоне за популярностью, гораздо реже — из убеждения. Прослыть «антисемитом» — опасно.

И во всем мире идет бешенная антирусская пропаганда, прикрывающаяся часто так называемой «борьбой с коммунизмом» — лозунгом, находящим широкий отклик в Западном мире.

Выступление кардинала Спэлмена на Евхаристическом конгрессе в Барселоне в 1951 году, назвавшего русский народ «народом-убийцей»; единогласно принятый Конгрессом США «Закон о плененных нациях» — все это звенья одной и той же антирусской кампании в мировом масштабе. Кампании, в которой «зарубежные израильтяне», рассеянные по всему миру, играли далеко не последнюю роль.

Ненависть к России и стремление ее уничтожить объединило и евреев, и тех, кого евреи называют «погромщиками» — украинских сепаратистов-петлюровцев, не так давно создавших под руководством израильтянина Шибера особую организацию — «Антикоммунистический Интернационал» с программой деятельности отчетливо антирусской, начатой кардиналом Спэлменом еще в 1951 году.

Не довольствуясь этим, враги и клеветники русского народа и созданного им государства — России — перенесли свою деятельность в мировой форум — Объединенные Нации. Начался ряд выступлений с обвинениями русского народа в преследовании своих граждан-евреев, а также других «порабощенных» русскими народов.

Кампанию в ООН начал небезызвестный американский сенатор — Яков Джэйвиц, выступивший с речью о «лишении русскими свободы и независимости украинского народа».

За Джэйвицем последовали выступления в Объединенных Нациях ряда его единоплеменников с обвинениями в «преследовании» евреев в СССР и требованиями «принять соответствующие меры».

Предлогом для этих обвинений было использовано выступление в Москве семи евреев во главе с внуком Литвинова-Финкелынтейна с протестом против осуждения их же единоплеменника Даниэля за нарушение правил о печати, введенных в самом начале советской власти Нахамкесом.

2 марта 1968 года на заседании Комиссии ООН по правам человека израильский представитель Шабтай Розенн заявил, что «в последнее время антисемитская пропаганда в Советском Союзе по своему характеру и тону все больше напоминает гитлеровскую. Израильское правительство считает, что положение еврейского населения в СССР приняло столь серьезный характер, что в скором времени, если уже не сей-

час, потребуется, чтобы Комиссия по правам человека приняла СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕРЫ».

5 марта того же года представитель США в этой комиссии, Морис Эйбрем, в речи своей высказал опасение, что Кремль подготавливает в Советском Союзе обстановку, которая будет способствовать взрыву активного антисемитизма. В этом отношении, сказал Эйбрем, Советский Союз следует примеру нацистской Германии.

Дальше в своей речи М. Эйбрем сказал, что «Советский Союз ДОЛЖЕН ОТКАЗАТЬСЯ от принятого им курса, каковы бы ни были временные преимущества, которые он может из них извлекать». Дальше в своей речи представитель США, Эйбрем, занялся критикой недавно вышедшей в СССР книги Трофима Кичко «Иудаизм без прикрас», которая, по мнению Эйбрема, представляет собою «отвратительный образец религиозного ненавистничества, пример антисемитской литературы, воскресающей в памяти Гитлера, Геббельса и других извращенных наци».

«Невзирая на такой характер этой книги, — продолжил М. Эйбрем — 20 января 1968 года «Правда Украины», официальный орган коммунистической партии УССР, сообщила, что Президиум Верховного Совета наградил Кичко почетным дипломом».

6 марта 1968 года в Комиссии выступил сам Артур Гольдберг, посол США при ООН (по собственному заявлению — осенью 1967 г. — считающий себя сионистом), и предложил, чтобы Комиссия протестовала против «подавления свободы слова и печати в Советском Союзе».

Заслуживает внимания одно обстоятельство, которое не упомянули г. Гольдберг и его единоплеменники в их обвинениях в «подавлении свободы слова и печати» (Гольдберг) и в напечатании книги Т. Кичко, названной М. Эйбремом «отвратительным образцом религиозного ненавистничества».

Забыли они упомянуть, что начало «подавления свободы слова и печати» было положено их единоплеменником — Нахамкесом, принявшим русский псевдоним «Стеклов», еще в 1917 году потребовавшим закрытия ряда негодных ему газет, что подробно изложено в моей книге «Евреи в России и в СССР».

А «отвратительным образцом религиозного ненавистничества» с гораздо большим основанием можно назвать произведение и разного рода выступления председателя Союза Безбожников — еврея Емельяна Ярославского, направленные против христианства вообще, а православия в особенности. Надругательство над молящимися в церквях, над святынями страны, гнусные и кощунственные формы разного рода «антирелигиозной деятельности»: устно, в печати, в разного рода инсценировках — все это в первый же год революции создали единоплеменники обвинителей во главе с Ярославским.

Все это хорошо известно тем, кто хочет знать правду, и вряд ли когда-нибудь будет предано забвению. Но все молчали и не протестовали целых 50 лет... А вот теперь, когда дело коснулось евреев и их рели-

гии. поднимается шум на весь мир и непрерывные протесты на всех языках мира и на всех континентах. Не следовало бы г. Гольдбергу и другим обвинителям напомнить старую русскую поговорку: «Что посеешь — то и пожнешь»?

Но этого, к сожалению, никто не делает. Из разных соображений и побуждений молчат «обвиняемые» (представители СССР), молчит и всезнающая и всевидящая «мировая печать», молчат и церковные организации, как эмигрантские, так и всемирные. Не потому ли, что не желают или не могут затронуть «щекотливый» вопрос о роли евреев в деле ущемления свободы слова и печати, когда они пришли к власти над Россией, и в деле борьбы с религией, принявшем самые отвратительные формы под руководством и по инструкциям разных нахамкетов, ярославских и их единоплеменников?...

Пример обвинителей в ООН нашел широкий отклик во всем мире. Редкое собрание проходит без ставшего традиционным и шаблонным обвинения в «преследовании» евреев в СССР и требования эти «преследования» прекратить, причем инициатива обычно исходит от самих евреев — граждан разных государств.

Из множества разного рода «протестов» и «требований» приведу здесь газетное сообщение о деятельности еврейских студенческих групп в Калифорнии. Газетная заметка озаглавлена: «Студенты в защиту советских евреев». Она гласит: «В дни с 28 февраля до 2 марта представители ЕВРЕЙСКОЙ ЧАСТИ студентов Калифорнийского университета в Берклее и его филиалов в Санта-Крус, Лос-Анджелесе и Дэвисе, штатных колледжей в Сан-Франциско, Сан-Хосе, в Сакраменто, в Помоне, в гор. Уиттуер, городских колледжей Сан-Франциско, в Хэйварде и Сакраменто, устроили конференцию по вопросу о защите евреев, находящихся в СССР.

На конференции было положено начало организации «СТУДЕНЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА», ставящей целью информировать население США о положении евреев в СССР, выработать меры политического давления и агитации среди американского студенчества в защиту советского еврейства. «Студенческая мобилизация» прежде всего отправила телеграмму советскому послу Анатолию Добрынину с требованием, чтобы «советское правительство прекратило всякую антисемитскую и антиеврейскую дискриминацию, восстановило полностью их конституционные права, включая права эмиграции советских граждан-евреев в другие страны». (Цитирую по газете «Русская Жизнь» — Март, 1969 г.) Как видно из приведенной выше заметки, клеветнические обвинения в «преследовании» евреев распространились широко, создавая психологические предпосылки для антирусских настроений во всем мире. Надо полагать, кому-то эти настроения нужны и полезны.

Но обвинения в «преследовании» евреев оказались полезными не только для врагов и клеветников русского народа. Полезны они и для установления истины в этом вопросе, для всех, желающих знать правду и не удовлетворяющихся «свидетельскими показаниями» и назойливой пропагандой только одной стороны: «зарубежных израильтян», рассеянных по всему миру и их «друзей», тех людей, которые всегда и неизменно одобряют и поддерживают евреев, не входя в рассмотрение правильности и справедливости еврейских утверждений и претензий.

Как упомянуто выше, весь шум около еврейского вопроса, несмотря на все обвинения, имел и свою положительную сторону: **ЧЕТКО И ЯСНО ПОСТАВИЛ ПЕРЕД ВСЕМ МИРОМ ЗАМАЛЧИВАВШИЙСЯ ДО СИХ ПОР ВОПРОС О ДОПУСТИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОВМЕСТИТЕЛЬНОСТИ И СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ДВУХ ПАТРИОТИЗМОВ — НАЦИОНАЛИЗМОВ — ЕВРЕЙСКОГО И ПАТРИОТИЗМА СТРАНЫ ПРЕБЫВАНИЯ ЕВРЕЯ.**

Если наличие этих двух патриотизмов раньше замалчивалось или ему не придавали значения, в последнее время, после создания государства Израиль, вопрос этот приобрел особую остроту и важность в связи с деятельностью и претензиями еврейского государства Израиль, претензии которого отвергнуты всеми государствами мира, которые в ООН единогласно осудили самочинное осуществление этих претензий.

Сейчас (лето 1969 года) идет спор между **ВСЕМИ ГОСУДАРСТВАМИ** мира, с одной стороны, и **ОДНИМ ГОСУДАРСТВОМ** Израиль, с другой стороны.

В такой обстановке, учитывая наличие «двойного патриотизма» граждан разных государств еврейского происхождения, оправданно и естественно возникает вопрос, какой из двух патриотизмов окажется сильнее и не логично бы было, чтобы евреи — общественные и политические деятели и журналисты разных государств не принимали участия в этом споре.

Против такой постановки вопроса вряд ли можно возражать. Но поставить его четко и ясно никто не решается... А сами евреи — граждане разных государств — принимающие самое активное участие в делах международной политики, не понимают или не желают понять, что в вопросах, касающихся государства Израиль и его действий, «зарубежным израильтянам» было бы тактичнее и приличнее стоять в стороне, чтобы не вызывать во всем мире сомнений в их беспристрастном отношении к «израильтянам израильским», ведущим сейчас политику Израиля, вызывающую осуждение всего мира. Это тем более важно, чем меньше можно привести доводов в оправдание действий новосозданного государства Израиль, в которое подавляющее большинство рассеянного еврейства не желает переселяться, предпочитая оставаться на положении «Зарубежных израильтян» и принимать активное участие во всех областях жизни стран их пребывания, а особенно в вопросах мировой политики.

Кризис на Среднем Востоке и позиции, занятые в нем некоторыми политическими и общественными деятелями еврейской национальности, выступающими от имени государств, по паспорту которых они живут, вызвали повышенный интерес к вопросу о роли евреев («зарубежных израильтян») в политической и общественной жизни разных государств и народов, среди которых евреи живут, особенно за последние полстолетия, после 1-й мировой войны.

А то обстоятельство, что некоторые евреи, журналисты и политические деятели разных государств не только выявляют, но и открыто заявляют, что интересы Израиля для них выше интересов страны их пребывания и что существует единая политическая ориентация всех евреев — этому вопросу придает особую важность и значение, особенно, когда сталкиваются расово-шовинистическо-мистические претензии государства Израиль с правами других народов, на которые посягает Израиль.

Эти позиции всего еврейства мира в кризисе на Среднем Востоке дают мне основание несколько расширить «русско-еврейский диалог» и сделать самый краткий обзор роли и деятельности евреев («зарубежных израильтян») в политической и общественной жизни разных государств и народов, а также в мировой политике в нынешнем столетии.

А постоянные обвинения, как на страницах мировой печати, так и в Объединенных Нациях, в «угнетении и преследовании» евреев русским народом — во все времена и при всех режимах — побудили меня послать во все 122 делегации государств-членов ООН открытое письмо следующего содержания:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

518 вест, 111 стр. Ап. 2
Нью-Йорк, Н.-Й. 10025
Андрей Ив. Дикий

КОНКРЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Постоянные обвинения в преследовании евреев, как в дореволюционной России, так и в СССР — во все времена и при всех режимах — создают предпосылки для недоброжелательства между народами и государствами и препятствуют установлению мира во всем мире, к чему стремится человечество.

В последние 20 лет — после создания еврейского государства Израиль — эти обвинения неизменно выдвигаются и поддерживаются представителями этого государства (Израиль), являющегося членом

Организации Объединенных Наций и имеющего в своих пределах значительное национальное меньшинство • — арабов.

Дабы положить этому конец, вносится в ООН такое конкретное предложение: «От имени Объединенных Наций обратиться к правительству СССР с просьбой и рекомендацией ввести на всей территории СССР ДЛЯ своих граждан-евреев такой же режим (статут), какой существует в еврейском демократическом государстве Израиль для его граждан-арабов.

Для проведения в жизнь этого мероприятия, осуществление которого, несомненно, будет содействовать миру во всем мире, Объединенные Нации выделяют особую комиссию для изучения статуса евреев в СССР и арабов в Израиле и для наблюдения за установлением в СССР такого же статуса для евреев, какой существует для арабов в Израиле.

Разумеется, если и СССР, и Израиль изъявят на это свое согласие.

Будучи твердо убежден в справедливости и целесообразности приведенного выше конкретного предложения, к сожалению, внести это предложение на обсуждение Объединенных Наций единолично я не могу, ибо предложения могут быть вносимы только представителями государств-членов Объединенных Наций.

А посему настоящим открытым письмом обращаюсь ко всем, кому дорог мир во всем мире, с просьбой и призывом предпринять соответствующие шаги для осуществления этого предложения, полезного для всего человечества.

Андрей Дикий

Приведенное выше «открытое письмо» не осталось без откликов и вызвало немало кулуарных разговоров в Объединенных Нациях.

На страницах печати, как эмигрантской, так и американской, оно напечатано не было, хотя и было мною послано в редакции многочисленных периодических изданий в США, как выходящих на русском языке, так и на английском.

В ноябре 1968 года, по газетным сообщениям, в Объединенных Нациях вынесено решение обследовать положение арабов, находящихся под юрисдикцией Израиля, причем за это предложение голосовало 60 членов ООН.

О том, приведено ли в исполнение это решение, газеты не сообщали. Весьма вероятно, что в этом направлении вообще ничего не было предпринято.

Я далек от мысли претендовать на то, что именно мое «открытое письмо» вызвало это решение ООН. Но глубоко убежден, что возможность введения в СССР для его граждан-евреев такого же статуса, какой евреи ввели для арабов в Израиле, охладит пыл всех израильтян

мира и будет способствовать мирному разрешению кризиса на Среднем Востоке.

Из всего вышеизложенного неизбежно вытекает один вопрос, над которым тяготеет «табу» и который не появляется на страницах печати — это вопрос о «двойном патриотизме» политических и общественных деятелей-евреев, выступающих как представители разных государств, в которых они живут как отдельная этническая группа, не желающая ассимилироваться с коренным населением страны своего пребывания.

Особенно отчетливо выявилось это двойное подданство в последние 20 лет — после провозглашения независимого еврейского государства Израиль.

А поэтому в «Русско-Еврейском Диалоге» приходится выйти из границ России-СССР и в самых кратких словах упомянуть о роли и значении представителей еврейской этнической группы и в других странах и государствах, а также в вопросах международных взаимоотношений. Этому вопросу посвящена глава «Зарубежные Израильтяне».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗРАИЛЬТЯНЕ, ИЛИ ЕЩЕ НЕ ВЕРНУВШИЕСЯ ГРАЖДАНЕ ИЗРАИЛЯ

Вопрос об участии евреев в политической и культурной жизни народов и государств, среди которых они живут, возник только во второй половине прошлого века, когда в подавляющем большинстве европейских государств евреи были уравнены в правах с коренным населением и устремились в те области деятельности, которые раньше им не были доступны как евреям. (По религии, а не по племени)

Периодическая печать, адвокатура, политические партии и ряд других свободных профессий быстро начали пополняться представителями еврейской этнической группы, которые конкурировали с представителями коренного населения страны, внося в профессии свой чисто еврейский дух, чуждый коренному населению по своему миропониманию и мировоззрению.

На этой почве начали появляться антиеврейские (юдофобские) настроения у некоторой части коренного населения. Появилось то, что сейчас называют «антисемитизм» — известное отталкивание от евреев, которое правильнее было бы назвать «юдофобией», как оно и называлось сто лет тому назад.

Но к тому времени — концу прошлого века — евреи уже были равноправными гражданами всех европейских государств, кроме России, где до 1917 года для евреев существовали некоторые ограничения по признаку принадлежности к иудейской религии, эти ограничения автоматически падали с принятием любой христианской религии, чем многие евреи в России до 1917 года и пользовались.

По признаку расы — племенной принадлежности — никаких ограничений нигде, в том числе и в России, не существовало.

Революция 1917 года, упразднив для евреев все ограничения, открыла им широкие возможности к занятию положений, недоступных им раньше. И они по всем каналам хлынули в аппарат власти, что очень скоро вызвало резкое недовольство коренного населения и рост антиеврейских настроений.

Появились так называемые «антисемиты» в тех кругах, где они раньше были немислимы.

Явление это не осталось незамеченным, и в 1922 году в еврейской газете «Еврейская трибуна», выходящей на русском языке в Париже, была напечатана статья Е. Кусковой, озаглавленная «Кто они и как быть?», посвященная этому вопросу.

В этой статье Кускова описала рост антиеврейских настроений в России после 1917 года, причиной которых, по мнению Кусковой, является недовольство коренного населения тем, что очень многие евреи заняли руководящие места во всех отраслях жизни страны и в ее административном аппарате, чем население недовольно, перенося свое не-

довольство на всех евреев вообще. Так, по словам Кусковой, в России появилось много «антисемитов», даже в высококультурных семьях и среди русской интеллигенции.

Этим Кускова объяснила-ответила на вопрос «Кто они?» — эти новые «антисемиты». Вопрос «Как быть?» так и остался неотвеченным. Полный текст статьи Кусковой приведен в моей книге «Евреи в России и в СССР» (т. II, стр. 267-269).

Примерно в это же время группа евреев-эмигрантов из России выпустила «Обращение к евреям всего мира» с предупреждением, что чрезмерное участие евреев в административном аппарате советской власти и в ее карательных органах вызывает недовольство русского народа и может привести к последствиям, нежелательным для всего еврейства. Обращение призывало своих единоплеменников в России, в интересах как их самих, так и всего еврейства, воздерживаться от активной роли в жизни России. Напечатано оно было в книге «Россия и еврейство» в 1923 году, выпущенной «Отечественным объединением русских евреев за границей». (Полный текст приведен в моей книге «Евреи в России и в СССР» — часть II, стр. 161-164.)

Но ни статья Кусковой, ни обращение «Отечественного объединения русских евреев за границей» никаких откликов не вызвали и никакого впечатления не произвели. Наоборот, мировое еврейство и пресса, находившаяся в весьма значительной части в руках евреев, приложили все усилия, чтобы вопрос этот замолчать и затушевать... В чем и преуспели.

В те годы было психологически вообще немислимо ставить вопрос о племенной и расовой принадлежности граждан или подданных любого государства без боязни быть обвиненным в «мракобесии» и «антисемитизме». Ведь и демократия, и христианство, не говоря уж об интернациональном социализме, не признают никаких ограничений по признаку расы, племени, религии.

Кроме приведенных выше высказываний в печати по вопросу участия евреев в жизни стран и народов, в которых они живут, примерно в то же время (в 1923 году) по этому вопросу высказался профессор Соломон Лурье в своей книге «Антисемитизм в древнем мире», изданной в Петрограде.

С. Лурье формулировал отношение всех евреев вообще и каждого еврея в отдельности к интересам страны, в которой они живут, следующими словами:

I. — Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь постольку, поскольку он не противоречит еще живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае, соблюдать не следует.

II. — Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благосклонному к евреям. При борьбе двух госу-

дарств или двух партии внутри государства надо симпатизировать и, по возможности, содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям.

Сказано точно, ясно и недвусмысленно человеком ученым, профессором высшего учебного заведения в России, который не мог не понимать далеко идущего смысла всего сказанного.

То, что евреи, рассеянные среди народов по разным странам и государствам, сами себя — совокупность **всех** евреев мира — считали «национальным государством без территории», не являлось секретом для всех, кто задумывался над исключительным единомыслием и единодушием **всех** евреев в их отношении ко всему происходящему **вне** этого ••государства без территории». В обыденной жизни это отношение определялось ответом на вопрос: «А как нашим?»... Если ответ был положительный, все евреи всячески поддерживали и одобряли. Если ответ был отрицательный — **все** евреи всемерно противодействовали, осуждали и боролись, не считаясь с интересами той страны или того народа, среди которого они жили.

Логично, если бы были сделаны соответствующие выводы из приведенных выше установок, сформулированных Соломоном Лурье и напечатанных в книге, изданной на государственный счет в стране, где без цензуры ничего не печаталось в то время, когда евреи в этой стране (СССР) были правящим классом.

Выводы привели бы к тому, что был бы поставлен вопрос о возможности и допустимости евреям (по племени) принимать активное участие в политической жизни страны, в которой они живут. — Вопрос нормальный и естественный при наличии приведенных выше установок Лурье, **против которых никто из евреев не возражал, тем самым молчаливо подтверждая их правильность с точки зрения еврейской.**

Однако тогда — в начале 20-х годов — как выступление Кусковой и «Отечественного Объединения русских евреев», так и установки Лурье остались незамеченными и неотвеченными.

Как еврейская печать на всех языках мира, так и вообще мировая печать предпочли уклониться от обсуждения этого вопроса, хотя это не значит, что вопрос вообще перестал существовать.

В те времена — после окончания Мировой войны, падения монархий и торжества демократии — было вообще психологически невозможно ставить вопрос о племенной принадлежности граждан или подданных отдельных государств и оспаривать их полноправное участие во всех областях жизни государства.

Некоторые ограничения для евреев по признаку их принадлежности к иудейской религии (автоматически отпадавшие при крещении) существовали в дореволюционной России, но в 1917 году отошли в прошлое. (Только в США до последнего времени существовали известные ограничения по расовому признаку).

А демократия не допускает никаких ограничений для граждан страны ни по признаку религиозному, ни по признаку расы или цвета кожи.

На таких же позициях стоит и христианство, провозгласившее, что в Церкви Христовой «несть еллин, ни иудей», автоматически, на совершенно равных правах, принимая в свою среду всех тех, кто принял христианство, независимо от расы, цвета кожи и племени. Искренность принятия христианства проверить было невозможно, чем евреи нередко и пользовались. Всем известна история испанских «маранов» — евреев, принявших христианство только «внешне», а внутренне оставаясь последователями иудейской религии и сумевших на протяжении 100 лет сохранить «чистоту» своей расы, **неотделимой у евреев от религии.**

В результате таких установок и христианства, и демократии для евреев открылись неограниченные возможности проникновения на руководящие положения во всех областях жизни разных государств и народов.

Сразу же после окончания 1-й мировой войны на авансценах политической жизни в целом ряде государств появляются евреи на ролях «представителей» разных государств, по паспортам которых они жили. Соловейчик от Литвы. Мейерович — от Латвии, Ратенау — от Германии, Сонино — от Италии, Блюм, а потом Мендес Франс и Даниэль Майер — от Франции, Хор Белиша и Даф Купер — от Англии, Моргентау — от США, Финкельштейн-«Литвинов» и целый легион министров и дипломатов — от России, переименованной в СССР.

Даже от лопнувшей, как мыльный пузырь, «Самостийной Украины» едет в Париж и Лондон киевский адвокат Арнольд Марголин.

В Лиге Наций, созданной после войны, некоторые государства — ее члены имели делегации, состоявшие **исключительно из евреев**, как, например, делегация СССР. **В составе многочисленной делегации СССР не было ни одного русского**, на что было обращено внимание в одной швейцарской газете, приведшей поименный список делегатов (на основании исследования А. Столыпина, эмигрантского полит. деятеля).

Такой состав «русской» делегации явился в результате почти полного захвата власти в России евреями, превратившимися в «правящий класс», представителями которого пополнялись все ответственные и руководящие посты в государстве, в том числе и дипломатический корпус.

Имена этих «русских» дипломатов приведены в моей книге «Евреи в России и СССР».

Пример России оказался заразительным. И в первые годы после падения Германской и Австрийской империй было сделано несколько по-

пыткок повторить то, что произошло в России в 1917 году, также в Берлине, Баварии и Венгрии.

В Берлине во время революции в конце 1918 года активное участие евреев в немецкой политике (под руководством немецкого еврея Карла Либкнехта и бывшей варшавской гимназистки родом из Замостья — Розы Люксембург) вызвало появление плакатов такого содержания: **«О бедный, обманутый немецкий народ!.. В Германии на 200 немцев приходится три еврея... Но в сегодняшнем Правительстве — на 100 человек — 80 евреев».** (По данным журнала «Шпигель», № 48, 1969 г.)

Полный захват власти тогда не удался, и была создана «Веймарская Республика», влияние евреев в которой было весьма сильно, и такие известные евреи, как Ратенау или Варбург, занимали министерские посты и в международных отношениях выступали как «немцы», точнее, как представители немецкого, чуждого им. народа.

Во времена «Веймарской Республики» Германия была заполнена и переполнена так называемыми «восточными евреями», к неудовольствию коренного населения — немцев, переживавших тогда тяжелый экономический кризис и страдавших от безработицы. Инфляция и катастрофическое падение немецкой марки, разоряя коренное население, были использованы евреями, как местными, так и «восточными», для разных спекуляций и скупки за бесценок недвижимого имущества.

Кроме того, к концу «Веймарской Республики» (1932 г.) почти вся периодическая печать и больше чем девяносто процентов врачей и адвокатов в Берлине и других крупных городах Германии оказались в руках евреев, что не осталось незамеченным коренным населением и породило антиеврейские настроения среди немцев. Вряд ли можно сомневаться, что именно это явление и было причиной появления и быстрого роста национал-социализма.

В Баварии 13 апреля 1919 года была провозглашена советская власть и «диктатура пролетариата». Вся полнота власти перешла к четырехчленному Центральному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Возглавил его некий еврей — уроженец России, Евгений Ниссен, приняв псевдоним «Левине». Остальные трое членов ЦК были тоже евреи: Толлер, Эйснер, Ландауэр.

По свидетельству мемуаристов, в Баварской Социалистической Советской Республике не меньше 90% всех ответственных и руководящих постов занимали евреи, осуществлявшие «красный террор» против «буржуазных элементов».

Советская Бавария просуществовала недолго. В мае того же года она была ликвидирована по приказанию общегерманского военного министра, унтер-офицера и социал-демократа Носке. Ее вожди были или перебиты, или арестованы, или бежали.

В Венгрии в том же 1919 году вся власть была захвачена коммунистами, возглавленными евреем Бэла Куном, и «в порядке красного террора» перебито немало противников советской власти. Венгерский еврей Оскар Ясен, бывший министр в революционном правительстве графа Карольи (уступившего без сопротивления власть Бэла Куну), в своих воспоминаниях в начале 20-х годов писал: «число евреев-руководителей **большевистского** движения в **Венгрии** доходило до **95%**...».

Как известно, «Советская Венгрия» была ликвидирована частями регулярной армии Франции и Румынии, а Бэла Кун с сотрудниками бежал в СССР, где в Крыму произвел кровавую ликвидацию не успевших эвакуироваться офицеров армии Врангеля, а также беженцев.

Нома то бывших сотрудников Бэла Куна впоследствии, после окончания 2-й мировой войны, вернулись в Венгрию и составили аппарат власти, почти исключительно из евреев.

После этих событий во всей Европе наступил относительный мир, длившийся почти 20 лет до начала 2-й мировой войны. Государства Европы, включая Польшу, Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию, жили жизнью демократических государств, без гражданских войн и кровавых столкновений.

Только в Испании во второй половине 30-х годов разразилась гражданская война, в которой европейские государства прямого участия не принимали, а только негласно поддерживали ту или иную из борющихся сторон. Германия и Италия — испанских националистов, а СССР — их противников.

Вопрос еврейский, точнее, вопрос о допустимости евреям выступать в качестве представителей разных государств, по паспортам которых они жили. — этот вопрос тогда не поднимался и не обсуждался, во всяком случае, в мировой печати.

В России же, переименованной в СССР, в те времена все ключевые посты занимали евреи, как это видно из списков, приведенных в моей книге «Евреи в России в СССР».

С окончанием 2-й мировой войны во всем мире наступил период ломки и переустройства всего того, что веками было основой человеческих взаимоотношений. Как в области миропонимания и правосознания внутри отдельных народов и государств, так и в области международных отношений. Потрясены были все основы, нарушены все писанные и неписанные законы, которых веками придерживалось человечество. Ценой огромных жертв и моря крови, главным образом, **рус-**

ской крови, был сокрушен национал-социализм Германии, опасный для всех народов, а евреям грозивший полным их уничтожением.

Рассеянные среди других народов евреи, считая себя «нацией без территории», во все времена рассматривали национализм коренного населения своим потенциальным врагом и старались всеми силами с ним бороться, и его разлагать, и ослаблять.

Единственный национализм, который все евреи во все времена всегда одобряли и поддерживали — это их собственный национализм и патриотизм, еврейский, неотделимый от племени, расы и религии. Даже у евреев-социалистов и «интернационалистов».

И не случайно, а вполне логично и закономерно, что евреи с момента выхода из гетто и приобщения к культурной жизни стран и народов своего рассеяния заняли позицию отрицательную ко всем проявлениям патриотизма и национализма коренного населения. — Они отдавали себе отчет в том, что при наличии крепких и сильных патриотических настроений коренного населения, обычно связанных с той или иной религией, их возможность играть руководящую роль в жизни государства уменьшается. Отсюда — пропаганда отделения церкви от государства и дискредитация нормальных и естественных чувств патриотизма у народа — создателя государства.

Когда же начал усиливаться немецкий национализм — евреи были первые, которые обратили на это внимание и приложили все усилия для его уничтожения, мобилизовав для этого все мировое общественное мнение, в особенности мировую печать.

Вряд ли нужно доказывать, какую огромную роль в победе над Гитлером и в ликвидации национал-социализма сыграло мировое еврейство, сумевшее мобилизовать весь мир для борьбы и победы. Об этом много и часто писалось и говорилось и во время войны, и после ее окончания.

Но о роли еврейства в деле переустройства всего мира после победы почти нигде не писалось и не говорилось, хотя роль эта была не только весьма значительна, но во многих случаях даже и решающей, особенно в первые три послевоенных года (1945-1948), в которые приняты решения и произошли события, раньше немислимые и невозможные, нарушающие правосознание Западного мира и веками установившиеся взгляды и понятия.

Победители, провозгласившие «торжество демократии», законность и право самоопределения народов, в это трехлетие сочли возможным:

I. — Расправы с пленными, названные «судом в Нюрнберге», и виселицы для полководцев побежденных армий. В духе библейских времен, когда «избранный народ» расправлялся с народами и племенами стран, куда евреи приходили, например, с амалектянами, маовитянами и другими, и их вождями и царями.

II. — Расправы без всякого суда, которые чинили «командо» израильских мстителей в побежденной Германии над теми немцами, которые, по мнению этих мстителей, были виновны в преследовании евреев во времена Гитлера.

III. — Выдачи на расправу коммунистам с миллионами политических противников коммунизма, стремившихся к той самой свободе и демократии, которую несли на своих знаменах победители.

IV. — Упразднение общепринятого во всем мире положения, что «закон обратной силы не имеет» и что нельзя наказывать за деяния, которые в момент совершения не считались наказуемыми.

V. — Введение и применение нового положения, что приказ начальства не освобождает от ответственности того, кто этот приказ выполняет, хотя бы невыполнение приказа влекло за собой строгое наказание, до смертной казни включительно. «Судьи» в Нюрнберге решили, что получивший приказание высшего начальства сам должен решить, находится ли полученное приказание в соответствии с «принципами гуманности» и, в зависимости от этого своего решения, приказ выполнять или не выполнять.

VI. — Лишение гражданских прав или частичное ограничение их для многочисленных групп населения Германии, которые в свое время состояли членами Национал-Социалистической партии, в то время на территории Германии бывшей одной из легальных политических партий страны.

VII. — Выселение миллионов мирных жителей из областей и территорий, на которых они жили столетиями (Судетской области Чехословакии, Познани и Восточной Пруссии), без какой-либо компенсации за имущество. В этом вопросе одинаково поступили и государства «свободного, демократического» мира и коммунистический СССР. Без какого-либо суда, следствия и расследования миллионы людей были выселены из их домов только потому, что они были немцы. Как это явление согласовать с «демократией» и справедливостью — об этом победители не говорят.

VIII. — Несмотря на лозунг «без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов» — победители в это трехлетие произвели и аннексии, наложили контрибуции и не прибегли к «самоопределению», сами решив судьбы тех народов, которые после победы оказались под их властью. — На западе, без всяких голосований, от Германии оторваны и присоединены к Бельгии и Голландии этнографически чисто немецкие области. Не есть ли это аннексия?.. То же самое сделал СССР с Восточной Пруссией, переименовав даже Кенигсберг в Калининград. Немало более чем спорных в этнографическом смысле областей получила от Германии и Польша. А значительная часть Карпатороссии, вопреки желанию населения, осталась в пределах Чехословакии. — Все без каких-либо «волеизъявлений» народов.

IX. — В разных формах и видах была взыскана и взыскивается и теперь контрибуция с побежденных немцев. Так, например, немцы за-

платили евреям за все, что, по их, евреев, мнению и счетам, они потеряли при Гитлере. Счета составляли и их проверяли сами евреи. Причем возмещение выплачивалось не только потерявшим и потерпевшим или их наследникам, что было бы естественно, но и еврейскому государству Израиль, в случае отсутствия потерпевших или их наследников. И против такой очевидной несправедливости и нелепости никто не возражал... Хотя все отлично знали, что пострадавший от Гитлера еврей никогда гражданином государства Израиль не был — по той простой причине, что такого государства не существовало ни в момент отобрания нацистами еврейского имущества, ни в момент смерти того, наследство которого получил Израиль.

Насколько известно, немцы Восточной Германии никаких компенсаций евреям не выплатили. И победители не смогли или не захотели настоять на выплате.

Все изложенное выше, конечно, хорошо известно всем тем, кто желает знать правду. Но писать или говорить об этом никто не дерзает. Из боязни быть обвиненным в «антисемитизме»... Но это не значит, что «бывшее сделано небывшим» и что когда-нибудь перед форумом более объективным, чем тот, который выносил суждения и решения в первые три года после окончания войны, вспомнят и «компенсации» евреям, потерпевшим убытки от национал-социалистов. Прецедент создан. — Когда-то займутся и этим вопросом... А также и целым рядом прецедентов, созданных победителями в первые послевоенные годы, в частности, «Нюрнбергским судом», против которого уже тогда раздавались предостерегающие голоса дальновидных политиков из лагеря победителей. Так, сенатор США Гафт указывал на возможные последствия Суда в Нюрнберге и задавал вопрос об опасности в будущем, если будут нарушены общепринятые в Западном мире правовые нормы и победители будут судить побежденных за действия, которые в момент их совершения не считались преступлением. Однако слова Тафта остались гласом вопиющего в пустыне. Побежденных судили, осуждали и вешали...

А весь мир не возражал и не протестовал против этого суда в духе «библейских времен», как выразилась в своей книге З. Шаховская, ныне главный редактор газеты «Русская Мысль».

В этой книге, «La Drole de Paix», автор признает, что решительно во всех союзных зонах (кроме советской) в военно-административных и судебных органах, во всех учреждениях появились сотни евреев и среди них много немецких евреев. А это не осталось незамеченным немцами, которые на упоминание Шаховской (как военный корреспондент бывшей в форме) о преследовании евреев немцами отвечали ей: «Вы смеетесь! Да они сейчас у вас повсюду...»

В качестве военного корреспондента З. Шаховская несколько раз посещала судопроизводство Нюрнбергского процесса, которые производили на нее жуткое впечатление. Всплывали какие-то библейские времена: «горе побежденным». Автор представлял себе другую картину: а

что, если бы победили немцы?.. На скамье подсудимых могли бы сидеть Рузвельт, Черчилль и Сталин или Де Голль... Допуская, что Гитлер или какой-нибудь Штрайхер заслуживали такого суда, автор правильно говорит, что судить побежденных генералов за то, что они исполняли свой воинский долг, было делом неслыханным в истории цивилизованных народов. (Цитирую по рецензии о книге, напечатанной в журнале «Часовой» — № 501, 1968 года.)

Так, в самых кратких словах, распорядились победители в Европе. Тогда еще продолжалась дружба с Москвой, которая без всяких препятствий со стороны Западных союзников организовала и укрепила власть коммунизма в ряде стран восточной Европы: Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании. И по сей день в этих государствах у власти коммунисты.

Вне Европы в первое трехлетие после окончания войны тоже произошли события и перемены огромной важности, с далеко идущими последствиями: начало распада колониализма и создания на его развалинах ряда независимых государств в Азии и Африке.

Все новосоздаваемые суверенные государства создавались коренным населением территорий, освобождающихся от власти европейских колониальных империй. Правда, не без трений и споров по вопросу новых границ. Но споров чисто внутренних, не затрагивающих прав коренного населения земель и территорий. Совсем иначе было дело с созданием еврейского государства Израиль в Палестине, коренным населением которой были не евреи, а арабы. Евреи же составляли только меньшинство населения, преимущественно новые иммигранты, родившиеся вне Палестины. Свои «права» на Палестину евреи основывали на библейском предании о том, как еврейский Бог Иегова завещал эту землю племени израильтян, потомками которых являются нынешние евреи, рассеянные по всему миру.

Разумеется, что ни один здравомыслящий человек в мире не может признать документом на владение землей библейский миф об **устном** завещании племени израильскому территории, в то время населенной другими племенами, как об этом подробно повествует еврейская история — Библия.

Не признали «завешание на Сионе» и коренные жители Палестины — арабы, много столетий живущие там. А сионисты, выступающие от имени всего еврейства, рассеянного в разных странах, упорно стоят на своем и требуют осуществления «завешания на Сионе». Требуют, чтобы весь мир их поддержал и принял активное участие в процессе «введения во владение» Палестиной, не считаясь с правами и протестами коренного населения — арабов. А всех тех, кто ставит под сомнение их «право» на «Обетованную Землю» (отдельных людей и целые государства), называют «антисемитами»...

В результате напористой и целеустремленной пропаганды сионистов они добились признания Объединенными Нациями еврейского государства Израиль на территории Палестины и тем породили кон-

фликт, ведущий к кровавым столкновениям не только между коренным населением Палестины — арабами, но и крупнейшими государствами мира.

Как же это все произошло, и что предшествовало этому «признанию»?

Впервые вопрос о создании чисто еврейского суверенного государства был поставлен на Первом Конгрессе Сионистов в Базеле, в 1897 году. Вопрос был поставлен чисто теоретически, без точного и ясного указания, где именно и на какой территории мыслится создание этого государства.

В связи с этим возникло несколько вариантов создания еврейского государства: в богатейшей природными данными и незаселенной Уганде, Африке; в не менее пригодной и богатой Аргентине, на свободных ее территориях; и, наконец, в Палестине, бывшей тогда составной частью Османской Империи и многие столетия заселенной арабами.

До 1-й мировой войны дело с созданием еврейского государства дальше разговоров не шло, хотя проникновение фанатических сионистов в Палестину и скупки там земель и даже создание культурных еврейских учреждений продолжались неуклонно при поддержке крупных еврейских финансистов Европы. Ни Турция, ни арабы этому никаких препятствий не ставили. А европейские государства особенного интереса к этому вопросу не проявляли.

Во время 1-й мировой войны, когда еще не было ясно, на чьей стороне будет победа, а влияние мирового еврейства в деле пропаганды и в вопросах финансовых уже было очень сильно, Великобритания, желая привлечь еврейство на свою сторону, пообещала евреям после победы «содействовать созданию своего дома» в Палестине. Обещание это было высказано в письме лидерам сионизма министра Великобритании Бальфура, без каких-либо уточнений; в выражениях туманных и неопределенных, допускающих разные толкования. И вряд ли кто серьезно отнесся к этому письму («Декларации Бальфура»), кроме сионистов, истолковавших эту декларацию как обещание создать независимое еврейское государство в Палестине.

То обстоятельство, что это еврейское государство было запланировано на территории Турецкой Империи, заселенной уже много столетий арабами, а евреев там, во время провозглашения «Декларации Бальфура» (1917 год) было всего шестьдесят тысяч — сионистов не смущало. Свои «права» на эту территорию они обосновывали тем, что эта территория «завещана» их предкам на Сионе их Богом — Иеговой.

Как известно из Библии, эта «Ханаанская земля» во время «обетования на Сионе» не была пустой, а населена разными не еврейскими племенами, которых евреи сумели ликвидировать, уничтожив, по словам Библии, «все, что дышит», и создать там свое государство (Кн Иисуса Навина 6:19-20; 10: 28-30.)

Надо полагать, что, имея такой прецедент в своей истории, евреи при своих притязаниях на Палестину с наличием там арабов не считались, неуклонно добиваясь создания в Палестине еврейского государства. Как они замыслили поступить с арабами — об этом сионистские вожди предпочитали не высказываться.

После победы и раздела Турции мандат на управление Палестиной получила Великобритания, создавшая там административный аппарат, в числе служащих которого были и арабы, и евреи.

Здесь будет уместно напомнить, что во время войны Великобритания дала и арабам обещание «содействовать созданию их дома» в Палестине, чем привлекла арабов на свою сторону в борьбе с турками.

И арабы (подавляющее большинство населения), и евреи (незначительное меньшинство) предъявили требования создания своих национальных государств на одной и той же территории. Ведь так им было обещано от имени Великобритании.

Англичане, имевшие мандат на 30 лет (до мая 1948 года), всячески лавировали и изворачивались и не создавали в Палестине «своего дома» ни евреям, ни арабам. Такая политика мандатора породила острую вражду между арабами и евреями, выливавшуюся в ряд кровавых столкновений, для предотвращения которых англичане были вынуждены держать в Палестине 90 тысяч оккупационной армии.

Потеряв надежду получить обещанный «свой дом» из рук англичан, каждая сторона не скрывала своих намерений осуществить свои права путем оружия и усиленно к этому готовились. Негласно англичане всячески поддерживали сионистов, что арабы не могли не видеть и что еще усиливало вражду между двумя претендентами на Палестину.

Еврейское же население Палестины увеличивалось очень медленно, главным образом за счет иммиграции фанатических сионистов, способных и готовых на жертвы и лишения для создания еврейского государства на «Обетованной Земле».

Но таковых было немного. Никакой массовой иммиграции евреев в Палестину в первые 15 лет после декларации Бальфура не было. Еще в начале 30-х годов евреи в Палестине составляли только незначительное меньшинство при подавляющем большинстве арабов.

Да и мандатор — Англия — не особенно поощрял такую иммиграцию, а скорее, ей чинил препятствия, зная настроения и устремления сионистов — весьма активные и воинственные — а также и отношение подавляющего большинства населения Палестины (арабов) к претензиям евреев, основанным на «Завещании на Сионе». Не считаться с настроениями арабов англичане не могли. Поэтому и оттягивали с принятием окончательного решения вплоть до 2-й мировой войны, во время которой они имели поддержку и сионистов, и значительной части арабов, еще веривших обещаниям англичан.

Евреи же из Европы в первые 15 лет, после окончания 1-й мировой войны до начала 30-х годов, не особенно стремились в «Обетованную Землю». Ведь именно в эти годы (1918-1932) они достигли «вершины власти» в СССР и вершины влияния в государствах Европы и в США.

Только с приходом к власти в Германии национал-социалистов и ростом антиеврейских настроений в Польше, Румынии, Венгрии и прибалтийских государствах многие евреи стали покидать эти страны. Более состоятельные устремились в Англию, Францию и США; прокоммунистически настроенные — в СССР; в Палестину же — или сионисты, или неимущие в надежде там обосноваться.

За счет именно этой последней группы и усилилась иммиграция в Палестину, которой, как упомянуто выше, тогда управляли англичане.

Сколько в этой группе было идейных сионистов-фанатиков, а сколько просто спасавшихся от антиеврейских режимов во многих странах Европы — установить нельзя. Но можно утверждать, что деятельность Гитлера и его последователей в ряде государств восточной Европы содействовала увеличению числа евреев в Палестине. Несмотря на это обстоятельство, еврейская этническая группа в Палестине составляла все же незначительное меньшинство населения, при подавляющем большинстве арабов — коренных жителей страны. Такое соотношение было не только до конца войны, но и до 1948 года, когда было провозглашено государство Израиль.

При знании всего вышеизложенного возникает естественный и оправданный вопрос: как и под чьим давлением и влиянием могло быть вынесено Объединенными Нациями решение о создании в Палестине еврейского государства на территории, многие столетия заселенной арабами, вопреки их, арабов, желанию и без их согласия?

Решение, породившее острый кризис, длящийся уже больше двадцати лет и грозящий вызвать мировую катастрофу.

Ответ можно найти в периодической печати всего мира того периода, а также в ряде документированных и обстоятельных книг, посвященных вопросу создания государства Израиль и обстоятельств, предшествовавших и влиявших на принятие этого решения.

Вдохновляемая и руководимая сионистская пропаганда за создание еврейского государства в Палестине приняла особенно острые и агрессивные формы после конца 2-й мировой войны. Сионисты, основываясь на декларации Бальфура и толкуя ее как обещание создать еврейское государство, предъявили требования державам-победительницам, Великобритании, в первую очередь, приступить к выполнению обещания. Для подкрепления же своих требований начали организовывать и вооружать евреев в Палестине и мобилизовали всю мировую печать для поддержки этих требований. Арабы, не только палестинские, но и весь 100-миллионный арабский мир, восприняли эти притязания как прямой вызов и тоже начали вооружаться для защиты своих прав от пришельцев — еврейских иммигрантов.

Напряжение росло и усиливалось, нередко переходя в кровопролитные столкновения. Управлявшие Палестиной англичане вели двойственную политику, и не могли, и не хотели выносить какое-либо определенное решение в этом споре, тем более что в мае 1948 года истек срок их мандата на управление Палестиной.

Уклоняясь принять то или иное решение в вопросе создания еврейского государства в Палестине, англичане тем самым ставили только что созданную Организацию Объединенных Наций перед необходимостью вынести окончательное решение по этому острому, спорному для многих политических деятелей Запада «щекотливому» вопросу. Опасения прослыть «антисемитом» в случае отрицательного отношения к притязаниям сионистов играли немалую роль при вынесении решения.

В то время (первое трехлетие после войны) США были в зените своего могущества и авторитета. С их мнением и желаниями не могли не считаться все государства — члены ООН. В той или иной степени все они зависели от США. Англия была перезадолжена, а главным кредитором были США; изголодавшиеся государства Европы (Франция, Бельгия, Голландия, Дания, Люксембург, Италия) все свои надежды возлагали на помощь США по «плану Маршала»; государства Латинской Америки были заинтересованы в осуществлении грандиозного проекта автострады, и им было дано понять, что в значительной степени это будет зависеть от установки их делегатов в ООН при голосовании о признании Израиля; Филиппины ожидали решения по 7 биллям в Конгрессе, в принятии которых они были заинтересованы; агонизировавший тогда «Национальный Китай» должен был слушать «дружеские советы» руководителей политики США, причем инициативу проявляли просионистски настроенные; много влиятельных американцев «поговорило» с правительствами Эфиопии, Гаити, Парагвая и другими — состоявшими членами Организации Объединенных Наций...

Словом, назойливая и целеустремленная пропаганда сионистов и их «друзей» не прекращалась в течение всего периода от окончания 2-й мировой войны до того дня, когда ООН 27 ноября 1947 года вынесла желательное сионистам решение о создании в Палестине еврейского государства.

Многие государственные деятели США и Англии отдавали себе отчет в несовместимости удовлетворения претензий сионистов со всеми устоями международных взаимоотношений, с принципом частной собственности, волей народов... Только потому, что напористая группа сионистов этого требовала, не считаясь с наличием коренного населения Палестины и его желаниями.

Без нахождения какого-либо модус вивенди с арабами, без согласия которых любое одностороннее решение в пользу евреев грозило вызвать острую реакцию не только стомилионной арабской массы, но и всего мусульманского мира, определенно ставшего на сторону арабов, что и произошло после признания ООН государства Израиль.

Но давление сионистских кругов было слишком сильно. В угоду кучке сионистов, а в ущерб интересам и США и всего Западного мира было вынесено решение о создании и признании еврейского государства в Палестине.

Государственные деятели США и Англии отдавали себе отчет в том, к чему может привести толкование декларации Бальфура в желательном для сионистов смысле; и до конца 2-й мировой войны всячески оттягивали осуществление «завещания на Сионе», чего все настойчивее требовали сионисты.

Еще в начале 20-х годов арабские страны пожаловались Лиге Наций на недобросовестную политику Англии на Ближнем Востоке. Единственным государством, которое откликнулось на эту жалобу, была Америка. Президент Вильсон послал специальную комиссию, так называемую «комиссию Книг Крейна» для исследования палестинского вопроса. Комиссия, всесторонне изучив этот вопрос, высказала следующее мнение: «Национальный дом для еврейского народа не есть то же самое, что создание в Палестине еврейского государства. **Такое государство не могло бы быть создано без грубейшего нарушения гражданских и религиозных прав нееврейского населения Палестины».**

Эти заключения Комиссии были рассмотрены в Конгрессе США, и было санкционировано создание в Палестине «Еврейского Дома», а не государства. (Протокол Конгресса 30 июня 1922 года).

В том же 1922 году Черчилль, тогда Министр Колоний Великобритании, высказал мысль, что «Еврейский Дом», или «Еврейский национальный очаг» в Палестине вовсе не значит создание там еврейского государства.

Сами сионисты не могли не понимать, что в те годы претензии на создание еврейского государства в Палестине были несвоевременны и неуместны. Евреи и не думали переселяться в Палестину, а были заняты на самых высоких постах, как в СССР, так и во многих государствах Европы.

В Палестину же ехало только незначительное число фанатиков-рашистов. Но их было слишком мало для осуществления «завещания на Сионе».

И если бы сионистам не помогла политика Гитлера в еврейском вопросе, то вряд ли бы мог возникнуть вопрос о создании в Палестине еврейского государства по той простой причине, что никакого массового переселения евреев в Палестину или хотя бы стремления к таковому у еврейства диаспоры не было. И нет до сих пор.

Сами лидеры сионизма весьма откровенно говорили о своих планах в Малой Азии:

«Мы должны поставить своей целью сделать в Малой Азии то, что англичане сделали в Индии»... Так сказал Макс Нордау,

один из основателей и лидеров сионизма. Сказано достаточно ясно и отчетливо. Ни о каком «еврейском государстве» Нордау не говорит, по-видимому, понимая, что не к государству стремятся его единоплеменники, а к той роли, какую играли англичане в Индии.

А Теодор Герцль, основатель современного сионизма, в одном из своих выступлений в 1897 году сказал, что «сионистское движение не имеет своей целью превратить евреев в мужиков»...

Высказывания этих двух создателей сионизма достаточно убедительно показывают, что провозглашенный сионистами лозунг «еврейского государства» имел, скорее, пропагандный характер и не был целью сионистов, а только средством «организационно оформить всех тех, кто называет себя «зарубежными израильтянами», или (по терминологии государства Израиль) — «еще не вернувшимися гражданами Израиля»...

Подлинная же цель сионизма была и есть — это создание центра «нации без территории», каковой центр был бы высшим авторитетом для всего мирового еврейства, рассеянного по всему миру и живущего по паспортам разных государств, считающихся равноправными гражданами.

Центр этот нуждался в признании его статуса как отдельного государства всем миром (как, например, Ватикан), а также в безоговорочной поддержке евреями всего мира — по линии расово-религиозно-мистической и племенной принадлежности. И первое, и второе становилось действительностью в случае провозглашения еврейского государства, его признания всем миром и установления в новом государстве теократической власти с ее мистическим, библейским миропониманием и правосознанием, основанным на библейских сказках и прописях Талмуда.

Руководители сионистского движения отлично это понимали и всю свою энергию направляли на вопли и мольбы ко всему миру помочь в деле создания «еврейского государства», умалчивая, однако, о структуре власти в этом государстве и о далеко идущих планах превратить, это новое государство во всемирный еврейский центр, директивам которого должны будут следовать все евреи мира.

До окончания 2-й мировой войны осуществление этого далеко идущего плана тормозилось весьма медленным ростом числа евреев-иммигрантов в Палестину и нежеланием мандатора — Великобритании — раздражать коренное население — арабов, в симпатиях которых англичане были заинтересованы. В этих симпатиях и возможности сотрудничества с арабами были заинтересованы и США, имевшие крупные капиталовложения в нефтяную промышленность в арабских странах.

Поэтому несмотря на все усиливавшееся давление сионистов, окончательное решение не выносилось, хотя негласно в еврейско-арабском споре и назревающим конфликте симпатии США и Англии склонялись на сторону сионистов, что не было секретом для арабов.

Против сионистского плана создания в Палестине еврейского государства говорил и полный провал создания в СССР автономной еврейской области Биробиджан и ряда чисто еврейских районов в Крыму. Провал этот теперь старательно замалчивается еврейством всего мира, и о нем стараются не вспоминать. Однако он весьма поучителен и не мог быть неизвестен государственным деятелям стран-победительниц во 2-й мировой войне.

В период расцвета влияния в СССР еврейской этнической группы, когда евреями были заполнены и переполнены руководящие посты во всех областях жизни страны, на рубеже 20- и 30-х годов, были созданы, по инициативе Правительства, чисто еврейская автономная область Биробиджан и несколько еврейских районов в Таврии.

Официальным языком там был язык еврейский, на котором велось преподавание в учебных заведениях, судопроизводство, театры, газеты, радиопередачи.

На средства государства (при участии еврейских зарубежных организаций) для предполагаемых переселенцев (только добровольных) были построены дома, проведены улицы, электричество, водопровод. Все это было сделано руками и трудами не евреев, а коренного населения. Евреи ехали на все готовое...

Однако желающих жить в своей, еврейской, атмосфере оказалось очень мало. А и те, кто приехал, быстро рассеялись по всей территории СССР.

Процент евреев в «еврейской» области и районах стал стремительно падать. И не по вине коренного населения, а по желанию самих евреев...

Зная все вышеизложенное, а также настроения коренного населения Палестины — арабов, государственные деятели всего мира естественно и оправданно опасались, что признание и поддержка требований сионистов вызовет и породит новые конфликты и поведет к потере влияния и авторитета держав-победительниц и доверия к ним всего арабского и мусульманского мира.

Но сионисты, выступавшие **от имени всего еврейства**, от своих намерений осуществить «завещание на Сионе» не отказывались и продолжали вести во всем мире соответствующую пропаганду, а в Палестине накапливать кадры агрессивно настроенных евреев, создававших там организованные и хорошо вооруженные ячейки для будущего освоения «Земли Обетованной».

И еще до окончания 2-й мировой войны кровавые столкновения агрессивных сионистских групп с арабами стали обычным явлением и сдерживались только присутствием в Палестине 90-тысячной английской оккупационной армии.

Государственный департамент и Пентагон были хорошо осведомлены о положении и настроениях в Палестине. И после смерти президента Рузвельта и вступления в должность нового президента Трумэна (весной 1945 года) Государственный департамент представил новому

президенту краткий обзор международного положения, в котором, в части, касающейся Палестины, было сказано следующее: «Арабы, не только в Палестине, но и на всем Ближнем Востоке, не скрывают своего враждебного отношения к сионизму, и их правительства говорят, что не было бы возможно сдержать их от вооруженного выступления в защиту того, что они считают своей, арабской, страной».

Мы знаем, что президент Рузвельт понимал это ясно, ибо еще 3 марта (1945 г.), после его посещения Ближнего Востока, он сказал Государственному департаменту, что, по его мнению, еврейское государство в Палестине может быть создано и сохранено только постоянной военной силой. На протяжении последних лет он поручал Госдепартаменту заверить от его имени руководителей государств разных стран Ближнего Востока, что его правительство не вынесет никаких решений, меняющих существующую в Палестине ситуацию без полной консультации как с арабами, так и с евреями. Больше того, во время его встречи с королем Ибн Саудом в начале этого (1945) года Рузвельт обещал королю, что он не сделает никакого враждебного движения против арабского народа и не будет помогать евреям против арабов». (Мемуары Трумэна «Годы испытания и надежд» — стр. 133-135.)

О планах осуществления «завещания на Сионе» в мемуарах известного Глобб Паши, англичанина, командира «Арабского Легиона», мы находим указания на методы, которые намеревались применить сионисты в борьбе за «Обетованную Землю».

При посещении «Управления Палестиной» (до 1948 года), в числе служащих которого кроме англичан были и арабы, и евреи, Глобб спросил одного из служащих, еврея: «Как же вы рассчитываете провозгласить еврейское государство в Палестине, где евреи составляют меньшинство населения?» — На свой вопрос Глобб получил такой ответ: «Хорошо рассчитанное уничтожение решит этот вопрос». Как показали дальнейшие события и миллион арабских беженцев из Палестины, собеседник Глобба не ошибся.

Настроения населения Палестины и соотношение этнических групп не были секретом для всех государств мира и их представителей в только что созданной Организации Объединенных Наций, которые, по замыслу, должны были стать верховным арбитром в международных спорах и конфликтах, разрешая таковые в духе демократии и уважения к воле народонаселения.

Сионистам надо было во что бы то ни стало добиться санкции этого нового международного форума на создание на территории Палестины еврейского национального государства. Они не могли не понимать, что библейский миф о «завещании на Сионе» был недостаточен и нуждался в одобрении и подтверждении органа более авторитетного.

Рассчитывать на вынесение ООН решения, жетатешночо сионистам, не приходилось: большинство делегатов государств-членов ООН к сзавешанпю на Сионе» относились скептически, и оно не было для них авторитетно.

Только немногие государственные и политические деятели США решались предостеречь США и ООН от опрометчивых решений с признанием еврейского государства. Но их предостерегающие голоса не производили никакого впечатления и не принимались во внимание. В те годы (1946-1947) предвыборная борьба за выбор Президента находилась в разгаре и от «еврейских голосов» зависело много. Не только от числа голосовавших евреев, по, главное, от периодической печати.

А так как США в те годы были в зени те своей мощи и авторитета в делах переустройства послевоенного мира, то, если не формально, то фактически могли диктовать свою волю и проводить в ООН угодные решения.

Учитывая это обстоятельство, сионисты и их друзья всю мощь своей пропаганды направили на обработку в нужном им направлении общественного мнения США и руководителей их политики.

Периодическая печать США всех направлений была заполнена статьями известных журналистов и публицистов с призывами содействовать созданию еврейского государства в Палестине. Многочисленные собрания и доклады, на которых выступали видные политические деятели, занимавшие руководящие посты в Правительстве США. а также выступления по радио хорошо оплачивались. Так, например, Баркли, вице-президент США, выступавший с призывами всемерно поддержать притязания сионистов, за каждое выступление получал гонорар 1 500 долларов. Денет па пропаганду не жалели

А выступления таких лиц, как вице-президент США, давали основание считать, что план создания еврейского государства (план раздела Палестины) был планом правительства всемогущих тогда США.

Подробно и документально описывает всю закулисную деятельность сионистов в связи с признанием государства Израиль Альфред Лилянталь, еврей, но не сионист, служащий Государственного департамента, много времени проведенный на Ближнем Востоке и хорошо знакомый с обстановкой и настроениям!) в Палестине. Его киша — «*What Prise Izrael» — дает яркую картину всеГ) закулисной борьбы и давлений, которые проводились сионистами для принятия Объединенными Нациями угодного сионистам решения. Не считаясь с интересами США и нарушая те принципы и начала, которые были положены в основание международного форума — Организации Объединенных Наций, инициатором создания которой были США.

Подлинно же объективное освещение лого вопроса с точки зрения и права, и интересов США, и мира во всем мире, которое могли дать и

давали люди осведомленные — представители Государственного департамента и Военного Министерства, — оставлялось без внимания...

А таких объективных высказываний было немало, о чем мы знаем из мемуарной литературы — дневников и воспоминаний дипломатов и военных деятелей США. Так, например, военно-морской министр Джемс Форрестол после посещения стран Среднего Востока в своем дневнике 14 июня 1946 года записал следующее: «Америка потеряла престиж в арабском мире благодаря нашей установке в Палестине. Англичане говорят, что они не могут сделать для арабов того, что они хотели бы сделать благодаря давлению, которое мы можем употребить в связи с английским займом».

В записи от 26 июня того же года Форрестол сообщает, что двенадцатичленная американско-английская комиссия, образованная для изучения «палестинского вопроса», в своем докладе («Барели Крам рапорт»), рекомендуя допущение в Палестину 100 000 евреев, в то же время **не рекомендует** создание там еврейского государства.

Когда группа американских дипломатов в странах Ближнего Востока, вызванная Государственным департаментом для информации о настроениях в странах их пребывания, доложила президенту Трумэну об ухудшении позиций США на Ближнем Востоке, в связи с израильской политикой Америки, Трумэн им ответил: «Извините, господа, но я не имею ответа сотням тысяч тех, что горячо желают успеха сионизму; сотен твояч арабов среди своих избирателей я не имею»...

Государственный департамент и Пентагон (дипломаты и военные) были единодушны в своем отрицательном отношении к идее создания в Палестине еврейского государства и подали Президенту соответствующую докладную записку от имени «планирующего штаба Государственного департамента».

Долголетний Государственный Секретарь (при Кеннеди и Джонсоне). Дин Роек, тогда директор отдела Госдепартамента по делам ООН, сказал по этому вопросу следующее: «Слишком много официальных и частных лиц попрали закон беспристрастия, и «раздел Палестины» (создание еврейского государства) в некоторых странах стал рассматриваться как «американский план», в силу чего он лишился всякой моральной силы». (Стр. 68 и 69 книги Лилиенталя «Цена Израиля»),

Ученый и историк с мировым именем Арнолд Тойнби в своем десяти томном труде «A Study of History», изучив «Палестинский вопрос» и методы создания еврейского государства, на страницах 289-291 написал следующие строки: «Реакция евреев была та, что они, в свою очередь, сделались преследователями, впервые после 135 года и при первой возможности, то, что было применено к ним, они применили к другим людям, которые не причинили евреям никакого вреда, а только были слабее их. Евреи в 1948 году имели меньше оправдания для выселения палестинских арабов из их домов, чем изгнание евреев Навуходносором, Титом, Адрианом и испанской и португальской инквизициями... В 1948 году евреи из собственного опыта знали, что они делали.

И наивысшая трагедия была в том, что евреи, вместо того чтобы избежать и не повторять того, что они сами претерпели от неевреев в нацистской Германии, начали имитировать некоторые злые дела, что нацисты творили с евреями... «Палестинские арабы в 1948 году стали невинными жертвами негодования европейских евреев народоубийством, применявшимся по отношению к евреям немецкими нацистами.

Этот импульс стать соучастником в злодеянии сильнейшего соседа по отношению к слабейшему и причинить ему те же самые страдания, которые они претерпели от деяний сильнейшего — возможно, один из самых низких и извращенных уклонов человеческой природы, ибо это было стремление держать в постоянном движении колесо КАРМЫ — мщения, возмездия»...

Правдивые слова Тойнби, его описания положения арабских беженцев, его утверждения, что «евреи несут с собой антисемитизм» в те страны и народы, где они появляются, описание «подвигов» разных израильских «командо», поголовного уничтожения «всего, что дышит» в арабских селах (напр., в дер. Ясин) — все это вызвало взрыв негодования в «Западном Мире», точнее, в его периодической печати, которая, как известно, находится или в руках евреев, или под их сильнейшим влиянием.

На Тойнби посыпались обвинения в «антисемитизме»; его имя и репутация ученого с мировым именем ставились под сомнение... Делалось все для его дискредитации. ...Но ни опровергнуть приводимые им факты, ни оспорить выводы никто не смог. Арнолд Тойнби остался в глазах всего мира одним из крупнейших историков, хотя сионисты это и оспаривают.

К Тойнби применяется теперь метод замалчивания не только его деятельности, но и самого его существования, согласно традиционному библейскому проклятию, гласящему: «Иимах шмой зихрой» (да будет стерто с лица земли его имя и память).

По данным украинского публициста П. Половецкого, приведенным в его книге «Против течения» (стр. 97), нью-йоркский раввин предостерег литературных критиков от упоминания имени Тойнби без присовокупления к нему слов «Иимах шмой зихрой».

А в эмигрантской газете, выходящей на русском языке в Нью-Йорке, Тойнби назван «ученым дураком». (Новое Русское Слово, 8 марта 1968 года. «Столпы Мудрости».)

Добиваясь всеми способами нужного для их целей признания мировым форумом — ООН — еврейского государства в Палестине, «зарубежные израильтяне», рассеянные во всем мире и живущие по паспортам различных государств, не жалели ни средств, ни энергии, прибегая для достижения своей цели к самым различным методам и «посредникам». Одним из таких «посредников» был небезызвестный кардинал Спэлман, назвавший русский народ «народом убийц» на Евхаристическом конгрессе в Барселоне в 1951 году.

Когда в 1949 году встал вопрос о принятии в число членов ООН государства Израиль и выяснилось, что католические латиноамериканские государства были настроены против принятия, считая, что принятием было бы одобрено изгнание из Палестины 1350 000 коренного населения агрессивным меньшинством — еврейскими новыми иммигрантами — тогда кардинал Спэлман дважды посетил эти государства и как «князь церкви» вел пропаганду за принятие Израиля в Объединенные Нации.

Кардиналу удалось уговорить и повлиять, чтобы ряд государств — противников принятия Израиля в ООН изменили свое мнение и голо-совали за принятие.

15 лет спустя, 10 июня 1964 года, на торжественном праздновании 50-летия «БЕТ ИЗРАЭЛЬ ГОСПИТАЛЯ» в качестве почетного гостя присутствовал и кардинал Спэлман.

На этом торжестве председатель, Чарль Силвер, сообщил присутствующим следующее: «Я пришел сообщить вам один секрет, который хранил 15 лет», и рассказал, как он организовал два путешествия кардинала Спэлмана по южно-американским странам в поддержку принятия Израиля в ООН. Как «князь церкви» кардинал использовал свое влияние, чтобы ряд государств переменили свое отрицательное отношение к принятию в ООН Израиля на положительное.

Говоря о давлении сионистов, взявших на себя смелость утверждать, что создание еврейского государства в Палестине — есть единодушное мнение и желание всех евреев всего мира, необходимо упомянуть, что и среди евреев находились такие, которые открыто выступали против сионистских планов создания еврейского государства без согласия и вопреки желанию арабов.

О позиции в этом вопросе Альфреда Лилиенталя и его единомышленников упомянуто в предыдущем изложении.

Противниками создания еврейского государства были также известный еврейский ученый Великий Раввин, Юда Магнес, ректор еврейского университета в Иерусалиме, высказавший мысль, что «необходим предварительный сговор с арабами прежде создания государства Израиль».

В январе 1946 года профессор Альберт Айнштейн в англо-американской комиссии по делам Палестины сказал следующее: «Идея государства (Израиль) не лежит у меня на сердце. Я не могу понять, зачем она нужна?.. Это связано с узостью и экономическими препятствиями. Я верю, что это скверно. Я всегда был против этого».

А год спустя, защищая свою позицию, Айнштейн обратился по радио с призывом к сионистам Европы с такими словами: «Важно достичь взаимопонимания с арабами. Ответственность за это лежит не на арабах, не на британцах, а на евреях».

Когда в Генеральной Ассамблее Объединенных Наций обсуждали вопрос о Палестине, Юда Магнес не был допущен для свидетельства.

Поэтому Айнштейн, в поддержку позиции Юды Магнеса, сделал публичное заявление такого содержания: «Мы апеллируем к евреям в этой стране и в Палестине не допустить себе быть загнанными в положение отчаяния или фальшивого героизма, что в результате, возможно, приведет к самоубийственным мерам». («Н.-Иорк Тайме» 18 апреля 1948 года).

А в своих мемуарах «Out of My Later Years» Айнштейн говорит: «Я бы предпочел видеть резонное соглашение с арабами на базе жизни вместе, чем создание отдельного израильского государства».

Как известно, сионисты победили и заставили мировой форум — ООН — библейскую сказку о «завещании на Сионе» признать документом, дающим право на владение «Обетованной Землей», со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Этим решением был подорван в самом начале авторитет Объединенных Наций и заложена «бомба замедленного действия», ставшая угрозой миру всего мира.

* —

Достойна внимания и позиция, занятая в этом вопросе Советским Союзом и его сателлитами, которые все голосовали за создание еврейского государства Израиль, содействуя даже в первые послевоенные годы иммиграции евреев в Палестину.

Ведь вряд ли можно предположить, что Библия для коммунистов могла играть роль в их установке в этом вопросе. Другие факторы действовали при этом. Во-первых, «единая для всех евреев политическая ориентация», присущая этому племени и стоящая выше политических взглядов, гражданства и социальных перегородок. А в те годы евреями были переполнены дипломатические представительства не только СССР, но и других стран Восточной Европы. Сильно было влияние «зарубежных израильтян» и среди политических деятелей стран-победительниц.

Во-вторых, у СССР было немало оснований рассчитывать, что еврейское государство Израиль, если и не провозгласит себя советской социалистической республикой, то, во всяком случае, займет позиции просоветские, а не прозападные. В этом случае на Ближнем Востоке создавалась бы база для дальнейшего расширения коммунизма и окончательного вытеснения из этого района влияния прежних колониальных держав, Англии и Франции, и США, стремившихся заполнить этот «вакуум».

В-третьих, созданием еврейского государства в Палестине (по инициативе Запада) весь арабский и мусульманский мир неизбежно должен был бы стать на путь перемены своей ориентации с прозападной

на просоветскую. Что, как известно, и произошло, и теперь вряд ли Западу когда-либо удастся восстановить свои позиции в арабском мире.

Появление же Москвы в Малой Азии в качестве активного участника политической жизни этого района соответствовало интересам не только интернационального коммунизма, но и государственным интересам России при всех режимах. Ведь это содействовало выходу в Средиземное море, что сейчас и произошло.

В 1948 году, как известно, произошло не только создание еврейского государства, сразу же занявшего позиции прозападные, но и устранение евреев с руководящих постов в СССР и государствах Восточной Европы.

А непосредственно за этим последовала и перемена политики СССР в вопросе «Обетованной Земли». Вместо поддержки евреев Москва начала поддерживать арабов. Эта перемена политики привлекла симпатии всего арабского мира и стран мусульманских, солидаризирующихся со своими единоверцами — арабами — породила ненависть всего еврейства всего мира и обвинения в «антисемитизме».

А новосозданное государство Израиль стало инициатором и центром наветов и клеветы на русский народ, при всех режимах и во все времена «угнетавший и преследовавший» евреев.

Роль евреев в СССР в то тридцатилетие, когда они были «правлящим классом» в СССР, была забыта. Забыто и то обстоятельство, что во время последней войны от поголовного уничтожения еврейство всего мира было спасено ценой пролития русской крови.

Приведенные выше факты и события и побудили меня несколько расширить «Русско-Еврейский Диалог» и напомнить о роли того народа, который сейчас обвиняется в «угнетении и преследовании» евреев — о роли в деле спасения евреев.

Более подробно о деятельности евреев в России и в СССР и о причинах, породивших отрицательное к евреям отношение в этой стране, сказано в моем очерке «Евреи в России и в СССР».

История когда-то вынесет свое беспристрастное суждение в «Русско-Еврейском Диалоге» и установит, кто был нрав и кто кого преследовал и угнетал.

ЕВРЕИ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

СОЛОМОН ЛУРЬЕ — проф. Университета в Петрограде.

«Причину антисемитизма следует искать в самих евреях»... «Необходимо быть строго лояльным по отношению к государству, благоклонно относящемуся к евреям. — При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и по возможно-

сти содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям»...

(Из книги «Антисемитизм в древнем мире». Петроград. 1922 год).

МАРК ВИШНЯК — Бывший секретарь Всероссийского Учредительного Собрания.

«Боязливые и двоедушные — евреи и не-евреи — рекомендуют об этом не говорить из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам религии, расы, цвета кожи только способствуют усилению и распространению самой диффамации и дискриминации»...

(Нью-Йорк. 1944 год).

СОЛОМОН ШВАРЦ — Марксист-«бундовец». В 1917 году директор департамента Министерства Труда (генеральская должность). В 1919 году добровольно вступил в ряды Красной Армии. Ныне пребывает в Израиле.

«Русский не скажет еврею того, что скажет русский русскому»...
(Нью-Йорк. 1952 год.)

Все трое окончили высшие учебные заведения в Российской Империи.

В эмиграции Вишняк был редактором самого большого «толстого журнала» «Современные Записки», и от него зависело решение о печати произведений русских журналистов и писателей и определение гонораров. После войны Вишняк посвятил свое время борьбе с антисемитизмом.

Шварц принимал активное участие в «Чеховском Издательстве», которым руководила его жена — «Вера Александрова». Истрачены большие деньги из Фордовского Фонда, но вряд ли кто может сказать, что напечатанные книги выбирались без учета отношения авторов к еврейскому вопросу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДИАЛОГ

АНДРЕЙ ДИКИЙ. «ЕВРЕИ В РОССИИ И В СССР»

А. Дикий сумел дать наглядную и яркую картину впечатления, произведенного на население России чрезмерным участием многих евреев в руководящих кадрах октябрьской революции.

Он нам рассказал, какими глазами многие русские смотрели тогда на это участие, что при этом думали и какое влияние это их отношение к еврейскому фактору общереволюционной проблемы имело на ход событий и на эволюцию советской власти. Этим А. Дикий объяснил многое непонятное или плохо понимаемое. В этом главная заслуга его во многом замечательной и нужной, хотя во многом спорной и неудовлетворительной книги.

За его свидетельством ощущаются неподдельный опыт, серьезность и искренность. Описанное им явление — один из важных аспектов русской революции, на который закрывать глаза вредно и опасно.

Вопреки утверждению А. Дикого, в интересах еврейского народа — не замалчивать происшедшее и не огульно его отрицать, а, признав свою долю вины, откровенно и честно объясниться, но только полностью, не скрывая ничего, исчерпывающе, для того, чтобы объявить миру всю правду, до самого конца.

Для этой задачи книга А. Дикого может сыграть только роль вступления, обвинительного акта, за которым должно последовать *audiatur et altera pars*. Без этого книга его останется однобокой и не достаточной для надлежащего решения вопроса. Но должным образом на нее ответить в неизбежно краткой журнальной заметке, приемлемых для «Часового» размерах, невозможно. К тому же, автор этих строк, по специальности историк литературы, не считает себя для такого ответа и достаточно компетентным. Для этого нужны познания социолога и политического историка. К тому же, он лишен непосредственного личного опыта пребывания в СССР, столь важного для диалога с автором книги, этим опытом наделенным.

Тем не менее, разрешу себе сделать несколько замечаний, без которых книга А. Дикого рискует быть неправильно понятой и принести больше вреда, чем пользы.

Его главная ошибка в том, что он увидел отношения еврейства и революции только извне. Страдая от злодеяний КПСС, как и все остальные обитатели СССР, и видя многих евреев среди своих насильников, он из этого сделал вывод, что КПСС — дело еврейских рук, нечто вроде орудия порабощения русского народа еврейским.

Но он не сумел увидеть эти отношения изнутри, т. е. понять их подлинную реальность. Он не заметил неисчислимых злодеяний той же

КПСС по отношению к еврейскому народу, хотя их было не меньше, если не больше, чем ко всему остальному населению.

Приведу только два, впрочем, общеизвестных и неоспоримых факта.

А) Октябрьская революция конфисковала все, без исключения, частные предприятия, от крупнейших до самых мелких, немедленно после своего воцарения, под предлогом «обобществления частной собственности». Поскольку подавляющее большинство русских евреев занимались до революции торговлей, ремеслами и промышленностью, это мероприятие не только лишило почти все еврейское население России хлеба насущного, но и отняло у него возможность получить какую бы то ни было другую работу за якобы принадлежность к «буржуям», которых не принимали ни на какую службу, ни даже на фабрику. В качестве таковых огромное их количество тогда же было арестовано, сослано, а зачастую и расстреляно.

При этом чекисты и иные новоиспеченные вельможи из евреев не только не щадили «своих», но как раз наоборот, чтоб подчеркнуть перед партией свой якобы «интернационализм», доводили жестокость и бесчеловечность до небывалой степени как раз по отношению к обезруженным своим сородичам.

По отношению же к массе еврейского населения они составляли ничтожное меньшинство.

Б) Если от 1905-го до 1917-го года еврейское население России возросло с 800 тысяч до 6-ти миллионов, за полвека советского владычества, по приведенным самим же А. Диким цифрам, от него остались только два миллиона. Да и то лишь в том случае, если советская статистика этой цифры не преувеличила, что она обычно весьма охотно делает. Значит, октябрьская революция сократила численный состав еврейского населения России на 2/3. Эта пропорция намного превышает потери всех других народов СССР, за исключением некоторых кавказских народностей и крымских татар, которые были почти поголовно уничтожены.

Неужели рядом с этим кратковременные успехи некоторых большевистских комиссаров оправдывают отождествление евреев с «правящим классом» СССР? Это не только чудовищная клевета, но « явная нелепость.

Не знаю, можно ли также, без сделки с совестью, одобрять еврейскую политику КПСС, начиная с 1948 года, к чему ясно склоняется А. Дикий.

Как жестоко ни пострадала культура других народов СССР от партийного произвола, погубившего многих наиболее выдающихся их деятелей, не было другого случая поголовного истребления **всех** крупнейших писателей какой-либо национальности, кроме разгрома Сталиным литературы «идиш», о чем тоже упоминает и сам Дикий.

Не было также примера запрещения какого-либо из языков народов СССР. Один только «идиш» был запрещен в 1948 году. Только в 60-х годах под давлением мировой общественности был разрешен выход

4 раза в году тощего журнальчика, почти весь тираж которого уходит за границу, чтобы «успокоить» сомневающихся в отменности всего советского, но фактически по-прежнему не доступного желающим в СССР.

До сих пор нет в СССР ни одной школы, даже начальной, в которой преподавание велось бы на еврейском языке, как нет там ни одного еврейского театра или газеты. Указания на Биробиджан ничего не объясняют и не извиняют, не только из-за великой дальности расстояния, но и из-за его губительного малярийного климата. По сути дела он — лишь место ссылки, нечто вроде «национального» концлагеря.

Еврейство доказало свою готовность сесть на землю учреждением и блистательными успехами государства Израиль на всех поприщах, но, конечно, только на своей, освященной многотысячелетней традицией территории.

Тем не менее, не только переселение евреев туда из СССР строжайше запрещено, но даже проявление платонических симпатий к сионизму жестоко карается.

Что же касается еврейского классического языка, на котором была написана Библия и создана грандиозная трехтысячелетняя культура, с самого захвата власти большевиками он находится под строжайшим запретом. **За его изучение полагался расстрел**, да и до сих пор он преследуется с крайней суровостью, как «контрреволюция».

Но армянам не запрещен их классический язык «грапар», как и созданная на нем литература, тоже преимущественно религиозного характера.

В числе слабых сторон книги надо указать также на полное незнакомство автора с религией и культурой еврейского народа, что приводит его к явно ошибочному пониманию политической ориентации еврейства, в которой он видит только ее левую сторону, менее влиятельную, чем стороны религиозная и национальная.

Столь же опрометчиво автор сводит такие сложные явления, как история дореволюционной России или октябрьская революция к одному только еврейскому знаменателю. Конечно, правильное понимание событий требует учета этого фактора, но отождествление всей русской революции и КПСС с еврейством создает в корне неверную перспективу, мешающую правильному отношению к событиям.

Но за недостатком места я, к сожалению, лишен возможности подробнее остановиться на этих важных вопросах.

Эти и им подобные ошибки и умолчания делают книгу А. Дикого неубедительной и ненадежной. **А явное сочувствие к преследованиям евреев нынешней КПСС, которые он объявляет справедливыми**, бросает тень на его добросовестность, потому что такие утверждения, никому, кроме КПСС, не выгодны. Некоторые высказывания А. Дикого прямо совпадают с пропагандными тезисами советской иностранной политики, например, утверждение, будто пропаганда

против коммунистов направлена на самом деле против России или оправдание запрета КПСС переселения русских евреев в Израиль.

Тем не менее, поскольку сам А. Дикий считает нас элементом, России чуждым, логически ему бы следовало содействовать возможно более широкому отъезду евреев в Израиль.

Что же это такое — содействие советской, партийной политике или же антисемитизм, от которого А. Дикий все-таки отрекается?

Не желая злоупотреблять гостеприимством «Часового» уже и так чрезмерно затянувшейся статьей, закончу указанием, что собранный мною при чтении книги А. Дикого материал — указания фактических ошибок, неточностей, всякого рода спорных утверждений, умолчаний, противоречий и т.п. — который оказалось невозможным привести хотя бы вкратце — из-за его размеров, я охотно готов предоставить на суд читателей при первой возможности.

Париж, 4 января 1968 г.

Эммануил Райе

ПРИМ. РЕД. Конечно, ни о каком пособничестве А. И. Дикого советской пропаганде не может быть и речи. Полагаем, что, зная автора книги с давних времен, мы можем это предположение категорически опровергнуть. И, конечно, лучше нас на возражения Э.М. Раиса ответит сам А.И. Дикий.

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

Ответ г. Раису

В своей рецензии на мою книгу «Евреи в России и в СССР» г. Райе пишет: «А. Дикий сумел дать наглядную и яркую картину впечатлений, произведенного на население России чрезмерным участием евреев в руководящих органах октябрьской революции»... «Этим А. Дикий объяснил многое непонятное или плохо понимаемое. В этом главная заслуга его во многом замечательной и нужной, хотя во многом спорной и неудовлетворительной книги»... «В интересах еврейского народа — пишет дальше г. Райе — не замалчивать происшедшее и не огульно его отрицать, а, признав свою долю вины, откровенно и честно объяснить. Но только полностью, не скрывая ничего — исчерпывающе. Для того, чтобы объявить миру всю правду, до самого конца»...

Всемерно приветствую мысль (еврея) Раиса, русского журналиста, и буду рад, если она осуществится и на страницах печати произойдет это «объяснение», откровенно, полностью и до конца, без всяких умолчаний, извращений и осветления фактов и событий с чисто субъективной точки зрения. Как еврейской, так и русской — общероссийской. Ибо только при соблюдении этих условий «объяснение» или русско-еврейский диалог сможет быть конструктивным и полезным для обеих сторон.

Внесение в это «объяснение» элемента эмоционального не принесет никакой пользы, а большой, большой и сложный вопрос русско-еврейских взаимоотношений только обострит и затемнит.

Достоверные и проверенные факты, цифры, имена и события должны лечь в основу еврейско-русского диалога, а никак не часто употребляемое слово «общеизвестно», когда вопрос идет о том, что еще спорно и не доказано.

В моей книге на 718 страницах читатель этого слова не найдет. И если и мои оппоненты забудут это слово, кроме пользы для дела «объяснения», ничего не будет. А вот когда фактами, цифрами и событиями, проверенными и точными, что-либо будет доказано — тогда сам читатель вынесет свое суждение и можно будет сказать «общеизвестно».

Понимая это, г. Райе в своем призыве к «русско-еврейскому диалогу» пишет: «Автор этих строк, по специальности историк литературы, не считает себя компетентным»... «Для этого нужны познания социолога и политического историка»...

А дальше в своей рецензии он пишет: «Тем не менее, разрешу себе сделать несколько замечаний, без которых книга А. Дикого рискует быть неправильно понятой и принести больше вреда, чем пользы».

Разрешу себе и я на эти «замечания» (счетом четырнадцать) дать свои разъяснения и уточнения.

Замечание I. — Моей ошибкой считает г. Райе то, что я «увидел отношение еврейства к революции только **извне**». Признаюсь, мне не совсем ясно, что хотел этим сказать г. Раис. Проникнуть **внутри** этого отношения мне, как не-еврею, не дано. Что думало и ощущало еврейство в целом, когда его единоплеменики из торговцев селедками и мелких факторов превращались в советских вельмож и вершителей судеб русского народа, не знаю. Но «извне» отрицательного отношения к этому превращению они не проявляли и нигде не выступали с осуждением чрезмерного (по словам г. **Раиса**) участия своих единоплемеников в руководящих кадрах и карательных органах октябрьской революции. Кроме одного-единственного случая, приведенного в моей книге (стр. 212 и 213).

Это «Обращение к евреям всех стран», выпущенное в начале 20-х годов от имени «Отечественного Объединения Евреев за границей», в котором осуждается **чрезмерное** участие евреев в революции и мировое еврейство предупреждается, что это может вызвать роковые для всего еврейства последствия.

Больше, насколько мне удалось установить, никаких организованных выступлений по этому вопросу не было. Если я ошибаюсь и г. Райе укажет мне на мою ошибку — буду ему признателен.

Замечание II. — Второй моей ошибкой г. Райе считает, что я «не заметил неисчислимых злодеяний той же КПСС по отношению к еврейскому народу, хотя их **было не меньше, если не больше, чем ко всему остальному населению**».

Исчислить действительно неисчислимые злодеяния карательных органов советской власти я не смог, как не смог этого сделать и г. Райе.

Но **перечислить**, даже поименно, почти всех тех, кто выносил решения, призывал и оправдывал эти злодеяния, я постарался по мере возможностей.

Если из этих **перечислений** не пожелал сделать вывод и над ними задуматься г. Райе, — их сделало все население СССР. И в результате появились резко антиеврейские настроения там и в тех кругах, где их раньше не было.

Об этих настроениях и их причине еще в 1922 году сообщила всему миру на страницах «Еврейской Трибуны» русская журналистка Екатерина Кускова в своей статье «Кто они и как быть?» — Прошло почти полвека, но никто на страницах печати г. Кускову не опроверг и в полемике с ней о наличии, росте и причинах юдофобии в СССР не вступил.

Позволяю себе порекомендовать г. Раису прочитать эту статью и, хоть и с опозданием на полвека, попытаться опровергнуть написанное известной юдофилкой Кусковой.

Замечание III. — Г. Райе пишет, что число евреев-чекистов и новоиспеченных вельмож составляло ничтожное меньшинство по отношению ко **всему** еврейству СССР. Совершенно верно. Но после этого утверждения и сравнения г. Раису следовало бы на этом не остановиться и продолжить сравнения, чего он позволил себе не сделать — сравнения и со **всем** населением СССР.

Ведь все население СССР не одно и то же, что и **все** еврейское население СССР. Этого обстоятельства нельзя упускать из вида при решении вопроса об участии евреев в правящем классе вообще, а в его карательных органах в частности.

А то, что **в этом правящем классе и карательных органах подавляющее большинство** составляли евреи — с предельной очевидностью показано в приведенных в моей книге списках. Оспорить это не может и сам г. Райе. А потому и прибег к затемняющему сущность вопроса сравнению числа чекистов и вельмож с числом **всех** евреев в СССР. Как называется такой «литературный прием», предоставляю решить читателям. А кого-либо в чем-либо убедить таким приемом невозможно. Вот это-то «ничтожное меньшинство по отношению ко **всем** евреям» составило **подавляющее большинство в органах власти**. И вызвало острое недовольство **всего** коренного населения страны.

Замечание IV. — Г. Райе пишет следующие строки: «Октябрьская революция конфисковала все, без исключения, частные предприятия, от крупнейших до самых мелких, немедленно после своего воцарения, под предлогом «обобществления частной собственности». Поскольку подавляющее большинство русских евреев занималось до революции торговлей, ремеслами и промышленностью — это мероприя-

тие не только лишило почти все еврейское население хлеба насущного, но и отняло у него возможность получить какую-либо другую работу за якобы принадлежность к «буржуям», которых не принимали ни на какую службу, ни даже на фабрику. В качестве таковых огромное их количество тогда же было арестовано, сослано, а зачастую и расстреляно»...

Написав эти строки, г. Райе счел возможным умолчать о следующем:

1) Лишившись «хлеба насущного» в результате ликвидации частной торговли, евреи получили не только «хлеб насущный», но и гораздо больше, приняв самое активное участие в создании аппарата новой власти и превратившись из мелких маклеров, торговцев и ремесленников в государственных служащих, военачальников, дипломатов и вельмож. Ни материально, ни морально они не проиграли, а выиграли. Л если у евреев-капиталистов и было конфисковано их имущество, то же самое испытали и капиталисты-неевреи. Насчет же ссылок и даже расстрелов евреев по причине их «буржуазности» что-то не было слышно. При составлении моего очерка я тщетно искал данных об этом, по нигде их не нашел. Но зато я установил множество случаев, когда еврей-капиталисты благополучно выбрались в эмиграцию, некоторые с немалыми средствами, как, например, Добрый, Рубинштейн и другие. А те, кто не выехал в эмиграцию, еврей-буржуи, несмотря на все буржуазное прошлое, отлично устроились при советской власти, часто даже на ответственных постах. — В общем, от октябрьской революции русское еврейство в целом не только не пострадало, но выиграло.

Об этом обстоятельстве г. Райе забыл упомянуть, и я исправляю сто ошибку.

2) Умолчал г. Раис и о том, что евреи, даже самого буржуазного происхождения, не подвергались никаким ограничениям при поступлении в высшие учебные заведения, как это было с детьми не только дворян и помещиков, но даже мелкого лавочника-купца или деревенского священника» диакона и даже нищего дьячка-псаломщика.

В то время, когда по причине своего происхождения все эти категории русской молодежи не допускались в учебные заведения, а уже бывшие там исключались даже с последних курсов (что вызвало в 1923 году многочисленные самоубийства), — в это время евреи заполняли университеты и институты СССР, ибо для них была найдена лазейка: они были провозглашены народом, прежде «угнетавшимся и преследовавшимся». И по этой причине освобождены от каких-либо ограничений при поступлении в высшие учебные заведения.

В результате — огромный процент русских евреев с высшим образованием, что давало им возможность занимать лучшие должности, связанные с лучшими материальными условиями жизни по сравнению с условиями жизни коренного населения. Г. Раис забыл это обстоя-

тельство упомянуть. Настоящим разъяснением я исправляю его ошибку.

Наблюдая, как исключают из университета сына дьячка или мелкого лавочника как «социально чуждый элемент» и в то же время оставляют сына еврея-«буржуя» только потому, что он еврей — естественно, всех не-евреев охватывали соответствующие настроения, распространявшиеся на всех евреев вообще.

Учили ли это обстоятельство г. Райе и все те, кто смеет бросать упрек и обвинение русскому народу в антиеврейских настроениях, называя эти настроения «антисемитизмом»?.. Неужели же они не понимают, что не они — евреи — могут бросать подобные обвинения русскому народу, а наоборот, русский народ имеет право во многом и за многое потребовать ответ от еврейского однопроцентного меньшинства, захватившего все ключевые позиции в жизни и культуре их, русского государства, созданного на крови и костях их предков?..

У замечание. — Пятое замечание г. Раиса гласит так: «Октябрьская революция сократила численный состав еврейского населения России на две трети. Эта пропорция намного превышает потери всех других народов СССР, за исключением некоторых кавказских народностей и крымских татар, которые были почти поголовно уничтожены»...

У каждого неосведомленного читателя приведенных выше строк, естественно, должен появиться интерес к подробностям, как же произошла эта «потеря» двух третей русских евреев, то есть **четыре миллионов евреев**. Сожжены ли они в камерах, как у Гитлера, просто ли расстреляны или вырезаны или стали жертвой тех «погромов», о которых мировая печать твердит уже **мл** ого десятилетий, если не целое столетие?.. Подробностей г. Райе не счел нужным сообщить, сочтя, однако, возможным в выражениях, приведенных выше, сказать об «уменьшении» числа евреев, как он выразился, «после октябрьской революции».

Жалость к бедному еврейскому народу, потерявшему в России из своих шести миллионов — четыре миллиона, и негодование к тому народу, на земле которого это произошло, неизбежно должны появиться у недостаточно осведомленного читателя.

Не на этого ли неосведомленного читателя рассчитывал г. Райе, написав о «потере четырех миллионов евреев после октябрьской революции»?...

Ведь он сам, как и все русские, отлично знает, куда они девались, эти евреи. Они превратились в евреев польских, литовских, латвийских, эстонских и румынских после того, как, по Брест-Литовскому договору с Германией, заключенному от имени России единоплеменниками г. Раиса: Бронштейном, Иоффе и другими, от России отошли Польша, Латвия, Литва, Эстония и Бессарабия, на территориях которых и проживали эти «потерянные» евреи. В одной Польше осталось 3 400 000. Зачем понадобилось г. **Раису** прибегнуть к такому малодос-

тонному словесному «трюку» — неизвестно. Но что **такой** способ полемизировать или «вести диалог» у всех народов мира, кроме, может быть, израильского, от имени которого выступает г. Раис, считается недопустимым — не подлежит сомнению.

VI замечание. — «Отождествление евреев с правящим классом — чудовищная клевета и явная нелепость!» — Так пишет в своем шестом замечании г. Раис, делая вид, что он не понимает разницы выражений: «правлящий класс в подавляющем большинстве состоял из евреев» (как сказано в моей книге) и выражением: «отождествление евреев с правящим классом». Для каждого грамотного человека разница этих двух выражений ясна и понятна, равно как и выражение «правлящий класс».

Ту часть граждан какого-либо государства, из которой, если не исключительно, то преимущественно рекрутируются возглавители и руководители всех отраслей жизни страны (культурной, политической, военной, экономической) принято называть «правлящим классом». До революции таковым в России было дворянство и частично буржуазия-купечество. В СССР в первые 30 лет таковым стало еврейство.

Отрицать это или умалять роль евреев в этот период истории России (1918-1948) — невозможно, хотя после 1948 года вся мировая печать делает все усилия, чтобы замолчать и свести на нет вопрос о **чрезмерном** участии евреев в создании каркаса власти и карательных органов СССР.

Если вооруженными силами страны командует еврей Бронштейн (Троцкий), политически их «воспитывает» еврей Гамарник, министром внутренних дел и диктатором столицы назначается еврей Апфельбаум (Зиновьев), делами печати ведают евреи Нахамкес и Авербах, во вне страну представляют Финкельштейн, Иоффе, Суриц и их единоплеменники, вопросами религии ведаёт еврей Губельман, хранитель государственных ценностей еврей Коген... и еще сотни и сотни их единоплеменников на самых ответственных постах — то разве неправильно мое утверждение, что в первые 30 лет советской власти «правлящий класс **в подавляющем большинстве** состоял из евреев». И это мое утверждение вовсе не «явная нелепость и чудовищная клевета», как выразился г. Райе, а горькая правда и истина, которую не забыл и, надеюсь, не забудет никогда русский парод.

VII замечание. — «Не знаю, можно ли без сделки с совестью одобрить еврейскую политику КПСС, начиная с 1948 года, к чему явно склоняется А. Дикий», — так пишет в своем седьмом замечании г. Райе.

Будучи антикоммунистом и антимакистом, в этом конкретном случае, без всякой сделки с совестью, политику КПСС в еврейском вопросе не только одобряю, но и приветствую, ибо считаю ее началом оздоровления Национальной России. Такого же мнения, насколько мне удалось установить, придерживается и все население СССР (кроме евреев), а также и вся общероссийская эмиграция, за исключением ее

еврейского сектора (держашегося особняком) и считанных единиц из не-евреев, которые из разных соображений и побуждений всегда и неизменно в этом вопросе стоят на стороне евреев, не считаясь с национальными интересами русского народа.

То, что г. Райе называет «еврейской политикой КПСС» и против чего протестует, как и все мировое еврейство и его подпевалы, называя это «преследованием» евреев, в действительности есть не что иное, как только спокойное и даже весьма деликатное (без процессов, ссылок и расстрелов) отстранение евреев с таких постов, с каких можно оказывать давление и влияние на весь ход жизни государства, его политику, внутреннюю и внешнюю, на дело обороны страны. Причина этой «еврейской политики КПСС» ни для кого не секрет. Искать ее надо в неуверенности в лояльности евреев по отношению к стране, в которой они живут. Особенно, если интересы страны не совпадают с интересами нового государства Израиль или тех государств, которые с Израилем тесно связаны.

Еще в 1922 году профессор Соломон Лурье по вопросу о лояльности евреев — граждан **любой** страны написал следующее: «Необходимо быть строго лояльными по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и, по возможности «содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям». (См. часть II, стр. 63 моей книги «Евреи в России и в СССР».)

Напечатано это было в 1922 году, когда отношение к евреям в СССР было самое «благосклонное» во всем мире, что евреи и использовали, заполнив собою правящий класс страны. Настолько, что когда СССР был принят в Лигу Наций в 1936 году, представителями от СССР были исключительно евреи и ни одного представителя коренного населения двухсотмиллионной страны. Если г. Райе об этом обстоятельстве забыл или считает такое представительство России нормальным, то об этом не забыл русский народ и вряд ли когда-нибудь допустит нечто подобное.

Перемена «неизменно максимально благосклонного отношения к евреям в СССР», которая так огорчает г. Раиса и его единоплеменников, объясняется очень просто.

1) — Взамен уничтоженной в первые годы советской власти культурной элиты коренного населения создались кадры нового поколения, которые и предьявили свои права не только на участие, но и на руководство жизнью и судьбой своей страны — наследия своих предков. Для евреев места не находилось.

2) — Чрезмерно большой процент русских евреев, отсиживавшихся за Уралом во время последней войны, не остался не замеченным коренным населением и вызвал соответствующие настроения, с которыми правительство СССР не считаться не могло.

3) — После создания государства Израиль среди русских евреев начали отчетливо проявляться чисто расовые симпатии к этому ново-

му государству, к тому же занимающему позиции, враждебные СССР, Естественно, что возник вопрос об их лояльности по отношению к СССР, и не менее естественно, что они были устранены с тех постов и положений, на которых требуется безусловная лояльность. Коренное население перестало верить своим согражданам-евреям. А бурные манифестации, устроенные московскими евреями в честь приезда посла Израиля Гольды Мейерсон в 1948 году и открыто высказанные желания «переменить отечество» — эмигрировать в Израиль — сомнения в лояльности евреев только подкрепили.

Под давлением настроений коренного населения правительство СССР сделало соответствующие выводы. Прежде всего, были отозваны еврей-дипломаты и заменены представителями коренного населения. Назвать такое мероприятие «преследованием» евреев никак нельзя. Это разумный и мудрый шаг.

Представьте себе, что сейчас, во время обостренного положения на Среднем Востоке в связи с наглым и вызывающим поведением государства Израиль, послами СССР в Объединенных Нациях и США были бы Финкельштейн, Суриц или кто другой из их единоплеменников — граждан СССР. Было бы это нормально, разумно и целесообразно? Соответствовало бы это государственным интересам России-СССР? Или, может быть, интересы Израиля надо поставить выше интересов СССР, который среди своих граждан имеет мусульман больше, чем есть всех евреев на свете? А ведь все мусульмане в арабско-еврейском споре стоят на стороне арабов, равно, как и все человечество, кроме евреев и тех, кто отравлен их расистско-талмудической пропагандой о «завещании на горе Синай».

А как бы отнесся г. Райе к требованию арабов — граждан государства Израиль — на получение постов послов Израиля в Объединенных Нациях, или в США, или в СССР? Ведь как граждане Израиля они имеют на это право, а процент арабов в Израиле в десять раз больший, чем процент евреев в СССР...

«Нелепость!» — вероятно, ответят мне на это г. Райе и все его единоплеменники на всем земном шаре с паспортами самых различных государств в кармане.

На это можно и должно ответить, что не меньшая нелепость (чтобы не сказать «крепче») возмущаться и называть «преследованием», если государство назначает на ответственные посты за границей представителей своего коренного населения, а не того малочисленного меньшинства, которое в стране появилось всего Полтора столетия тому назад и всегда подчеркивало временность своего пребывания и уверенность в возвращении в страну своих предков.

Если г. Райе сможет доказать мне ошибочность моей точки зрения на этот вопрос — буду ему весьма признателен.

VIII замечание. — В своем восьмом замечании г. Райе утверждает, что в СССР «поголовно истреблены все крупнейшие писатели еврейской национальности». Утверждение это, выражаясь мягко, «не со-

ответствует действительности» и может только свидетельствовать или о дремучем невежестве г. Раиса, или о его сугубо еврейско-расовой точке зрения при оценке писателей. И звучат совсем несерьезно для тех, кто знает, что в СССР и сейчас живет и благоденствует немало евреев-журналистов и писателей. Хотя бы, например, ВераBronштейн — «Вера Инбер», родная сестра Bronштейна-Троцкого, чьи произведения издаются на государственный счет и теперь, в 1968 году. То же самое можно сказать и о Никулине, Квитко, Первомайском и ряде других евреев — поэтов и писателей, и поныне живущих и процветающих в СССР. Не были также «истреблены», а благополучно скончались такие писатели, как Заславский, Эренбург, Маршак, Пастернак и много других, писавших часто под чисто русскими псевдонимами, что евреи часто применяют.

Зная все это, говорить о «поголовном» истреблении евреев-писателей нельзя без риска быть обвиненным в неправде.

Что же касается суждения о том, кто из писателей «крупнейший» — мнения могут быть различны. Если некоторые склонны назвать «крупнейшими» писателями Бабеля, Юшкевича или Шолом Алейхема — то это еще не значит, что они таковыми и являются.

А тот неоспоримый факт, что в СССР на государственный счет издаются немало произведений, вышедших из-под пера евреев, только лишний раз подтверждает необоснованность и несерьезность утверждений г. Раиса.

Так, например, в 1966 году изданы произведения Исаака Бабеля с предисловием Ильи Эренбурга и текстом, проверенным Мунблитом. В этот сборник («Избранное») составители и редакторы включили также и рассказ «Карл-Янкель», в котором весьма реалистически описан один из обрядов иудейской религии, называемый «мецица» и запрещенный в СССР из гигиенических соображений.

Тем, кто «Карла-Янкеля» не читал, рекомендуется с ним ознакомиться.

IX замечание. — Касается языка «идиш» и слабых успехов литературы на этом языке, что огорчает г. Раиса, который причину этого неуспеха видит в Общем антиеврейском курсе политики КПСС.

Но, говоря это, г. Райе забыл добавить, что в настоящее время подавляющее большинство евреев СССР этого языка вообще не знает и больше 80% не умеют на нем ни читать, ни писать. Понятен он только старикам.

Многочисленные попытки правительства СССР и «ЕВСЕКЦИИ» КПСС пробудить или вызвать интерес евреев к языку «идиш» окончились неудачей. Хотя правительством СССР и были для этого предоставлены самые широкие возможности, вплоть до открытия «еврейских отделений» академий наук в Белорусской и Украинской союзных республиках, разумеется, за счет республики, а не евреев, там живущих.

Но эти «еврейские отделения» пустовали по причине отсутствия желающих посвятить себя изучению еврейского языка. Все это под-

робно и документирование, изложено в моей книге на основании печатных высказываний самих евреев.

Х замечание. — В своем десятом замечании г. Райе указывает мне на вопросы судопроизводства и преподавания на еврейском языке, а также на периодическую печать и театры на «идиш». Этим вопросам, по мнению г. Раиса, не уделяется достаточного внимания.

Хотя все это достаточно освещено в моей книге — ответу и на это, в самых коротких словах.

Вопрос языка преподавания и судопроизводства зависит от того, составляет ли данная «национальность»-народность большинство в районе или городе. В национальных же республиках и областях судопроизводство и преподавание ведется на соответствующем национальном языке: на Украине — по-украински, в Грузии — по-грузински, в Белоруссии — по-белорусски...

Так и было в «национальной» области Биробиджан и в «национальных» районах в Крыму. Все было на «идиш»... Пока евреи оттуда не разбежались и еврейское население не превратилось в незначительное национальное меньшинство.

Что же оставалось делать с судами и школами? Заставлять русских или украинцев изучать еврейский язык?.. Правительство на это не пошло и тихонько, без шума ликвидировало это мертворожденное дитя — плод расистских амбиций евреев. Не протестовали против этого и сами евреи, даже заграничные, которые так любят вмешиваться в «еврейский вопрос» в СССР.

По вопросу о театре на еврейском языке должен сообщить г. Раису, если это ему неизвестно, что в СССР все театры, равно как и школы и газеты, не являются частными предприятиями и содержатся на средства государства или соответствующей союзной республики, области, района. Так и было в Биробиджане и Крыму, пока евреи оттуда не разбежались. И театры, и суды, и школы.

Требовать же, чтобы государство приноравливалось к кочующим по стране евреям, открывая им театры, школы и выпуская газеты там, куда им вздумается переселиться, нельзя назвать серьезным и заслуживающим обсуждения. Такое требование может только вызвать реакцию, совсем не желательную для евреев, что следует учитывать.

Во Франции, где живет г. Райе и 600 000 тысяч его единоплеменников, насколько мне известно, на государственный счет не содержатся ни еврейские театры, ни школы с преподаванием на «идиш», **хотя процент евреев, французских граждан, превышает процент евреев, советских граждан**

Однако этого не было сделано даже во времена разных Леонов Блюмов, Мендес Франсов, Даниэлей Майеров, которые, окруженные своими единоплеменниками, определяли политику Франции, как внешнюю, так и внутреннюю.

Почему бы теперь французским евреям не переключить свою энергию и способности с охаивания русского народа и обвинений его в «ан-

тисемитизме» на деятельность, направленную на создание во Франции на государственный счет театров и школ на «идиш»?..

Интересно, как бы на это реагировало коренное население Франции? То же самое можно сказать и о Соединенных Штатах Америки, где евреев достаточно.

XI замечание. — В своем одиннадцатом замечании г. Райе с укоризной по моему адресу, и захлебываясь от восторга перед «блистательными успехами» государства Израиль, пишет о способности племени израильского создавать свое еврейское государство.

И укоризны, и восторги здесь неуместны, и я их возвращаю автору по следующим причинам:

Во-первых, как ясно указано в предисловии к моему очерку, он ограничен только русской землей и временем пребывания на ней евреев. А посему и судьбой государства Израиль я не занимался и его успехами и неудачами не интересуюсь.

И если это государство я и упоминал в своей книге, то только в связи с теми реперкуссиями, которые явились в результате его возникновения и необдуманного и **необоснованного — по моему мнению — его признания Объединенными Нациями**

К чему все это приведет — покажет будущее. Есть немало людей, которые опасаются, что существование и политика этого нового государства может послужить и причиной, и поводом для третьей мировой войны.

Что же касается «блистательных успехов» Израйля, которыми так восторгается г. Райе, то могу ему сказать, что эти «успехи» есть результат действительно блистательной способности евреев заставить весь мир содержать свое государство, которое, по словам самого Бен Гуриона, «без постоянной и регулярной помощи извне существовать не может».

Если бы кто мне предоставил десятки миллиардов долларов для достижения «блистательных успехов», то и на северном полюсе я бы смог выращивать ананасы.

По данным еврея А. Лилиенталя, приведенным в сто книге «Цена Израйля», только за первые девять лет своего существования как независимое государство Израиль получил помощи извне больше десяти миллиардов долларов. — Почти столько же, сколько **заимобразно** (а не как помощь) получил СССР, армии которого, истекая кровью, спасли всех евреев от поголовного истребления, что их ожидало в случае победы Гитлера. Без этого моря пролитой русской крови вряд ли можно было теперь говорить о «еврейском вопросе», по той простой причине, что евреи вообще не существовали бы на свете, на всем земном шаре.

Это обстоятельство не следовало бы забывать при обсуждении «еврейского вопроса», и всему еврейству вместо облыжных обвинений русского народа в «преследовании и угнетении» евреев следовало бы

ежедневно и ежечасно возносить молитву благодарности за своего спасителя — русский народ.

ХII замечание. — Бросая мне упрек, что я не обратил должное внимание на запрещение евреям, советским гражданам, эмигрировать из СССР, г. Райе упустил прибавить следующее:

1) Что это запрещение вынесено его же единоплеменниками, советскими вельможами, задолго до создания государства Израиль.

2) Что это запрещение относится не только к евреям, но и ко всем гражданам СССР.

3) Что, несмотря на это запрещение, процент евреев, эмигрировавших из СССР, во много раз превышает процент представителей других народов СССР, которые в послевоенные годы эмигрировали из Советского Союза.

4) Что в свою «Землю Обетованную» евреи не так уже сильно стремятся, что видно из того факта, что 200 000 алжирских евреев не поехали в Израиль, а предпочли переселиться во Францию, а 30 000 польских евреев, которым в этом году (1968) польское правительство само предложило дать визы на выезд в Израиль, ехать туда не желали, а возбудили ходатайство о переселении в США, которое и было удовлетворено.

При знании всего этого упреки г. Раиса звучат малосерьезно и вовсе не убедительно. Кроме того, здесь бы следовало г. Раису упомянуть и то, что в последние годы евреи из Израйля больше выезжают, чем в него въезжают, о чем сообщает само правительство Израйля. Потому ли, что сами не верят в «блистательное будущее» своей «Земли Обетованной» или по какой другой причине — судить не берусь. Да и сам г. Райе предпочитает сидеть во Франции и не едет в Израиль.

Кроме того, говоря об эмиграции евреев и переселении их в Израиль, не следует забывать и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство — неуверенность самих евреев (если не всех, то многих из них) в своем «праве» на владение Палестиной, основанном на библейском предании — документе, который вряд ли можно признать для оправдания изгнания арабов и создания своего еврейского государства — ведь Библия написана евреями, а завещание, данное Иеговой, сделано в пользу евреев. **Акт односторонний и более чем сомнительный.**

И если человечество станет на путь «восстановления прав» на основании таких «документов» — оно пойдет по пути длительных и кровавых столкновений, вызванных предъявлением разных мистическомифических документов вроде Библии.

А если те силы, которые сейчас безоговорочно поддерживают «требования» Израйля, не одумаются и не прекратят этой поддержки — более чем вероятно, что все это приведет к третьей мировой войне.

Неужели же всего этого не понимает г. Райе? Или, может быть, он считает, что **евреи всегда правы** и все конфликты между евреями и коренным населением, которые имели место на протяжении двух ты-

сячелетий, происходили потому, что все евреи — «хорошие», а все не евреи — «плохие»?

В своем тринадцатом замечании Райе пишет: «За изучение еврейского классического языка полагается расстрел»... Пишет это совершенно серьезно, надо полагать, и сам веря этому. Может быть, потому он и не привел соответствующих статей и параграфов закона, из которых бы было ясно, что за **изучение языка иврит полагается расстрел**. А между тем это совершенно необходимо, если г. Райе не желает, чтобы его утверждение было названо ложью. Написав такое утверждение, он обязан его и подтвердить.

К его сведению сообщаю, что ни до, ни после революции за **изучение «иврит»** никого не расстреливали.

А язык этот был настолько не популярен среди евреев, что из всех делегатов первого сионистского конгресса в Базеле, в 1897 году, только один делегат (М- Коген из Гомеля) смог произнести речь на языке «иврит». Рекомендую г. Раису это проверить.

XIV замечание. — В своей рецензии на мою книгу г. Райе пишет: «Надо указать также на полное незнание автора с религией и культурой еврейского народа, что его приводит к явно ошибочному пониманию **политической ориентации еврейства**, в которой он видит только его левую сторону, менее влиятельную, чем стороны религиозная и национальная». — Отвечу и на это «замечание г. Раиса».

Моя книга не является богословским трактатом, а только историческим очерком о сравнительно кратком — всего меньше двух столетий — пребывании евреев на русской земле. Не считая себя достаточно компетентным в вопросе еврейской религии и того, что они называют «еврейской культурой», я не углублялся, наблюдая его только со стороны, «извне», ибо проникнуть не-еврею «вовнутрь» еврейской религии и культуры вообще вряд ли возможно.

Но дело в том, что ^{это} «вне» есть тот русский народ, среди которого евреи жили, множились и богатели, оставаясь строго замкнутой племенной группой, но в то же время, претендуя на право самого активного вмешательства и даже руководства всеми сторонами жизни того народа, «внутри» которого они жили, не допуская к себе «вовнутрь» его представителей и ревниво оберегая свою расово-племенную чистоту и особенности своего еврейского быта.

Вроде временных жильцов в доме или большой квартире, которые к себе в комнату или квартиру никого не пускают, а сами считают себя вправе не только ходить по всему дому или квартире, но и вмешиваться во внутренние распорядки, быт и нравы (культуру) тех, в чьем доме они живут.

Что подобное «сожительство» обычно кончается плохо — об этом говорить не нужно. Плохо кончилось и это еврейско-русское сожительство. Русский народ, или коренное население, начал предьявлять свои хозяйские права и стремление их осуществить в полной мере. Без указок и руководства своих квартирантов.

Явление, полагаю, естественное и оправданное, против которого серьезных возражений быть не может, особенно если принять во внимание различные взгляды на мировые события и внешнюю политику хозяев и квартирантов, особенно отчетливо выразившиеся после создания государства Израиль.

По вопросу о моем **полном незнакомстве с еврейской религией и культурой**, о чем пишет г. Райе, могу сказать, что он прав только отчасти. Действительно, всей талмудической премудрости и казуистики я не знаю, и проникнуть в ее глубины я не стремился и не стремлюсь. С проявлениями (внешними) еврейской религии и культуры я знаком только «извне», родившись и выросши в «черте оседлости», где я мог наблюдать особенности этой культуры, а также знакомиться с нею из книг разных авторов, из Библии, которую я внимательно перечитал не раз и убедился, что у евреев **их религия неразрывно связана с племенной принадлежностью**, чем она отличается ото всех остальных религий и **создает предпосылки для того, что называется расизмом**.

И это не только мое личное мнение. Всемирно известный историк Арнолд Тойнби сказал, что **«евреи с их Библией худшие расисты, чем Гитлер»**.

В ответ на это высказывание Тойнби в «Новом Русском Слове» 8 марта 1968 года появилась статья Ю. Марголина «Столпы Мудрости», в которой г. Ю. Марголин «полемизирует» с Арнолдом Тойнби методом, среди культурных людей, в уважающих себя печатных органах недопустимым: он попросту называет Тойнби «ученым дураком»... Понятно, Тойнби эту подзаборную ругань израильского «журналиста» не удостоил ответа.

А за две тысячи лет до Тойнби Тацит, наблюдая еврейское племя, отметил его исключительное стремление соблюдать свою расовую чистоту, избегая смешения с иноплеменниками и считая себя племенем «избранным», как бы расширенной семьей: все евреи — родственники — члены одной семьи...

А вот почему все члены этой одной семьи не стремятся жить все вместе, а на протяжении всей своей истории предпочитали жить группками разной численности среди других, им чуждых, племен и народов — это для меня не совсем ясно, и я был бы признателен г. Райсу, если бы он мне это объяснил.

Ведь на протяжении веков для еврейского племени было немало возможностей создать свое собственное государство или хотя бы отдельные, чисто еврейские города, области, села. Например, при заселении Северной Америки. Однако ни одного не только города, но даже небольшого чисто еврейского поселка во всех Соединенных Штатах Америки нет. Почему и по какой причине? Кто им запрещал или не допускал? — Вопрос, несомненно, интересный и требующий расследования и объяснения. И я был бы признателен г. Раису, если бы он мне это объяснил.

Заканчивая мои ответы на четырнадцать «замечаний» г. Райса, перехожу ко второй части 14-го «замечания» (процитированного выше), из которого вытекает, что г. Райе **считает религию и «политическую» ориентацию неотделимыми.**

Причем имеется в виду «политическая ориентация» еврейства, т. е. всего еврейского народа-племени, независимо от гражданства, места пребывания и паспорта, по которому живут отдельные евреи в различных государствах мира.

Это утверждение на страницах печати, написанное евреем, русским журналистом, заслуживает особого внимания и требует дальнейших уточнений и конкретизации, которая так настоятельно необходима именно в настоящее время, когда немало политических деятелей мира, евреев по национальности, выступают как представители различных государств с весьма различными политическими ориентациями, в то время, как, по утверждению г. Райса, существует **«политическая ориентация еврейства», не отделимая от еврейской религии, следовательно, общая для всех евреев.**

Но, если это так, если действительно существует единая политическая ориентация всех евреев, как утверждает еврей Райе и с чем соглашась и я — русский, то, естественно, возникает вопрос, как же совместить и согласовать эту «единую политическую ориентацию» еврейства с весьма **различными** политическими ориентациями государств и народов, среди которых живут евреи, пользуясь всеми гражданскими правами наряду с коренным населением и таким образом принимая участие в формировании «политической ориентации» государств их временного там пребывания.

Беру смелость утверждать, что этот вопрос — есть коренной в так называемом «еврейском вопросе». И пока он не будет разрешен радикально и навсегда — он будет волновать и беспокоить все человечество.

Чтобы мои слова не были истолкованы неправильно, поясню, что под «радикальным разрешением» я не подразумеваю мероприятий типа гитлеровского или таких, которые описываются в Библии (книга Эсфирь), когда были поголовно физически уничтожены все те, кто, по словам Библии, «мыслил зло против евреев».

Для этого есть и другие пути и способы:

1) Ассимиляция с коренным населением, честная, безоговорочная и до конца, а не из соображений мимикрии; ассимиляция с рядом поколений смешанных браков и полный отказ от единой для всех евреев «политической ориентации».

2) Создание своего национального, гомогенного еврейского государства, не претендующего на политическое руководство еврейством всего мира.

3) Или, наконец — как полумера и переходной этап — статус иностранца для тех евреев, которые не желают ни ассимилироваться, ни переселиться в свое, еврейское национальное государство.

Но «статус иностранца» не совместим с активным участием во всех областях жизни национального государства, к чему всегда стремятся евреи, невзирая и не считаясь со своей единой еврейской «политической ориентацией». И очень часто, заняв высшие положения в отдельных государствах, получали возможность влиять на его политику, внешнюю и внутреннюю, а также на все области культурной жизни народа, среди которого они пребывают.

Все изложенное выше многие и многие отлично понимали и о нем думали. Но из страха быть обвиненным в «антисемитизме» молчали. И на страницах мировой печати почти никогда или чрезвычайно редко ставился вопрос о возможности и допустимости руководства политической народов и государств инородцами, имеющими свою собственную племенную еврейскую «политическую ориентацию», далеко не всегда совпадающую с интересами того государства, от имени которого они выступают, а иногда и противоположную ей.

До создания государства Израиль (1948 г.) вопрос этот, хотя отчетливо и ощущался всеми внимательными и вдумчивыми наблюдателями во всех государствах, носил теоретический характер, ибо государства-то для «двойного подданства» не существовало.

Положение в корне изменилось с появлением на карте мира чисто еврейского государства Израиль, которое провозгласило, что все евреи всего мира, независимо от места пребывания и паспорта, по которому живут, рассматриваются как «еще не вернувшиеся в свое государство граждане Израиля», для въезда и переселения в который с них не требовалось въездной визы — достаточно было доказать свое чисто еврейское происхождение.

И тут со всей остротой встал вопрос о «двойном подданстве» и о лояльности евреев по отношению к стране их пребывания.

Но «демократическое табу» тяготело над этим вопросом и замыкало всем уста.

И только изредка оно нарушалось, когда в разгаре полемики страсти разгорались, как, например, в 1967 году во время прений в Объединенных Нациях, когда делегат СССР Федоренко прямо поставил вопрос делегату США Гольдбергу (заявившему, что он сионист), от какого народа он, Гольдберг, выступает — от Израиля или от США? Вопрос остался без ответа...

О «единой для всех евреев политической ориентации», если и говорилось, то на страницы печати не выносилось. Ни в коммунистическом мире, ни в антикоммунистическом.

Только в начале этого года табу было нарушено г. Эмануилом Райсом в его рецензии на мою книгу «Евреи в России и в СССР» («Часовой» № 501), в которой он смело и открыто написал о наличии **«единой политической ориентации еврейства, как его левой стороны, менее влиятельной, так и стороны религиозной»...**

Драгоценное признание с далеко идущими последствиями. Признание, которое не только объясняет, но и оправдывает отстране-

ние евреев с руководящих постов в СССР после 1918 года. То отстранение, которое г. Райе называет «преследованием» и за мое сочувствие этому отстранению обрушивается на меня в своей рецензии, сам того не заметив, что своим признанием наличия «единой политической ориентации еврейства» он дает основания для сомнения в политической лояльности евреев по отношению к государствам, в которых они живут.

А недавние события во Франции, когда в связи с израильско-французским конфликтом и позицией ген. Де Голля в нем ряд виднейших деятелей, как культурных, так и политических, заняли произраильские позиции, назвав себя «зарубежными израильянами», неопровержимо подтверждают как правильность констатации г. Райса, так и оправданность сомнений в лояльности к тем гражданам любой страны, которые принадлежат к еврейской этнической группе этой страны.

Всем известны случаи Рэймона Аарона, французского публициста, который во время «Суэцкого конфликта» заявил, что интересы Франции выше интересов Израиля, а теперь придерживается мнения противоположного и даже написал на эту тему целую книгу. Или Даниэль Майер, бывший министр Франции, социалист-интернационалист, превратившийся в 1968 году в «зарубежного израильянина».

А шестисоттысячное французское еврейство от своих «зарубежных израильян» не отмежевывается, что дает основание предполагать, что и все французское еврейство не чуждо настроений «зарубежноизраильских».

Не этим ли объясняется появление во Франции лозунга «Франция для французов», имевшего такой огромный успех во время событий во Франции в мае-июне т. г.? И вряд ли когда-либо **Франция французов** допустит, чтобы от ее имени говорили и ее представляли разные мендес франсы, леоны блюмы, даниэли майеры...

Весьма вероятно, что ее примеру последуют и многие другие государства и у себя поставят тот же самый вопрос, который поставлен теперь во Франции, в 1968 году.

Конечно, «демократическое табу» приложит все усилия, чтобы этот вопрос задушить в корне, но вряд ли это удастся.

А это грозит отстранением с авансены культурной и политической жизни государств и народов бесчисленных «зарубежных израильян», заполнивших эту авансцену, имея в кармане паспорта разных государств.

Можно ли это будет назвать «преследованием евреев»? Полагаю, что нет.

Всем интересующимся «еврейским вопросом» об этой возможности не следует забывать.

Андрей Дикий

ТЕЛЬ-АВИВСКИЙ БЛОКНОТ

ХАБУРА!

Удружил мне некий читатель, прислав из США книгу, вышедшую в Нью-Йорке в 1967 году под названием «Евреи в России и в СССР». Автор — Андрей Дикий. Книга эта, составленная с великим тщанием и приведением многочисленных «свидетельств евреев о самих себе» во второй части труда, произвела такое впечатление на моего корреспондента, что он счел нужным прислать мне ее и запросить: «Можно ли нечто подобное оставить без ответа?» Тем более, что в книге не раз упоминается и мое имя.

Андрей Дикий, оказывается, мой прилежный читатель (благодаря «Новому Русскому Слову») и даже привел в приложениях целую мою статью 1962 года из НРС («Рэймон Аарон, еврей и Израиль»). В таких случаях полагается испросить разрешение на перепечатку, но Бог с ним... Статью мою в книге А. Дикого я перечел с интересом (жаль только, что он ничего из нее не усвоил, «слона» в ней так и не приметил), остальное же без всякого удовольствия и с сожалением. «Горбатого», как говорится, «могила исправит». Мы оба с А. Диким принадлежим к «уходящему поколению», как он сам о себе пишет, и вдаваться с ним в полемику не имеет никакого смысла.

Отвечать? Разбирать по косточкам? Кому нужен «ответ» на этот псевдоученый очерк, разбор по всем статьям и пунктам, который бы выяснил некомпетентность автора по всем затронутым вопросам? Большинство читателей, дойдя в предисловии до страницы, где автор повествует о «не имеющем прецедента в истории» превращении евреев в правящий класс Сов. России, книгу отложит и дальше читать не станет. А те, кому эта книга нужна, т. е. те «несколько сот российских эмигрантов», которые поддержали автора «морально и материально» при составлении книги, как он сообщает на стр. 395 своего труда, — они получили то, что им нужно, и никакие наши «ответы» и «разъяснения» им не требуются.

Тысячи подобных книг и тысячи «опровержений» уже появились — и никакого диалога не получается, так как в основании книг, подобных присланной мне, лежит слепая ненависть, недоброжелательность, но прежде всего — абсолютная чуждость изучаемому в них предмету. Это и причина, по которой все труды А. Дикого пропали даром. Чтобы разобраться в истории этого как-никак живого и деятельного народа, евреев, надо было подойти к нему с искренним желанием понять его «изнутри», «вчувствоваться», а не отталкиваться от него всем существом. Это также и христианский долг по отношению к действительным или воображаемым врагам.

Кстати, в «приложениях» напечатал автор в своей книге и «Книгу Эсфири» — целиком! В доказательство того, что евреи организовали первый в истории геноцид. Народоубийство — еврейское изобретение! Верующему христианину следовало бы подумать, что Книга Эсфири включена в Святое Писание — неужели же Св. Писание проповедует геноцид? В действительности урок этой древней повести (не самый главный) в том, что «подымающий меч от меча и погибнет». Да и самого события исторического избиения евреями 75 тысяч персов в истории не отмечено, были зато лютые преследования евреев персами (в 5 веке особенно). Но и тут «геноцид» был ни при чем. Защищать ли дальше «Книгу Эсфири» от А. Дикого?.. Это было бы смешно, хотя стоило бы рассказать о смысле, о поэтической силе и судьбе этой, недаром канонизированной христианством, книги.

В приложениях к сочинению А. Дикого фигурирует ужасающий текст воззвания Адольфа Кремье 1860 года к евреям всего мира об основании «Альянс Израэлит». Чего там только нет! О том, что «католицизм, наш исконный враг, лежит ниц, пораженный наголову», и «уже недалек тот день, когда все богатства земные перейдут в собственность детей Израиля» и пр. и пр.

Это воззвание наш ученый эрудит напечатал на стр. 147 второй части своего труда под названием: «Хабура кол Израэль хаберим?» Оно и было непосредственным поводом обращения ко мне моего корреспондента, который запросил: неужели? неужели такое, или хотя бы только похожее, воззвание могло быть опубликовано заслуженным французско-еврейским деятелем Адольфом Кремье?

Могу дать ему требуемую справку: этот «документ», разумеется, очевидная для всех фальшивка. Адольф Кремье не основывал «Альянса». Воззвание, с которым обратилась инициативная группа, действительно содержала слово, «если вы верите», все остальное в «документе» А. Дикого — выдуманно. А как легко было бы ему в этом убедиться, если бы он потрудился проверить оригинальный текст воззвания. Из какого нечистого источника взял эту фальшивку А. Дикий? Как он мог принять ее всерьез? Об этом надо спросить его самого. Откуда она вообще взялась? Существует брошюра (на нем, яз.), вышедшая в Берлине в 1883 году, С. Неймана «Новая ложь об Альянс Израэлит» — там рассказана история этой гнусности. Впервые она узрела свет в парижском антисемитском листке «L'antisemitique» в 1874 году, причем в редакционном примечании было сказано, что этот «ценный документ» прислан ей анонимом, не пожелавшим назвать свое имя.

Не более убедительны и другие тексты Андрея Дикого. Он ссылается на «факты» и цитирует еврейских авторов. Но факты его не полны и дают искаженный образ действительности, а тексты вырваны из связи исторического контекста. Собственные сообщения и заключения г. Дикого остаются на его совести.

На наивного читателя могут произвести впечатление те страницы книги, где автор приводит детальные списки евреев в центральных учреждениях Сов. Союза. «Вот, дескать, как евреи управляли Россией».

Не входя в обсуждение этих сотен имен, скажем: следовало при каждом имени указать дату расстрела или репрессии, чтобы ясно было, что речь идет о жертвах советской диктатуры, использованных ею и беспощадно ликвидированных по миновании надобности. Как ни смотреть на них, но

*Ризго был пред Фердинандом грешен,
Согласен н. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?*

Но дело и не в этом, а в том, что перечисленные автором сановники режима были отступниками от еврейства, ренегатами, врагами и вредителями своего народа, а не представителями его. «Еврейский народ» — не они, а те миллионы, которые были — при их содействии и по их инициативе — лишены элементарных прав самоопределения, поставлены вместе с другими народами России в полную материальную зависимость от власти, подвергнуты принудительной обработке мозгов в казенных школах и превращены в сечку для нужд режима, а с 1939 года и с головой выданы Гитлеру.

«Евсеки» на услугах у власти произвели величайший погром всех культурных ценностей еврейского народа и в заключение сами были ликвидированы. В годы моего пребывания в советских «исправительных» лагерях дальнего Севера («ББК») во главе их стоял «лейтенант госбезопасности» Левинсон. В подведомственных ему лагерях находились десятки тысяч евреев, а во всех местах заключения, лагерях и ссыльных поселениях страны — сотни тысяч. О них, в первую очередь, а не о чекисте Левинсоне надо было думать, говоря о «еврейской этнической группе», — за ними стояла миллионная распыленная масса, лишенная своего голоса, подавленная анонимная масса. Это ее произвел г. Дикий в «правящий класс России». Какое ему дело до еврейской действительности? Она его не интересует, он ее не знает и знать не хочет. Он и не обязан ее знать, с ее историей, чаяниями, литературой, религиозными и социальными движениями... но тогда и за писание книг о ней браться не следует. Единственный вывод, который читатель может сделать из его погромной книги, это что Гитлер был прав.

В числе писем, полученных мною по опубликовании моей книги о советских лагерях, было одно от старика, парижского шофера, знавшего лучшие времена. Он выразил мне свое сочувствие, но тут же прибавил, что поделом вору и мука. Силлогизм у него получался такой: евреи создали лагеря — Марголин еврей — значит, он из создавших лагеря, он причастен к преступлению. Силлогизм не годится, так как первая посылка неверна, а термин «евреи» в первой и второй посылке употреблен в разном смысле. Это та ошибка, которая в элементарной

логике называется «кватернио термином». Но дело не в логических ошибках и не в фальшивых утверждениях и подобранных цитатах г. Дикого. Эта книга — психологический документ, продиктованный потребностью его сердца. Не стоит входить в ее разбор, но можно рекомендовать ее каждому, кто хочет познакомиться — не с историей евреев в России, какая она была на самом деле и близится к трагическому завершению, — а с образом антисемитизма, какой он был, есть и до сих пор сохраняется в известных кругах российской эмиграции.

Ю. Марголин

О СТАТЬЕ Ю. МАРГОЛИНА «ХАБУРА!»

**(Напечатана в выходящей на русском языке газете
«Новое Русское Слово»)**

Статья «Хабур!» — это своеобразный «отклик» на мой исторический очерк «Евреи в России и в СССР», вызвавший неудовольствие г. Марголина, который немало пишет статей для некоторых эмигрантских газет и журналов, выходящих на русском языке вне пределов СССР, всегда и неизменно выступая как адвокат своего племени и обвинитель всех и вся, кто не согласен с расистско-шовинистическими установками сионистов и ставит под сомнение их право на «двойное подданство».

Прочитав статью Ю. Марголина, я вспомнил старую латинскую поговорку: «Когда бушуют страсти — разум бездействует». Человек тогда не может ни логично мыслить, ни здраво рассуждать. Бушующие эмоции этому препятствуют, делают человека «одержимым», толкают на слова и высказывания, делающие невозможным какой-либо диалог или объективное и хладнокровное обсуждение спорного вопроса...

Расово-шовинистические сионистские установки г. Марголина делают его неспособным вести какой-либо спор или дискуссию, если только вопрос, прямо или косвенно, касается еврейского племени...

Как «страстно и безумно влюбленный» не видит никаких недостатков в предмете своей любви, несмотря на совершенно объективное наличие таковых, — так Ю. Марголин не видит и не желает видеть никаких недостатков в своем племени и его поведении и действиях. Евреи всегда правы. Все остальные люди земного шара — всегда не правы в их конфликтах с «избранным народом». Во все времена и со всеми народами...

А если кто в этом дерзнет усомниться — у Марголина для такового готов целый поток слов, называемых попросту «ругательствами».

Так, например, в 1968 году Ю. Марголин, недовольный высказываниями о действиях Израиля людей с мировыми именами. Жан Поль Сартра и Арнолда Тойнби, написал и поместил статью «Столпы мудро-

сти» в газете его единоплеменников «Новое Русское Слово». В этой статье Марголин назвал не согласных с ним Сартра и Тойнби **«учеными дураками»**... Потому что Сартр обратил внимание всего мира на положение арабских беженцев, изгнанных из Палестины евреями, и на применение напалма во время «шестидневной войны», а Тойнби, по словам Марголина, высказал мнение, что «евреи с их Библией худшие расисты, чем Гитлер».

Обвинения Марголина остались без ответа. Те, кого он назвал «учеными дураками», сочли ниже своего достоинства не только вступить с Марголиным в полемику или вести диалог, но и вообще обратиться внимание на «грозного критика» из Иерусалима. Заряд Марголина пропал даром... А статья «Столпы мудрости» вряд ли вплела новые лавры в венок этого «зарубежного израильянина», занимающегося писаниями на русском языке. И забывшего, что «ругательство — не есть доказательство». Ругаться не хуже Марголина умеют и одесские «биндюжники», но они скромнее Ю. Марголина и свои «произведения» не печатают на страницах газет.

Второй пример, новейший. Ю. Марголин не согласен с позицией, занятой Францией во время «шестидневной войны», отказом Франции помогать своему бывшему «союзнику» Израилю и признанием Францией действий Израиля агрессией (что признало и мировое общественное мнение — Генеральная Ассамблея Объединенных Наций).

Ликуя при известии об уходе де Голля, Марголин пишет статью «Де Голль капут», в которой называет де Голля «маниакально-злым и склеротически упрямым стариком» и сообщает читателям «Нового Русского Слова» (в № от 9 мая 1969 г.), что среди причин, заставивших миллионы бывших его почитателей отвернуться от него, **«в какой-то мере была и его антиизраильская политика»**. По мнению Ю. Марголина, позиция, занятая де Голлем после июня 1967 года, — это «политическое распутство» этого человека, который, как пишет Марголин, **«потряс Израиль, когда в решающую минуту испытания очень просто и совсем неожиданно — повернулся к «союзнику» спиной и непристойно ЗАГОЛИЛСЯ»**...

Не «заголился» ли этими выражениями журналист Марголин перед культурным миром и не продемонстрировал ли он своими установками ту особенность своего племени, которая всегда, во все времена и у всех народов вызвала отталкивание от евреев коренного населения. Ту «юдофобию», которую, по словам и еврея Спинозы, и англичанина Тойнби, евреи приносят с собой в страну, в которой они появляются.

Отрицать это вряд ли решится даже Ю. Марголин. А объяснения этого явления тем, что все евреи — «хорошие», а все не-евреи — «плохие» и что антиеврейские настроения — результат пропаганды «антисемитов и черносотенцев», не выдерживают никакой серьезной критики.

Попытки борьбы с антиеврейскими настроениями путем отрицания наличия таковых или ругательствами по адресу всех тех, кто не согла-

сен или кто дерзает критически высказаться о деяниях Израиля, — это попытки с негодными средствами, и напрасно к ним прибегает Ю. Марголин. Лучше бы он подумал о причинах, порождающих эти настроения. И немножко умерил свои эмоции и свой расово-шовинистический пыл и попытался обсуждать спорный вопрос на достойном культурных людей уровне, обуздав бушующие страсти. Это было бы полезнее и для дела установления истины, и для всего «избранного народа». Но для этого нужно видеть не только чужие ошибки, но подумать и о своих, о причинах (подлинных, а не воображаемых) извечных конфликтов евреев всей диаспоры и коренного населения стран рассеяния.

Но, к сожалению, на эту тему наложено «табу», нарушить которое не может или не хочет и Ю. Марголин, а потому все его писания, поскольку касаются «еврейского вопроса», страдают отсутствием объективности и чрезмерной расовой эмоциональностью и на серьезного культурного читателя не производят впечатления, на которое, надо полагать, рассчитывал автор, трудясь над своими статьями.

На них не откликнулся никто. Ни «ученые дураки» (Сартр и Тойнби), ни «непристойно заголившийся» де Голль, ни многочисленные читатели «Нового Русского Слова», которое напечатало ругательства и своеобразные словечки Марголина о «заголении» де Голля.

Не оставил без внимания Ю. Марголин и мой очерк «Евреи в России и в СССР», в котором приведено множество имен, фактов и событий, опровергающих утверждения всех евреев всего мира и их подголосков, что евреи всегда были жертвой «антисемитизма» русского народа, во все времена и при всех режимах.

Книга моя Марголину определенно не понравилась. Но опровергнуть то, что в книге приведено, и превратить «бывшее» в «небывшее» Марголин даже и не попытался, понимая, что это была бы попытка с негодными средствами и привела бы его самого к немалому конфузу.

Не разразился он и ругательствами по моему адресу, как это он сделал, когда ему не понравились высказывания Сартра, Тойнби и де Голля. Спасибо и за это!..

Подобно сентиментальной дамочке, которая при чтении книги, дойдя до мест неприятных, считает, что это все «не интересно», и чтение прекращает, Ю. Марголин пишет: «Большинство читателей, дойдя в предисловии до страницы, где автор повествует о «не имеющем прецедента в истории» превращении евреев в правящий класс Советской России», книгу отложит и дальше читать не станет»... Но сам Марголин книгу не отложил и прочитал ее до конца, даже все «приложения» со списками многочисленных его единоплеменников, достигших «вершин власти» в СССР, в том числе и множество, не только «дипломатов», но и вдохновителей и руководителей красного террора и разрушения культурных ценностей русского народа...

Не будучи в состоянии ни опровергнуть точность «списков», ни найти оправдание действий разных палачей русского народа — своих единоплеменников — Ю. Марголин прибегает к старому способу: все отрицать. «Так это же не евреи, а отщепенцы», — пишет Марголин... Способ простой и доказательств не требует...

Но достаточно ли он убедителен? Не следовало бы поинтересоваться мнением всего населения России о деятельности этих «отщепенцев»? Той деятельности, в результате которой за 30 лет пребывания евреев в СССР на положении правящего класса погибло пятьдесят миллионов коренного населения. (Подробный список помещен в этом сборнике ниже).

А что мнение всего населения России, которое не делило евреев на «отщепенцев» и «не отщепенцев», выявилось в росте и усилении антиеврейских настроений, о которых велась речь на VIII Всероссийском Съезде Советов, — об этом пишет С. Познер в ежегоднике на 1939 год «Еврейский Мир» (стр. 260) следующие строки: «Молотов говорил о наличии в стране и, как можно было заключить из его слов, в советской администрации, антисемитских чувств, **но от имени правительства он грозил за оказательство их смертной казнью**». (Написав «оказательство» вместо слова «проявления» или «высказывания», С. Познер продемонстрировал свое недостаточное знание русского языка).

Как же совместить и согласовать приведенное выше с утверждением Ю. Марголина об «отщепенцах»?.. И почему об «отщепенцах» заговорили только теперь, а полстолетия не только молчали, но роль евреев в СССР всячески замалчивали?

А когда в начале 20-х годов некоторыми евреями был поднят вопрос об отмежевании от деятельности их единоплеменников в России — на поднявших этот вопрос обрушилось многочисленное еврейство, пребывающее вне СССР... И вопрос замаяли, замолчали... Угроза смертной казни за «чувства» (не за действия, а именно за «чувства», как написано в «Еврейском Мире», за чувства «антисемитические», без уточнения, как их надлежит обнаруживать) подействовала. Население всей России не только замолкло и перестало высказываться по «еврейскому вопросу», но старалось о нем даже и не думать — чтоб не выявить свои «чувства» под хмельком или даже во сне.

И повторилось на всех просторах многоплеменной России то, о чем повествуется в еврейской истории — Библии, в «Книге Эсфирь», когда в один день, по желанию царской наложницы, «царицы» еврейки Эсфири и под руководством ее дяди Мардохея, было уничтожено 75000 коренного населения в 127 областях, из которых состояло царство Артаксеркса. Уничтожено без суда и следствия, а только по той причине, что, по мнению евреев, эти коренные жители страны «мыслили зло» против евреев.

Не схоже ли все это с «красным террором», когда разными бронштейнами, урицкими, апфельбаумами и их единоплеменниками унич-

тожался без суда и следствия культурный слой русского народа или обрекался на голод и ссылки только потому, что они были «социально чуждым элементом» и, как выразился Бронштейн-Троцкий, «в опасную для советской власти минуту могут стать в число ее врагов».

Попытка Ю. Марголина представить «Книгу Эсфирь» как «древнюю повесть большой поэтической силы» вряд ли кого сможет убедить. Подробно описанные «деяния» главных героев этой «повести» — Эсфири и Мардохея, и по сей день прославляемых евреями как национальные герои, вызывают в читателе этой «повести» чувства гадливости и отвращения. Почему «Книга Эсфирь» включена христианами в «Ветхий Завет» (по выражению г. Марголина, в «Святое Писание») — не знаю и не понимаю. Вообще в «Ветхом Завете» читатель найдет немало персонажей, восхваляемых и прославляемых и евреями, и христианами, и подробное описание их деяний, каковые деяния всем миром и всеми религиями строго осуждаются и считаются аморальными. Например, Авраам, выдавший свою жену Сару, понравившуюся фараону, за свою сестру и получивший от этого немалые выгоды; Иаков, обманувший отца и тестя; Лот, оплодотворивший своих двух дочерей; Моисей, по инструкциям которого евреи обокрали египтян перед своим уходом; Давид, принеший как свадебный дар двести краеобрезаний филистимлян и истреблявший пленных врагов; и много других сынов избранного народа, совершавших дела, за которые у других народов судят и наказывают. Почему же еврейская история — Библия — их восхваляет? Ведь они сводничали, обманывали, мошенничали, истребляли беззачетных пленных...

Неужели же правы те, кто утверждает, что все эти деяния не находятся в противоречии с миропониманием и правосознанием евреев? Судить не берусь. Если мне это объяснит г. Марголин, — буду ему весьма признателен.

Малоубедительно звучит и пространное объяснение деятельности, по словам Марголина, «заслуженного французско-еврейского деятеля» Адольфа Кремье, одного из основателей «Альянс Израэлит». Приведенное в моей книге «Воззвание к евреям вселенной», которое Ю. Марголин называет «очевидной для всех фальшивкой» и интересуется, «из какого нечистого источника взял Дикий эту фальшивку?», взято мною из книги, вышедшей в Москве в 1897 году, отпечатанной в типографии А. Мамонтова, Леонтьевский Переулок. Название этой объемистой книги — «Еврейские речи». Автор — Алексей Шмаков.

Содержание приведенного мною «Воззвания к евреям вселенной» в значительной мере созвучно многочисленным библейским пророчествам и «обетованиям», что вряд ли сможет оспорить и Ю. Марголин. Стиль воззвания и отдельные в нем фразы и выражения — сущности содержания этого воззвания не меняют.

Ярко и отчетливо выраженные в воззвании чувства расово-религиозного единства всех евреев всего мира и их твердая уверенность в своей «избранности» и приходе того времени, когда они будут господ-

ствовать над всеми народами мира, не так давно подтвердил на страницах «Нового Русского Слова» его соредактор «Андрей Седых» (Яков Цвибак). закончивший свою серию очерков о путешествии в Израиль словами, что «сбылись пророчества, народы преклонились перед избранным народом, который и «наступил на выю их»...

Утверждение Ю. Марголина, что «Воззвание» Кремье — «очевидная фальшивка», напечатанная во Франции почти сто лет тому назад (в 1874 году), порождает вопрос, а как же реагировали еврейство в целом, родственники, друзья и почитатели Кремье, в частности, на напечатание этого воззвания? Ведь в «воззвании» было полностью напечатано имя министра Франции — Адольфа Кремье. А то, что написано в «воззвании», неизбежно вызывало вопрос о праве Кремье занимать пост министра Франции.

Однако, насколько мне известно, никакого судебного процесса в связи с этим «воззванием» не было. Ни во Франции, ни в других государствах, в которых оно было напечатано. Если я ошибаюсь — буду благодарен всем тем, кто мою ошибку исправит и сообщит, когда и где состоялся процесс по делу этой «фальшивки» и каков был результат процесса.

Ведь мог же быть возбужден судебный процесс в Швейцарии в связи с так называемыми «Протоколами Сионских Мудрецов». Напомню, как все было.

26 июня 1933 года «Федерация Еврейских Общин в Швейцарии» и «Еврейская Община г. Берна» возбудили судебное дело против 5 членов «Швейцарского Национального Фронта», распространявших «Сионские Протоколы», добиваясь решения суда, что «Протоколы» — фальшивка, и запрещения их публикации. Судебная процедура тянулась почти два года, причем было допущено много нарушений, давших основание для апелляционной жалобы. Так, например, в то время, как 16 свидетелей, выставленных истцами, были все допрошены, — из 40 свидетелей, выставленных обвиняемыми, было допущено к даче показаний только два свидетеля. Весь ход процесса стенографировали два лица, предоставленные в распоряжение суда истцами, а не официальный стенограф суда. — Решение было вынесено только 14 мая 1935 года. «Протоколы» были признаны фальшивкой, а их публикация в Швейцарии запрещена.

Обвиняемые это решение обжаловали в Швейцарский Апелляционный Суд.

1 ноября 1937 года этот суд полностью **отменил решение**, вынесенное первой инстанцией 14 мая 1935 года. Вся «мировая печать» широко оповестила о первом решении. Но о его отмене трудно найти где-либо хоть коротенькую заметку...

Остается только удивляться, что ничего подобного не было принято в связи с «Воззванием» Кремье, крупного «французского» политического деятеля XIX века, того самого Кремье, который умудрился провозгласить своих единоплеменников, проживающих в Алжире,

«гражданами Франции», что вызвало негодование коренных жителей Алжира — арабов и породило много кровавых конфликтов, стоивших немало крови, не еврейской, а французской, пролитой в столкновениях с арабами Алжира.

В свое время о характере деятельности этих алжирских, «французов» производства А. Кремье немало писал Мопассан в своих очерках об Алжире

Как известно, до самого последнего времени алжирские арабы не были равноправны с французами, в отличие от алжирских спреев, пользовавшихся всеми правами и преимуществами граждан Франции. А когда надо было бороться за сохранение власти Франции над Алжиром. — евреи в этой борьбе участия не принимали.

Не следовало ли бы упомянуть и это обстоятельство г. Марголину. когда он писал о «Французско-еврейском» политическом деятеле — Адольфе Кремье? Может быть, именно его деятельность много содействовала той волне антисемитизма, которая охватила Францию в конце прошлого столетия во время дела Дрейфуса...

Не будучи в состоянии оспорить приведенные в моем очерке данные о деятельности и роли евреев в карательных органах СССР в создании и управлении концлагерей. К.). Марголин сообщает, что многие из этих палачей русского народа сами погибли при разных чистках в СССР и были расстреляны. Это не новость — все знают о расстрелах и ликвидации разных бронштейнов, нахамкесов и немалого числа их сотрудников и единоплеменников. Но ведь это не смягчает их преступлений. Из каких соображений и побуждений Ю. Марплин счел нужным сообщить о расстреле его единоплеменников, проливших море крови коренного населения, когда они были на вершинах власти, — непонятно. Неужели же он думает, что этим сообщением может быть илажепо из памяти народной то страшное тридцатилетие, когда вея „аасгь в России была в руках его единоплеменников, под управлением которых коренное население страны было жертвой массовых расстрелов и заполняло лагеря принудительного труда, в которых гибло не сотнями тысяч, а миллионами?..

Как не забыли евреи Амана, по их утверждению, **замышлявшего** зло против евреев — так никогда не забудет все коренное население России деяния бесчисленных аманов, **осуществлявших** в России то, что Аман только замышлял.

И никакие сообщения о расстреле отдельных «аманов» не изгладят из памяти народов России то, что совершил целый легион аманов, захвативших власть над великой страной, в которой они были пришельцами, всегда подчеркивая свою обособленность от коренного населения и свою «избранность».

Какие чувства и настроения в коренном населении Ро... и и породила и вызвала деятельность этих аманов, красноречиво говорит угроза расстрелом за «антисемитизм», произнесенная от имени правительства на VIII Всероссийском Съезде Советов, о которой упомянуто выше.

Пишут по этому вопросу и некоторые евреи, выехавшие из СССР, как, например, Давид Бург или Наумов, и выражают опасения, что в случае безвластия евреи могут быть поголовно вырезаны в результате настроения масс и что от **гибели их защищает советская власть, а потому евреи в СССР ее и поддерживают** и, как пишется в сборнике «Русский антисемитизм и евреи», **молились Богу о сохранении жизни Сталина**.

Все вышеприведенное отлично известно каждому, кто хочет знать правду, и никакими обвинениями русского народа в «преследовании и угнетении евреев» (прежде и теперь) эта правда не может быть вычеркнута из истории русско-еврейских взаимоотношений.

Попытка же Ю. Марголина смягчить эту горькую правду сообщением о расстреле нескольких палачей может быть названа «жалким лепетом оправдания»...

Слова Ю. Марголина об отсутствии у меня искреннего желания понять евреев «изнутри» и «вчувствоваться» в этот народ вызывают у меня желание ответить, что и я, и мой народ, особенно из «черты оседлости», на протяжении столетий достаточно **«почувствовали»** на себе деятельность евреев, чтобы пропала всякая охота понять их **«изнутри»** и **«вчувствоваться»** в него.

И тогда, когда евреи имели ключи от православных церквей, были арендаторами и управляющими имений польских помещиков, шинкарями и торговцами; и тогда, когда многие из них стали подрядчиками, капиталистами, владельцами золотых приисков; и тогда, когда они заполнили собою ряды адвокатов, врачей, журналистов; и тогда, когда они, после 1917 года, устремились в аппарат власти и все отрасли жизни чужого и чуждого им народа, превратившись в советских вельмож, начальников лагерей, прокуроров и следователей ЧК.

В украинских сказаниях и фольклоре можно найти немало строк с описанием того, что терпел народ в результате деятельности этих непрошенных гостей на русской земле. В моей «Неизвращенной Истории Украины-Руси» приведено немало данных по этому вопросу.

Зная все это, трудно обвинять русских в отсутствии «искреннего желания «понять изнутри и вчувствоваться» в народ еврейский, как пишет Ю. Марголин.

Ведь я русский — сын той части русского народа (украинцев), на территории которого происходила деятельность народа еврейского в течение четырех столетий.

Почему бы г. Марголину вместо обвинений русского народа не обратиться к арабам с призывом «понять изнутри и вчувствоваться в народ еврейский»?

Ведь в арабском мире евреи никогда не испытывали никаких ограничений и не происходило погромов, которых было так много во всех странах еврейского рассеяния; евреи мирно сосуществовали с мусульманами-арабами до того времени, когда евреи предъявили свои права на Палестину и начали их осуществлять с применением методов наси-

лия и террора, составляя незначительное численное меньшинство в арабском мире.

Обосновывать же права на Палестину «завещанием на Сионе» — дело несерьезное, и вряд ли здравомыслящий человек может признать документом на владение библейские сказки. Не лучше ли перестать требовать, а начать сговариваться.

Это настоятельно диктуют события последних лет и двадцатилетний опыт и результаты деятельности государства Израиль, созданного в Палестине, где евреи не имели большинства, а составляли только меньшинство населения территории, на которую они претендуют, ссылаясь на Библию.

Если через 20 лет после провозглашения создания независимого Израиля, его премьер заявляет, что **без постоянного притока средств извне и пополнения новыми иммигрантами государство существовать не может, и не просит, а требует от мирового еврейства оказывать Израилю регулярную помощь деньгами и людьми,** — то надо же сделать выводы и подумать о своем будущем. Ведь вряд ли можно рассчитывать, что эта помощь будет продолжаться вечно и что вечно США всемерно будут поддерживать Израиль и защищать от возможных нападений.

А что будет, если прекратится помощь извне и поддержка США при всех обстоятельствах, а 6-й флот США уйдет из Средиземного моря? Что тогда?

Ведь друзей, на помощь которых можно рассчитывать, у Израиля нет, о чем красноречиво говорят голосования в Объединенных Нациях, особенно в последнее время.

Советский Союз, который ценой большой крови своих граждан спас всех евреев от поголовного истребления немцами в годы последней войны, теперь спасать Израиль не будет. Не будут спасать и все мусульманские государства со своим 450-миллионным населением — их симпатии на стороне арабов, а не евреев.

Более чем сомнительно, чтобы решились на войну Англия и Франция для осуществления «завещания на Сионе» — у них и без Израиля немало своих забот...

В такой обстановке задираться особенно не приходится, чего не желает понять Израиль. Друзей же он и не ищет, довольствуясь, по видимому, своим влиянием на политику всемогущих США, (чье всемогущество в последнее время берется под сомнение). Забыт и 1956 год, когда от одного окрика Москвы и Израиль, и его тогдашние «союзники» — Англия и Франция прекратили победоносное наступление на Египет, а США предпочли не вмешиваться в это дело. Не помогли тогда и заявления Бен Гуриона, что «Израиль осуществляет миссию, завещанную ему на Сионе». Пришлось уходить с захваченных земель.

Если такого же окрика Москвы не последовало во время «шестидневной войны», — это еще не доказывает, что так будет и при даль-

пейшем развитии еврейско-арабского своеобразного «сосуществования», грозящего в любой момент превратиться в новую войну.

Существует мнение, что в этом случае Москва, не желая рисковать развязыванием мировой войны в случае оказания непосредственной помощи арабам путем посылки своих вооруженных сил, прибегла к другому способу — осуждению действий Израиля и требования очистить занятые территории Объединенными Нациями, в чем и преуспела. Как известно, осенью 1967 года ни одно государство мира не стало на сторону Израиля, даже бывшие «союзники» по Суэцкому конфликту — Англия и Франция и покровитель Израиля — США. Израиль остался в одиночестве и игнорировал и решения мирового форума — ООН, и требования папы Римского о нейтрализации Иерусалима, одинаково священного и для католиков и всех христиан, и для мусульман, а не только для евреев.

На кого же и на чью помощь рассчитывает Израиль, заняв такую вызывающую позицию и не считаясь с решениями и советами того международного форума, который в 1947 году санкционировал создание государства Израиль?

А что если ООН пересмотрит свое решение о признании Израиля или предпримет надлежащие меры, чтобы ввести Израиль в те границы, которые ему определены, решением ООН в ноябре 1947 года? Разве это не возможно и разве не была бы логична подобная реакция на деятельность Израиля?

Обо всем этом следовало бы думать руководителям политики Израиля и прекратить свои обвинения России в «угнетении и преследовании» евреев — своих граждан, как это делают официальные представители Израиля в ООН. например, Шабтай Розен 2 марта 1968 года в Комиссии ООН по правам человека, а их энергично поддерживают «зарубежные израильтяне», выступающие от имени США, например, Гольдберг, Эйбрам — оба по паспорту «американцы».

Нет! Господа израильтяне, как израильские, так и зарубежные! Облыжными обвинениями русского народа в дискриминации евреев в СССР вы своего положения не измените и никого не убедите. И негодование всего мира деятельностью еврейского государства Израиль не устранили.

Не лучше ли подумать о том, что было бы со всеми евреями мира, если бы не был сокрушен Гитлер, уже начавший поголовное истребление евреев? Некому бы было создавать государство Израиль за отсутствием евреев...

Вспомнить, какое государство понесло неисчислимые жертвы в борьбе с немцами, которые несли уничтожение всем евреям, и тем спасло немало тех, кто теперь изрыгает хулу на своих спасителей.

Не следовало бы сионистам, создавшим государство Израиль, но не сумевшим привлечь к переселению в «Обетованную землю» своих единоплеменников, рассеянных среди других народов, задуматься над результатами и «вчувствоваться» в настроения тех народов, среди кото-

рых евреи предпочли остаться жить, пользуясь всеми правами и принимая самое активное участие во всех отраслях их жизни, не исключая и внешней политики тех государств, по паспортам которых они живут, оставаясь сионистами или «зарубежными израильтянами», по выражению бывшего министра Франции Майера. Ведь интересы государства Израиль далеко не всегда совпадают с интересами государств, в которых пребывают евреи как равноправные граждане.

До создания государства Израиль этот вопрос, вопрос «двойного подданства» и лояльности по отношению к государству своего пребывания, не мог быть поставлен. Совсем иначе обстоит дело теперь, после 1947 года. Оправданно и уместно будет, если государство поставит вопрос о возможном комплексе «двойного подданства» у своих граждан еврейского племени. И предпочтет, чтобы те отрасли жизни государства, которые требуют стопроцентной лояльности, руководились и представлялись теми его гражданами, в патриотизме и лояльности которых нет сомнения.

После 1947 года в СССР это обстоятельство учли и, не желая своих граждан-евреев ставить в неловкое положение, весьма деликатно, без всяких судов и процессов, попросту отстранили их от участия в делах, связанных с внешней политикой и обороной государства. Разве это не разумно и не гуманно? Особенно именно теперь, когда действия Израиля привлекают внимание всего мира и трудно найти им оправдание, с точки зрения общечеловеческой морали и в рамках миропонимания и правосознания современного человечества.

Называть эти разумные и оправданные мероприятия «преследованием» евреев, как об этом пишет мировая печать, значит или полное непонимание происходящего или же просто нежелание понимать и извращение истины.

Тем более, сами евреи, создавшие свое национальное государство, не допустили ни одного не-еврея ни в свой дипломатический корпус, ни в генеральный штаб, ни в министерство обороны. А в границах государства Израиль, как известно, немало есть и граждан не-евреев. Почему бы не назначить куда-нибудь послом Израиля проживающего там и ничем не проявившего своей нелояльности араба?.. Или, хоть и еврея по племени, но христианина по религии?.. Ведь есть и такие.

Но эта возможность в государстве Израиль, называющем себя «демократическим», совершенно немыслима и вряд ли кто решится даже говорить вслух об этом.

Как же можно тогда возмущаться мероприятиями СССР и называть их «преследованием евреев»?

Обо всем этом следует крепко подумать всем тем, кто бросает обвинения русскому народу в «антисемитизме» и дискриминации своих граждан-евреев.

Не вызовут ли подобного рода обвинения нечто совсем обратное тому, к чему стремятся обвинители? Не пробудит ли эта пропаганда обостренную национальную бдительность не только в населении

СССР, но и в других государствах всего мира?.. Ю. Марголин назвал мою книгу «погромной», надо полагать, надеясь этим ее дисквалифицировать, но не потрудился даже попытаться опровергнуть приведенные в книге данные о деятельности в России его единоплеменников в первые 30 лет Советской власти, когда евреи заполняли все ключевые позиции жизни страны. **Не была ли эта деятельность погромом и разгромом национальных и культурных ценностей великой страны и уничтожением ее культурной элиты?**

Русский народ — жертва этого погрома и разгрома — и не забудет его никогда, как не забыли евреи Амана, который только замыслил зло против сынов Израиля, но не успел его осуществить.

И не русский народ следовало бы Ю. Марголину обвинять, а своих единоплеменников, которые своими действиями породили антиеврейские настроения и чувства среди многоплеменного населения России-СССР. И от них отмежеваться.

Каяться за содеянное и благодарить за спасение — вот чем следовало бы заняться всем евреям вообще, а Ю. Марголину в частности, вместо обвинений того народа, которому мировое еврейство обязано своим спасением во время последней войны.

Это было бы и справедливо, учитывая удельный вес и престиж СССР вообще во всем мире, а в арабских странах, в особенности.

Единственный в Европе «союзник» Израиля — Западная Германия не может считаться союзником надежным, на которого можно полагаться. Не так давно немцы были союзником Сталина. И, если они считают для себя выгодным, легко могут свои симпатии с Израиля перенести на СССР и на арабский мир.

Надежным и верным своим союзником Израиль может считать только США — других союзников во всем мире у Израиля нет. Но и этот союзник далеко уже не всемогущ, каким он казался в первые послевоенные годы. События во Вьетнаме продемонстрировали перед всем миром, что и США, несмотря на все желание, далеко не всегда могут это желаемое осуществить.

Обращая внимание Ю. Марголина на все вышеизложенное, в моем отклике на его статью «Хабура!» считаю своим долгом выразить мое удовлетворение, что г. Марголин не обругал меня, как это он сделал в ответ на высказывания Сартра, Тойнби и Де Голля.

Что же касается квалификации моей книги как «погромной» — не обижаясь и за это, а объясняю повышенной расово-религиозной чувствительностью автора, лишаящей его способности быть объективным в вопросах, касающихся его племени. Многочисленные читатели мой исторический очерк назвали «правдивым».

Андрей Дикий

ПО ПОВОДУ КНИГИ АНДРЕЯ дикого «ЕВРЕИ В РОССИИ И В СССР»

Современный антисемитизм перерос рамки внутренней жизни отдельно взятой страны. Юдофобство стало грозным политическим оружием в руках агрессоров и завоевателей. Шестидневная война израильского народа сорвала маски политических авантюристов, и эти волки уже не могут спрятаться за овечью шкуру.

Мир разделился на людей, симпатизирующих еврейскому народу, и на стремящихся уничтожить еврейский народ. Ныне — антисемитизм стал «привилегией» советских коммунистов и их арабских марионеток. Этот антисемитизм достался «высокоидейным» советским коммунистам по наследству от самого Адольфа Гитлера.

Я знаю великолепную книгу С. Шварца о жизни евреев в СССР, где показаны глубоко правдивые документы о трагической судьбе евреев в СССР. Книга издана в Америке. Автору не были доступны многие документы. Но то, что он сумел собрать, является свидетельством о подлинной сути советского коммунизма, построившего позорное для нашего времени рабовладельческое государство.

Я недавно нахожусь в эмиграции, лишь около года. Еще живы мои страшные воспоминания о советском антисемитизме. Когда А.Н. Косыгин заявляет на пресс-конференции в США, что в СССР нет никакого старого и никакого нового антисемитизма, невольно хочется сказать: он прав, есть лишь постоянный государственный антисемитизм.

Зачем мне ссылаться на заявления других лиц. Я сам видел все своими глазами. Я многое испытал на самом себе. Я потерял множество замечательных друзей, вина которых состояла лишь в том, что они были лицами еврейской национальности.

Нет оправдания убийцам гениального артиста С. Михоэлса, замечательных еврейских писателей. Да и сами убийцы не находят слов для оправданий. Они пускаются на явную ложь и старались неоднократно доказать, что «слухи» об убийстве еврейских писателей «сплошная выдумка капиталистической пропаганды», и даже бесстыдно ввали, что Ицик Фефер, Перец Маркиш и убитые вместе с ними «живы и здоровы». Не всегда ложь коммунистов бывает гладкой.

Думаю, что книга С. Шварца была горькой пилюлей для советских коммунистических фашистов.

Когда я встретил объявление о новой книге А. Дикого «Евреи в России и в СССР», мне захотелось с ней познакомиться. Я читал мало эмигрантской литературы на русском языке, и каждая книга вызывает вполне оправданный интерес.

Мне удалось достать книгу Андрея Дикого. Читаю. Автор сообщает, что книга его напечатана в ограниченном количестве экземпляров. Но этих ограниченных экземпляров, по моему мнению, оказалось более, чем достаточно. Но суть, конечно, не в количестве экземпляров, а в их качестве, в их политическом направлении.

Андрей Дикий пишет: «В предвидении возможности второго издания этой книги, которая благодаря отсутствию средств печатается в ограниченном числе экземпляров, а также и возможности ее перевода (полного или сокращенного) на иностранные языки, обращаюсь с просьбой к читателям прислать мне свои мнения о содержании и изложении книги, а также пожелания, что бы следовало в возможном втором издании дополнить, изменить, выпустить или уточнить».

Думал я написать автору свое личное мнение. Но решил его высказать в открытом письме. Если я не прав, пусть меня поправят. Приму справедливые поправки с великой благодарностью.

Каждый волен думать по своему усмотрению. Как говорится, «на вкус и цвет товарища нет». Но вместо вкуса бывает странный политический привкус. И о нем хочется поспорить. Когда этот политический привкус выходит в большом количестве экземпляров, это особенно тревожно.

Андрей Дикий утверждает, что «весь некоммунистический мир **полностью** находится во власти пропаганды о «русском антисемитизме» и о «геноциде» евреев в СССР» (стр. 313). Кто же ведет эту пропаганду? Автор не решается прямо сказать. Думайте, что хотите. Почему Дикому потребовалось сомневаться в геноциде (да еще беря это слово в кавычки) в СССР? На каком основании он делает такой вывод? Кого он стремится обелить и спасти от позора?

На стр. 317 Андрей Дикий слишком самоуверенно утверждает: «Неужели вся эмиграция, отлично понимающая и знающая, что никакого «антисемитизма» в России-СССР нет, не может мужественно и открыто выступить против этого навета?»

Я лишь недавно стал эмигрантом, но я бы не рискнул выступить с таким категорическим заявлением. Более того, я абсолютно не согласен с тем мнением, что «вся эмиграция отлично понимает и знает, что никакого «антисемитизма» в России-СССР нет». Интересно, откуда это знает сам Дикий? Из каких источников?

Может быть, Дикий разъяснит, чем же руководствовались советские коммунисты, когда совершили зверское убийство артиста Михоэлса? Почему были переполнены советские тюрьмы еврейской интеллигенцией? Почему давным-давно была так трусливо и позорно закрыта газета «Эйникайт»? Кстати, цитируя высказывание редактора московской еврейской газеты «Эйникайт» С. Рабиновича, Андрей Дикий ставит дату: Москва, 1966. Но почему же не указывает Дикий, что «Эйникайт» уже давно закрыта? Да и откуда получил Дикий эту цитату в 1966 году?

Андрей Дикий с пеной у рта доказывает, что «никаких гонений» на евреев в СССР не произошло» (стр. 323). Такое утверждение, вероятно, постеснялись бы напечатать даже в бесстыдной советской прессе. Достаточно вспомнить дело врачей, ограничения в приеме на работу, недопущение евреев в учебные заведения. Это знает каждый советский ребенок.

Дикий еще берется утверждать, что «никогда за все время своего рассеяния, ни в одном государстве делу развития еврейской культуры, а отнюдь не ее подавления или преследования, как часто пишут недобросовестные исследователи положения еврейской культуры в СССР», (стр. 291) не уделялось такого внимания.

Есть такое выражение: «Москва слезам не верит». Особенно не верят крокодиловым слезам. Я жил много лет в Москве. И я хотел бы, чтобы господин Дикий (или товарищ Дикий — как принято называть в Москве) привел факты. Но он их не приводит. Живя в Америке, не трудно убедиться в том, что там действительно существуют условия для развития еврейской культуры. В Америке издается множество литературы на еврейском языке, собирается фольклор еврейского народа, исследуются памятники еврейской материальной культуры. Как же господин (или товарищ) Дикий, живя в Америке, этого не замечает? Он не замечает, что европейские культурные организации существуют во многих некоммунистических странах. Да и не хочет замечать. А вот в СССР ему «удалось заметить». Что же Дикий называет развитием еврейской культуры в СССР? Быть может, закрытие еврейского театра в Москве и в других городах? Быть может, неумение евреев в СССР разговаривать на своем родном языке?

Да и сам Дикий не прочь «пооткровенничать» по поводу еврейской культуры и причисляет Шолом-Алейхема, Бялика и других еврейских писателей к числу третьеразрядных (см. стр. 142). Невольно приходится удивляться высокой оценке русского писателя Максима Горького в отношении Шолом-Алейхема. И еще более удивительно, что в СССР решили издать собрание сочинений Шолом-Алейхема на русском языке. Жаль, что не посоветовались с Андреем Диким.

Когда говорят об антисемитизме в СССР, Андрей Дикий это рассматривает как навет на русский народ. Но часто сам же себе противоречит, ссылаясь на то, что существуют в СССР антиеврейские настроения среди населения и поэтому правительство СССР вынуждено было «их учитывать».

Я долго жил в СССР, почти полвека. Я хорошо знаю подлинные настроения различных кругов населения. И со всей откровенностью я берусь утверждать, что антисемитизм чужд истинно русскому человеку. Коммунисты и русский народ — это не одно и то же. Коммунисты — это раковая опухоль на теле русского народа.

В разные времена возникали стихийные антиеврейские погромы не только в России, но и во многих странах. Но история антиеврейских хает роений начиналась сверху, а не снизу Честные люди всегда выпали противантисемитизма.

Да, действительно были ограничения в России по отношению к евреям. Но в царской же России широко развилась замечательная еврейская литература, музыка и театр. Братья Антон и Николай Рубинштейны, лица еврейского происхождения, основали более 100 лет назад первые русские консерватории в Петербурге и в Москве. А кому не пакомы имена художника Исаака Левитана, скульптора Марка Антокольского, певца и режиссера (с 1909 года), да ч притом главного режиссера Мариинского Императорского оперного театра в Петербурге Похкма Тартакова! Все опит были евреями. Более того, в Петербургской консерватории преподавал еврей Леопольд Ауэр и среди его учеников были Яша Хсйфец. Михаил Эльмаи, Ефрем Цимбалист, Натан пидынтеин. Все они считали возможным жить при царском режиме и предпочли эмигрировать из советское; России.

В моих руках интересная брошюра. Она посвящена еврейскому литературно-музыкальному вечеру, который состоялся 22 марта 1916 гога 15 Петрограде. А организатором этого вечера было «Русское общество для изучения еврейской жизни». Председателем этого общества был Гофмейстер Высочайшего Двора граф И.И. Толстой. Среди членов комитета этого общества — член Государственной Думы Н.В. Некрасов.

А вот 1-й § Общества: «Русское Общество для изучения еврейской жизни» имеет целью изучение еврейской жизни в ее прошлом и настоящем. Для этого Общество занимается изучением и исследованием еврейской истории, письменности, литературы, искусств, фольклора, быта, экономического и правового положения».

Известно, что Общество собрало множество интереснейших памятников еврейской к\л: >Т уры. В свободном и демократическом советском государстве, где существует полное «равноправие» всех национальностей. Э н памятники стали недоеступнтмн.

Именно в царской России была широкая еврейская пресса. Именно в царское время была издана в России многотомная еврейская энцикл.ч'тич. Издавался журнал - Еврейская жизнь», печатавший интереснейшие литературные произведения.

Еще ра-. верч\т ;> к литературно-музыкальному вечеру 22 марта .' 916 года. Знаете ли. господин Дикий, кто принимал участие в организации этого вечера: Сообщаю. Писатель Леонид Андреев, композитор Александр Глазунов, Максим Горький, сена гор СВ. Иванов, член Государственного Совета М.М Ковалеве,сш, А.Н. Куприн, член Государственной Думы П.Н. Милюков. Федор Иванович Шаляпин и многие другие русские люди. А ответственным Распорядителем вечера был граф П.И. '!олстос.

Но это было — в 1916 году, в самом Петрограде. Не думает, что такой вечер может быть организован, да еще при участии таких знаменитых русских людей, в 1968 году. Скорее будет организован сул над молодым писателем Гинзбургом или митинг протеста против действий израильских «агрессоров».

Дикий лишь вскользь упоминает о постыдном разговоре между Риббентропом и Сталиным по поводу судьбы трех миллионов польских евреев. Сталин отказывался их впустить в СССР. А те польские евреи, которые все же надеялись спасти свою жизнь в СССР, были подвергнуты насильственному возвращению в оккупированную гитлеровцами Польшу, где их ждала смерть в Освенциме и в других лагерях. И когда С. Шварц в своей книге об этом вспоминает, Андрей Дикий с негодованием отчитывает Шварца. Вот что пишет Андрей Дикий: «Перечисление всех случаев недопущения без разрешения в СССР свидетельствует только о бдительности Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которой правительством была поручена охрана границ, что г. Шварцу следовало бы знать и своим возмущением не демонстрировать свое полное непонимание основных норм права»(стр. 321).

Заметьте, с каким высоким уважением и любовью говорит Дикий о Рабоче-Крестьянской Красной Армии! О той самой армии, которая расстреливала и давила танками недовольных советских режимом советских рабочих и крестьян.

Дикий утверждает, что «вряд ли можно сомневаться и в том, что все население СССР не особенно бы огорчилось, если бы все до одного представители еврейской этнической группы навсегда покинули страну» (стр. 347). Невольно хочется заметить, откуда Дикий так хорошо знает истинные желания населения СССР? А может быть, все-таки бы огорчились, если бы навсегда покинули СССР скрипач Давид Ойстрах, пианист Эмиль Гилельс, дирижер Большого театра в Москве Борис Хайкин, балерина Майя Плисецкая, знаменитые шахматисты, врачи, ученые, писатели и спортсмены? Кстати, многие представители еврейской «этнической группы» с удовольствием бы покинули СССР. Но вот беда, их не пускают. А те, кто посмел заявить Сталину в письменном виде о своем намерении уехать в Израиль, были вывезены в концентрационные советские лагеря.

Дикий иллюстрирует свою книгу специально подобранными из органов советской охраны статистическими данными. Его смущает, что в первые годы советской власти евреи занимали важные государственные посты. Но Дикий не разъясняет, что во главе советской власти был Ленин, который сам назначал на эти посты евреев, латышей и представителей других народностей. Если это не нравится Дикому, он должен прежде всего винить в этом самого Ленина. Что же касается чиновников разных национальностей, то они лишь выполняли указа-

По-видимому, не будучи в состоянии оспорить или опровергнуть приведенные в очерке факты, события и имена, г. Гольдштейн в своих «Мыслях вслух», не касаясь вопроса о точности приведенных данных, пустился в рассуждения о том, каким путем я получил эти данные и клеветнически утверждает, что этими данными меня «снабдила советская охранка», что значит, что я с этой «советской охранкой» имею контакт, будучи политическим эмигрантом-антикоммунистом и гражданином США.

К сожалению, я лишен возможности прибегнуть к суду или реагировать другим способом по той причине, что г. Гольдштейн укрылся за стенами Иерусалима и в случае судебного разбирательства таковое должно будет происходить в государстве Израиль, причем я как обвинитель должен нести все судебные издержки, внося их вперед, до разбирательства дела. Для этого я не имею материальных возможностей. Не имею возможности и приехать в Израиль для встречи с клеветником... Надо полагать, что на это и рассчитывал Гольдштейн, послав из Иерусалима свою статью-донос и клевету — в русскую газету, выходящую во Франции.

Для читателей этой газеты, а отнюдь не для Гольдштейна, который своим доносом дисквалифицировал себя для какой бы то ни было полемики с ним, я послал в ту же газету («Русская Мысль») мой «Ответ вслух» на «Мысли вслух» Гольдштейна. Но, к сожалению, мой «Ответ вслух» не был напечатан полностью, а из него приведены только выдержки, хотя мой «Ответ вслух» и был во много раз короче доноса Гольдштейна, названного им «Мысли вслух».

Это обстоятельство и побуждает меня более подробно остановиться на той части «Мыслей вслух», которые являются или диффамацией по отношению ко мне лично, бросая тень на мое доброе имя, или искажают и извращают некоторые факты и события, приведенные мною в моем очерке «Евреи в России и в СССР».

Восторгов г. Гольдштейна его единоплеменниками, игравшими и плясавшими в России и в СССР, я не разделяю, и Ииика Фефера, Перца Маркиша, Шолом-Алейхема, Семена Юшкевича, Бялика и других евреев, писавших по-русски и по-еврейски, «первоклассными» писателями не считаю, а причисляю к «третьеразрядным». Один Пушкин, Гоголь или Достоевский, по моему мнению, внесли вклад в русскую и мировую литературу неизмеримо больший, чем все евреи, писавшие по-русски, вместе взятые. То же самое можно сказать о евреях-музыкантах и других деятелях искусства, каковых было немало в России и стало еще больше в СССР...

Но все это — дело вкуса, а о вкусах не спорят... И свое субъективное мнение никому не навязывают. Не пытаюсь и не хочу навязывать и я. Если для г. Гольдштейна артист С. Михоэлс «гениален», а евреи — поэты и писатели — «замечательны» — от дискуссии по этому вопросу воздерживаюсь, зная, что вкусы русские и еврейские различны.

И по форме, и по содержанию «Мысли вслух» являются **доносом и клеветой**, в чем легко сможет убедиться всякий культурный и внимательный читатель моей книги, так взволновавший советского журналиста Михаила Гольдштейна, по-видимому, набившего себе руку в подобном роде произведениях в бытность его сотрудником многочисленных органов печати в СССР.

Вот что пишет этот свежее испеченный «антикоммунист» в «Мыслях вслух»:

«Дикий иллюстрирует свою книгу специально подобранными из органов советской охраны статистическими данными. Его смущает, что в первые годы советской власти евреи занимали важные государственные посты. Но Дикий не объясняет, что во главе советской власти был Ленин, который сам назначал на эти посты евреев, латышей и представителей других национальностей. Если это не нравится Дикому — он должен винить в этом самого Ленина. Что же касается чиновников разных национальностей, то они лишь выполняли указания Ленина. И еще известно, что Ленин не либеральничал с теми, кто ему не подчинялся. Очень смущают эти специально подобранные таблицы. Те, кто снабжал Дикого такими таблицами, верили, что они окажутся в «надежных руках».

Цитирую эти слова г. Гольдштейна без каких-либо изменений, предоставляя читателям самим вынести суждение о понимании автором таких строк, что такое полемика, что такое журналистская этика и что такое есть просто **донос и клевета**.

Читателям же предоставляю и вынесение суждения о серьезности и обоснованности утверждения г. Гольдштейна о **вынужденном** участии евреев в создании аппарата власти в СССР вообще, а карательных органов — ЧК и НКВД — в частности.

Моя книга «Евреи в России и в СССР», вызвавшая статью г. Гольдштейна в газете «Русская Мысль» (28 февраля 1968 г.), озаглавленную «Мысли вслух», имеет подзаголовок «Исторический очерк». Это обязало меня быть строго объективным, отрешиться от личных симпатий и антипатий и оперировать только фактами и данными, проверенными мною (по мере возможности) и никогда в эмигрантской печати не опровергнутыми. В ходе изложения, а также в приложениях я всегда указываю источник (книгу или периодическое издание), из которого почерпнуты приводимые в очерке факты, события и имена, причем оговариваюсь, что в именах могут быть неточности по той причине, что многие евреи принимали псевдонимы чисто русские и под таковыми действовали как советские вельможи, дипломаты, деятели и руководители всех областей жизни страны, а в особенности в ЧК и НКВД и разных карательных органах. Делая эту оговорку, я просил читателей указать на допущенные мною ошибки, если таковые будут ими обнаружены.

По-видимому, не будучи в состоянии оспорить или опровергнуть приведенные в очерке факты, события и имена, г. Гольдштейн в своих «Мыслях вслух», не касаясь вопроса о точности приведенных данных, пустился в рассуждения о том, каким путем я получил эти данные и клеветнически утверждает, что этими данными меня «снабдила советская охранка», что значит, что я с этой «советской охранкой» имею контакт, будучи политическим эмигрантом-антикоммунистом и гражданином США.

К сожалению, я лишен возможности прибегнуть к суду или реагировать другим способом по той причине, что г. Гольдштейн укрылся за стенами Иерусалима и в случае судебного разбирательства таковое должно будет происходить в государстве Израиль, причем я как обвинитель должен нести все судебные издержки, внося их вперед, до разбирательства дела. Для этого я не имею материальных возможностей. Не имею возможности и приехать в Израиль для встречи с клеветником... Надо полагать, что на это и рассчитывал Гольдштейн, послав из Иерусалима свою статью-донос и клевету — в русскую газету, выходящую во Франции.

Для читателей этой газеты, а отнюдь не для Гольдштейна, который своим доносом дисквалифицировал себя для какой бы то ни было полемике с ним, я послал в ту же газету («Русская Мысль») мой «Ответ вслух» на «Мысли вслух» Гольдштейна. Но, к сожалению, мой «Ответ вслух» не был напечатан полностью, а из него приведены только выдержки, хотя мой «Ответ вслух» и был во много раз короче доноса Гольдштейна, названного им «Мысли вслух».

Это обстоятельство и побуждает меня более подробно остановиться на той части «Мыслей вслух», которые являются или диффамацией по отношению ко мне лично, бросая тень на мое доброе имя, или искажают и извращают некоторые факты и события, приведенные мною в моем очерке «Евреи в России и в СССР».

Восторгов г. Гольдштейна его единоплеменниками, игравшими и плясавшими в России и в СССР, я не разделяю, и Ицика Фефера, Перца Маркиша, Шолом-Алейхема, Семена Юшкевича, Бялика и других евреев, писавших по-русски и по-еврейски, «первоклассными» писателями не считаю, а причисляю к «третьеразрядным». Один Пушкин, Гоголь или Достоевский, по моему мнению, внесли вклад в русскую и мировую литературу неизмеримо больший, чем все евреи, писавшие по-русски, вместе взятые. То же самое можно сказать о евреях-музыкантах и других деятелях искусства, каковых было немало в России и стало еще больше в СССР...

Но все это — дело вкуса, а о вкусах не спорят... И свое субъективное мнение никому не навязывают. Не пытаюсь и не хочу навязывать и я. Если для г. Гольдштейна артист С. Михоэлс «гениален», а евреи — поэты и писатели — «замечательны» — от дискуссии по этому вопросу воздерживаюсь, зная, что вкусы русские и еврейские различны.

«Ответить вслух» (не для Гольдштейна, а для читавших его «Мысли вслух») и кое-что разъяснить я считаю нужным по трем, затронутым им вопросам:

I. — О принудительном участии евреев в создании каркаса советской власти.

II. — О «снабжении» меня списками органами «советской охранки».

III. — Об отношении к евреям коренного населения СССР.

I. Принудительное участие — по приказу Ленина.

Утверждение Михаила Гольдштейна о **вынужденном** участии евреев в создании и укреплении аппарата власти в СССР, напечатанное в русской эмигрантской газете, заслуживает особого внимания, ибо находится в полном противоречии со всем, что по этому вопросу было напечатано за последние полстолетия на языках всего мира.

Если поверить г. Гольдштейну, то не жажда власти и материальные выгоды, а только **страх** послушаться, как он выражается, «приказаний Ленина, который не либеральничал с теми, кто ему не подчинялся», был той причиной, которая толкнула евреев в аппарат новой власти вообще, а в его карательные органы, в особенности.

«Страх» этот был настолько силен, что распространился даже через океан — на пребывавших в США евреев, и они двинулись через океан «углублять революцию», заполнив собою два специально для «углубителей» зафрахтованных парохода.

Эти мореплаватели — Урицкий, Володарский, Бронштейн и много сотен их единоплеменников по прибытии в Россию пролили немало русской крови, создав «Чрезвычайки» и установив «красный террор».

Гольдштейну как советскому журналисту не может не быть известно, что среди этих мореплавателей-«углубителей» не-евреев почти не было. Это нетрудно установить на основании списков пассажиров этих пароходов, которые в свое время печатались в американских газетах и еще не уничтожены. В своей книге я не привел сотни имен из образований экономии места.

Не этот ли самый «страх» послушаться Ленина заполнил евреями «пломбированные вагоны», в которых они проследовали в Россию через территорию Германии, находившейся в состоянии войны с Россией — с разрешения германского командования. Списки пассажиров этих «пломбированных вагонов» тоже хорошо известны. Прибыли они в Россию в двух поездах. В первом было всего 29 пассажиров, из которых 20 были евреи. Во втором поезде было пассажиров 130, из них евреев 119.

Все эти пассажиры были призывного возраста и как русские поданные должны были немедленно явиться в воинские присутствия для отбывания воинской повинности. Все их сверстники-русские были на фронте. Однако «пломбированные» пассажиры об этом и не вспомнили и занялись «углублением революции».

В годы гражданской войны Центральные Комитеты партий социалистов-революционеров и социал-демократов-меньшевиков, состоявшие в подавляющем большинстве из евреев (поименно приведены в моей книге) вынесли решение поддержать коммунистов, разлагая тылы антикоммунистических сил и вступая в ряды Красной Армии, которой командовал Бронштейн-Троцкий. Сделано это не по принуждению Ленина, а по собственной инициативе. То же самое сделал и многочисленный чисто еврейский «Бунд» во главе со своим лидером Рафесом.

Нередки были случаи в те годы, когда евреи, занявшие крупные посты в министерствах во времена Керенского после октябрьского переворота, пошли не за бежавшим Керенским, а за теми, кто сверг законное правительство.

Так, например, начальник отделения (генеральская должность) в Министерстве Труда, Соломон Шварц, в годы гражданской войны, следуя рекомендации своей партии (меньшевиков), добровольно и без всякого принуждения поступил под начальство своего единоплеменника Бронштейна-Троцкого в Красную Армию. Этот эпизод из его биографии был напечатан в «Социалистическом Вестнике» (Нью-Йорк) в 1953 году, когда отмечалось 70-летие Шварца.

Его однопартиен — бундовец и коллега по высокой должности в Министерстве Труда, Ляховецкий, превратившись в «Майского», пошел по линии советской дипломатии...

Все это было добровольно, без каких бы то ни было «приказаний» Ленина, о которых совершенно голословно пишет Гольдштейн, не потрудившись привести ни одного примера этих «приказаний». По той простой причине, что таковых не было. Да они и не были нужны, ибо широкие массы русского еврейства, видя своих единоплеменников на самых высших постах при коммунистической власти, к этой власти тянулись, встречая с ее стороны всяческую поддержку. А это, в свою очередь, порождало в коренном населении страны чувства отчужденности и неприязни к евреям вообще. Отрицать это вряд ли решится и сам Гольдштейн.

В моей книге приведено множество высказываний по этому вопросу как евреев, так и не-евреев, как коммунистов, так и антикоммунистов, причем всегда приведено, когда и где это было напечатано. И нигде и никогда не было оспорено... Даже сам Калинин, как приведено в моей книге, предупреждал евреев, что их чрезмерное участие в административном аппарате новой власти вызывает отрицательное к ним отношение у коренного населения. Но ни это предупреждение, ни жесточайшие кары за проявление антиеврейских настроений не помогли.

Заполнив еще во времена Ленина весь аппарат власти, евреи крепко и цепко продолжали держать эту власть в своих руках на протяжении 30 лет, превратив фактически свое племя в правящий класс России, переименованной ими в СССР.

Приведенные в моей книге списки красноречиво свидетельствуют об этом. А происходило все это тогда, когда Ленина уже давно не было

на свете и не было никаких оснований бояться «ослушаться его приказаний», чем г. Гольдштейн неудачно пытается объяснить чрезвычайное рвение и старание евреев в деле создания и укрепления советской власти.

Особенное же рвение и успех проявили они в деле занятия разных постов и должностей в органах ЧК и НКВД, столь ненавидимых населением. Начиная с организатора концлагерей, погубивших миллионы коренного населения, и кончая разными следователями и комиссарами.

Многочисленные имена приведены в моей книге, главным образом тех, кто занимал высшие и руководящие посты. Приведу здесь и имена тех, кто был рангом ниже.

Вот разного рода «начальство», с которым пришлось столкнуться одному инженеру, бывшему рабфаковцу из Ленинграда, осужденному на 5 лет за «антисемитский» анекдот, рассказанный во время одной пирушки.

Натан Френкель — начальник «Гулага» — Главное управление лагерей. **Берман** — начальник строительства Беломорканала. Коган — начальник строительства канала Москва-Волга. Его заместитель — **Фирин**. Начальник 1-го отдела этого строительства — **Вольф** (его брат — начальник милиции города Москвы). Начальник Дмитровского отдела — **Бовшер**. Начальники строительства железной дороги Котлас-Воркута — **Мороз**, **Шейман**, **Лазарь Ключкин**. (Сын Мороза был одним из мужей дочери Сталина — Светланы.) Начальник 3-го («Особого») отдела Бамлага — **Шедвид**. Его заместитель — **Лифшиц**. Начальник УРУ (Учетно-распределительного управления) — **Конфедерат**. Особоуполномоченный Гулага по Дальнему Востоку — **Грач**, по распоряжению которого в 1938 году было расстреляно 7 тысяч заключенных «Колонны Особого отдела» на железнодорожной станции Арга, Амурской жел. дороги. Все поименованные выше начальники, под властью которых осужденному русскому инженеру пришлось пробыть пять лет (1937-1941 годы), были евреи. Точность приведенных выше списков г. Гольдштейн легко сможет проверить по линии своих еврейских связей... Если пожелает это сделать...

Как дополнение к настоящей книге в конце ее приведен и список советских вельмож именно того периода, когда Гольдштейн активно сотрудничал в газетах. Периода перед последней войной. Список взят из соответствующих газет того времени. Неужели же и в конце 30-х годов «страх послушаться» давно мертвого Ленина толкал евреев в органы власти и в начальники концлагерей?

Зная все это, с объяснением г. Гольдштейна причин участия евреев в органах власти, в частности, в органах ЧК и НКВД, согласиться никак нельзя.

II. О снабжении меня списками органами советской охраны.

На это клеветническое утверждение г. Гольдштейна считаю нужным дать разъяснение. Не для него лично — клеветникам не разъясая-

ют, а реагируют иначе, — для тех, кто прочитал его «Мысли вслух», а мою книгу «Евреи в России и в СССР» не читал.

Никогда и никто никакими списками меня не «снабжал», как лжет г. Гольдштейн. а тем более «советская охранка», с которой я, как политический эмигрант и гражданин США, никогда никаких контактов не имел.

Приведенные в моей книге списки, имена и факты я почерпнул из книг, статей, брошюр, как свободного мира, так и СССР, всегда и неизменно приводя и источник, откуда взято то, что приведено в книге. В этом нетрудно убедиться, **добросовестно** прочитав мою книгу, о которой пишет г. Гольдштейн.

Изучая период пребывания евреев в России и в СССР, я сам «наблюдя» интересовавшимися меня данными при чтении многочисленных материалов по этому вопросу разных авторов, напечатанных на разных языках и в разных странах.

Список евреев — активных деятелей СССР первых лет революции взят мною из книги-брошюры «Правители России», изданной в Дублине, Ирландия, содержание которой «проверено и одобрено к печати» католическим архиепископом Иеремией. Ватерфорским и Лисмерским, что и приведено в моей книге часть II, страница 209. Несмотря на высокий сан архиепископа, за которым стоит весь авторитет католической церкви, я все же постарался проверить по другим источникам точность этого списка и убедился в его правильности.

Все остальные списки, имена и факты почерпнул я из книг и периодической печати, как советской, так и эмигрантской, каждый раз с точным указанием источника, откуда это взято.

Целый ряд русских эмигрантских писателей и журналистов немало писали и печатали данных и высказываний по вопросу евреев во всех областях жизни России после Октябрьской Революции. Начиная с «правых» — Вейнберга и Шульгина и кончая, «левыми» — Екатериной Кусковой, Ариадной Тырковой-Вильямс, лидером партии «Крестьянская Россия» Сергеем Масловым, одним из лидеров НТС А. Столыпным, огласившим в швейцарских газетах племенной состав делегации СССР в Лиге Наций (из 9 делегатов — 8 евреев и один грузин).

Немало данных почерпнул я из чисто еврейских изданий, как, например, сборник «Еврейский Мир», «Книга о русском еврействе» и других, а также и из эмигрантских газет, выходящих на русском языке и имеющих сотрудников, как евреев, так и не-евреев, как, например, «Новое Русское Слово» в США и «Русская Мысль» во Франции, и из журналов «Социалистический Вестник» и «Новый Журнал», выходивших в США.

И без всякой помощи и содействия «советской охранки» из статей и высказываний сотрудников этих периодических изданий я почерпнул имена, факты и события, приведенные в моей книге. Причем каждый раз, когда я их приводил, указывался точно не только автор, но и приводились данные, когда и где это было напечатано.

И если кто меня «снабдил» материалом, использованным при составлении моей книги, то это была не «советская охранка», а писатели и журналисты — сотрудники разных органов печати в эмиграции, как немногочисленные русские, так и очень многие евреи, писавшие по-русски.

Так, например, из статей в «Новом Русском Слове» его русских сотрудников Крымова и Корякова я почерпнул сведения об известном полпреде «Бородине» и о ряде евреев, которые, прикрывшись чисто русскими псевдонимами, подвигались на руководящих постах во время гражданской войны в Испании, например, Каценельсон-«Орлов» и много других, выдававших себя за «русских».

«Снабдили» меня именами, фактами и событиями не «органы советской охранки», как клеветет г. Гольдштейн, а многочисленные евреи, писавшие книги и статьи по-русски, в которых (за своей подписью) приводили те данные, которые я счел нужным привести в моей книге. Генерал Грулев описал быт и обычаи русских евреев, приведенные в моей книге; профессор Соломон Лурье в своей книге, изданной в СССР в 1922 году, проанализировал миропонимание и мироощущение еврейского племени и объяснил особенности еврейского характера, вызывающие на протяжении веков отталкивание тех народов, среди которых жили евреи.

Соломон Шварц, Марк Вишняк, Григорий Аронсон, Илья Троцкий, Давид Шуб, Юлий Марголин, Марк Слоним, А. Кулишер, Р. Абрамович, Давид Бург и ряд других сотрудников эмигрантских газет и журналов, выходивших или выходящих на русском языке, в своих статьях дали мне немало данных — для моей книги — и мне вовсе не нужно было прибегать к помощи «советской охранки»...

Повторяю — каждый раз при упоминании имен, фактов и событий я привожу и источник с указанием органа печати и имени автора. Сообщения и сведения устные, полученные мною от некоторых эмигрантов, в прошлом членов Союза советских писателей, я не счел возможным привести в моей книге, если не мог нигде найти в органах печати того, что мне было сообщено устно.

Из всего вышеизложенного с предельной очевидностью вытекает, что автор «Мыслей вслух» М. Гольдштейн или книгу мою вообще не читал и имел нахальство написать свои «мысли» о ней, или — что еще хуже — что он сознательно солгал, клеветнически утверждая, что данными для моей книги меня «снабдила» советская охранка».

Как в первом, так и во втором случае Гольдштейн дал мне право называть его ЛЖЕЦОМ и КЛЕВЕТНИКОМ, что я настоящим и делаю.

Что же касается «списков», так взволновавших г. Гольдштейна, то для полной ясности считаю нужным еще раз напомнить, что за абсолютную точность некоторых имен в «списках» я не могу ручаться по той причине, что очень многие его единоплеменники переменили свои еврейские фамилии на чисто русские или наряду со своими еврейскими фамилиями выступают в печати, приняв русские псевдонимы. Это

последнее относится к многочисленным писателям и журналистам в СССР.

Не так давно, в 1968 году, в книге «Русский антисемитизм и евреи» приведен целый список этих псевдонимов с указанием, что он далеко не полный. Список этот полностью приводится в приложении, помещенном в конце этой книги, написанной и изданной не русскими «антисемитами», а евреями, совсем недавно выехавшими из СССР.

Из каких соображений и побуждений издатели поместили в своей книге этот список (действительно, далеко не полный), я не знаю и не понимаю.

С утверждением же издателей, что евреи были вынуждены пользоваться чисто русскими псевдонимами, согласиться вряд ли возможно.

Я полагаю, что принятие чисто русского псевдонима — результат желания скрыть свою еврейскую племенную принадлежность. А желание скрыть, в свою очередь, можно объяснить отрицательным отношением к евреям («юдофобией») коренного населения во все времена и у всех народов.

А что во все времена отношение к евреям тех народов, среди которых они жили, было далеко не дружественное — об этом всегда и везде твердят сами евреи, объясняя это тем, что евреи — жертва пропаганды «антисемитов» вообще, а христианской церкви в особенности.

Насколько это справедливо — судить не берусь, но хочу только напомнить, что «юдофобия» существовала и до Христа; и что причину ее надо поискать в самих евреях, как в свое время сказал Спиноза, вызвав негодование всего еврейства.

Так или иначе, но нельзя оспорить, что евреи, внедряясь в жизнь других народов, свое еврейство старались скрыть или замаскировать литературными или политическими псевдонимами. В результате, основываясь на чисто русских псевдонимах, у неосведомленного читателя создается впечатление, что он читает произведения русского, а не еврея.

III. Отношение к евреям коренного населения.

В своих «Мыслях вслух» г. Гольдштейн пишет: **«Я хорошо знаю подлинные настроения различных кругов населения. И со всей откровенностью берусь утверждать, что антисемитизм чужд русскому народу. Коммунисты и русский народ — не одно и то же. Коммунисты — это раковая опухоль на теле русского народа.**

В разные времена возникали СТИХИЙНЫЕ антиеврейские погромы, не только в России, но и во многих странах. Но история антиеврейских настроений начиналась «сверху», не «снизу».

Это категорическое утверждение М. Гольдштейна вряд ли можно принять и с ним согласиться, ибо оно находится в противоречии с высказываниями целого ряда евреев, писавших по этому вопросу, с которыми г. Гольдштейн, вероятно, не знаком.

Соломон Шварц, произведения которого так восхваляет г. Гольдберг, пишет так: **«Русский не скажет еврею того, что скажет русскому»**. О чем это свидетельствует? А г. Гольдштейн, если хочет быть откровенным, должен признать, что **«еврей не скажет русскому того, что скажет еврей еврею»**.

Какой же отсюда логический вывод? Полагаю, что не ошибусь, сказав, что это свидетельствует о взаимном недоверии и отчужденности.

Утверждение г. Гольдштейна, что «коммунисты — это раковая опухоль на теле русского народа», нуждается в уточнении и разъяснении. Ведь раковая опухоль, как известно, состоит из отдельных клеток. Написав «коммунисты» (а не «коммунизм»), г. Гольдштейн, разумеется, имел в виду отдельных людей-коммунистов. А люди бывают разных национальностей: русские, украинцы, татары, евреи... Так кого же, каких клеток этой «раковой опухоли» было больше всего?.. Не евреев ли?..

Так возмущившие г. Гольдштейна «списки» дают точный ответ на этот вопрос.

О подлинных настроениях населения, которые, по словам Гольдштейна, ему «хорошо известны», писали и другие авторы-евреи, например, Давид Бург, который в статье «Еврейский вопрос в СССР» (полностью приведена в моей книге) пишет, что евреи в СССР опасаются, что **«в случае революционной смены власти все евреи будут попросту перебиты в результате антиеврейских настроений в массах»**.

Такое же точно высказывание мы находим и в книге Тэйлора «Евреи, Ближний Восток и Кремль», а также в ряде других статей и книг, посвященных этому вопросу.

Как советский журналист того времени, когда за слово «жид» полагалась ссылка, г. Гольдштейн должен был бы задуматься, чем был вызван соответствующий параграф в уголовном кодексе СССР и хотя бы попытаться его объяснить, вместо голословного утверждения об отсутствии антиеврейских настроений в массах населения СССР.

Или все ошибаются — прав только Михаил Гольдштейн? Тот, который «все знает»?..

А на деле обнаруживает свое незнание (или умышленное извращение) вопроса, о котором пишет.

Неувязка получается у г. Гольдштейна, когда он пускается в рассуждения об «антисемитизме», утверждая, что антиеврейские настроения и погромы всегда и во все времена были «стихийны», и тут же говорит, что они начинались «сверху» и что в СССР существует «постоянный государственный антисемитизм»...

Ведь если антиеврейские настроения «стихийны», то нет никакой надобности начинать их «сверху». «Стихийное» начинается «снизу», из широких масс народа, а власть евреев защищает и спасает от гнева народного, а потому, как упомянуто выше, евреи так боятся свержения власти, о чем, как упомянуто выше, писали и Тэйлор, и Давид

Бург, а в последнее время, в 1968 году, о том же пишут и издатели книги «Русский антисемитизм и евреи», ибо, по словам одного из сотрудников, Шапиро, **«по опыту знали, что любое ослабление власти означает резню евреев»**.

Утверждение М. Гольдштейна о наличии в СССР «постоянного государственного антисемитизма» нуждается в существенных и значительных исправлениях и разъяснениях. Если действительно таковой всегда существовал, то как же могло случиться, что все было не только заполнено, но и переполнено евреями, начиная с высших учебных заведений и кончая дипломатами и министрами. А что это было действительно так — об этом красноречиво говорят приведенные в моей книге списки, точность которых никто из евреев и не пытался оспорить. Да и сам М. Гольдштейн при этом самом постоянном антисемитизме преуспевал в Москве... Не есть ли это доказательство, что, выражаясь очень мягко, М. Гольдштейн «немножко ошибся»? Или «отклонился от истины».

А своими «Мыслями вслух» г. Гольдштейн не только никого не убедил и ничего не доказал, кроме того, что он усвоил все приемы «советского журналиста» превращать черное в белое и делать доносы, придавая им форму газетной статьи, а главное — всегда попадать в тон «генеральной линии» момента и страны.

Своей же собственной автобиографией, напечатанной вскоре после «Мыслей вслух», Михаил Гольдштейн опроверг все свои утверждения о «постоянном государственном антисемитизме» в СССР. Содержание этой автобиографии прилагается.

При чтении этой автобиографии с подробным описанием всех достижений, успехов, премий еврея Гольдштейна в Москве у всякого здравомыслящего читателя возникает или сомнение в наличии там антисемитизма, или сомнение в правдивости автобиографии советского композитора, скрипача, виолончелиста, поэта и журналиста и пропагандиста, воодушевлявшего бойцов Красной Армии — Михаила Гольдштейна. Жаль только, что он не привел и тексты сочиненных им песен для Армии СССР.

Как видно из всего вышеизложенного, трудно согласиться, что М. Гольдштейн «хорошо знает» настроения населения СССР и его отношение к его, Гольдштейна, единоплеменникам. Вряд ли кто поверит сказке об «угнетении и преследовании» евреев в СССР и о «запрещении» выезжать за границу, раз сам автор в своей автобиографии сообщает о своем беспрепятственном оставлении пределов СССР.

Зато в чем-то другом успел и преуспел г. Гольдштейн, «выбравший свободу» и уехавший на Запад. — Он сразу попал в тон и уловил генеральную линию печати свободного мира, неумоимо твердящей о преследовании евреев в СССР, будто бы страдающих там и теперь, как страдали всегда — и до революции, и после того, как царский режим был свергнут.

И, как большинство его единоплеменников, в разные времена выехавших из России и занявшихся охаиванием России и русского народа, Гольдштейн нашел тихое пристанище в разного рода учреждениях Запада, занимающихся «русским вопросом»...

А то, чем он и все его единоплеменники, во всем мире пребывающие, обязаны русскому народу, забыто крепко и не вспоминается...

Ведь не будь пролито море русской крови в годы последней войны, вряд ли уцелел бы во всем мире хоть один еврей... Что бы было, если бы победил Гитлер?.. Подумал ли об этом Михаил Гольдштейн? Сказал ли он хоть одно слово благодарности своим спасителям?..

Увы, этого слова не слышал мир ни от г. Гольдштейна, ни от всех его единоплеменников, рассеянных по всему миру... А следовало бы...

Еврейство всего мира об этом забыло. Не любит даже вспоминать, не то что благодарить... А вот забыл ли все это русский народ — это покажет будущее, может быть, не такое уже далекое.

Андрей Дикий

Михаил Гольдштейн. Краткие автобиографические данные, помещенные им в газете «Русская Мысль» в статье «Ври, да меру знай». 1 августа 1968 года, № 2697.

Недовольный статьей своего единоплеменника А. Хейфеца, который, по словам Гольдштейна, хотел его, «раздраконить», Гольдштейн называет его «сивым мерином» и приводит данные о своих успехах и достижениях в СССР в области музыки, пения и журналистики, в бытность его, Гольдштейна, гражданином СССР.

В газете «Советская Культура» от 12 января 1963 года помещен результат Всесоюзного конкурса композиторов, из которого видно, что Михаил Гольдштейн был награжден тремя лучшими премиями (сразу три!) за произведения для скрипки и виолончели. «Словом, нет повода сомневаться в моих композиторских способностях», — пишет сам о себе г. Гольдштейн и добавляет, что он участвовал во Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей совместно с Давидом Ойстрахом и даже получил премию. «Значит, умею играть на скрипке!» — восклицает Гольдштейн.

Во время войны г. Гольдштейн был освобожден от службы в армии, по его словам, из-за плохого состояния его зрения. «Тем не менее, я не хотел сидеть в тылу и стремился быть на фронте, где я дал тысячи концертов, где **написал ряд армейских песен** и где часто мне приходилось рыть окопы, помогая солдатам», — пишет дальше Гольдштейн. Однако содержания этих песен не приводит. Не потому ли, что это было восхваление коммунизма и Сталина?

«Я много лет преподавал в СССР. Даже был педагогом в знаменитой школе юных талантов имени профессора П. С. Столярского. Некоторое время был и ассистентом Столярского. — Значит, научился преподавать!» — сообщает о себе г. Гольдштейн, добавляя, что в настоя-

шее время (август 1968 года) работает в Иерусалимской Академии Музыки.

Дальше г. Гольдштейн сообщает о себе следующее: «Писательской деятельностью занимаюсь давно. Еще в 1935 году появился мой первый опус. Писал статьи во многих газетах, в том числе в «Комсомольской Правде», «Московской Правде», «Красной Звезде», а одно время (в 1965-1966 годах) посылал свои статьи из Восточного Берлина в «Советскую Культуру». И их охотно печатали».

В 1966 году я подал просьбу о выходе из советского гражданства, и 25 октября 1966 года моя просьба была удовлетворена, что облегчило переход на Запад и в Израиль.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО г. ГОЛЬДШТЕЙНУ

Трескучие фразы первых строк «Мыслей вслух» о том, что «антисемитизм достался советским коммунистам от Гитлера и стал привилегией советских коммунистов и их арабских марионеток»... По обыкновению, в этом вопросе многое извращено. А истинный смысл событий затемнен, представлен односторонне.

Когда интернациональный коммунизм сокрушил Россию и ее великие достижения, на гребне разрухи выскочила полновластным распорядителем судеб России еврейская группа российских граждан и нахлынувших со всего мира их единоплеменников. В результате слухов о действиях этой группы антисемитизм (юдофобия) пополз по всей Европе. И Гитлера можно, скорее, рассматривать как одно из следствий угрозы коммунизма для Европы, скорее, коммунизм породил Гитлера, с его антисемитизмом, а не наоборот, как утверждает г. Гольдштейн.

Помогло Гитлеру и непротивление Запада коммунизму.

Об антисемитизме в Советском Союзе стали говорить на Западе только после 1948 года, года создания государства Израиль.

До этого же на Западе, особенно в США — одни восторги поклонников власти в России, восторги, доходящие до того, что люди, заикнувшиеся об ужасах разрушения страны и гибели миллионов коренного населения, — эти люди подвергались явной и тайной травле. Если они были на виду, занимали высокие посты в выборных учреждениях или в государственных, в экономике страны, в печати — то травля и всякого рода инсинуации разбивали карьеру. В лучшем случае они исчезали с горизонта, в худшем — кончали самоубийством. «Милый дядя Джо» было у всех на устах во время и после войны. За первые 30 лет советской власти говорить об антисемитизме в Советском Союзе никому и не приходило в голову. Такого бы, говоря фигурально, просто растерзали...

Г. Гольдштейн в своих «Мыслях вслух» тщательно избегает разделять эти два периода: до и после 1948 года. Здесь он точно следует установленному и внедряемому за последние 20 лет взгляду затушевывания слишком глубокого участия еврейской группы в Советском

Союзе за период до 1948 года, т. е. период самых неслыханных злодеяний: уничтожения миллионов коренных жителей страны и разбазаривания ее сокровищ.

По вопросу об антисемитизме в Советском Союзе мое и г. Гольдштейна мнения расходятся. Для установления исторической правды, я полагаю, следует всегда иметь в виду два периода при описании положения еврейской этнической группы в СССР.

80-летний период от начала революции до 1948 года и второй период — после 1948 года.

Г. Гольдштейн придерживается очень явного за последние 20 лет стремления внушить, что положение евреев в Советском Союзе вообще все время трагично, что власть их преследует, уничтожает еврейскую культуру — там свирепствует геноцид.

Я придерживаюсь мнения, высказанного г. Давидом Бургом в «Социалистическом Вестнике» и г. Тэйлором в его книге «Евреи, Ближний Восток и Кремль» (на англ. языке). Оба утверждают, что юдофобия разлита всюду до размеров раньше незнакомых и что именно только власть спасает евреев от физического уничтожения их самим населением Советского Союза.

Откуда же это взялось? Ни жандармов, ни царской охраны больше нет; выросло два новых поколения; 5-летнее заключение грозило за проявления неприязни к еврейскому племени... А юдофобия появилась во всех глухих углах страны, где до революции население никогда евреев и не видело, но сразу после воцарения коммунизма почувствовало их всемогущую руку: когда настал период неслыханного запрещения, недоверия, унижения, всякого рода издевательств, когда быть русским стало почти преступлением...

Во всяком случае, ни внутри страны, ни за ее пределами до 1948 года евреи никогда и не заикались об антисемитизме, о якобы трагическом положении еврейской этнической группы в Советском Союзе.

Наоборот, на Западе, а особенно в Соединенных Штатах, все они хором поддерживали коммунистическую власть и со всех концов земного шара устремились в Россию на помощь «великому опыту», без всякого стеснения в средствах его проведения. Поддал ли кто из евреев голос за первые 30 лет советской власти о геноциде над коренным населением страны, о геноциде гомерических размеров, доходящем до 50 миллионов уничтоженного народа (по вычислениям европейских демографов)? Сделали ли попытку коммунистические вельможи — евреи смягчить этот геноцид, если уж они не были его участниками, как это пытается внушить всему миру еврейская печать в разных странах и на разных языках?

Эти ужасы просто не замечали и замалчивали на Западе и в Советском Союзе как явление «закономерное» при строительстве «нового мира».

Доминируя на Западе в прессе, радио, в источниках информации, заполняя собою целые орды «знатоков русского вопроса» — от евреев

зависело очень многое в деле передачи и освещения тех сведений, которые поступали из Советского Союза на Запад, которыми жадно интересовался весь мир. Интерес этот был настолько велик, что в начале двадцатых годов в Европу была послана группа японцев с целью изучить, что такое представляют собою евреи и как удалось этому малочисленному племени возглавить все отрасли жизни великой страны, как удалось почти полностью заполнить представительства Советского Союза на Западе и на Востоке: дипломатические, экономические и партийные. И как был создан в России «новый мир», к построению которого евреи приложили все свои незаурядные способности.

«Мы построили каркас власти» — хвастались они. (Книга Пасманпка). «Мы создали коммунистическую власть — мы ее и разрушим», — похвалится некий Шибер, работающий в недрах украинских самоотчйнических организаций на Западе, прикрываясь, как щитом, «антикоммунистической деятельностью»...

Так вот, господин Гольдштейн, вы жили и процветали как музыкант, композитор, писатель и журналист в этом «новом мире» полстолетия — и пи один волос не упал с вашей головы.

Вы не воспользовались тысячью возможностей оставить этот «новый мир», как сделали многие другие. Ведь запрет покидать страну в основном был направлен против коренного населения и при желании членами «господствующей группы» легко обходился.

Необходимо указать еще на одно явление последних 20 лет, которое пришлось на руку кричащим всюду об антисемитизме в Советском Союзе. Это увольнение, вернее, недопущение евреев после 1948 года на уязвимые, ключевые позиции государственной структуры... Вот из-за этого-то, главным образом, и поднялся весь шум и обвинения в антисемитизме... Что нет больше дипломатов-евреев, что они не допускаются в атомные исследовательские институты (г. Бург) и вообще на высокие государственные посты. Сокращено и число студентов в высших учебных заведениях, где раньше евреев было до 50%. Но никто их не трогал ни в торговой сети, ни в других профессиях внутри страны. Просто они были лишены неслыханных привилегий, которыми пользовались в течение первых 30 лет коммунистической власти.

Как нам, русским, так и евреям, совершенно ясны причины этого явления: с образованием государства Израиль сионисты-евреи могли оказаться иногда нелояльными гражданами.

Во время дебатов в Объединенных Нациях о создании государства И.>раило во всех странах обсуждался очень страстно вопрос, могут ли сионисты быть искренними патриотами случайного «отечества», где они пребывают (всегда «временно»).

3 Советском Союзе дебаты не допускаются. С грубой прямолинейностью коммунисты сделали вывод «береженого Бог бережет»... И со свойственными режиму уже полстолетия методами не постеснялись пропустить в жизнь свое решение.

50 лет г. Гольдштейн прекрасно уживался с методами управления коммунистического режима и только без году неделя, выехав за границу, стал приходить в негодование от всего там происходящего.

Мы, жившие 50 лет на чужбине, не удивляемся никакому ограничению с той стороны. Мы только научились в чужих странах (и также у евреев) игнорировать многое из происходящего, если оно — это «многое» — в будущем обернется на благо нашей страны. Каждый англичанин говорил: «Англия всегда права» — какие бы мерзости эта страна ни делала. Мы до этого еще не дошли. Но западные и «ближневосточные» страны нас многому научили.

По-видимому, г. Гольдштейн сразу забыл все, что делалось с начала революции при режиме, который он обслуживал 50 лет, не замечая бревна — геноцида русского народа — а теперь вдруг пришел в благодарное негодование по поводу «сучка» — геноцида народа еврейского, — какого геноцида в действительности нет и не было.

Как это можно изъять большого артиста Михоэлса, поэта Фефера и некоторых других? — восклицает он и клеймит это как антисемитизм...

Это просто изъяты возможные враги коммунистической власти в порядке превентивном (красного террора) — нормальном явлении в «новом мире», который он сам помогал строить. Таким же методом, в порядке красного террора, были изъяты 50 миллионов коренного населения на глазах г. Гольдштейна. Он не заметил наших бесчисленных жертв: талантливых ученых, писателей, поэтов, мыслителей, целого класса крепких крестьян — хозяев, ремесленников, духовенства, высоко образованных служивых людей; учащихся — всю национальную элиту великого народа и государства.

В своих высказываниях г. Гольдштейн удивительно созвучен с высказываниями еврейской печати западного мира, в ее замалчивании наших миллионных жертв и в выпячивании и подчеркивании незначительных потерь своей расы.

Это не значит, что мы оправдываем акты злодеяния, как бы незначительно ни было их число. Но мы не можем оправдать полное отсутствие такта г. Гольдштейна и почти всего еврейства при обсуждении вопроса о потерях и жертвах.

Мне крепко запомнилась фраза, сорвавшаяся у одного беженца, немецкого еврея. На мое указание о потрясающей разнице в количестве жертв разных народов в последние полстолетия, он ответил: «Да, количество... Но качество!..».

Вот эта исходная точка и руководит оценкой в общей акции еврейства. Мы читаем это каждый день в газетах.

Немцы, исполнявшие приказы правительства Гитлера во время войны. — преступники, и их казнят. Евреи (по Гольдштейну), выполнявшие «приказы Ленина» через 30 лет после его смерти, — герои, выходящие сухими из воды...

Казни в Ираке вызвали негодование и шум во всем мире. т. к. там было повешено 9 евреев. Во время шума, перестав стесняться, просто забыли, что там казнены и еще четыре человеческих существа... Если бы среди казненных не было евреев, то об этом, может быть, сообщили бы петилом на последней странице газеты. Или и вовсе ничего не напечатали бы. — Вот где поистине двойное мерило!

Насчет мифа о якобы безжалостном преследовании и уничтожении еврейской культуры в Советском Союзе можно сказать, что если такое в какой-то степени и есть, то это явление «закономерно» в «новом мире» сейчас, как считался «закономерным» разгром российской замечательной культуры и уничтожение национальной элиты до 1948 года.

Национальные традиции, исторические ценности, религия, национальная культурная элита не могли уцелеть при беспощадно внедряемом в стране в первые десятилетия советской власти марксизме-коммунизме.

Думаю, что и г. Гольдштейн прибил какой-нибудь гвоздь в сооружение структуры власти за 50 лет своей активной работы на пользу Советского Союза.

А г. Гольдштейн опять странно умалчивает о несоответствии объема и ценности утрат еврейских и русских.

Насчет еврейского театра нужно заметить, что он существовал в Москве на государственный счет и, полагаю, что при хозрасчете его постигла бы судьба еврейского театра в Нью-Йорке, где он тихо заглох. А в Нью-Йорке живет три с половиной миллиона евреев!.. Мало кого удовлетворяет сейчас «идиш». Большинство молодежи его совершенно не знает, даже в Советском Союзе. Новые времена — новые песни всюду. Напрасно г. Гольдштейн прибегает к восхвалению старого режима, описывая литературно-музыкальный вечер в Петрограде, организованный «Русским обществом для изучения еврейской жизни». — Мы все знаем, что нигде в мире еврейская культурная жизнь не цвела так глубоко и широко, как в императорской России.

Мы знаем также, что ни одну страну мира так не охаивали систематически, десятилетиями, гнусными измышлениями в еврейской и про-революционной печати на Западе, создавая непривлекательный образ России.

До сих пор считается дурным тоном и отсталостью заикнуться о том, что и там было не хуже, чем в хваленых странах демократии.

Мы прожили 50 лет в так расхваливаемых странах Запада и можем судить лучше, чем г. Гольдштейн, о том, что мир потерял с разгромом удивительного образа культурной России.

В своих «Мыслях вслух» г. Гольдштейн, описывая эпизод — литературно-музыкальный вечер в Петрограде «Общества для изучения еврейской жизни» — не попал в тон, требуемый печатью Запада за последние 20 лет.

Е. О.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗРАИЛЬ

Государство Израиль появилось на карте Ближнего Востока 14 мая 1948 г. По решению Генеральной Ассамблеи ООН, еврейскому государству отводилось 13 тысяч кв. километров.

Палестина, на части которой возник Израиль, с 1922 по 1948 г. была подмандатной территорией Англии и управлялась английским верховным комиссаром. Для укрепления своего господства в Палестине, английские колонизаторы умело использовали сионизм.

Как одна из форм крупной националистической еврейской идеологии сионизм возник в 80-х годах XIX в.

Всемирная сионистская организация, созданная в 1897 г. на конгрессе в Базеле (Швейцария), провозгласила своей целью переселение всех евреев, где бы они ни жили, в Палестину.

Выдвигая это требование, лидеры сионизма утверждали, будто евреи представляют некую единую нацию, несмотря на то, что разбросаны по различным странам, тесно связаны с окружающей их средой и говорят на различных языках. От этого положения вынуждены были отступить теперь сами руководители государства Израиль.

В предисловии к «Израильскому правительственному ежегоднику 1960-61 г.» премьер-министр Бен-Турион признает, что понятие «нация» нельзя распространять даже на евреев, живущих в Израиле. «Свыше миллиона иммигрантов, — пишет он, — поселились в новом Израиле; гораздо меньше половины прибыло из Европы и Америки, гораздо больше половины — из Азии и Африки. Они говорят на поразительной смеси языков; их культурный уровень, их обычаи резко отличаются друг от друга».

Еврейский народ в Израиле является нацией еще в потенции, а не в действительности. Иммигранты, прибывшие после возникновения государства, все еще не слились с новым образом жизни, экономикой, культурой.

Сионисты проповедовали, что «концентрация» всех евреев у горы Сион является якобы путем, притом единственным, решения еврейского национального вопроса и спасения от антисемитизма.

Характерно, что сама сионистская концепция происхождения антисемитизма основывается на неприкрытой расистской теории «избранных рас и народов».

Как утверждают сионистские идеологи, еврейский народ стоит выше всех других народов, является «народом, избранным Богом».

Истощенные призывы к евреям, проживающим в других странах, иммигрировать в Израиль, сионистские пропагандисты выдавали и выдают за заботу о евреях. Но жизнь показала, что сотни тысяч иммигрантов, приехавших на «обетованную землю» Палестины из стран Европы и стран Азии и Африки, оказались лицом к лицу с теми же жгучими проблемами, с которыми они сталкивались у себя на родине; с социальным неравенством, безработицей и нуждой.

В стране практикуется дискриминация не только арабского населения. Национальному гнету подвергаются разные группы евреев, в первую очередь, выходцы из стран Африки и Азии, которых презрительно называют в Израиле «черными» евреями.

Национальная программа сионистов проникнута шовинизмом. Палестина исторически была родиной двух народов — еврейского и арабского, причем на протяжении последних тринадцати веков арабы составляли подавляющее большинство населения страны.

До 636 года евреи также не составляли большинства населения этой территории, а по данным израильских источников, «были маленьким народом, вкрапленным в мозаику племен Среднего Востока». (А. Галин. Израиль — еврейское государство. Тель-Авив, 1958, стр. 10).

Сионисты же требовали создать в Палестине путем иммиграции еврейское большинство и провозгласить чисто еврейское государство. Подобная политика не могла осуществляться без поддержки какой-либо державы. Не удивительно, что сионисты с готовностью приняли в 1920 году английский мандат, включавший декларацию Бальфура с обязательством поддержать создание «еврейского национального очага» в Палестине.

Считается, что в те годы Англия, не желая допускать Францию в страны Среднего Востока, решила перехватить возможность такой же декларации о еврейском государстве со стороны Франции. Расчет Бальфура тогда оказался правильным. Французское влияние было отодвинуто на север — в Ливан и Сирию, подальше от нефти. Попытка Франции укрепиться в Ираке была не без участия Англии быстро ликвидирована.

Используя политику сионистов, Англия отвлекала национально-освободительное движение от его основной задачи — борьбы против империализма, переключая его на борьбу против сионизма. Но сотрудничество с сионистами было выгодно Англии только до определенного времени.

Волнения палестинских арабов в 1936-1939 годах, нашедшие широкий отклик во всех арабских странах, показали, что политика сотрудничества с сионизмом, укрепляя английские позиции в Палестине, подрывает их в других арабских странах и мешает налаживанию отношений с правящей верхушкой арабских стран.

Накануне второй мировой войны Англия в 1939 году сделала резкий поворот в своей палестинской политике, ограничила еврейскую иммиграцию и скупку земель сионистскими фондами.

Сионистское руководство уже в ходе второй мировой войны нашло себе нового покровителя — американские нефтяные монополии, которым, по выражению американского сенатора Эдвина Джонсона, «еврейская Палестина была нужна в качестве якоря и форпоста на Среднем Востоке».

Соединенным Штатам Америки нужно было найти послушное орудие на Арабском Востоке — в этом богатейшем нефтяном районе мира, и они нашли его в лице сионистской верхушки.

Государство Израиль было создано на основании решения Генеральной Ассамблеи ООН от 19 ноября 1947 года о разделе Палестины на два независимых государства — арабское и еврейское.

Если верить Бен Гуриону, создание государства Израиль «было обеспечено мессианским проведением пророков Израиля». Но если бы дело было в пророках и желаниях сионистов, то Палестина и по сей день, возможно, оставалась бы английской полуколонией.

Завоевание Палестины независимости было результатом общего подъема национально-освободительного движения, захлестнувшего весь Арабский Восток после окончания второй мировой войны.

Независимость Палестины завоевали арабские народные массы, развернувшие в 1945-1946 гг. успешную вооруженную борьбу против 100-тысячной английской армии. Но воспользовалась плодами этой победы сионистская верхушка, своевременно перехватившая руководство борьбой арабских и еврейских масс против английского мандата.

Арабо-израильская война 1948-1949 годов принесла победу израильской армии. Израильские войска в дополнение к территории, отведенной Израилю по плану раздела, захватили 6,7 тыс. кв. км, включая пустыню Негев, предназначавшуюся арабскому палестинскому государству. В результате Израиль клином врезался в Арабский Восток, отделив Египет от других арабских стран. Оставшуюся часть арабской Палестины оккупировал Арабский легион короля Иордании Абдуллы, а район Газы оказался под управлением Египта, хотя и не был включен в его состав.

Нападение на Египет в октябре 1956 года наглядно показало агрессивность внешнеполитического курса Израиля, его политику территориальных захватов.

Но идеи территориальной экспансии за счет арабских соседей чужды большей части израильского народа, уставшего от постоянного разжигания военного психоза и непосильного бремени милитаризации страны, превращенной правящими кругами в осажденную крепость на Арабском Востоке.

Причиной такой политики является зависимость Израиля от западных держав, прежде всего от США, которые превращают эту маленькую страну с двухмиллионным населением в послушное орудие давления на арабские страны. В основе военно-политической привязанности Израиля лежит непомерная экономическая зависимость от США.

Если рассеять туман сионистской фразеологии и пропаганды, окутывающей американо-израильские отношения, то неприглядная роль, отводимая Израилю Соединенными Штатами на Ближнем Востоке, сведется к формуле: охранять интересы американских концернов, прежде всего большой пятерки американских нефтяных монополий, опутавших своими шупальцами все арабские страны.

По секретному соглашению, заключенному с США в 1952 году, которое было впервые опубликовано в официальном органе газете «Решумот», лишь 25 мая 1961 г. израильское правительство обязалось предоставить военный и экономический потенциал Израиля в распоряжение Соединенных Штатов в случае локальной или мировой войны.

В результате войны 1967 года Израиль занял и продолжает оккупировать значительную часть территории трех арабских государств — Объединенной Арабской Республики, Иордании и Сирийской Арабской Республики. Общая площадь этих земель равняется 60 тысячам кв. километров. Она втрое превышает размеры самого Израиля в границах, установленных соглашением о перемирии 1949 г. и в четыре раза больше площади, отведенной для еврейского государства решением Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года.

Мероприятия, проводимые израильскими властями на оккупированных территориях, в настоящее время говорят о стремлении Тель-Авива закрепиться на этих землях. 29 февраля 1968 года министерство внутренних дел Израиля официально объявило, что Синайский полуостров, район Газы, западный берег реки Иордан и Голанские высоты отныне «не будут считаться территорией противника». Тем самым Израиль пытается превратить линию прекращения огня в свою государственную границу, стремится к аннексии территории арабских стран.

С этой целью Тель-Авив создает военизированные отряды израильских колонистов.

В Тель-Авиве вынашивались планы «экономического освоения» захваченных земель. Так, министерство сельского хозяйства Израиля в целях развития многоотраслевого хозяйства в районе Газы и западного берега Иордана разработало перспективный пятилетний план, в соответствии с которым, сельское хозяйство на этих землях будет служить источником сырья для экономики Израиля.

А. Морачевич
(«Русская Жизнь» 1968 г.)

ПРАВИТЕЛИ И ВЕЛЬМОЖИ СССР ПЕРЕД II МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

(Список составлен по данным следующих газет СССР: «Известия» от 8 апреля 1936 года; «Известия» от 11 июня 1936 года; «Известия» от 7 авг. 1936 г.).

Заместитель Сталина — Лазарь Моисеевич КАГАНОВИЧ.

Министр Иностранных дел — ФИНКЕЛЬШТЕЙН (Литвинов).

Внутренние дела — ГПУ — ЯНКЕЛЬ ЯГОДА.

Его заместитель — АГРАНОВ Яков Саулович.

Заместитель Верховного прокурора СССР и верховный прокурор
Красной Армии — РОЗОВСКИЙ.

Главное Управление Государственной Безопасности

Начальник Отдела хозяйства — МИРОНОВ Л. Г. — еврей
Начальник Особого отдела — ГАИ М. И — еврей
Начальник Заграничного отдела — СЛУЦКИЙ А. А. — еврей
Начальник Транспортного отдела — ШАНИН А. М. — еврей
Начальник Антирелигиозного отд. — ИОФФЕ И. Л. — еврей
Начальник Главного управления милиции —
ВЕЛЬСКИЙ Л. Н. — еврей
Начальник Главного управления внутренней безопасности —
МОГИЛЕВСКИЙ Б.И. — еврей

Главное Управление концентрационными лагерями и ссылными пунктами НКВД

Начальник Главного управления —
БЕРМАН Яков Моисеевич — еврей
Его заместитель — ФИРИН Самуил Яковлевич — еврей
Начальник концлагерей в Карелии —
КОГАН Самуил Львович — еврей
Начальник ГПУ Советской Украины —
КАЦНЕЛЬСОН С. Б. — еврей
Начальник концлагерей Северной области —
ФИНКЕЛЬШТЕЙН — еврей
Начальник лагерей Соловецких островов —
СЕРПУХОВСКИЙ — еврей
Начальники областей в Московском районе: РАППОРТ, АБРАМ
ПОЛЬСКИЙ, ФАЙВИЛОВИЧ, ЗЕЛЕГМАН, ШКЛЯР — все евреи

Комиссариат внутренней торговли

ВЕИЦЕР Израиль, Н. И., заместитель наркома внутренней
торговли СССР - еврей
ЛЕВЕНСОН Н. Н., заместитель наркома внутренней
торговли СССР — еврей
АРОНШТАМ Григорий Наумович, начальник государственной
торговой инспекции — еврей.
БЕДДЕСКИЙ Самуил Б., начальник государственной торговли
учебными пособиями — еврей
ВЕШНЕР Лаз. Абр., начальник гос. торговли галантереей — еврей
ГАПЕЛИН Изр. Е., начальник Свинтреста и московских
столовых — еврей
ГИТТИС Изр. Абр., начальник объединения московских
столовых — еврей
ГОЛЬДМАН Давид М., начальник объединения столовых
Донской области — еврей

ГОРДОН Лазарь Г., директор торговли промтоварами Московской области	— еврей
ГУРЕВИЧ Н. Г., нарком внутренней торговли Белоруссии	— еврей
ГУХМАН Солом. Исак., директор Мосторга	— еврей
ДАВИДСОН Вен. А., начальник главного управления аукционами	— еврей
ЗЕЛЕНСКИЙ Исак Абр., председатель кооперат. СССР и РСФСР	— еврей
ЗЮСМАН Г. А., начальник внутренней торговли Одесской обл.	— еврей
КАГАНОВИЧ Л. Н., начальник Киевского отд. Союзпродмаг	— еврей
КАПЛАН София, директор треста столовых в Москве	— еврейка
КРЕМИН Л. И., директор Белорусского треста торговли съестными припасами	• — еврей
НОДЕЛЬ Вольф. Абр., редактор газеты «Советская Торговля»	— еврей
СМОРГОНСКИЙ Ефим Мойс, начальник внутренней торговли в Баку	— еврей
ШАЛЯМЭИЗЕР Х. Л., директор городской торговли в Ростове-на-Дону	— еврей
ШИНКАРЕВСКИЙ Н. И., директор государственной торговли колониальными товарами	— еврей
ЭПШТЕЙН Мейер Самуил., начальник московского отд. внутренней торговли	— еврей

Промышленность, индустрия

КАГАНОВИЧ Мих. Мойс. заместитель наркома тяжелой промышленности	— еврей
РУХИМОВИЧ А. Д., начальник главного управления металлургии	— еврей
ГУРЕВИЧ А. Д., начальник главного управления металлургической промышленности	— еврей
КАГАН И. Б., начальник главного управл./ения угольной промышленности	— еврей
ИЗРАИЛОВИЧ А. И., начальник главного управления газовой промышленности	— еврей
ГИНОБУРГ С. С, начальник главного управления строительной промышленности	— еврей
ГАЛЬПЕРИН Э. И., главный инженер азотной промышленности	— еврей
БИТКЕР, Г. С, начальник главного управления резиновой промышленности	— еврей
БУСКИН Д. А., директор Челябинского тракторного завода	— еврей
ШМАН А. М., начальник главного управления вагоностроения	— еврей

АЛЬПЕРОВИЧ А. Н., начальник главного управления станкостроения	— еврей
ФИГАТНЕР И. Г., начальник рабочего сектора тяжелой промышленности	— еврей
ФАЙНБЕРГ В. Г. начальник главного управления строительства горнорабоч. машин	— еврей
КАГАН Б. Д., начальник треста «Продмашина»	— еврей
ФРУМКИН М. Л., начальник химического треста «Союзхимпластмасс»	— еврей
БИРЕНЦВЕИГ М. Д., начальник заграничного треста наркомата тяжелой промышленности	— еврей
ИЗРАИЛОВИЧ главный инженер строит, с.-хозяйств, маш.	— еврей
СЛУЦКИЙ С. Б., начальник Азербайджанского нефтекомбината	— еврей
РОЗЕНОЕР С. Л., начальник нефт. треста и газопром. в Грозном	— еврей
ФАЛЬКОВИЧ С. И., начальник машиностроительного завода в Крематорске	— еврей
ЛЕВЕНБЕРГ М. Г., главный инженер завода «Орджоникидзе»	— еврей
ШЕИМАН И. Б., директор паровозостроительного завода в Ворошиловграде	— еврей
ИЦКАХЕН И. И., директор турбогенераторного завода в Харькове	— еврей
ФРЕНКЕЛЬ А. М., директор алюминиевого комбината в Днепропетровске	— еврей
ЗЛОТЧЕВСКИЙ И. Е. директор Макеевского металлургического завода	— еврей
ГРАНБЕРГ Л. И., начальник мастерских завода «Дзержинский»	— еврей
РАВИКОВИЧ Е. М., начальник мастерских Тульского оружейного завода	— еврей
БРУСКИН, А., второй заместитель наркома тяжелой промышленности	— еврей

Народный комиссариат продовольствия

БЕЛЕНЬКИЙ М. Н., заместитель наркома продовольствия	— еврей
ДУКОР Г. И., начальник финансового отдела	— еврей
ШАГАН начальник планово-хозяйственного отдела	— еврей
СТРИКОВСКИЙ Л. С, начальник главного управления мясной промышленности	— еврей
ГИБЕР Б. В., начальник главного управления масловой промышленности	— еврей
БРОНШТЕЙН Г. А. начальник главного управления молочной промышленности	— еврей

МАРГОЛИН Г. С, начальник главного управления производства маргарина	— еврей
ГЛИНСКИЙ А. Л., начальник винокуренной промышленности	— еврей
ЗАВОДНИК И. С, начальник главного управления макаронной промышленности	— еврей
КИСИН А. А., начальник главного управления по выделке дрожжей	— еврей
ЗИМИН М. И., уполномоченный комиссариата продовольствия для Ленинграда	— еврей
НИКОЛАЕВСКИЙ Л. С, уполномоченный комиссариата продовольствия на Украине	— еврей
БРЕЙТМАН А. С, управляющий украинским консервным трестом	— еврей

Народный комиссариат обороны

ГАМАРНИК Янгель, глава политического контроля вооруженных сил	— еврей
ШИФРИС А. Л., начальник военно-интендантской академии	— еврей
ШТЕРН Г, И., особоуполномоченный военного комиссара	— еврей
ГЕККЕР С. А., начальник отдела иностранных сношений в военном комиссариате	— еврей
КАЗАНСКИЙ Е. С, начальник главного управления мобилизации РККА	— еврей
ФИШМАР Я. М., начальник химического управления РККА	— еврей
АШЛЕЙ П. М., начальник финансового управления РККА	— еврей
РОГОВСКИЙ Н. И., начальник военно-хозяйственного управления РККА	— еврей
ЛАНДА М. М., главный редактор газеты «Красная Звезда»	— еврей
ТУРОВСКИЙ С. Я., начальник политуправления воздушных сил	— еврей
ГЕРМАНОВИЧ, М. Я., заместитель начальника политчасти Северо-Кавказского Военного Округа	— еврей
УРИЦКИЙ С. Б., начальник политотдела Закавказского Военного Округа	— еврей
ТАЙРОВ Г. А., начальник политчасти Сибирского Военного Округа	— еврей
АРОНШТАМ Л. Н., начальник политчасти Дальне-Восточной армии	— еврей
РАБИНОВИЧ (Гришин) А. С. начальник политчасти Балтийского флота	— еврей

Внешняя торговля СССР

РОЗЕНГОЛЬЦ, А. П., нарком внешней торговли СССР	— еврей:
---	----------

При нем, согласно сообщению «Известий» от 8 мая 1936 г., образован «совещательный комитет», в который вошли как члены 34 еврея. Главнейшие из них:

БАРИТ Я. М., главный бухгалтер комиссариата внешней торговли	— еврей
ГЕНДИН Я. М., начальник управления импорта Внешторга	— еврей
ТАЙЦ М. И., начальник планового сектора Внешторга	— еврей
РАБИНОВИЧ Ф. Я., начальник экспортного управления Внешторга	— еврей
ИЕВИН М. И., начальник сектора торгпредств при Внешторге	— еврей

Список этот далеко не полный. Можно привести целый легион представителей правящего класса СССР — евреев, которыми были не только наполнены, но и переполнены все учреждения СССР.

Хотя в моей книге «Евреи в России и в СССР» приведено немало разных списков и данных о племенном составе тех, кто правил в СССР (каждый раз с указанием источников), привожу еще и этот список (как отдельное приложение) в надежде, что г. Райе, назвавший мое утверждение, что евреи 30 лет были «правлящим классом» в СССР, «явной нелепостью и чудовищной клеветой», прочитав и этот список и его проверив, убедится, что «явной нелепостью» является не мое утверждение, а его, Раиса, возражение на мое утверждение.

Полезно будет и г. Гольдштейну, **клеветнически утверждающему, что «списками меня снабдила советская охранка»**, убедиться, что и без содействия охранки можно составить списки его единоплеменников, поведение и действия которых вызвали резко отрицательное отношение к евреям в СССР. Мне не нужна для этого никакая «охранка» — нужно было только прочитать несколько номеров советских газет тех времен, когда единоплеменники Гольдштейна правили Россией.

Полагаю, что не без интереса этот список прочитают как те, кто читал мою книгу «Евреи в России и в СССР», так и те, кто с ее содержанием не знаком.

В наше время, когда со всех сторон слышатся обвинения нас, русских, в том, что мы во все времена и при всех режимах «угнетали и притесняли» евреев, живших на русской земле — одним только этим списком можно опровергнуть все эти обвинения, а **обвиняющих называть клеветниками**, имея для этого полное основание. Опровергнуть же и оспорить точность этого списка никто не сможет...

Из этих соображений я и счел нужным поместить этот список в «Русско-Еврейском Диалоге».

Кроме того, как приложение II, помещаю и еще один «список», озаглавленный «Литературные псевдонимы». Список этот напечатан в

книге «Русский антисемитизм и евреи», вышедшей в Лондоне, в 1968 году, в издательстве «Флегон Пресс». Книга (сборник) составлена двумя евреями — Флегонем и Наумовым и вся проникнута острой ненавистью к русскому народу, по мнению авторов, «угнетающему и преследуемому» народ еврейский.

САМЫЙ КРОВАВЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИИ

Пятьдесят лет достижений советской власти

Данные проф. И. А. Курганова

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ (в круглых цифрах)

Гражданская война в России (1917-1921)	3.000.000
Война против Финляндии (1918)	50.000
» » Балтийских стран(1918-1919)	110.000
» »> Польши (1920)	600.000
» » Грузии(1921-1922)	20.000
» » Японии(1928-1931)	30.000
» » Польши (1939)	3.000
» » Финляндии (1939)	400.000
Вторая мировая война (по свидетельству Хрущева)	20.000.000
Красный террор (1917-1923):	
академики, профессора, писатели,	
художники, учителя, студенты	160.000
чиновники, офицеры, фабриканты, торговцы	170.000
полицейские и жандармы	50.000
духовенство	40.000
крестьяне и рабочие	1.300.000
Вторая волна чекистского террора (1923-1930)	2.000.000
Первый голод (1921 -1922)	6.000.000
Второй голод (1930-1933)	7.000.000
Убитые «кулаки»	750.000
Третья волна чекистского террора (1933-1937)	160.000
Ежовщина (1937-1938):	
интеллигенция, рабочие, крестьяне	635.000
члены коммунистической партии	340.000
чистка красной армии	30.000
Предвоенные и послевоенные годы (1937-1947)	2.700.000
Находились в концентрационных лагерях и, если	
не погибли от непосильного труда, издевательств	
и голода, то были обречены на верное умирание	
после освобождения	20.000.000
Всего из-за советской власти население России	
уменьшилось на	67.558.000

Примечание: От 1918 до 1948 года евреи были правящим классом СССР, занимая ключевые посты во всех областях жизни страны.

УБИЙСТВО БЕЗ ЕДИНОГО ВЫСТРЕЛА

*Каганович, самым подлый
Красный сталинский нарком
В тридцать третий год голодный
Украинцев ел живьем.*

*Целых восемь миллионов
Умертвил своих рабов,
Без попов, крестов, без звонов
Их зарыли без гробов...*

*Опустел и край казачий,
Заросли травой поля,
Над станицей ворон кричат.
Зажурились тополя...*

*Все забрали: плуг и скрюню,
Свиту, сало и плоды.
Превратили край в пустыню
Комиссары и жида.*

*Жизни нет на этом свете.
Но сказать не можешь вслух.
Всюду жид расставил сети.
Тело спутали и дух.*

*Всюду ходит агент красный
Невидимкою, живой,
И страшится раб несчастный
Хама с дьявольской душой.*

*Воздух нюхают, собаки.
Где услышат русский дух,
Гонят жертвы в буераки —
Ликвидируют, как мух.*

*Уничтожили все группы
Остальных рабов — в колхоз...
Трупы, трупы, трупы, трупы...
Жаль погибших... Жаль до слез...*

Колгоспник с Украины

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПСЕВДОНИМЫ *

Во всех странах есть люди, которые предпочитают писать под псевдонимом. Так было и будет. Например, вместо Покровский — Медынский, вместо Рабинович — Шолом-Алейхем. Но когда в советской молдавской республике еврейское имя Векслер превращается в чисто молдавское Влэстару, в русской республике еврейское имя Рабинович превращается в русское Волынский, когда такие псевдонимы вынуждены взять почти все писатели с еврейскими именами, что вовсе не

Напечатано в книге «Русский антисемитизм и евреи». Изд-во «Флсгон Пресс». Лондон, 1968.

осязательно для других писателей, то здесь идет речь не о литературе, а о социальном неравноправии, о борьбе за существование, вкратце — о советском антисемитизме.

Ниже приводится неполный список советских писателей еврейского происхождения с соответствующими псевдонимами.

<u>Псевдоним</u>	<u>Настоящее имя</u>	<u>Адрес</u>
Адалис	Эфрон Аделина Ефимовна, поэт, прозаик, переводчик	Москва, ул. Б. Хмельницкого. Старосадский пер., д. 4/5, кв. 37.
Алешин С.	Котляр Самуил Иосифович, драматург	Москва Д-319, 2-я Аэро-портовская ул. д. 7-15. кв. 78
Анненков Ю.	Анненков-Солитерман Юлий Лазаревич	Москва К-6, ул. Медведева, д. 8, кв. 11.
Арго	Гольденберг Абрам Маркович, поэт, драматург, переводчик	Москва, Арбат, д. 54, кв. 105.
Арсенева Клара	Арсеньева-Букштейн Клара Соломоновна, поэт	Москва, ул. Кирова, д. 15, кв. 33.
Белов А.	Элинсон Авраам Моисеевич, прозаик, переводчик	Ленинград П-47, Морской проспект, д. 37, кв. 31.
Буркатов Б.	Гольдштейн Борис Абрамович, критик	Украинская ССР, Киев, пер. Коцюбинского, д. 3/17, кв. 6.
Былинов	Бейлинов Александр Иосифович, прозаик	Украинская ССР, Днепропетровск, ул. 40 лет Октября, д. 1, кв. 3.
Бытовой Семен	Каган Семен Михайлович, поэт, очеркист	Ленинград,
Важдаев В.	Рубинштейн Виктор Моисеевич, прозаик	Москва, Ломоносовский просп., д. 15, кв. 45.
Вендров Натан	Файвелевич Моисей Павлович, литературовед, критик	Москва, Тихвинский пер., д. 10/12, кв. 67.
Вендров З.	Вендровский Давид Ефимович, прозаик, переводчик	Москва Г-19, ул. Фрунзе, д. 13, кв. 53.
Влэстару Б.	Векслер Борис Мошкович, прозаик, очеркист	Молдавская ССР, Кишинев, Костюженское шоссе, д. 7.
Володин А.	Лившиц Александр Моисеевич, драматург, прозаик	Ленинград, ул. Рубинштейна, д. 20, кв. 31.
Вольнский	Рабинович Леонид Наумович, прозаик	Украинская ССР, Киев, ААА-ло-Васильковск. ул., д. 23, кв. 12.
Галанов Б.	Галантер Борис Ефимович, критик	Москва, Ломоносовский просп., д. 19, кв. 48.
Галич	Гинзбург А. А. драматург	Москва, 2-я Аэропортовская ул., д. 7-15, кв. 37.
Галь Нора	Гальперина Элеонора Яковлевна, критик, переводчик	Москва, Варсанофьевский пер., д. 7, кв. 14.

Гарф А.	Глрфункель Анна Львовна, прозаик	Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 14, кв. 12.
Големба Александр	Рапопорт Александр Соломонович, переводчик	Москва, Трубниковский пер., д. 24, кв. 22.
Гор Геннадий	Гор [далией Самуилович, прозаик	Ленинград, Канал Грибоедова, д. 9, кв. 51.
Гроссман Василий Семенович	Гроссман Иосиф Соломонович, прозаик	Москва, Беговая ул., д. 1 А, корпус 31, кв. 1.
Давурин Д.	Урин Давид Исаакович, прозаик, драматург	Москва. Кутузовский проспект, д. 14, кв. 16.
Давыдов И.	Шейнберг Давид Исаакович, прозаик	Тюмень, в.и. Республики, д. 58, кв. 10.
Давыдов Л.	Ломберг Лев Давидович, прозаик	Москва. Ново-Сушевская ст., д. 17, кв. 5.
Давыдов Сергей	Давидович Спартак Давидович	Ленинград, ул. Куйбышева, д. 19, кв. 8.
Дар Д.	Рыбкин Давид Яковлевич, прозаик, драматург!	Ленинград, Марсово Поле, д. 7, кв. 4
Дворецкий Игнатий	Дворецкий Израиль Моисеевич	Иркутск. VТ. Освобождения, д. 129.
ДелануЛивну	Ригман Лейба Самуилович, поэт, драматург	Кишинев, ул. 28 Июня, д. 40.
Днепров В.	Резник Вольф	Ленинград, канал Грибоедова, д. 9, кв. 88.
Ермашев И.	Иерухимович Исаак Израидевич, очеркист, прозаик	Москва, М. Толмачевский пер., д. G/7, кв. 34,
Жестев Мих.	Левпнсон Марк Ильич, прозаик, очеркист	Ленинград, канал Грибоедова, д. 9, кв. 48
Знаменский В.	Ззрохович Яков Абрамович, прозаик	Калининград. Зоологическим пер., д. 6, кв. 4.
Заречная	Кочановская Софья Абрамовна, прозаик	Москва, \л. Чехова, д. 8, кв. 15.
Званцев Сергей	Шамкович Александр Исаакович	Ростов-на-Дону. ул. Суворова, д. 18, кв. 11.
Зив Ольга	Вихман Ольга Максимовна, прозаик	Москва. 2-я Аэропортская ул., д. 7-15, кв. 54.
Зорин Михаил	Симхович Михаил Израидевич. прозаик, критик	Рига. ул. Ленина, д. 66, кв. 15.
Кленов Андрей	Купершток Аарин Ильич	Москва, 2-я Аэропортская ул., д. 7-15, кв. 66.
Кондря Константин	Коп Калман Абрамович	Кишинев. \7(. Ленина, д. Gtj, кв. 162.
Кучар Алесь	Кечар Айзик Авелевич, к и тик. драматург	Минск, ул. Яна Куналы. д. 18/30, кв. 87.
Лаврецкий А.	Френкель Иосиф Моисеевич, литературовед, критик	Москва, 1-я Черемушкинская, д. 4/34, корпус Б, кв. 11.

Ланской М.	Либенсон Марк Зосимович, прозаик-драматург, очеркист	Ленинград, Серпуховская ул., д. 2, кв. 24.
Максимов М.	Липович Марк Давидович, поэт	Москва, 2-я Хорошевская ул., д. 10, корпус 124, кв. 94.
Метелица Семен	Ицкович Соломон Борисович, прозаик, поэт	Улан-Уде, ул. Куйбышева, д. 21.
Нагорный С.	Вайсбейн Семен Григорьевич, прозаик	Москва, 2-я Аэропортская ул., д. 7-15, кв. 44.
Нальский Я.	Нудель Яков Исаакович, прозаик литературовед	Душанбе, проезд Куйбышева, д. 6, кв. 3.
Нович Иоан Савельевич	Файнштейн, литературовед, критик	Москва, проезд МХАТа, д. 2, кв. 42.
Огнецвет	Каган Эди Семеновна, поэт	Минск, проспект Сталина, д. 39, кв. 5.
Озеров Лев	Гольдберг Лев Айзикович, поэт	Москва, 2-я Аэропортская ул., д. 7-15, кв. 128.
Пархомов М.	Клигерман Михаил Ноевич, прозаик	Киев, Красноармейская ул., д. 7/9, кв. 7.
Перов Г.	Перпер Григорий Самуилович, переводчик, поэт	Кишинев, ул. Пирогова, д. 58.
Рабий Барбу	Рабинович Бахур Хилелович, критик, поэт	Кишинев, Башевска ул., д. 12, кв. 4.
Рагволина Ида	Литвакова Юдифь Марковна, прозаик, критик	Москва, 1-я улица Строителей, д. 4, корпус. 7.
Рунин Б.	Рубинштейн Борис Михайлович	Москва, Стретенка, Просвирин пер., д. 7, кв. 9.
Самойлов Д.	Кауфман Давид Самуилович, поэт	Москва, площадь Борьбы, д. 15, кв. 49.
Самойлов	Фарфель Соломон Шмулевич, очеркист	Ленинград, Марсово Поле, д. 7, кв. 53.
Снегов Сергей	Штейн Сергей Иисофович, прозаик	Калининград, Красная ул., д. 36, кв. 7.
Танк Евг.	Канторович Евгений, очеркист, переводчик	Ленинград, Суворовский проспект, д. 30/9, кв. 22.
Тонин Ю.	Эшман Юлий Аронович, прозаик	Ленинград, Мойка, д. 40, кв. 3.
Феличев Е.	Фельдман Ефим Абрамович, драматург	Москва, Филипповский переулок., д. 16, кв. 8.
Шляху Самсон	Шлейзер Самсон Гершович, прозаик	Кишинев, ул. Ленина, д. 34.

Примечание: Приведенный выше список авторы сборника «Русский антисемитизм и евреи» назвали неполным.

Действительно, он неполный — в нем отсутствует множество евреев, пишущих и писавших под псевдонимами, скрывающими их еврейское происхождение.

Например: «Кольцов», «Никулин», «Богданов». «Казак», «Некрасов», «Квитка» и много других.

Утверждение о **вынужденности** скрывать свое еврейское происхождение путем принятия псевдонима чисто русского трудно принять и с ним согласиться, зная, что целый ряд евреев, не прибегая к псевдонимам, преуспевали и преуспевают в СССР, и их произведения печатались и печатаются на государственный счет и по сей день. Например: Эренбург, Маршак, Пастернак, Вера Инбер (сестра Троицкого). Бабель, Гинзбург, М. Гольдштейн и много других.

То же самое явление наблюдается и в эмиграции. В то время, когда ряд евреев, пишущих по-русски, не скрываются за чисто русскими псевдонимами, как, например, Вейнбаум, Шварц, Шуб, Марголин и другие — мы видим и превращение Левина — в «Далина», Гуревича — в «Двннова». Ландау — в «Алдайова», Якова Цвибака — в «Андрея Седых»...

Чем это объяснить — не знаю.. Что **принудило** Цвибака превратиться в «Седых» — не понимаю.

Не понимаю также, из каких соображений в сборнике «Русский антисемитизм и евреи» помещен приведенный выше список.

Андрей Дикий

НОВЫЕ КНИГИ О «СТАРОМ ВОПРОСЕ» (К «РУССКО-ЕВРЕЙСКОМУ ДИАЛОГУ»)

В конце 1968 года вышли из печати и поступили в продажу две книги, каждая из которых касается «старого» вопроса о русско-еврейском взаимоотношениях, освещающая его как с русской, так и с еврейской точки зрения. Вопрос этот стал особенно актуальным после последней войны, после которой евреи в СССР утратили свое привилегированное положение и, недовольные этой переменой, занялись клеветой и наветами на русский народ.

Одна из книг — это «**В круге первом**» А. Солженицына, широко рекламируемая во всем мире. Другая — «**Русский антисемитизм и евреи**» — произведение двух евреев, выехавших из СССР и занявшихся распространением клеветы на русский народ.

В процессе «Русско-еврейского диалога», который вскоре выйдет отдельным изданием, позволяя себе занять внимание читателей краткими данными о содержании этих двух книг.

А. СОЛЖЕНИЦЫН О «ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ» В СССР

Выражение «правлящий класс», который я употребил в своей книге «Евреи в России и в СССР», описывая роль еврейской этнической группы в первые 30 лет советской власти, вызвало резкую реакцию некоторых русско-еврейских журналистов, назвавших это утверждение «**чудовищной клеветой и явной нелепостью**», как это написал г. Райе на страницах журнала «Часовой» № 501, 1968 г.

На это писание г. Райса я соответствующим образом и ответил г. Раису на страницах того же журнала в № 508.

А несколько месяцев спустя этот же вопрос затронул и известный писатель А. Солженицын в своей книге «В круге первом», получившей мировое признание и переведенной на многие иностранные языки.

В главе: «Космополит безродный» мы находим следующие строки:

«Ведь в революцию и еще долго после нее слово «еврей» было благонадежнее, чем — «русский». Русского еще проверяли дальше: а кто были родители?, на какие доходы жили до 1917 г.? — Еврея не надо было проверять: **евреи были все поголовно за революцию**, избавившую их от погромов, от черты оседлости.

И вот... бич гонителя израильтян, незаметно, скрываясь за второстепенными лицами, принимал Иосиф Сталин.

Когда группу людей травят за то, что они были раньше притесняемыми, или членами касты, или за их политические взгляды, или за круг знакомств — всегда есть разумное (или псевдоумное?) обоснование. Всегда знаешь, что ты сам выбрал свой жребий, что ты мог и не быть в этой группе. Но национальность?

(Внутренний ночной собеседник тут возразил Ройтману: но социальное происхождение тоже не выбирали? А за него гнали).

Нет, главная обида для Ройтмана в том, что ты от души хочешь быть **своим**, таким, как все, — а тебя не хотят, отталкивают, говорят: Ты — чужой. Ты — неприкаянный. Ты — жид» (стр. 466 и 467).

Так описывает А. Солженицын ночные размышления Адама Вениаминовича Ройтмана, майора МГБ, лауреата сталинской премии, принадлежавшего к высшим слоям «правлящего класса» в 1948 году. Размышления эти были вызваны известием о появлении не только в разговорах, но и в печати вопроса о «космополитах безродных» и о их праве принимать активное участие в жизни страны и занимать руководящие положения.

И Ройтман начинает вспоминать свою прошлую жизнь и деятельность... «Чем он был занят все эти годы? Интригами. Борьбой за первенство в институте. С группой друзей они делали все, чтобы опорочить и столкнуть Яконова, считая, что он заслоняет их своею маститостью, апломбом и получает сталинскую премию единолично. Пользуясь, что у Яконова подточенное прошлое и поэтому в партию его не принимали, как он ни бился, «молодые» вели атаку через партийные собрания — ставили там его отчет, потом просили его уйти, или тут же, при нем («голосуют только члены партии»), обсуждали и выносили резолюцию. И всегда Яконов по партийным резолюциям оказывался виноват. Ройтману минутами даже было жалко его. Но не было другого выхода...

И как все враждебно обернулось! В своей травле Яконова «молодые» и думать забыли, что среди них пятерых — четыре еврея. Сейчас Яконов с каждой трибуны не устает напоминать, что космополитизм — злейший враг социалистического отечества». («В круге первом», стр. 468.)

Дальше Солженицын описывает воспоминания Ройтмана о временах, когда Ройтман был еще мальчишкой-пионером:

«Двенадцатилетний Адам в пионерском галстуке, благородно-оскорбленный, с дрожью в голосе стоял перед общешкольным пионерским собранием — и обвинял, и требовал изгнать из юных пионеров и из советской школы — агента классового врага. Выступали и до него, и после него — Митька Штительман, Мишка Люксембург, и все они избличали соученика своего Олега Рождественского в антисемитизме, в посещении церкви, в чуждом классовом происхождении, и бросали на подсудимого, трясущегося мальчика, уничтожающие взоры.

Кончались двадцатые годы; мальчики еще жили политикой, стенгазетами, самоуправлением, диспутами. Город был южный, евреев было с половиною группы. Хотя были мальчики сыновьями юристов, зубных врачей, а то и мелких торговцев, — все себя остервенело-убежденно считали пролетариями.

Олег, бледный, худенький, первый ученик в классе, избегал всяких речей о политике, явно нехотя вступил в пионеры. Мальчики-энтузиасты заподозрили в нем чуждый элемент. Следили за ним, ловили. Однажды Олег попался, сказал: «Каждый человек имеет право говорить все, что он думает». «Как — все?» — подскочил к нему Штительман. — Вот Никола меня назвал «жидовской мордой» — так это можно?» — «Говорить, — не уступал Олег, поводя узкой шейкой, — говорить каждый имеет право, что хочет...»

Из того и начато было на Олега дело. Нашлись друзья-доносчики, Шурик Буриков и Шурик Ворожбит, которые видели, как виновник входил с матерью в церковь и как он пришел один раз в школу с крестиком на шее.

Начались собрания, заседания учкома, группкома, пионерские сборы, линейки — и всюду выступали двенадцатилетние Робеспьеры и клеймили перед ученической массой пособника антисемитов и проводника религиозного опиума, который две недели уже не ел от страха, скрывая дома, что исключен из пионеров и скоро будет исключен из школы...

Адам Ройтман не был там заводилой, его втянули — но даже и сейчас мерзким стыдом залились его щеки.

Кольцо обид! Кольцо обид!.. И нет из него выхода, как нет выхода из тажбы с Яконовым...

С кого начать исправлять мир?.. С других... Или с себя?

(Страницы 470 и 471 «В круге первом» А. Солженицын.)

Приведенные выше выдержки из книги, переведенной на многие языки, являются драгоценным материалом для опровержения клеветы на русский народ в «угнетении и преследовании» евреев, о чем не перестает трубить печать всего «свободного мира». А кроме того, дает

правдивую картину того отрезка истории, когда израильтяне превращались в «правящий» класс в СССР и описывает, как это произошло.

Узнать это будет не бесполезно всему миру, а его политическим деятелям в особенности.

Почти одновременно с книгой Солженицына, выдержки из которой приведены выше, вышла и книга «Русский антисемитизм и евреи», составленная двумя евреями, «выбравшими свободу» и занявшимися издательской деятельностью в Лондоне.

В этой книге-сборнике его составители, Наумов и Флегон, не жалеют черных красок, описывая «преследование» евреев в СССР, анализируя «глубокие лабиринты русской души» и страдания евреев в результате «русского антисемитизма».

Призывая весь мир «спасти» евреев, авторы сборника сочли нужным поместить такое стихотворение:

*«Мы часто плачем, слишком часто стонем.
Но наш народ, огонь прошедший, чист.
Недаром слово «ЖИД» всегда синоним
С большим, великим- словом «КОММУНИСТ».*

Как это стихотворение согласовать с «антикоммунизмом» составителей сборника — непонятно. А сами они не сочли нужным это разъяснить подробнее. Зато они сочли нужным и возможным в своем сборнике напечатать следующее: «Несмотря на ярко выраженный антисемитизм сталинского периода, несмотря на почти поголовное истребление еврейских писателей, актеров, деятелей культуры, несмотря на закрытие еврейского театра в Москве, на закрытие еврейских школ, издательства «Дер Эмес» и одноименной газеты, хотя это был самый настоящий коммунистический официоз, несмотря на отказ Сталина признать евреев нацией на основании того, что евреи не подходили под его определение нации, состоящее из трех пунктов: наличие **общего языка, территории и исторического прошлого** (евреи признавались лишь «национальностью») — несмотря на все это, **многие молились, чтобы Сталин остался жив, так как по опыту знали, что любое ослабление власти означает резню евреев. Мы хорошо чувствовали хулиганские настроения «братских народов» по отношению к нам.**

Иностранцы и даже западные евреи не в состоянии понять, о чем идет речь. Они спрашивают: чем евреи в Союзе недовольны? И требуют ясно сформулированного ответа, как статью закона. Они не понимают, что антисемитизм в Союзе переживается эмоционально больше, чем физически, что это больше дело моральных травм, чем физических ушибов.

Иностранцы читают Достоевского и утверждают, что благодаря ему они в состоянии понять русскую душу. Но Достоевский не осветил

одну, весьма существенную, сторону русской души, одно существенное обстоятельство, которое заставляет евреев всегда быть настороже, так как эта сторона неизменно направлена против них. **В огромных глубинах душевных лабиринтов русской души обязательно сидит погромщик. Большое ли он занимает место или маленькое — дело индивидуальное, но факт его существования остается фактом.**

Достоевский проник в самые глубокие лабиринты русской души, однако везде он побывать не успел. **В некоторых темных ее углах сидит антисемит и погромщик. Сидит, временами притаившись, а временами выходя наружу во всем своем обличье. Сидит там также раб и хулиган. О рабской натуре русской души мало писали, ошеломленные всем треском русских военных побед и примерами храбрости... Однако я знаю, что такое русский характер на практике. А это проявляется в принципе: «Сильного бойся, а слабого бей»** (стр. 50 и 51. «Русский антисемитизм и евреи». Лондон. 1968 год).

Полагаю, что приведенных выдержек из этого творчества «антикоммунистов», выехавших из СССР и подвигающихся сейчас в Лондоне, достаточно, чтобы составить впечатление и обо всей книге, выдержанной в том же духе.

Почти год прошел со дня появления в продаже этой книги, но, насколько мне известно, о ее содержании нигде никто не высказался на страницах эмигрантской антикоммунистической печати всех направлений: ни русские, ни многочисленные евреи, сотрудничающие в газетах и журналах, выходящих на русском языке вне СССР. Почему? В чем дело? — возникают оправданные вопросы.

А что бы было, если бы русские антикоммунисты выпустили и начали распространять книгу о «лабиринтах еврейской души» и исследовать, что сидит в «темных углах этих лабиринтов»?.. Не завопил бы весь мир на всех языках мира о том, что все русские «хулиганы и погромщики»? А мы?.. Молчим, не реагируем... Не из страха ли, что выступление может быть сочтено за «антиамериканскую деятельность»? Или за проявление «антисемитизма»?..

Неплохо бы было, чтобы те организации, которые много говорят о своих возможностях пересылать литературу в СССР, послали туда для ознакомления и осведомления всего населения СССР, что пишут о русском народе те евреи, которые получили бесплатное образование, а потом, по их словам, «выбрали свободу», объявили себя «антикоммунистами» и занялись распространением клеветы на русский народ. Тот народ, кровью которого во время последней войны были спасены от поголовного уничтожения все евреи всего мира.

Что это? Благодарность за спасение?..

Андрей Дикий

(«Русская Жизнь» — 12 марта 1969 г.)

О ГЛУБИНАХ ЛАБИРИНТОВ РУССКОЙ ДУШИ

В книге «Русский антисемитизм и евреи», вышедшей в Лондоне в 1968 году, напечатано исследование о «лабиринтах русской души», в котором утверждается, что в этих лабиринтах «сидит погромщик, раб и хулиган».

Какими методами исследования это установлено — не сообщается.

Прошло больше года после появления этой книги, но, насколько мне известно, никаких откликов в периодической печати общероссийской эмиграции всех направлений не было. Значит ли это, что русские согласны с утверждением, что в нашей душе «сидит погромщик, раб и хулиган»? Или причины молчания какие-либо другие? Это остается невыясненным.

Исходя из положения, что характер народа, а следовательно, и всех лабиринтов его души, вернее всего определяется внутренним обликом его народных героев, прославляемых в народном эпосе и исторических преданиях, попробуем и мы — русские — заглянуть в «глубины лабиринтов еврейской души».

Материала для этого имеется больше чем достаточно: в Библии, которая весьма подробно описывает деяния своих народных героев — пророков, судей и царей народа израильского, равно как и отдельных представителей избранного народа, прославляемых и до настоящего времени.

Начнем с праотца Авраама. Библия подробно описывает, как Авраам выдал свою жену Сару как сестру и получил от фараона, взявшего ее в наложницы, богатые дары. Когда фараон, обнаруживший обман, вернул Аврааму его жену, он не потребовал возвращения даров, и Авраам все полученное в результате обмана унес с собой. Благочестивый Лот, племянник праотца Авраама, как повествует Библия, за свое благочестие был спасен при уничтожении Содома и Гоморры, городов, погрязших в грехах. А после спасения, напившись пьян, «оплодотворил» двоих своих собственных дочерей, которые его напоили пьяным. От этого пьяного кровосмешения произошли два народа: аммонитяне и маавитяне.

Моисей, который вывел евреев из Египта, совершил следующее: «внушил народу (тайно), чтобы выпросили каждый у ближнего своего, и каждая женщина у ближней своей вещи серебряных и вещи золотых. (Исход, гл. 11-2).

«И сделали сыны Израилевы по слову Моисея, и просили у египтян вещи серебряных и вещи золотых, и одежд». (Исход, гл. 12, 35).

«Господь дал милость народу в глазах египтян, и они дали ему: и обобрал он египтян». (Исход, гл. 12, 36).

Таким образом израильтяне обобрали своих соседей, знакомых и друзей-египтян, которые ссужали израильтянам свои вещи на время богомолья в пустыне (см. Исход, гл. 5, 1-3), уверенные, что приятели-

богомольцы вернутся. Но израильтяне брали чужие вещи, зная, что уходят навсегда.

При исходе из Египта вышло 625 тысяч мужчин старше 20 лет. Примерно столько же было и женщин. Всего, с детьми, вышло около трех миллионов евреев. А прошло за 400 лет до исхода с праотцем Иаковом всего 70 мужских душ, по данным Библии. Примерно (с женщинами и детьми) около 350 душ.

Такой стремительный рост числа евреев в Египте дает основание предполагать, что жизнь их там не была такой невыносимо тяжелой, как описывает Библия.

А то обстоятельство, что они при выходе смогли получить займы золотые и серебряные вещи, свидетельствует о том, что они поддерживали добрые отношения с зажиточными египтянами, которые вряд ли общались с рабами и вряд ли бы дали займы золотые и серебряные вещи.

Так или иначе, но несомненно одно — евреям удалось обобрать поверивших им египтян, о чем сами евреи в своей Библии сообщают весьма подробно и такого рода действия не только не порицают, но всячески одобряют.

Эта определенно мошенническая проделка не только Моисея, но и всех евреев, поступивших по его совету и указанию, в античном мире не была забыта и ставилась евреям в вину много столетий спустя. Это видно из того, что еврейский трагический поэт Езекиль, живший во II веке до Р. Х., нашел нужным защищать своих единоплеменников в предпасхальном мошенничестве. Похищенные (при исходе из Египта) драгоценности — плата за тяжелые строительные работы, которые еврейский народ принужден был выполнять в течение многих лет без всякого вознаграждения. Так говорит Езекиль.

Характерно, что эта определенно мошенническая операция подробно описывается в Библии, а те, кто были совершителями и подстрекателями на это недостойное дело, не только оправдываются, но и прославляются.

Какой же отсюда можно сделать вывод о «лабиринтах еврейской души», если этим вопросом заняться, как евреи в названной выше книге занимаются исследованием «лабиринтов русской души» и утверждают, что в этих лабиринтах сидят «погромщик, раб и хулиган»?..

Кроме праотца Авраама, праведного Лота и пророка Моисея, деяния которых приведены выше, Библия описывает еще много «деяний» сынов Израиля, которыми евреи гордятся и их восхваляют. А не-евреи могут судить о еврейском миропонимании и правосознании. Приведем несколько из многочисленных случаев, характеризующих духовный облик тех, кого евреи прославляют и по сей день.

Иаков, как повествует Библия (Бытия, гл. 27), воспользовавшись голодным состоянием своего добродушного старшего брата Исава, купил себе за чечевичную похлебку право первородства. А затем, не очень, по-видимому, полагаясь на эту сомнительную продажу, ловко надул престарелого своего отца, почти слепого, назвался Исавом и по-

лучил отцовское благословение, предназначавшееся не ему, а старшему брату. Характерно, что Библия не осудила этот гнусный поступок и спокойно приняла событие к сведению: раз удачно выкрал у отца благословение — значит, благословенным стал Иаков и его потомство, а не обкраденный старший брат Исав.

Затем Иаков бежал к своему дяде Лавану, там женился на его дочери и прожил там 20 лет, хитро и ловко надувая своего тестя и дядю при дележе приплода скота. Подробно эти махинации изложены в Библии (Бытие, гл. 30, 31-43).

Описывает Библия и разбойное нападение и погром, учиненный Иаковом над жителями города Сихем (Бытие, гл. 34). Дело было так. Сын сихемского князя Эмора воспылал любовью к дочери Иакова Дине и пожелал взять ее в жены. Иаков согласился, но поставил условие, чтобы все сихемцы совершили обрезание. Желавшие с израильтянами слиться и составить единый народ сихемцы согласились. Когда на третий день после обрезания все сихемцы были больны, израильтяне на них напали, перебили поголовно всех мужчин, полонили женщин и детей и дочиста ограбили город.

После погрома в Сихеме Иакову пришлось из тех мест уходить из опасения мести жителей других городов — единоплеменников сихемцев. Но никто не решился Иакова преследовать. Библия об этом событии пишет: «И был ужас Божий на городах, которые вокруг них, и не преследовали сыновей Иаковлевых» (Бытие, гл. 35, 5).

Судия Самуил, помазавший на царство Саула, лишил его своего доверия и покровительства после того, как Саул, перебивший и уничтоживший всех амаликитян, не казнил их царя Агага. Самуил собственноручно «рассек его перед Господом», о чем повествуется в «Первой книге царств», гл. 15, 33.

А пророк Илия заколол 450 жрецов Бааловых (Третья книга царств, гл. 18, 40).

Царь Саул потребовал от будущего царя Давида сто краеобрезаний филистимлян как свадебный дар в день свадьбы Давида с дочерью Саула Мелхолой.

Давид принес Саулу не сто, а двести. Причем всю эту операцию над 200 филистимлянами провел в их стране, не оставив никаких следов, по которым можно было догадаться, кто это совершил. Уничтожались не только обрезанные филистимляне, но и все то, что бы могло навести на след израильтян, которые под командой Давида производили обрезания. Женщины, мулы, ослы, даже собаки — все уничтожалось без пощады и следа.

Библия этот эпизод описывает так: «Еще не прошли назначенные дни, как Давид встал и пошел сам, и люди его с ним, и убили двести филистимлян, и принес Давид краеобрезания их и представил их в полном числе царю, чтобы сделаться зятем царя. И выдал Саул за него Мелхолу, дочь свою, в замужество. (Первая Книга Царств, гл. 18, стр. 27.)

Еще одно из многочисленных деяний «кроткого» Давида. Во второй книге Царств, в гл. 8, ст. 2 мы читаем: «Поразил маовитян и, положив всех на землю, измерил веревкой и две части из них отмерил на убие-ние, а одну полную часть оставил в живых. И стали маовитяне рабами, платящими дань».

А в главе 12 ст. 31 той же книги повествуется: «Народ же, бывший там, он вывел и присудил к пилам, к железным молотилам и к желез-ным секирам и ввергал их печь для обжигания кирпичей. Так поступил он со всеми городами амонитян. Затем возвратился Давид и весь народ в Иерусалим».

Когда Давиду приглянулась жена одного из его военачальников, Давид послал его на войну, отдав распоряжения, чтобы была создана такая обстановка в битве, в которой этот военачальник неизбежно должен погибнуть. Все было выполнено по плану. Муж погиб, а его вдова сделалась наложницей царя Давида. В псалмах, написанных ца-рем Давидом, мы читаем следующие строки: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» (Псалом 136, стих 9).

Что можно сказать об авторе этих строк и народе, его воспевающим и прославляющим, как «кроткого» своего царя?

Еще один пример из Библии. Излюбленный герой, народа израиль-ского Самсон, женившись на филистимлянке, устроил свадебный пир, на котором сам предложил гостям загадку. Если гости ее разгадают, Самсон обязался дать отгадавшему 30 пар одежды, а если не отгадают — такое же количество дают гости. Новобрачная — филистимлянка помогла своим сородичам разгадать загадку. Самсон пошел в Аекалон, убил там 30 человек и, сняв с них одежды, отдал их разгадавшим загад-ку. Подробно это деяние Самсона описано в Библии (Книга Судей, гл. 14, 19). Но ни слова осуждения такого способа приобретения одежд в Библии читатель не найдет.

Массовое уничтожение потенциальных врагов, которые еще ниче-го не совершили, но, по мнению евреев, «мыслили им зло», подробно описано в Библии в книге Эсфирь. А подстрекатели и вдохновители этого массового убийства — Эсфирь, наложница персидского царя, и ее дядя Мардохей и по сей день прославляются евреями как еврейские национальные герои и к их памятникам (находящимся в Персии) со-вершаются паломничества.

Повсеместный кровавый погром, учиненный евреями над персами, был проведен организованно во всем государстве в 13-й день месяца Адара и было убито 75 000 персов, без всякого суда и следствия и толь-ко подозреваемых евреями в отрицательном отношении к «избранно-му» народу. Библия об этом пишет так: «И избивали иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с непри-ятелем своим по своей воле» («Эсфирь», гл. 9, 5).

В память этой кровавой бойни, по распоряжению той же царской наложницы Эсфири, евреи установили праздник «Пурим» — день *пир-шества* и веселья. В этот день каждый добрый еврей должен напиток

до того, чтобы «не мог различить Амана от Мардохея». Пурим празднуется и по сей день во всем мире, как праздник радости и веселья.

Во всем Нью-Йорке к этому дню можно увидеть в кондитерских и булочных небольшие треугольники с повидлом, называемые «Аманово ухо». Это в память того Амана, персидского сановника, который, по словам Библии, замыслил «зло» против евреев.

Приведенные выше примеры взяты из Библии, истории еврейского племени, а потому из них, без боязни впасть в ошибку, можно делать выводы о том, какие деяния и поступки евреями восхваляются и прославляются, а, следовательно, и о «глубинах лабиринтов еврейской души». Об их правосознании и миропонимании, чуждым и непонятным для народов, среди которых евреи живут, а потому порождающим конфликты между евреями всей диаспоры и коренным населением стран рассеяния.

Конфликты были и до Христа, и в странах христианской культуры. Не значит ли это, что все утверждения о роли христианской церкви в деле создания антиеврейских настроений не выдерживают никакой критики? Не значит ли, что причина конфликтов лежит в чем-то другом? Не правы ли еврей Спиноза и англичанин Тойнби, утверждающие, что юдофобия появляется там, где появляются евреи?..

На протяжении всей трехтысячелетней истории еврейского народа, всегда пребывавшего в рассеянии, конфликты эти и отталкивание от евреев коренного населения стран их пребывания были постоянным явлением. Иногда они разгорались и принимали острые формы, иногда затихали, но никогда не исчезали совершенно.

Не отрицая наличие этого отталкивания и конфликтов, евреи все объясняют особенностями тех народов, среди которых они жили в рассеянии, и соответствующей пропагандой, не допуская даже мысли, что причиной отталкивания может быть нечто, что евреи несут с собой и что неотделимо от еврейского племени.

Не-евреи объясняют это отталкивание и извечный конфликт между евреями и всеми другими народами особенностями духовного облика евреев.

О духовном облике евреев можно судить из их истории — Библии — и деяний и лиц, евреями прославляемых. Некоторые данные об этих деяниях приведены выше.

Об отношении к евреям крупнейших и известнейших представителей других народов в разные эпохи приводим их высказывания по этому вопросу, которые были напечатаны в одном журнале в США в 1961 году.

МНЕНИЯ О ЕВРЕЯХ (всемирно известных людей)

1. Жорж Вашингтон. (1-й президент США, род. 22 февраля 1732 г., ум. 14 декабря 1799 г.). В его книге «Максимы Вашингтона» о евреях написано:

«Весьма прискорбно, что ни одно государство, более старое, чем это, не смирило их, как чуму обгчества и величайших врагов его, присутствием которых осчастливлена Америка».

2. Марк Цицерон. (Римский оратор, род. в 106 г., умер в 43-м году до Р.Х.).

«Евреи принадлежат к темной и отталкивающей силе. Кто знает, как многочисленна эта клика, как они держатся вместе и какую мощь они могут проявлять благодаря своей спаянности».

3. Сикул Диодор. (Греческий историк, род. в 30 г. до Р.Х. Умер в 20 г. по Р.Х.).

«Друзья короля Антиоха Сирийского (который правил с 223 до 187 года до Р.Х.) посоветовали ему изгнать евреев, которые не пожелают смешиваться с другими и считать таковых своими врагами».

4. Люций. Сенека (Римский философ, род. в 4 г. до Р.Х., умер в 65 г. после Р.Х.).

«Этот народ — чума (евреи) сумел приобрести такое влияние, что нам — победителям диктует свои законы».

5. Тацит. (Римский историк, род. в 55 г. после Р.Х., умер в 122 г. после Р.Х.).

«Евреи считают осквернительным все то, что является святым для нас».

(Взято из М. Кармоли — «Биография евреев во **Франции**», стр. 2).

6. Марий Юстиниан, (св. Юстиниан. Римский философ. 100-165 г. после Р.Х.).

«Евреи всегда были за спиной христианских преследований. Они путешествовали по стране, всюду ненавидя и подкапывая устои христианской веры».

7. Гунтрам. (Король франков, род. в 525 г., а умер в 593 году после Р.Х.).

«Да будет проклят этот дьявольский и вероломный еврейский народ, который живет только обманами. Сегодня они прославляют меня только для того, чтобы отстроить их синагогу, которая была разрушена христианами. Этого, разумеется, я не буду делать, ибо Господь запрещает мне».

8. Магомет. (Основатель магометанства. 570-632 г. по Р.Х.).

«Это непостижимо мне, что до сих пор никто не изгнал этих скотов, дыхание которых подобно смерти. Не уничтожит ли каждый диких зверей, пожирающих людей, даже если они сами имеют человеческий

облик? Являются ли евреи кем-либо другим, кроме пожирателей людей?»

(Взято из Корана).

9. св. Фома Аквинский. (философ, род. В 1225 г., умер в 1274 году).

«Евреям не должно быть дозволено иметь то, что они приобрели путем ростовщичества от других. Было бы лучше, если бы они работали, дабы честно зарабатывать на жизнь, ибо от ничегонеделания они становятся более корыстолюбивы».

10. Аббат Тритгайм Вюрцбургский (1462-1516 г.).

«Ясно, что отталкивание от еврейского ростовщичества развивается сверху и снизу. Я одобряю законные методы ограждения людей от эксплуатации еврейского ростовщичества и обмана. Возможно ли, чтобы иностранные пришельцы правили нами не благодаря своей силе мужества или возвышенным добродетелям, но только посредством своих жалких денег? Смее ли этот народ безнаказанно жиреть за счет пота крестьян и мастеровых?»

11. Эразм Роттердамский. (Дезидериус Эразмус, голл. ученый, 1468-1536 гг.).

«Что за грабеж и угнетение, творимые евреями, над бедными, которые дальше не могут этого переносить... Помилуй их Боже! Еврейские ростовщики быстро пускают корни даже в маленьких деревнях, и, если они одалживают пять флоринов, то требуют залог в шесть раз больше. С процентов они взимают проценты и со всего этого еще раз проценты, так что бедный теряет все, что он имел».

12. Мартин Лютер. (Церковный реформатор. 1483-1546 гг.).

«Страстное желание кричащих сердец евреев уповают на тот день, когда они смогут обращаться с нами, как они действовали во времена Эсфири в Персии. И как евреям близка книга Эсфирь, которая оправдывает их кровожадность, мстительность и аппетиты разбойничьих надежд! Никогда солнце не светило народу, более кровожадному и мстительному, который лелеет идею уничтожения и удушения иноверцев».

«Никто из других людей под солнцем не является таким жадным, как они, которые есть и будут жадными, на что указывает их проклятое Богом ростовщичество. Они утешают себя тем, что, когда придет Мессия, то он соберет и разделит золото и серебро всего мира между ними».

«Должны быть уничтожены их молитвенники и книги Талмуда, которые учат их безбожию, лжи, кощунству. Молодым евреям и евреикам следует дать мотыги, секиры, лопаты, прялки, веретена, чтобы они зарабатывали свой хлеб в поте лица».

«Князья и законодатели сидят и похрапывают своими открытыми ртами и дают возможность евреям брать, красть, грабить, что им угодно из их открытых кошельков и сундуков. Да, это так! Они позволяют еврейскому ростовщичеству все у них высасывать и снимать с себя

шкуру. Они превращают себя в попрошайки за свои же собственные деньги. Евреи забирают наши деньги и имущество, делаются хозяевами нашей собственной страны».

(Взято из «Произведений Лютера», изд. Эрланген. Том 32).

13. Джордано Бруно. (Итал. ученый и философ. 1548-1600 гг.).

«Евреи являются зачумленной, прокаженной и опасной расой, которая заслуживает искоренения со дня ее зарождения».

(Взято из произв. Спаццио. 1888 г. том. 2, стр. 500).

14. Папа Климент VIII. (Глава Кат. Церкви с 1592-1605 гг.).

«Весь мир страдает от ростовщичества евреев, их монополии и надувательств. Они кинули много несчастных людей в состояние нищеты, особенно крестьян, рабочих и бедняков».

«Теперь, как и раньше, евреям надо напомнить, что они пользуются правами хозяев в любой стране».

«Избранным народом нации являются настоящие жители данной страны и члены другой, иммигрирующей, расы или нации в такой стране должны быть рассматриваемы, как пользующиеся только правами гостей. Правовые и законодательные установления учреждаются гражданами данной страны, но не кучкой иностранцев, которые оказались оснащенными чудовищными дозами лени и бедным словарем, движимые сильными страстями и парой жадных глаз».

15. Петр Великий. (Русский император. 1672-1725 гг.).

«Я предпочитаю видеть в моей стране магометан и язычников, нежели евреев. Последние являются обманщиками и мошенниками. Они не получают разрешения поселиться и устраивать свои дела. Несмотря на мои распоряжения, они стараются осуществить это подкупом моих чиновников с целью стать равноправными».

16. Жан Франсуа Вольтер. (Французский писатель. 1694-1778 гг.).

«Евреи являются ничем иным, как презираемым и варварским народом, который на протяжении длительного времени сочетал отвратительное корыстолюбие с ужасным предрассудком и неугасаемой ненавистью к народам, которые их терпят и на которых они обогащаются».

«Маленькая еврейская нация смеет показывать непримиримую ненависть к собственности других народов; они пресмыкаются, когда их постигает неудача, и высокомерничают при процветании дел».

17. Бенджамин Франклин. (Американский ученый и государственный деятель. 1706-1790 гг.).

«Где бы ни было, в стране, где поселяются евреи, независимо от их количества, они понижают ее мораль, коммерческую честность, изолируют себя и не поддаются ассимиляции. Они высмеивают христианскую религию, стараясь ее подорвать, строят государства в государстве и в случае оппозиции к ним, стремятся смертельно задуть страну в финансовом отношении».

«Если мы путем Конституции не исключим их из Соединенных Штатов, то менее чем через двести лет они ринутся в большом количе-

стве, возьмут верх, проглотят страну и изменят форму нашего правления. Если вы не исключите их, то менее чем через двести лет наши потомки будут работать на полях, держа их, в то время, как они будут потирать руки в своих конторах. Я предупреждаю вас, джентльмены, если вы не исключите евреев навсегда, то ваши дети будут проклинать вас в ваших могилах. Евреи, джентльмены, являются азиатами, они не могут быть никогда другими».

18. Фридрих Великий. (Король Пруссии. 1712-1786 гг.).

«Правители не должны выпускать из поля зрения евреев, предотвращать их проникновение в оптовую торговлю, следить за ростом их населения и лишать их возможности где бы то ни было замышлять нечестивые деяния. Ничто так не ущемляет торговцев, как та недозволенная прибыль, которую делают евреи».

19. Мария-Терезия. (Австрийская императрица. 1717-1780 гг.).

«Впредь ни один еврей, независимо от того, кто он такой, не будет оставаться здесь без моего письменного разрешения. Я не знаю никакой другой злополучной чумы внутри страны, как эта раса, которая разоряет народ хитростью, ростовщицеством, одалживанием денег и занимается делами, отталкивающими честных людей. Следовательно, по возможности, они будут перемещены и изгнаны отсюда».

20. Елизавета Петровна. (Русская императрица. 1709-1761 гг.).

«Евреи существуют в различных частях России. От этих ненавистников Христа мы не можем ожидать ничего хорошего. В связи с этим обстоятельством, я издаю следующий приказ: все евреи, мужчины и женщины, независимо от их положения и богатства, со всем их имуществом должны немедленно убраться за пределы границы. От этих врагов Христа я не хочу иметь никакой прибыли».

21. Эдуард Гиббон. (Английский историк. 1737-1794 гг.).

«Евреи показали животную ненависть против Римской Империи, которую они разрушали постоянно неистовыми убийствами и мятежами. Человечество содрогается при пересказывании этих отвратительных варварств».

22. Наполеон Бонапарт. (Император Франции. 1769-1821 гг.).

«Евреев нужно рассматривать как нацию, но не как религиозную группу. Они являются нацией в середине нации. Я бы хотел на определенное время лишить их права выдавать займы под заклад, потому что слишком унижительно для французского народа быть обязанным этой низкой нации. Собственность целых деревень грабится евреями, они восстановили крепостничество; они являются настоящими стаями воронов. Нищета, вызываемая евреями, не исходит от одного индивидуального еврея, но является сущностью всего этого народа. Они, как гусеницы или саранча, которые поедают Францию».

«Я решил исправить евреев, но я не хочу их иметь больше, чем их есть в моем государстве. Я делаю все, чтобы доказать мое презрение к этой подлейшей нации мира».

«Евреи являются нацией, способной к самым ужасным преступлениям. Я хотел сделать из них нацию граждан, но они негодны ни к чему, кроме торговли подержанным добром. Я был вынужден провозгласить закон против них за их ростовщичество, и крестьяне Эльзаса передали мне свои благодарности». (Из апрельской сессии Сената. 1806 года).

23. Николай I. (Русский Император. 1796-1855 г.).

«Главной причиной разорения крестьян являются евреи, которые по значимости являются вторыми после землевладельцев; своим уменьем они эксплуатируют несчастное население. Они являются здесь всем: торговцами, подрядчиками, держателями кабаков, мельниками, поставщиками, ремесленниками и т. д. Они настолько хитры в обманывании людей, что предоставляют деньги наперед за не посеянные хлеба и удешевляют цены на урожай перед тем, как поля еще не убраны. Они обыкновенные пиявки, которые высасывают все и полностью истощают области».

23. Фридрих Геббель. (Немецкий поэт. 1831-1863 гг.).

«Эмансипация евреев на условиях, которые они сами предлагают, в ходе истории приведет к кризису, когда христианам нужно будет эмансипироваться».

24. Крюгер. (Президент Трансвааля. 1825-1904 гг.).

«Если бы можно было сбросить с шеи нации еврейских монополистов, не вызвав войну с Великобританией, — проблема мира в южной Африке была бы решена».

25. Гедьмут фон Мольтке. (Немецкий генерал и стратег. 1800-1891 гг.).

«Евреи образуют свое общество и, подчиняясь собственным законам, умеют обходить законы страны, их приютившей».

«При расследовании краж, редко еврей не бывает замешан или как сообщник, или как укрыватель краденного».

«Для накопления богатства для них все средства хороши. В войне 1812 года евреи были шпионами у обеих сторон, предавая при этом каждую из них».

26. Франц Лист. (Венгерский композитор. 1811-1886 гг.).

«В час опасности для страны еврей, открывая или закрывая свою кошель, способен или ее поддержать или содействовать ее поражению».

«Настанет момент, когда все христианские нации, среди которых живут евреи, поставят вопрос, терпеть ли их дальше или депортировать. И этот вопрос по своему значению так же важен, как вопрос о том, хотим ли мы жизнь или смерть, здоровье или болезнь, социальный покой или постоянное волнение».

27. Кн. Мобучум Окума. (японский ученый, род. 1871 г.).

«Евреи во всем мире разрушают патриотизм и здоровые основы государства».

28. Эрнст Ренан. (Французский ориенталист и историк. 1823-1892 гг.).

«В восточной Европе еврей подобен раку, медленно въедающемуся в самое тело другой нации. Эксплуатация других людей — это его цель. Эгоизм и отсутствие личного мужества — его главная характеристика; самопожертвование и патриотизм, вместе взятые, совершенно чужды ему».

29. Джан Ф. Хайлан. (Бывший мэр г. Нью-Йорка, род. в 1868 г.).

В своей речи 26 марта 1922 года он сказал: «Настоящая угроза нашему государству в невидимом правительстве, которое, подобно гигантскому спуту, простирает свои щупальца над нашим городом, штатом и нацией. Во главе этого спуту стоит маленькая группа банкирских домов, которая обычно называется как «интернациональные банкиры». Эта небольшая артерия могущественных интернациональных банкиров на самом деле управляет нашим правительством в своих эгоистических целях».

30. Ньюдигейт. (Член английской Палаты Представителей). Из речи 22 марта 1858 г.

«Я не верю, что еврей может быть хорошим членом Палаты Представителей, ибо он прямой последователь Талмуда, тенденции которого аморальны, антисоциальны и антинациональны».

«Евреи прямо и косвенно вызывают агитации и революции. Они способствовали разорению и нищете подобных им творений безнравственными и лукавыми уловками. Причина ненависти к ним лежит в характере иудаизма, который объединяет своих приверженцев на аморальных основах».

31. Лорд Харрингтон. (Член английской Палаты Лордов). Из речи 12 июля 1858 г.

«Я возражаю против допущения евреев, ибо они великие денежные заимодавцы во всем мире. Им безразлично, поддерживают ли они плохие или хорошие дела. Вследствие этого нации мира стонут от непосильно тяжелой системы налогов и национальных долгов. Они являются всегда величайшими врагами свободы».

32. Генри Форд. (Американский автопромышленник и писатель 1863-1947 гг.). В «Нью-Йорк Таймсе» 8 марта 1925 г. писал следующее:

«Подвергните контролю 50 более богатых еврейских финансистов, которые творят войну для собственных прибылей, — и войны будут упразднены».

33. Вильгельм И. (Император Германии).

«Сионисты не являются прямой угрозой Турции, но евреи — это повсеместная чума, от которой мы хотели бы освободиться».

(Источник — «Дневник». Т. Герцль).

34. Чарльз И. Хьюз. (Государств. Секретарь США). 19 июня 1922 г. сказал:

«Народ не может выносить мудрое суждение без надлежащей информации. И проблема в том, как его осведомлять. Соприкасаясь с проблемой развития здорового общественного мнения, главное понимание всегда должно быть в том, что дезинформация является врагом общества, злейшим, нежели все конспирации, которых обычно боятся».

35. Джек Коннер. (Бывший консул США в Петербурге).

«Предоставьте иудаизму взять верх, неисчислимую власть, финансовую выгоду — и перед вами предстанет разоблаченный убийца, деспот, Шейлок, неумолимый и беспощадный, как смерть сама по себе».

(Из его книги «Христос не был евреем». Нью-Йорк. 1936 г.).

36. Уинстон Черчилль. (Английский государственный деятель).
В Палате Представителей 5 ноября 1919 г. сказал следующее:

«Нет надобности преувеличивать роль, сыгранную в создании большевизма и подлинного участия в русской революции, интернациональных евреев-атеистов. Более того, главное вдохновение и движущая сила исходят от еврейских вождей. В советских учреждениях преобладание евреев более чем удивительно. И главная часть в проведении системы террора учрежденного Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, была осуществлена евреями и, в некоторых случаях, еврейками. Такая же дьявольская известность была достигнута евреями в период террора, когда Венгрией правил Бэла Кун».

37. Джемс Джерард (Бывший посол США в Германии).

«Как друг еврейской расы, я хочу констатировать, что, если американским народом овладеет убеждение, что еврейская раса и коммунизм тождественны, то возможен погром в США, по сравнению с которыми царские погромы будут выглядеть маленьким парадом».

(«Нью-Йорк Тайме». 8 октября 1938 года).

Примечание. Все вышеизложенное переведено из № 29 газеты «Тандерболт». Май 1961 года.

(Газета издается в г. Бирмингем, шт. Алабама).

«The Thunderbolt».

P. O. Box 783.

Birmingham, Alabama.

Editor: Dr. Edward R. Fields

Андрей Иванович Дикий.
ЕВРЕИ В РОССИИ И В СССР

Культурно-просветительское предприятие «Благовест»
Подписано к печати 14.03.2005. Сдано в печать 14.03.2005.

Формат 60x90/16. Объем 38 п. л.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз.

Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Заказ № 9071.

Отпечатано в ОАО «Советская Сибирь»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Перед вами совершенно уникальная книга, написанная русским белым эмигрантом. В ней объективно и непредвзято рассматривается «еврейский вопрос» с древнейших времен до середины 1960-х годов. Автор собрал огромный фактический материал, предоставляя слово как евреям, так и не евреям.

Особое внимание уделено периоду неслыханного за всю историю человечества превращению незначительного, всего четырех-процентного еврейского меньшинства, к тому же частично ограниченного в правах, в правящий класс, заполнивший чуть ли не все руководящие посты во всех отраслях жизни России-СССР.

Немалую ценность представляют приведенные в книге данные о руководстве русских газет и революционных партий в дореволюционной России, а также списки правящей элиты СССР, включая ответственных работников ОГПУ-НКВД, дипломатического корпуса, союза воинствующих безбожников и др.

СОЛОМОН ЛУРЬЕ

«Причину антисемитизма следует искать в самих евреях»

СОЛОМОН ШВАРЦ

«Русский не скажет еврею того, что скажет русский русскому»

МАРК ВИШНЯК

«Боязливые и двоядушные – евреи и не евреи – рекомендуют об этом не говорить из опасения, что разговоры о дискриминации и диффамации по мотивам религии, расы, цвета кожи только способствуют усилению самой диффамации и дискриминации...»

ISBN 586117014-2

9 785861 170147

БЛАТОВЕСТ